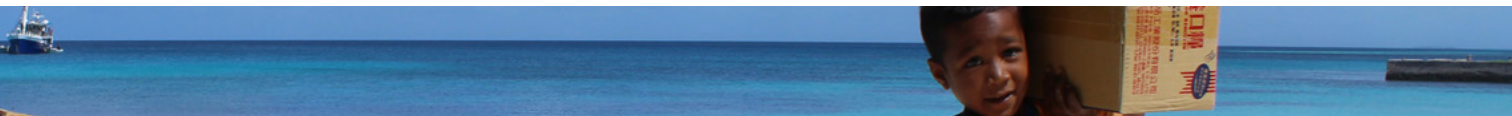

ДОКЛАД О МИГРАЦИИ В МИРЕ 2020

Мнения, выраженные в настоящем докладе, представляют собой точку зрения авторов и не обязательно отражают взгляды Международной организации по миграции (МОМ). Употребляемые обозначения и изложение материала в настоящем докладе не означают выражения со стороны МОМ какого бы то ни было мнения относительно правового статуса той или иной страны, территории, города или района или их властей или относительно делимитации их границ.

МОМ придерживается принципа, согласно которому гуманная и упорядоченная миграция приносит пользу и мигрантам, и обществу. В качестве межправительственной организации МОМ совместно со своими партнерами по международному сообществу осуществляет деятельность, направленную на: оказание помощи в решении оперативных задач в области миграции; разъяснение проблем, связанных с миграцией; поощрение социального и экономического развития посредством миграции; и обеспечение уважения человеческого достоинства и благополучия мигрантов.

Настоящий флагманский Доклад о миграции в мире был подготовлен в соответствии с экологической политикой МОМ и доступен только онлайн. Печатные экземпляры не были выпущены для снижения воздействия бумаги, печати и транспорта на окружающую среду. Доклад доступен для бесплатной загрузки по адресу www.iom.int/wmr.

Издатель: Международная организация по миграции
17 route des Morillons
P.O. Box 17 1211 Geneva 19 Switzerland
Тел.: +41 22 717 9111
Факс: +41 22 798 6150
Электронная почта: hq@iom.int
Веб-сайт: www.iom.int

ISBN 978-92-9068-880-8 (PDF)

Фотографии на обложке

Верхняя: Дети с острова Таро переносят менее тяжелые грузы с продовольственной помощью, доставленные МОМ при финансировании ЮСАИД и транспортной поддержке со стороны Организации Объединенных Наций. © МОМ 2013/Джо ЛОУРИ

Средняя: Рисовые поля в южной части Бангладеш. © МОМ 2016/ Аманда НЕРО

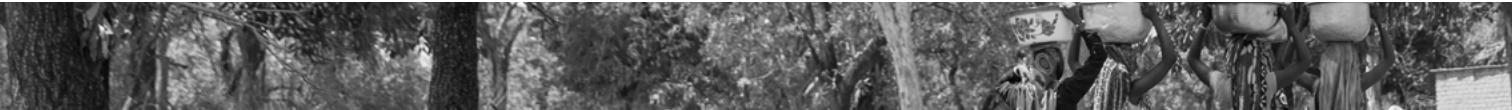
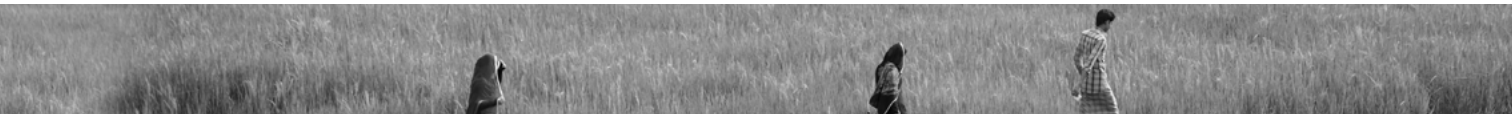
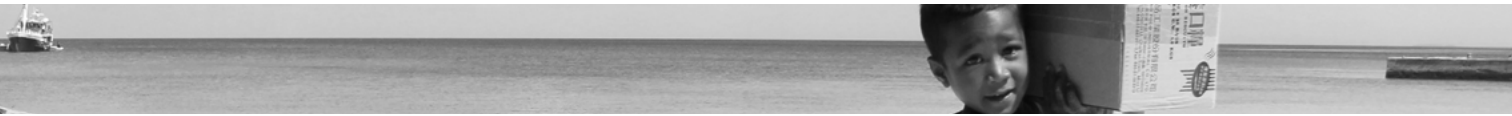
Нижняя: Деревня Феррик-Ибет, Чад. © МОМ 2018/Аманда НЕРО

© 2020 год, Международная организация по миграции (МОМ)

Все права сохранены. Никакая часть настоящей публикации не может воспроизводиться, закладываться в поисковую систему или передаваться в любой форме или любыми средствами, включая электронные, механические, фотокопировальные, записывающие или иные средства, без получения предварительного письменного разрешения от издателя.

ДОКЛАД О МИГРАЦИИ В МИРЕ 2020

Этот труд является плодом самого тесного сотрудничества между большим количеством партнеров и соавторов, работавших под руководством редакторов. Работа над проектом «*Доклад о миграции в мире 2020*», начатая в мае 2018 года, увенчалась представлением доклада Генеральным директором на 110-й сессии Совета МОМ в ноябре 2019 года.

Изложенные в докладе выводы, толкования, заключения и рекомендации не обязательно отражают мнения МОМ или ее государств-членов.

Употребляемые обозначения и изложение материала в настоящем докладе не означают выражения со стороны МОМ какого бы то ни было мнения относительно правового статуса той или иной страны, территории, города, района или их властей или относительно делимитации их границ.

Были предприняты все разумные усилия для обеспечения точности данных, приведенных в настоящем докладе, в том числе путем перепроверки данных. Вместе с тем, к нашему сожалению, в данных могут сохраняться определенные погрешности. Если не указано иное, в докладе не упоминаются данные или события, имевшие место после июня 2019 года.

Описание сюжетов, запечатленных на фотографиях, содержится на странице v.

Редакторы, рецензенты и издательская группа

Редакторы	Мари Маколифф (МОМ) и Бинод Хадрия (Университет Джавахарлала Неру)
Рецензенты МОМ	Ева Акерман Борье, Лаура Бартолини, Мариана Бехеран, Элизабет Коллетт, Джилл Хелке, Мануэль Хофф, Дина Ионеско, Мишель Кляйн Соломон, Джобст Келер, Лаура Лунгаротти, Кьяра Милано, Дарья Мохначева, Мирела Шутерики, Джаспер Тяден, Мариам Траоре Шазальноэль и Жаклин Уикерс
Академические рецензенты	Маруджа Асис, Йорген Карлинг, Стивен Каслс, Ховард Дункан, Джибрил Фаал, Элизабет Феррис, Франсуа Жемен, Ян Голдин, Сакико Канбара, Сьюзан Мартин, Марко Педротти, Мартин Рухс, Нандо Сигона, Рональд Скелдон, Фелисити Томас, Анна Триандафиллиду и Кэти Циммерман
Технический редактор	Валери Хаггер
Администрация проекта	Фрэнсис Солинап и Аурели Бен Габриэль
Корректор	Майкл Гибсон
Макет доклада	Рамир Ресинто
Исследовательская группа МОМ	Мари Маколифф, Селин Болоз, Адриан Китимбо, Мишель Нгуен (часть проекта), Адам Сойер (часть проекта), Софи Ку (часть проекта)

Выражение благодарности

Редакторы выражают глубокую благодарность авторам тематических глав, а также всем рецензентам из числа сотрудников МОМ и из академических кругов, которые представили конструктивные отзывы о проектах глав. Мы особенно благодарны Генеральному директору МОМ Антониу Виторину и членам старшего руководящего звена МОМ, которые поддержали подготовку этого Доклада о миграции в мире, включая Лауру Томпсон, Эудженио Амбрози, Джилл Хелке, Мишель Кляйн Соломон и Клариссу Азкул. Мы также хотим выразить признательность правительствам Швейцарии и Германии за их финансовый вклад. Дополнительное финансирование для поддержки переводов было получено от правительства Швейцарии, правительства Канады, организации «США для МОМ», регионального отделения МОМ для Южной Америки и регионального отделения МОМ для Центральной и Северной Америки и Карибского бассейна.

Мы хотели бы с благодарностью отметить вклад в составление доклада следующих соавторов: Идил Атак (*Интернэшнл джорнал оф майгрейшн энд бордер стадиз*), Винсента Читейла (*Рефьюджи серверй квортерли*), Говарда Дункана (*Интернэшнл майгрейшн*), Алэна Гамлена (*Майгрейшн стадиз*), Дональда Кервина (*Джорнал он майгрейшн энд хьюман секьюрити*), Эммануэля Ма Мунга и Вероник Пети (*Ревю*

эропееен дэ миграсьон энтернасьональ), Анны Триандафиллиду (*Джорнал оф иммигрант энд рефьюджи стадиз*), Джейми Уиндерс, Питера Бевеландера, Синтии Фелисиано, Филиз Гарип и Мэтью Холла (*Интернэшнл майгрейшн ревью*), Росса Чейни (Всемирный экономический форум), Ханны Каддик и Эми Лич (Институт по вопросам развития зарубежных стран), Роберта Макмэхона (Совет по международным отношениям), Джейсона Населли и Алэна Филипса (Чатем-Хаус), Хоми Хараса, Дани Бахара и Меррелл Так-Примдал (Брукингский институт).

Авторский коллектив

Глава 1. Обзор доклада: панорама миграции и мобильности в период растущей неопределенности Авторы: Мари Маколифф и Бинод Хадрия

Научные ассистенты: Адриан Китимбо и Берти Олинто

Глава 2. Миграция и мигранты: глобальный обзор

Основные соавторы: Мари Маколифф, Селин Болоз, Мишель Нгуен и Софи Ку

Научные ассистенты и другие соавторы: Джулиана Клатт, Адам Сойер, Адриан Китимбо, Решма Мэтьюз, Кейт Дирден, Тристан О'Ши, Ноэль Дарбеллай, Сара Найт, Мухаммад Ризки и Клер Гале-Дави

Глава 3. Миграция и мигранты: региональные аспекты и изменения

Основные соавторы: Мари Маколифф, Адриан Китимбо, Ги Абель, Адам Сойер и Джулиана Клатт

Научные ассистенты и другие соавторы: Берти Олинто, Решма Мэтьюз, Александер Догген, Дамьен Жюсельм, Элис Кимани, Лиза Лим Ах Кен, Руди Максвальд, Кристина Межо, Люси Бертиль Мотюен, Софи Нонненмахер, Софиан Оурет, Амр Таха, Езекиль Тексидо, Марико Томияма, Лаура Нистри, Алина Клэр и Ева Понс

Глава 4. Исследования и аналитические материалы по вопросам миграции: рост, охват и последние публикации

Основные соавторы: Мари Маколифф, Селин Болоз и Мишель Нгуен

Научные ассистенты и другие соавторы: Мари Мандлер, Идил Атак (*Интернэшнл джорнал оф майгрейшн энд бордер стадиз*), Винсент Читейл (*Рефьюджи сервей квортерли*), Говард Дункан (*Интернэшнл майгрейшн*), Алэн Гамлен (*Майгрейшн стадиз*), Дональд Кервин (*Джорнал он майгрейшн энд хьюман секьюрети*), Эммануэль Ма Мунг и Вероник Пети (*Ревю эропееен дэ миграсьон энтернасьональ*), Анна Триандафиллиду (*Джорнал оф иммигрант энд рефьюджи стадиз*), Джейми Уиндерс, Питер Бевеландер, Синтия Фелисиано, Филиз Гарип и Мэтью Холл (*Интернэшнл майгрейшн ревью*), Росс Чейни (Всемирный экономический форум), Ханна Каддик и Эми Лич (Институт по вопросам развития зарубежных стран), Роберт Макмэхон (Совет по международным отношениям), Джейсон Населли и Алэн Филипс (Чатем-Хаус), Хоми Харас, Дани Бахар и Меррелл Так-Примдал (Брукингский институт)

Глава 5. Размышления о вкладе мигрантов в эпоху растущей дестабилизации и дезинформации

Авторы: Мари Маколифф, Адриан Китимбо и Бинод Хадрия

Научный ассистент: Мишель Нгуен

Глава 6. Миграция, интеграция и социальная сплоченность: проблемы, последние изменения и возможности

Авторы: Селин Болоз, Зана Вати и Диего Акоста

Научный ассистент: Мишель Нгуен

Глава 7. Миграция и здоровье: актуальные проблемы, пробелы в управлении и знаниях
Авторы: Джо Вирей, Чарльз Хуэй и Колита Викрамадж

Глава 8. Дети и небезопасная миграция Авторы: Жаклин Бхабха и Ги Абель

Глава 9. Мобильность людей и адаптация к изменению окружающей среды
Авторы: Роберт Оукс, Сумьядип Банерджи и Коко Уорнер

Глава 10. Мигранты, оказавшиеся в условиях кризиса: контексты, реагирование и инновации
Авторы: Нассим Маджиди, Хевен Кроли, Лоренцо Гуаданьо и Камилла Касаван
Научные ассистенты: Мелисса Корне и Томас Йебоа

Глава 11. Последние изменения в глобальном регулировании миграции: обновление к Докладу о миграции в мире 2018 года
Авторы: Кэтлин Ньюленд, Мари Маколифф и Селин Болос

Фотографии

Глава 1

Совместная съемочная группа ведет видеозапись своих повествований и обнадеживающих посланий в Герате, Афганистан. Группа из 13 молодых афганских женщин и мужчин провела неделю в Герате, чтобы обменяться опытом, а также организовать постановку и съемку фильма о миграции. Эта инициатива является частью проекта MOM по коллективным видеосъемкам для Глобального фестиваля фильмов о миграции, осуществляемого для вовлечения мигрантов и принимающих общин в совместное кинопроизводство, которое способствует укреплению социальной сплоченности. © MOM / Аманда НЕРО

Часть I

Многие венесуэльцы, путешествующие через континент, делают это пешком, неся своих детей и пожитки. «Каминантес», или «пешеходы», передвигаются вдоль основных шоссе и по труднопроходимой местности. Они должны пройти через горные районы, где температура опускается ниже нуля, и через палящие зноем районы, где редко встречается вода. Многие отправляются в это путешествие только с легкой курткой, резиновыми шлепанцами и небольшим рюкзаком с самыми необходимыми предметами, которые им удастся унести. © MOM / Музе МОХАММЕД

Глава 2

Аэрофотоснимок внутренне перемещенных лиц в пункте для защиты гражданских лиц в Вау, Южный Судан. © MOM / Райнер ГОНСАЛЕС ПАЛАУ

Глава 3

Лагерь беженцев Кутупалонг вблизи Кокс-Базара, Бангладеш. © MOM / Музе МОХАММЕД

Глава 4

Абдулай Адум, деревня Миксаммете, Центральноафриканская Республика. © MOM / Аманда НЕРО

Часть II

Палатки MOM в лагере для внутренне перемещенных лиц в Бакасси, Нигерия. © MOM / Музе МОХАММЕД

Глава 5

Робейро, бывший комбатант незаконного военизированного формирования в Колумбии, несет собранный урожай перца чили. Робейро является одним из 300 бенефициаров проекта по созданию источников дохода, осуществляемого MOM в Колумбии. © MOM / Диего САМОРА

Глава 6

Бирманский трудящийся-мигрант в Бангкоке. © MOM / Бенджамин СУОМЕЛА

Глава 7

Таиландский центр MOM по оценке здоровья мигрантов на Силом-роуд в Бангкоке проводит медицинские осмотры мигрантов, которые собираются мигрировать за границу. © MOM / Бенджамин СУОМЕЛА

Глава 8

Дети играют в комнате для игр Центра обработки заявлений сирийских семей, переселяющихся в Канаду. © MOM / Музе МОХАММЕД

Глава 9

Берси является директором начальной школы на острове Удот, Федеративные Штаты Микронезии. Во время тайфуна одно из их зданий было сильно повреждено. Новое здание используется в качестве библиотеки для учащихся. © MOM / Музе МОХАММЕД

Глава 10

Массовая эвакуация при стихийных бедствиях (МЭСБ) - Кесон-Сити, Филиппины. © MOM / Чарисса СОРИАНО

Глава 11

Второй семинар Международного диалога по миграции 2017 года стал глобальной платформой для обсуждения и анализа факторов уязвимости и возможностей мигрантов, определения ориентиров для соответствующей политики, программных и оперативных мер реагирования и повышения устойчивости путем оказания услуг в области защиты и помощи. © MOM / Музе МОХАММЕД

Использованная литература

Мать Криса была счастлива найти сына после того, как он был разлучен со своей матерью и младшим братом во время их миграции. © MOM

Добавления

Амира и Анаджия проводят время, упражняясь в рисовании после занятий (Филиппины). © MOM / Джули БАТУЛА

Содержание

Редакторы, рецензенты и издательская группа	iii
Выражение благодарности.....	iii
Авторский коллектив	iv
Фотографии	v
Предисловие	xiv
Глава 1 - Обзор доклада: Панорама миграции и мобильности в период растущей неопределенности	1
Часть I: Данные и информация о миграции	20
Глава 2 - Миграция и мигранты: Глобальный обзор	23
Глава 3 - Миграция и мигранты: Региональные аспекты и изменения.....	61
Глава 4 - Исследования и аналитические материалы по вопросам миграции: Рост, охват и последние публикации	139
Часть II: Сложные и вновь возникающие проблемы миграции	178
Глава 5 - Размышления о вкладе мигрантов в эпоху растущей дестабилизации и дезинформации.....	181
Глава 6 - Миграция, интеграция и социальная сплоченность: Проблемы, последние изменения и возможности	209
Глава 7 - Миграция и здоровье: Актуальные проблемы, пробелы в управлении и знаниях.....	235
Глава 8 - Дети и небезопасная миграция.....	261
Глава 9 - Мобильность людей и адаптация к изменению окружающей среды.....	285
Глава 10 - Мигранты, оказавшиеся в условиях кризиса: Контексты, реагирование и инновации	305
Глава 11 - Последние изменения в глобальном регулировании миграции: Обновление к докладу о миграции в мире 2018 года	331
Добавления	355
Использованная литература.....	417

Список диаграмм и таблиц

Глава 1

Таблица 1.	Основные факты и цифры, приведенные в Докладах о миграции в мире 2000 и 2020 годов	12
------------	--	----

Глава 2

Таблица 1.	Международные мигранты, 1970- 2019 годы	26
Диаграмма 1.	Международные мигранты по основным регионам проживания, 2005-2019 годы (в млн человек)	29
Диаграмма 2.	Пропорциональное изменение численности населения по регионам, 2009-2019 годы	30
Диаграмма 3.	20 основных стран назначения (слева) и происхождения (справа) международных мигрантов в 2019 году (в млн человек)	31
Диаграмма 4.	20 стран с высокой долей населения в эмиграции в 2019 году (в %)	32
Диаграмма 5.	Приток иностранных граждан в страны ОЭСР на постоянное жительство, 2000-2016 годы (в млн человек)	37
Диаграмма 6.	Трудящиеся-мигранты в разбивке по странам назначения с разным уровнем дохода в 2013 и 2017 годах	39
Таблица 2.	Трудящиеся-мигранты в разбивке по полу и странам назначения с разным уровнем дохода в 2017 году	40
Диаграмма 7.	Географическое распределение трудящихся-мигрантов в разбивке по полу в 2017 году	41
Таблица 3.	Ведущие страны-получатели/отправители денежных переводов (2005-2018 годы) (в млрд долл. США по текущему курсу)	43
Диаграмма 8.	Число беженцев в разбивке по 5 странам происхождения по состоянию на 2018 год (в млн человек)	47
Диаграмма 9.	Число беженцев в разбивке по 5 ведущим принимающим странам по состоянию на 2018 год (в млн человек)	48
Диаграмма 10.	Число беженцев, переселенных основными странами переселения в 2005-2018 годах (в тыс человек)	49
Диаграмма 11.	20 стран с крупнейшим контингентом ВПЛ, перемещенных в результате конфликтов и насилия, на конец 2018 года	51
Диаграмма 12.	Новые внутренние перемещения в результате конфликтов и бедствий в 2008-2018 годах (в млн)	53
Диаграмма 13.	Распределение лиц без гражданства в населении первых по их численности 10 стран, представивших сведения по состоянию на 2018 год	55

Глава 3

Диаграмма 1. Мигранты, переехавшие в Африку, внутри Африки и из нее в 1990-2019 годах.....	63
Диаграмма 2. 20 стран Африки с наибольшими пропорциональными демографическими изменениями в 2009-2019 годах.....	65
Диаграмма 3. 20 ведущих стран Африки по количеству мигрантов в 2019 году	66
Диаграмма 4. 20 главных миграционных коридоров с участием африканских стран в 2019 году.....	67
Диаграмма 5. 10 ведущих стран Африки по общему количеству беженцев и просителей убежища в 2018 году	68
Диаграмма 6. 20 ведущих стран Африки по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2018 году.....	69
Диаграмма 7. Мигранты, переехавшие в Азию, внутри Азии и из нее в 1990-2019 годах	79
Диаграмма 8. 20 стран Азии с наибольшими пропорциональными демографическими изменениями в 2009-2019 годах.....	80
Диаграмма 9. 20 ведущих стран Азии по количеству мигрантов в 2019 году	82
Диаграмма 10. 20 главных миграционных коридоров из стран Азии в 2019 году	83
Диаграмма 11. 10 ведущих стран Азии по общему количеству беженцев и просителей убежища в 2018 году	84
Диаграмма 12. Ведущие страны Азии по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2018 году.....	85
Диаграмма 13. Мигранты, переехавшие в Европу, внутри Европы и из нее в 1990-2019 годах.....	98
Диаграмма 14. 20 стран Европы с наибольшими пропорциональными демографическими изменениями в 2009-2019 годах.....	99
Диаграмма 15. 20 ведущих стран Европы по количеству мигрантов в 2019 году.....	100
Диаграмма 16. 20 главных миграционных коридоров с участием европейских стран в 2019 году.....	101
Диаграмма 17. 10 ведущих стран Европы по общему количеству беженцев и просителей убежища в 2018 году	102
Диаграмма 18. 20 ведущих стран Европы по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2018 году.....	103
Диаграмма 19. Мигранты, переехавшие в Латинскую Америку и Карибский бассейн, внутри этого региона и из него в 1990-2019 годах	109
Диаграмма 20. 20 стран Латинской Америки и Карибского бассейна с наибольшими пропорциональными демографическими изменениями в 2009-2019 годах.....	110
Диаграмма 21. 20 ведущих стран Латинской Америки и Карибского бассейна по количеству мигрантов в 2019 году	111
Диаграмма 22. 10 главных миграционных коридоров с участием стран Латинской Америки и Карибского бассейна в 2019 году	112

Диаграмма 23. 10 ведущих стран Латинской Америки и Карибского бассейна по общему количеству беженцев и просителей убежища в 2018 году.....	113
Диаграмма 24. Ведущие страны Латинской Америки и Карибского бассейна по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2018 году	114
Диаграмма 25. Мигранты, переехавшие в Северную Америку, внутри Северной Америки и из нее в 1990-2019 годах	121
Диаграмма 26. Страны Северной Америки с наибольшими пропорциональными демографическими изменениями в 2009-2019 годах	122
Диаграмма 27. Миграция в основных странах Северной Америки в 2019 году.....	122
Диаграмма 28. 10 главных миграционных коридоров с участием стран Северной Америки в 2019 году.....	123
Диаграмма 29. Количество беженцев и просителей убежища, для которых страны Северной Америки являлись принимающими странами или странами происхождения, в 2018 году.....	124
Диаграмма 30. Ведущие страны Северной Америки по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2018 году	124
Диаграмма 31. Мигранты, переехавшие в Океанию, внутри Океании и из нее в 1990-2019 годах	128
Диаграмма 32. Страны Океании с наибольшими пропорциональными демографическими изменениями в 2009-2019 годах	129
Диаграмма 33. Миграция в странах Океании в 2019 году	130
Диаграмма 34. 10 главных миграционных коридоров с участием стран Океании в 2019 году	131
Диаграмма 35. Количество беженцев и просителей убежища, для которых страны Океании являлись принимающими странами или странами происхождения, в 2018 году	132
Диаграмма 36. Ведущие страны Океании по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2018 году	133

Глава 4

Диаграмма 1. Число академических публикаций на темы «иммиграции» ИЛИ «эмиграции» ..	142
Таблица 1. Примеры государственного финансирования миграционных исследований.....	144
Диаграмма 2. Количество статей о положении в регионах, опубликованных избранными журналами в 2017 и 2018 годах	154
Диаграмма 3. Распределение первичной академической аффилиации авторов избранных журналов в разбивке по регионам в 2017 и 2018 годах	157

Глава 9

Таблица 1.	Три разных метода концептуализации взаимодействий между изменением окружающей среды и миграцией	286
Таблица 2.	Примеры из эмпирических исследований	291
Диаграмма 1.	Становление вопроса о миграции людей как темы управления рисками в международной политике в области климата	299

Глава 10

Таблица 1.	Международные данные о мигрантах и кризисах	318
Диаграмма 1.	Маршруты мигрантов в Мексике, риск циклонов и прежние землетрясения	321
Диаграмма 2.	Присутствие мигрантов и пути их транзита через Ливию, а также места и уровни применения насилия	322
Таблица 2.	Рекомендации ОЭСР по инновациям, адаптированным к реагированию в отношении мигрантов, оказавшихся в условиях кризиса	324

Глава 11

Диаграмма 1.	Что означает термин «мигрант»?	334
Диаграмма 2.	Краткая хронология процессов договоров и Сети Организации Объединенных Наций	335
Таблица 1.	Цели Глобального договора о миграции в разбивке по категориям	338
Таблица 2.	Основные тематические области КМОБ и Программы действий	342

Список добавлений

Глава 3

- Добавление А. Департамент Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам: регионы и субрегионы 355

Глава 4

- Добавление А. Краткий обзор академических публикаций 360
 Добавление В. Материалы, представленные академическими журналами 364

Глава 6

- Добавление А. Термины и определения, касающиеся социальной интеграции мигрантов и социальной сплоченности 389
 Добавление В. Нормативно-правовые рамки инклюзии мигрантов 392
 Добавление С. Основные выводы Обследования граждан из числа иммигрантов 394

Глава 7

- Добавление А. Основные приоритеты и действия для мониторинга здоровья мигрантов и развития систем здравоохранения, учитывающих потребности мигрантов 396
 Добавление В. Уроки продвижения Национальной политики и рамочной программы действий в области охраны здоровья мигрантов в Шри-Ланке 398
 Добавление С. Охрана здоровья в процессе осуществления Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции 401

Глава 9

- Добавление А. Политические процессы, имеющие важное значение для регулирования экологической миграции 402

Глава 10

- Добавление А. Разные кризисные ситуации и разные воздействия на мигрантов 405

Глава 11

- Добавление А. Хронология основных многосторонних инициатив, процессов, соглашений и деклараций, посвященных миграции или актуальных для нее 407
 Добавление В. Совпадения и расхождения между Глобальным договором о миграции и предыдущими глобальными инициативами и процессами в области миграции 411

Предисловие

Ответственность МОМ за представление объективного и сбалансированного отчета о миграции в глобальном масштабе как никогда велика. Мало того, что политическая значимость миграции высока - и часто зашкаливает, - но и значительно расширились возможности быстрого распространения дезинформации для влияния на публичный дискурс.

Двадцать лет назад МОМ опубликовала первый Доклад о миграции в мире с заявленной целью представить авторитетный отчет о тенденциях и проблемах миграции во всем мире. После выпуска первого доклада в 2000 году эта серия быстро превратилась во флагманскую публикацию МОМ.

Ранние Доклады о миграции в мире были структурированы вокруг конкретных тем. Они обеспечили глубокое погружение в такие темы, как мобильность рабочей силы, благополучие мигрантов и коммуникация по вопросам миграции. Но со временем возникло ощущение того, что более широкий ландшафт и сложность вопросов миграции остаются вне поля зрения.

Времена сильно, драматически сильно, изменились. Сейчас миграция - сверхважная политическая проблема, взаимосвязанная с правами человека, развитием и геополитикой на национальном, региональном и международном уровнях. Соответственно, МОМ усилила флагманскую серию для обеспечения того, чтобы Доклад о миграции в мире действительно являлся *мировым* докладом о миграции.

Мы обновили серию, чтобы предложить более стратегический вклад в публичную дискуссию. Мы укрепили наше партнерское сотрудничество с учеными и прикладными исследователями, чтобы воспользоваться их разнообразным экспертным потенциалом и знаниями. Мы изменили содержание и внесли структурные изменения, чтобы повысить полезность Доклада о миграции в мире для базы фактических данных о миграции на глобальном уровне в соответствии с растущей ролью МОМ в сборе и анализе данных.

Доклад о миграции в мире 2018 года является самой загружаемой из всех публикаций МОМ. Он явно удовлетворяет потребность в обеспечении сбалансированного понимания сложностей миграции, представлении последних глобальных данных и информации в доступной форме, а также в исследовании и объяснении сложных и вновь возникающих проблем миграции.

В качестве агентства ООН по миграции МОМ просто обязана отчетливо прояснить сложность и разнообразие мобильности людей. В докладе также признается, что МОМ по-прежнему уделяет основное внимание основным правам и своей миссии по поддержке наиболее нуждающихся мигрантов. Это особенно актуально в тех областях, в которых МОМ работает над оказанием гуманитарной помощи людям, которые подверглись перемещению, в том числе из-за погодных явлений, конфликтов и преследований, или тем, кто оказался в затруднительном положении во время кризисов.

Аналогичным образом, МОМ по-прежнему привержена оказанию поддержки государствам-членам, использующим различные формы данных, исследования и аналитические материалы в процессе разработки политики и в обзорных процессах. По сути, это отражено и в Уставе МОМ, в котором подчеркивается необходимость проведения исследований в области миграции как выполнения неотъемлемой функции Организации. Доклад о миграции в мире является центральным компонентом этой важной функции.

В нынешнюю пору повышенного интереса и активности в отношении миграции и мигрантов мы надеемся, что это издание Доклада о миграции в мире 2020 года станет для вас ключевым ориентиром. Мы надеемся, что оно поможет вам ориентироваться в этой остроактуальной и динамичной теме в периоды неопределенности, а также натолкнет на размышления в более спокойные моменты. Но самое главное, мы надеемся, что из доклада вы узнаете что-то новое, что может помочь вам в вашей работе, будь то теоретические или прикладные исследования и анализ, разработка политики, коммуникация или практика работы в области миграции.

Антониу Виторину
Генеральный директор

MARIE MCAULIFFE
BINOD KHADRIA

1

ОБЗОР ДОКЛАДА: ПАНОРАМА МИГРАЦИИ И МОБИЛЬНОСТИ В ПЕРИОД РАСТУЩЕЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ¹

Введение

Накопленный за длительный период времени и растущий массив данных о миграции и мобильности показывает, что миграция в значительной степени связана с более широкими глобальными экономическими, социальными, политическими и технологическими преобразованиями, которые затрагивают широкий круг высокоприоритетных вопросов политики². По мере углубления процессов глобализации эти преобразования все больше формируют нашу жизнь - на нашем рабочем месте, в наших домах, в сферах нашей социальной и духовной жизни, - в то время как мы продолжаем заниматься нашими повседневными делами. Все большее количество людей располагают возможностью доступа к информации, товарам и услугам со всего мира в результате продолжающегося распространения технологий, сокращающих расстояния.

Есть также ощущение того, что мы переживаем период значительной неопределенности. Многие комментаторы ставят под сомнение прочность ряда аспектов глобального политического порядка, сложившегося непосредственно в период после двух мировых войн, в том числе аспектов, связанных с альянсами и общими интересами³. Другие называют нынешнее время «веком гнева», прослеживая истоки нынешнего ощущения геополитической неопределенности и неудовлетворенности до упорного акцентирования «логики» и «либерального рационализма», возобладавшего ценой эмоциональной отзывчивости⁴.

Именно в этом контексте в настоящем докладе о миграции в мире рассматриваются изменения в области миграции, имевшие место за последний двухлетний период, с упором на анализ, учитывающий исторические и современные факторы. Исторические ввиду признания того, что миграция и перемещение происходят в более широких долгосрочных социальных, безопасностных, политических и экономических контекстах. Современные ввиду признания того, что мы находимся в процессе глубоких глобальных преобразований и что вытекающие из них изменения в нашей повседневной жизни воздействуют на нынешнюю среду, в которой происходит и обсуждается миграция.

1 Мари Маколифф, Руководитель Отдела исследований по вопросам политики в области миграции MOM и Бинод Хадрия, профессор Университета Джавахарлала Неру.

2 См., например, Castles, 2010; Goldin, Cameron и Balarajan, 2011; Koser, 2016; Triandafyllidou, 2018.

3 Ikenberry, 2018; Stone, 2016.

4 Mishra, 2017.

Что произошло в области миграции?

В течение последних двух лет со времени публикации в конце 2017 года *Доклада о миграции в мире 2018 года* в области миграции произошли многие события⁵. Мир стал свидетелем **исторических изменений на глобальном уровне**, когда государства-члены Организации Объединенных Наций собрались вместе для доработки двух глобальных договоров о международных проявлениях миграции и перемещения: Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции и Глобального договора о беженцах. Завершение работы над этими договорами является результатом десятилетий усилий государств, международных организаций, организаций гражданского общества и других субъектов (таких как организации частного сектора), направленных на совершенствование регулирования миграции на международном уровне. В годы, предшествовавшие принятию государствами обязательств по разработке этих договоров⁶, состоялись многочисленные диалоги, рабочие совещания, консультации и параллельные мероприятия на международном, региональном, национальном, а также местном уровнях, которые предоставили их участникам возможность обмена информацией о различных «реалиях» миграции и многих областях, представляющих взаимный интерес, которым предстоит расширяться с учетом более глубокого понимания преимуществ миграции, а также вызовов, которые она может создавать. Таким образом, эти договоры стали результатом многолетнего взаимодействия по ключевым вопросам, лежащим в основе обоих договоров.

Удручающая сторона реальности состоит в том, что за последние два года происходили **масштабные события в области миграции и перемещения**; и они порождали огромные лишения и страдания, а также гибель людей. Это были в первую очередь перемещения миллионов людей в результате конфликтов (в частности, в Сирийской Арабской Республике, Йемене, Центральноафриканской Республике, Демократической Республике Конго и Южном Судане и из этих стран), ситуации экстремального насилия (которому, в частности, подверглись рохинджа, вынужденные спасаться в Бангладеш) или острой экономической и политической нестабильности (с которыми, в частности, сталкиваются миллионы венесуэльцев). Росло также признание последствий изменения окружающей среды и климата для мобильности людей (такой как плановая миграция/переселение и перемещение), в том числе в условиях глобальных усилий и действия механизмов международной политики, призванных обеспечить смягчение более широкого воздействия изменения климата⁷. В 2018 и 2019 годах во многих частях мира, в том числе в Мозамбике, на Филиппинах, в Китае, Индии и Соединенных Штатах Америки, имело место широкомасштабное перемещение населения, вызванное угрозами климатических и погодных явлений⁸.

Мы также наблюдали **расширение масштабов международной миграции в соответствии с последними тенденциями**. Согласно имеющимся оценкам, количество международных мигрантов достигает почти 272 миллиона человек во всем мире, при этом почти две трети из них являются трудовыми мигрантами⁹. Эта цифра по-прежнему представляет весьма небольшую долю населения мира (на уровне 3,5%), а это означает, что в соответствии с оценками подавляющее большинство людей в мире (96,5%) проживают в тех странах, в которых они родились. Вместе с тем предполагаемые число и доля международных

5 МОМ, 2017.

6 Обязательства государств сформулированы в Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах 2016 года (ГА ООН, 2016).

7 В отношении более подробного рассмотрения этого вопроса см. главу 9 настоящего доклада.

8 В отношении рассмотрения глобальных и региональных данных и информации о миграции и мигрантах см. главы 2 и 3 настоящего доклада.

9 ДЭСВ ООН, 2019а; МОТ, 2018.

мигрантов уже превышают некоторые прогнозы, сделанные в расчете на 2050 год, в которых фигурировали порядка 2,6%, или 230 миллионов человек¹⁰. При всем этом общепризнанно, что масштабы и темпы международной миграции особенно трудно предсказать с точностью, поскольку она тесно связана как с событиями, обостряющими обстановку (в частности, крайней нестабильностью, экономическим кризисом или конфликтом), так и с долгосрочными тенденциями (в частности, демографическими изменениями, экономическим развитием, достижениями в области коммуникационных технологий и доступом к средствам передвижения)¹¹. Из накопленных за длительный период данных нам также известно, что международная миграция не является однообразной во всем мире, а формируется под влиянием экономических, географических, демографических и других факторов, приводящих к возникновению различающихся моделей миграции, в частности миграционных «коридоров», создаваемых на протяжении многих лет (более подробные сведения см. в главе 3 настоящего доклада). Как правило, крупнейшие коридоры пролегают из развивающихся стран в страны с более развитой экономикой, такие как Соединенные Штаты, Франция, Российская Федерация, Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия. По всей видимости, эта модель останется неизменной в течение многих лет в будущем, особенно в связи с тем, что в предстоящие десятилетия в некоторых развивающихся субрегионах и странах прогнозируется рост населения, который будет оказывать миграционное давление на будущие поколения¹².

Ниже приводятся основные сведения, изложенные в Части I доклада, посвященной данным и информации о миграции и мигрантах. С дополнительной информацией и ее рассмотрением можно ознакомиться в докладе.

Основные сведения, изложенные в Части I: Данные и информация о миграции и мигрантах

Количество международных мигрантов в мире в 2019 году: 272 млн. человек (3,5% населения мира)

- 52 % международных мигрантов составляли мужчины; 48 % - женщины.
- 74 % всех международных мигрантов находились в трудоспособном возрасте (от 20 до 64 лет).

Индия оставалась страной происхождения наибольшего числа международных мигрантов

- Наибольшее число мигрантов, живущих за рубежом (17,5 млн.), являются выходцами из Индии, за которой следуют Мексика и Китай (соответственно, 11,8 млн. и 10,7 млн. человек).
- Среди стран назначения на первом месте оставались Соединенные Штаты (50,7 млн. международных мигрантов).

10 См., например, МОМ, 2003.

11 ВЭФ, 2019; ДЭСВ ООН, 2003.

12 ДЭСВ ООН, 2019b.

Численность трудящихся-мигрантов незначительно сократилась в странах с высоким уровнем дохода, увеличившись в других странах

- В период 2013-2017 годов в странах с высоким уровнем дохода отмечалось незначительное снижение количества трудящихся-мигрантов (со 112,3 млн. до 111,2 млн. человек). Самый большой прирост наблюдался в странах с уровнем дохода выше среднего (с 17,5 млн. до 30,5 млн. человек).
- В 2017 году среди всех трудящихся-мигрантов во всем мире количество мужчин превышало количество женщин на 28 млн. человек. Так, насчитывалось 96 млн. трудящихся-мигрантов мужского пола (58%) и 68 млн. трудящихся-мигрантов женского пола (42%).

В 2018 году объем международных денежных переводов вырос до 689 млрд. долларов США

- Тремя странами-получателями наибольшего объема денежных переводов были Индия (78,6 млрд. долл. США), Китай (67,4 млрд. долл. США) и Мексика (35,7 млрд. долл. США).
- Соединенные Штаты оставались крупнейшей страной-отправителем денежных переводов (68,0 млрд. долл. США), за ними следовали Объединенные Арабские Эмираты (44,4 млрд. долл. США) и Саудовская Аравия (36,1 млрд. долл. США).

В 2018 году в мире насчитывалось 25,9 млн. беженцев

- 20,4 млн. беженцев подпадали под мандат Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) и 5,5 миллиона беженцев были палестинскими беженцами, подпадающими под мандат Ближневосточного агентства Организации Объединенных Наций для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР).
- 52 % всех беженцев в мире были моложе 18 лет.

Число внутренне перемещенных лиц в результате насилия и конфликта достигло 41,3 млн. человек

- Это было самое большое зарегистрированное количество таких лиц с момента начала наблюдений, проводимых Центром мониторинга внутренних перемещений с 1998 года.
- Наибольшее число перемещенных лиц находилось в Сирийской Арабской Республике (6,1 млн.), за которой следовали Колумбия (5,8 млн.) и Демократическая Республика Конго (3,1 млн. человек).

В 2018 году в мире насчитывалось 3,9 млн. апатридов

- Наибольшее число апатридов находилось в Бангладеш (около 906 тыс. человек). Далее следовали Кот-д'Ивуар (692 тыс.) и Мьянма (620 тыс. человек).

С дополнительной информацией можно ознакомиться в главе 2 настоящего доклада. Источники и даты вышеприведенных оценок указаны в главе.

Схемы миграции варьируются от региона к региону

- Хотя большинство международных мигрантов, родившихся в Африке, Азии и Европе, проживают в регионах своего рождения, большинство мигрантов из Латинской Америки и Карибского бассейна и из Северной Америки проживают за пределами регионов своего рождения. В Океании в 2019 году число внутрирегиональных мигрантов и мигрантов, проживавших за пределами региона, оставалось неизменным.
- Свыше половины всех международных мигрантов (141 млн. человек) проживали в Европе и Северной Америке.

Миграция была основным фактором изменения численности населения в нескольких странах

- Внутрирегиональная миграция стала важным фактором изменения численности населения в некоторых африканских странах, таких как Экваториальная Гвинея.
- Трудовая миграция способствовала значительным изменениям в численности населения, особенно в государствах Совета сотрудничества стран Залива (ССЗ). За исключением Омана и Саудовской Аравии, мигранты составляли большинство населения стран ССЗ.

Перемещение оставалось важной характеристикой в некоторых регионах

- Сирийская Арабская Республика и Турция были странами происхождения и принимающими странами наибольшего количества беженцев в мире - соответственно, 6,7 млн. и 3,7 млн. человек. В 2018 году Канада стала страной, расселившей у себя наибольшее число беженцев, - больше, чем Соединенные Штаты.
- На Филиппинах в 2018 году имело место наибольшее число новых перемещений в результате стихийных бедствий (3,8 млн. человек).
- К середине 2019 года родину покинули около 4 млн. венесуэльцев. В 2018 году Боливарианская Республика Венесуэла стала крупнейшей страной происхождения просителей убежища (свыше 340 тыс. человек).

С дополнительной информацией можно ознакомиться в главе 3 настоящего доклада. Источники и даты вышеприведенных оценок указаны в главе.

Оставалось высоким количество исследований и аналитических материалов на темы миграции

- Продолжалось увеличение числа научных публикаций, посвященных миграции, причем за последние два года было издано как никогда большое количество научных публикаций на эту тему. Международные организации выпустили большой объем материалов по широкому кругу вопросов миграции.
- В научных исследованиях преобладают труды, освещающие вопросы миграции с точки зрения стран назначения, особенно в отношении Европы. Сопоставление основной географической принадлежности авторов статей в отдельных журналах показывает, что большинство из них являются сотрудниками учреждений в развитых странах.

С дополнительной информацией можно ознакомиться в главе 4 настоящего доклада. Источники и даты вышеприведенных оценок указаны в главе.

Что меняется - миграция или описание миграции?

Как можно видеть из изложения и основных сведений, приведенных выше, в последние годы в миграции происходили постепенные изменения в сторону увеличения, в частности общих масштабов миграции и перемещения, хотя эти изменения нельзя характеризовать как «сейсмические». Скорее, как представляется, происходит углубление существующих моделей миграции по мере возникновения возможностей, обусловленных дальнейшей реализацией экономического роста и реформ, либерализацией торговли и укреплением долгосрочной стабильности. Кроме того, происходит накопление массива фактов, свидетельствующих о том, что, хотя общее понятие международной миграции может казаться простым и понятным - например, как ее описывают средства массовой информации, - все более очевидной становится ее сложность¹³. Вопрос о том, как мы концептуализируем миграцию и мобильность, уже давно находится в центре внимания многих ученых и политиков¹⁴. В последнее время некоторые призывают к переосмыслению этих явлений, подчеркивая растущие несоответствия, которые вытекают из довольно прочно установившегося представления о «миграции» - см. ниже текстовую вставку, посвященную недавнему труду на эту тему профессора Рональда Скелдона.

Переосмысление международной миграции, внутренней миграции, мобильности и урбанизации

То, что миграция является самой проблематичной из демографических переменных, принимается как само собой разумеющееся. В отличие от единственных в своем роде событий рождения и смерти, определяющих продолжительность жизни человека, событие миграции может повторяться множество раз. Его измерение всецело зависит от того, каким образом оно определено во времени и пространстве.

...

Несмотря на все проблемы, присущие сбору миграционных данных, за последние годы был достигнут значительный прогресс. Компиляция всемирной базы данных, касающихся происхождения и назначения, первоначально разработанной в Университете Сассекса и в настоящее время значительно расширенной и поддерживаемой Отделом народонаселения Организации Объединенных Наций и Всемирным банком, обеспечила основу для более точного измерения глобального международного перемещения населения. Эти данные показали, что примерно 3% населения мира проживают в государстве или на территории не их рождения и что эта доля не претерпела существенных изменений с 1990-х годов. ... По мере развития и изменения систем внутренней и международной миграции изменяется также характер взаимосвязи между ними... другие формы краткосрочной мобильности возникают главным образом из городских культур и экономик.

...

13 Czaika и de Haas, 2014; De Witte, 2018; Hall и Posel, 2019.

14 Faist и Glick-Schiller, 2009; Hochschild и Mollenkopf, 2008; King, 2012.

Представление о том, что большинство людей не передвигается или привязано к определенному месту, может быть привлекательным, но является неверным. Мобильность является характеристикой, органично присущей всем группам населения, если только не вступают в действие конкретные направления политики или другие факторы, которые ограничивают или контролируют эту мобильность. Тем не менее некоторые народы, как представляется, передвигаются больше других и иным образом, чем другие, что, по-видимому тесно связано с уровнем развития в каждой стране, который, в свою очередь, связан с распределением населения в каждой стране. Несмотря на все трудности в измерении внутренней миграции, как обозначено выше, был достигнут значительный прогресс в построении аналитических моделей, позволяющих проводить сопоставление моделей в пространстве.

a Parsons et al., 2007; ДЭСВ ООН, 2015.

Сокращенный отрывок из Skeldon, 2018.

Однако мы должны признать, что растущая сложность миграции отчасти обусловлена также тем, что сейчас имеется гораздо больше информации о миграции и мигрантах, чем когда-либо прежде. Мы осведомлены больше о том, кто мигрирует, почему люди мигрируют, где и как они мигрируют, хотя, вероятно, и не в той степени, в какой нам хотелось бы. Однако стало понятнее, что более широкая проблема «сложности» распространяется на весьма многие изменения, происходящие в мировом масштабе. Некоторые из таких конкретных изменений, выделенные в текстовой вставке ниже, были тщательно изучены и проанализированы экспертами в Части II настоящего доклада.

Основные сведения, изложенные в Части II: Сложные и вновь возникающие проблемы миграции

- Мигранты внесли значительный социально-культурный, гражданско-политический и экономический вклад в странах и общинах происхождения и назначения, в том числе являясь важными субъектами перемен в целом ряде секторов (глава 5).
- Иммигранты, как правило, проявляют более высокую предпринимательскую активность по сравнению с коренными жителями. В таких странах, как Соединенные Штаты, мигранты внесли несоразмерный вклад в инновационную деятельность (глава 5).
- Интеграция мигрантов в принимающем обществе связана с различными социальными/политическими областями, которые тесно взаимосвязаны между собой. Результаты интеграции в одной области политики - например, в области языка, образования, вступления на рынок труда, воссоединения семьи, участия в политической жизни и натурализации, - по всей вероятности, повлияют на другие области (глава 6).

- Между миграцией и здоровьем существует динамичная и сложная взаимосвязь, выходящая далеко за рамки кризисных явлений. Миграция может приводить к большей подверженности рискам для здоровья, но она также может быть связана с улучшением здоровья, особенно для тех, кто стремится обезопасить себя от вреда (глава 7).
- В то время как большинство мигрирующих детей делают это в рамках безопасных миграционных процессов в составе семейных ячеек, многие другие дети-мигранты не пользуются эффективной защитой от вреда и сталкиваются с нарушениями прав человека на всех этапах их переезда (глава 8).
- Согласно последней глобальной оценке общего количества детей-мигрантов их насчитывается приблизительно 31 млн. человек. В их число входят примерно 13 млн. детей-беженцев, 936 тыс. детей-просителей убежища и 17 млн. детей, подвергшихся насильственному перемещению внутри их собственных стран (глава 8).
- Появляется все больше свидетельств роста масштабов и частотности экстремальных погодных явлений, и это предположительно будет все больше затрагивать миграцию и другие формы передвижения. Хотя мобильность людей в результате изменения окружающей среды и климата зачастую выстраивается по линиям обеспечения защиты и безопасности, понимание мобильности как адаптации позволяет включать способность мигрантов к действиям в формулы реагирования (глава 9).
- Миграционный статус может существенно влиять на способность мигрантов справляться с кризисом. Гибкая иммиграционная и визовая политика позволяет мигрантам оставаться в безопасности, а также восстанавливаться, преодолевая последствия кризиса. Возможным, но не обязательно первоочередным вариантом реагирования является возвращение (глава 10).
- В последние два года произошли существенные изменения в глобальном регулировании миграции, проявившиеся главным образом в создании Сети Организации Объединенных Наций по вопросам миграции и в разработке двух глобальных договоров о беженцах и о миграции. Хотя они и не имеют обязательной юридической силы, оба глобальных договора воплощают почти универсальный консенсус в отношении вопросов, требующих устойчивого международного сотрудничества и приверженности (глава 11).

Беспрецедентные темпы изменений в (гео)политической, социальной, природоохранной и технологической сферах побудили некоторых аналитиков и комментаторов изобрести или использовать такие выражения, как «век ускорений»¹⁵, «четвертая индустриальная революция»¹⁶ и «век перемен»¹⁷. Существует широкое

15 Friedman, 2016.

16 Schwab, 2016.

17 Mauldin, 2018.

признание того, что мир изменяется настолько быстро и темпы изменений настолько стремительны, что это, по-видимому, превосходит всяческие ожидания и предсказания. Также имеется ощущение того, что изменения приводят к неожиданным (и нежелательным) воздействиям:

Мы переживаем эпоху сильного волнения, разочарования и недоумения. Углубление геополитической напряженности трансформирует международные отношения, а политический трайбализм обнажает глубокие расслоения внутри стран. Распространение экспоненциальных технологий развенчивает укоренившиеся убеждения в отношении безопасности, политики, экономики и многого другого¹⁸.

Следует особо отметить серьезные сдвиги в политической сфере, особенно в плане вовлечения гражданского общества через появляющиеся социальные сети и другие онлайн-платформы, а также в плане стандартов политического лидерства. Например, «Арабская весна» возвестила о значительных изменениях в том, как были услышаны голоса и организованы активисты на политических аренах¹⁹. Совсем недавно мы стали свидетелями шквала аналитических материалов и комментариев об изменениях, происходящих в демократических системах повсюду в мире, и их последствиях для государственного управления, геополитики и международного сотрудничества. Мы живем в период, когда оспариваются основные ценности, лежащие в основе глобального управления. Ценности равенства, подотчетности, беспристрастности, справедливости, правосудия и честности активно подрываются, поскольку некоторые политические лидеры игнорируют общий интерес, отдавая предпочтение личному интересу - даже если это разъедает нормы, процессы и институты, цель которых, в общем-то, состояла в прогрессе целых наций и народов без исключения или отторжения некоторых из них по причине присущих им характеристик или убеждений²⁰. Как мы наблюдали на протяжении всей истории, их постоянная и систематическая коррозия может вылиться в посягательства на права человека и, в конечном счете, в нападки на группы людей внутри обществ²¹.

В контексте нынешних сдвигов международная миграция все больше превращается в оружие. Кто-то использует ее в качестве политического инструмента, подрывающего демократию и инклюзивное гражданское участие, играя на объяснимом страхе, который внушают общинам ускоренные темпы изменений и растущая неопределенность нашего времени²². Некоторые лидеры стремятся разделить общины, спекулируя на проблеме миграции, приуменьшая значительные преимущества и материальные выгоды, которые несет с собой миграция, и упорно игнорируя факты нашей истории, связанные с миграцией. При этом мы все чаще становимся свидетелями использования социальных сетей как средства разделения и поляризации, и не просто по проблеме миграции, а и подчас в связи с наблюдаемым нами применением сетевой «тактики трайбализма» активистами, пытающимися изобразить миграцию в негативном и вводящем в заблуждение свете²³. Эти изменения в описаниях международной миграции подкрепляются внедрением технологических инноваций, особенно информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Однако мы должны также помнить, что политизация миграции не нова, как это показывает текстовая вставка ниже.

18 Muggah и Goldin, 2019.

19 AlSayyad и Guvenc, 2015.

20 Fotaki, 2014.

21 Rawnsley, 2018.

22 Ritholtz, 2017.

23 McAuliffe, 2018.

Неизменный вопрос политики. Отрывок из *Доклада о миграции в мире 2003 года*^а

Миграция является в высшей степени политической темой. В последнее десятилетие о политизации миграции свидетельствует целый ряд новых моментов: опасения в западных странах в связи с массовым наплывом мигрантов из стран бывшего советского блока и в странах Европейского союза - в связи с нашествием граждан новых стран-членов при каждом расширении ЕС; критическая оценка роли мигрантов в экономических и социальных потрясениях, вызванных финансовым кризисом в Юго-Восточной Азии; ограничительная политика и антииммиграционная реакция после террористических атак 11 сентября 2001 года; возобновление вспышек ксенофобии в нескольких африканских странах, возлагающих на мигрантов вину за внутренние кризисы; и эксплуатация проблем миграции некоторыми политиками с целью набора очков в ходе избирательной гонки. Все эти примеры иллюстрируют тесную связь между экономическими, политическими и социальными вопросами с одной стороны и мобильностью - с другой. Поэтому миграция, как никогда прежде, представляет собой удобную мишень для нападок в контексте психологических, экономических и общественно-коммуникативных коннотаций.

а МОМ, 2003:19.

Технологии как активатор и инструмент изменения правил игры

Миграция тесно переплетена с технологиями и инновациями, и существует большой объем аналитических материалов, содержащих оценки того, каким образом международная миграция поддерживает (а иногда ограничивает) передачу технологий и знаний, зачастую действуя в тандеме с инвестиционными и торговыми потоками в русле исторических, географических и геополитических связей между странами и общинами²⁴. Технологии, и особенно новейшие формы технологий, все больше приобретают критически важное значение на протяжении всего процесса миграции. Например, в последние годы мы стали свидетелями использования мигрантами ИКТ для сбора информации и консультирования в режиме реального времени во время миграционных переездов; и этот вопрос вызывает как интерес, так и временами озабоченность. Использование ИКТ, в частности приложений для обмена свежайшей информацией, в том числе в целях поддержки подпольных пересечений границ, наряду с консолидацией платформ социальных сетей для соединения между собой географически удаленных групп с общими интересами, стало предметом обоснованных вопросов относительно той степени, в какой технологии используются в целях поддержки нелегальной миграции, а также дают мигрантам возможность избегать злоупотреблений и эксплуатации со стороны тех, кто занимается незаконным провозом мигрантов и торговлей людьми²⁵. В результате постоянно расширяющегося доступа к вновь возникающим технологиям по низким ценам мигранты также разработали приложения для поддержки своей лучшей интеграции в принимающих странах при сохранении социальных связей и финансовой поддержки своих семей и обществ на родине, в том числе благодаря все более широкому распространению таких приложений, как «мобильные деньги».

В дискуссиях о миграции всплывают также другие связи между миграцией и технологиями. Поскольку

24 Burns и Mohapatra, 2008; Kapur, 2001; Khadria, 2004.

25 McAuliffe, 2016; Sanchez, 2018.

искусственный интеллект постепенно внедряется в ключевых секторах, последствия этого процесса для потоков трудящихся-мигрантов и национальных рынков труда входят в круг вопросов, привлекающих к себе пристальное внимание разработчиков политики и деловых кругов как в странах происхождения, так и в принимающих странах²⁶.

Недавно обсуждения коснулись также блокчейновой технологии и ее последствий для миграции, особенно для денежных переводов, а также для цифровых идентификаторов и глобальной мобильности²⁷. Технология социальных сетей также оказывает все большее воздействие на политику в области миграции с учетом всплеска на платформах социальных сетей активности крайне правых, стремящихся повлиять на политические дискуссии и, в конечном счете, на политические решения²⁸.

С учетом текущего контекста значительных изменений и растущей неопределенности *Доклад о миграции в мире 2020 года* преследует цель использовать всю совокупность имеющихся данных, результатов исследований и анализа для внесения вклада в более отчетливое понимание некоторых из наиболее важных и жгучих проблем глобальной миграции нашего времени. В силу самой своей природы комплексная динамика миграции не поддается измерению, пониманию и регулированию в полном объеме. Вместе с тем, как показывает настоящий доклад, мы действительно обладаем постоянно растущим и улучшаемым массивом данных и доказательств, позволяющих нам лучше объяснить основные характеристики миграции и то, как они изменяются, - равно как и прийти к пониманию того, как эволюционирует контекст, в котором происходит миграция. Это приобретает все большую важность, поскольку с распространением открытых платформ «новых медиа» растет вероятность использования политических дискуссий, изобилующих дезинформацией и неправдой, в целях искажения и неверного изображения миграции и мигрантов.

Серия докладов о миграции в мире

Первый Доклад о миграции в мире был опубликован 20 лет назад - первоначально как разовый доклад, предназначенный для улучшения понимания миграции политиками и широкой общественностью. Он был задуман в то время, когда последствия глобализации ощущались во многих частях мира и во многих разнообразных отношениях. Так, в первом Докладе о миграции в мире отмечается, что своим появлением он отчасти обязан последствиям влияния глобализации на модели миграции, и поэтому в докладе «рассматривается все более глобальная экономика, которая привела к беспрецедентному притоку вновь прибывших во многие страны...»²⁹. В докладе подчеркивался тот факт, что миграция, хотя и представляет собой «извечное явление», ускоряется в рамках более широких глобализационных преобразований экономических и торговых процессов, способствующих более активному перемещению рабочей силы, а также товаров и капитала. В таблице 1 ниже представлена сводка основных статистических данных, приведенных в *Докладе о миграции в мире 2000 года*, в сопоставлении с данными, фигурирующими в настоящем издании. В ней показано, что, несмотря на относительное постоянство некоторых аспектов - доли женщин среди международных мигрантов, а также общей пропорции мигрантов к населению мира, - другие аспекты претерпели кардинальные изменения. К примеру, объем международных денежных

26 McAuliffe, 2018.

27 Latonero et al., 2019; Juskalian, 2018.

28 В отношении рассмотрения того, как платформы социальных сетей преобразуют политические дискуссии по вопросам миграции, см. главу 5 настоящего доклада.

29 МОМ, 2000.

переводов вырос со 126 млрд. в 2000 году до 689 млрд. в 2020 году, что подчеркивает значимость международной миграции как движущей силы развития. Это частично объясняет тот факт, что миграция стала одной из первоочередных глобальных проблем, в связи с которой государства-члены Организации Объединенных Наций предприняли целый ряд шагов по укреплению глобального регулирования миграции, и особенно после 2000 года (рассмотрение этого вопроса см. в главе 11 настоящего доклада). Поэтому неудивительно, что и сама Международная организация по миграции (МОМ) увеличилась в размерах, причем за последние два десятилетия значительно вырос ее членский состав - с 76 государств до ее нынешнего членского состава, насчитывающего 173 государства. Следует также отметить приводимые в таблице 1 данные о росте числа международных мигрантов во всем мире (примерно на 85%), а также числа беженцев (примерно на 80%) и внутренне перемещенных лиц (примерно на 97%); при всем этом они составляют весьма малую долю от общего населения мира.

Таблица 1. Основные факты и цифры, приведенные в Докладах о миграции в мире 2000 и 2020 годов

	Доклад 2000 года	Доклад 2020 года
Оценочное количество международных мигрантов	150 млн.	272 млн.
Оценочная доля мигрантов в населении мира	2,8%	3,5%
Оценочная доля женщин среди международных мигрантов	47,5%	47,9%
Оценочная доля детей среди международных мигрантов	16,0%	13,9%
Регион с самой высокой долей международных мигрантов	Океания	Океания
Страна с самой высокой долей международных мигрантов	Объединенные Арабские Эмираты	Объединенные Арабские Эмираты
Численность трудящихся-мигрантов	-	164 млн.
Общий объем международных денежных переводов (в долл. США)	126 млрд.	689 млрд.
Численность беженцев	14 млн.	25,9 млн.
Численность внутренне перемещенных лиц	21 млн.	41,3 млн.
Численность апатридов	-	3,9 млн.
Количество государств-членов МОМ*	76	173
Количество полевых отделений МОМ*	120	436 ⁺

Источники: В отношении источников см. МОМ, 2000 и настоящее издание доклада.

Примечания: Даты оценок данных в таблице могут отличаться от даты публикации доклада (в отношении более подробной информации о датах оценок см. доклады); данные о разбивке по регионам приводятся в главе 3 настоящего доклада; * приведенные данные не включены в доклад, но соответствуют текущему положению на этот год; + по состоянию на 28 октября 2019 года.

Вклад *Доклада о миграции в мире 2000 года* в миграционную политику, а также в исследования в области миграции оказался своевременным, и успех, достигнутый в этой связи, положил начало серии докладов о миграции в мире. Начиная с 2000 года МОМ выпустила десять докладов о миграции в мире (см. текстовую вставку ниже), которые стали флагманской серией публикаций организации. Она неизменно отражает твердую приверженность представлению актуальных, достоверных и фактологически обоснованных материалов, способствующих углублению понимания миграции разработчиками политики, специалистами-практиками, исследователями и широкой общественностью.

В конце 2016 года МОМ приняла решение усовершенствовать серию докладов о миграции в мире, с тем чтобы обеспечить внесение максимально возможного вклада в накопление основанных на фактах знаний о миграции в мировом масштабе. Теперь каждое издание доклада этой серии состоит из следующих двух частей:

- Часть I: Основная информация о миграции и мигрантах (включая касающиеся миграции статистические данные);
- Часть II: Сбалансированный, фактологически обоснованный анализ сложных и вновь возникающих проблем миграции.

Доклад о миграции в мире 2000 года

Доклад о миграции в мире 2003 года: Управление миграцией - вызовы и ответы для людей в пути

Доклад о миграции в мире 2005 года: Издержки и преимущества международной миграции

Доклад о миграции в мире 2008 года: Управление мобильностью рабочей силы в развивающейся глобальной экономике

Доклад о миграции в мире 2010 года: Будущее миграции - укрепление потенциалов в интересах перемен

Доклад о миграции в мире 2011 года: Эффективное распространение информации о миграции

Доклад о миграции в мире 2013 года: Благополучие и развитие мигрантов

Доклад о миграции в мире 2015 года: Мигранты и города - новые партнерства для управления мобильностью

Доклад о миграции в мире 2018 года

Доклад о миграции в мире 2020 года

Переход от выпуска однотемных докладов этой серии к структуре доклада, состоящей из двух частей, был обусловлен признанием существенных изменений в исследованиях, анализе и публикациях по вопросам миграции, а также отвечал различным ожиданиям и потребностям читателей. Для тех, кто интересуется основными фактами и цифрами, касающимися миграции, в Части I приводится подборка новейшей информации и статистических данных, позволяющая читателям лучше понять тенденции, изменяющиеся модели и процессы миграции на глобальном и региональном уровнях. Если же читатели работают (или проводят исследования) в конкретных областях миграционной политики или практики, то в Части II они найдут более углубленное рассмотрение существующих сложностей. Совершенствование публикаций серии было обусловлено также признанием того, что по мере усиления внимания к миграции и усложнения ее процессов доклады, посвященные только одной теме, могут потенциально не полностью охватывать или вовсе упускать из поля зрения более широкие изменения, вызванные к жизни преобразованиями в области миграции, происходящими в глобальном масштабе.

Еще одно соображение в пользу пересмотренной серии состояло в намерении создать с ее помощью «добавленную стоимость». Для МОМ в ее качестве межправительственной организации и новой организации, ассоциированной с Организацией Объединенных Наций, крайне важно обеспечивать, чтобы Доклад о миграции в мире служил для общественности источником информации и аналитических выводов, которые являются актуальными, доступными, надежными, точными и сбалансированными. Существует настоятельная необходимость избегать в работе дублирования или значительных совпадений, особенно в свете новейших разработок в сфере регулирования миграции (таких как показатели регулирования миграции). Ввиду этого серия докладов о миграции в мире была реструктурирована таким образом, чтобы предложить стратегический анализ сложных и вновь возникающих проблем, с которыми сталкиваются разработчики политики в области миграции, а не описание или оценку текущей политики в области миграции и управления ее процессами. Серия дополняет, а не дублирует другую работу.

Факты свидетельствуют о том, что пересмотренная серия успешно достигла поставленных целей и получила положительные отзывы читателей, в том числе государств-членов, ученых, исследующих миграцию, и читателей общего профиля. Еще одним обнадеживающим показателем является отмечавшийся в 2018 году и (до настоящего времени) в 2019 году значительный и устойчивый рост количества загрузок *Доклада о миграции в мире 2018 года* по сравнению с загрузками предыдущих изданий³⁰.

Доклад о миграции в мире 2020 года

В настоящем издании, знаменующем собой двадцатую годовщину серии докладов о миграции в мире, которое опирается на предыдущий доклад, изданный в 2018 году, представлены обновленные статистические данные о миграции на глобальном и региональном уровнях, а также описательный анализ сложных проблем миграции.

Часть I «Основные данные и информация о миграции и мигрантах» включает отдельные главы о тенденциях и моделях глобальной миграции; региональных аспектах и изменениях; и рассмотрение

³⁰ В диаграмме 6 в главе 4 настоящего доклада представлена статистика загрузок Докладов о миграции в мире 2018 и 2015 годов.

последних исследований и аналитических материалов по вопросам миграции, подготовленных учеными и широким кругом различных организаций, включая МОМ. Эти три главы были подготовлены в учреждении сотрудниками МОМ с использованием главным образом аналитических материалов экспертов, специалистов-практиков и должностных лиц МОМ, работающих в разных частях мира, и на основе данных, полученных от широкого круга соответствующих организаций. Авторство семи глав, содержащихся в Части II, принадлежит специалистам, занимающимся прикладными и академическими исследованиями в области миграции. Эти главы охватывают целый ряд «сложных и вновь возникающих проблем миграции», включая следующее:

- вклад мигрантов в общества;
- миграция, интеграция и социальная сплоченность;
- миграция и здоровье;
- дети и небезопасная миграция;
- миграция и адаптация к изменению окружающей среды;
- мигранты, оказавшиеся в условиях кризиса; и
- последние изменения в глобальном регулировании миграции.

Хотя выбор этих тем по необходимости носит селективный и субъективный характер, все главы Части II настоящего доклада имеют непосредственное отношение к некоторым из наиболее известных и важных дискуссий о миграции в современном мире. Многие из этих тем таят в себе истоки головоломок, с которыми сталкиваются разработчики политики в своем стремлении сформулировать эффективные, соразмерные и конструктивные ответы на сложные вопросы государственной политики в области миграции. Соответственно, эти главы предназначены для информационной поддержки текущих и будущих прений и дискуссий по вопросам политики путем четкого определения ключевых проблем, критического обзора соответствующих исследований и анализа и рассмотрения полученных выводов в целях будущих исследований и разработки политики. Предполагается, что содержание этих глав не носит характера указаний, в смысле продвижения тех или иных политических «решений» - особенно в связи с тем, что непосредственный контекст является важной детерминантой параметров политики, - а является информативным и полезным подспорьем в возможных напряженных дискуссиях по спорным вопросам.

Часть I

Глава 2 содержит обзор глобальных данных и тенденций в отношении международных мигрантов (контингентов) и международной миграции (потоков). В ней также рассматриваются конкретные группы мигрантов, а именно: трудящиеся-мигранты, беженцы, просители убежища, внутренне перемещенные лица и апатриды, а также денежные переводы. Кроме того, в этой главе идет речь о существующем массиве программных данных МОМ, в частности касающихся пропавших без вести мигрантов, помощи в добровольном возвращении и реинтеграции, переселения, отслеживания перемещений и торговли людьми. Хотя эти данные в целом не являются глобальными или репрезентативными, они могут дать представление об изменениях, происшедших в соответствующем программировании и операциях МОМ во всем мире.

За глобальным обзором следует глава 3, в которой рассматриваются основные региональные аспекты миграции и изменения в области миграции. Это рассмотрение проводится по шести регионам мира, определенным Департаментом Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам: Африке, Азии, Европе, Латинской Америке и Карибском бассейне, Северной Америке и Океании. Анализ по каждому из этих регионов включает в себя: i) обзор и краткое рассмотрение основных данных демографической статистики; и ii) сжатое описание «основных особенностей и изменений» в области миграции в регионе, основанное на широком спектре данных, информации и результатов анализа, в том числе проведенного международными организациями, исследователями и аналитиками. В целях учета разнообразия моделей, тенденций и проблем миграции *внутри* каждого из шести регионов приводится описательная характеристика «основных особенностей и последних изменений» на субрегиональном уровне.

Существует значительный объем исследований и аналитических разработок по вопросам миграции, которые выполняются и публикуются широким кругом таких субъектов, как академические круги, правительства, неправительственные организации и аналитические центры. В главе 4 приводится выборочный обзор таких материалов в качестве обновления главы по теме, впервые включенной в *Доклад о миграции в мире 2018* года. Основное внимание в обзоре уделяется результатам исследований в области миграции, опубликованным академическими кругами и межправительственными организациями в 2017 и 2018 годах, когда наблюдался пик поступления таких материалов от межправительственных организаций, причем часть этих материалов была подготовлена для информирования государств и других участников обсуждений, касавшихся Глобального договора о миграции (в отношении описания процессов и итогов договора см. главу 11 настоящего доклада).

Часть II

В начальной главе Части II рассматривается исторический и современный вклад мигрантов в общинах назначения, а также тех, кто вернулся в места своего происхождения. В этом ракурсе внимание уделяется трем основным сферам вклада мигрантов: социально-культурной, гражданско-политической и экономической. Имея дело с зачастую негативным уклоном в дискуссиях о миграции и мигрантах, можно упустить из виду тот факт, что мигранты внесли свой значительный вклад множеством всевозможных способов. В главе 5, посвященной этому «индикатору реальности», поднимается часто остающаяся без внимания, но важная тема, в рамках которой эта проблема анализируется в контексте возникающих препятствий, которые мешают признанию вклада мигрантов в глобальном масштабе. Глава завершается изложением соответствующих выводов для обсуждения вопросов политики и дальнейших исследований в этой связи.

Глава 6 содержит критическое рассмотрение проблемы интеграции мигрантов в принимающих обществах, где они адаптируются к новым культурам, обычаям, социальным ценностям и языку. В главе делается обзор исторического развития политических подходов и терминологии, связанных с этой темой. В ней рассматривается роль различных заинтересованных сторон в оптимизации интеграции мигрантов, а также важное значение директивных установок, прямо или косвенно связанных с интеграцией. Глава завершается выводом в отношении мер политического реагирования.

Нередко вопрос о здоровье и миграции ставится только в контексте кризиса, но между ними существует многое, объединяющее их. В главе 7 представлен общий анализ ключевых вопросов, связанных со здоровьем и миграцией, в том числе с точки зрения преимуществ, факторов уязвимости

и жизнестойкости. Затем в главе рассматриваются меры реагирования и преобладающие подходы систем здравоохранения, а также пробелы в регулировании миграции и здравоохранения. Приводятся примеры уроков, полученных при осуществлении руководящих указаний по передовой практике и глобальных повесток дня в области миграции и здоровья.

В главе 8 речь идет о такой миграции детей, которая не укладывается в традиционную схему, предусматривающую семейное сопровождение детей-мигрантов или их следование за семьей в безопасной среде, а является небезопасной, например, в тех случаях, когда миграция происходит по нелегальным каналам и без сопровождения семьи. В соответствии с описательным подходом в этой главе подробно рассматриваются различные типы миграции детей, их движущие факторы и проблемы, связанные с данными о миграции детей. В ней рассматриваются ключевые трудности в обеспечении защиты, которые затрагивают детей-мигрантов, и освещаются текущие проблемы и изменения в политике, направленные на их урегулирование. В главе исследуются основные возникающие проблемы, с которыми сталкиваются дети-мигранты, и в заключение рассматриваются приоритеты в политике и исследованиях.

В главе 9, содержащей обзор мобильности людей и адаптации, позволяющей справиться с последствиями изменения окружающей среды и климата, анализируются результаты эмпирического исследования на основе данных из разных частей мира. Приводятся примеры адаптивного поведения, которое варьируется в зависимости от разных экологических зон, и особенно подвергающихся риску в связи с изменением климата, а именно горных, засушливых и прибрежных районов, а также городов. Примеры касаются разнообразных стратегий, направленных на поощрение одной или нескольких адаптивных форм миграции. Кроме того, в главе кратко описываются основы международной политики в области реагирования на связанные с мобильностью аспекты изменения окружающей среды и климата. Глава завершается конкретными рекомендациями в отношении исследований, политики и практики.

В главе 10 рассматриваются кризисные ситуации, в которых оказываются мигранты. В качестве примеров таких кризисных ситуаций упоминаются наводнения, ураганы, конфликты, политический и экономический кризис, а также освещаются текущие меры реагирования по оказанию чрезвычайной помощи и обеспечению неотложной защиты. В ней содержится обзор мер реагирования, принимаемых на местном, национальном и международном уровне в целях удовлетворения таких потребностей разных категорий мигрантов, и анализ их эффективности. В главе со ссылками на Инициативу «Мигранты в странах, испытывающих кризис» рассматриваются различные контексты, меры реагирования, пробелы и уроки, усвоенные в деле обеспечения готовности к кризису и посткризисного восстановления. В главе делается обзор имеющихся данных о мигрантах, которые подвергаются риску и находятся в уязвимом положении в различных странах, и оцениваются существующие пробелы. Она завершается выводами в отношении мер реагирования в политике и на практике.

Как об этом говорит ее название, глава 11 представляет собой обновленный вариант главы о регулировании миграции, содержащийся в *Докладе о миграции в мире 2018 года*, в котором задокументированы основные изменения в глобальном регулировании миграции за два года, истекших с момента публикации последнего доклада. В главе содержится описательный анализ разработки и принятия обоих глобальных договоров, краткий анализ их содержания и областей сближения и расхождения, оценка характера их влияния на основы глобального регулирования миграции, а также описание будущих последствий и вызовов в деле их осуществления. В главе рассматриваются обязательства государств по осуществлению и обзору последующих действий и прогресса в осуществлении договоров и кратко перечисляются изменения

в институциональной архитектуре, направленные на поддержку Глобального договора о миграции. В главе также освещаются вопросы более долгосрочной перспективы и делаются выводы на будущее.

В целом настоящий доклад о миграции в мире был подготовлен в целях содействия углублению нашего коллективного понимания различных проявлений и сложностей миграции в условиях растущей неопределенности. Мы надеемся, что все читатели смогут почерпнуть для себя что-то новое из этого издания, а также использовать его содержание в процессе своей работы, исследовательской или иной деятельности.

ЧАСТЬ I

ДАННЫЕ И ИНФОРМАЦИЯ О МИГРАЦИИ

2

МИГРАЦИЯ И МИГРАНТЫ: ГЛОБАЛЬНЫЙ ОБЗОР

Введение

В большинстве дискуссий о миграции отправным пунктом обычно являются цифры. Понимание изменений в масштабах, возникающих тенденций и сдвигов в демографических показателях, связанных с такими глобальными социально-экономическими преобразованиями, как миграция, помогает нам осознать изменяющийся мир, в котором мы живем, и строить планы на будущее. Текущая глобальная оценка такова, что в мире в 2019 году насчитывалось около 272 млн международных мигрантов, что соответствует 3,5% населения земного шара¹. Первый важный момент, на который следует обратить внимание, состоит в том, что это ничтожно малая часть населения мира, что означает, что в подавляющем большинстве случаев остается нормой пребывание в стране своего рождения. Множество людей не мигрируют, пересекая границы - гораздо большее их количество мигрирует внутри стран (согласно оценкам в 2009 году насчитывалось 740 млн внутренних мигрантов)². При всем этом с течением времени очевиден рост числа международных мигрантов как в количественном, так и в процентном отношении, и он происходит несколько более быстрыми темпами, чем ожидалось ранее³.

Подавляющее большинство людей мигрирует за рубеж по причинам, связанным с работой, семьей и учебой, что предполагает миграционные процессы, протекающие в основном без возникновения фундаментальных вызовов, с которыми могли бы столкнуться либо сами мигранты, либо страны их прибытия. Другие, напротив, покидают свои дома и страны в связи с целым рядом вынуждающих и подчас трагических обстоятельств, таких как конфликты, преследования и бедствия. Хотя люди, подвергшиеся перемещению, в частности беженцы и внутренне перемещенные лица (ВПЛ), составляют относительно небольшой процент от всех мигрантов, они зачастую больше других нуждаются в помощи и поддержке.

Настоящая глава, посвященная основным глобальным данным и тенденциям в области миграции, призвана помочь разработчикам политики, специалистам-практикам и исследователям проблем в области миграции лучше понять общую картину миграции за счет ознакомления с обзором информации о миграции и мигрантах. В главе использованы имеющиеся источники статистических данных, собранных Департаментом Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН), Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Международной организацией труда (МОТ), Всемирным банком, Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН), Центром наблюдения за процессами внутреннего перемещения (ЦНВП) и Международной организацией по миграции

1 ДЭСВ ООН, 2019а.

2 ПРООН, 2009.

3 См., например, *Доклад МОМ о миграции в мире 2003 года* (МОМ, 2003), в котором использованы данные Организации Объединенных Наций о народонаселении (ДЭСВ ООН, 2002) и данные о миграции (МОМ, 2000).

(МОМ)⁴. В главе представлен обзор глобальных данных и тенденций в отношении международных мигрантов (контингентов) и международной миграции (потоков). Кроме того, в ней рассматриваются конкретные группы мигрантов, а именно: трудящиеся-мигранты, беженцы, просители убежища, ВПЛ и пропавшие без вести мигранты, а также лица без гражданства и денежные переводы.

В этой главе также идет речь о растущем объеме программных данных МОМ, в частности касающихся помощи в добровольном возвращении и реинтеграции, переселения, отслеживания перемещений и жертв торговли людьми. Хотя эти данные в целом не являются глобальными или репрезентативными, они могут дать представление об изменениях, происшедших в соответствующем программировании и операциях во всем мире.

В качестве агентства Организации Объединенных Наций по вопросам миграции, которое осуществляет мероприятия, имеющие прямое отношение ко всем темам, обсуждаемым в этой главе, МОМ располагает данными, позволяющими получить более полное представление о миграции и ее различных динамических процессах, включая разнообразные потребности мигрантов.

В этой главе освещаются некоторые вызовы в связи со сбором данных и определениями, затрудняющие всесторонний анализ миграционных тенденций на глобальном уровне⁵. Это также остается проблемой для многих государств, пытающихся анализировать миграционные тенденции в собственных странах или регионах, что находит свое отражение в Глобальном договоре о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, в котором сделан акцент на сбор данных для выработки эмпирически обоснованной политики (цель 1 Глобального договора - см. рассмотрение этого вопроса в главе 11 доклада). Текущие усилия по сбору статистических данных по миграции и совершенствованию этого процесса привели к расширению имеющейся базы данных; вместе с тем еще предстоит преодолеть такое препятствие, как удовлетворение потребности в дальнейшем наращивании технического потенциала по мере того, как международное сообщество работает над созданием более всеобъемлющей глобальной картины ключевых аспектов миграции. Такой же сложной проблемой является определение миграции и мигрантов, о чем идет речь в текстовой вставке ниже.

Определения миграции, мигрантов и другие ключевые термины

Помимо общих определений терминов «миграция» и «мигрант», таких как те, что содержатся в словарях, существует целый ряд конкретных определений ключевых терминов, связанных с миграцией, в том числе в правовой, административной, научно-исследовательской и статистической областях⁶. Универсально согласованных определений терминов «миграция» или «мигрант» не существует, однако широко признается несколько определений, которые были разработаны в различных обстоятельствах, например, те из них, которые были изложены в *Рекомендациях ДЭСВ ООН по статистике международной миграции 1998 года*⁶.

4 С учетом периода, охватываемого настоящим докладом, статистические данные, использованные в этой главе, были актуальными по состоянию на 30 июня 2019 года, за исключением данных о контингентах международных мигрантов, которые были включены в главу после выпуска 17 сентября 2019 года пересмотренной публикации ДЭСВ ООН за 2019 год.

5 В целом изложение пояснительных примечаний, оговорок, ограничений и методологий, используемых для конкретных источников данных, может занимать много места, и поэтому оно отсутствует в данной главе. Однако в ней четко указаны источники, к которым могут обратиться читатели.

Технические определения, концепции и категории, относящиеся к мигрантам и миграции, неизбежно создаются с учетом географических, юридических, политических, методологических, хронологических и других факторов. Например, существует множество возможностей определения миграционных явлений, в том числе исходя из данных о месте рождения, гражданстве, месте жительства и продолжительности пребывания^с. Они имеют важное значение при количественной оценке и анализе последствий миграции и воздействии мигрантов (как бы они ни определялись). Мы предлагаем читателям для ознакомления с конкретными определениями и моделями категоризации, лежащими в основе разработки данных, обратиться к первоисточникам, указанным в главе. Читатели могут также счесть полезным справочным материалом *Глоссарий МОМ по миграции* (издание 2019 года)^д.

а См., например, Poulain и Perrin, 2001.

б ДЭСВ ООН, 1998.

с См., например, de Beer et al., 2010.

д МОМ, 2019б.

Международные мигранты: цифры и тенденции

ДЭСВ ООН производит оценки численности международных мигрантов во всем мире. Материал ниже опирается на эти оценки, которые выполнены на основе данных, представленных государствами⁶.

В *Рекомендациях Организации Объединенных Наций по статистике международной миграции* «международный мигрант» определяется как любое лицо, которое меняет страну своего обычного проживания, с выделением «краткосрочных мигрантов» (меняющих страну своего обычного проживания на срок как минимум трех месяцев, но менее одного года) и «долгосрочных мигрантов» (делающих это на срок не менее одного года). Однако не все страны используют это определение на практике⁷. Некоторые страны используют другие критерии для определения международных мигрантов, например, применяя другие минимальные сроки проживания. Различия в концепциях и определениях, как и в методологиях сбора данных, существующие между странами, мешают полной сопоставимости национальных статистических данных о международных мигрантах.

В целом, по имеющимся оценкам, за последние пять десятилетий произошло увеличение численности международных мигрантов. Общая оцениваемая численность людей, которые в 2019 году проживали в стране, не являющейся страной их рождения, составляющая 272 млн человек, на 119 млн человек превысила этот показатель 1990 года (когда их насчитывалось 153 млн человек) и втрое - оцениваемую численность 1970 года (84 млн человек, см. таблицу 1). Хотя за этот период в мире имело место также увеличение доли международных мигрантов, очевидно, что подавляющее большинство людей продолжают жить в тех странах, в которых они родились.

6 Данные также представляются ДЭСВ ООН по территориям и административным единицам. В отношении краткого описания источников данных о контингентах ДЭСВ ООН, его методологии и ограничений просьба ознакомиться с ДЭСВ ООН, 2019б.

7 ДЭСВ ООН, 1998.

Таблица 1. Международные мигранты, 1970 - 2019 годы

Год	Число мигрантов	Мигранты в % от населения мира
1970	84 460 125	2,3%
1975	90 368 010	2,2%
1980	101 983 149	2,3%
1985	113 206 691	2,3%
1990	153 011 473	2,9%
1995	161 316 895	2,8%
2000	173 588 441	2,8%
2005	191 615 574	2,9%
2010	220 781 909	3,2%
2015	248 861 296	3,4%
2019	271 642 105	3,5%

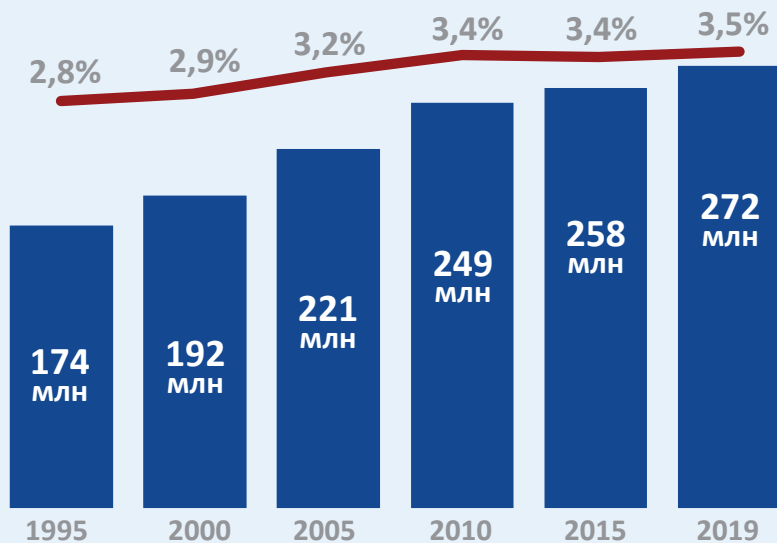
Источник: ДЭСВ ООН, 2008, 2019а, 2019б.

Примечание: Количество субъектов (таких как государства, территории и административные районы), в отношении которых были предоставлены данные в публикации ДЭСВ ООН 2019 года *Пересмотренные данные о контингенте международных мигрантов (Revision of International Migrant Stock)*, составило 232 субъекта. В 1970 году таких субъектов насчитывалось 135.

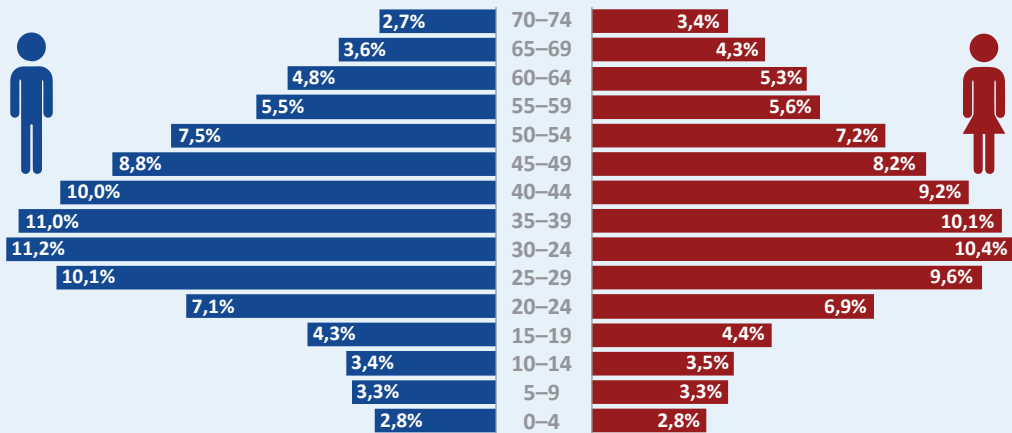
В 2019 году большинство международных мигрантов (около 74%) находились в трудоспособном возрасте (20-64 года), причем за период 2000-2019 годов доля мигрантов моложе 20 лет незначительно уменьшилась (с 16,4% до 14%) при сохранении неизменной с 2000 года доли международных мигрантов в возрасте 65 лет и старше (около 12%).

Статистический срез международных мигрантов

Численность международных мигрантов в мире увеличилась в абсолютном выражении, но оставалась относительно стабильной как доля населения мира

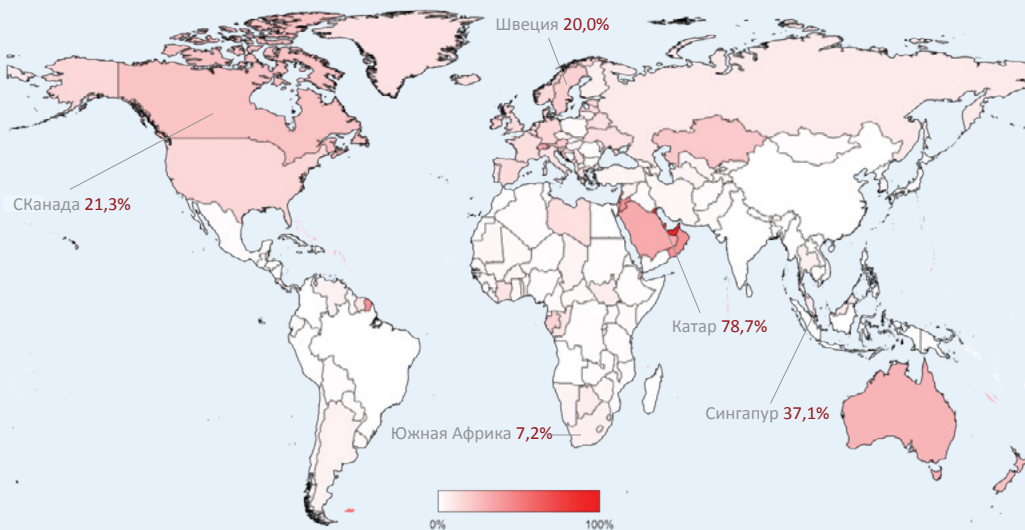
52% международных мигрантов являются **мужчинами**, 48% - **женщинами**

Большинство международных мигрантов (74%) находятся в трудоспособном возрасте (20–64 года)

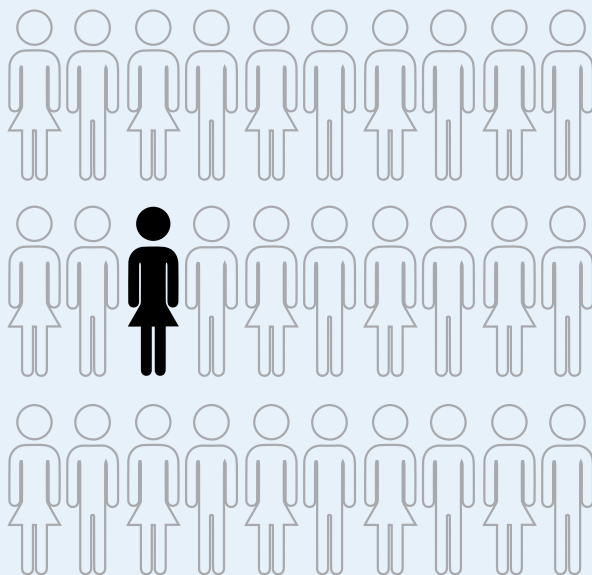
*Диаграммой не охвачены возрастные группы старше 75 лет (мужчины – 4%, женщины – 6%).

Доля международных мигрантов существенно варьируется в разных частях мира

Примечание: Эта карта используется только в целях иллюстрации. Указанные границы и названия, а также обозначения, употребляемые на этой карте, не подразумевают официального одобрения или признания со стороны Международной организации по миграции.

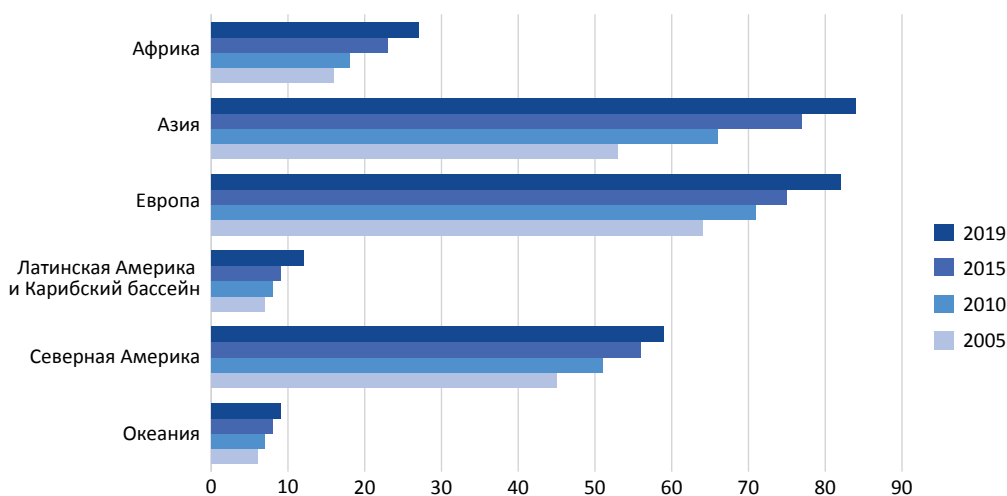
В 2019 году в населении мира численностью 7,7 млрд человек насчитывалось 272 млн международных мигрантов: 1 мигрант на каждые 30 человек

Примечание: Инфографика основана на данных, приведенных в ДЭСВ ООН, 2019с.

В 2019 году Европа и Азия принимали, соответственно, 82 млн и 84 млн международных мигрантов, которые составляли 61% общего мирового совокупного контингента международных мигрантов (см. диаграмму 1). За этими регионами следовали Северная Америка, в которой в 2019 году насчитывалось почти 59 млн международных мигрантов, или 22% от глобального контингента мигрантов, Африка - 10%, Латинская Америка и Карибский бассейн - 4% и Океания - 3%. В сопоставлении с численностью населения в каждом регионе доля международных мигрантов в 2019 году была самой высокой в Океании, Северной Америке и Европе, где международные мигранты составляли, соответственно, 21%, 16% и 11% от общего населения⁸. По сравнению с ними доля международных мигрантов относительно невелика в Азии и Африке (соответственно, 1,8% и 2%) и в Латинской Америке и Карибском бассейне (1,8%). Однако в период 2000-2019 годов в Азии наблюдался наиболее значительный прирост мигрантов - 69% (около 34 млн человек в абсолютном выражении)⁹. В этот же период в Европе отмечался второй по величине прирост численности международных мигрантов, составивший 25 млн человек, за которой следовали Северная Америка - 18 млн и Африка - 11 млн международных мигрантов¹⁰.

Диаграмма 1. Международные мигранты по основным регионам проживания, 2005-2019 годы (в млн человек)

Источник: ДЭСВ ООН, 2019а. Наборы данных имеются по адресу www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp (дата доступа: 18 сентября 2019 года).

Примечание: Используемая ДЭСВ ООН категоризация по признаку географического региона (более подробно см. главу 3, добавление А) не подразумевает официального одобрения или признания со стороны МОМ.

Со временем рост международной миграции в некоторых регионах оказал влияние на изменение численности населения. На диаграмме 2 показана пропорциональная динамика численности населения в каждом из шести регионов мира с 2009 по 2019 год. Хотя Европа традиционно была одним из основных регионов назначения для международных мигрантов, в ней в течение этого периода наблюдалась самые низкие темпы пропорционального изменения численности населения - немногим более 1 процента. Однако можно утверждать, что этот показатель был бы намного ниже без международных мигрантов,

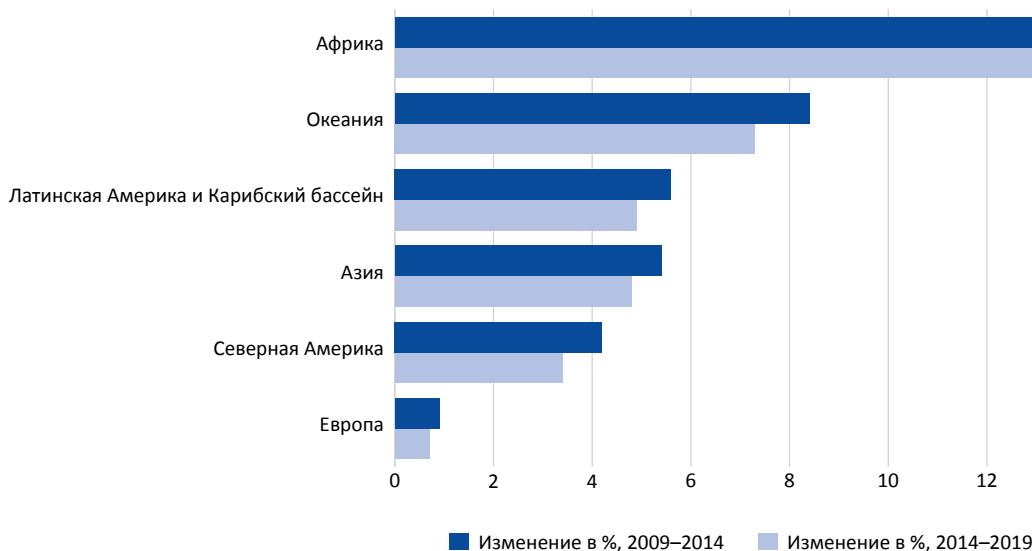
8 ДЭСВ ООН, 2019а.

9 Ibid.

10 Ibid.

которые смягчили сокращение численности населения в некоторых европейских странах, в частности в результате снижения рождаемости¹¹. Для сравнения, в Африке произошли наиболее значительные изменения: за этот период ее население выросло почти на 30% из-за высоких показателей рождаемости и увеличения продолжительности жизни¹². Тем не менее этот прирост сглаживался в результате эмиграции из Африки в другие регионы, а именно в Европу и Азию (рассмотрение этого вопроса см. в главе 3 настоящего доклада).

Диаграмма 2. Пропорциональное изменение численности населения по регионам, 2009-2019 годы

Источник: ДЭСВ ООН, 2019с.

Примечание: Используемая ДЭСВ ООН категоризация по признаку географического региона (более подробно см. главу 3, добавление А) не подразумевает официального одобрения или признания со стороны МОМ.

Хотя рост численности населения в течение десятилетия может быть наиболее заметным для Африки, в 2019 году более половины населения мира проживало только в одном регионе - в Азии (4,6 млрд человек). С 2009 года по 2019 год население Азии выросло почти на 440 млн человек (с 4,16 млрд до 4,6 млрд человек) по сравнению с чуть менее 300 млн человек в Африке (с 1,01 млрд до 1,31 млрд человек)¹³. Пять из десяти самых густонаселенных стран мира находятся в Азии (Китай, Индия, Индонезия, Пакистан и Бангладеш)¹⁴.

С 1970 года основной страной назначения для международных мигрантов были Соединенные Штаты Америки¹⁵. С тех пор число проживающих в стране иностранцев выросло более чем в четыре раза - с менее чем 12 млн человек в 1970 году до почти 51 млн человек в 2019 году. За эти же годы в Германии, второй по

11 ДЭСВ ООН, 2019с. См. главу 3 настоящего доклада (диаграмма 2), в которой перечислены страны, где отмечались крупнейшие пропорциональные изменения численности населения в Африке.

12 ДЭСВ ООН, 2019с.

13 Ibid.

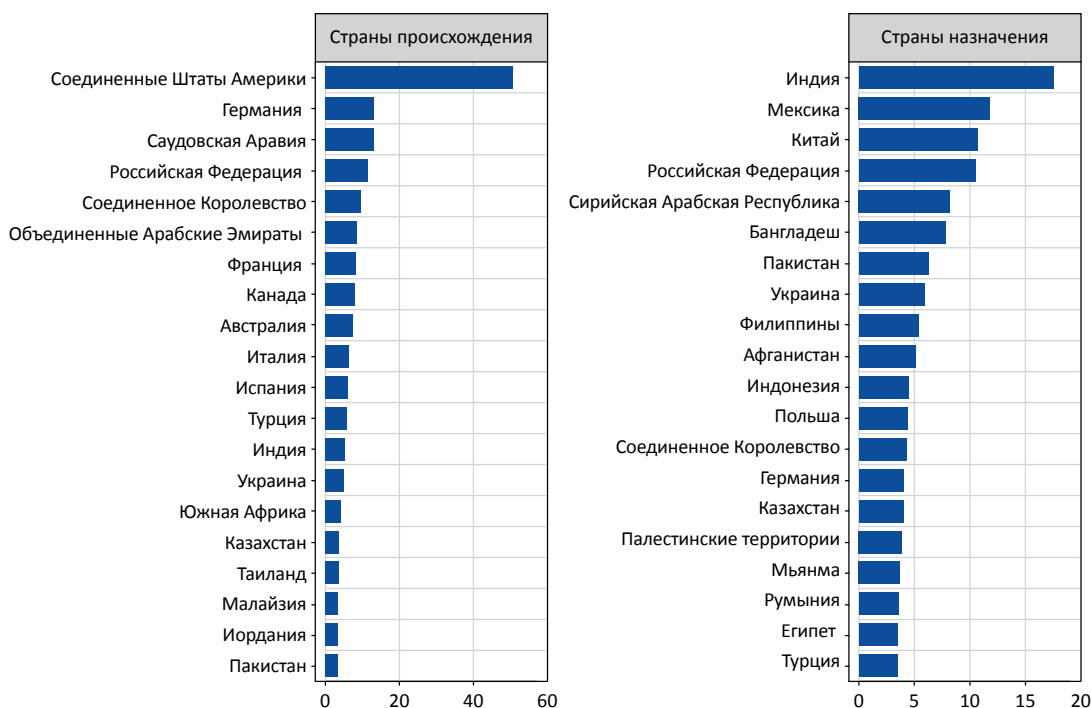
14 Ibid.

15 ДЭСВ ООН, 2008, 2019а.

количеству прибывающих мигрантов стране назначения, также наблюдался рост: с 8,9 млн человек в 2000 году до 13,1 млн человек в 2019 году. Список из 20 ведущих стран назначения международных мигрантов представлен в левом столбце диаграммы 3.

Список стран и территорий происхождения наибольшего количества мигрантов показан справа на диаграмме 3. По состоянию на 2019 год из всех международных мигрантов в мире свыше 40% (112 млн человек) родились в Азии¹⁶, будучи выходцами главным образом из Индии (откуда происходит больше всего мигрантов), Китая и стран Южной Азии, таких как Бангладеш, Пакистан и Афганистан. Мексика по этому показателю занимала второе место среди стран происхождения, а Российская Федерация была четвертой. Из нескольких других европейских стран происходит значительное количество эмигрантов, в том числе из Украины, Польши, Соединенного Королевства и Германии.

Диаграмма 3. 20 основных стран назначения (слева) и происхождения (справа) международных мигрантов в 2019 году (в млн человек)

Источник: ДЭСВ ООН, 2019а (дата доступа: 18 сентября 2019 года).

Что касается распределения международных мигрантов по группам стран с разными уровнями доходов¹⁷, то в 2019 году почти две трети международных мигрантов проживали в странах с высоким уровнем дохода - около 176 млн человек¹⁸. По сравнению с ними в том же году в странах со средним уровнем дохода проживали 82 млн мигрантов, родившихся за рубежом (около одной трети общего контингента

¹⁶ ДЭСВ ООН, 2019а.

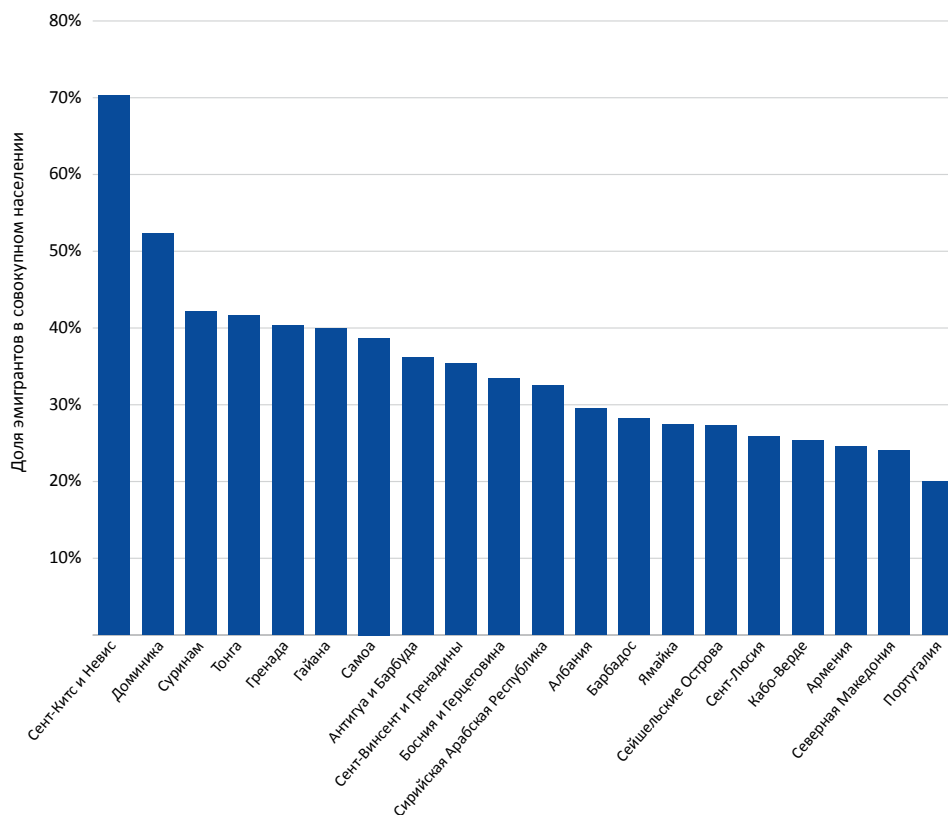
¹⁷ В соответствии с классификациями групп стран по уровню доходов Всемирного банка, приведенной в World Bank Country and Lending Groups (Всемирным банком, n.d.a).

¹⁸ ДЭСВ ООН, 2017а.

мигрантов), а в странах с низким уровнем дохода - 13 млн таких мигрантов. Уровни доходов стран назначения трудящихся-мигрантов более подробно обсуждаются в разделе о трудящихся-мигрантах ниже.

Хотя международные мигранты могут тяготеть к странам с высоким уровнем дохода, в глобальном масштабе их корни могут быть различными. В некоторых странах происхождения высокая доля их граждан проживает за границей по экономическим, политическим, связанным с безопасностью, торговым или культурным причинам, которые могут иметь современный или исторический характер. Например, в Сирийской Арабской Республике уровень эмиграции выше, чем в большинстве других стран из-за перемещения, вызванного длительным конфликтом (более подробно см. в разделе, посвященном беженцам, ниже). На диаграмме 4 показаны страны с высокой долей эмигрантов в 2019 году. Важно отметить, что процент населения страны в эмиграции отражает накопление процессов миграции (и перемещения) с течением времени, иногда на протяжении многих десятилетий. Примечательно географическое разнообразие стран в диаграмме 4 (включая страны из всех регионов, кроме Северной Америки), а также большое количество стран из Латинской Америки и Карибского бассейна (10 из 20 стран).

Диаграмма 4. 20 стран с высокой долей населения в эмиграции в 2019 году (в %)

Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

Примечание: Расчет процента эмигрантов основан на данных ДЭСВ ООН о численности постоянного населения стран, которое включает лиц, родившихся за рубежом, и на данных ДЭСВ ООН о количестве международных мигрантов, происходящих из той или иной страны. В анализ включены только страны с совокупным населением более 100 000 постоянных жителей и эмигрантов.

Оценки ДЭСВ ООН для населения, родившегося за рубежом, не отражают иммиграционный статус или категории, используемые в политике (такие как студенты, высококвалифицированные мигранты или беженцы). Фиксация таких атрибутов изначально усложнена по нескольким ключевым причинам. Во-первых, иммиграционный статус человека может быть непостоянным и быстро видоизменяться в зависимости от обстоятельств и правовых/политических условий. Например, многие международные мигранты, которых можно назвать «лицами без документов» или «нелегалами», въезжают в страны по действующим визам, а затем нарушают одно или несколько условий визы. Фактически, существует множество путей для совершения нарушений, таких как пересечение границы без разрешения, незаконное превышение срока действия визы, работа в нарушение условий визы, рождение на нелегальном положении или решение остаться в стране после того, как было отказано в ходатайстве о предоставлении убежища¹⁹.

Во-вторых, в странах действуют разные установки иммиграционной политики и разные процедуры сбора данных о мигрантах, что затрудняет разработку согласованного подхода к учету контингентов незаконных мигрантов в глобальном масштабе. Темпы изменений на арене миграционной политики также создают дополнительное измерение сложности, поскольку люди могут попадать в «нелегальное положение» и выскальзывать из него. Примечательно, что из-за этой сложности было сделано очень мало глобальных оценок числа нелегальных мигрантов. Однако это не помешало некоторым организациям выдвинуть раздутые и неверные глобальные оценки - см. текстовую вставку ниже «Чего не следует делать».

Чего не следует делать: оценка общего количества нелегальных мигрантов в мире

В одном докладе о нелегальной миграции, выпущенном в августе 2019 года, авторы приводят глобальную оценку числа нелегальных мигрантов, вытекающую из недопонимания политики, практики и нормативных условий в области миграции и перемещения^a. Выводя ошибочную цифру 106,9 млн человек, авторы включают в нее группы людей, которые не могут считаться нелегалами, таких как внутренне перемещенные лица, лица без гражданства и венесуэльские мигранты, в том числе беженцы и просители убежища^b.

Важные уроки из этого примера включают в себя необходимость:

- до начала анализа хорошо разобраться в категориях мигрантов (даже время от времени пересекающихся) и ограничениях в отношении определений;
- обеспечивать ведение такой работы квалифицированными и опытными аналитиками с пониманием темы;
- получать консультации и отклики от знающих специалистов в этой области (обычно называемые «экспертной оценкой») до публикации результатов.

a CSIS, 2019:5-6.

b Многие венесуэльцы получили разрешение принимающих стран на пересечение международных границ после экономического и политического кризиса, вызвавшего перемещение, и принимающими странами была предложена некая форма статуса, даже если он носит временный характер.

В-третьих, как отмечалось в текстовой вставке в этой главе выше «Определения миграции, мигрантов и другие ключевые термины», обязательно существуют разные определения в зависимости от обстоятельств, в которых они применяются. Например, в некоторых правовых/политических ситуациях, а также в общих дискуссиях понятие «мигрант» может означать также человека, который *никогда не мигрировал*. См. рассмотрение общей проблемы смешения понятий «миграция» и «мигрант» в текстовой вставке ниже.

Смешивание понятий «миграция» и «мигрант»

В общем смысле *миграция* - это процесс перемещения из одного места в другое. Мигрировать означает переехать, будь то из сельской местности в город, из одного района или провинции в данной стране в другую в этой же стране или из одной страны в новую страну. Это предполагает действие.

В отличие от этого *мигрант* - это человек, описываемый таковым по одной или нескольким причинам в зависимости от контекста (см. текстовую вставку «Определения миграции, мигрантов и другие ключевые термины» в этой главе выше). Хотя во многих случаях «мигранты» действительно совершают миграцию в том или ином виде, это не всегда так. В некоторых ситуациях людей, которые никогда не участвовали в миграции, могут называть мигрантами - например, детей людей, родившихся за границей, обычно называют мигрантами второго или третьего поколения^a. Это может даже распространяться на ситуации, связанные с безгражданством, когда целые группы люди не могут получить гражданство, несмотря на то, что они родились и выросли в стране^b. В то же время, к примеру, возвращающиеся граждане, которые совершили значительную и/или долгосрочную международную миграцию, обычно не классифицируются как «мигранты» до или после их прибытия в страну своего рождения, несмотря на их миграционные поездки и опыт миграции^c.

a См., например, Neto, 1995; Fertig и Schmidt, 2001.

b Kyaw, 2017.

c Skeldon, 2018.

Международные миграционные потоки: определения, цифры и пробелы

Хотя данные о контингентах мигрантов широко доступны, данные о глобальных миграционных перемещениях (потоках) гораздо более ограничены. Имеющиеся оценки ДЭСВ ООН по глобальным контингентам мигрантов обширны и глобальны по охвату; однако база данных о миграционных потоках охватывает только 45 стран²⁰. Фиксация данных о миграционных потоках является чрезвычайно сложной задачей по нескольким причинам. Во-первых, в то время как международные миграционные потоки обычно считаются охватывающими притоки и оттоки в страны и из них, больше внимания уделялось регистрации притоков. Например, хотя такие страны, как Австралия и Соединенные Штаты, учитывают трансграничные перемещения, многие другие учитывают только въезды, а не отправления²¹. Кроме того, источником данных о миграционных потоках в некоторых странах выступают административные

20 Laczko, 2017.

21 Koser, 2010.

процедуры, связанные с иммиграционным статусом (например, выдача/продление действия документов/отзыв вида на жительство), которые, таким образом, используются для получения косвенных данных относительно миграционных потоков. Помимо этого, миграционные перемещения часто трудно отделить от немиграционных поездок, таких как туризм или командировки²². Для отслеживания миграционных перемещений также требуются значительные ресурсы, инфраструктура и системы информационных технологий/знаний. Это создает особые проблемы для развивающихся стран, где возможности по сбору, администрированию, анализу и представлению данных о мобильности, миграции и других областях часто ограничены. Наконец, физическая география многих стран создает огромные проблемы для сбора данных о миграционных потоках. Например, контроль въезда в страну и управление границами особенно сложны в некоторых регионах из-за архипелажных и разьединённых границ, а также усложняются традициями неформальной миграции в целях работы²³.

Глобальный портал данных о миграции MOM

Глобальный портал данных о миграции начал функционировать в декабре 2017 года как универсальная точка доступа к своевременным, всеобъемлющим статистическим данным о миграции и надежной информации о данных, касающихся миграции во всем мире. Сайт предназначен для объединения в одном месте ключевых источников глобальных данных о миграции из разных организаций, агентств и докладов. Портал обслуживает пользователей в области миграции, делая данные о международной миграции более доступными и наглядными, а также более понятными.

Карта мира содержит свыше 70 указателей миграционных данных, поступающих из более чем 20 различных международных источников данных, с разбивкой по странам, регионам, субрегионам и регионам MOM. Большинство отображаемых данных общедоступны и предоставлены многочисленными международными агентствами. Данные о миграции на портале доступны для всех государств-членов Организации Объединенных Наций и дополняются контекстуальной информацией, включая демографические данные и данные о занятости. Ключевые дополнительные ресурсы, в том числе письменные доклады и альтернативные источники данных, предоставляются для всех стран, регионов и субрегионов, где таковые имеются. Региональный раздел содержит страницы с региональными профилями, охватывающие данные о миграции и имеющиеся источники в различных регионах Организации Объединенных Наций.

В тематическом разделе портал предлагает обзоры имеющихся данных в различных областях миграции, предоставляет объяснения понятий и определений, а также описывает основные сильные и слабые стороны доступных источников данных. На тематических страницах приведены данные по 30 темам миграции. Портал также содержит подборку из более чем 100 справочников и руководств по методам измерения миграции и сбора данных в различных областях. На портале также размещены многочисленные блоги, в которых обсуждаются последние данные и инновации, авторами которых являются ведущие эксперты в области миграции, а также представлены видеосюжеты с ведущими мировыми экспертами по данным.

22 Skeldon, 2018.

23 Gallagher и McAuliffe, 2016.

Портал также включает страновые профили механизмов регулирования миграции и специальный раздел с данными по регулированию миграции. В отдельном разделе показано, как данные могут помочь государствам-членам Организации Объединенных Наций в достижении связанных с миграцией целей в области устойчивого развития и в осуществлении Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции.

Портал доступен на английском языке, а переводы ключевых разделов доступны на французском, испанском и немецком языках. Для получения дополнительной информации см.: <http://migrationdataportal.org>.

Миграционные потоки

В настоящее время существует два основных международных набора данных о международных миграционных потоках, которые оба состоят из национальных статистических данных: Набор данных о международных миграционных потоках ДЭСВ ООН и База данных о международной миграции ОЭСР. С 2005 года ДЭСВ ООН компилирует данные о потоках международных мигрантов в отдельные страны и из них на основе имеющихся на национальном уровне статистических данных. К моменту написания этого раздела (август 2019 года) не было обновлений в наборе данных о потоках ДЭСВ ООН, самым последним из которых была версия 2015 года. Набор данных о миграционных потоках 2015 года включает данные по 45 странам (только по 43 странам относительно эмиграционных потоков), в отличие от 29 стран в 2008 году и 15 стран в 2005 году²⁴.

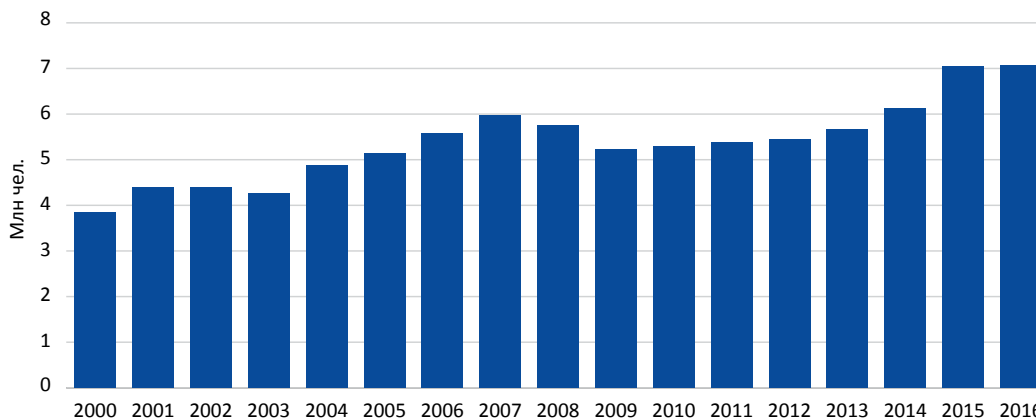
Данные ОЭСР по миграционным потокам собирались с 2000 года, что позволяет проводить ограниченный анализ тенденций, как показано в диаграмме 5 (хотя данные не стандартизированы, как объясняется в примечании к диаграмме)²⁵. Оценки позволяют предположить, что приток мигрантов в страны ОЭСР на постоянное жительство увеличился с 3,85 млн человек в 2000 году до 7,06 млн человек в 2016 году, при этом во время мирового финансового кризиса отмечалось временное затишье (диаграмма 5). В 2016 году Германия оставалась основной страной назначения среди стран ОЭСР, поскольку в этом году туда прибыло свыше 1,7 млн новых международных мигрантов (более чем в два раза больше, чем было зарегистрировано в 2000 году, но меньше, чем 2 млн человек в 2015 году), за ней следуют Соединенные Штаты (почти 1,2 млн человек) и Соединенное Королевство (около 450 000 новых мигрантов)²⁶.

24 В отношении данных о потоках мигрантов ДЭСВ ООН, а также данных по конкретным странам просьба ознакомиться с ДЭСВ ООН, 2015.

25 Этот подраздел основан на данных из Базы данных о международной миграции ОЭСР. В отношении дополнительных данных о потоках мигрантов и других данных о мигрантах в странах ОЭСР просьба ознакомиться с ОЭСР, n.d.a.

26 Эти страны занимают первые места по притоку иностранных граждан на постоянное жительство среди стран ОЭСР, в отношении которых имелись данные в 2017 году.

Диаграмма 5. Приток иностранных граждан в страны ОЭСР на постоянное жительство, 2000-2016 годы (в млн человек)

Источник: ОЭСР, n.d.a.

Примечание: Данные не стандартизированы и поэтому отличаются от статистических данных о притоке мигрантов в отдельные страны на постоянное жительство, которые содержатся в *Обзрении международной миграции за 2018 год* ОЭСР (ОЭСР, 2018).

Обычно в статистику ОЭСР включаются 35 следующих стран: Австралия, Австрия, Бельгия, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Израиль, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Латвия, Люксембург, Мексика, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Республика Корея, Словакия, Словения, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты, Турция, Финляндия, Франция, Чехия, Чили, Швеция, Швейцария, Эстония и Япония. В некоторые годы данные по тем или иным странам не предоставлялись: в 2000 году данные были предоставлены по 31 стране и в 2016 году - по 33 странам. Примечательно, что данные по Греции не сообщались с 2012 года, а по Турции - с 2010 года.

Случаи гибели мигрантов и Проект МОМ «Пропавшие без вести мигранты»

После трагических событий в октябре 2013 года, когда предположительно 368 мигрантов погибли при затоплении двух лодок вблизи итальянского острова Лампедуза, МОМ начала сбор и компиляцию информации о мигрантах, которые погибают или пропадают без вести на миграционных маршрутах по всему миру, в рамках Проекта «Пропавшие без вести мигранты» (ППМ). Информация о случаях смерти мигрантов собирается ежедневно и размещается в онлайн-базе данных Проекта «Пропавшие без вести мигранты», функционирующей под управлением Центра анализа данных о миграции в мире МОМ. В рамках ППМ также проводится анализ данных и проблем, связанных со смертельными случаями во время миграции, которые освещаются на брифингах и в докладах серии «Фатальные путешествия» (том 4, опубликованный в 2019 году). Источники данных включают официальные отчеты береговой охраны и медицинских экспертов, сообщения в СМИ, сообщения неправительственных организаций и учреждений системы Организации Объединенных Наций, а также опросы мигрантов. В сборе данных возникают значительные проблемы. Например, подавляющее большинство зарегистрированных случаев смерти касается людей, путешествующих тайными маршрутами, которые часто пролегают в море

или в отдаленных районах (выбранных с целью избежать обнаружения), что означает, что их останки не находятся. Данные о случаях смерти мигрантов собирают и публикуют немногие официальные источники. Полагаться на свидетельства других мигрантов и источники в СМИ может оказаться проблематично из-за неточностей и неполного освещения.

За пять лет (2014-2018 годы) систематической регистрации случаев гибели людей в процессе миграции в рамках ППМ было задокументировано, что свыше 30 900 женщин, мужчин и детей утратили жизнь при попытке добраться до других стран. За это время наибольшее число смертей было зарегистрировано в Средиземном море, где погибли по меньшей мере 17 919 человек, 64% тел которых не были извлечены из моря. В 2018 году Средиземное море продолжало оставаться местом с самым высоким известным числом смертей в процессе миграции, но, если сравнивать с предыдущими четырьмя годами, гораздо больше людей погибли, передвигаясь по «Западному средиземноморскому маршруту». В 2018 году на этом морском переходе от побережья Северной Африки до Испании было зарегистрировано 813 смертей по сравнению с 272 такими случаями в 2017 году. В 2018 году в Северной Африке было зарегистрировано почти 570 смертей во время миграции, главным образом из-за суровых природных условий, насилия и злоупотреблений, опасных условий перевозки, а также болезней и голода. Несмотря на продолжающуюся войну и гуманитарный кризис в Йемене, в 2018 году маршрут миграции в страну из Африканского Рога через Красное море и Аденский залив продолжал активно использоваться. Известно, что в 2018 году на этом переходе утонули 156 человек. В связи с перемещением миллионов людей из Боливарианской Республики Венесуэла в 2018 году 42 человека из этой страны погибли, пытаясь мигрировать в другие страны региона. Сотрудники ППМ не зафиксировали случаев смерти венесуэльцев в предыдущем году. С 2014 года в районе границы между Соединенными Штатами и Мексикой было зарегистрировано 1884 случая смерти, в том числе 434 таких случая в 2018 году.

Для загрузки данных ППМ см. <https://missingmigrants.iom.int/downloads>. Постоянно добавляются новые источники данных, и продолжают усиливаться усилия по улучшению сбора данных во всем мире. В отношении проблем в сборе данных о случаях смерти мигрантов просьба ознакомиться с информацией по адресу <http://missingmigrants.iom.int/methodology>.

Трудящиеся-мигранты

По последним имеющимся оценкам, в 2017 году в мире насчитывалось примерно 164 млн трудящихся-мигрантов, что составляло почти две трети (64%) от общего контингента международных мигрантов в количестве (в то время) 258 млн человек²⁷. Сопоставление с общей численностью международных мигрантов трудоспособного возраста, а именно в возрасте 15 лет и старше (234 млн человек), обнаруживает, что среди них доля трудящихся-мигрантов составляет 70%. Однако по ряду причин эти глобальные цифры, скорее всего, занижены²⁸. Хотя ранее были получены глобальные оценки численности трудящихся-

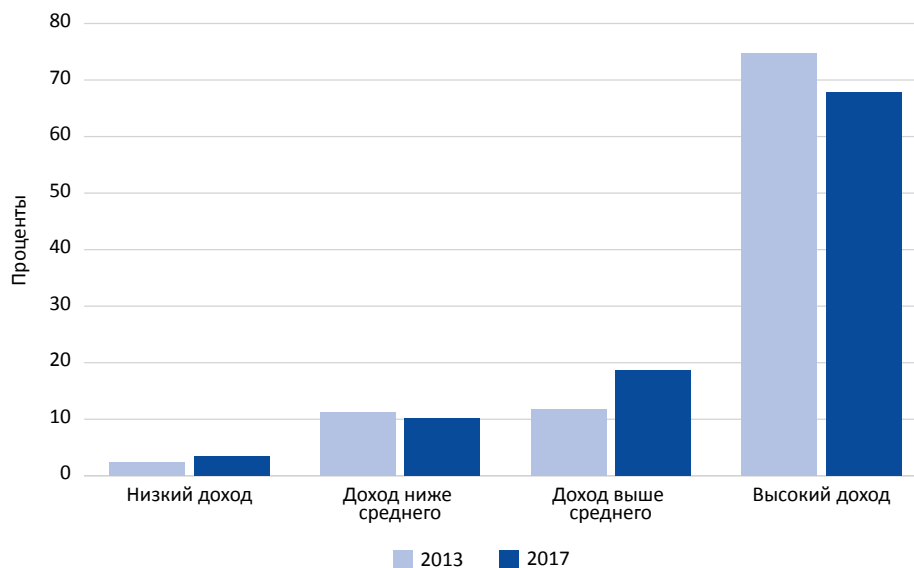
27 Содержание этого подраздела основано на данных, приведенных в МОТ, 2018, и заимствовано из этого источника. В отношении пояснительных примечаний, более глубокого анализа, ограничений и оговорок, связанных с представленными цифрами и тенденциями, просьба ознакомиться с этим документом. В более общем плане информацию о занятости в странах ОЭСР работников, родившихся за границей, можно найти в ОЭСР, n.d.b.

28 См., например, МОТ, 2018.

мигрантов, МОТ отмечает, что их нельзя сравнивать с данными 2017 года из-за различий в определениях и изменений в методологии и источниках данных.

В 2017 году 68% трудящихся-мигрантов проживали в странах с высоким уровнем дохода - примерно 111 млн человек. Еще 47 млн трудящихся-мигрантов (29%) жили в странах со средним уровнем дохода, а 5,6 млн (3,4%) - в странах с низким уровнем дохода. Хотя мы не можем сравнивать количество трудящихся-мигрантов в разные промежутки времени, полезно изучить изменения в их пропорциональном распределении. Так, в 2017 году произошли заметные изменения в выборе трудящимися-мигрантами категории стран назначения; дело в том, что в период 2013-2017 годов в странах с высоким уровнем дохода наблюдалось сокращение числа трудящихся-мигрантов на 7 процентных пунктов (с 75% до 68%), в то время как в странах с уровнем дохода выше среднего отмечалось увеличение на 7 процентных пунктов (с 12% до 19%).) (см. диаграмму 6). Возможно, на этот явный сдвиг повлиял экономический рост в странах со средним уровнем дохода и/или повлияли изменения в предписаниях, регулирующих трудовую иммиграцию в странах с высоким уровнем дохода. Среди групп стран, различаемых по уровню дохода, доля трудящихся-мигрантов в общей рабочей силе была довольно малой в странах с низким уровнем дохода (1,9%), с уровнем дохода ниже среднего (1,4%) и странах с уровнем дохода выше среднего (2,2%), но намного выше в странах с высоким уровнем дохода (18,5%).

Диаграмма 6. Трудящиеся-мигранты в разбивке по странам назначения с разным уровнем дохода в 2013 и 2017 годах

Источник: МОТ, 2018.

В 2017 году число трудящихся-мигрантов мужского пола превысило число трудящихся-мигрантов женского пола на 28 млн человек при наличии 96 млн мужчин (58%) и 68 млн женщин (42%), причем среди международных мигрантов трудоспособного возраста было больше мужчин (127 млн, или 54%, по сравнению с 107 млн, или 46% женщин). Это представляет собой незначительный сдвиг в сторону углубления гендерной дифференциации трудящихся-мигрантов в сравнении с 2013 годом, когда доля мужчин среди трудящихся-мигрантов составляла 56%, а женщин - 44%. См. таблицу 2 для дальнейшей разбивки по уровню дохода и полу.

Таблица 2. Трудящиеся-мигранты в разбивке по полу и странам назначения с разным уровнем дохода в 2017 году

	Низкий доход			Доход ниже среднего			Доход выше среднего			Высокий доход			Итого		
	М	Ж	Всего	М	Ж	Всего	М	Ж	Всего	М	Ж	Всего	М	Ж	Всего
Трудящиеся-мигранты (в млн человек)	3,6	1,9	5,6	10,9	5,6	16,6	17,4	13,1	30,5	63,7	47,5	111,2	95,7	68,1	163,8
Доля всех трудящихся-мигрантов (в %)	2,2	1,2	3,4	6,7	3,4	10,1	10,6	8	18,6	38,9	29	67,9	58,4	41,6	100

Источник: Основано на данных, приведенных в МОТ, 2018.

Примечание: Итоги могут не суммироваться из-за округления.

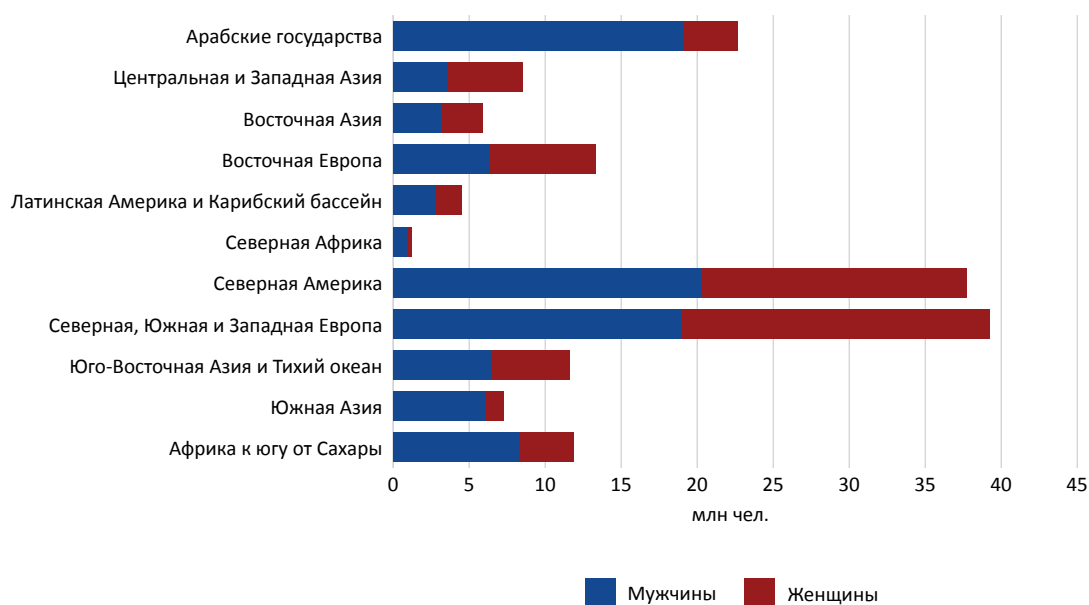
Как явствует из этих данных, в настоящее время контингент международных трудовых мигрантов характеризуется как гендерной дифференциацией, так и географической концентрацией. Во всем мире гораздо больше трудящихся-мигрантов мужского пола, чем женского пола (см. таблицу 2), причем гендерный состав этого контингента отличается значительным преобладанием мужчин в странах с низким уровнем дохода и с доходом ниже среднего, что контрастирует с гендерным распределением трудящихся-мигрантов в странах с высоким уровнем дохода. Что касается географического распределения, то, как показано в диаграмме 7 ниже, 99,6 млн человек, или почти 61% всех трудящихся-мигрантов, проживают в трех субрегионах: Северной Америке; арабских государствах; и Северной, Южной и Западной Европе²⁹. Следует отметить, что среди трудящихся-мигрантов резкий гендерный дисбаланс наблюдается в двух регионах: Южной Азии (6 млн мужчин по сравнению с 1,3 млн женщин) и в арабских государствах (19,1 млн мужчин по сравнению с 3,6 млн женщин). Регион арабских государств является одним из главных направлений для трудящихся-мигрантов, где они могут доминировать в ключевых секторах. Например, в государствах Залива более 95% рабочей силы в секторах строительства и домашнего труда составляют трудящиеся-мигранты³⁰. За 2013-2017 годы число трудящихся-мигрантов в арабских государствах увеличилось более чем на 5% вследствие повышенного спроса на мужчин из числа трудящихся-мигрантов, многие из которых заняты ручным трудом, в основном в строительном секторе³¹.

29 По классификации МОТ категория «арабские государства» включает следующие страны и территории: Бахрейн, Иордания, Ирак, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Саудовская Аравия, Сирийская Арабская Республика и палестинские территории.

30 МОТ, n.d.

31 МОТ, 2018.

Диagramма 7. Географическое распределение трудящихся-мигрантов в разбивке по полу в 2017 году

Источник: МОТ, 2018.

Примечание: Диаграмма отражает географические регионы и субрегионы МОТ и не означает официального одобрения или признания со стороны МОМ. В отношении дополнительной информации о региональных разбивках просьба ознакомиться с приложением А в МОТ, 2018. Просьба учесть, что в остальной части этой главы содержатся ссылки на географические регионы ДЭСВ ООН.

Международные денежные переводы

Переводы - это финансовые или натуральные трансферты, осуществляемые мигрантами непосредственно семьям или общинам в странах их происхождения. Всемирный банк собирает глобальные данные о международных денежных переводах, несмотря на многочисленные пробелы в данных, различия в определениях и методологические проблемы при составлении точных статистических данных³². Однако его данные не отражают незарегистрированные потоки через формальные или неформальные каналы и фактическую величину глобальных денежных переводов,

32 Если не указано иное, содержание большей части этого подраздела основано на данных Всемирного банка о миграции и денежных переводах и заимствовано из этого источника (Всемирным банком, n.d.b); а также публикаций по этой теме (Всемирным банком, n.d.c). В частности, использованы такие основные источники информации, как наборы данных Всемирного банка о ежегодных денежных переводах (Всемирным банком, n.d.b), Аналитическая записка по миграции и развитию № 31 (Всемирным банком, 2019), Аналитическая записка по миграции и развитию № 30 (Всемирным банком, 2018), Аналитическая записка по миграции и развитию № 27 (Всемирным банком, 2017a) и его пресс-релиз от 21 апреля (Всемирным банком, 2017b). Для ознакомления с пояснительными примечаниями, более глубоким анализом, оговорками, ограничениями и методологиями, связанными с представленными цифрами и тенденциями, просьба обратиться к этим источникам, а также к Информационным бюллетеням Всемирного банка по миграции и развитию, включая последний из них, опубликованный в 2016 году.

в связи с чем она, вероятно, больше имеющихся оценок³³. Несмотря на эти ограничения, доступные данные отражают общее увеличение денежных переводов в последние десятилетия: со 126 млрд долл. США в 2000 году до 689 млрд долл. США в 2018 году.

В 2018 году объем денежных переводов увеличился на 9% по сравнению с 633 млрд долл. США в 2017 году. Вместе с тем два года подряд до 2017 года отмечался спад; с 2014 года по 2015 год глобальные (входящие) потоки денежных переводов, по оценкам, сократились на 1,2% - с 603 млрд долл. США в 2014 году до 595 млрд долл. США в 2015 году, а с 2015 года по 2016 год - еще на 1,1% (с 595 млрд долл. США до 589 млрд долл. США). В соответствии с этой тенденцией денежные переводы в страны с низким и средним уровнем дохода (на которые приходится большая часть мирового общего объема) снижались в течение двух лет подряд - с 2014 года по 2016 год, что, по информации Всемирного банка, представляет собой тенденцию, которая не наблюдалась в течение трех десятилетий, а затем с 2016 года по 2018 год произошло возвращение к положительной долгосрочной тенденции (с 444 млрд долл. США в 2016 году до 483 млрд долл. США в 2017 году и 529 млрд долл. США в 2018 году). С середины 1990-х годов денежные переводы значительно превышали уровни официальной помощи в целях развития³⁴, определяемые как государственная помощь, направленная на содействие экономическому развитию и благосостоянию развивающихся стран³⁵.

В 2018 году Индия, Китай, Мексика, Филиппины и Египет были (в порядке уменьшения) пятью ведущими странами-получателями денежных переводов, хотя Индия и Китай значительно опережали остальных по их объему, при этом общий размер входящих денежных переводов превысил 67 млрд долл. США для каждой страны (см. таблицу 3). Однако, если рассматривать денежные переводы как процент от валового внутреннего продукта, то первые пять мест среди стран-получателей денежных переводов в 2018 году занимали Тонга (35,2%), затем Кыргызстан (33,6%), Таджикистан (31%), Гаити (30,7%) и Непал (28%).

Страны с высоким уровнем дохода почти всегда являются основным источником денежных переводов. На протяжении десятилетий Соединенные Штаты неизменно занимали первое место среди стран-отправителей денежных переводов: в 2017 году общий отток средств из страны в этой связи составил 67,96 млрд долл. США, далее следовали Объединенные Арабские Эмираты (44,37 млрд долл. США), Саудовская Аравия (36,12 млрд долл. США) и Швейцария (26,6 млрд долл. США). В 2016 и 2017 годах Германия заняла среди стран-отправителей пятое место по объему денежных переводов (общий отток составил, соответственно, 20,29 млрд долл. США и 22,09 млрд долл. США). Помимо своей роли основного получателя, Китай (классифицируемый Всемирным банком как страна с уровнем дохода выше среднего) также является значительным, хотя и сокращающимся источником денежных переводов - с 20,29 млрд долл. США в 2016 году до 16,18 млрд долл. США в 2017 году. В таблице 3 содержится дополнительная информация, указывающая на соответствующие тенденции³⁶.

33 Всемирным банком, 2016.

34 В качестве примера см. Всемирным банком, 2019.

35 См., например, ОЭСР, *n.d.c.*, где содержатся также данные об официальной помощи в целях развития. Растет количество исследований, в которых рассматриваются последствия для развития и социально-экономические последствия этой тенденции.

36 На момент написания главы данных в разбивке по странам-отправителям денежных переводов в 2018 году еще не имелось.

Таблица 3. Ведущие страны-получатели/отправители денежных переводов (2005-2018 годы) (в млрд долл. США по текущему курсу)

Ведущие страны-получатели денежных переводов							
2005		2010		2015		2018	
Китай	23,63	Индия	53,48	Индия	68,91	Индия	78,61
Мексика	22,74	Китай	52,46	Китай	63,94	Китай	67,41
Индия	22,13	Мексика	22,08	Филиппины	29,80	Мексика	35,66
Нигерия	14,64	Филиппины	21,56	Мексика	26,23	Филиппины	33,83
Франция	14,21	Франция	19,90	Франция	24,06	Египет	28,92
Филиппины	13,73	Нигерия	19,75	Нигерия	21,16	Франция	26,43
Бельгия	6,89	Германия	12,79	Пакистан	19,31	Нигерия	24,31
Германия	6,87	Египет	12,45	Египет	18,33	Пакистан	21,01
Испания	6,66	Бангладеш	10,85	Германия	15,81	Германия	17,36
Польша	6,47	Бельгия	10,35	Бангладеш	15,30	Вьетнам	15,93

Ведущие страны-отправители денежных переводов							
2005		2010		2015		2017 ^a	
Соединенные Штаты	47,25	Соединенные Штаты	50,78	Соединенные Штаты	61,86	Соединенные Штаты	67,96
Саудовская Аравия	14,30	Саудовская Аравия	27,07	Объединенные Арабские Эмираты	40,33	Объединенные Арабские Эмираты	44,37
Германия	12,71	Российская Федерация	21,45	Саудовская Аравия	38,79	Саудовская Аравия	36,12
Швейцария	10,52	Швейцария	17,76	Швейцария	25,40	Швейцария	26,60
Соединенное Королевство	9,64	Германия	14,68	Китай	20,42	Германия	22,09
Франция	9,48	Италия	12,89	Российская Федерация	19,69	Российская Федерация	20,61

Республика Корея	6,90	Франция	12,03	Германия	18,03	Китай	16,18
Российская Федерация	6,83	Кувейт	11,86	Кувейт	15,20	Кувейт	13,76
Люксембург	6,70	Люксембург	10,65	Франция	12,79	Франция	13,50
Малайзия	5,68	Объединенные Арабские Эмираты	10,57	Катар	12,19	Республика Корея	12,89

Источник: Всемирным банком, n.d.b. (дата доступа: июль 2019 года).

Примечание: Все величины приведены в млрд долл. США по текущему (номинальному) курсу.

а На момент написания главы последние данные имелись за 2017 год. Данных в разбивке по странам-отправителям денежных переводов в 2018 году еще не имелось.

Программы помощи МОМ в добровольной репатриации и реинтеграции

МОМ осуществляет программы помощи в добровольной репатриации и реинтеграции (ПДРР) с 1979 года. Поддержка, оказываемая МОМ мигрантам в рамках ПДРР, состоит из целого ряда мероприятий, которые обычно включают в себя: предоставление консультаций перед отъездом, покупку авиабилетов, административную помощь и помощь в поездках и, где это возможно, оказание помощи в реинтеграции.

В 2005-2014 годы МОМ в рамках ПДРР оказывала помощь в среднем 34 000 мигрантам в год. В последние годы в связи с расширением миграции количество возвращений увеличилось. В 2018 году поддержку по линии ПДРР получили 63 316 мигрантов, вернувшихся из 128 принимающих или транзитных стран в 169 стран или территорий происхождения. Однако это составляет сокращение на 12% по сравнению с 2017 годом (72 176 человек). Это снижение может объясняться сочетанием структурных и контекстуальных факторов, различающихся в разных странах: меньшее количество прибывающих мигрантов и ходатайств о предоставлении убежища, а также изменения в национальной политике в области миграции и убежища. Из 63 316 бенефициаров ПДРР в 2018 году примерно 24% составляли женщины и 22% - дети. Более 7% этих возвращенцев были жертвами торговли людьми, несопровождаемыми детьми-мигрантами или мигрантами, имеющими медицинские потребности. Примерно 18 274 бенефициарам были предоставлены консультации по вопросам реинтеграции перед отъездом в принимающих странах, а 41 461 бенефициару были предоставлены консультации по вопросам реинтеграции по прибытии в их страны или на территории происхождения.

10 основных принимающих стран/стран транзита и стран происхождения бенефициаров ПДРР в 2018 году

Принимающие страны или страны транзита		Страны происхождения	
Германия	15 942	Ирак	5 661
Нигер	14 977	Гвинея	5 088
Греция	4 968	Эфиопия	4 792
Австрия	3 469	Мали	4 041
Джибути	3 392	Грузия	2 681
Бельгия	2 795	Афганистан	2 232
Нидерланды	2 149	Албания	2 167
Марокко	1 508	Российская Федерация	1 952
Турция	1 494	Украина	1 901
Италия	958	Кот-д'Ивуар	1 834

В 2018 году большинство бенефициаров ПДРР (54%) вернулись из Европейского экономического пространства (ЕЭП) и Швейцарии, особенно из Германии, Греции, Бельгии, Австрии и Нидерландов. Число возвращений из ЕЭП и Швейцарии сократилось с 50 587 в 2017 году до 33 971 в 2018 году. Эта тенденция подтверждает растущее число добровольных возвращений из стран транзита. В 2018 году возвращения из Нигера, Джибути и Марокко в такие страны, как Гвинея, Мали и Эфиопия, составили более 22% от общемирового показателя. Основными регионами происхождения бенефициаров ПДРР в 2018 году были Западная и Центральная Африка (31% от общего числа); Юго-Восточная Европа, Восточная Европа и Центральная Азия (28%); и Азиатско-Тихоокеанский регион (14%). В совокупности на 10 ведущих стран и территорий происхождения приходится 51% от общего числа бенефициаров ПДРР.

В отношении дополнительной информации см. MOM, 2019а.

Беженцы и просители убежища

К концу 2018 года в мире насчитывалось в общей сложности 25,9 млн беженцев, из которых 20,4 млн человек подпадали под мандат УВКБ ООН и 5,5 млн беженцев были зарегистрированы Ближневосточным агентством Организации Объединенных Наций для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР)³⁷. Общее количество беженцев является самым высоким за всю историю наблюдений, хотя с 2012 года ежегодные темпы его роста замедлились.

³⁷ Содержание этого подраздела основано на данных, приведенных в УВКБ ООН, 2018 и УВКБ ООН, 2019, и заимствовано из этих источников. Для ознакомления с пояснительными примечаниями, более глубоким анализом, оговорками, ограничениями и методологиями, связанными с представленными цифрами и тенденциями, просьба обратиться к этим документам. Другими важными источниками информации являются предыдущие доклады УВКБ серии Глобальные тенденции (*Global Trends*), а также его База данных о статистике народонаселения (УВКБ ООН, n.d.a).

Кроме того, насчитывалось еще около 3,5 млн человек, стремившихся получить международную защиту и ожидавших определения своего статуса беженца, которых называют просителями убежища. В 2018 году государствам или УВКБ были поданы примерно 2,1 млн заявлений о предоставлении убежища. Из примерно 1,7 млн заявлений о предоставлении убежища, поданных в первой инстанции в 2018 году, больше всего ходатайств о предоставлении убежища получили Соединенные Штаты: 254 300 новых ходатайств о предоставлении убежища, что на 23% меньше, чем в 2017 году (331 700 заявлений), в отличие от предыдущей тенденции роста числа ходатайства о предоставлении убежища в Соединенных Штатах с 2013 года по 2016 год. Перу было вторым по количеству адресатом ввиду резкого увеличения числа ходатайств о предоставлении убежища, а именно с 37 800 новых заявлений о предоставлении убежища в 2017 году до 192 500 - в 2018 году, которые были поданы в основном венесуэльцами (190 500 заявлений). За Перу следовала Германия, где число ходатайств о предоставлении убежища продолжало сокращаться (с 722 400 в 2016 году, до 198 300 в 2017 году и 161 900 в 2018 году).

По оценкам УВКБ, в конце 2018 года лица в возрасте до 18 лет составляли примерно 52% всех беженцев в мире. Согласно имеющимся дезагрегированным данным в 2003-2018 годах доля детей в контингентах беженцев была очень высокой, колеблясь между 41% и 52%. За тот же период доля женщин оставалась относительно стабильной - от 47% до 49%. В соответствии с более широкой глобальной динамикой беженцы по-прежнему в большей степени тяготеют к городским условиям, и на конец 2018 года в городских районах проживали около 61% беженцев³⁸.

По имеющимся оценкам, в 2018 году несопровождаемые и разлученные дети не менее чем в 60 странах подали приблизительно 27 600 индивидуальных ходатайств о предоставлении убежища, что свидетельствует о сохраняющейся тенденции к снижению после исключительно высокого числа ходатайств в 2015 году (98 400)³⁹.

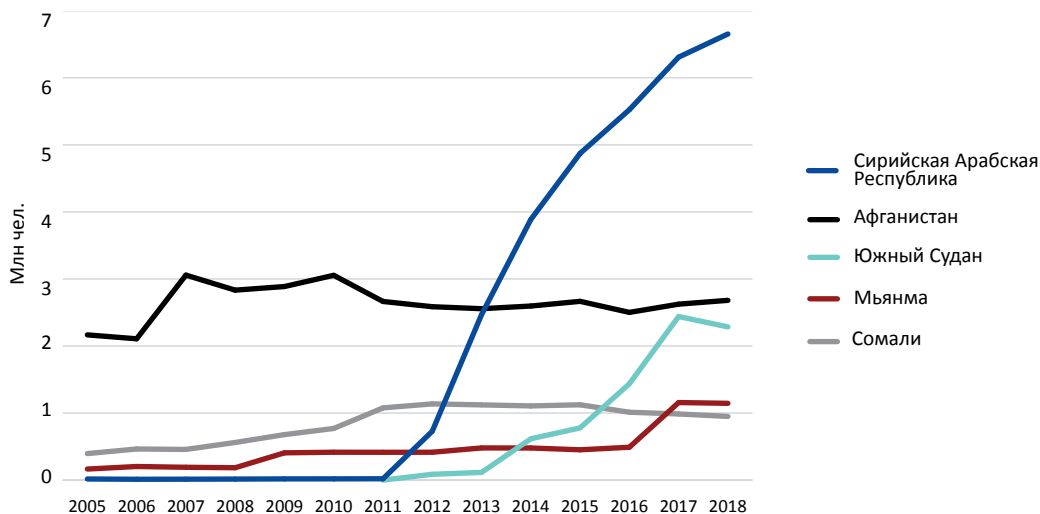
Как и в предыдущие годы, динамика неурегулированных или возобновленных конфликтов в ключевых странах существенно влияла на текущие цифры и тенденции. Из всех беженцев, подпадающих под мандат УВКБ на конец 2018 года, примерно 16,6 млн беженцев, или 82% от их общего количества, прибыли из десяти ведущих стран происхождения, к числу которых относились Сирийская Арабская Республика, Афганистан, Южный Судан, Мьянма, Сомали, Судан, Демократическая Республика Конго, Центральноафриканская Республика, Эритрея и Бурунди. Многие из этих стран лидировали среди стран происхождения как источники беженцев в течение по крайней мере семи лет. В результате продолжающегося конфликта в Сирийской Арабской Республике число беженцев из этой страны достигло около 6,7 млн человек. В Афганистане продолжают нестабильность и насилие, в силу которых он является крупным источником беженцев на протяжении более 30 лет, а также занимает второе место в мире, будучи страной происхождения 2,7 млн беженцев; причем отмечается небольшое увеличение их числа по сравнению с показателем 2017 года (2,6 млн), обусловленное в основном количеством рождений в этом году. Южный Судан оставался третьей по количеству беженцев страной происхождения, поскольку в итоге крупномасштабного насилия, насчитывалось 2,3 млн человек. Беженцы из Сирийской Арабской Республики, Афганистана, Южного Судана, Мьянмы и Сомали составляли более двух третей всех беженцев в мире. В диаграмме 8 показаны тенденции динамики численности беженцев из пяти ведущих стран происхождения в 2005-2018 годах. В диаграмме 8 четко иллюстрируется воздействие сирийского конфликта: в 2010 году

38 В отношении ограничений, применимых к этим оценкам, которые связаны с возрастом, полом и местоположением, см. УВКБ ООН, 2018 и УВКБ ООН, 2019.

39 В отношении причин, по которым эти цифры считаются заниженными, см. УВКБ ООН, 2019.

Сирийская Арабская Республика была страной происхождения для менее чем 30 000 беженцев и просителей убежища, тогда как она же была третьей в мире принимающей страной для более чем одного миллиона беженцев, в основном выходцев из Ирака⁴⁰.

Диаграмма 8. Число беженцев в разбивке по 5 странам происхождения по состоянию на 2018 год (в млн человек)

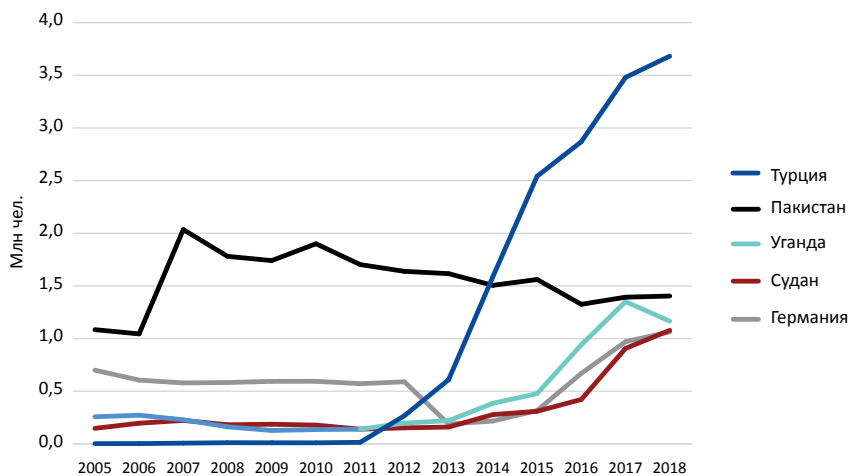

Источник: УВКБ ООН, n.d.a. (дата доступа: 9 июля 2019 года).

Примечание: Южный Судан стал независимой страной в 2011 году.

В 2018 году Турция пятый год подряд была страной, принимающей наибольшее в мире количество беженцев - 3,7 млн человек, в основном из числа сирийцев (свыше 3,6 млн человек). Учитывая существенную долю сирийцев в общем составе беженцев во всем мире, две другие граничащие страны - Иордания и Ливан - также вошли в первую десятку принимающих беженцев стран. Кроме того, в ней присутствуют Пакистан и Исламская Республика Иран как две основные страны, принимающие беженцев из Афганистана - страны происхождения второго по величине контингента беженцев. Остальные страны включали Уганду, Судан, Германию, Бангладеш и Эфиопию. Подавляющее большинство беженцев было принято в соседних странах. По данным УВКБ, наименее развитые страны, такие как Бангладеш, Демократическая Республика Конго, Йемен, Объединенная Республика Танзания, Руанда, Судан, Уганда, Чад, Эфиопия и Южный Судан, приняли 33% от общего числа беженцев в мире (6,7 млн человек). В то же время страны с высоким уровнем дохода входят в первые десять принимающих стран только в случае измерения беженцев по отношению к общей численности населения страны, например Швеция (седьмое место) и Мальта (девятое место). Диаграмма 9 показывает тенденции в динамике численности беженцев для пяти ведущих принимающих стран в период 2000-2018 годов.

Диаграмма 9. Число беженцев в разбивке по 5 ведущим принимающим странам по состоянию на 2018 год (в млн человек)

Источник: УВКБ ООН, n.d.a. (дата доступа: 25 июня 2019 года).

В 2018 году более 590 000 беженцев вернулись в страны своего происхождения, что означает сокращение по сравнению с 667 400 беженцами, вернувшимися в 2017 году; в то же время численность беженцев во всем мире продолжает увеличиваться. Большинство беженцев (210 900 человек) вернулись в Сирийскую Арабскую Республику, главным образом из Турции.

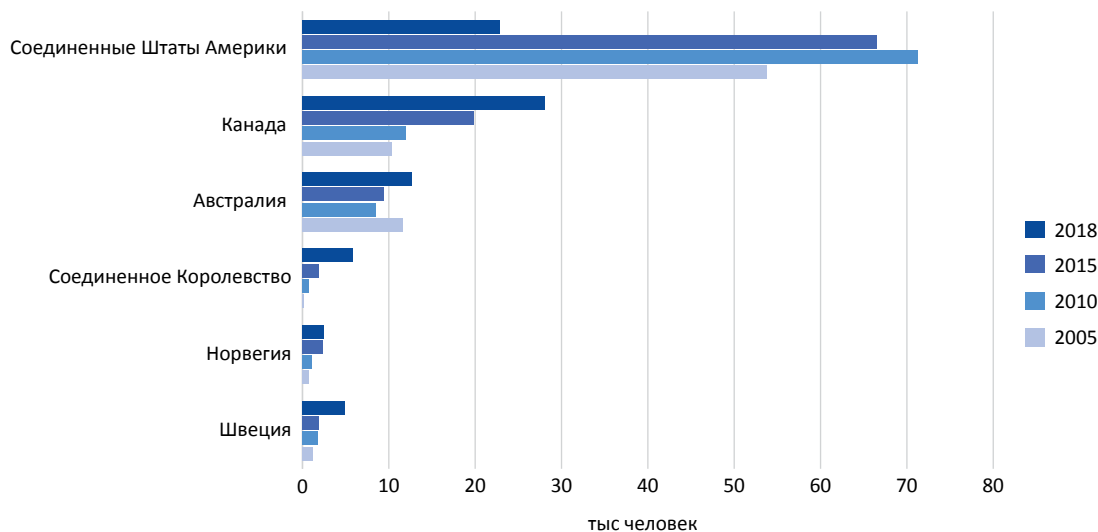
Хотя существует много проблем, связанных с измерением числа лиц, воспользовавшихся возможностями интеграции на местах, согласно оценкам УВКБ в 2018 году 27 стран сообщили как минимум об одном натурализованном беженце (по сравнению с 28 странами в 2017 году), а за год их общее количество достигло 62 600 человек (что меньше, чем 73 400 вновь натурализованных беженцев в 2017 году, но значительно больше, чем 23 000 таких лиц, зарегистрированных в 2016 году). На Турцию, где в 2018 году были натурализованы приблизительно 29 000 беженцев из Сирийской Арабской Республики (по сравнению с 50 000 в 2017 году), приходится наибольшая доля таких лиц, тогда как на Канаду, Нидерланды, Гвинею-Бисау и Францию - большая часть остальных.

Традиционные страны переселения - Канада, Соединенные Штаты Америки и Австралия - продолжали принимать большинство переселяющихся беженцев в мире. В 2018 году примерно 92 400 беженцев были приняты для переселения по всему миру, что на 10% меньше, чем в 2017 году (102 800 человек). Сирийские, конголезские и эритрейские беженцы были основными бенефициарами переселения. В диаграмме 10 представлен обзор статистики переселения для ключевых стран за период 2005-2018 годов. Соединенные Штаты Америки, куда в 2018 году переселились почти 23 000 беженцев, впервые с 1980 года утратили первое место по числу переселений⁴¹. Существенное сокращение числа беженцев, переселенных в страну, было связано со значительным снижением потолка приема беженцев (числа беженцев, принимаемых на переселение в каждом финансовом году) и ужесточением проверок на безопасность беженцев из стран «высокого риска», что привело к сокращению приема беженцев из этих стран⁴². Ввиду постоянного роста числа переселенных беженцев в течение последнего десятилетия в 2018 году Канада стала главной страной переселения, куда переселились немногим более 28 000 беженцев.

41 Radford и Connor, 2019.

42 United States Department of Homeland Security, 2018; и Blizzard и Batalova, 2019.

Диаграмма 10. Число беженцев, переселенных основными странами переселения в 2005-2018 годах (в тыс человек)

Источник: УВКБ ООН, n.d.b. (дата доступа: 25 июня 2019 года).

Роль МОМ в переселении

МОМ обеспечивает безопасные и организованные поездки для беженцев в рамках программ переселения, а также для других охватываемых уязвимых лиц, которые перемещаются по другим гуманитарным каналам. Помимо традиционных программ переселения и приема беженцев по гуманитарным соображениям, все больше государств заинтересованы в применении или в настоящее время применяют другие формы приема, такие как частное спонсорство, академические стипендии и схемы мобильности рабочей силы. Данные МОМ о передвижениях, используемые для оказания помощи в переселении, касаются общего числа беженцев и других охватываемых лиц, путешествующих при содействии МОМ из различных стран отправления в пункты назначения по всему миру в течение определенного периода.

В течение календарных 2017 и 2018 годов МОМ оказала поддержку примерно 40 государствам в реализации инициатив по переселению, приему по гуманитарным соображениям и переезду лиц из более чем 138 стран отправления, при этом в Ливане, Турции, Афганистане, Иордании, Греции, Италии, Уганде, Кении, Ираке, Эфиопии и Судане были проведены немаловажные операции.

В 2017 году общее число людей, которые переехали в 40 государств при содействии МОМ, оказывавшей им помощь в переселении, достигло 137 840 человек, среди которых преобладали сирийцы, афганцы, эритрейцы, иракцы и конголезцы. В 2018 году МОМ предоставила содействие в переезде и помощь в переселении в 30 государств в общей сложности 95 400 человек; при этом пять наиболее многочисленных национальностей были такими же, как и в предыдущем году. В 2017 и 2018 годах гендерный состав переселенцев оставался почти одинаковым: в третьи страны переселились 52% мужчин и 48% женщин.

По сравнению с 2015-2016 годами в 2017-2018 годах на 49,6% сократилось число лиц, переселившихся в страны Северной Америки, и на 46% увеличилось число людей, переселившихся в страны Европейского экономического пространства (ЕЭП) и обосновавшихся в них. Самые крупные национальные группы, принятые странами ЕЭП в 2017-2018 годах, составили сирийцы, эритрейцы, иракцы, конголезцы, суданцы и афганцы.

В соответствии с соглашениями о сотрудничестве МОМ предоставляет заинтересованным сторонам необходимую информацию и обменивается данными с ключевыми партнерами, такими как УВКБ, страны переселения и агентства по расселению. МОМ на регулярной основе и в тесном сотрудничестве с УВКБ работает над проверкой и более совершенным согласованием совокупных данных, касающихся переселения, в частности данных, связанных с отъездами. Более полную информацию о деятельности МОМ в области переселения см. по адресу www.iom.int/resettlement-assistance.

Внутренне перемещенные лица

Центр наблюдения за процессами внутреннего перемещения (ЦНВП) собирает данные о двух аспектах внутреннего перемещения: новые перемещения за данный период и общий контингент ВПЛ в данный момент времени. Эта статистическая информация классифицируется по двум общим причинам перемещения: а) бедствия и б) конфликт и насилие. Вместе с тем ЦНВП признает наличие проблем, связанных с разграничением между бедствиями и конфликтами как непосредственными причинами перемещения, и подчеркивает растущую необходимость в определении более эффективных способов регистрации перемещения в контексте многих движущих факторов⁴³.

Согласно оценкам, к концу 2018 года во всем мире контингент ВПЛ, перемещенных в результате конфликтов и насилия, был самым многочисленным за всю историю наблюдений с момента начала мониторинга ЦНВП в 1998 году, достигнув 41,3 млн человек, что представляет собой увеличение по сравнению с 40 млн в 2017 году. Как и в случае тенденций в отношении беженцев (рассмотренных в предыдущем разделе), наличие неразрешимых и новых конфликтов привело к удвоению после 2000 года общей численности людей, подвергшихся внутреннему перемещению в результате конфликтов и насилия, и к резкому увеличению их количества после 2010 года.

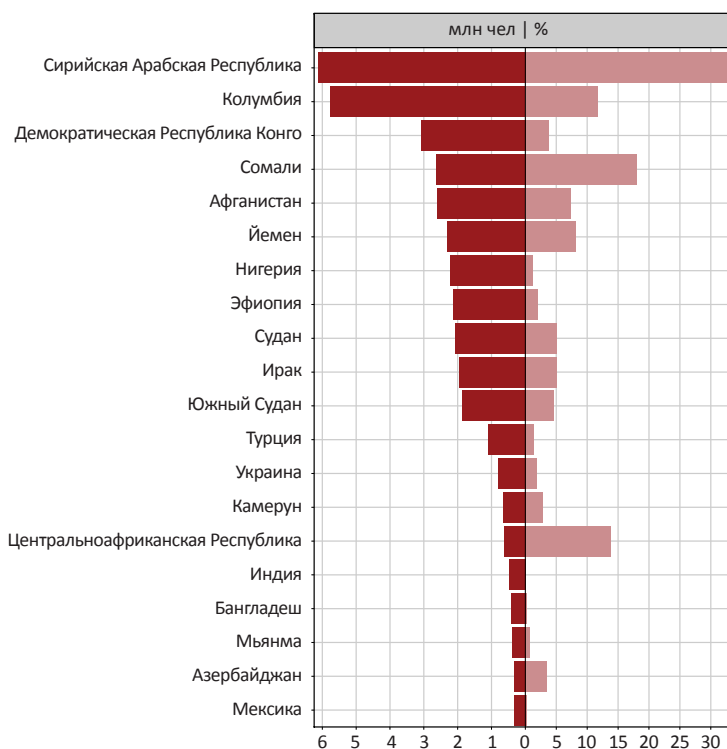
На диаграмме 11 показаны 20 стран мира с наибольшим числом (контингентом) ВПЛ, перемещенных в результате конфликтов и насилия к концу 2018 года. Большинство стран находились либо на Ближнем Востоке, либо в Африке к югу от Сахары. К концу 2018 года наибольшее количество лиц, перемещенных в результате конфликта (6,1 млн человек), отмечалось в Сирийской Арабской Республике, за которой следовала Колумбия (5,8 млн человек). В Демократической Республике Конго находился третий по величине контингент численностью 3,1 млн человек, за ней следовали Сомали (2,6 млн человек) и Афганистан (2,6 млн человек). Свыше 30 млн (почти 75%) из общемировых 41,3 млн перемещенных лиц проживают только в десяти странах⁴⁴. Что касается доли ВПЛ в населении страны, то в Сирийской Арабской Республике, где

43 ЦНВП освещает проблемы в сборе данных о перемещениях, обусловленных осуществлением проектов развития, криминальным насилием или медленно надвигающимися бедствиями, а также усилия по преодолению этих затруднений. См. ЦНВП, 2019.

44 В число этих десяти стран входят: Сирийская Арабская Республика, Колумбия, Демократическая Республика Конго, Сомали, Афганистан, Йемен, Нигерия, Эфиопия, Судан и Ирак.

конфликт затянулся на много лет, свыше 30% населения переместились в результате конфликта и насилия. В Сомали зарегистрирована вторая по величине доля (18%), затем следуют Центральноафриканская Республика и Колумбия (в обеих странах более 10%). Тем не менее важно отметить, что в некоторых случаях, особенно в случаях затянувшихся перемещений, таких как в Колумбии, часть людей, вернувшихся в места своего происхождения и в свои дома, могут все еще числиться среди внутренне перемещенных лиц. Это объясняется тем, что в некоторых случаях не было достигнуто долгосрочного решения⁴⁵. Такие организации, как ЦНВП, руководствуются Рамочной основой Межучрежденческого постоянного комитета по поиску долгосрочных решений в интересах внутренне перемещенных лиц, в которой установлены восемь критериев долгосрочного решения при определении того, когда людей уже не следует рассматривать в качестве внутренне перемещенных лиц⁴⁶.

Диаграмма 11. 20 стран с крупнейшим контингентом ВПЛ, перемещенных в результате конфликтов и насилия, на конец 2018 года

Источник: ЦНВП, 2019.

Примечание: Контингент ВПЛ означает количество перемещенных лиц, накопившееся с течением времени. Данные о численности населения, использованные для подсчета доли лиц, перемещенных в результате конфликтов, основаны на оценках численности постоянных жителей стран, произведенных ДЭСВ ООН за 2017 год.

45 Долгосрочное решение достигается, «когда ВПЛ уже не испытывают особые потребности в помощи и защите, которые связаны с их перемещением, и такие лица могут пользоваться своими правами человека без какой-либо дискриминации, обусловленной их перемещением». См., например, the Brookings Institution и University of Bern, 2010.

46 Эти критерии включают: защиту и безопасность; достаточный жизненный уровень; доступность средств к существованию; восстановление жилья, земли и собственности; доступ к документам; воссоединение семьи; участие в ведении государственных дел; и доступ к эффективным средствам правовой защиты и правосудию. См., например, the Brookings Institution и University of Bern, 2010; ЦНВП, 2019.

В 2018 году ЦНВП впервые представил также оценку общемирового контингента лиц, перемещенных в результате бедствий. По состоянию на конец 2018 года в результате бедствий, имевших место в 2018 году, в условиях перемещения все еще проживали немногим более 1,6 млн человек. Как отметил ЦНВП, эта цифра является «весьма консервативной оценкой», поскольку она не охватывает тех, кто живет в условиях перемещения в результате бедствий, имевших место до 2018 года.

Новые перемещения в 2018 году

По состоянию на конец 2018 года в 148 странах и территориях имели место в общей сложности 28 млн новых внутренних перемещений. 61% (17,2 млн) этих новых перемещений были вызваны бедствиями, а 39% (10,8 млн) - конфликтами и насилием. Как и в предыдущие годы, стихийные бедствия, вызванные погодными условиями, привели к подавляющему большинству всех новых перемещений: штормы стали причиной 9,3 млн перемещений, а наводнения - 5,4 млн. Количество новых перемещений, связанных с конфликтами и насилием, почти удвоилось: с 6,9 млн в 2016 году до 11,8 млн в 2017 году и незначительно снизилось до 10,8 млн в 2018 году⁴⁷.

В 2018 году список возглавила Эфиопия, в которой значительно увеличилось число новых перемещений, вызванных конфликтами и насилием (2,9 млн в 2018 году по сравнению с 725 000 в 2017 году), что существенно повлияло на общемировые показатели⁴⁸. За Эфиопией следовали Демократическая Республика Конго (1,8 млн) и Сирийская Арабская Республика (1,6 млн).

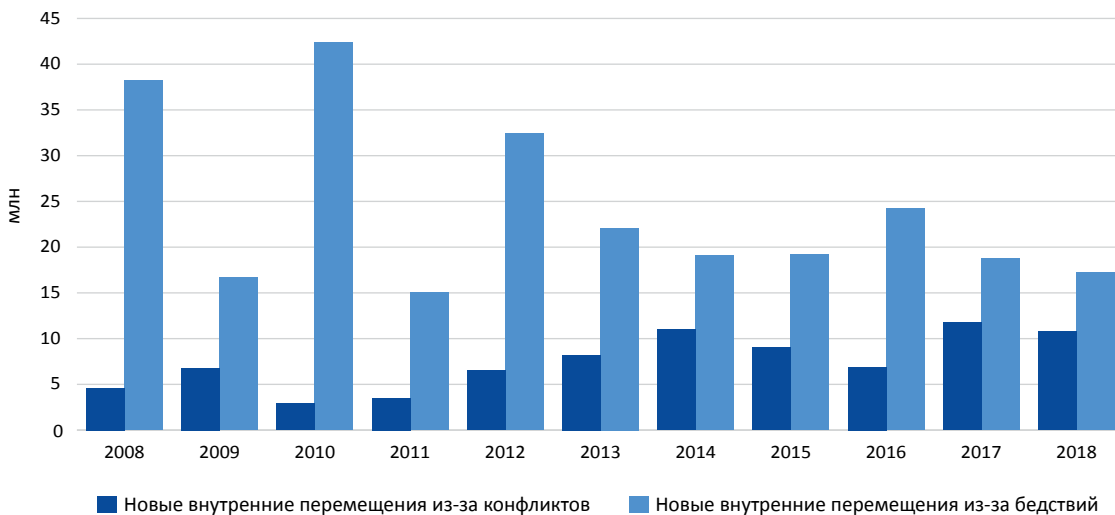
Анализ данных за каждый отдельно взятый год показывает, что стихийные бедствия вызывают перемещение гораздо большего числа людей, чем конфликты и насилие, и все больше стран страдают от перемещения, вызванного бедствиями. Это очевидно при рассмотрении количества стран и территорий, в которых новые перемещения имели место в 2018 году: в 144 из-за стихийных бедствий по сравнению с 55 из-за конфликтов и насилия. В 2018 году (как и в предыдущие годы) бедствия, вызванные климатическими и погодными явлениями, такими как штормы и наводнения, стали причинами подавляющего числа всех перемещений (16,1 млн, или почти 94%). Имелась также информация о перемещениях, вызванных засухами, впервые полученная в 2017 году, когда было зарегистрировано 1,3 млн новых перемещений, тогда как в 2018 году по этой причине имели место 764 000 новых перемещений, в основном в районе Африканского Рога. Согласно наблюдениям, ведущимся с 2008 года, еще одна причина стихийных бедствий - геофизические явления - вызвала в среднем 3,1 млн перемещений в год. Хотя статистические данные о перемещениях в связи с геофизическими бедствиями в 2017 году, когда были зарегистрированы 758 000 новых перемещений, были значительно ниже среднего, в 2018 году число таких перемещений увеличилось до 1,1 млн. В 2018 году самые высокие абсолютные цифры перемещений, вызванных стихийными бедствиями, отмечались на Филиппинах и в Китае (примерно по 3,8 млн в каждой из этих стран), а также в Индии и Соединенных Штатах (соответственно, около 2,7 млн и 1,2 млн).

47 Содержание этого подраздела основано на данных, приведенных в ЦНВП, 2018 и ЦНВП, 2019, и заимствовано из этих источников. Для ознакомления с пояснительными примечаниями, более глубоким анализом, оговорками, ограничениями и методологиями, связанными с представленными цифрами и тенденциями, просьба обратиться к этим документам. К числу других основных источников информации относятся предыдущие доклады ЦНВП серии «Глобальные оценки» (имеются по адресу www.internal-displacement.org/global-report/), а также его База данных о внутренних перемещениях в мире (ЦНВП, n.d.).

48 ЦНВП объясняет возможные причины этих изменений, отмечая стабилизацию линий размежевания между сторонами конфликтов, договоренности о прекращении огня, ограничения свободы передвижения и изменения в методологии сбора данных.

Как показано на диаграмме 12, в предыдущие годы число новых перемещений, обусловленных бедствиями, ежегодно превышало число новых перемещений, вызванных конфликтами и насилием. Вместе с тем ЦНВП отмечает, что значительная часть всех новых перемещений в мире, вызванных бедствиями, как правило, состояла в краткосрочной эвакуации, осуществляемой относительно безопасным и организованным образом.

Диаграмма 12. Новые внутренние перемещения в результате конфликтов и бедствий в 2008-2018 годах (в млн)

Источник: ЦНВП, n.d. (дата доступа: 4 июня 2019 года).

Примечание: Термин «новые перемещения» означает число передвижений в контексте перемещения, которые имели место за данный год, а не численность общего контингента ВПЛ, накопившегося вследствие перемещения в течение определенного времени. Данные о новых перемещениях касаются лиц, которые были перемещены более одного раза, и не соответствуют числу людей, перемещенных в течение данного года.

Матрица отслеживания перемещений MOM

Программа MOM «Матрица отслеживания перемещений» (МОП) позволяет отслеживать перемещения в странах, затронутых конфликтами или стихийными бедствиями. Она предназначена для сбора, обработки и распространения информации о передвижениях и меняющихся потребностях перемещенного населения и мигрантов. Данные представляются в виде карт, инфографики, докладов, интерактивных веб-визуализаций и экспорта необработанных или пользовательских данных. В зависимости от конкретной ситуации в рамках МОП проводится сбор информации о населении, местоположениях, условиях, потребностях и факторах уязвимости с использованием одного или нескольких из следующих методологических инструментов:

- отслеживание мобильности и многосекторальных потребностей в конкретных местоположениях для оказания адресной помощи;
- отслеживание тенденций и общего положения с передвижением («потоком») в пунктах происхождения, транзита и назначения;

- (с) регистрация отдельных лиц и домашних хозяйств для отбора бенефициаров, определения уязвимости и программирования;
- (d) проведение обследований для сбора конкретной подробной информации среди групп населения, представляющих интерес.

В 2018 году по линии МОП отслеживались свыше 40 млн человек (включая внутренне перемещенных лиц, возвращенцев и мигрантов) в более чем 60 странах. Данные МОП МОМ являются одним из крупнейших источников глобальных ежегодных оценок внутреннего перемещения, составляемых ЦНВП. Более подробную информацию о МОП МОМ см. по адресу www.globaldtm.info.

Лица без гражданства

Лица без гражданства по определению находятся в уязвимом положении, поскольку ни одно государство не признает их своими гражданами⁴⁹. Они сталкиваются с препятствиями в доступе к базовым услугам, таким как образование, занятость или здравоохранение, и могут подвергаться дискриминации, злоупотреблениям и маргинализации. Хотя лица без гражданства не обязательно являются мигрантами, их ситуации, для которых характерны уязвимость и несправедливость, могут вынуждать их к миграции, будь то внутренняя или трансграничная и зачастую нелегальная миграция, учитывая те значительные препятствия, с которыми они могут столкнуться в доступе к проездным документам и легальным миграционным маршрутам⁵⁰.

В порядке выполнения своего мандата в отношении безгражданства УВКПЧ сообщило, что в 2018 году во всем мире насчитывалось 3,9 млн апатридов, что соответствовало общемировому показателю в 2017 году⁵¹. Однако эта цифра является заниженной оценкой, поскольку, по данным УВКБ, в 2017 году их численность могла достигать 10 млн человек. В сущности, необходимый первый шаг к предотвращению и сокращению безгражданства во всем мире состоит в определении того, кто является апатридом, однако сбор данных остается серьезным вызовом⁵².

УВКБ впервые включило беженцев из числа народа рохинджа в Бангладеш и ВПЛ в штате Ракхайн, Мьянма, в свои данные по лицам без гражданства за 2017 и 2018 годы «с учетом численности этого населения и того, что они фактически являются как апатридами, так и перемещенными лицами»⁵³. В 2018 году Бангладеш и Мьянма были странами, занимавшими, соответственно, первое и третье места по количеству лиц без гражданства (около 906 000 апатридов в Бангладеш и 620 000 - в Мьянме). На диаграмме 13 показаны другие страны, занявшие первые десять мест в 2018 году. Кот-д'Ивуар занял второе место с 692 000 лиц без гражданства, включая в основном людей, считавшихся «иностранцами» после обретения страной

49 Организация Объединенных Наций, 1954. См. также УВКБ ООН, 2014а.

50 McAuliffe, 2018.

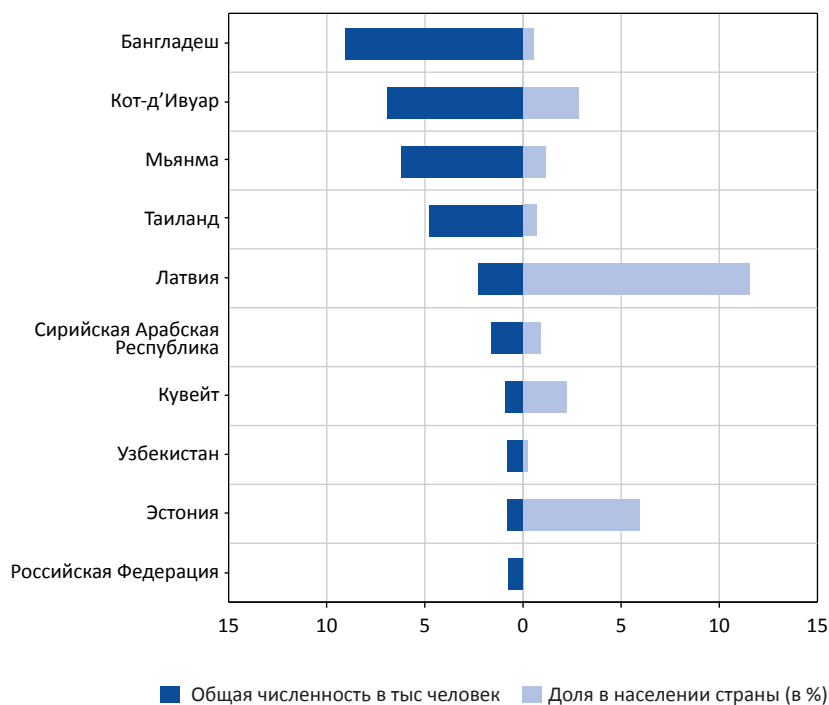
51 Если не указано иное, содержание этого подраздела основано на данных, приведенных в УВКБ ООН, 2018 и УВКБ ООН, 2019, и заимствовано из этих источников.

52 УВКБ ООН, 2019:51.

53 УВКБ ООН, 2018:53. В соответствии со статистической методологией УВКБ ООН беженцы без гражданства, просители убежища и ВПЛ в других странах по-прежнему исключаются из сообщаемых данных о лицах без гражданства. Однако в публикации «Глобальные тенденции: принудительное перемещение в 2017 году» УВКБ указывает, что статистическая отчетность по лицам без гражданства в настоящее время пересматривается (УВКБ ООН, 2018). Смотрите также Institute on Statelessness and Inclusion, 2018.

независимости, а также их потомков⁵⁴. В Таиланде в 2018 году имела четвертая по численности группа лиц без гражданства, большинство которых состояло из представителей коренных и этнических общин⁵⁵. Латвия сообщила о наличии почти 225 000 апатридов, включая значительное число этнических русских, которые не смогли натурализоваться в силу закона о гражданстве, принятого страной после обретения ею независимости от Советского Союза, в соответствии с которым гражданство предоставляется только по происхождению⁵⁶. Следующие места занимали Сирийская Арабская Республика (160 000 человек), Кувейт (92 000 человек), Узбекистан (80 000 человек), Эстония (78 000 человек) и Российская Федерация (76 000 человек). С точки зрения доли в населении страны апатридами были свыше 11% населения Латвии, за которой следует Эстония, где доля лиц без гражданства составила почти 6%.

Диаграмма 13. Распределение лиц без гражданства в населении первых по их численности 10 стран, представивших сведения по состоянию на 2018 год

Источник: УВКБ ООН, 2019; ДЭСВ ООН, 2017b.

Примечание: Контингент в левой части графика означает зарегистрированное накопившееся количество лиц, подпадающих под международное определение лиц без гражданства и действие мандата УВКБ, хотя некоторые страны могут включать в него лиц, чье гражданство не было определено. Данные заимствованы из доклада УВКБ «Глобальные тенденции» и расходятся с данными его Базы данных о статистике народонаселения. В отличие от его доклада База данных не содержит сведений о беженцах из числа рохинджа в Бангладеш и ВПЛ в Мьянме, которые были апатридами в 2017 и 2018 годах.

Данные о численности населения, использованные для подсчета доли контингента апатридов в правой части графика, основаны на оценках численности постоянных жителей стран, произведенных ДЭСВ ООН за 2017 год.

54 Adjami, 2016.

55 Van Waas, 2013.

56 Venkov, 2018; Institute on Statelessness and Inclusion, 2014.

К сожалению, учитывая текущие пробелы в данных и методологические проблемы, представляется невозможным представить динамику тенденций с течением времени как в отношении безгражданства, так и в отношении воздействия нынешних усилий по его искоренению. Хотя *Глобальный план действий УВКБ по ликвидации безгражданства* к 2024 году за период с 2014 года привел к ощутимым результатам, сокращение безгражданства является медленным процессом⁵⁷. УВКБ отмечает, что согласно поступившим сведениям в 2018 году в 24 странах 56 400 апатридов приобрели гражданство или подтвердили свое гражданство, особенно во Вьетнаме, Казахстане, Кыргызстане, Российской Федерации, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане и Швеции.

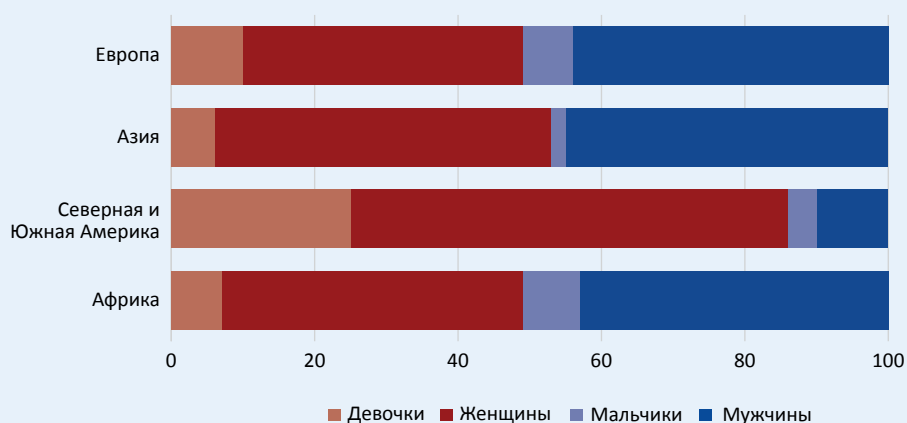
Совместная база данных о борьбе с торговлей людьми

С середины 1990-х годов МОМ оказала помощь более 100 000 жертв торговли людьми во всем мире. В рамках осуществления этой деятельности по оказанию прямой помощи МОМ создала свою центральную базу данных для индивидуального сопровождения, которая содержит информацию по более чем 55 000 отдельных случаев, собранную с 2002 года. Эти данные включают информацию о жертвах торговли людьми, в том числе демографические данные, а также информацию об их опыте в связи с торговлей людьми. Будучи уникальным источником информации о торговле людьми, МОМ работала над тем, чтобы довести эти данные до сведения широкой общественности, с тем чтобы это позволило разработать ценные аналитические выводы и распространить их среди участников борьбы с торговлей людьми во всем мире. Важной частью этих усилий стало начало работы в 2017 году Совместной базы данных о борьбе с торговлей людьми (СБДТ), созданной в партнерстве с организациями «Поларис» и «Либерти Шэред»^a.

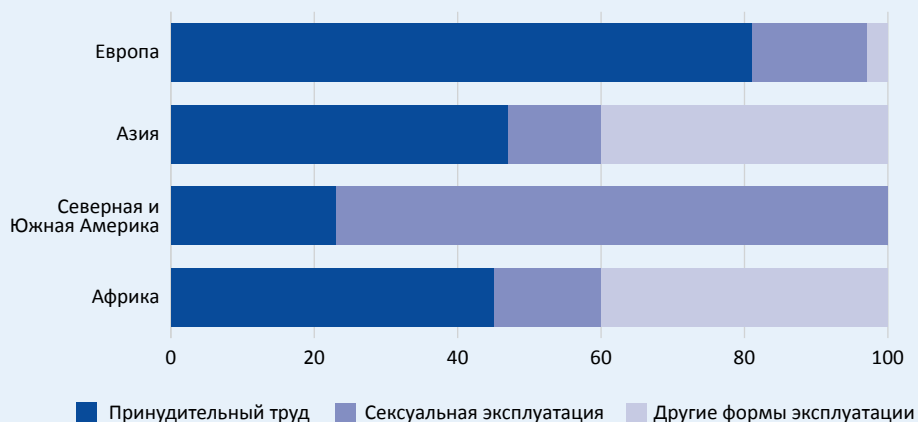
СБДТ является первым глобальным центром данных о торговле людьми, который объединяет три крупнейших набора индивидуальных данных, образующих единую централизованную базу данных с информацией о более чем 90 000 случаев. В течение программных 2016 и 2017 годов в нее были внесены 40 190 новых случаев. Зарегистрированные в этот период жертвы были выходцами из 147 стран и подверглись эксплуатации в 107 странах. Большинство из них составляли женщины (54%), тогда как 20% - девочки, 22% - мужчины и 5% - мальчики. Немногим более четверти всех жертв были детьми, а 16% жертв находились в возрасте 15-17 лет. Почти 30% были проданы для принудительного труда, а 47% - в целях сексуальной эксплуатации. Вместе с тем, как показано на диаграммах ниже, существуют значительные региональные различия^b.

57 УВКБ ООН, 2014b; UNHCR ExCom, 2017.

Жертвы эксплуатации в разбивке по полу и регионам согласно данным СБДТ (2016-2017 годы)

Формы эксплуатации в разбивке по регионам согласно данным СБДТ (2016-2017 годы)

a Имеется по адресу www.ctdatacollaborative.org/.

b Океания не была включена в диаграммы ввиду малого числа жертв согласно данным СБДТ. Категория «Другие формы эксплуатации» в правой части диаграммы включает принудительный брак, изъятие органов, рабство и сходная с ним практика, а также другие виды эксплуатации. С информацией об определениях можно ознакомиться на веб-сайте СБДТ.

Заключение

Важно понимать миграцию и перемещение и то, как они изменяются в глобальном масштабе, учитывая их актуальность для государств, местных общин и отдельных лиц. Миграция людей может быть извечным явлением, которое восходит к самым ранним периодам истории, но ее проявления и последствия изменялись с течением времени по мере все большей глобализации мира. Сейчас, как никогда ранее в истории, мы располагаем большим объемом информации о миграции и перемещении во всем мире. И все же сама природа миграции во взаимосвязанном мире подразумевает, что ее динамику трудно зафиксировать в статистических терминах. Миграция включает в себя «события», которые могут быть быстротечными и сложными. Хотя, безусловно, верно, что модели международной миграции связаны с социальными, экономическими и геополитическими процессами, развивавшимися на протяжении поколений, если не сотен лет, последние достижения в области транснациональной коннективности открывают больше возможностей для более широкого разнообразия в миграционных процессах.

Поэтому все важнее идти в ногу с тенденциями и развивающимися моделями миграции и перемещения. В этой главе мы представили глобальный обзор миграции и мигрантов, основываясь на текущих имеющихся данных. Невзирая на пробелы в данных и задержки с их поступлением, их анализ позволяет извлечь несколько особенно важных выводов. Например, на глобальном уровне мы видим, что с течением времени мигранты поселяются в некоторых регионах (таких как Азия) гораздо более быстрыми темпами, чем в других (таких как Африка и Латинская Америка и Карибский бассейн), и что эта тенденция, вероятно, будет продолжаться (см. диаграмму 1). Аналогичным образом, статистика показывает, что трудящиеся-мигранты продолжают тяготеть к регионам с более широкими возможностями по мере роста экономики и развития рынков труда и что в некоторых контингентах трудящихся-мигрантов наблюдается значительная гендерная дифференциация (см. диаграмму 7).

Кроме того, глобальные данные показывают, что перемещения, вызванные конфликтами, повсеместным насилием и другими факторами, остаются на рекордно высоком уровне. В последние годы неразрешимые, неурегулированные и возобновляющиеся конфликты и акты насилия привели к всплеску численности беженцев повсюду в мире, причем женщины и дети составляют существенную часть их общего числа. Хотя горстка стран продолжают предлагать решения для беженцев, в целом этого оказалось недостаточно для удовлетворения глобальных потребностей, особенно с учетом недавнего изменения схем переселения беженцев в Соединенные Штаты (см. диаграмму 10). Кроме того, согласно оценкам в конце 2018 года насчитывалось больше внутренне перемещенных лиц, чем когда-либо прежде. Мы также полагаем, что в мире имеется значительное количество лиц без гражданства - по оценкам, почти 4 млн человек, хотя и высказывались предостережения о том, что эти оценки занижены. Помимо проблем с основными правами человека, безгражданство может подвергать людей угрозе (нелегальной) миграции и перемещения, в связи с чем оно является важной глобальной проблемой, которая заслуживает дальнейшего сбора данных, учета и анализа⁵⁸.

Значительное большинство государств - наряду с негосударственными субъектами, занимающимися вопросами миграции - признали, что международное сотрудничество в области миграции является существенно важным и крайне необходимым для обеспечения безопасной, упорядоченной и

58 В цели 4 Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции признается необходимость сокращения безгражданства и описаны меры по ее достижению.

легальной миграции в интересах всех. Это явствует из Глобального договора о миграции, в котором подчеркивается глобальная приверженность совершенствованию как международного сотрудничества в области миграции, так и сбора данных о миграции, позволяющих нам глубже понимать тенденции и развивающиеся модели и процессы для оказания поддержки разработке фактологически обоснованных мер реагирования⁵⁹. По мере продолжения нами коллективной работы, направленной на воплощение в жизнь этой приверженности, открываются возможности, подлежащие реализации, а также возникают проблемы, которые необходимо преодолеть.

59 В отношении рассмотрения Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции и его 23 целей см. главу 11 настоящего доклада.

3

МИГРАЦИЯ И МИГРАНТЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ И ИЗМЕНЕНИЯ

Введение

В предыдущей главе дается обзор миграции в глобальном масштабе с конкретной ссылкой на международные контингенты и потоки. Были описаны конкретные группы мигрантов, в том числе трудящиеся-мигранты, беженцы, просители убежища, и внутренне перемещенные лица (ВПЛ), а также денежные переводы. Глава 3 сфокусирована главным образом на региональном уровне, что позволяет изобразить более детальную картину миграции, в которой мигранты и перемещения в разных частях мира предстают в ином, но дополняющим общее представление свете¹.

Наша отправная точка является преимущественно географической, а не тематической с учетом того, что сегодня география представляет собой один из базовых параметров миграции точно таким же образом, как это было в прошлом. Несмотря на растущую глобализацию, география является одним из наиболее значимых факторов, формирующих модели миграции и перемещения. Многие люди, которые мигрируют через границы, делают это в своих ближайших регионах, в близлежащие страны, в страны, куда можно легче попасть, которые могут быть более знакомыми и из которых также можно легче вернуться. Для людей, которые перемещаются, быстрое попадание в условия безопасности имеет первостепенное значение. Поэтому люди, как правило, перемещаются в ближние более безопасные места, будь то в пределах их собственных стран или через международные границы.

Эта глава призвана помочь разработчикам политики, специалистам-практикам и исследователям в области миграции получить более полное представление о международной миграции во всем мире, используя географическую перспективу для представления региональных обзоров миграции. В этой главе анализируется положение в шести регионах мира, которые определены Организацией Объединенных Наций и используются Департаментом Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН) и другими организациями:

- Африка
- Азия
- Европа
- Латинская Америка и Карибский бассейн
- Северная Америка
- Океания

Для каждого из этих регионов анализ включает: а) обзор и краткое обсуждение ключевых статистических данных о миграции, основанных на данных, собранных и представленных ДЭСВ ООН, Верховным комиссаром Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) и Центром наблюдения за

¹ Были предприняты все разумные усилия для обеспечения точности данных, приведенных в настоящей главе, в том числе путем перепроверки данных. Вместе с тем, к нашему сожалению, в данных могут сохраняться определенные погрешности. Хотя в докладе, как правило, не упоминаются данные или события после июня 2019 года, статистика по международным контингентам мигрантов, опубликованная ДЭСВ ООН 17 сентября 2019 года, была включена в максимально возможной степени.

процессами внутреннего перемещения (ЦНВП); и b) краткое описание «основных особенностей и событий» в области миграции в регионе, основанное на широком спектре данных, информации и аналитических материалах международных организаций, исследователей и аналитиков.

Для учета разнообразия моделей, тенденций и проблем миграции в каждом из шести регионов на субрегиональном уровне представлены описательные нарративы «основных особенностей и последних событий». Например, для Азии этот каскадный подход позволяет представить аналитические выводы из статистических данных по Азии в целом, а затем краткую информацию о субрегионах, включая Восточную Азию, Южную Азию, Юго-Восточную Азию, Ближний Восток и Центральную Азию. Разбивка по регионам и субрегионам приводится в добавлении А. Эти субрегиональные обзоры содержат информацию о характере миграции из субрегионов, внутри них и по направлению к ним². Помимо этого, было уделено внимание отдельным явлениям, существующим в субрегионе, таким как трудовая миграция и денежные переводы, нелегальная миграция, торговля людьми, перемещение (внутреннее и международное) и интеграция. Субрегиональные обзоры предназначены не для исчерпывающего описания, а для иллюстрации основных тенденций и последних изменений в области миграции.

Важно отметить, что эта глава строится на основе главы 3 *Доклада о миграции в мире 2018 года* «Миграция и мигранты: региональные аспекты и изменения» и содержит обновленную информацию о статистике и текущих проблемах. В то же время немаловажно, что она составлена как самостоятельная глава и не требует от читателей повторного обращения к предыдущему докладу³. Со времени представления последнего доклада в течение двух последних лет имели место значительные изменения, которые были отражены в этой главе, включающей данные и информацию вплоть до конца июня 2019 года. В ней рассматриваются недавние сдвиги в области миграции и перемещения, такие как крупномасштабное передвижение через Южную и Центральную Америку из Боливарианской Республики Венесуэла, а также массовое перемещение рохинджа из штата Ракхайн в Мьянме во второй половине 2017 года. Глава опирается на существующую базу фактических данных, а источники приводятся в сносках и разделе об использованной литературе. Мы рекомендуем читателям обращаться к источникам, упомянутым в этой главе, чтобы больше узнать о темах, представляющих интерес.

Африка⁴

В процессы миграции в Африке вовлечено большое количество мигрантов, перемещающихся как внутри региона, так и из него. Как показано на диаграмме 1, в 2019 году свыше 21 млн африканцев проживали в другой африканской стране, что значительно больше, чем в 2015 году, когда, согласно оценкам, в других странах региона проживали около 18,5 млн африканцев. Число африканцев, проживающих в других регионах, также выросло за тот же период: с 17 млн в 2015 году до почти 19 млн в 2019 году.

На диаграмме 1 показано, что с 2000 года международная миграция внутри африканского региона значительно возросла. А с 1990 года число африканских мигрантов, проживающих за пределами региона, увеличилось более чем вдвое, причем рост их количества в Европе является наиболее

2 Просьба обратить внимание на то, что субрегионы в значительной степени привязаны к динамике миграции и могут отличаться от субрегионов ДЭСВ ООН. Более подробная информация содержится в добавлении А.

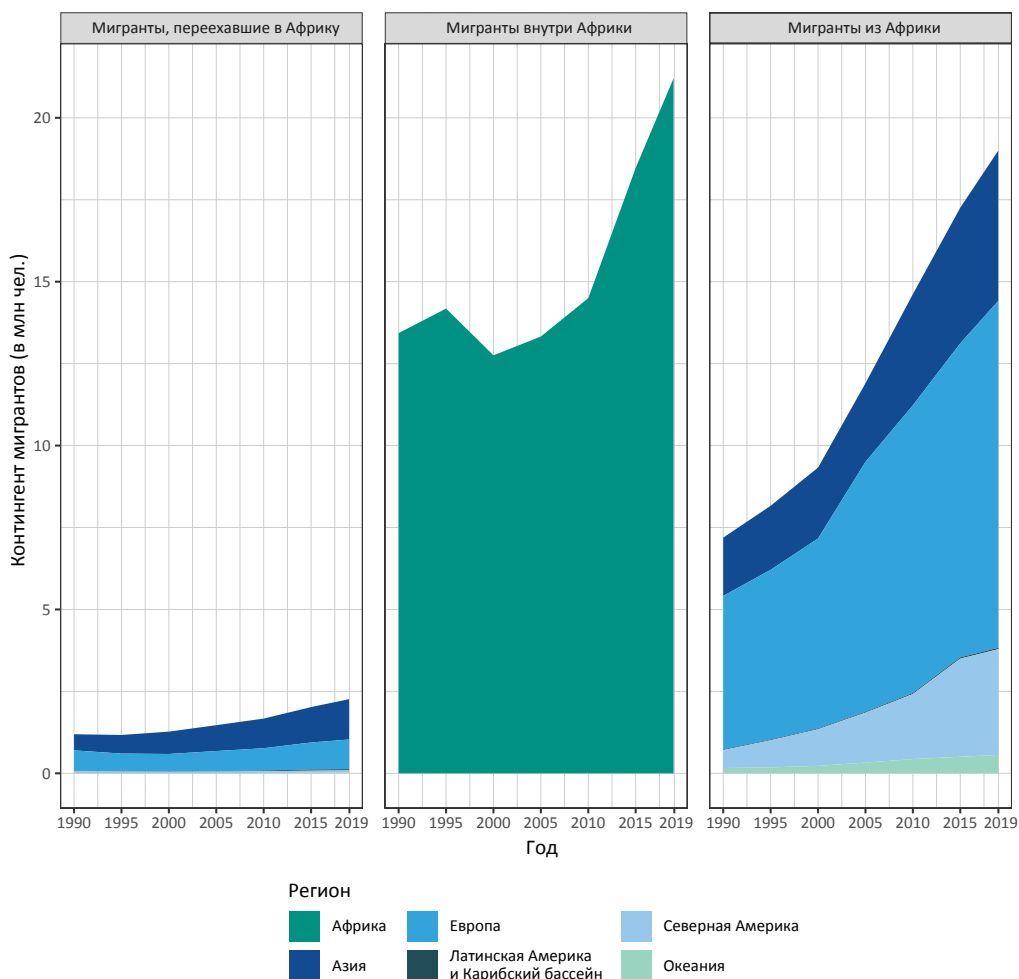
3 Стремясь в максимально возможной степени обеспечить, чтобы эта глава содержала всесторонний «самостоятельный» обзор региональной миграции в 2017 и 2018 годах, мы использовали соответствующие материалы, включенные в *Доклад о миграции в мире 2018 года* (глава 3), особенно освещающие исторический контекст недавних событий и тенденций в области миграции.

4 Подробную информацию о составе региона Африки см. в добавлении А.

выраженным. В 2019 году большинство мигрантов африканского происхождения, живущих за пределами региона, проживали в Европе (10,6 млн человек), Азии (4,6 млн человек) и Северной Америке (3,2 млн человек).

Одним из самых поразительных аспектов, который обращает на себя внимание при рассмотрении международных мигрантов в Африке, является, как это показано на диаграмме 1, малое количество мигрантов, которые родились за пределами региона и затем переехали в Африку. С 2015 года по 2019 год число мигрантов, родившихся за пределами региона и в большинстве своем прибывших из Азии и Европы, практически не изменилось (около 2 млн человек).

Диаграмма 1. Мигранты, переехавшие в Африку, внутри Африки и из нее в 1990-2019 годах

Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

Примечание: Под «мигрантами, переехавшими в Африку» понимаются мигранты, проживающие в регионе (т.е. в Африке), которые родились в других регионах (например, Европе или Азии). «Мигранты внутри Африки» означают мигрантов, родившихся в регионе (т.е. в Африке) и проживающих за пределами страны своего рождения, но в африканском регионе. «Мигранты из Африки» означают людей, родившихся в Африке, которые проживают за пределами этого региона (например, в Европе или Северной Америке).

Во многих африканских странах в последние годы произошли значительные изменения в численности их населения, как показано на диаграмме 2, где указаны 20 ведущих африканских стран с наибольшими пропорциональными демографическими изменениями в период 2009-2019 годов. Все 20 ведущих стран были странами Африки к югу от Сахары, и в каждой из них отмечался значительный рост населения в этот период. Эти 20 стран отражают тенденцию на всем континенте, причем население Африки в настоящее время растет самыми быстрыми темпами в мире и, как ожидается, к 2050 году превысит 2 млрд человек⁵. Важно отметить, что наибольшие пропорциональные демографические изменения в 2009-2019 годы, как и следовало ожидать, произошли в странах с относительно меньшим населением. Самые густонаселенные страны Африки - Нигерия, Эфиопия и Египет - не входят в двадцатку ведущих стран; однако во всех трех странах также наблюдался рост населения⁶. Прирост населения в Африке контрастирует с изменением численности населения, к примеру, в Европе, в некоторых странах которой наблюдалось более медленное увеличение численности населения, а в других - даже снижение за тот же период (см. диаграмму 14).

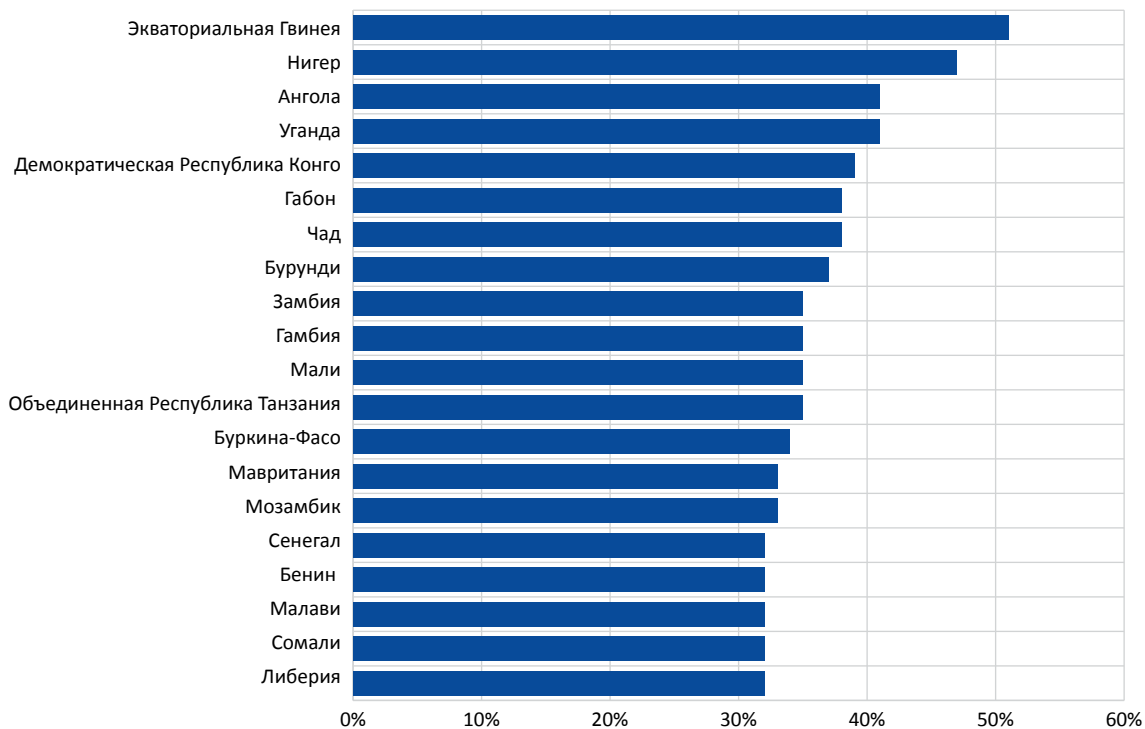
Значительный рост международной миграции *внутри* Африки (см. диаграмму 1) в последнее время способствовал приросту населения на национальном уровне. Хотя миграция является не единственным фактором, поскольку высокие показатели фертильности и увеличение продолжительности жизни также играют определенную роль⁷, увеличение внутрирегиональной миграции на континенте повлияло на изменения в численности населения в некоторых странах. Например, в последние годы доля международных мигрантов, входящих в состав общего населения в Экваториальной Гвинее, резко возросла. В 2005 году международные мигранты составляли менее 1% населения Экваториальной Гвинеи; к 2019 году эта цифра возросла почти до 17%. Южная Африка является еще одним примером. В 2005 году международные мигранты составляли 2,8% населения Южной Африки; к 2019 году эта цифра увеличилась до 7%.

5 ДЭСВ ООН, 2019b.

6 Ibid.

7 Ibid.

Диаграмма 2. 20 стран Африки с наибольшими пропорциональными демографическими изменениями в 2009-2019 годах

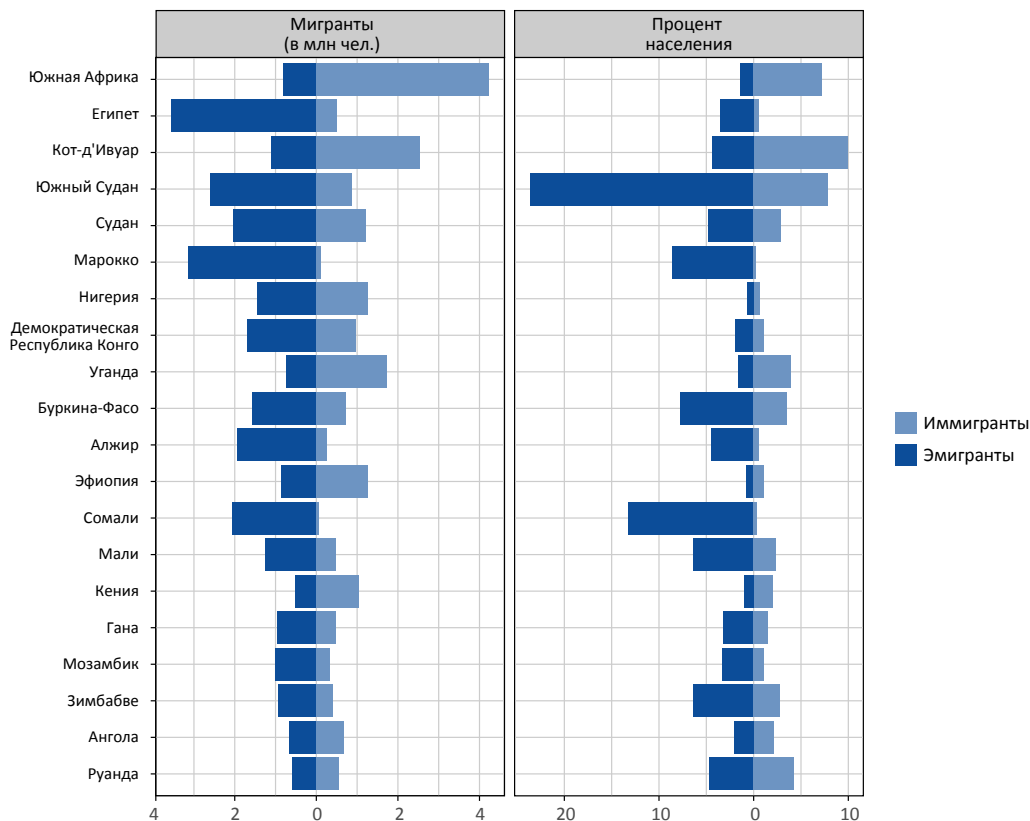

Источник: ДЭСВ ООН, 2019с.

Примечание: Важно отметить, что наибольшие пропорциональные изменения численности населения в 2009-2019 годах более вероятны в странах с относительно меньшим населением.

Африканские страны с наибольшим количеством эмигрантов, как правило, находятся на севере региона. Они показаны в левой части диаграммы 3, где страны выстроены по общему количеству мигрантов (комбинация иммигрантов в страну и эмигрантов из страны). В 2019 году Египет был страной, наибольшее количество выходцев из которой проживало за границей, затем следовали Марокко, Южный Судан, Сомали, Судан и Алжир. Что касается количества иммигрантов, то Южная Африка остается в Африке наиболее привлекательной страной назначения, в которой проживают около 4 млн международных мигрантов. Другие страны с высокой долей иммигрантов в общей численности населения, но не входящие в ведущую двадцатку, включают Габон (19%), Экваториальную Гвинею (18%), Сейшельские Острова (13%) и Ливию (12%).

Диаграмма 3. 20 ведущих стран Африки по количеству мигрантов в 2019 году

Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

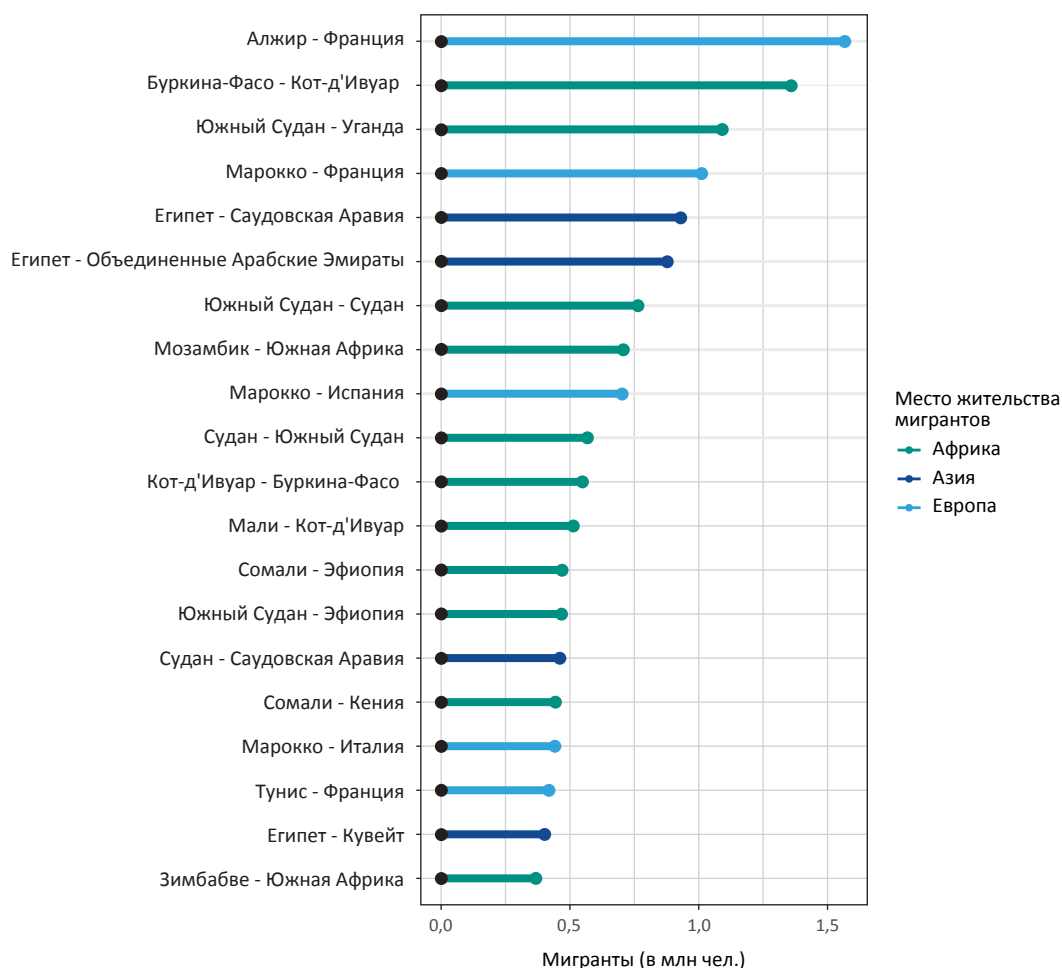
Примечание 1: Данные о численности населения, использованные для расчета процентной доли иммигрантов и эмигрантов, основаны на данных ДЭСВ ООН об общей численности постоянного населения стран, которое включает население, родившееся за рубежом.

Примечание 2: «Иммигранты» означают родившихся за рубежом мигрантов, проживающих в стране. «Эмигранты» означают людей, родившихся в стране, которые в 2019 году проживали за пределами страны своего рождения.

Существуют важные миграционные коридоры, проходящие внутри Африки и ведущие из нее, многие из которых возникли из-за географической близости и исторических связей, а также под воздействием факторов перемещения. Размер миграционного коридора из страны А в страну В измеряется числом иммигрантов из страны А, которые проживали в стране В в 2019 году. Миграционные коридоры отражают накопление миграционных передвижений с течением времени и дают представление о том, каким образом определенные модели миграции привели к образованию значительных групп населения из лиц, родившихся за рубежом, в конкретных странах назначения. Некоторые из крупнейших миграционных коридоров на территориях африканских стран, как показано на диаграмме 4, проходят через страны Северной Африки, такие как Алжир, Марокко и Тунис, во Францию, в Испанию и Италию, что частично отражает постколониальные связи и близость. Другие, например, между Южным Суданом и Угандой, а также Сомали и Эфиопией, являются результатом широкомасштабного перемещения населения в результате конфликта. Существуют также значительные коридоры трудовой миграции в страны Залива, как, например, в случае коридора из Египта в Саудовскую Аравию и Объединенные Арабские Эмираты.

Важно отметить, что чуть более половины основных миграционных коридоров, показанных на диаграмме 4, находятся внутри Африки, причем коридор от Буркина-Фасо до соседнего Кот-д'Ивуара составляет второй по величине для Африки в целом.

Диаграмма 4. 20 главных миграционных коридоров с участием африканских стран в 2019 году

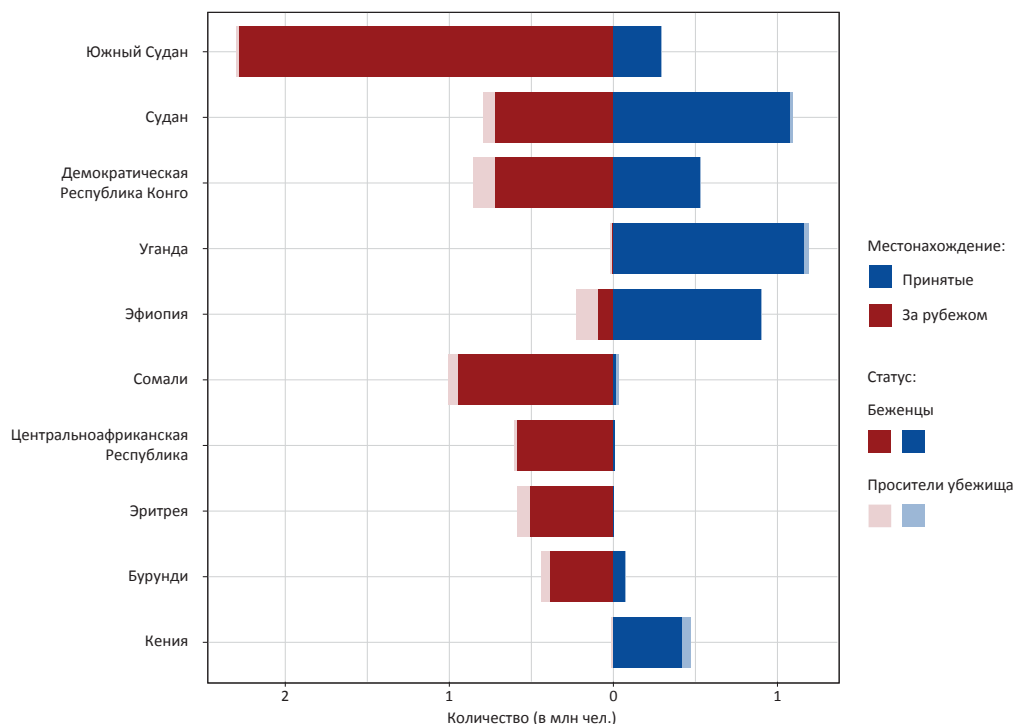
Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

Примечание: Коридоры отражают накопление миграционных перемещений с течением времени и дают представление о том, каким образом определенные модели миграции привели к образованию значительных групп населения из лиц, родившихся за рубежом, в конкретных странах назначения.

Перемещение внутри Африки и из Африки является основной особенностью региона, как это показано на диаграмме 5. Большинство беженцев и лиц, ищущих убежища на континенте, были размещены в соседних странах региона. На диаграмме 5 в порядке убывания представлены десять ведущих стран Африки по суммарному количеству беженцев и просителей убежища, как принятых странами, так и приехавших из той или иной страны. Как и в 2017 году, Южный Судан в 2018 году стал источником наибольшего числа беженцев в Африке (2,3 млн), заняв третье место в мире, причем большинство из них приняты в соседних странах, таких как Уганда. После десятилетий конфликта из Сомали выехало второе по величине число

беженцев в регионе и пятое по величине в мире, причем большинство из них находится в Кении и Эфиопии. Другие крупные группы беженцев происходят из Судана, Демократической Республики Конго, Центральноафриканской Республики и Эритреи. Уганда оставалась крупнейшей принимающей страной беженцев в регионе, поскольку в стране проживали около 1,2 млн беженцев; большинство из них были из Южного Судана и Демократической Республики Конго. Другими крупными странами, принимающими беженцев в 2018 году, были Судан и Эфиопия.

Диаграмма 5. 10 ведущих стран Африки по общему количеству беженцев и просителей убежища в 2018 году

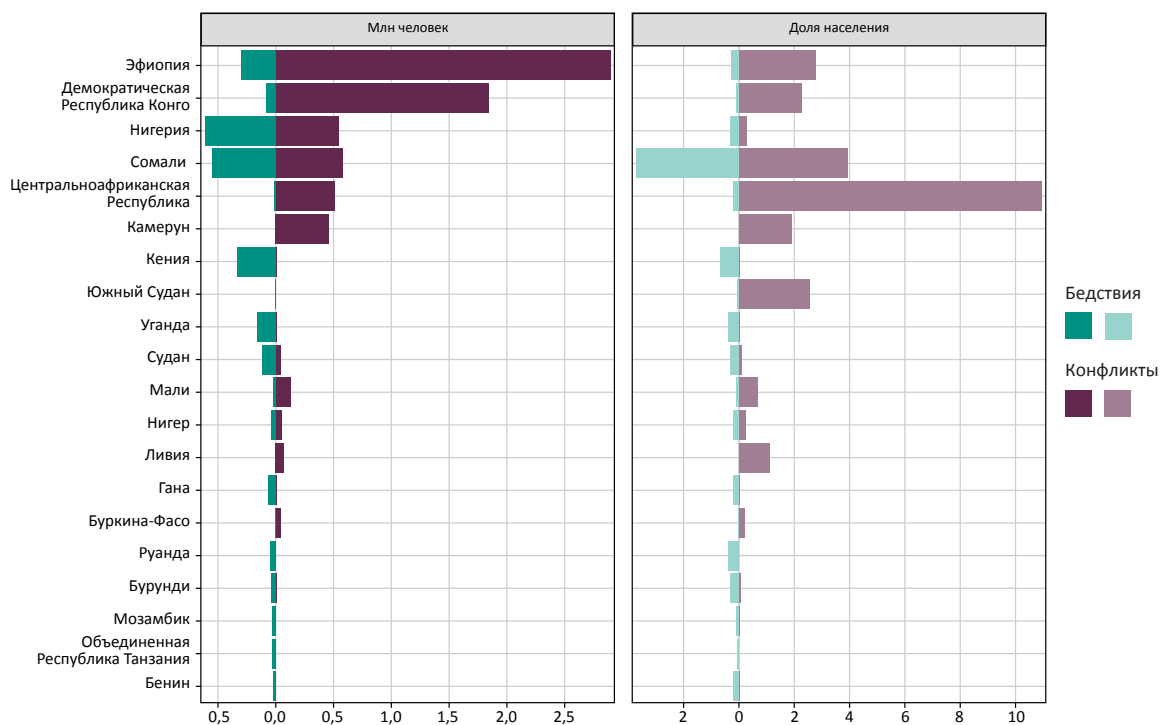
Источник: УВКБ ООН, n.d.

Примечание: Определение «принятые» относится к тем беженцам и просителям убежища из других стран, которые проживают в принимающей стране (правая часть диаграммы); «за рубежом» относится к беженцам и просителям убежища из данной страны, которые находятся за пределами страны своего происхождения. Десять ведущих стран определены на основе данных за 2018 год, которые рассчитываются путем суммирования беженцев и просителей убежища, прибывших в страны и выехавших из стран.

В 2018 году крупнейшие новые внутренние перемещения в Африке имели место в странах к югу от Сахары, причем в большинстве случаев люди перемещались в результате конфликтов, а не стихийных бедствий. Это контрастировало с положением в Азии, в которой отмечалось больше перемещений, вызванных стихийными бедствиями (см. диаграмму 12). Вызванное конфликтами перемещение внутри стран было наиболее выраженным в Эфиопии и Демократической Республике Конго, которые далеко обогнали в этом остальную часть региона (диаграмма 6). К концу 2018 года в Эфиопии было зарегистрировано 2,9 млн новых перемещений в результате конфликтов, что является самым большим числом в мире и намного превышает показатель 2017 года, который составлял чуть более 700 000. Помимо перемещений в результате конфликта, в Эфиопии произошло более 290 000 новых перемещений в результате стихийных

бедствий. В 2018 году Демократическая Республика Конго заняла второе место по количеству новых перемещений, вызванных конфликтами, как в Африке, так и во всем мире, причем эта цифра достигла 1,8 млн перемещений. Хотя в Центральноафриканской Республике масштабы перемещения были не такими крупными, как в других таких странах, как Эфиопия, в ней отмечалась самая высокая пропорциональная доля внутреннего перемещения (11%). Примечательно, что несколько стран с большим числом внутренних перемещений, такие как Демократическая Республика Конго, Эфиопия и Сомали, также становятся либо странами приема, либо странами исхода для значительного количества беженцев и просителей убежища (см. диаграмму 5). Также важно упомянуть, что такие страны, как Мозамбик, который недавно испытал крупномасштабное перемещение из-за циклонов «Идай» и «Кеннет», не включены в диаграмму 6. Это связано с тем, что используемые данные отражают только число новых внутренних перемещений в течение 2018, не 2019 года. Однако рассмотрение вопроса о перемещении в южной части Африки в связи с такими погодными явлениями, как циклон «Идай», можно найти в разделе «Основные особенности и события в Африке» ниже.

Диаграмма 6. 20 ведущих стран Африки по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2018 году

Источник: ЦНВП, n.d; ДЭСВ ООН, 2017.

Примечание: Термин «новые перемещения» означает число передвижений в контексте перемещения, которые имели место в 2018 году, а не численность общего контингента ВПЛ, накопившегося вследствие перемещения в течение определенного времени. Данные о числе новых перемещений включают лиц, которые были перемещены более одного раза, и не соответствуют числу людей, перемещенных в течение года.

Данные о численности населения, использованные для подсчета доли новых перемещений, вызванных бедствиями и конфликтами, основаны на оценках численности общего постоянного населения стран, произведенных ДЭСВ ООН за 2017 год, а данные о процентной доле используются только в соответствующих иллюстративных целях.

Основные особенности и события в Африке

Восточная и южная части Африки

В Восточной Африке неразрешимые конфликты, политическое и общинное насилие и неудачи в области миростроительства привели к перемещению миллионов людей, которое затронуло большинство стран субрегиона. Например, в конце 2018 года насчитывалось более 2,2 млн южносуданских беженцев и почти 1,9 млн ВПЛ⁸. Хотя численность южносуданских беженцев немного сократилась по сравнению с 2,4 млн в 2017 году, она по-прежнему была самой большой в Африке в 2018 году⁹. В том же году Сомали стала страной исхода для почти 1 млн беженцев, а в результате конфликтов и насилия в этой стране подверглись перемещению более 2,6 млн ВПЛ¹⁰. Вместе с тем на конец 2018 года Эфиопия с 2,1 млн ВПЛ входила в первую десятку стран с наибольшим числом людей, живущих в условиях внутреннего перемещения, вызванного конфликтами и насилием¹¹. В Сомали затянувшаяся гражданская война вытолкнула людей в другие страны субрегиона, а также в восточном направлении - в такие страны, как Йемен; однако неослабевающий конфликт в Йемене создал невыносимые условия, вынуждая мигрантов возвращаться в Восточную Африку и одновременно генерируя новую волну прибытия просителей убежища и беженцев, включая йеменцев¹². Тысячи йеменцев бежали в страны Восточной Африки, в частности в Джибути, которая в 2018 году фигурировала среди десяти стран мира, принявших наибольшее количество беженцев в сопоставлении с численностью населения¹³. Другие страны, включая Уганду, Эфиопию, Кению и Объединенную Республику Танзания, продолжали принимать значительное число беженцев, преимущественно из субрегиона, как это было в Южном Судане, несмотря на конфликт, вызвавший крупномасштабное перемещение из этой страны и внутри нее¹⁴. Под действием сложных и многопричинных факторов, вызывающих перемещение и препятствующих достижению решений, эти принимающие страны - одни из наименее развитых в мире - продолжают обеспечивать долгосрочное убежище для несопоставимой доли перемещенных лиц в мире¹⁵. Признавая проблемы, с которыми сталкиваются многие африканские страны, принимающие большое количество перемещенных лиц, и стремясь подчеркнуть связь между перемещением, миром, безопасностью и аспектом развития, Африканский союз объявил своей темой на 2019 год следующую тему: «Беженцы, возвращенцы и внутренне перемещенные лица: на пути к долгосрочным решениям проблемы насильственного перемещения в Африке»¹⁶. В 2019 году Африканский союз намеревается не только уделять больше внимания вызовам, порождаемым перемещением в Африке, но и поощрять новаторские и надежные инициативы по устранению коренных причин принудительного перемещения на континенте и продвигать долгосрочные решения этой проблемы¹⁷.

8 УВКБ ООН, 2019а; ЦНВП, 2019.

9 УВКБ ООН, 2018а, 2019а.

10 УВКБ ООН, 2019а; ЦНВП, 2019.

11 ЦНВП, 2019.

12 УВКБ ООН, 2019а; МОМ, 2018а.

13 Ibid.

14 УВКБ ООН, 2019а.

15 В отношении внутреннего перемещения в более общем плане см. также Матрицу отслеживания перемещений МОМ, особенно для Бурунди, Зимбабве, Кении, Малави, Мозамбика, Уганды, Эфиопии и Южного Судана.

16 African Union, 2019.

17 Ibid.

Восточная и южная части Африки долгое время были основными пунктами назначения для мигрантов из Африки и других регионов, в то время как Восточная Африка также все больше становится важным источником трудящихся-мигрантов, направляющихся в государства Совета сотрудничества стран Залива (ССЗ)¹⁸. Иммиграция из Индии исторически играет значительную роль в таких странах, как Уганда, Кения и Южная Африка¹⁹, тогда как в последние годы резко возросло число китайских рабочих-мигрантов, переезжающих в страны субрегиона²⁰. Учитывая передовую экономику и относительную политическую стабильность в Южной Африке, в последние годы также наблюдается высокий уровень иммиграции в эту страну, привлекающую мигрантов, просителей убежища и беженцев из стран южной части Африки и за ее пределами. Число международных мигрантов в Южной Африке возросло с примерно 2 миллионов в 2010 году до более 4 миллионов в 2019 году²¹. Между тем в Восточной Африке по-прежнему наблюдаются значительные уровни внешней мобильности рабочей силы, обусловленной бедностью, низкой заработной платой и высокой безработицей²². Это наиболее очевидно в случае большого числа восточноафриканцев с низкой и средней квалификацией, которые в последние годы переехали в государства ССЗ по временным рабочим контрактам. Близость государств Залива к Восточной Африке и их возможности трудоустройства делают их привлекательным местом назначения для многих восточноафриканцев²³.

В восточной и южной частях Африки внутрирегиональная миграция также обусловлена растущим спросом на высококвалифицированную и низкоквалифицированную рабочую силу. По мере углубления диверсификации экономики таких стран Восточной Африки, как Кения и Руанда, растущий спрос на работников, например в сфере услуг, привлек трудящихся-мигрантов из других восточноафриканских стран, включая Уганду и Объединенную Республику Танзания. Это особенно актуально для расширяющегося технологического сектора Руанды, который продолжает привлекать работников из стран этого субрегиона²⁴. Протокол Восточноафриканского общего рынка, который предусматривает свободное передвижение рабочей силы, способствовал облегчению трудовой миграции внутри субрегиона²⁵. Несколько стран ратифицировали Протокол, а некоторые уже отменили разрешения на работу для граждан стран Восточной Африки, тем самым упрощая для них трудоустройство в странах субрегиона. Между тем внутрирегиональная трудовая миграция хорошо развита в южной части Африки, где значительное число людей традиционно мигрировали из таких стран, как Зимбабве, Лесото, Малави и Эсватини, для работы в Южной Африке и Ботсване²⁶. Хотя трудящихся-мигрантов продолжают привлекать традиционные отрасли, такие как горнодобывающая промышленность, все чаще мигрантов притягивают в Южную Африку другие сектора, включая финансовый сектор и сектор информационных технологий²⁷.

Миграция в восточной и южной частях Африки по-прежнему связана с большим числом нелегальных мигрантов, характеризовалась смешанными миграционными потоками и обуславливалась многочисленными движущими стимулами, включая социально-экономические факторы, конфликты и политическую нестабильность. Оба субрегиона особенно отличаются

18 Совет сотрудничества стран Залива (ССЗ) является региональной политической организацией, в которую входят шесть стран: Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовская Аравия.

19 Flahaux и de Haas, 2016.

20 Cook et al., 2016.

21 ДЭСВ ООН, 2019а.

22 Manji, 2017.

23 Atong, Mayah и Odigie, 2018.

24 UNCTAD, 2018.

25 East African Community, n.d.

26 Nshimbi и Fioramonti, 2013.

27 UNCTAD, 2018.

распространенностью незаконного провоза мигрантов, при котором многие люди пользуются услугами контрабандистов, чтобы добраться до места назначения. Многие контрабандные сети базируются в районе Африканского Рога, в то время как страны, являющиеся членами Восточноафриканского сообщества, такие как Кения и Объединенная Республика Танзания, являются в основном транзитными²⁸. Ближний Восток, Европа и южная часть Африки являются одними из основных мест назначения для мигрантов из Восточной Африки, которые используют несколько маршрутов, включая восточные маршруты на Аравийский полуостров и другие страны на Ближнем Востоке, южные маршруты в южную часть Африки и северные маршруты в Северную Африку, Европу и Северную Америку. Вместе с тем маршруты в районе Африканского Рога также играют важную роль, так как большое количество людей переезжает в район Африканского Рога или внутри него²⁹. Как и в Восточной Африке, в южной части Африки широко распространена нелегальная миграция, в которой участвуют как внутрирегиональные мигранты, например жители Зимбабве и Мозамбика, переезжающие в Южную Африку, так и мигранты из стран за пределами субрегиона³⁰. Сети, занимающиеся незаконным провозом мигрантов, расширились на протяжении десятилетий и стали более организованными и профессиональными, поскольку становится все труднее пересекать границы в южной части Африки³¹. Хотя значительное количество мигрантов, незаконно ввозимых в страны южной части Африки, происходит из этого же субрегиона, многие переезжают также из стран за пределами южной части Африки, прежде всего из района Африканского Рога. Многие мигранты часто оказываются в крайне уязвимом положении, во многих случаях сталкиваясь с насилием и вымогательством³².

В восточной и южной частях Африки преобладают и нарастают экологические изменения и бедствия, что влияет на передвижение и перемещение людей. В последние десятилетия субрегион столкнулся с повышенной изменчивостью осадков и более частыми засухами³³. Эти медленно наступающие изменения окружающей среды оказывают серьезное влияние на продовольственную безопасность, учитывая, что сельское хозяйство является доминирующим экономическим сектором как в восточной, так и в южной частях Африки³⁴. Засухи стали обычным явлением в таких странах, как Сомали, и являются основным движущим фактором перемещения населения в стране. В 2018 году по причине засухи в Сомали произошло четверть миллиона новых перемещений³⁵. В 2017 году в Сомали было зарегистрировано свыше 850 000 связанных с засухой перемещений³⁶. Засуха обусловила рост недоедания, нехватку продовольствия и усиление конкуренции за и без того ограниченные ресурсы, особенно среди фермеров и скотоводов в субрегионе; по оценкам, в 2017 году в Сомали 1,2 миллиона детей страдали от острого недоедания³⁷. Несколько стран в южной части Африки также столкнулись со значительным перемещением из-за внезапно возникших опасностей. С января по июнь 2018 года на долю Восточной Африки выпало пять самых тяжелых стихийных бедствий в мире³⁸. А в марте 2019 года в южной части Африки один за другим разразились два циклона, «Идай» и «Кеннет», которые принесли проливные дожди и ветры, оставив следы разрушения в

28 UNODC, 2018.

29 MOM, 2019a.

30 Maher, 2018.

31 Ibid.

32 Ibid.

33 Climate and Development Knowledge Network, 2014a.

34 Tierney, Ummenhofer and deMenocal, 2015; USAID, n.d.

35 ЦНВП, 2019.

36 ЦНВП, 2018a.

37 UN Environment, 2018a.

38 ЦНВП, 2018b.

Мозамбике, Зимбабве и Малави. Циклон «Идай», который обрушился на центральные районы Мозамбика, считается одним из самых наихудших стихийных бедствий среди имевших место в южной части Африки за последние десятилетия³⁹. К апрелю этот циклон привел к гибели почти 600 человек и перемещению более 130 000 человек только в одном Мозамбике⁴⁰.

Ксенофобские нападения на мигрантов и появление новых вооруженных групп в южной части Африки способствовали росту перемещения в субрегионе. За последние десять лет мигранты в таких странах, как Южная Африка, все чаще подвергаются насилию, что приводит к уничтожению имущества, травмам, а иногда и к гибели людей. Ксенофобские нападения по всей стране, такие как те, что имели место в 2008 году, привели к перемещению тысяч мигрантов и гибели более 60 человек⁴¹. Недавно, в 2018 году, в результате ксенофобских нападений несколько человек были убиты, было разграблено и уничтожено имущество, принадлежавшее иностранным гражданам; насилие продолжилось в 2019 году с большим количеством погибших⁴². Вспышки ксенофобского насилия наиболее распространены в поселках Южной Африки и других экономически бедных кварталах, где жители часто обвиняют иностранных граждан в высоком уровне преступности и потере рабочих мест. В некоторых частях субрегиона перемещение населения по-прежнему объясняется действиями вооруженных групп, терроризирующих общины. Например, в северном Мозамбике вооруженная группировка, известная как Ас-Сунна ва Джама'а, остается серьезной угрозой и уже изгнала сотни людей из своих домов⁴³.

Западная и Центральная Африка

Внутрирегиональная миграция, имеющая значительное распространение в Западной и Центральной Африке, характеризуется миграционными потоками, на которые влияют многочисленные факторы. Хотя существует значительный дефицит данных о передвижениях и, по-видимому, трудно удостовериться в точных цифрах, последние оценки показывают, что большинство международных мигрантов в Западной и Центральной Африке передвигаются в пределах субрегиона⁴⁴. Внутрирегиональная миграция преобладает по нескольким причинам, включая безвизовое передвижение между государствами-членами Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС), относительно небольшие размеры многих стран в субрегионе и существование развитых сетей среди многих этнических групп, разбросанных по всему субрегиону⁴⁵. Важно отметить, что внутрирегиональная миграция в рамках ЭКОВАС в основном обусловлена мобильностью рабочей силы: сезонные, временные и постоянные трудящиеся-мигранты переезжают главным образом из таких стран, как Нигер и Мали, в Гану и Кот-д'Ивуар⁴⁶. Большое количество трудящихся-мигрантов работают в секторах, для которых достаточно низкой квалификации, включая домашнюю работу, неформальную торговлю и сельское хозяйство⁴⁷. Во многих частях Западной Африки передвижение сельскохозяйственных рабочих часто происходит в уборочный сезон (с июля по

39 UNICEF, 2019.

40 MOM, 2019b.

41 Landau, 2018.

42 Amnesty International, 2018.

43 Human Rights Watch, 2018.

44 Adepoju, 2016.

45 Flahaux и de Haas, 2016.

46 Devillard, Bacchi и Noack, 2016.

47 UNCTAD, 2018.

сентябрь), а также в период внесезонных сборов урожая, длящийся до марта⁴⁸. В некоторых случаях в роли трудящихся-мигрантов выступают дети, как в случае с передвижениями между Кот-д'Ивуаром и Буркина-Фасо⁴⁹. В отличие от Западной Африки, где экологические и экономические факторы являются важными стимулами внутрирегиональной миграции, в Центральной Африке более важную роль в перемещении в соседние страны играют конфликты и нестабильность⁵⁰. Однако и в Центральной Африке присутствует трудовая миграция, например, в Габоне проживает большое количество трудящихся-мигрантов из Центральной Африки, которые работают в нефтяной и лесной промышленности⁵¹.

В Западной и Центральной Африке по-прежнему распространена нелегальная миграция, хотя соглашения о свободном передвижении в субрегионе были призваны облегчить миграцию и уменьшить нарушения законности. Использование контрабандистов для пересечения границ даже в зонах свободного передвижения, таких как ЭКОВАС, не является чем-то необычным, особенно в обстоятельствах, когда люди не имеют документов, удостоверяющих личность⁵². Вместе с тем важно подчеркнуть, что большинство западноафриканцев, которых незаконно переправляют через границы по суше, начинают свои поездки как легальные мигранты в соответствии с протоколом о свободном передвижении и нарушают иммиграционные законы, только покидая зону ЭКОВАС⁵³. Кроме того, ряд границ в Западной Африке являются крайне пористыми, что позволяет осуществлять несанкционированные передвижения между странами, причем несколько границ ЭКОВАС проходят через политически нестабильные и малонаселенные районы, для которых характерно также отсутствие безопасности⁵⁴. Для многих мигрантов из Западной и Центральной Африки, пытающихся пересечь Средиземное море и достичь Европы, важной страной транзита, а также крупным узлом контрабандных маршрутов является Нигер⁵⁵. При слабых возможностях Нигера в плане управления границами положение еще больше усугубляется ростом числа нападений со стороны вооруженных и экстремистских групп, действующих вдоль границ страны. Большинство нападений, в том числе со стороны «Боко Харам», были сосредоточены в нигерийском регионе Диффа, расположенном на юго-востоке страны, который граничит с Нигерией. Насилие имело разрушительные последствия для служб здравоохранения и образования и вынудило тысячи людей покинуть свои дома⁵⁶.

Конфликты и насилие, связанные с политическими потрясениями, межобщинной и этнической напряженностью и экстремизмом «Боко Харам», привели к тому, что большинство стран Западной и Центральной Африки страдают от внутренних или трансграничных перемещений, хотя их масштабы сильно различаются. Как и в других субрегионах Африки, страны Западной и Центральной Африки имеют давнюю историю как приема, так и исхода перемещенного населения, которые часто происходили одновременно. Демократическая Республика Конго является одним из таких примеров. В конце 2018 года в ней проживало более полумиллиона беженцев, и в то же время она была страной происхождения для более чем 700 000 беженцев, причем 300 000 из них проживали в Уганде, а значительное число беженцев - в других соседних странах, включая Руанду (77 000 человек) и Бурунди (71 000 человек)⁵⁷. Затяжной по своему характеру конфликт в Демократической Республике Конго, в котором участвуют десятки вооруженных групп, оказал разрушительное воздействие

48 ACAPS, 2018.

49 UNCTAD, 2018.

50 MOM, n.d.a.

51 Ibid.

52 Altai Consulting and MOM, 2015.

53 Carling, 2016.

54 Ibid.

55 Altai Consulting and MOM, 2015.

56 IFRC, 2018.

57 УВКБ ООН, 2019а.

на страну, вызвав один из самых серьезных гуманитарных кризисов в мире. В конце 2018 года в стране насчитывалось 3 млн ВПЛ, что является третьим по величине числом людей, перемещенных в результате насилия и конфликтов во всем мире (см. главу 2, диаграмма 11)⁵⁸. Между тем в условиях контроля вооруженными группировками обширных территорий страны в 2016 году после периода относительного затишья вновь разгорелась гражданская война в Центральноафриканской Республике; конфликт продлился на 2017 и 2018 годы, вызвав хаос и вынудив сотни тысяч людей покинуть свои дома. В 2018 году Демократическая Республика Конго и Центральноафриканская Республика вошли в число 10 ведущих стран происхождения беженцев в мире: Центральноафриканская Республика стала страной исхода для почти 600 000 беженцев и более полумиллиона ВПЛ, перемещенных в результате конфликта⁵⁹. Восстание «Боко Харам», которое началось в 2009 году в северном нигерийском штате Борно, в сочетании с противоповстанческими операциями и межобщинными столкновениями из-за скудных ресурсов, также привели к значительному перемещению населения в регионе озера Чад. Имея более 2,2 млн ВПЛ, Нигерия к концу 2018 года входила в десятку стран с наибольшим числом перемещенных лиц из-за конфликтов и насилия (см. главу 2, диаграмма 11)⁶⁰. В том же году насчитывалось свыше 600 000 ВПЛ в Камеруне и свыше 156 000 в Нигере⁶¹. Насилие и перемещение в Западной Африке отчасти связаны с конфликтами между скотоводами и фермерами из-за земли и ресурсов, хотя эти конфликты часто имеют также этнические и религиозные аспекты⁶².

Экологические изменения в Западной и Центральной Африке влияют на источники средств к существованию и мобильность людей. Например, хотя количество осадков в Сахеле⁶³ медленно увеличивается, они становятся все более непредсказуемыми, что приводит к частому возникновению засух и наводнений⁶⁴. В Нигере в конце 2018 года было зарегистрировано около 40 000 перемещений, связанных с бедствиями, тогда как в Нигерии в том же году в результате наводнений насчитывалось около 600 000 перемещений⁶⁵. В то же время быстрый рост населения привел к интенсификации земледелия, обезлесиванию и чрезмерному выпасу скота, способствуя деградации земель⁶⁶. Несмотря на увеличение масштабов сельского хозяйства в субрегионе, отсутствие продовольственной безопасности сохраняет угрожающий характер⁶⁷. Например, в конце 2018 года более 3 млн человек пострадали от отсутствия продовольственной безопасности в бассейне озера Чад⁶⁸. Миллионы людей в Западной и Центральной Африке зависят от озера Чад; тем не менее за последние 40 лет объем озера сократился на 90% по площади, что связано с усилением засухи и такими антропогенными причинами, как увеличение отбора воды на цели ирригации⁶⁹. Уменьшение объема озера не только затронуло средства к существованию миллионов людей, но и повлияло на сезонные перегонки скота и все больше становится источником напряженности и межобщинных конфликтов⁷⁰; более того, ухудшение условий жизни, которое затрудняет адаптацию людей, живущих вдоль озера, к более суровым условиям, создало идеальную среду для

58 ЦНВП, 2019.

59 УВКБ ООН, 2019а; ЦНВП, 2019.

60 ЦНВП, 2019.

61 Ibid.

62 UNOWAS, 2018.

63 Сахельский регион является полузасушливым экорегионом тропических саванн, охватывающим многие страны Западной и Центральной Африки, включая Сенегал, Мавританию, Мали, Буркина-Фасо, Нигер, Нигерию, Чад и Судан.

64 Hummel, Doevenspeck и Samimi, 2012.

65 ЦНВП, 2019.

66 Ibid.

67 UNEP, 2011.

68 Европейским союзом, 2018а.

69 Gao et al., 2011.

70 UN Environment, 2018b.

появления вооруженных групп⁷¹. Сложные и взаимосвязанные экологические изменения, такие как засухи и наводнения, чрезмерная эксплуатация ресурсов и изменение климата являются факторами, способствующими мобильности из сельских в городские районы и циклической мобильности внутри стран и через границы в субрегионе. Миграция является одной из стратегий, используемых для увеличения средств к существованию и снижения рисков в Западном Сахеле, особенно в свете неопределенной отдачи от сельскохозяйственной деятельности⁷². Исследования также выявили взаимосвязь между, с одной стороны, последствиями изменения климата для зависящих от природных ресурсов средств к существованию и отсутствия продовольственной безопасности и, с другой - напряженностью, конфликтами и мобильностью⁷³.

Северная Африка

Миграция жителей Северной Африки в Европу и государства Залива продолжает оставаться определяющей особенностью динамики миграции в субрегионе, которая формировалась в течение десятилетий. Миграция североафриканцев в страны за пределами Африки была и остается намного большей, чем их миграция в другие страны субрегиона и Африки⁷⁴. Потоки мигрантов из Северной Африки характеризовались двумя отдельными направлениями: мигранты с северо-запада (как то из Марокко, Алжира и Туниса) исторически перебирались в Европу благодаря своей географической близости, предыдущим соглашениям о найме рабочей силы и постколониальным связям⁷⁵, тогда как выходцы с северо-востока (в частности Египта и Судана) преимущественно искали временную работу в государствах ССЗ. Разительные различия в доходах между странами происхождения и назначения и высокие уровни безработицы в Северной Африке остаются важными движущими силами миграции. По состоянию на 2019 год почти 12 млн выходцев из Северной Африки жили за пределами своих стран рождения, причем примерно половина из них проживает в Европе, а 3,3 млн - в государствах Залива⁷⁶.

Вдобавок к тому, что Северная Африка является крупным транзитным районом для мигрантов, ее страны также принимают довольно большое число международных мигрантов, включая беженцев. В Судане имелось наибольшее количество международных мигрантов в субрегионе, которых в 2019 году насчитывалось свыше 1,2 млн человек⁷⁷. За Суданом следовала Ливия с более чем 800 000 человек. Число международных мигрантов в Египте увеличилось с 300 000 в 2010 году до более 500 000 в 2019 году, причем мигранты в основном прибыли из Сирийской Арабской Республики, Сомали, Судана и палестинских территорий⁷⁸. Хотя Марокко традиционно была страной эмиграции, она все больше становится страной назначения, в том числе для мигрантов из других субрегионов Африки, которые остаются там на неопределенный срок в поисках возможности перебраться в Европу⁷⁹.

Конфликты и насилие в Северной Африке и в соседних субрегионах способствуют перемещению населения. В конце 2018 года Судан, будучи страной происхождения около 700 000 беженцев, занимал

71 Rudincova, 2017.

72 Hummel и Liehr, 2015.

73 UNEP, 2011.

74 Flahaux и de Haas, 2016.

75 Natter, 2014.

76 ДЭСВ ООН, 2019а.

77 Ibid.

78 Ibid.

79 Reifeld, 2015.

шестое место в мире по количеству бежавших из страны лиц, большинство из которых были приняты в соседних странах - Чаде, Южном Судане и Эфиопии⁸⁰. В результате конфликта и насилия в Судане также насчитывалось приблизительно 2,1 млн ВПЛ⁸¹. В то же время Судан также играет заметную роль в качестве страны, принимающей свыше 1 млн беженцев (это число более чем удвоилось с 2016 года), большинство из которых были выходцами из Южного Судана, Эритреи и Сирийской Арабской Республики⁸². К концу 2018 года Алжир также принимал более 94 000 беженцев⁸³, тогда как Египет принимал свыше 240 000 беженцев, в основном из Сирийской Арабской Республики, палестинских территорий и других африканских стран и территорий⁸⁴. Нестабильная обстановка в плане безопасности и политическая ситуация в Ливии способствовали тому, что к концу 2018 года общая численность ВПЛ составила 221 000 человек (сокращение по сравнению с 300 000 человек в 2016 году), а также затронули более чем 56 000 беженцев и просителей убежища, проживающих в Ливии⁸⁵.

Являясь основным транзитным узлом для мигрантов, прибывающих из многих стран с южного направления, североафриканский субрегион сталкивается с проблемами защиты, связанными с нелегальной миграцией в Европу. В 2018 году в Европу морем прибыло около 117 000 мигрантов⁸⁶. Это означало значительное снижение по сравнению с 2017 годом (около 172 000 человек) и 2016 годом, когда их число возросло до 364 000 человек⁸⁷. Также произошло смещение маршрутов, используемых большинством нелегальных мигрантов, передвигающихся морем; в то время как большинство мигрантов из Африки, которые прибыли в Европу в 2016 и 2017 годах, использовали Центральный средиземноморский маршрут (из Ливии, главным образом в Италию), большинство нелегальных мигрантов, прибывших в Европу в 2018 году по морю, следовали по Западному средиземноморскому маршруту (из Марокко, главным образом в Испанию)⁸⁸. В Испанию морем прибыло примерно 59 000 человек против 23 000 человек, которые прибыли в Италию⁸⁹. Смена основного маршрута с Центрального на Западный средиземноморский связана с несколькими факторами, включая более тесное сотрудничество между Европейским союзом (ЕС) и странами происхождения и транзита, усилия по борьбе с незаконным провозом людей, а также усиление патрулирования морских зон безопасности у ливийского побережья⁹⁰. Мигранты из стран Африки, расположенных к югу от Сахары, составляли большинство нелегальных мигрантов, прибывших в Испанию морским путем, а вторую по численности группу нелегальных мигрантов составляли марокканцы⁹¹. По Центральному средиземноморскому маршруту в Италию перемещались главным образом тунисцы и, в порядке убывания по численности, эритрейцы, иракцы, суданцы и пакистанцы⁹². Согласно оценкам с января по ноябрь 2018 года доля несопровождаемых детей среди всех нелегальных мигрантов, прибывших морем в Италию, составила 15%⁹³.

80 УВКБ ООН, 2019а.

81 ЦНВП, 2019.

82 УВКБ ООН, n.d.

83 УВКБ ООН, 2019а.

84 Ibid.

85 ЦНВП, 2019; УВКБ ООН, 2019а.

86 МОМ, n.d.b. Эти данные включают прибытия в Болгарию, Грецию, Испанию, Италию, Кипр и на Мальту.

87 Ibid.

88 Frontex, 2019; MacGregor, 2019.

89 МОМ, n.d.b.

90 УВКБ ООН, 2019b; Frontex, 2019; MacGregor, 2019.

91 УВКБ ООН, 2019b.

92 Ibid.

93 Ibid.

Существуют оживленные маршруты незаконного провоза мигрантов в Северную Африку, на ее территории и из нее, причем этот незаконный провоз все больше концентрируется в руках нескольких организованных преступных сетей⁹⁴. Например, при помощи контрабандистов мигранты из стран Африки к югу от Сахары часто отправляются в очень опасные поездки в Северную Африку, в том числе через пустыню Сахара⁹⁵. Одним из основных путей незаконного провоза является миграционный маршрут из Сомали, Судана и Эфиопии в направлении Египта и Израиля⁹⁶. Однако в связи с ухудшением в последние годы социально-экономического положения в Египте контрабандисты все чаще переключаются на такие страны, как Ливия, которая до 2011 года была немаловажной страной назначения для трудящихся-мигрантов, а в последнее время стала крупным узловым центром нелегальной миграции и основным отправным пунктом для мигрантов, стремящихся попасть в Европу по Центральному средиземноморскому маршруту⁹⁷. Страны субрегиона продолжают бороться с серьезными нарушениями прав человека и преодолевать проблемы, связанные с обеспечением защиты; многие мигранты, находящиеся в пути, подвергаются сексуальному и гендерному насилию, принудительному труду, произвольному задержанию, вымогательствам и эксплуатации, а также другим злоупотреблениям. Это особенно актуально для Ливии, где незаконный провоз мигрантов часто превращается в торговлю людьми. В 2018 году МОМ оказала помощь в возвращении домой более чем 16 000 мигрантов, которые были задержаны или застряли в Ливии⁹⁸, причем некоторые из них оказались в руках контрабандистов и торговцев людьми. Затянувшийся гражданский конфликт в Ливии создал атмосферу беззакония, помимо резкого ослабления государственных институтов и ущерба ее экономике⁹⁹.

Азия¹⁰⁰

В 2019 году Азия, в которой проживает около 4,6 млрд человек, была регионом происхождения свыше 40% всех международных мигрантов в мире (111 млн человек). Более половины из них (66 млн человек) переехали на проживание в другие страны Азии, что представляет собой существенное увеличение по сравнению с 2015 годом, когда, согласно оценкам, внутриконтинентальных мигрантов насчитывалось 61 млн человек. Как показано на средней панели диаграммы 7, после 1990 года, когда в этой категории было зарегистрировано 35 млн человек, внутрирегиональная миграция в Азии существенно увеличилась. За последние два десятилетия в Северной Америке и Европе также значительно увеличились группы населения, состоящие из родившихся в Азии мигрантов. В 2019 году число мигрантов, переехавших из Азии в Северную Америку, достигло 17 млн человек по сравнению с немногим более 16 млн человек в 2015 году, тогда как в Европе в 2019 году насчитывалось почти 22 млн мигрантов из Азии. Миграция из Азии в Северную Америку и Европу поглотила большую часть прироста азиатских мигрантов за пределами региона, общее количество которых в 2019 году достигло 44,6 млн человек, что представляет собой увеличение на 11% по сравнению с 40 млн внешнерегиональных мигрантов в 2015 году.

94 UNODC, 2018.

95 Ibid.

96 İçduygu, 2018.

97 Ibid.

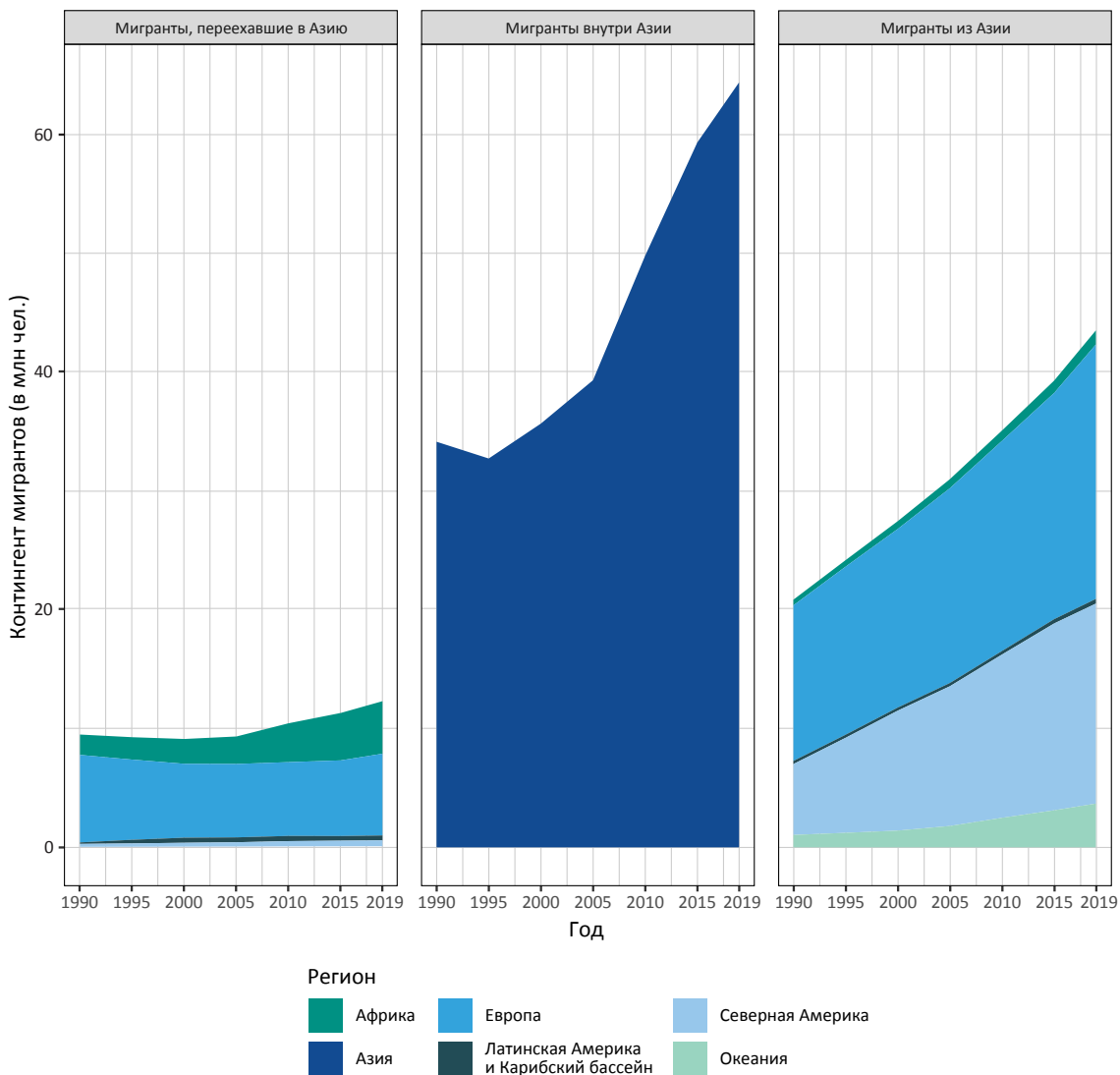
98 MOM, 2018b.

99 UNSMIL and OHCHR, 2018.

100 Подробную информацию о составе региона Азии см. в добавлении А.

С 1990 года численность в Азии мигрантов неазиатского происхождения оставалась на сравнительно низком уровне. Крупнейшую группу мигрантов, прибывших в регион из стран за пределами Азии, составляют европейцы. В их число входят мигранты из европейской части бывшего Советского Союза, ныне проживающие в Центральной Азии. За тот же период выросло число африканцев, составляющих еще одну многочисленную группу мигрантов в Азии.

Диаграмма 7. Мигранты, переехавшие в Азию, внутри Азии и из нее в 1990-2019 годах

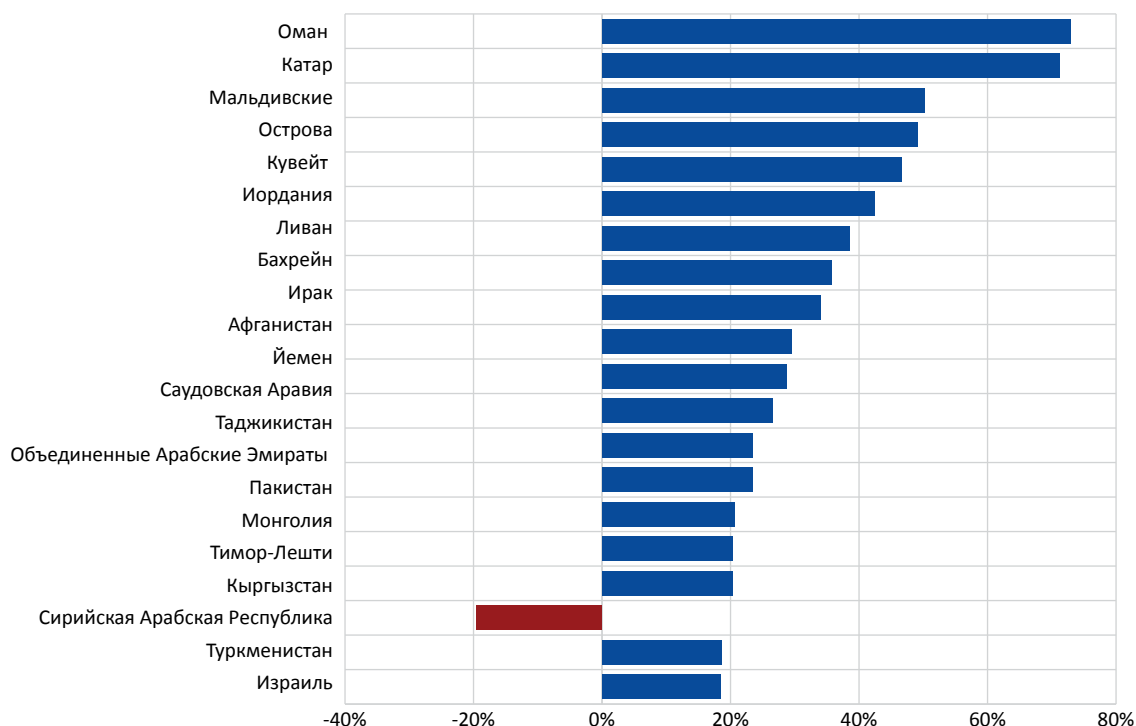
Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

Примечание: Под «мигрантами, переехавшими в Азию» понимаются мигранты, проживающие в регионе (т.е. в Азии), которые родились в других регионах (например, Европе или Африке). «Мигранты внутри Азии» означают мигрантов, родившихся в регионе (т.е. в Азии) и проживающих за пределами страны своего рождения, но в азиатском регионе. «Мигранты из Азии» означают людей, родившихся в Азии, которые проживают за пределами этого региона (например, в Европе или Северной Америке).

В последние годы в нескольких азиатских странах произошли существенные изменения в численности населения. Эти изменения показаны на диаграмме 8, где фигурируют 20 стран Азии с наибольшими пропорциональными демографическими изменениями в 2009-2019 годах. За исключением Сирийской Арабской Республики, во всех 20 странах в этот период численность населения выросла. За последнее десятилетие страны ССЗ, которые все представлены среди этих 20 стран, претерпели довольно существенные демографические изменения. Международная миграция была одним из важных определяющих факторов изменений в населении стран в Азии, особенно в государствах ССЗ, которые продолжают оставаться привлекательными странами назначения для трудящихся-мигрантов, прибывающих как из Азии, так и из-за пределов региона.

Как показано на диаграмме 9, в государствах ССЗ международные мигранты составляют значительную долю населения этих стран: например, в Объединенных Арабских Эмиратах 88% населения страны приходится на мигрантов¹⁰¹.

Диаграмма 8. 20 стран Азии с наибольшими пропорциональными демографическими изменениями в 2009-2019 годах

Источник: ДЭСВ ООН, 2019с.

Примечание: Важно отметить, что наибольшие пропорциональные демографические изменения в 2009-2019 годах более вероятны в странах с относительно малой численностью населения.

101 ДЭСВ ООН, 2019а.

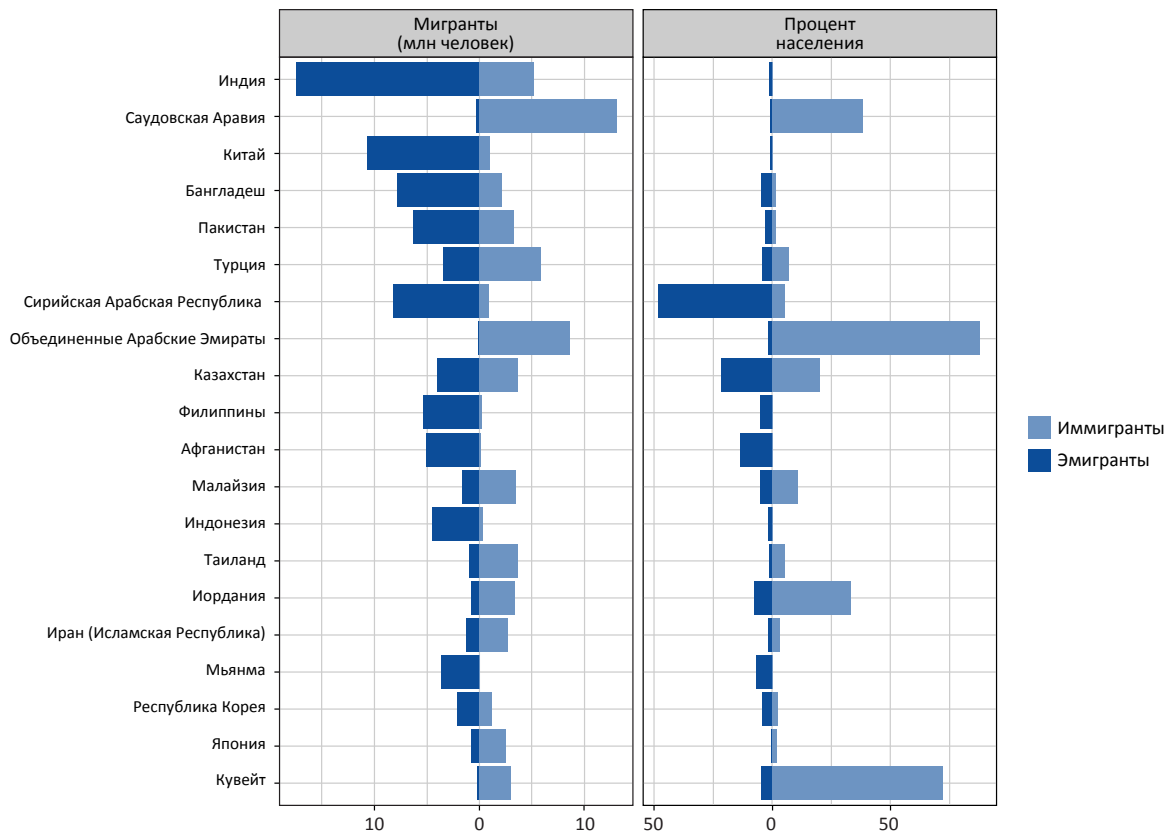
Два азиатских «густонаселенных гиганта» Индия и Китай являются странами происхождения абсолютного большинства мигрантов, проживающих за рубежом (диаграмма 9). При этом важно отметить, что такое абсолютное большинство эмигрантов представляет собой малую часть всего населения как Индии, так и Китая. Мигранты из Китая образовали третий крупнейший контингент рожденных за рубежом мигрантов в мире после Индии и Мексики. Почти 3 млн родившихся в Китае эмигрантов проживали в Соединенных Штатах, которые также были принимающей страной для других крупных групп азиатских мигрантов из Индии, Филиппин и Вьетнама. К числу других стран происхождения крупных групп мигрантов, проживающих за рубежом, относятся Бангладеш и Сирийская Арабская Республика.

В странах ССЗ мигранты образуют высокую долю всего населения стран (диаграмма 9). Например, в 2019 году на мигрантов приходилось 88% населения в Объединенных Арабских Эмиратах; 72% - в Кувейте; почти 79% - в Катаре; и 45% - в Бахрейне¹⁰². Многие мигранты прибыли в эти страны из Африки, Южной Азии (например, Индии, Пакистана, Бангладеш и Непала), а также Юго-Восточной Азии (например, Индонезии и Филиппин).

Важно также отметить, что текущие данные о родившихся за рубежом мигрантах отчасти отражают такие значительные исторические события, как Раздел 1947 года, приведший к массовому перемещению людей между Индией и Пакистаном. Это явствует из данных за 2019 год, которые свидетельствуют о том, что в обеих странах проживают, соответственно, свыше 5 млн и 3 млн родившихся за рубежом мигрантов.

102 ДЭСВ ООН, 2019а.

Диаграмма 9. 20 ведущих стран Азии по количеству мигрантов в 2019 году

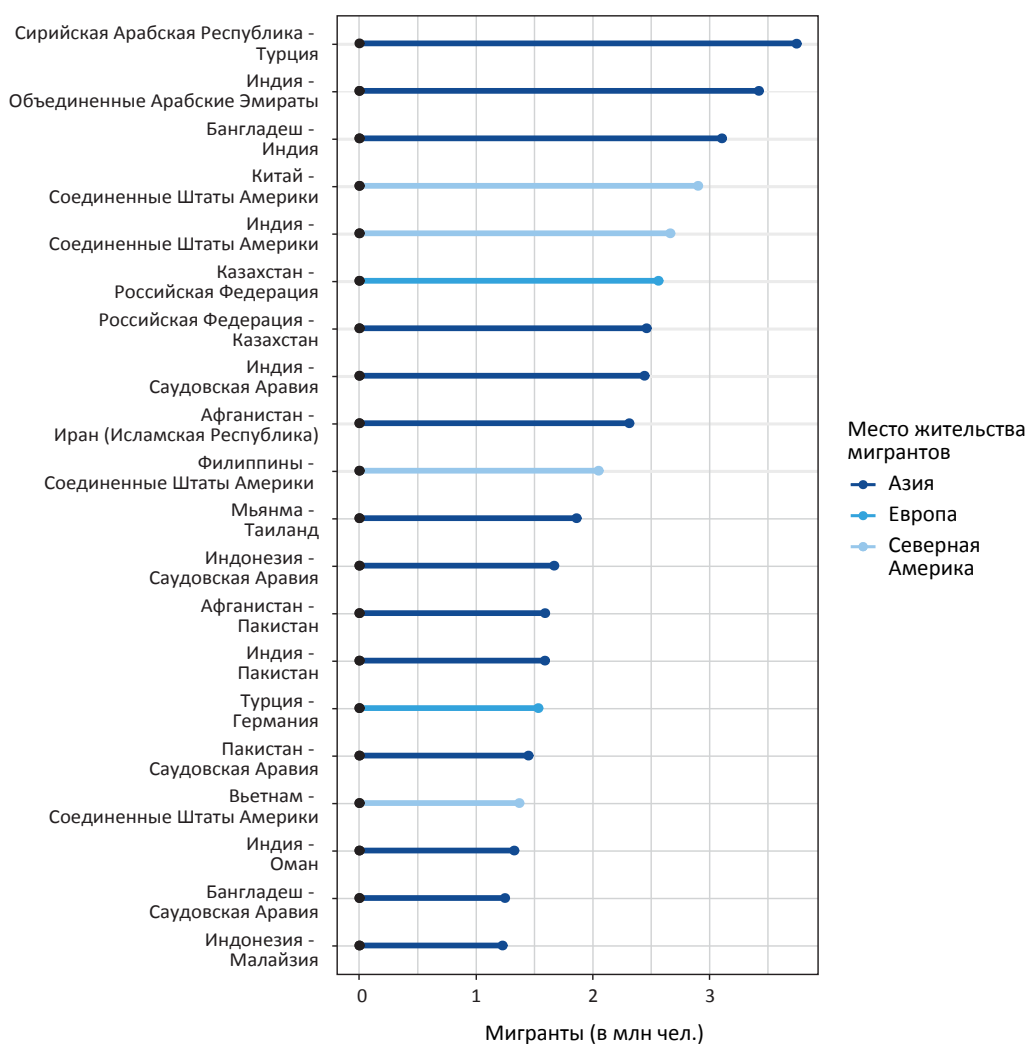
Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

Примечание 1: Данные о численности населения, использованные для расчета процентной доли иммигрантов и эмигрантов, основаны на данных ДЭСВ ООН об общей численности постоянного населения стран, которое включает население, родившееся за рубежом.

Примечание 2: «Иммигранты» означают родившихся за рубежом мигрантов, проживающих в стране. «Эмигранты» означают людей, родившихся в стране, которые в 2019 году проживали за пределами страны своего рождения.

На диаграмме 10 показаны 20 главных миграционных коридоров из стран Азии, из которых немногим более половины - 13 из 20 коридоров - проходят внутри региона. Эти миграционные коридоры отражают накопление миграционных передвижений с течением времени и дают представление о том, каким образом определенные модели миграции привели к образованию значительных групп населения из лиц, родившихся за рубежом, в конкретных странах назначения. Крупнейший коридор проходит из Сирийской Арабской Республики в Турцию, где в 2019 году проживало более 3,7 млн сирийцев. Это отличается от положения в 2015 и 2017 годах, когда крупнейший коридор в Азии проходил из Индии в Объединенные Арабские Эмираты.

Диаграмма 10. 20 главных миграционных коридоров из стран Азии в 2019 году

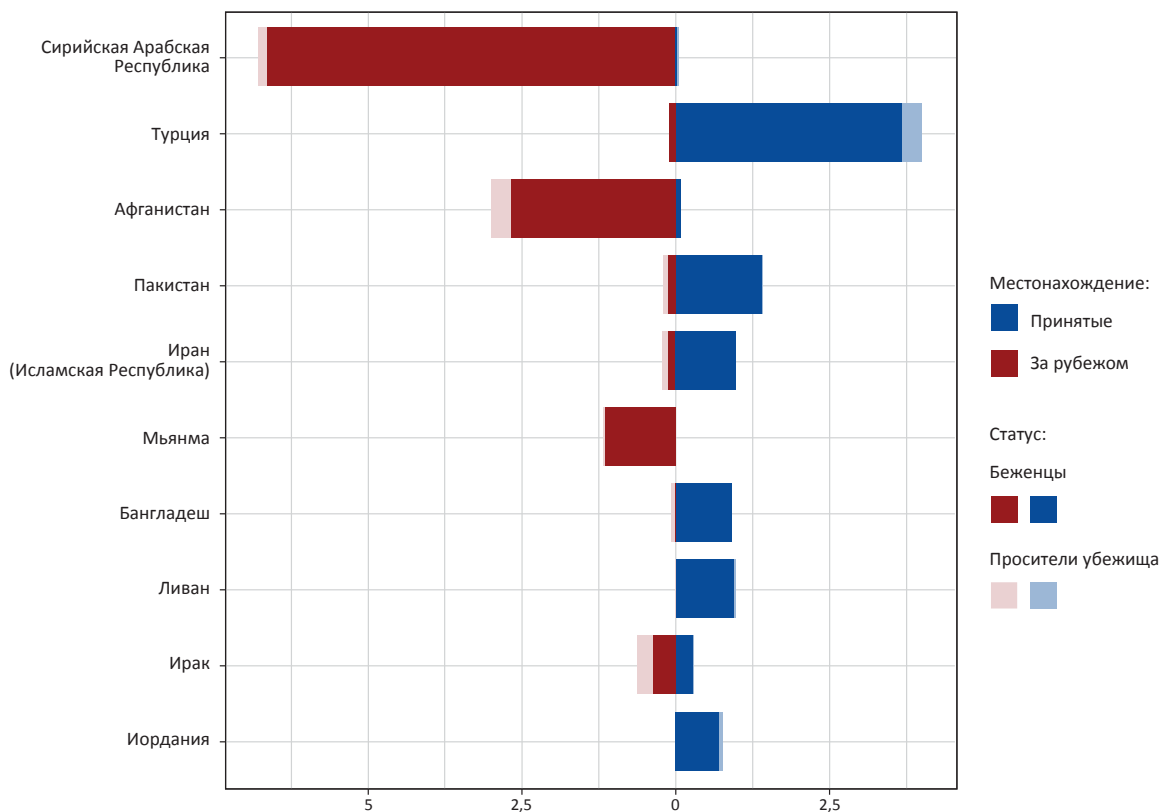
Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

Примечание: Коридоры отражают накопление миграционных перемещений с течением времени и дают представление о том, каким образом определенные модели миграции привели к образованию значительных групп населения из лиц, родившихся за рубежом, в конкретных странах назначения.

Как явствует из диаграммы 11, основной особенностью этого региона являются международные перемещения внутри Азии и из нее. Сирийская Арабская Республика и Афганистан были странами происхождения наибольшего количества беженцев в мире. Воздействие сирийского конфликта на перемещение можно четко видеть на диаграмме 11, поскольку число беженцев и просителей убежища из Сирийской Арабской Республики значительно превосходит число таких лиц из Афганистана. В 2018 году подавляющее большинство беженцев из азиатских стран проживали в соседних странах. Например,

беженцы из Сирийской Арабской Республики расселялись преимущественно в Турции, Ливане и Иордании, тогда как беженцев из Афганистана, численность которых возросла с 2,6 миллиона в 2017 году до 2,7 миллиона в 2018 году (в основном по причине рождений в течение года), принимали главным образом Пакистан и Исламская Республика Иран. В результате актов насилия и преследования в отношении рохинджа Мьянма в 2018 году стала страной происхождения третьей по численности группы беженцев в регионе и четвертой - в мире, причем большинство беженцев были приняты в Бангладеш. Важно также отметить, что, как показано на диаграмме 11, такие страны происхождения, как Пакистан, Исламская Республика Иран и Ирак, сами принимают беженцев.

Диаграмма 11. 10 ведущих стран Азии по общему количеству беженцев и просителей убежища в 2018 году

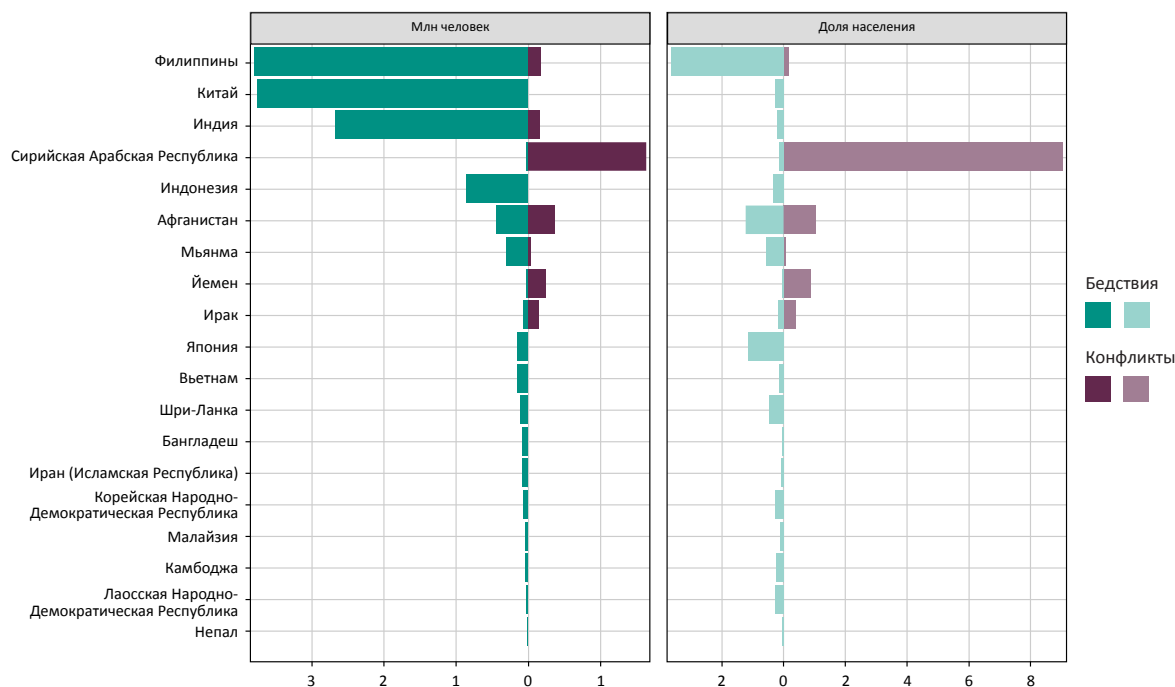

Источник: УВКБ ООН, n.d.

Примечание: Определение «принятые» относится к тем беженцам и просителям убежища из других стран, которые проживают в принимающей стране (правая часть диаграммы); «за рубежом» относится к беженцам и просителям убежища из данной страны, которые находятся за пределами страны своего происхождения. Десять ведущих стран определены на основе данных за 2018 год, которые рассчитываются путем суммирования беженцев и просителей убежища, прибывших в страны и выехавших из стран.

Самые значительные новые внутренние перемещения в Азии были обусловлены стихийными бедствиями (диаграмма 12). Наибольшее количество таких перемещений в мире было зарегистрировано на Филиппинах, где на конец 2018 года имели место 3,8 млн новых перемещений в результате бедствий. Бедствия, вызвавшие перемещения, включали извержения вулканов, а также наводнения и оползни, вызванные муссонами. В Китае было зарегистрировано примерно 3,7 млн перемещений, то есть почти столько же новых перемещений в результате бедствий, как и на Филиппинах. За Китаем следовали Индия (2,7 млн перемещений) и Индонезия (853 000). Конфликты также способствовали большому количеству новых внутренних перемещений в Азии: в Сирийской Арабской Республике отмечалось наибольшее количество таких перемещений (1,6 млн), которые затронули около 9% ее населения. К числу других стран, в которых конфликты привели к значительным внутренним перемещениям, относились Афганистан (372 000), Йемен (252 000) и Филиппины (188 000).

Диаграмма 12. Ведущие страны Азии по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2018 году

Источник: ЦНВП, n.d.; ДЭСВ ООН, 2017.

Примечание: Термин «новые перемещения» означает число передвижений в контексте перемещения, которые имели место в 2018 году, а не численность общего контингента ВПЛ, накопившегося вследствие перемещения в течение определенного времени. Данные о числе новых перемещений включают лиц, которые были перемещены более одного раза, и не соответствуют числу людей, перемещенных в течение года.

Данные о численности населения, использованные для подсчета доли новых перемещений, вызванных бедствиями и конфликтами, основаны на оценках численности общего постоянного населения стран, произведенных ДЭСВ ООН за 2017 год, а данные о процентной доле используются только в соответствующих иллюстративных целях.

Основные особенности и изменения в Азии

Юго-Восточная Азия

Во многих странах Юго-Восточной Азии миграция характеризуется высокими уровнями как эмиграции, так и иммиграции, а также включает транзитную миграцию. Одним из основных факторов, подкрепляющих устойчивую тенденцию к миграции из стран с низкими доходами в страны с более высокими доходами внутри субрегиона (и за его пределы), является значительное несоответствие доходов в странах субрегиона. В субрегионе имеется немногим более 10 млн международных мигрантов, а выходцами из стран субрегиона являются чуть более 21,8 млн всех мигрантов, 6,8 млн из которых мигрировали в другие страны Юго-Восточной Азии¹⁰³. Малайзия и Сингапур, обладающие развитой экономикой, являются привлекательными странами назначения для мигрантов. Развитию внутрирегиональной миграции способствовали усилия Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), направленные на более тесную региональную интеграцию. Важное значение имеет также географический аспект миграции, поскольку самые высокие уровни миграции отмечаются между странами с общими границами, особенно вдоль границы Таиланда с соседними Камбоджой, Лаосской Народно-Демократической Республикой и Мьянмой¹⁰⁴. Очевидно существование внутрирегиональных миграционных коридоров, используемых в течение длительного времени, по которым преимущественно осуществляется временная трудовая миграция с небольшими компонентами постоянной миграции квалифицированных работников и семейной миграции, студенческой миграции и вынужденной миграции¹⁰⁵.

Выраженной особенностью и основной движущей силой экономического роста и развития является трудовая миграция, которая также ассоциируется с практикой, не соответствующей правам человека. Трудовые мигранты издавна были неотъемлемой частью экономики основных стран назначения в субрегионе, в частности Малайзии, Сингапура и Таиланда, где они помогают восполнить пробелы на рынках труда. Это особенно верно в случае таких секторов, как рыбное хозяйство, домашняя работа и строительство, которые нуждаются в работниках менее высокой квалификации¹⁰⁶. Вместе с этим перспективы трудоустройства и более высоких заработков часто вынуждают людей из таких стран, как Филиппины и Индонезия, переезжать в страны субрегиона с более процветающей экономикой¹⁰⁷. Многие мигранты отсылают домой своим семьям значительную долю своих заработков, как в случае мигрантов из Филиппин, удерживающих одно из первых мест среди стран-получателей крупнейших объемов денежных переводов в мире. В 2018 году Филиппины, чей приток международных денежных переводов составил 34 млрд долл. США, были четвертой из крупнейших стран-получателей денежных переводов в мире, уступая только Индии, Китаю и Мексике¹⁰⁸. Однако даже тогда, когда трудовая миграция способствует смягчению нехватки рабочей силы в странах назначения, многие трудовые мигранты по-прежнему сталкиваются с условиями эксплуатации. Эта ситуация больше других затрагивает трудящихся, занятых в низкоквалифицированных, трудозатратных секторах, невзирая на их правовой статус, при этом наиболее распространенные злоупотребления в их отношении связаны с оплатой труда¹⁰⁹. От многих трудовых мигрантов требуют трудиться чрезмерно длительный рабочий

103 ДЭСВ ООН, 2019а.

104 Hugo, 2014; Hatsukano, 2015.

105 Hugo, 2014.

106 Harkins, Lindgren и Suravoranon, 2017.

107 Pholphirul, 2018.

108 Всемирным банком, 2019а.

109 Harkins, Lindgren и Suravoranon, 2017.

день при заработной плате меньше минимальной, что является следствием недостаточной защиты, предоставляемой трудовым мигрантам во время найма и трудоустройства¹¹⁰.

Значительная часть миграции является нелегальной, что объясняется в основном такими экономическими факторами, как нищета и безработица. Потоки нелегальных мигрантов, например, из Камбоджи и Лаосской Народно-Демократической Республики, в такие страны назначения, как Таиланд и Малайзия, зачастую обслуживаются контрабандистами. Контрабандисты также играют важную роль в нелегальной миграции за пределы субрегиона: например, вьетнамские мигранты на пути в Европу часто пользуются услугами контрабандистов для достижения стран своего назначения¹¹¹. Кроме того, существуют смешанные миграционные потоки (передвижения людей с потребностями в международной защите и без таковых), как и миграционные потоки, движимые разными мотивами. Многие мигранты в Юго-Восточной Азии сталкиваются с эксплуатацией, вытекающей из их нелегального положения. В отдельных отраслях трудящиеся-мигранты также сталкиваются с принудительным трудом, эксплуатацией и серьезными злоупотреблениями (например, в рыболовном секторе, сельском хозяйстве, строительстве и обрабатывающей промышленности)¹¹². Помимо незаконного провоза мигрантов в Юго-Восточной Азии, остается серьезной проблема торговли людьми, от которой в этом субрегионе страдает почти половина всех жертв в Азии (46%)¹¹³. В целях сексуальной эксплуатации и принудительного труда продается большое количество людей, из которых в 2016 году в целях сексуальной эксплуатации было продано гораздо больше женщин¹¹⁴. В таких странах, как Малайзия и Таиланд, в 2016 году было больше жертв принудительного труда, чем сексуальной эксплуатации¹¹⁵.

В субрегионе отмечался рост перемещения в результате насилия, систематических преследований и маргинализации. Наиболее тяжелым является положение беженцев из числа рохинджа, которое остается одним из самых сложных беженских кризисов в мире. К концу 2018 года в Кокс-Базаре, Бангладеш, находились свыше 900 000 рохинджа и более 1 млн людей нуждались в гуманитарной помощи¹¹⁶. Лагерь Кутупалонг-Балукхали в Кокс-Базаре продолжает оставаться крупнейшим и самым густонаселенным поселением беженцев в мире; в 2018 году беженцы из Мьянмы составляли четвертый по величине контингент беженцев в мире¹¹⁷. В результате всплеска целенаправленных убийств и нарушений прав человека в августе 2017 года из штата Ракхайн в Мьянме было перемещено значительное число рохинджа, большинство из которых стремились получить защиту в Бангладеш. Хотя рохинджа не впервые спасались от насилия бегством из Мьянмы, насилие в августе 2017 года породило одну из величайших волн перемещений за многие десятилетия. В то же время в Юго-Восточной Азии Малайзия продолжала следовать своей давней тенденции, состоящей в готовности к приему большого числа беженцев и людей, оказавшихся в сходном с беженским положении (свыше 120 000 в 2018 году), в основном в результате перемещения, обусловленного многолетним гражданским конфликтом в Мьянме¹¹⁸. Переселение беженцев из субрегиона осуществляется главным образом «традиционными» странами расселения (такими как Соединенные Штаты, Канада

110 Ibid.

111 UNODC, 2018.

112 Gois, 2015.

113 MOM, n.d.c.

114 UNODC, 2018.

115 Ibid.

116 MOM, 2018c.

117 УВКБ ООН, 2019а.

118 Ibid.

и Австралия), и в нем мало участвует «защитная инфраструктура» в субрегионе¹¹⁹. В субрегионе также существуют крупные группы ВПЛ и апатридов, при этом группы лиц без гражданства принимают восемь стран субрегиона (крупнейшую из них принимает Мьянма, в которой на конец 2018 года находилось более 600 000 апатридов)¹²⁰.

Южная Азия

Миграция из Южной Азии в другие субрегионы является основной особенностью, в частности ввиду того, что выходцами из этого субрегиона являются многие временные трудящиеся-мигранты в странах ССЗ. В последние годы перспективы более высоких заработков и доступные возможности занятости обусловили значительный рост числа людей, покидающих субрегион¹²¹. Для стран субрегиона с большими излишками рабочей силы миграция облегчает напряженность на рынке труда, одновременно способствуя сокращению масштабов бедности посредством денежных переводов. Соответственно, страны Южной Азии входят в число крупнейших получателей денежных переводов в мире. В 2018 году крупнейший в мире приток денежных переводов в Индию составил 79 млрд долл. США; а в таких странах, как Пакистан, Шри-Ланка и Бангладеш, денежные переводы в том же году превысили 5% валового внутреннего продукта (ВВП)¹²².

В Южной Азии доминирующей характеристикой является миграция внутри субрегиона, движущими факторами которой выступают различия в экономике и рынках труда¹²³. Внутрорегиональное передвижение легального и нелегального характера связано с глубокими общими историческими корнями, географической близостью, а также культурными и родственными связями между странами¹²⁴. В 2019 году немногим менее 80% из 14 млн международных мигрантов в Южной Азии были выходцами из других стран субрегиона¹²⁵. Крупные миграционные коридоры проходят по линиям Бангладеш-Индия, Афганистан-Пакистан, Индия-Пакистан и Непал-Индия; однако важно отметить, что все эти коридоры являются совершенно особенными, поскольку они отражают целый спектр исторических и современных экономических, культурных факторов и факторов безопасности. В настоящее время, к примеру, в Индии работают миллионы трудовых мигрантов из Бангладеш и Непала, в основном в неформальном секторе в качестве строительных рабочих и домашней прислуги, тогда как коридор между Индией и Пакистаном частично отражает массовое перемещение, последовавшее за Разделом Индии и Пакистана 1947 года¹²⁶. Далее, многие из 3,9 млн афганских международных мигрантов, проживающих в субрегионе (главным образом в Исламской Республике Иран и Пакистане), переместились через границы в результате конфликта и насилия в Афганистане, который затухал и с новой силой разгорался с 1970-х годов¹²⁷. Внутренняя миграция в странах Южной Азии шире и масштабнее международной миграции, что объясняется прежде всего временной

119 McAuliffe, 2016. «Защитная инфраструктура» включает внутреннее право, национальную политику, а также административную практику в области защиты; см. Sitaropoulos, 2000.

120 Southwick, 2015; УВКБ ООН, 2019а.

121 Doherty et al., 2014.

122 Всемирным банком, 2019а.

123 Srivastava и Pandey, 2017.

124 Ibid.

125 ДЭСВ ООН, 2019а.

126 Srivastava и Pandey, 2017.

127 Schmeidl, 2016; УВКБ ООН, 2016.

и сезонной миграцией из сельских в городские районы¹²⁸. В период 2001-2011 годов городское население Южной Азии выросло на 130 млн человек¹²⁹. Вместе с тем, хотя этому росту способствовала миграция из сельских в городские районы, он был в значительной степени обусловлен изменением статуса сельских населенных пунктов и природным приростом населения¹³⁰.

В Южной Азии получила распространение нелегальная миграция как внутри субрегиона, так и за его пределы, и разветвленные сети контрабандистов зачастую способствуют ей. Хотя точное число людей, совершающих нелегальную миграцию внутри региона, неизвестно, согласно оценкам в субрегионе существуют крупные группы нелегальных мигрантов¹³¹. Например, в Индии проживают большие группы нелегальных мигрантов из Бангладеш, Непала и в меньшей степени из Шри-Ланки¹³². К числу наиболее предпочтительных регионов назначения для нелегальных мигрантов из Южной Азии относятся Европа, Северная Америка и Океания¹³³. Социально-экономические факторы и отсутствие безопасности в странах происхождения, в дополнение к более высоким зарплатам и возможностям трудоустройства в странах назначения, фигурируют среди факторов, связанных с нелегальной миграцией и незаконным провозом мигрантов¹³⁴. Мигранты из Южной Азии, направляющиеся в Западную Европу, незаконно провозятся главным образом через Центральную Азию и Российскую Федерацию, а также через Ближний Восток в направлении Западных Балкан¹³⁵. Других нелегальных мигрантов незаконно провозят для работы в Малайзию, Таиланд и Индонезию¹³⁶. Имеется много задокументированных случаев эксплуатации и злоупотреблений, которым подвергали мигрантов контрабандисты в Южной Азии¹³⁷. Торговля людьми остается в Южной Азии серьезной проблемой, хотя по многим странам субрегиона отсутствуют сколько-нибудь полные данные и информация. По оценкам, приведенным в докладе УНП ООН 2018 года, почти 60% жертв торговли людьми, выявленных в субрегионе в 2016 году, были женщинами, исходя из информации по таким четырем странам, как Бангладеш, Мальдивские Острова, Непал и Пакистан¹³⁸. В Непале жертв торговли людьми было больше среди детей, чем среди взрослых¹³⁹.

Длительные конфликты, политическая нестабильность, насилие и репрессии сделали Южную Азию крупным источником перемещения; в то же время страны субрегиона принимают значительные группы перемещенного населения. В последний исторический период каждая страна субрегиона (кроме Мальдивских Островов) была страной происхождения или принимающей страной перемещенного населения. Наиболее примечательно, что в конце 2018 года в нем насчитывалось 2,7 млн афганских беженцев, что является вторым крупнейшим контингентом беженцев в мире после беженцев из Сирийской Арабской Республики, и 2,6 млн афганских ВПЛ¹⁴⁰. Больше всего

128 Ibid.

129 Ellis и Roberts, 2016.

130 Ibid.

131 Srivastava и Pandey, 2017.

132 Jayasuriya и Sunam, 2016.

133 McAuliffe и Jayasuriya, 2016.

134 Ibid.

135 Sengupta, 2018.

136 Gallagher и McAuliffe, 2016.

137 UNODC, 2018.

138 Ibid.

139 Ibid.

140 УВКБ ООН, 2019a; ЦНВП, 2019.

афганских беженцев принимали соседние страны - Пакистан и Исламская Республика Иран, которые соответственно фигурировали среди ведущих принимающих стран в мире¹⁴¹. Пакистан с его проходимыми границами и тесными этническими, языковыми, религиозными и экономическими связями в течение десятилетий был страной, принимавшей крупный контингент беженцев, который в конце 2018 года насчитывал около 1,4 млн человек и почти исключительно состоял из афганцев¹⁴²; а в 2017 году около 60 000 беженцев были репатриированы в Афганистан, и большинство из них из Пакистана¹⁴³. В конце 2018 года Исламская Республика Иран принимала около 1 млн беженцев¹⁴⁴, что делало ее шестой по количеству беженцев принимающей страной в мире, в то время как Индия и Бангладеш продолжали принимать крупные группы ВПЛ¹⁴⁵.

Население Южной Азии особенно уязвимо перед медленно наступающими и быстро наступающими бедствиями, связанными с опасными природными явлениями и изменением климата. За исключением Афганистана, где конфликт и насилие сыграли более существенную роль в изгнании людей из их домов, большинство перемещений в Южной Азии в 2018 году были обусловлены бедствиями¹⁴⁶. Согласно оценкам в 2018 году 3,3 млн новых перемещений в Южной Азии были вызваны внезапно возникшими угрозами, в связи с которыми больше всего людей пострадало в Индии, Афганистане, Шри-Ланке и Бангладеш. Учитывая относительную численность населения Южной Азии, в ней наибольшее число людей подвергается угрозе перемещения в результате внезапно возникающих опасностей, при этом наивысший риск бедствий существует в Бангладеш, Индии и Пакистане¹⁴⁷. Наибольший ущерб от стихийных бедствий в субрегионе несет Индия, где тропические штормы и наводнения привели к более чем 2,7 млн перемещений¹⁴⁸. Афганистан занимает в субрегионе второе место по числу перемещений, вызванных бедствиями, зарегистрировав 371 000 новых перемещений, в основном обусловленных засухой. В Шри-Ланке и Бангладеш тысячи людей также были перемещены в результате муссонов¹⁴⁹. Масштабы вызванных бедствиями разрушений и перемещений в Южной Азии в последние годы отчасти объясняются плохим планированием и отсутствием готовности к чрезвычайным ситуациям в субрегионе¹⁵⁰. Миграция и мобильность являются особенно важными стратегиями реагирования на природные явления, вызванные экологическими изменениями в Южной Азии, включая подъем уровня моря, эрозию побережья, наводнения и истощение подземных вод, все из которых создают серьезные проблемы в субрегионе¹⁵¹.

Восточная Азия

Восточная Азия претерпевает значительные демографические изменения, при которых несколько стран сталкиваются с проблемами низких коэффициентов фертильности и старения населения, что приводит к пересмотру иммиграционной политики. Такие страны, как Япония, уже испытывают отрицательный рост населения, а в Республике Корея коэффициент фертильности гораздо ниже уровня воспроизводства (2,1

141 УВКБ ООН, 2019а.

142 Ibid.

143 МОМ и УВКБ ООН, 2018.

144 УВКБ ООН, 2019а.

145 ЦНВП, 2019. Более общую информацию о внутреннем перемещении, особенно в отношении Афганистана, Индии, Исламской Республики Иран, Пакистана и Шри-Ланки см. также в Матрице отслеживания перемещений МОМ.

146 ЦНВП, 2019.

147 Ibid.

148 Ibid.

149 Ibid.

150 ЦНВП, 2018а.

151 Climate and Development Knowledge Network, 2014b. См. также Ionesco, Mokhnacheva и Gemenne, 2017.

ребенка на женщину), необходимого для поддержания численности населения¹⁵². В 2019 году в Японии отмечался самый низкий в мире коэффициент потенциальной поддержки (соотношение между работниками и пенсионерами), и она, наряду с Китаем, входила в 10 самых густонаселенных стран с коэффициентом фертильности ниже уровня воспроизводства¹⁵³. Эти демографические изменения влекут за собой далеко идущие последствия для государственной задолженности, системы социального обеспечения и рынков труда¹⁵⁴. Эти реалии подталкивают разработчиков политики к переоценке исторически сложившихся ограничительных подходов к иммиграции, которые были связаны с относительно высокой степенью культурной однородности в некоторых странах, более ограниченным опытом иммиграционной политики по сравнению с другими регионами и субрегионами и относительной непопулярностью иммиграции во многих странах¹⁵⁵.

Поскольку основные страны Восточной Азии сталкиваются с сокращением своего населения, ряд стран приняли новые иммиграционные законы или осуществляли программы по привлечению иностранной рабочей силы. В декабре 2018 года японский парламент одобрил новое иммиграционное законодательство, ослабляющее ограничения в отношении трудоустройства иностранных работников в отраслях, испытывающих нехватку рабочей силы, что означало изменения, которые, как ожидается, будут способствовать привлечению более чем 300 000 трудящихся¹⁵⁶. Последние изменения в иммиграционных законах Японии отчасти являются также реакцией на резкий рост спроса на рабочую силу в таких областях, как строительство, в период подготовки страны к организации Олимпийских игр 2020 года в Токио¹⁵⁷. В то же время Республика Корея посредством использования своей системы разрешений на трудоустройство, открывающей возможность притока иностранной рабочей силы из азиатских стран-партнеров¹⁵⁸, с которыми подписаны меморандумы о взаимопонимании, как ожидается, в 2019 году примет 56 000 иностранных трудящихся, стремясь решить проблему нехватки рабочей силы¹⁵⁹. Китай, который в первую очередь является страной происхождения трудящихся-мигрантов, в последнее время также стремится привлечь работников в сектора, требующие и высокой, и низкой квалификации, путем как изменения своей иммиграционной политики, так и подписания двусторонних соглашений. Привлечение все большего количества иностранных рабочих не только направлено на восполнение пробелов в требуемых профессиях, но и является частью усилий страны по достижению более полной экономической открытости и универсальности. Так, в 2018 году Китай ослабил свои визовые требования для специалистов и высококвалифицированных работников, сделав ставку на привлечение самых одаренных иностранцев¹⁶⁰ к труду на экономику, которая постепенно переходит от сферы производства к сфере услуг. В том же году страна впервые создала Государственную иммиграционную администрацию. Создание нового иммиграционного ведомства является реакцией как на растущее число иностранных мигрантов в Китае, так и на

152 ДЭСВ ООН, 2019с.

153 Ibid.

154 Nye, 2019.

155 Staedicke, Batalova и Zong, 2016.

156 McCurry, 2019; BBC, 2018.

157 Tian и Chung, 2018.

158 По состоянию на 2019 год страны-партнеры по системе разрешений на трудоустройство включают: Бангладеш, Вьетнам, Индонезию, Камбоджу, Китай, Кыргызстан, Лаосскую Народно-Демократическую Республику, Монголию, Мьянму, Непал, Пакистан, Таиланд, Тимор-Лешти, Узбекистан, Филиппины и Шри-Ланку.

159 Ju-Young, 2018.

160 Ning, 2018.

необходимость упорядочения и совершенствования управления в области иммиграции¹⁶¹. Кроме того, в 2018 году Китай и Филиппины подписали соглашение, которое позволит работать в Китае 300 000 филиппинских работников, включая 100 000 преподавателей английского языка¹⁶².

Миграция в Восточной Азии все больше характеризуется значительным оттоком и притоком в рамках мобильности учащихся. В последние годы быстро увеличивается количество международных студентов, прибывающих из Восточной Азии, особенно для получения высшего образования, хотя число иностранных студентов в субрегионе также продолжает расти. Движимые перспективой получения образования более высокого качества, многие международные студенты из Восточной Азии обучаются в таких странах назначения, как Соединенные Штаты, Канада и Соединенное Королевство. В 2018 году Китай оставался важным источником международных студентов в мире, поскольку более полумиллиона студентов из этой страны решили продолжить свое обучение за рубежом, что означало увеличение по сравнению с 2017 годом более чем на 8%¹⁶³. Однако страны Восточной Азии не только являются крупным источником международных студентов, они также постепенно становятся важными странами назначения для иностранных студентов, многие из которых выбирают для учебы другие страны внутри субрегиона. В 2018 году количество международных студентов в высших учебных заведениях Китая составляло более 490 000 человек¹⁶⁴. В 2018 году наиболее многочисленной группой международных студентов в Китае были студенты из Республики Кореи¹⁶⁵. За ними следовали студенты из Таиланда, Пакистана и Индии¹⁶⁶.

Трудовая эмиграция, особенно из Китая, означает, что субрегион является одним из крупнейших получателей международных денежных переводов в мире. В 2019 году международные мигранты, родившиеся в Китае, составляли третью по численности группу населения, рожденного за рубежом, в мире после индийцев и мексиканцев, так как за пределами Китая проживали почти 11 млн китайских мигрантов¹⁶⁷. В 2018 году глобальные потоки денежных переводов составили почти 690 млрд долл. США, при этом Китай получил более 67 млрд долл. США, что является второй по величине долей общемировых международных денежных переводов после доли Индии¹⁶⁸.

Хотя эта глава посвящена главным образом международной миграции, в этом контексте следует отметить, что внутренняя миграция была важной особенностью восточноазиатских стран, учитывая беспрецедентное перемещение населения из сельских районов в городские центры. Хотя темпы урбанизации замедлились и даже снизились в таких частях континента, как Западная Азия, в Восточной Азии отмечались самые быстрые темпы урбанизации за последние десятилетия¹⁶⁹. К 2015 году доля городского населения в субрегионе достигла 60%, более чем утроившись с 1950 года¹⁷⁰. Это было наиболее заметно в Китае, где экономические и социальные реформы 1980-х годов положили начало одной из крупнейших миграций людей в истории. В реформы входило послабление системы «хукоу», предусматривающей регистрацию и контроль внутренней миграции, в рамках которой доступ населения к услугам был обусловлен их статусом резидентов. В результате сотни миллионов трудящихся, движимые перспективой трудоустройства и более высокой оплаты труда,

161 The State Council, the People's Republic of China, 2018.

162 Jennings, 2018.

163 Ministry of Education of the People's Republic of China, 2019a; Shuo, 2019.

164 Ministry of Education of the People's Republic of China, 2019b.

165 Ibid.

166 Ibid.

167 ДЭСВ ООН, 2019а.

168 Всемирным банком, 2019а.

169 ДЭСВ ООН, 2018.

170 Ibid.

переместились из сельских районов в города, где была сконцентрирована основная экономическая деятельность и существовал спрос как на неквалифицированных, так и на квалифицированных трудовых мигрантов¹⁷¹. Большинство людей мигрировали из западных в восточные провинции Китая. Социально-экономическая динамика между западным и восточным Китаем является важным фактором, поскольку запад страны характеризуется высокими темпами роста населения, избытком рабочей силы и низкими доходами, тогда как в восточной части страны существует нехватка рабочей силы в мегаполисах и отмечаются более высокие уровни доходов и образования¹⁷².

Недавно в динамике миграционных процессов в Восточной Азии появилась новая (нетипичная) особенность, которая состоит в прибытии сотен просителей убежища из стран, раздираемых конфликтами и насилием. В 2018 году на остров Чеджу в Республике Корея прибыло более 500 просителей убежища из Йемена, которые сумели въехать в страну в рамках безвизовой политики острова, проводимой для привлечения туристов¹⁷³. Прибытие йеменцев вызвало напряженную публичную дискуссию и определенные антииммигрантские настроения с учетом того что в этой стране исторически было мало случаев ходатайств о предоставлении убежища. Ранее Республика Корея не была особо привлекательной страной назначения для лиц, ищущих защиты (за исключением жителей Корейской Народно-Демократической Республики)¹⁷⁴. К концу 2017 года в Китае и Республике Корея находилось, соответственно, около 600 и почти 20 000 просителей убежища¹⁷⁵.

Центральная Азия

Миграционные передвижения в Центральной Азии в большой степени направлены из субрегиона и, что заметнее всего, на север в направлении Российской Федерации. Так, в 2019 году в Российской Федерации проживало чуть менее 5 млн мигрантов, родившихся в Центральной Азии¹⁷⁶. Российская Федерация, в которой значительно более высокие заработки и лучшие возможности в плане занятости¹⁷⁷, издавна была ведущим направлением для трудовых мигрантов из Центральной Азии¹⁷⁸. Например, для людей из сельских районов Кыргызстана трудовая миграция стала стратегией обеспечения средств к существованию, и поэтому многие киргизские трудящиеся-мигранты стремятся трудоустроиться в Российской Федерации, причем все более популярными становятся такие регионы, как Сибирь¹⁷⁹. Российская Федерация является для них привлекательной также из-за большого числа киргизов, уже прочно обосновавшихся в стране и оказывающих вновь прибывшим помощь в поисках подходящего жилья и работы¹⁸⁰. Однако не все мигранты из Центральной Азии, прибывающие в Российскую Федерацию, являются низкоквалифицированными трудовыми мигрантами; например, мигранты из Казахстана состоят большей частью из студентов и высококвалифицированных специалистов¹⁸¹. Жители Центральной Азии мигрируют также в другие части Европы и Китай, с которым имеются относительно прочные трудовые и

171 Hu, 2012; Qin et al., 2016.

172 Hugo, 2015.

173 Kwon, 2019.

174 Лица из Корейской Народно-Демократической Республики, которые переезжают в Республику Корея в поисках защиты, не считаются просителями убежища, а признаются гражданами в соответствии с Конституцией Республики Кореи.

175 УВКБ ООН, 2019а.

176 ДЭСВ ООН, 2019а.

177 Sengupta, 2018.

178 Turaeva, 2018.

179 Sengupta, 2018.

180 Ibid.

181 Nikiforova и Brednikova, 2018.

семейные связи. Все больше жителей Центральной Азии переезжают также в такие страны назначения, как Турция и Республика Корея, стремясь найти работу; переезды в Республику Корею облегчаются двусторонними трудовыми соглашениями, в частности с Узбекистаном и Кыргызстаном¹⁸².

Основной особенностью в субрегионе является внутрирегиональная миграция на основе исторически сложившихся географических, культурных, экономических, политических и социальных связей.

Центральная Азия является местом проживания миллионов международных мигрантов, в основном выходцев из стран этого же субрегиона, но также и из более отдаленных краев. Мигранты происходят главным образом из стран бывшего Советского Союза, многие из которых в настоящее время являются членами Содружества Независимых Государств¹⁸³. Так, в 2019 году в Казахстане проживала многочисленная группа населения, родившегося за рубежом (3,7 млн человек), из которой 2,4 млн человек родились в Российской Федерации¹⁸⁴. Сейчас Казахстан является преимущественно страной транзита и иммиграции, привлекающей квалифицированных работников из разных стран и все больше становящейся страной назначения для низкоквалифицированных трудящихся-мигрантов из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. В последние годы страны Центральной Азии пересмотрели политику регулирования внутрирегиональной миграции, в том числе путем заключения двусторонних соглашений о въезде и реадмиссии¹⁸⁵. Например, создание Евразийского экономического союза в 2015 году позволило жителям его государств-членов, включая Казахстан и Кыргызстан, свободно передвигаться для проживания, работы и учебы в других государствах-членах Союза¹⁸⁶. В настоящее время в регионе продолжается сотрудничество по укреплению системы управления смешанными потоками, включая аспекты, связанные с управлением границами, правами и защитой мигрантов и нелегальной миграцией¹⁸⁷. Растет признание важности проведения проактивной миграционной политики и осуществления программ по защите прав и достоинства мигрантов, а также их семей и общин. Трудящиеся-мигранты из Центральной Азии, будь то женщины или мужчины, могут быть уязвимы в плане эксплуатации и злоупотреблений, особенно в рамках неформальной занятости, в частности в сферах строительства, сельского хозяйства и домашнего труда¹⁸⁸.

Международные денежные переводы играют важную роль в экономике стран Центральной Азии, особенно в случае менее развитых стран субрегиона. Две страны субрегиона - Кыргызстан и Таджикистан

- входят в десять стран мира, получающих самые большие денежные переводы по отношению к ВВП¹⁸⁹. Согласно оценкам в Кыргызстане денежные переводы способствовали сокращению уровня бедности в стране на 6-7%¹⁹⁰. Потоки денежных переводов в страны Центральной Азии в значительной степени отражают модели миграции внутри субрегиона и из него, которые тесно связаны с поиском рабочих мест и источников дохода. Например, на протяжении длительного времени денежные переводы из Российской Федерации были значительными по объему и облегчались относительно низкой стоимостью перевода средств из Российской Федерации в страны Центральной Азии. После отмечавшегося несколько лет подряд спада, вызванного замедлением роста экономики и изменением политики в Российской Федерации, объем денежных переводов в Европу и Центральную Азию вновь повысился на 21% в 2017 году, достигнув

182 Eurasianet, 2019; Matusevich, 2019.

183 Ibid.

184 ДЭСВ ООН, 2019а.

185 ОБСЕ, 2016.

186 Евразийский экономический союз, без даты

187 МОМ, 2016а.

188 МОМ, 2016б.

189 Всемирным банком, 2019а.

190 ПРООН, без даты.

в этом же году суммы в размере 48 млрд долл. США¹⁹¹. Эта цифра еще больше выросла в 2018 году, составив 59 млрд долл. США¹⁹². Одним из факторов, обусловивших этот рост, являлось продолжающееся оживление экономической активности в Российской Федерации¹⁹³.

Одной из особенностей положения в Центральной Азии является существование нелегальной миграции, хотя точное число нелегальных мигрантов установить трудно. Нелегальные мигранты прибывают из стран как внутри субрегиона, так и за его пределами, как в случае транзита через Центральную Азию, зачастую в направлении Западной Европы. Для большинства мигрантов первыми пунктами въезда являются Кыргызстан и Таджикистан, а затем их незаконно провозят через территории Казахстана и Российской Федерации в Западную Европу¹⁹⁴. Нелегальной миграции в рамках субрегиона способствуют такие факторы, как слабое управление границами, которые к тому же проходят в труднодоступной местности¹⁹⁵. Незаконный провоз мигрантов в Центральной Азии является сложным процессом и предполагает как официальные, так и неофициальные договоренности на различных пограничных пунктах субрегиона, а также трансграничную деятельность, позволяющую облегчить передвижение людей за пределы Центральной Азии¹⁹⁶.

Ближний Восток

В странах Залива находятся крупнейшие в мире контингенты временных трудовых мигрантов. Благодаря своему нефтяному богатству страны ССЗ за последние несколько десятилетий вышли на высокий уровень экономического развития, привлекая для работы в различных секторах трудящихся высокой и средней квалификации, в том числе в строительстве и эксплуатации инфраструктурных объектов, розничной торговле и сфере домашнего обслуживания. В таких странах, как Катар, недавно возросший спрос на рабочих, в частности в строительной отрасли, частично объясняется подготовкой страны к проведению Чемпионата мира 2020 года¹⁹⁷. Рост трудовой миграции в государствах ССЗ вызвал огромные демографические изменения. В 2019 году мигранты составляли большинство населения в половине стран ССЗ: 88% населения в Объединенных Арабских Эмиратах, около 79% в Катаре и 72% в Кувейте¹⁹⁸. Трудовые мигранты в странах ССЗ в основном являются выходцами из стран Азии и Африки. Различия в доходах между странами происхождения и назначения выступают основной движущей силой миграции, и страны Залива обеспечивают для трудовых мигрантов более высокую заработную плату и более широкие возможности в плане занятости¹⁹⁹. Несмотря на некоторый прогресс, в субрегионе по-прежнему существует проблема регулирования и защиты прав мигрантов. Был проведен пересмотр системы спонсорства «кафала»²⁰⁰, которая привязывает трудящихся-мигрантов к их работодателям и практикуется в ряде государств Залива реформировали систему

191 Всемирным банком, 2018а, 2018b.

192 Всемирным банком, 2019а.

193 Ibid.

194 Sengupta, 2018.

195 Ibid.

196 Ibid.

197 Buckley et al., 2016.

198 ДЭСВ ООН, 2019а.

199 Jacobsen и Valenta, 2016.

200 Система «кафала» ограничивает воссоединение семей для неквалифицированных мигрантов, привязывает их к одному работодателю, не разрешает им вступать в браки с местным населением и накладывает другие ограничения на права и передвижение таким образом, что мигранты остаются временными рабочими в странах Залива» (Rahman, 2013).

«кафала», изменения были минимальными и незначительно улучшили положение мигрантов²⁰¹. Система спонсорства по-прежнему широко применяется и продолжает способствовать уязвимости трудовых мигрантов в странах Залива, в том числе в плане принудительного труда и эксплуатации при низкой заработной плате²⁰².

В последние годы гражданский конфликт, интенсификация межконфессионального насилия и распространение терроризма (особенно в результате действий «Даиш») привели к высоким уровням внутреннего и международного перемещения в субрегионе. Две страны субрегиона - Сирийская Арабская Республика и Йемен - характеризуются чрезвычайной ситуацией «уровня 3» (классификация глобальной гуманитарной системы для самых серьезных широкомасштабных гуманитарных кризисов) и вносят основной вклад в рост показателей общего перемещения населения в мире²⁰³. Конфликт в Сирийской Арабской Республике, длящийся уже семь лет, вызвал перемещение более половины населения страны, из которого свыше 6,6 млн человек стали беженцами и свыше 6,1 млн человек - ВПЛ, а также к концу 2018 года вынудил стать просителями убежища почти 140 000 человек²⁰⁴. В Ираке характерные для страны с начала столетия очередные волны перемещения продолжились и усилились в 2016 году и в начале 2017 года. Это происходило в контексте усилий по восстановлению контроля над территорией и по противодействию «Даиш». К концу 2018 года, несмотря на то, что более чем 1,9 млн иракцев оставались в условиях внутреннего перемещения, число ВПЛ впервые за почти четыре года снизилось до цифры меньше 2 миллионов²⁰⁵. Кроме того, все большее число иракцев возвращаются в свои дома по мере того, как происходит вытеснение «Даиш», теряющего территории как в Ираке, так и в Сирийской Арабской Республике; эта военизированная группировка утратила свыше 90% территории, которую она контролировала в обеих странах²⁰⁶. В Йемене продолжала ухудшаться политическая ситуация и обстановка в плане безопасности, и на конец 2018 года в стране в результате последовавшего насилия и нестабильности насчитывалось свыше 2,3 млн ВПЛ²⁰⁷. К концу 2018 года более 8% населения Йемена подверглось внутреннему перемещению.

Страны Ближнего Востока продолжают принимать значительную долю всех беженцев в мире. На конец 2018 года субрегион Ближнего Востока принимал наибольшие контингенты беженцев в мире, включая беженцев, зарегистрированных Ближневосточным агентством Организации Объединенных Наций для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР)²⁰⁸. Соседние страны неизбежно несут часть чрезмерного бремени, когда дело касается приема лиц, ищущих убежища в других странах, и эта динамика является основной особенностью современных моделей перемещения в субрегионе. Все страны, граничащие с Сирийской Арабской Республикой, и основные страны, принимающие сирийских беженцев - Турция, Ливан и Иордания, - входили в число десяти ведущих принимающих стран в мире в 2018 году (Турция на первом месте, Ливан на седьмом, а Иордания на десятом)²⁰⁹. Вся глубина их ответственности особенно очевидна, если сравнить число беженцев в каждой стране с численностью ее населения: в

201 Diop, Johnston и Le, 2018.

202 Ibid.

203 ОСНА, n.d.

204 УВКБ ООН, 2019а; ЦНВП, 2019.

205 ЦНВП, 2019; МОМ, 2018d.

206 Seligman, 2018.

207 ЦНВП, 2019.

208 УВКБ ООН, 2019b.

209 Ibid.

Ливане на одну тысячу жителей было 156 беженцев, в Иордании - 72, а в Турции - 45²¹⁰. Другие страны субрегиона, в том числе затронутые конфликтом, также принимают много беженцев, включая Йемен и Ирак и даже Сирийскую Арабскую Республику²¹¹. В субрегионе также находится почти 5,5 млн беженцев, зарегистрированных БАПОР²¹².

Нелегальная миграция внутри субрегиона и из него продолжает создавать проблемы для мигрантов и государств. Политическая нестабильность и затянувшиеся конфликты на Ближнем Востоке являются основными движущими силами нелегальной миграции и незаконного провоза мигрантов в субрегионе²¹³. Большинство мигрантов, участвующих в незаконном пересечении границ в субрегионе, являются людьми, которые спасаются бегством от конфликта и насилия. Незаконный провоз мигрантов и нелегальная миграция часто сопутствуют передвижениям беженцев и просителей убежища²¹⁴. Чем больше расползаются конфликты в субрегионе, тем больше становится незаконно провозимых мигрантов и стран, затрагиваемых действиями контрабандных сетей. Кроме того, контрабандные сети стали гораздо более сложными и диверсифицированными²¹⁵. С учетом очень крупных контингентов сирийских беженцев, принимаемых соседними странами, а также затяжного характера конфликта и низкой вероятности их возвращения в Сирийскую Арабскую Республику многие беженцы прибегают к нелегальной миграции в направлении других стран, и особенно в Европу по Восточному средиземноморскому маршруту.

Европа²¹⁶

В 2019 году в Европе проживали свыше 82 млн международных мигрантов, что является увеличением их числа почти на 10% с 2015 года, когда в регионе проживали 75 млн международных мигрантов. Немногим более половины из них (42 млн человек) родились в Европе, но жили в других странах региона; начиная с 2015 года их число умеренно возрастало, однако в 1990 году оно было значительно ниже, составляя примерно 28 млн человек (диаграмма 13). В период 2015-2019 годов количество неевропейских мигрантов в населении Европы выросло от немногим более 35 млн человек до примерно 38 млн человек.

В 1990 году примерно одинаковое количество европейцев жили за пределами Европы и неевропейцев - в Европе. Однако, в отличие от увеличения миграции в Европу, число европейцев, живущих за пределами Европы, в течение последних тридцати лет в основном снижалось и в последние годы только вернулось к уровням 1990 года. В 2019 году рожденные в Европе мигранты, которые жили за пределами континента, находились главным образом в Северной Америке (7,4 млн человек). В 2010-2019 годах постепенно увеличивалось также количество европейских мигрантов в Азии и Океании.

210 УВКБ ООН, 2019а.

211 Ibid.

212 UNRWA, n.d.

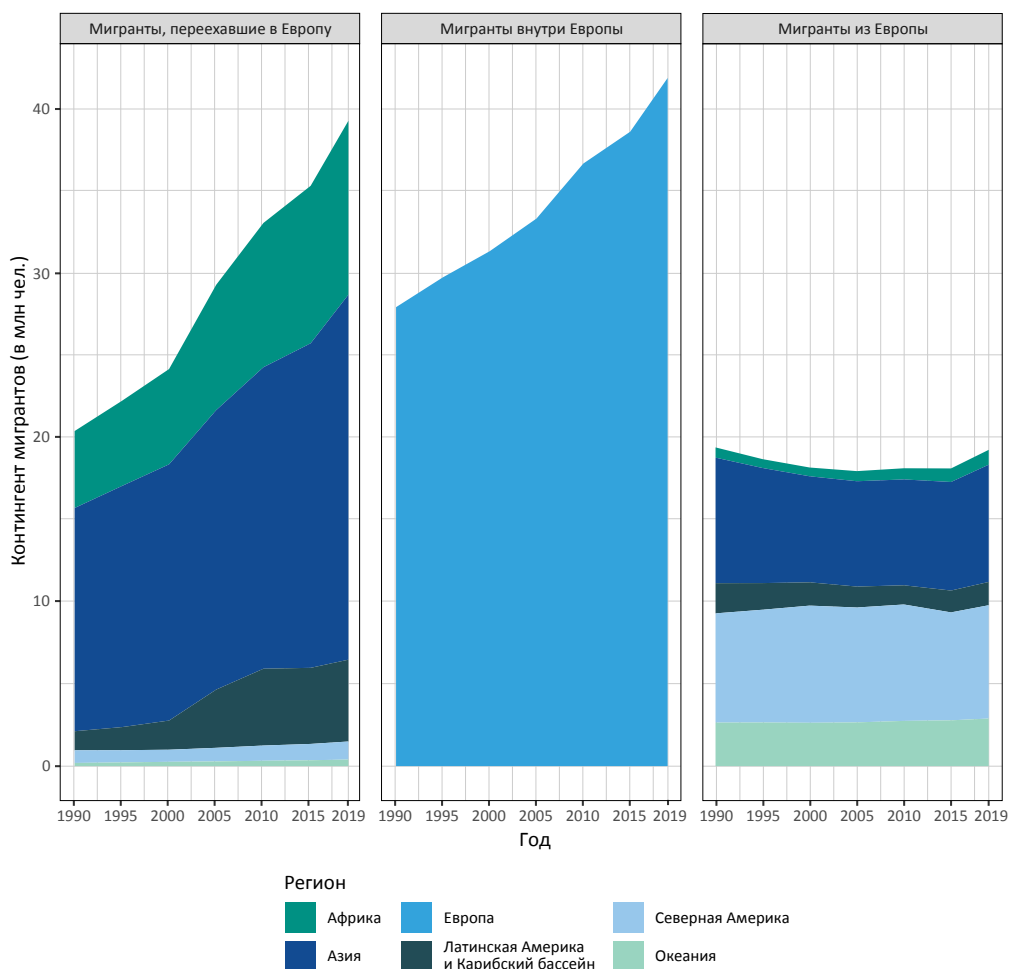
213 İçduygu, 2018.

214 Ibid.

215 Ibid.

216 Подробную информацию о составе региона Европы см. в добавлении А.

Диаграмма 13. Мигранты, переехавшие в Европу, внутри Европы и из нее в 1990-2019 годах

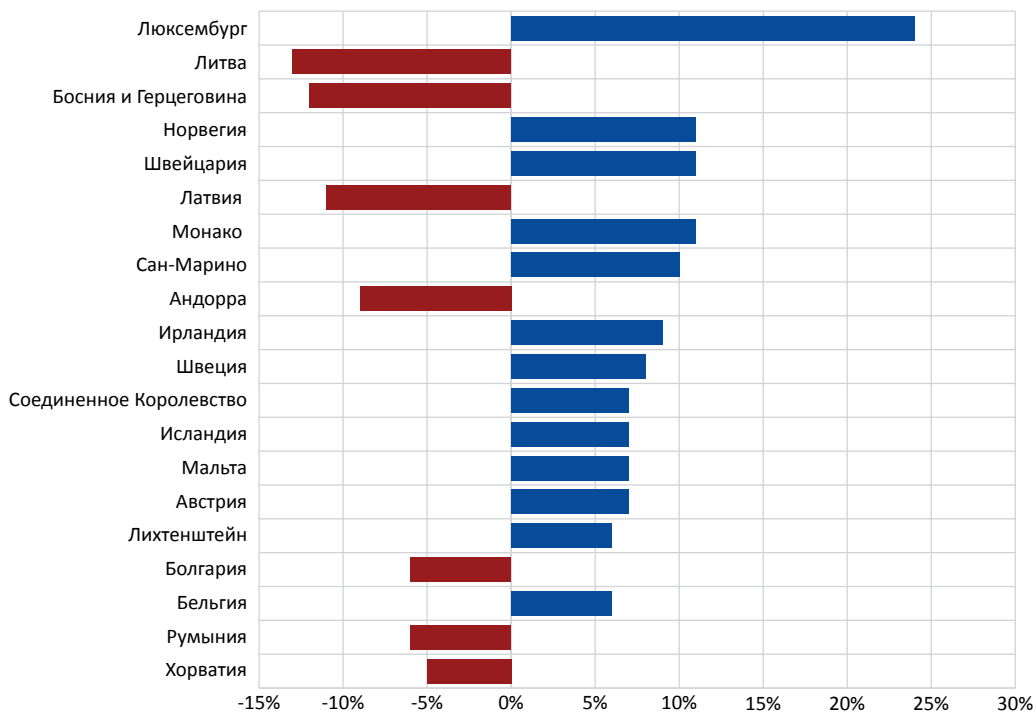
Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

Примечание: Под «мигрантами, переехавшими в Европу» понимаются мигранты, проживающие в регионе (т.е. в Европе), которые родились в других регионах (например, Африке или Азии). «Мигранты внутри Европы» означают мигрантов, родившихся в регионе (т.е. в Европе) и проживающих за пределами страны своего рождения, но в европейском регионе. «Мигранты из Европы» означают людей, родившихся в Европе, которые проживают за пределами этого региона (например, в Латинской Америке и Карибском бассейне или Северной Америке).

За последнее десятилетие в нескольких европейских странах численность населения претерпела значительные изменения. На диаграмме 14 показаны 20 европейских стран с наибольшими пропорциональными демографическими изменениями в период 2009-2019 годов. Хотя в некоторых странах, в частности в Люксембурге, Норвегии и Швейцарии, отмечался рост населения, другие страны испытали существенное сокращение населения за последние десять лет. Самая резкая убыль населения (свыше 10%) отмечалась в Литве, Боснии и Герцеговине и Латвии. Наиболее важной движущей силой негативных демографических изменений в разных частях Европы являются низкие коэффициенты фертильности. Вместе с тем негативная чистая миграция, при которой число эмигрантов превышает число иммигрантов, также способствует снижению численности населения на континенте, особенно в таких странах, как Литва и Латвия. С рассмотрением демографических изменений в Европе и их связи с

миграцией можно ознакомиться ниже в разделе «Основные особенности и изменения в Европе».

Диаграмма 14. 20 стран Европы с наибольшими пропорциональными демографическими изменениями в 2009-2019 годах

Источник: ДЭСВ ООН, 2019с.

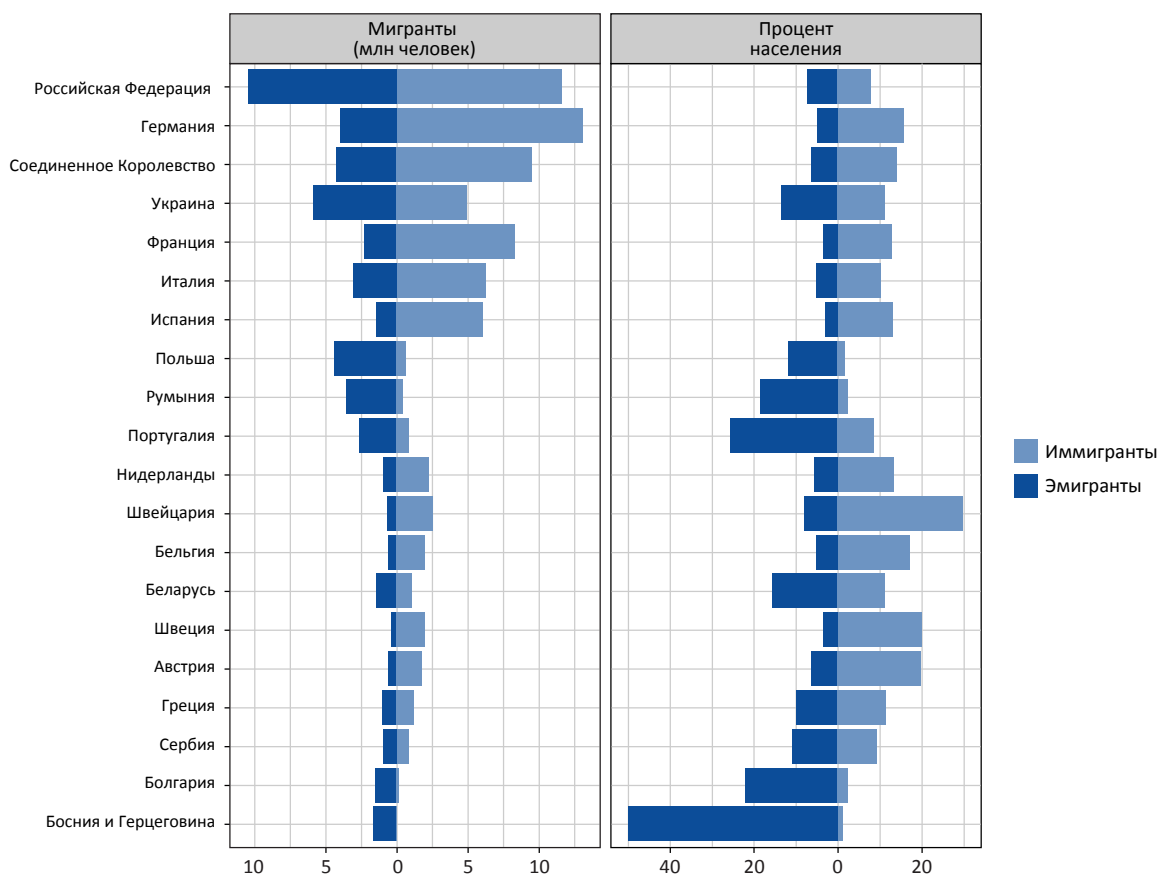
Примечание: Важно отметить, что наибольшие пропорциональные демографические изменения в 2009-2019 годах более вероятны в странах с относительно малой численностью населения.

Многие страны восточной части Европы, такие как Российская Федерация, Украина, Польша и Румыния, являются странами происхождения крупнейших контингентов эмигрантов в регионе (диаграмма 15). Будучи страной происхождения более чем 10 млн эмигрантов в 2019 году, Российская Федерация имела наибольшее количество своих граждан, проживающих в зарубежных странах Европы. После Российской Федерации и Украины третье и четвертое места по наибольшему количеству европейских эмигрантов занимают Польша и Соединенное Королевство (соответственно, 4,4 млн и 4,3 млн человек). По сравнению с численностью постоянного населения в 2019 году Босния и Герцеговина имела самую высокую долю эмигрантов, многие из которых выехали в период распада бывшей Югославии. Португалия и Болгария, обе с давней историей эмиграции, также имели высокую долю населения за рубежом.

С учетом наличия в стране более чем 13 млн мигрантов в 2019 году Германия имела в составе населения наибольшее среди всех стран Европы количество лиц, родившихся за рубежом; в период 2015-2019 годов число иммигрантов в стране увеличилось почти на 3 млн человек. Крупнейшие группы иммигрантов прибыли из Польши, Турции, Российской Федерации, Казахстана и Сирийской Арабской Республики. Население Соединенного Королевства и Франции в 2019 году включало, соответственно, свыше 9,5 млн и около 8 млн лиц, родившихся за рубежом. Во Франции мигранты, родившиеся во франкоязычных странах Северной Африки, образовали одну из крупнейших групп населения, родившегося за рубежом.

В Соединенном Королевстве самые многочисленные группы мигрантов составили выходцы из Индии, Польши и Пакистана. С учетом групп населения, родившегося за рубежом, численностью примерно 6 млн человек Италия и Испания в 2016 году занимали пятое и шестое места среди наиболее привлекательных для мигрантов стран назначения в Европе; начиная с 2015 года в обеих странах незначительно увеличилось количество мигрантов, родившихся за рубежом. Многие из родившихся за рубежом людей в населении этих стран приехали из других стран Европы, в частности Румынии, Албании и Германии, или из таких стран Северной Африки, как Марокко. Миграции людей из стран бывшего Советского Союза, таких как Украина, Казахстан и Узбекистан, обязаны своим существованием некоторые из крупнейших европейских миграционных коридоров (см. диаграмму 16). Как иллюстрирует диаграмма 15, из 20 стран региона, имеющих наибольшее количество мигрантов, первое место по величине доли мигрантов в населении занимала Швейцария (29,9%), за которой следовали Швеция (20%), Австрия (19,9%) и Бельгия (17,2%).

Диаграмма 15. 20 ведущих стран Европы по количеству мигрантов в 2019 году

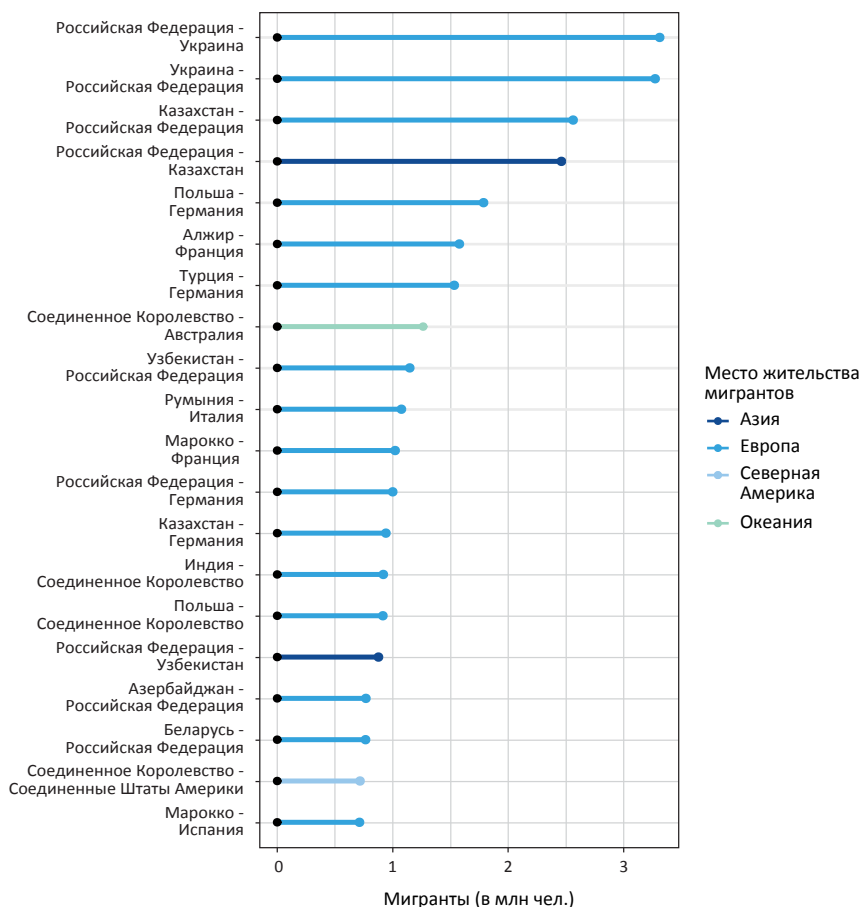
Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

Примечание 1: Данные о численности населения, использованные для расчета процентной доли иммигрантов и эмигрантов, основаны на данных ДЭСВ ООН об общей численности постоянного населения стран, которое включает население, родившееся за рубежом.

Примечание 2: «Иммигранты» означают родившихся за рубежом мигрантов, проживающих в стране. «Эмигранты» означают людей, родившихся в стране, которые в 2019 году проживали за пределами страны своего рождения.

На диаграмме 16 показаны 20 основных миграционных коридоров на территориях европейских стран, которые отражают накопление миграционных передвижений с течением времени и дают представление о том, каким образом определенные модели миграции привели к образованию значительных групп населения из лиц, родившихся за рубежом, в конкретных странах назначения. Одной из наиболее примечательных особенностей основных миграционных коридоров, проходящих через европейские страны, является то, что они в своем большинстве являются внутрирегиональными коридорами. Российская Федерация активно фигурирует во многих основных коридорах. Рожденные в России группы лиц в составе населения бывших государств-членов Советского Союза, таких как Украина, Казахстан и Узбекистан, в 2019 году образовывали некоторые из крупнейших европейских миграционных коридоров. Однако важно отметить, что эти группы лиц, родившихся в России, стали международными мигрантами только после распада Советского Союза в 1991 году; до этого они были внутренними мигрантами на территории Советского Союза. Российская Федерация также была второй по количеству мигрантов страной назначения в Европе после Германии.

Диаграмма 16. 20 главных миграционных коридоров с участием европейских стран в 2019 году

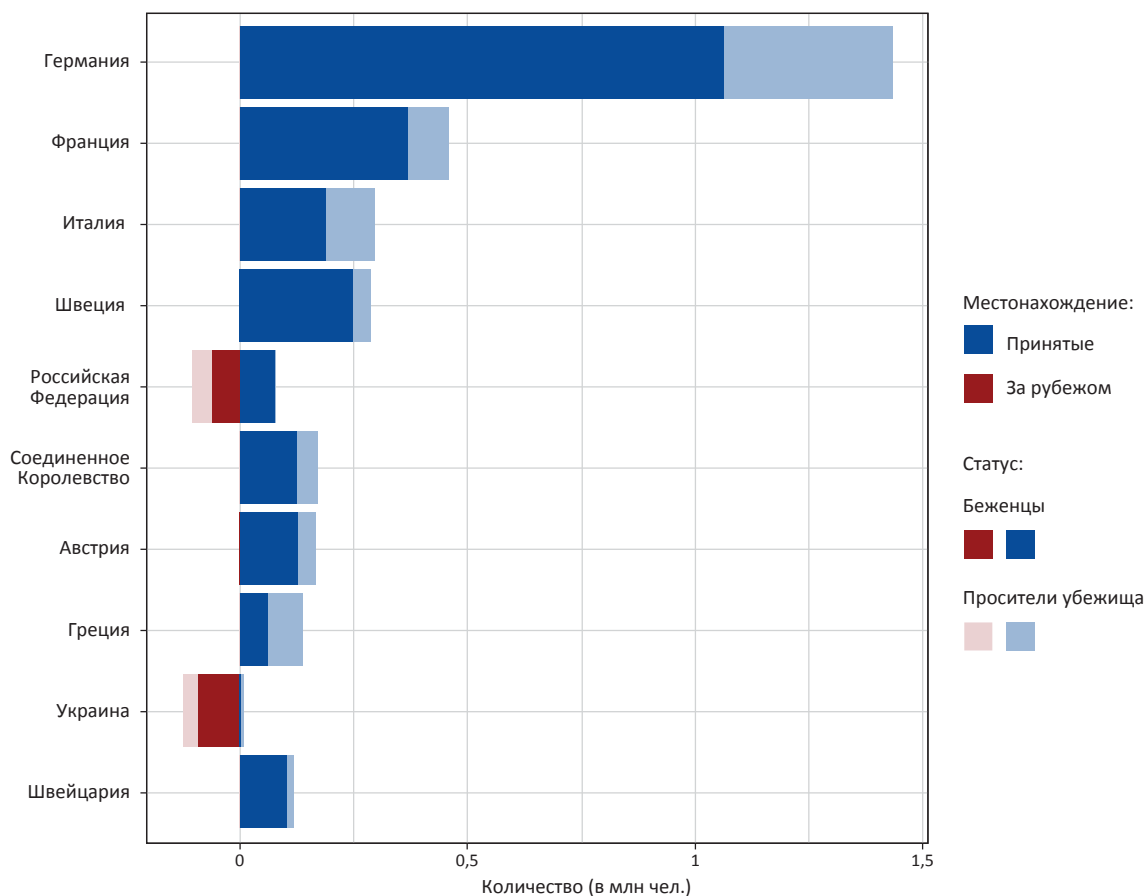

Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

Примечание: Коридоры отражают накопление миграционных передвижений с течением времени и дают представление о том, каким образом определенные модели миграции привели к образованию значительных групп населения из лиц, родившихся за рубежом, в конкретных странах назначения.

В 2018 году Германия продолжала принимать наибольшее количество беженцев и просителей убежища в Европе и занимала по этому показателю пятое место в мире (диаграмма 17). Наибольшее количество беженцев прибыли в Германию из Сирийской Арабской Республики, Ирака и Афганистана. Франция и Швеция занимали второе и третье места в Европе по количеству принимаемых беженцев, число которых составило, соответственно, свыше 368 000 человек и свыше 248 000 человек. На конец 2018 года крупнейшие контингенты беженцев в Европе состояли из выходцев из Украины и Российской Федерации, из которых выехали, соответственно, примерно 93 000 и 61 000 таких лиц.

Диаграмма 17. 10 ведущих стран Европы по общему количеству беженцев и просителей убежища в 2018 году

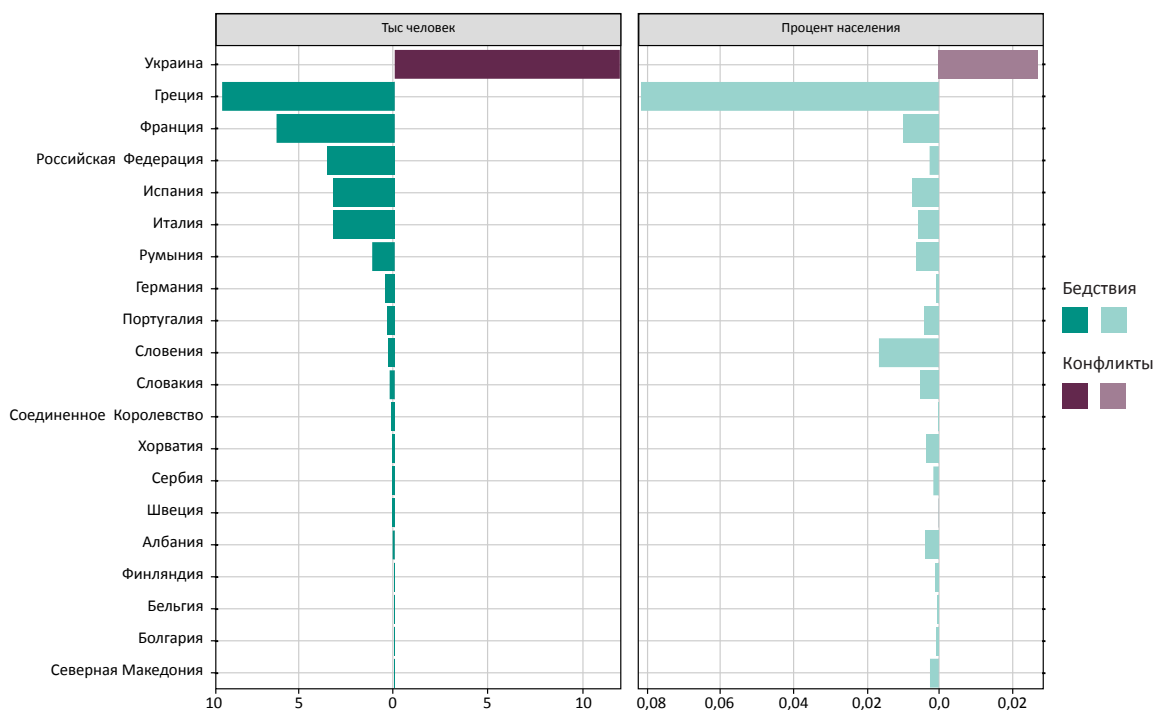

Источник: УВКБ ООН, n.d.

Примечание: Определение «принятые» относится к тем беженцам и просителям убежища из других стран, которые проживают в принимающей стране (правая часть диаграммы); «за рубежом» относится к беженцам и просителям убежища из данной страны, которые находятся за пределами страны своего происхождения. Десять ведущих стран определены на основе данных за 2018 год, которые рассчитываются путем суммирования беженцев и просителей убежища, прибывших в страны и выехавших из стран.

Большинство новых внутренних перемещений в Европе в 2018 году имели место в результате бедствий, а не конфликтов (диаграмма 18). В 2018 году Украина была единственной страной в Европе с новыми обусловленными конфликтом внутренними перемещениями, в которой согласно оценкам за этот год было зарегистрировано 12 000 новых перемещений в результате конфликта и насилия. Остальные новые внутренние перемещения были вызваны бедствиями: наибольшее число связанных с бедствиями перемещений (9 200) были зарегистрированы в Греции, за которой следовала Франция (6 300). Обе страны пострадали от сильных наводнений и бурь. В 2018 году Российская Федерация, Испания и Италия зарегистрировали свыше 3 000 новых перемещений, связанных с бедствиями.

Диаграмма 18. 20 ведущих стран Европы по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2018 году

Источник: ЦНВП, n.d; ДЭСВ ООН, 2017.

Примечание: Термин «новые перемещения» означает число передвижений в контексте перемещения, которые имели место в 2018 году, а не численность общего контингента ВПЛ, накопившегося вследствие перемещения в течение определенного времени. Данные о числе новых перемещений включают лиц, которые были перемещены более одного раза, и не соответствуют числу людей, перемещенных в течение года.

Данные о численности населения, использованные для подсчета доли новых перемещений, вызванных бедствиями и конфликтами, основаны на оценках численности общего постоянного населения стран, произведенных ДЭСВ ООН за 2017 год, а данные о процентной доле используются только в соответствующих иллюстративных целях.

Основные особенности и изменения в Европе

Юго-Восточная и Восточная Европа

Для большинства стран Юго-Восточной и Восточной Европы основной особенностью в течение последних лет и десятилетий была скорее эмиграция, чем иммиграция ввиду довольно низких уровней иммиграции по сравнению с другими субрегионами Европы. В силу этих и других факторов для нескольких стран Европы прогнозируют весьма значительное снижение численности населения к 2050 году (включая Боснию и Герцеговину, Болгарию, Румынию, Республику Молдову и Украину)²¹⁷. Эмиграция из восточноевропейских стран в Западную Европу была одной из нарастающих тенденций, особенно после расширения ЕС в 2004 и 2007 годах за счет включения в число государств-членов дополнительных восточноевропейских государств с одновременным расширением внешних границ ЕС на восток вплоть до стран, не являющихся его членами²¹⁸. Эмиграция из Восточной и Южной Европы в значительной мере охватывает трудовых мигрантов из профессиональных групп с высокой и низкой квалификацией. Например, в последние годы отмечалось резкое увеличение числа медицинских специалистов, прибывающих в Западную Европу. Привлекаемые более высокой заработной платой, многие медицинские специалисты из таких стран, как Румыния, Польша и Словакия, покинули свои страны для работы в Западной Европе²¹⁹. По имеющимся оценкам, к 2015 году Румыния потеряла половину своих врачей²²⁰. Эмиграция высококвалифицированных специалистов, помимо уменьшения численности населения, создала острую нехватку трудящихся в некоторых секторах ряда стран Восточной Европы.

Несмотря на прогнозируемый демографический спад повсюду в Европе, при котором Восточная Европа будет претерпевать наиболее драматические демографические изменения, некоторые страны не желают рассматривать иммиграцию в качестве компонента более широкого реагирования. По мере падения уровней фертильности в Европе, количество престарелых продолжает увеличиваться. Все больше людей живут дольше, и ожидаемая продолжительность жизни, которая в Европе и Северной Америке в 2019 году достигла 78,7 лет, по прогнозам, к 2050 году увеличится до 83,2 лет²²¹. Согласно оценкам в 2017 году во всем мире насчитывалось 962 млн людей в возрасте старше 60 лет, при этом в Европе отмечался самый большой процент таких людей (25%)²²². По мере роста численности пожилого населения системы социальной защиты в восточноевропейских странах будут работать со значительным напряжением, а государственные расходы на цели здравоохранения и выплату пенсий, как ожидается, существенно возрастут²²³. Тем временем уменьшение количества людей в трудоспособном возрасте будет иметь серьезные последствия для рабочей силы в Европе, включая повышение среднего возраста людей, входящих в состав рабочей силы, до 42,6 лет к 2030 году²²⁴. Даже на фоне старения населения в Восточной Европе многие страны не готовы воспринимать иммиграцию в качестве части долгосрочного решения проблемы и предупреждения демографического кризиса. Такие страны, как Венгрия, уже начинают ощущать отрицательные последствия сокращения рабочей силы. В 2018 году правительство Венгрии в порядке реагирования на нехватку рабочих рук и воздействие такой нехватки на экономику

217 ДЭСВ ООН, 2015.

218 Kahanec и Zimmermann, 2009.

219 Hervey, 2017.

220 Ibid.

221 ДЭСВ ООН, 2019с.

222 Ibid.

223 MOT, 2018.

224 Ibid.

страны приняло спорный закон, вызвавший массовые акции протеста: в соответствии с так называемым «рабским законом» от трудящихся требовалось бы дополнительно отработать до 400 часов обязательного сверхурочного времени²²⁵. В феврале 2019 года Венгрия также объявила о внедрении новых кредитных и налоговых льгот, направленных на повышение низкого уровня рождаемости в стране, и в то же время она по-прежнему открыто выступает против иммиграции²²⁶. Вместе с тем одновременно с сохранением в странах Восточной Европы негативного отношения к миграции и политического дискурса на эту тему такие страны, как Польша, все больше прибегают к использованию иностранной рабочей силы, особенно из числа украинцев, для восполнения нехватки рабочих рук. После начала боев в восточной Украине в 2014 году количество украинцев в Польше резко возросло. В 2017 году Польша выдала иностранцам свыше 660 000 видов на жительство, большинство из которых (более чем 85%) досталось украинцам²²⁷.

Российская Федерация по-прежнему является основной страной назначения в субрегионе (и одной из самых важных в мире). В 2019 году страна принимала около 11,6 млн международных мигрантов²²⁸. Большинство иммигрантов прибыли из соседних стран, преимущественно членов Содружества Независимых Государств²²⁹. Иммигранты из Украины составили в Российской Федерации наиболее многочисленную группу населения, родившегося за рубежом (более 3 млн человек), за ними следовали выходцы из Казахстана (около 2,5 млн человек) и Узбекистана (1,1 млн человек)²³⁰. Большое количество в Российской Федерации международных мигрантов, многие из которых являются трудовыми мигрантами, означает, что эта страна является также одним из крупнейших источников денежных переводов в мире. В 2018 году денежные переводы из Российской Федерации составили 21 млрд долл. США благодаря медленному, но устойчивому восстановлению экономики страны, которая продолжает привлекать трудовых мигрантов²³¹. В 2019 году в Украине также имела большая группа населения, рожденного за рубежом, в составе примерно 5 млн мигрантов, являвшихся по большей части выходцами из Беларуси, Казахстана, Республики Молдовы, Российской Федерации и Узбекистана²³².

В последние годы в субрегионе отмечалось увеличение масштабов перемещения, в значительной степени обусловленное затянувшимся конфликтом в восточной Украине. Этот конфликт, которому пошел уже пятый год, вызвал значительное внутреннее перемещение и породил отток беженцев и мигрантов в соседние государства. К концу 2018 года Украина была страной происхождения почти 93 000 беженцев и около 800 000 ВПЛ²³³. Только в 2018 году в Украине имели место 12 000 новых вызванных конфликтом/насилием перемещений (см. диаграмму 18)²³⁴. Значительное количество беженцев из Украины живут в Российской Федерации. Согласно оценкам с момента начала конфликта в восточной Украине в Российскую Федерацию переехали 400 000 человек, многие из которых получили статус беженца или временное убежище²³⁵.

225 Karasz и Kingsley, 2018; Peto, 2019.

226 Szakacs, 2019; Walker, 2019.

227 Eurostat, 2018.

228 ДЭСВ ООН, 2019а.

229 Содружество Независимых Государств состоит из девяти государств-членов: Армении, Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Республики Молдовы, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана, а также двух ассоциированных государств: Туркменистана и Украины.

230 ДЭСВ ООН, 2019а.

231 Всемирным банком, 2019а; Hickey, 2019; Всемирным банком 2018а.

232 ДЭСВ ООН, 2019а.

233 УВКБ ООН, 2019а; ЦНВП, 2019.

234 ЦНВП, 2019.

235 УВКБ ООН, 2019с.

Северная, Западная и Южная Европа

Внутрирегиональная миграция в Европе является особенно динамичной и с течением времени продолжает возрастать. По состоянию на 1 января 2017 года в государствах-членах ЕС проживали 22 млн людей, имевших гражданство другого государства-члена, что означало увеличение по сравнению с 16 млн таких людей годом ранее²³⁶. Такая высокая степень внутрирегиональной миграции стала возможной благодаря договоренностям о свободном передвижении, которые позволяют гражданам пересекать границы, не подвергаясь пограничному контролю. Шенгенская зона, включающая 22 государства-члена ЕС и 4 страны, не являющихся членами ЕС, обеспечивает гарантии свободного передвижения внутри этой зоны для более чем 400 млн граждан²³⁷. В 2017 году Румыния, Польша, Италия, Португалия и Болгария лидировали по количеству их граждан, проживавших в других государствах-членах ЕС²³⁸. Однако свободное передвижение в Европе сталкивается с определенными вызовами. В 2015 году прибытие в Европу большого числа мигрантов и беженцев по Средиземному морю оказало давление на общеевропейскую систему предоставления убежища и нанесло ущерб функционированию Шенгенских норм. Это привело к временному приостановлению действия Дублинской системы и введению пограничного контроля рядом государств-членов²³⁹. После референдума о членстве в ЕС, проведенного в июне 2016 года в Соединенном Королевстве, также возникла некоторая неопределенность в отношении будущих условий миграции, вытекающих из переговоров о «Брекзите», особенно для трудящихся-мигрантов. Однако самая большая проблема заключается в доведении до конца самого «Брекзита» и в том, будет ли он выполнен и каким образом.

Вопрос об иммиграции по-прежнему является спорным в Европе и сохраняет актуальность в политической повестке дня всего региона. Нельзя сказать, что не ведутся сбалансированные дискуссии по этому вопросу, однако в политической риторике и публичном дискурсе в отношении миграции подчас доминируют антииммигрантские настроения. На протяжении 2017 и 2018 годов крайне правые группы повсюду в Европе распространяли мифы или «фейковые новости» о миграции²⁴⁰. Это было наиболее очевидно во время скоординированных онлайн-кампаний против Глобального договора о миграции, проводимых крайне правыми активистами, в том числе с использованием социальных сетей, онлайн-петиций и видеороликов. Эти негативные кампании сыграли важную роль в возникновении в нескольких европейских странах отрицательной реакции на Глобальный договор о миграции, которая подтолкнула некоторые правительства к выходу из пакта о миграции²⁴¹. Сохраняется также поляризация в общем отношении к иммиграции, в то время как негативная антииммиграционная политическая риторика в ряде случаев продолжает оставаться в центре внимания в ходе национальных выборов в различных странах Европы²⁴². По итогам обследования, проведенного Европейской комиссией в 2018 году, было установлено, что четверо из десяти европейцев усматривают в иммиграции скорее проблему, чем возможность²⁴³. По

236 Eurostat, 2019.

237 Европейским союзом, n.d.

238 Eurostat, 2019.

239 Ibid.

240 McAuliffe, 2018.

241 Ibid.

242 Diamant и Starr, 2018.

243 Европейским союзом, 2018b.

данным отдельного обследования, проведенного в десяти странах ЕС²⁴⁴ Исследовательским центром Пью, больше половины респондентов заявили, что они хотят, чтобы в их странах было меньше иммигрантов²⁴⁵.

Нелегальная миграция по-прежнему создает проблемы в регионе и сохраняла свою актуальность в европейской повестке дня в 2017 и 2018 годах. К концу 2018 года наибольшее количество нелегальных мигрантов, прибывших в Европу по морю, воспользовались Западным средиземноморским маршрутом, ведущим в Испанию²⁴⁶. Это знаменовало собой изменение ситуации, сложившейся в 2016 и 2017 годах, когда подавляющее большинство нелегальных мигрантов, прибывших в Европу по морю, пользовались Центральным средиземноморским маршрутом из Ливии (в основном в Италию) или Восточным средиземноморским маршрутом из Турции в Грецию. В 2018 году в Европу по морю и по суше прибыли, соответственно, свыше 117 000 и более чем 26 000 мигрантов²⁴⁷. В том же году в Испанию по морю прибыли 59 000 человек, а в Италию - 23 370 человек²⁴⁸. В 2018 году в Средиземном море погибло более 2 000 мигрантов, при этом самым смертоносным маршрутом для нелегальных мигрантов в этом же году (свыше 1 300 погибших) оказался Центральный средиземноморский маршрут²⁴⁹. Хотя число мигрантов, погибших в море при попытке добраться до Европы, в 2018 году снизилось вследствие уменьшения общего количества морских переходов, коэффициент смертности вдоль Центрального средиземноморского маршрута вырос с 2,6% в 2017 году до 3,5% в 2018 году и к апрелю 2019 года достиг 10%²⁵⁰. Большое число прибывших по морю в 2018 году, особенно в Грецию, являются выходцами из стран, которые продолжают страдать от насилия и конфликтов, включая Афганистан, Сирийскую Арабскую Республику и Ирак. Жители Северной Африки и стран Африки к югу от Сахары также продолжают составлять значительную часть потоков мигрантов в Европу, особенно в Италию и Испанию.

Торговля людьми остается серьезной проблемой в Европе, и в регионе расширились масштабы торговли людьми в целях как трудовой, так и сексуальной эксплуатации. Преобладающей формой торговли людьми в Европе по-прежнему является торговля людьми для сексуальной эксплуатации (56%) и в меньшей степени для эксплуатации труда (26%) и других форм эксплуатации, таких как принуждение к попрошайничеству и изъятие органов (18%)²⁵¹. Самой уязвимой группой по-прежнему являются женщины и девочки (68% жертв), которые часто подвергаются эксплуатации при оказании услуг по уходу и в сфере домашнего труда, а также принуждаются к занятию проституцией²⁵². Две важные тенденции, о которых сообщили государства-члены ЕС, заключаются в резком росте торговли детьми (23% всех жертв) и расширении масштабов торговли людьми внутри ЕС (44% жертв являются гражданами стран ЕС)²⁵³. Профили торговцев людьми и приемы их деятельности изменились в сторону наблюдаемого

244 Десять обследованных стран ЕС включали Венгрию, Германию, Грецию, Испанию, Италию, Нидерланды, Польшу, Соединенное Королевство, Францию и Швецию.

245 Connor и Krogstad, 2018.

246 Frontex, 2019; MacGregor, 2019.

247 MOM, n.d.b.

248 Ibid.

249 MOM, n.d.d.

250 MOM, 2019c.

251 Европейским союзом, 2018с.

252 Ibid.

253 Ibid.

роста количества женщин и молодежи среди правонарушителей, а также растущей роли Интернета и социальных сетей, используемых для вербовки и распространения материалов, касающихся эксплуатации. Несмотря на повышение осведомленности и расширение знаний о практике торговли людьми, количество случаев возбуждения преследования и осуждения остается на низком уровне. Особенно уязвимы в этом отношении нелегальные мигранты, поскольку торговцы людьми зачастую пользуются их статусом для того, чтобы втянуть их в порочный круг эксплуатации. В 2018 году в Высоком суде Республики Ирландии было возбуждено дело, касавшееся рыбаков-мигрантов, работавших на зарегистрированных в Ирландии траулерах; существовали подозрения, что некоторые из мигрантов были проданы и работали в тяжелых условиях, в том числе подвергались оскорблениям по расовым мотивам, недополучали заработную плату и работали сверх установленного рабочего времени²⁵⁴.

Латинская Америка и Карибский бассейн²⁵⁵

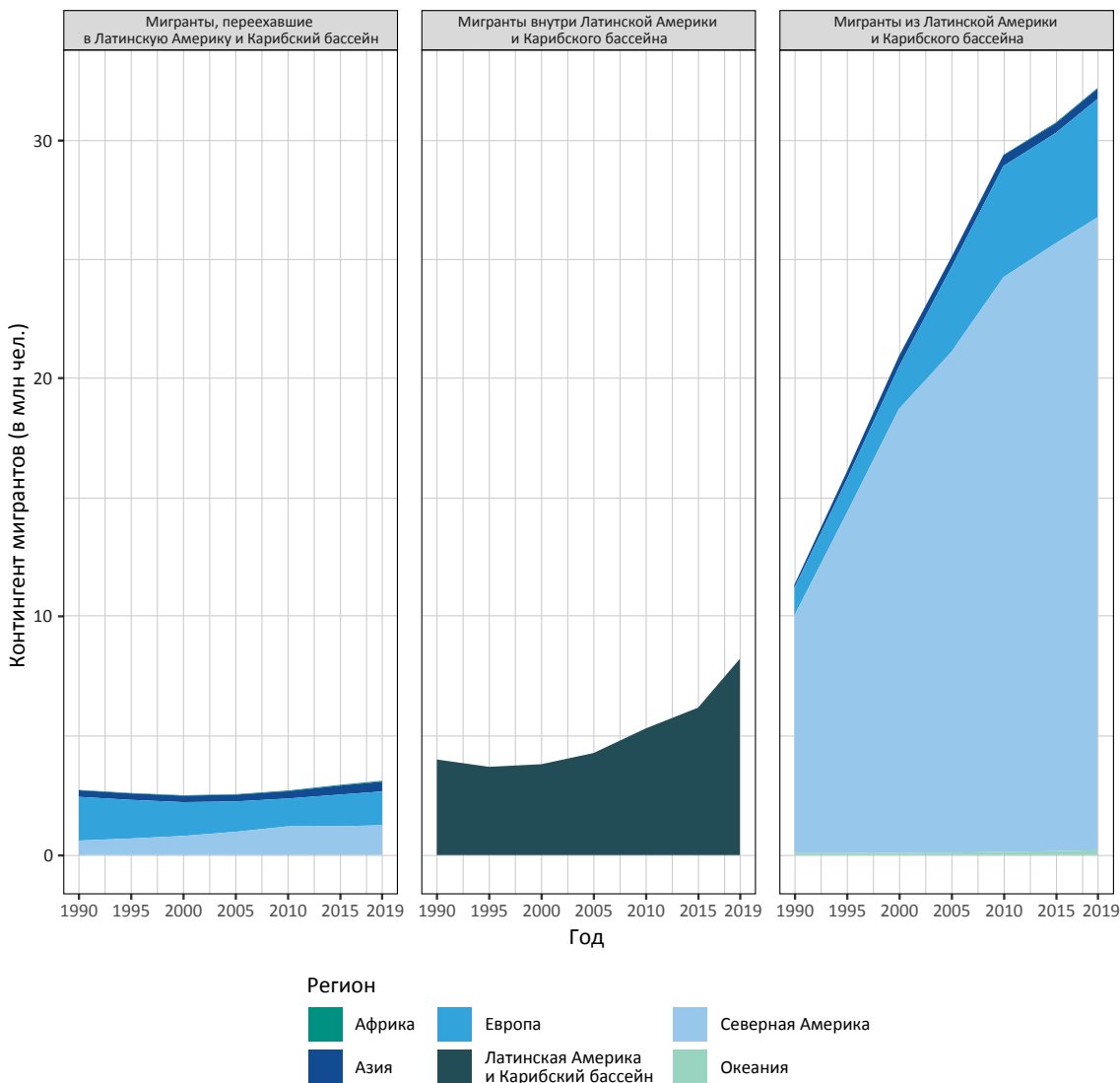
Основной особенностью в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна является миграция в Северную Америку. В 2019 году свыше 26 млн мигрантов уже проделали путешествие на север и проживали в Северной Америке. Как показано на диаграмме 19, количество выходцев из Латинской Америки и Карибского бассейна значительно возросло в Северной Америке с течением времени: по имеющимся оценкам, оно увеличилось с 10 млн человек в 1990 году и 25,5 млн человек в 2015 году до 26,6 млн человек в 2019 году. Еще 5 млн человек в 2019 году находились в Европе; хотя численность этих мигрантов лишь незначительно увеличилась с 2015 года, количество мигрантов из Латинской Америки и Карибского бассейна, проживающих в Европе, выросло более чем в четыре раза с 1990 года. Другие регионы, в частности Азия и Океания, в 2019 году принимали весьма незначительное количество мигрантов из Латинской Америки и Карибского бассейна (соответственно, 400 000 и 200 000 мигрантов).

Общее число мигрантов из других регионов, живущих в Латинской Америке и Карибском бассейне, оставалось относительно неизменным в течение последних 30 лет, составляя примерно 3 млн человек. Они включали в основном европейцев (число которых незначительно уменьшилось за этот период) и североамериканцев, количество которых увеличилось. В 2019 году число европейцев и североамериканцев, живущих в Латинской Америке и Карибском бассейне, было равно, соответственно, 1,4 млн и 1,2 млн человек.

254 O'Faolain, 2018.

255 Подробную информацию о составе региона Латинской Америки и Карибского бассейна см. в добавлении А.

Диаграмма 19. Мигранты, переехавшие в Латинскую Америку и Карибский бассейн, внутри этого региона и из него в 1990-2019 годах

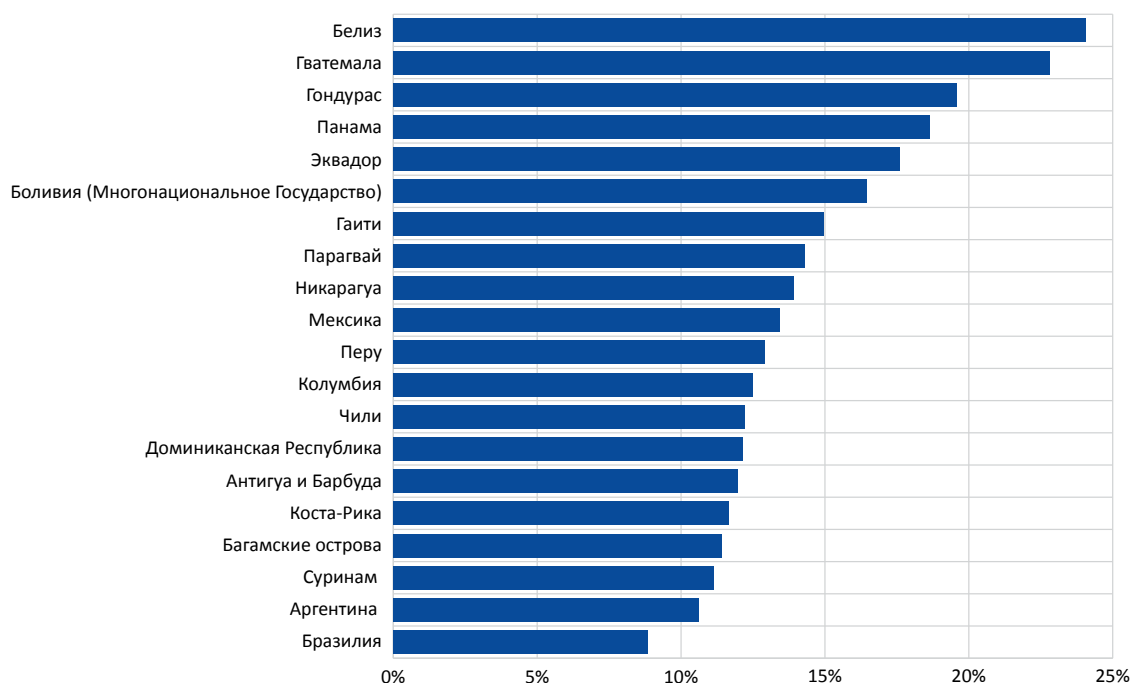

Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

Примечание: Под «мигрантами, переехавшими в Латинскую Америку и Карибский бассейн» понимаются мигранты, проживающие в регионе (т.е. в Латинской Америке и Карибском бассейне), которые родились в других регионах (например, Европе или Азии). «Мигранты внутри Латинской Америки и Карибского бассейна» означают мигрантов, родившихся в регионе (т.е. в Латинской Америке и Карибском бассейне) и проживающих за пределами страны своего рождения, но в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна. «Мигранты из Латинской Америки и Карибского бассейна» означают людей, родившихся в Латинской Америке и Карибском бассейне, которые проживают за пределами этого региона (например, в Европе или Северной Америке).

В нескольких странах Латинской Америки и Карибского бассейна за последнее десятилетие произошли существенные демографические изменения. На диаграмме 20 показаны 20 стран региона, претерпевшие самые глубокие пропорциональные демографические изменения в период 2009-2019 годов. Во всех этих 20 странах отмечался рост населения в этот период, а самые глубокие пропорциональные демографические изменения имели место в Центральной Америке. Население Белиза больше всего изменилось в процентном отношении, так как с 2009 года по 2019 год его численность увеличилась на 24%. За ним следовали Гватемала и Гондурас, чье население выросло, соответственно, почти на 23% и 20%.

Диаграмма 20. 20 стран Латинской Америки и Карибского бассейна с наибольшими пропорциональными демографическими изменениями в 2009-2019 годах

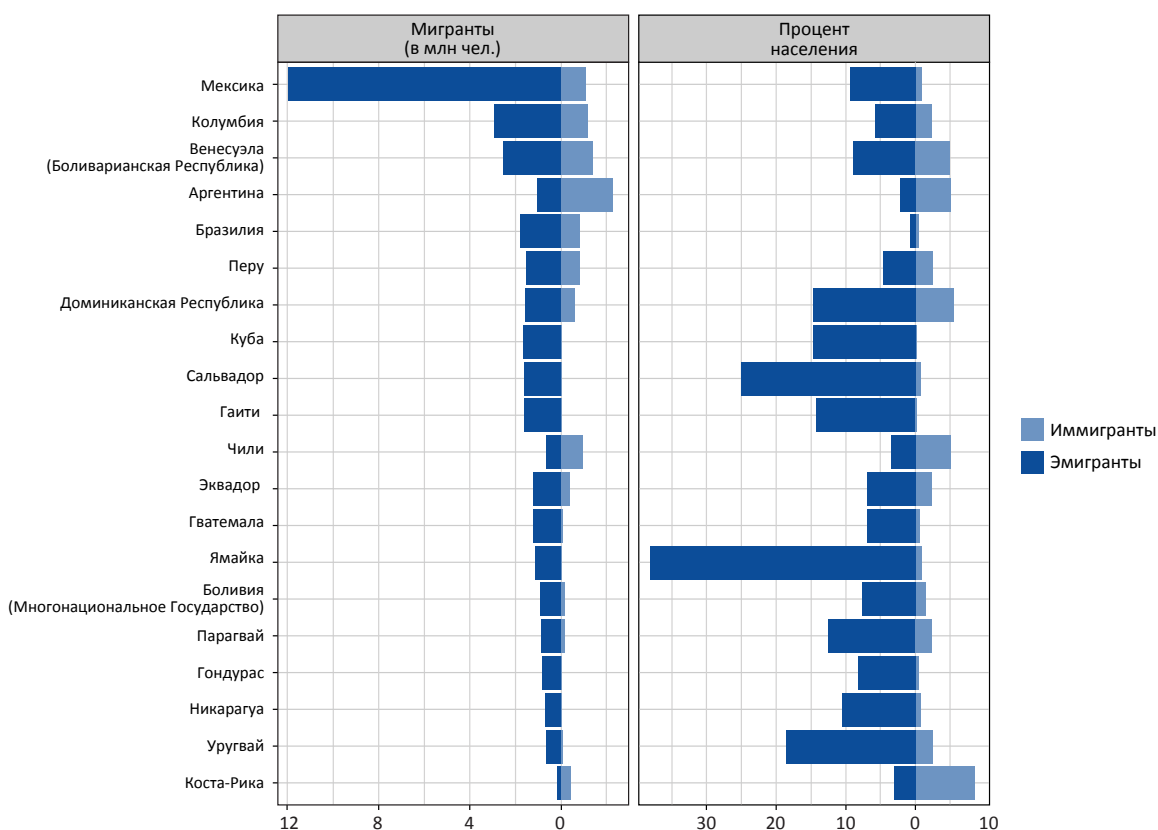
Источник: ДЭСВ ООН, 2019с.

Примечание: Важно отметить, что наибольшие пропорциональные демографические изменения в 2009-2019 годах более вероятны в странах с относительно малой численностью населения.

Мексика далеко опережает остальные страны Латинской Америки и Карибского бассейна по количеству эмигрантов (диаграмма 21). В 2019 году примерно 12 млн мексиканцев жили за рубежом. Мексика также является второй крупнейшей страной происхождения мигрантов в мире после Индии. Большинство мексиканских эмигрантов проживают в Соединенных Штатах, что по-прежнему образует крупнейший в мире миграционный коридор из одной страны в другую (диаграмма 22). Многие другие центральноамериканские страны, такие как Сальвадор, Гватемала и Гондурас, также имеют многочисленные группы своих мигрантов в Соединенных Штатах, что характерно также для таких южноамериканских стран, как Колумбия, Эквадор, Бразилия и Перу. Крупные сообщества южноамериканских мигрантов проживают повсюду в регионе. В 2019 году Колумбия и Боливарианская Республика Венесуэла занимали второе и третье места по количеству эмигрантов в регионе (соответственно, 2,9 млн и 2,5 млн человек). Около 1 млн венесуэльцев жили в Колумбии вследствие недавнего трансграничного перемещения из Боливарианской Республики Венесуэла.

В 2019 году Аргентина принимала наибольшее в регионе количество людей, родившихся за рубежом (более 2 млн мигрантов), в основном выходцев из таких соседних стран, как Парагвай и Многонациональное Государство Боливия. Боливарианская Республика Венесуэла занимала следующее место по количеству мигрантов в населении, а за ней следовали Колумбия и Мексика. В 2019 году в Мексике пребывали свыше 760 000 мигрантов, родившихся в Соединенных Штатах. В соответствии с иллюстрацией на диаграмме 21 из 20 ведущих стран региона по количеству мигрантов самая высокая доля иммигрантов в составе всего населения отмечалась в Коста-Рике (8%), что объясняется давней миграцией из соседней Никарагуа. В других странах региона, не входящих в ведущую двадцатку, процентное соотношение между мигрантами и общим населением может быть еще выше, как в Белизе, где оно равно 15%.

Диаграмма 21. 20 ведущих стран Латинской Америки и Карибского бассейна по количеству мигрантов в 2019 году

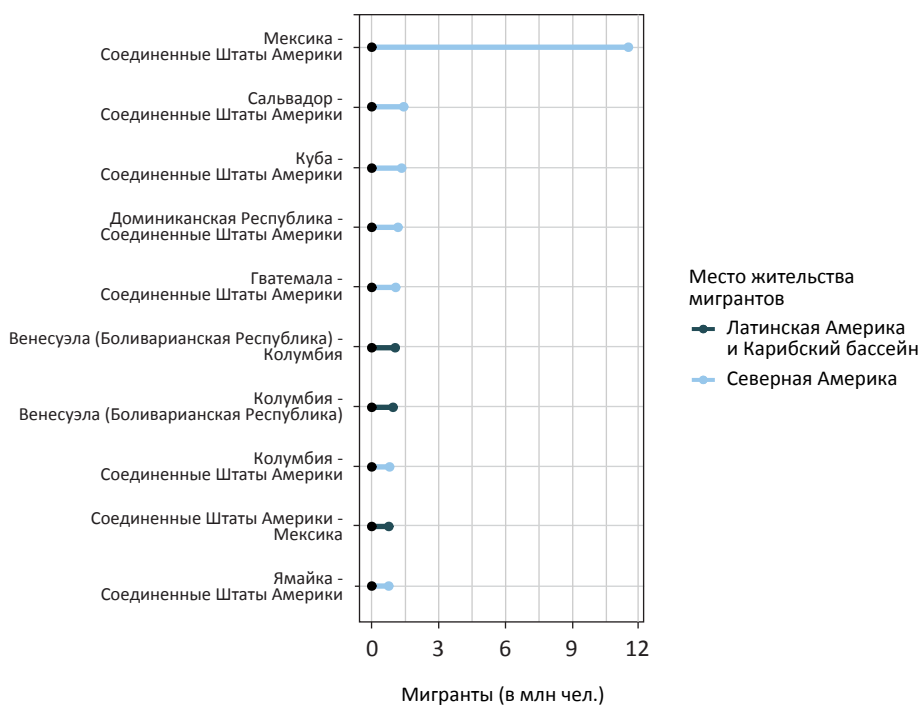
Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

Примечание 1: Данные о численности населения, использованные для расчета процентной доли иммигрантов и эмигрантов, основаны на данных ДЭСВ ООН об общей численности постоянного населения стран, которое включает население, родившееся за рубежом.

Примечание 2: «Иммигранты» означают родившихся за рубежом мигрантов, проживающих в стране. «Эмигранты» означают людей, родившихся в стране, которые в 2019 году проживали за пределами страны своего рождения.

Самой отличительной особенностью основных миграционных коридоров внутри региона и из него (диаграмма 22) является доминирование Соединенных Штатов как основной страны назначения. Большинство коридоров в 2019 году вели в Соединенные Штаты, а все остальные находились в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна (например, из Боливарианской Республики Венесуэла в Колумбию). Эти миграционные коридоры отражают накопление с течением времени миграционных передвижений на территории стран Латинской Америки и Карибского бассейна и дают представление о том, каким образом определенные модели миграции привели к образованию значительных групп населения из лиц, родившихся за рубежом, в конкретных странах назначения.

Диаграмма 22. 10 главных миграционных коридоров с участием стран Латинской Америки и Карибского бассейна в 2019 году

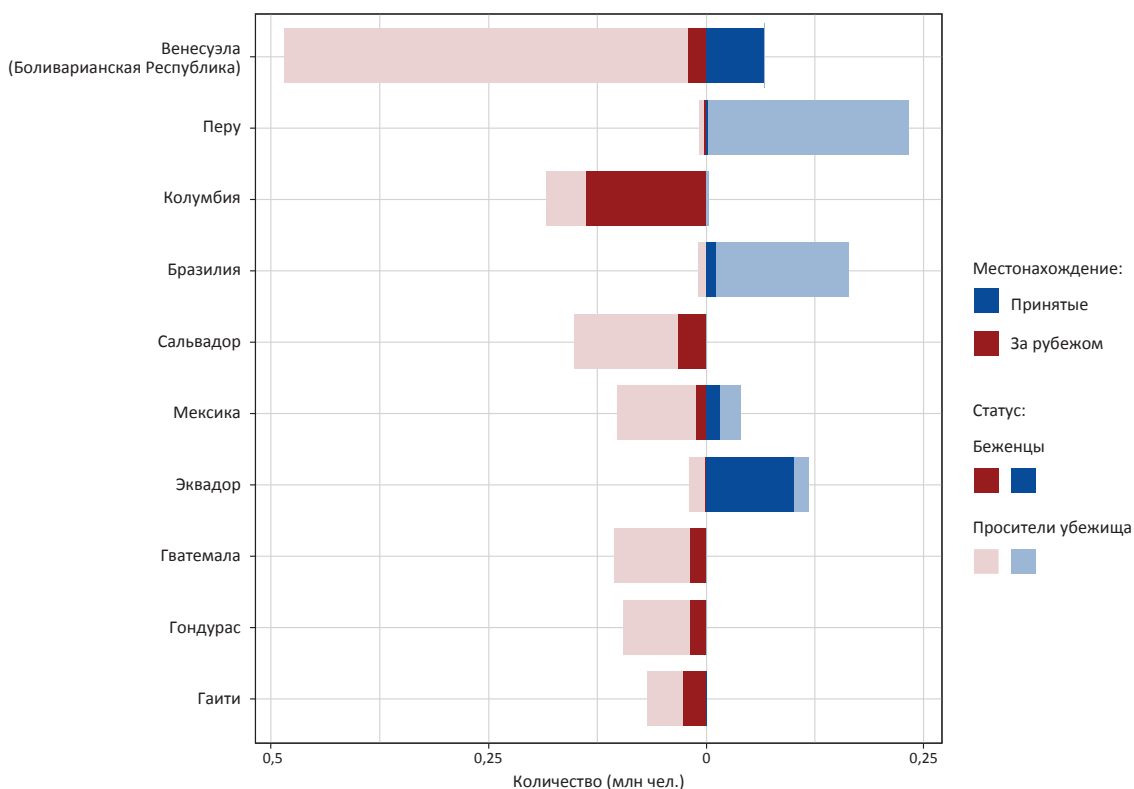
Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

Примечание: Коридоры отражают накопление миграционных передвижений с течением времени и дают представление о том, каким образом определенные модели миграции привели к образованию значительных групп населения из лиц, родившихся за рубежом, в конкретных странах назначения.

В 2018 году Боливарианская Республика Венесуэла была страной-источником наибольшего количества просителей убежища в мире, которые к концу этого года подали свыше 340 000 новых заявлений о предоставлении убежища. Это означает резкое увеличение с 2017 года, когда новых заявлений о предоставлении убежища насчитывалось чуть больше 100 000. Согласно оценкам к концу 2018 года из страны выехали 3 млн венесуэльцев в результате действия ряда факторов, включая насилие, преследования и экономический/политический кризис. Подавляющее большинство венесуэльцев, переместившихся за рубеж, живут в Колумбии (около 1 млн человек). Колумбия была страной происхождения наибольшего числа беженцев в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна. Большинство беженцев из Колумбии были приняты в соседних странах - Боливарианской

Республике Венесуэле и Эквадоре. Сальвадор занимал второе место среди стран происхождения беженцев по их количеству и был вторым крупнейшим источником новых просителей убежища в регионе после Боливарианской Республики Венесуэла. За Сальвадором следовала Гаити как страна происхождения третьего по численности контингента беженцев в Латинской Америке и Карибском бассейне по состоянию на конец 2018 года.

Диаграмма 23. 10 ведущих стран Латинской Америки и Карибского бассейна по общему количеству беженцев и просителей убежища в 2018 году

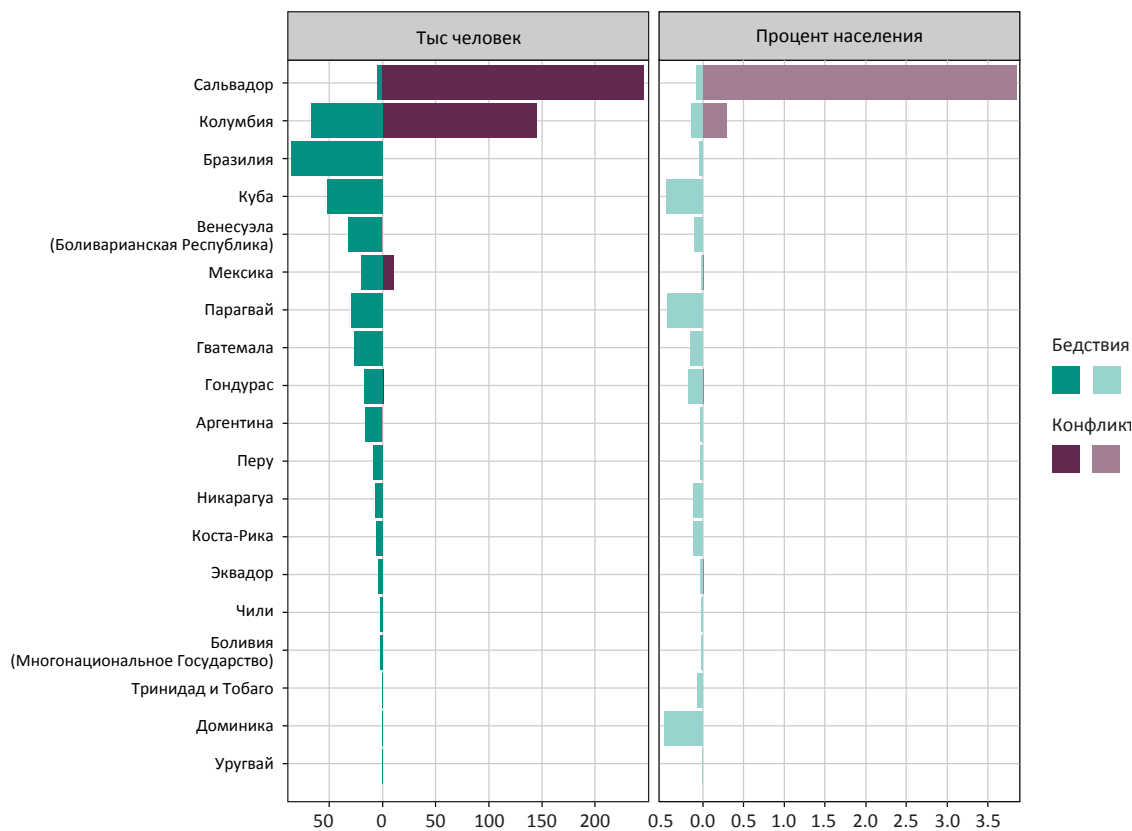
Источник: УВКБ ООН, n.d.

Примечание: Определение «принятые» относится к тем беженцам и просителям убежища из других стран, которые проживают в принимающей стране (правая часть диаграммы); «за рубежом» относится к беженцам и просителям убежища из данной страны, которые находятся за пределами страны своего происхождения. Десять ведущих стран определены на основе данных за 2018 год, которые рассчитываются путем суммирования беженцев и просителей убежища, прибывших в страны и выехавших из стран.

Большинство новых внутренних перемещений в Латинской Америке и Карибском бассейне были вызваны насилием и конфликтами, а не бедствиями. На диаграмме 24 показаны 20 ведущих стран региона по числу новых внутренних перемещений, вызванных как конфликтами и насилием, так и бедствиями. В Сальвадоре и Колумбии зарегистрированы самые высокие показатели количества новых внутренних перемещений в Латинской Америке и Карибском бассейне в 2018 году, причем большинство перемещений совершались под воздействием насилия и конфликтов в обеих странах. В Сальвадоре насчитывалось 246 000 новых связанных с конфликтом перемещений (затронувших почти

4% населения страны), тогда как в Колумбии было зарегистрировано 145 000 таких перемещений. С учетом 11 000 новых перемещений в результате насилия и конфликта Мексика заняла третье место в регионе по этому показателю. Остальные крупные внутренние перемещения в регионе были вызваны бедствиями, причем в Бразилии было зарегистрировано наибольшее число перемещений (86 000), затем в Колумбии (67 000) и на Кубе (52 000). Хотя в Латинской Америке и Карибском бассейне число новых внутренних перемещений, вызванных конфликтами, гораздо ниже, чем в Африке, только в этих двух регионах новых перемещений в результате насилия и конфликтов больше, чем перемещений, вызванных бедствиями.

Диаграмма 24. Ведущие страны Латинской Америки и Карибского бассейна по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2018 году

Источник: ЦНВП, n.d; ДЭСВ ООН, 2017.

Примечание: Термин «новые перемещения» означает число передвижений в контексте перемещения, которые имели место в 2018 году, а не численность общего контингента ВПЛ, накопившегося вследствие перемещения в течение определенного времени. Данные о числе новых перемещений включают лиц, которые были перемещены более одного раза, и не соответствуют числу людей, перемещенных в течение года.

Данные о численности населения, использованные для подсчета доли новых перемещений, вызванных бедствиями и конфликтами, основаны на оценках численности общего постоянного населения стран, произведенных ДЭСВ ООН за 2017 год, а данные о процентной доле используются только в соответствующих иллюстративных целях.

Основные особенности и изменения в Латинской Америке и Карибском бассейне

Южная Америка

Политический и экономический хаос в Боливарианской Республике Венесуэла вылился в один из самых острых гуманитарных кризисов в мире и привел к перемещению миллионов людей из страны. К концу 2018 года количество перемещенных венесуэльцев во всем мире превысило 3 млн человек²⁵⁶; к середине 2019 года их число выросло до 4 млн человек²⁵⁷. Подавляющее большинство этих людей были приняты в таких соседних странах, как Колумбия, Перу, Эквадор, Аргентина, Чили и Бразилия, хотя все большее число венесуэльцев переезжают также в страны Центральной Америки и Карибского бассейна²⁵⁸. В конце 2018 года Колумбия и Перу принимали наибольшее количество венесуэльцев - соответственно, свыше 1 млн и 500 000 человек²⁵⁹. Ввиду коллапса экономики страны разразившийся экономический кризис лишил миллионы людей возможности обеспечивать свои основные потребности, включая питание, медицину и товары медицинского назначения. В 2018 году плохое состояние системы здравоохранения и расширение масштабов недоедания среди детей привели к гибели множества людей²⁶⁰. По оценкам Международного валютного фонда, в 2018 году гиперинфляция в Боливарианской Республике Венесуэла достигла более 1 миллиона процентов, а в 2019 году взлетела до 10 миллионов процентов²⁶¹. Помимо экономического кризиса, Боливарианская Республика Венесуэла переживает ухудшение политической ситуации, с которым связаны преследования политических оппонентов и задержание тысяч участников протестов²⁶². Рост числа насильственных преступлений в стране также продолжает вынуждать все большее количество людей искать защиты в других странах. Так, к концу июня 2018 года количество ходатайств о предоставлении убежища, поданных венесуэльцами, прибывающими в Соединенные Штаты, достигло почти 28 000 заявлений²⁶³.

Внутрирегиональная миграция в Южной Америке осуществляется очень интенсивно ввиду текущего перемещения подавляющего большинства международных мигрантов на территории субрегиона. Большая часть мигрантов, проживавших в Аргентине и Боливарианской Республике Венесуэле, а именно двух странах с наибольшим количеством международных мигрантов в Южной Америке, в 2019 году, были выходцами из стран этого же субрегиона²⁶⁴. Международные мигранты в Аргентине были выходцами в основном из Парагвая, Многонационального Государства Боливия и Чили, тогда как в Боливарианской Республике Венесуэла они большей частью были выходцами из Колумбии²⁶⁵. Большинство людей, рожденных за рубежом, в составе населения Чили также являются мигрантами прежде всего из таких южноамериканских стран, как Перу, Аргентина и Многонациональное

256 МОМ, 2018e.

257 УВКБ ООН, 2019d.

258 УВКБ ООН, 2019a.

259 Ibid.

260 ОНЧР, 2018a.

261 Werner, 2018; Reuters, 2018.

262 Human Rights Watch, 2019.

263 УВКБ ООН, 2019a.

264 ДЭСВ ООН, 2019a.

265 Ibid.

Государство Боливия²⁶⁶. Соглашения о постоянном проживании, принятые странами Южного общего рынка (МЕРКОСУР) - экономического и политического органа в составе Аргентины, Бразилии, Парагвая, Уругвая и Боливарианской Республики Венесуэлы²⁶⁷, - сыграли важную роль в расширении масштабов внутрирегиональной трудовой миграции и в то же время в сокращении нелегальной миграции в субрегионе²⁶⁸. Эти соглашения позволяют гражданам стран МЕРКОСУР жить и работать в его государствах-членах в течение двух лет при условии отсутствия в их биографии уголовных правонарушений и в том случае, если они могут доказать свое гражданство²⁶⁹. В результате мигранты с низкой и средней квалификацией в таких сферах профессиональной деятельности, как сельское хозяйство, рыболовство и домашний труд, на которых приходится большинство трудовых мигрантов в Южной Америке²⁷⁰, получили возможность более свободно передвигаться и работать в странах субрегиона.

Миллионы южноамериканцев по-прежнему проживают за пределами субрегиона, тогда как одновременно медленно увеличивается количество мигрантов, прибывших из стран за пределами субрегиона. В большинстве случаев эмиграция из Южной Америки связана с работой и стимулируется экономическими кризисами и политической нестабильностью в странах происхождения²⁷¹. Соединенные Штаты являются крупнейшей страной назначения южноамериканских мигрантов, где их насчитывается 3,4 млн человек²⁷². Странами происхождения наибольшего количества эмигрантов, проживавших за пределами Южной Америки в 2019 году, были Колумбия (около 1,57 млн человек), затем Бразилия (1,5 млн человек) и Эквадор (около 1 млн человек)²⁷³. В то же время сокращение возможностей на зарубежных рынках труда, а также улучшение экономических условий в субрегионе способствуют возвращению многих южноамериканских мигрантов и снижению уровня внерегиональной миграции²⁷⁴. В Южной Америке растет также количество мигрантов из стран за пределами субрегиона. Например, начиная с 2010 года из ЕС в Латинскую Америку и Карибский бассейн эмигрировало в целом больше людей, чем из Латинской Америки и Карибского бассейна в ЕС²⁷⁵. Многие из этих людей являются не вернувшимися мигрантами, а гражданами стран ЕС, главным образом из Испании, Италии и Португалии²⁷⁶. В 2019 году мигранты из этих трех стран происхождения в совокупности представляли в Южной Америке группу населения численностью более 800 000 человек²⁷⁷. В Южную Америку мигрирует также растущее число гаитянцев, кубинцев и доминиканцев²⁷⁸.

Хотя конфликты и насилие локализованы в определенных странах, они способствуют перемещению и миграции населения в субрегионе. В Колумбии по состоянию на конец 2018 года свыше 5,7 млн людей оставались внутренне перемещенными лицами, что является вторым по величине количеством ВПЛ в

266 Ibid.

267 Chatzky, 2019.

268 Acosta, 2016; Aimsiranun, 2018.

269 Ibid.

270 Aimsiranun, 2018.

271 MOM, 2017.

272 ДЭСВ ООН, 2019а.

273 Ibid.

274 MOM, n.d.e.

275 MOM, 2015.

276 Ibid.

277 ДЭСВ ООН, 2019а.

278 MOM, 2017.

мире²⁷⁹. В том же году около 139 000 колумбийцев проживали за рубежом на положении беженцев или в беженских условиях, что означало уменьшение их числа по сравнению с более чем 190 000 человек в 2017 году и примерно 300 000 человек в 2016 году²⁸⁰. В 2019 году в Боливарианской Республике Венесуэла и Эквадоре находились приблизительно 1 млн колумбийцев. Однако, как только в Колумбии начался переход от длившегося пять десятилетий насилия к мирным переговорам в конце 2016 года и в 2017 году, ухудшение экономических и социальных условий в Боливарианской Республике Венесуэла подтолкнуло многих колумбийцев к возвращению домой²⁸¹.

Центральная Америка и Карибский бассейн

Миграция в северном направлении продолжает оставаться господствующей тенденцией в Центральной Америке, Мексике и Карибском бассейне. Мексика остается ведущей страной происхождения, тысячи граждан которой ежегодно эмигрируют главным образом в Соединенные Штаты. Она также является важной транзитной страной для мигрантов, путешествующих в северном направлении к южной границе Соединенных Штатов. Вместе с тем в контексте улучшения экономических условий и повышения уровней образования в стране, а также более строгого исполнения иммиграционного законодательства в Соединенных Штатах Мексика все больше становится важной страной назначения для международных мигрантов, поскольку некоторые из них не в состоянии въехать в Соединенные Штаты, как они вначале планировали²⁸². В Мексике общее количество лиц, родившихся за рубежом, увеличилось с около 970 000 человек в 2010 году до немногим более 1 млн человек в 2019 году, при этом большинство из них были выходцами из Северной Америки, а также увеличивается доля мигрантов из других стран Латинской Америки и Карибского бассейна²⁸³. Однако Соединенные Штаты являются гораздо более привлекательной страной назначения для мигрантов из Центральной Америки, и в 2017 году в Соединенных Штатах проживали более 90% центральноамериканских мигрантов²⁸⁴. Важными движущими силами миграции из Центральной Америки остаются насилие и отсутствие безопасности, бедность и воссоединение семьи²⁸⁵. Наиболее заметные внутрирегиональные миграционные коридоры обеспечивают передвижение никарагуанцев, панамцев и жителей других стран Центральной Америки в Коста-Рику для временного или постоянного трудоустройства, а также миграцию жителей стран Центральной Америки (преимущественно из Гондураса, Гватемалы и Сальвадора) в Белиз по причинам нестабильности и отсутствия возможностей в плане занятости²⁸⁶. В Карибском бассейне наиболее значительные внутрирегиональные миграционные коридоры обеспечивают миграцию гаитянцев в Доминиканскую Республику²⁸⁷. Кроме того, все больше мигрантов из других регионов, включая Африку, следуют транзитом через Центральную Америку в направлении Соединенных Штатов²⁸⁸.

279 ЦНВП, 2019.

280 УВКБ ООН, 2018а, 2019а.

281 УВКБ ООН, 2019а.

282 Dominguez-Villegas, 2019.

283 ДЭСВ ООН, 2019а.

284 Ibid.

285 FAO, 2018а; CEPAL, 2019.

286 MOT, 2016.

287 Ibid.

288 Solomon, 2019.

Нелегальные миграционные потоки в субрегионе являются динамичными, все больше усложняются и становятся все более разнообразными. Подавляющее большинство нелегальных мигрантов, в течение многих лет подвергавшихся задержанию при попытке пересечения границы между Соединенными Штатами и Мексикой, составляли мексиканцы. Однако в последние годы на границе между Соединенными Штатами и Мексикой было задержано больше выходцев из района «Северного треугольника» Центральной Америки - Гватемалы, Гондураса и Сальвадора, - чем мексиканцев²⁸⁹. Спасаясь бегством от насилия, преследований и бедности, тысячи мигрантов из Центральной Америки покрывают расстояния в тысячи миль в направлении границы между Мексикой и Соединенными Штатами. Недавно в октябре 2018 года в Гондурасе началось движение так называемого «каравана мигрантов». По мере продвижения мигрантов из Гондураса на пути к границе между Соединенными Штатами и Мексикой к ним присоединялись тысячи других мигрантов из таких стран, как Сальвадор и Гватемала. К концу 2018 года караван мигрантов разросся до тысяч людей, многие из которых были детьми²⁹⁰. К участию в этом караване людей подтолкнули несколько факторов, включая бегство от насилия в таких странах, как Гондурас, бегство от крайней нищеты и стремление получить лучшие экономические возможности. Караван мигрантов вызвал ожесточенные политические дебаты в Соединенных Штатах и вынудил правительство развернуть регулярную войсковую группировку в составе более 7 000 военнослужащих на границе с Мексикой²⁹¹. К началу 2019 года были задержаны несколько тысяч мигрантов, которым удалось добраться до границы Соединенных Штатов. Некоторые из них получили мексиканские гуманитарные визы, тогда как другие были депортированы или решили вернуться в страны своего происхождения²⁹². Сотни мигрантов остались в Тихуане, Мексика. В феврале 2019 года караван из кубинцев и гаитянцев, включая определенное количество выходцев из Африки и Азии, въехал в Панаму из Колумбии и позднее добрался до Мексики. Отступая от своей политики большей открытости, объявленной в начале 2019 года, Мексика в апреле 2019 года начала задерживать мигрантов из Центральной Америки²⁹³.

Незаконный провоз мигрантов также является важной особенностью субрегиона, поскольку люди пытаются обойти пограничный контроль в Центральной Америке и Мексике. Вдоль границы между Соединенными Штатами и Мексикой контрабандные сети развернули прибыльную индустрию, контролируруемую международными преступными группировками²⁹⁴. Хорошо известно, что незаконно провозимые мигранты зачастую становятся жертвами хищнической практики в диапазоне от требований взяток до массовых похищений людей и вымогательства²⁹⁵. Мигранты также подвергаются казням, физическому и сексуальному насилию, пыткам и исчезновениям; это особенно верно в случае Мексики, где, как сообщается, некоторые контрабандные сети часто управляются организациями, занимающимися нелегальным оборотом наркотиков²⁹⁶. Кроме того, незаконный провоз мигрантов давно позволил обеспечить нелегальную миграцию в страны Центральной Америки, в частности Гватемалу, и транзит через них, особенно в случае мигрантов, движущихся в направлении Соединенных Штатов. Как граждане Гватемалы, так и международные мигранты, следующие транзитом через Гватемалу, в вопросе достижения конечных пунктов своего назначения исторически полагаются на контрабандную практику незаконного провоза, известную в этих местах как «койотерисмо»²⁹⁷. В Латинской Америке растет обеспокоенность тем, что визовыми режимами

289 Bialik, 2019.

290 UNICEF, 2018.

291 Meissner, 2018.

292 Dominguez-Villegas, 2019; BBC, 2019.

293 Cullell, 2019.

294 Sanchez, 2018.

295 Ibid.

296 Ibid.

297 Velasco, 2018; Sanchez, 2018.

злоупотребляют для того, чтобы мигранты могли въезжать в страны региона, а затем нелегально переправляться в направлении других пунктов назначения²⁹⁸. Кроме того, в ходе нелегальных миграционных поездок через Центральную Америку погибло большое количество людей²⁹⁹.

Социально-экономические условия и повсеместное насилие на уровне общин в ряде стран Центральной Америки способствуют миграции, особенно с участием большого количества женщин и детей. Отмечался существенный рост числа заявлений о предоставлении убежища, поданных жителями стран Центральной Америки. На ходатайства, представленные выходцами из Центральной Америки и Мексики в 2017 году, приходилось 54% всех заявлений о предоставлении убежища, поданных в Соединенных Штатах³⁰⁰. Большинство заявителей составляют мигранты из Сальвадора (свыше 33 000 человек), за которыми следуют выходцы из Гватемалы (около 33 000 человек) и Боливарианской Республики Венесуэла (27 500 человек)³⁰¹. Отмечался рост числа семейных ячеек, задержанных на границе между Соединенными Штатами и Мексикой; в 2018 году были задержаны примерно 163 000 членов семей, что составило 35% всех задержаний на границе и более чем в три раза превысило число семейных задержаний в 2017 году³⁰². Несопровождаемые дети по-прежнему образуют существенную часть нелегальных миграционных потоков, в ходе противодействия которым на границе в 2018 году было задержано около 54 000 несопровождаемых детей³⁰³.

Как представляется, изменение климата оказывает свое воздействие на мобильность людей в Центральной Америке и Карибском бассейне, хотя выделение экологических факторов из всех движущих сил миграции остается сложной задачей. По мнению Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК), с повышением глобальной температуры связана внешняя миграция из общин, зависимых от сельского хозяйства³⁰⁴. В 2018 году засушливые условия в Центральной Америке стали причиной, как считается, 82% потерь урожаев кукурузы и бобов в Гондурасе, что поставило под угрозу продовольственную безопасность почти 3 млн людей³⁰⁵. В таких странах, как Сальвадор, Гватемала и Гондурас, большая доля населения живет в сельских районах и в своих средствах к существованию сильно зависит от сельского хозяйства, что делает его особенно уязвимым перед такими экологическими изменениями, как засухи³⁰⁶. Возможно, последствия изменения климата сыграли свою роль в недавних динамичных проявлениях миграции в Центральной Америке, так как значительное количество людей, принявших участие в караване, прежде чем отправиться в путь на север, могли заниматься такой деятельностью, как работа в сельском и лесном хозяйстве, животноводство и рыболовство³⁰⁷. Между тем Карибский бассейн расположен в высокосейсмичном районе и подвержен угрозам бедствий, связанных с климатическими явлениями. Страны Карибского бассейна входят в число наиболее уязвимых перед стихийными бедствиями и изменением климата. Поскольку значительная доля населения Карибского бассейна проживает в районах, подверженных повышению уровня моря, недавние бедствия привели к широкомасштабному перемещению и гибели людей. Так, ураган «Ирма», который прокатился через Карибский бассейн и Северную Америку, стал крупнейшим бедствием в мире в 2017 году, переместив более чем 2 млн человек в обоих регионах³⁰⁸. Помимо гибели людей, ураган причинил

298 Ibid.

299 MOM, n.d.d.

300 УВКБ ООН, 2019а.

301 Ibid.

302 Bialik, 2019.

303 Ibid.

304 МГЭИК, 2018.

305 Palencia, 2014; FAO, 2018b.

306 CEPAL, 2019.

307 MOM, 2018f.

308 ЦНВП, 2018а.

катастрофический ущерб собственности и инфраструктуре в нескольких районах Карибского бассейна, включая Пуэрто-Рико, Кубу и Виргинские острова Соединенных Штатов³⁰⁹. Многие Карибские острова также сильно зависят от таких секторов, как сельское хозяйство и туризм, и бедствия причиняют существенный вред их экономике. По мере нарастания частотности и интенсивности этих бедствий в результате изменения климата, как ожидается, будут усугубляться риски для здоровья и угрозы продовольственной безопасности, помимо причинения еще большего ущерба биоразнообразию³¹⁰.

Эмиграция в Соединенные Штаты является основной особенностью в Карибском бассейне, и иммигранты, родившиеся в Карибском бассейне, входят в число самых многочисленных групп в стране. Исторические связи между Карибским бассейном и Соединенными Штатами, а также геополитические факторы в значительной степени влияют на миграцию в северном направлении. В 2017 году 10% всех иммигрантов в Соединенных Штатах были выходцами из Карибского бассейна, что делает эту страну ведущим пунктом назначения для карибских мигрантов, выезжающих за пределы субрегиона³¹¹. Другие основные страны назначения включают Канаду, Испанию и Соединенное Королевство. Свыше 65% карибских иммигрантов, находившихся в Соединенных Штатах в 2019 году, прибыли лишь из пяти стран (Гаити, Тринидада и Тобаго, Кубы, Ямайки и Доминиканской Республики), а большинство из них - с Кубы³¹². Рост кубинского сообщества в населении Соединенных Штатов после середины 1960-х годов был в значительной степени обусловлен двумя законами, которые вводили уникальный режим обращения с иммигрантами с Кубы: Законом о регулировании статуса кубинских иммигрантов от 1966 года и Соглашениями о миграции между Соединенными Штатами и Кубой от 1994 и 1995 годов, которые позволили кубинцам (прибывшим в Соединенные Штаты по суше) получать постоянный вид на жительство после проживания в стране в течение одного года. Это известно под названием политики «мокрая нога, сухая нога»³¹³.

Северная Америка³¹⁴

Миграция в Северной Америке характеризуется доминированием миграции в этот регион. Как показано на диаграмме 25, в 2019 году в Северной Америке проживали более чем 58,6 млн мигрантов из самых разных регионов. С 2015 года, когда в регионе жили около 55,6 млн мигрантов, их количество увеличилось примерно на 3 млн человек. Крупнейшую группу составляли выходцы из Латинской Америки и Карибского бассейна (26,6 млн человек), за ними следовали выходцы из Азии (17,4 млн человек) и Европы (7 млн человек). За последние 30 лет число мигрантов в Северной Америке более чем удвоилось в результате эмиграции из Латинской Америки и Карибского бассейна и эмиграции из Азии людей, привлекаемых экономическим ростом и политической стабильностью в Северной Америке.

Количество мигрантов из Северной Америки, проживающих внутри региона или в других местах, было очень скромным по сравнению с проживающим в регионе населением, родившимся за рубежом. В отличие от таких регионов, как Азия и Африка, где преобладает внутрирегиональная миграция, мигранты, родившиеся в Северной Америке, охотнее селились за пределами региона (около 3 млн человек), чем переезжали в другую страну региона (1,4 млн человек).

309 Ibid.

310 Otker-Robe, 2019.

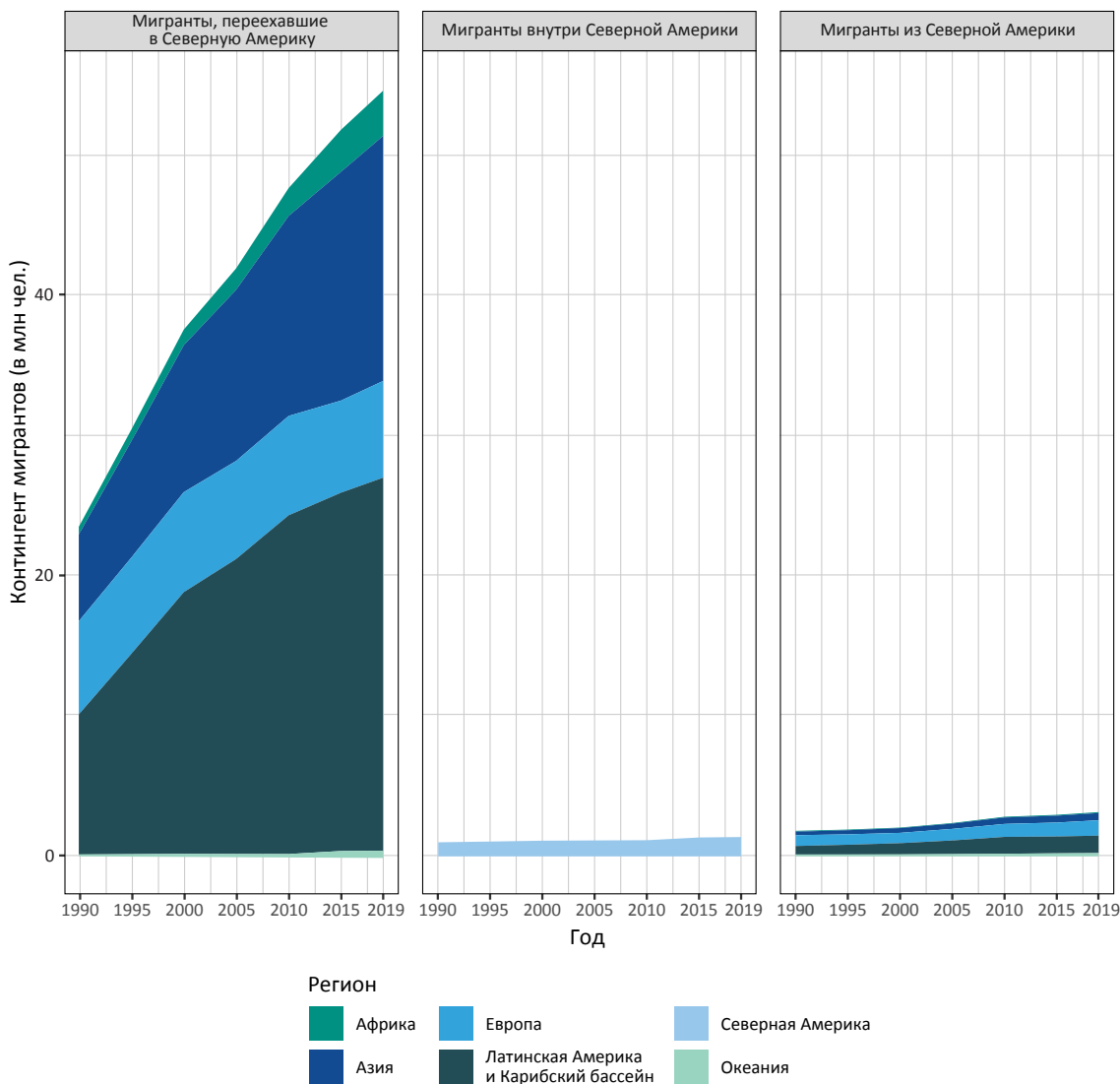
311 Zong и Batalova, 2019.

312 ДЭСВ ООН, 2019а.

313 CEPAL, Организация Объединенных Наций и МОМ, 2017; Zong и Batalova, 2019.

314 Подробную информацию о составе региона Северной Америки см. в добавлении А.

Диаграмма 25. Мигранты, переехавшие в Северную Америку, внутри Северной Америки и из нее в 1990-2019 годах

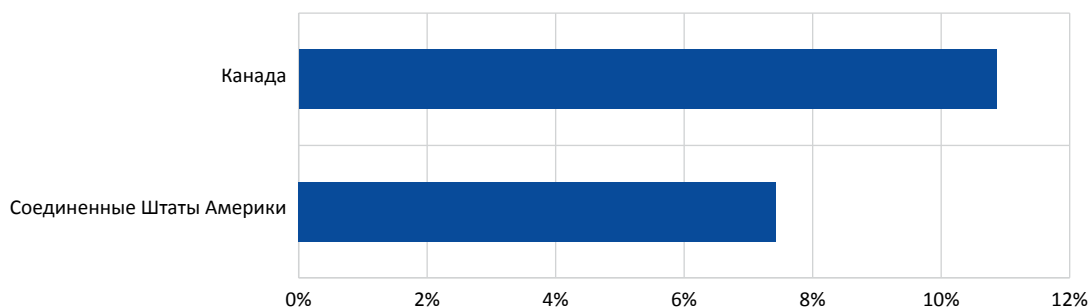
Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

Примечание: Под «мигрантами, переехавшими в Северную Америку» понимаются мигранты, проживающие в регионе (т.е. в Северной Америке), которые родились в других регионах (например, Европе или Азии). «Мигранты внутри Северной Америки» означают мигрантов, родившихся в регионе (т.е. в Северной Америке) и проживающих за пределами страны своего рождения, но в североамериканском регионе. «Мигранты из Северной Америки» означают людей, родившихся в Северной Америке, которые проживают за пределами этого региона (например, в Европе или Африке).

На диаграмме 26 показаны страны с наибольшими пропорциональными демографическими изменениями в Северной Америке в период 2009-2019 годов. Демографические изменения как в Канаде, так и в Соединенных Штатах состояли в росте населения, причем в Канаде отмечались наибольшие изменения в численности ее населения за последнее десятилетие (11%). Население

Соединенных Штатов также росло в этот период, увеличившись примерно на 7%. В Канаде последние демографические изменения в значительной степени были обусловлены иммиграцией, которая остается основной движущей силой роста населения в стране.

Диаграмма 26. Страны Северной Америки с наибольшими пропорциональными демографическими изменениями в 2009-2019 годах

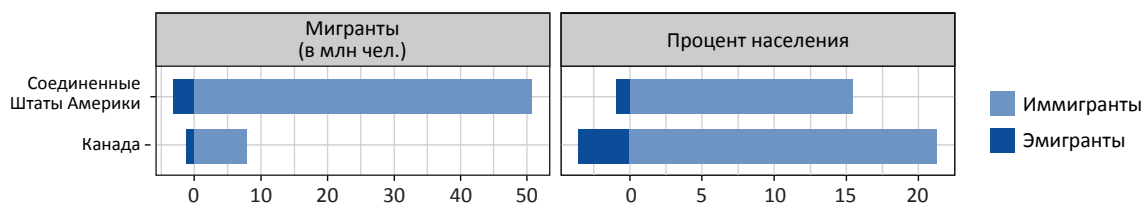

Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

Примечание: Важно отметить, что наибольшие пропорциональные демографические изменения в 2009-2019 годах более вероятны в странах с относительно малой численностью населения.

В 2019 году в Соединенных Штатах проживала самая многочисленная в мире группа населения, родившегося за рубежом, тогда как в Канаде такая группа была восьмой по величине. Свыше 86% населения региона, родившегося за рубежом, проживали в Соединенных Штатах. Как показано на диаграмме 27, в 2019 году доля лиц, родившихся за рубежом, в общем населении Канады (более 21%) была значительно выше, чем в Соединенных Штатах (15%). У Канады была также выше доля эмигрировавших граждан (в процентах от ее общего населения) по сравнению с Соединенными Штатами.

Диаграмма 27. Миграция в основных странах Северной Америки в 2019 году

Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

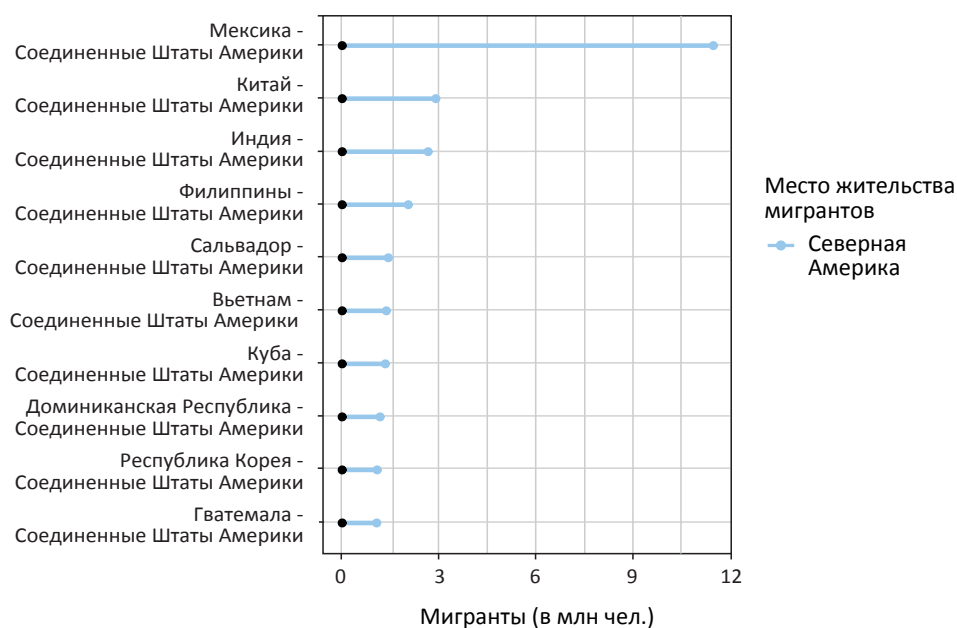
Примечание 1: Данные о численности населения, использованные для расчета процентной доли иммигрантов и эмигрантов, основаны на данных ДЭСВ ООН об общей численности постоянного населения стран, которое включает население, родившееся за рубежом.

Примечание 2: «Иммигранты» означают родившихся за рубежом мигрантов, проживающих в стране. «Эмигранты» означают людей, родившихся в стране, которые в 2019 году проживали за пределами страны своего рождения.

На диаграмме 28 показаны 10 главных миграционных коридоров с участием стран Северной Америки, которые отражают накопление миграционных передвижений с течением времени и дают представление о том, каким образом определенные модели миграции привели к образованию значительных групп

населения из лиц, родившихся за рубежом, в конкретных странах назначения. Крупнейшие миграционные коридоры в Северной Америке обеспечивают передвижение мигрантов либо из Азии, либо из Латинской Америки и Карибского бассейна в Соединенные Штаты. Наибольшую группу мигрантов образуют мигранты, родившиеся в Мексике, которых в Соединенных Штатах в 2019 году проживало больше 11 млн человек. Следующие по величине миграционные коридоры связывают субрегион с густонаселенными странами Азии, включая Китай, Индию и Филиппины. Некоторые другие большие миграционные коридоры из Вьетнама, Республики Кореи и Кубы в Соединенные Штаты быстро возникли после конфликтов или политических изменений в странах происхождения еще много лет назад.

Диаграмма 28. 10 главных миграционных коридоров с участием стран Северной Америки в 2019 году

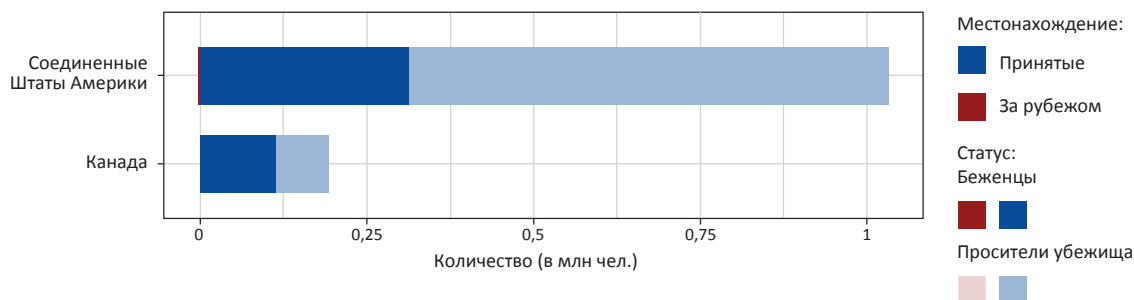

Источник: ДэСВ ООН, 2019а.

Примечание: Коридоры отражают накопление миграционных передвижений с течением времени и дают представление о том, каким образом определенные модели миграции привели к образованию значительных групп населения из лиц, родившихся за рубежом, в конкретных странах назначения.

В 2018 году Соединенные Штаты принимали свыше 1 млн беженцев и просителей убежища. Как явствует из диаграммы 29, среди них преобладали просители убежища (более 700 000 человек). Соединенные Штаты оставались также в 2018 году крупнейшим получателем новых заявлений о предоставлении убежища (свыше 250 000), хотя их количество уменьшилось по сравнению с 2017 годом, когда заявлений о предоставлении убежища насчитывалось более 300 000. Просители убежища прибывают в Соединенные Штаты из широкого спектра стран; однако среди них было больше всего выходцев из Сальвадора, Гватемалы, Боливарианской Республики Венесуэла и Гондураса. Канада также принимает большой контингент беженцев и просителей убежища. В 2018 году Канада принимала свыше 190 000 беженцев и просителей убежища, что означало увеличение по сравнению с 2017 годом, когда Канада принимала около 150 000 таких людей. Последние изменения в политике переселения беженцев в Соединенные Штаты и Канаду рассмотрены в разделе «Основные особенности и изменения в Северной Америке» ниже.

Диаграмма 29. Количество беженцев и просителей убежища, для которых страны Северной Америки являлись принимающими странами или странами происхождения, в 2018 году

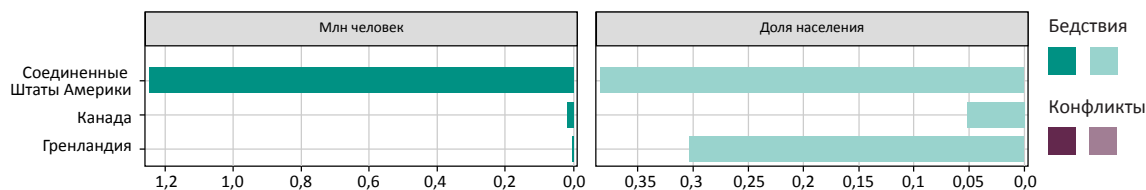

Источник: УВКБ ООН, n.d.

Примечание: Определение «принятые» относится к тем беженцам и просителям убежища из других стран, которые проживают в принимающей стране (правая часть диаграммы); «за рубежом» относится к беженцам и просителям убежища из данной страны, которые находятся за пределами страны своего происхождения.

Все новые внутренние перемещения в Северной Америке были обусловлены бедствиями (диаграмма 30). В Соединенных Штатах было зарегистрировано наибольшее число перемещений, при которых свыше 1,2 млн людей были перемещены в результате двух сильных ураганов и лесных пожаров. Масштабы перемещения в остальной части Северной Америки были гораздо ниже, чем в Соединенных Штатах; так, в Канаде в 2018 году было зарегистрировано 19 000 новых перемещений. По количеству новых внутренних перемещений в результате бедствий Северная Америка уступает только Азии, в которой отмечалось больше перемещений, связанных с бедствиями, чем с конфликтами (см. диаграмму 12).

Диаграмма 30. Ведущие страны Северной Америки по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2018 году

Источник: ЦНВП, n.d; ДЭСВ ООН, 2017.

Примечание: Термин «новые перемещения» означает число передвижений в контексте перемещения, которые имели место в 2018 году, а не численность общего контингента ВПЛ, накопившегося вследствие перемещения в течение определенного времени. Данные о числе новых перемещений включают лиц, которые были перемещены более одного раза, и не соответствуют числу людей, перемещенных в течение года.

Данные о численности населения, использованные для подсчета доли новых перемещений, вызванных бедствиями и конфликтами, основаны на оценках численности общего постоянного населения стран, произведенных ДЭСВ ООН за 2017 год, а данные о процентной доле используются только в соответствующих иллюстративных целях.

Основные особенности и изменения в Северной Америке

Миграционные тенденции в Соединенных Штатах характеризуются высокими уровнями иммиграции, главным образом из Латинской Америки и Азии, хотя демографическая эволюция международных мигрантов продолжается. В период 2015-2019 годов количество лиц, родившихся за рубежом, в населении Соединенных Штатов увеличилось на 5%, достигнув почти 51 млн человек³¹⁵. По состоянию на 2019 год мигранты, родившиеся в Мексике, составляли крупнейшую группу лиц иностранного происхождения, проживающих в Соединенных Штатах, насчитывали более 12,4 млн человек, а их доля в общем контингенте иммигрантов в Соединенных Штатах равнялась около 22,7%³¹⁶. Вместе с тем, хотя мексиканцы исторически обеспечивали самый большой приток мигрантов в Соединенные Штаты (как минимум с 1970 года), в течение последних нескольких лет их количество снизилось³¹⁷. В последнее время мигранты прибывали в основном из Азии, особенно Индии, Китая и Филиппин, а также из других стран в Латинской Америке и Карибском бассейне, в частности из Доминиканской Республики, Кубы и Сальвадора³¹⁸. В 2019 году страной происхождения второй по величине группы иммигрантов в Соединенных Штатах был Китай, и согласно прогнозам к 2055 году регионом происхождения наибольшего количества мигрантов станет Азия³¹⁹. Самым распространенным иммиграционным каналом для жителей Азии, мигрирующих в Соединенные Штаты, является получение виз, спонсируемых семьями³²⁰, хотя многие из них являются также студентами; в 2017/2018 учебном году в Соединенных Штатах обучалось свыше 360 000 международных студентов из Китая³²¹.

Количество мигрантов в населении Канады продолжает увеличиваться, составляя все большую процентную долю всего населения страны. В 2000 году доля лиц, родившихся за рубежом, в общем населении Канады составляла около 18%, в 2005 году она увеличилась почти до 19%, в 2010 году - около 20% и в 2019 году - свыше 21%³²². В прошлом мигранты в населении Канады происходили главным образом из европейских стран, однако состав лиц, родившихся за рубежом, изменился за счет прибытия больших групп мигрантов из стран Азии. Например, в 2000 году страной происхождения наибольшего количества международных мигрантов, прибывших в Канаду, было Соединенное Королевство (608 000 человек), за которым следовали Китай (412 000 человек), Индия (319 000 человек) и Италия (315 000 человек). К 2019 году Индия и Китай обогнали Соединенное Королевство, став странами происхождения, соответственно, примерно 709 000 и почти 700 000 мигрантов³²³. Другие азиатские страны, в частности Исламская Республика Иран, также фигурируют в первой десятке стран происхождения наибольших групп мигрантов в Канаде среди всего населения, родившегося за рубежом, общая численность которого в 2019 году составляла 7,9 млн человек³²⁴. В 2017 году Канада приняла на постоянное жительство свыше 286 000 новых мигрантов, тремя основными странами происхождения которых были Индия, Филиппины и Китай³²⁵.

315 ДЭСВ ООН, 2019а.

316 Ibid.

317 Zong, Batalova и Burrows, 2019.

318 ДЭСВ ООН, 2019а.

319 Radford, 2019; ДЭСВ ООН, 2019а.

320 Malik, 2015.

321 ИЕ, 2018.

322 ДЭСВ ООН, 2019а.

323 Ibid.

324 Ibid.

325 IRCC, 2018.

Считается, что оценочное число нелегальных мигрантов в Соединенных Штатах ниже, чем десять лет назад, но по-прежнему гораздо больше по сравнению с Канадой. Согласно оценкам в 2017 году в Соединенных Штатах проживали 10,5 млн нелегальных мигрантов, составлявших 3,2% всего населения страны³²⁶. Количество нелегальных мигрантов уменьшилось, особенно по сравнению с 2007 годом, когда оно доходило до 12,2 млн человек³²⁷. Впервые мексиканцы составили меньше половины (47%) всех мигрантов без документов в Соединенных Штатах³²⁸. Количество нелегальных мигрантов из Центральной Америки, в основном из стран «Северного треугольника» - Сальвадора, Гватемалы и Гондураса, - увеличилось с 1,5 млн человек в 2007 году до 1,9 млн человек в 2017 году³²⁹. Многие взрослые нелегальные мигранты в Соединенных Штатах не являются вновь прибывшими лицами; более 65% таких взрослых по состоянию на 2017 года прожили в Соединенных Штатах свыше десяти лет³³⁰. Нелегальные мигранты могут въехать в страну без разрешения; однако среди них много обладателей просроченных виз, которые вначале прибыли в Соединенные Штаты на законных основаниях. Например, в 2018 финансовом году в Соединенных Штатах находилось более чем 600 000 иностранцев, визы которых были просрочены³³¹. В Канаде также значительное число нелегальных мигрантов, хотя разные оценки сильно отличаются между собой и трудно установить их точное количество. Вместе с тем за двухлетний период до июня 2019 года в Канаду, как сообщается, нелегально въехали более чем 45 000 мигрантов³³².

Соединенные Штаты и Канада расселили значительное количество беженцев, став двумя крупнейшими странами переселения в мире. В 2018 году Канада расселила больше беженцев, чем Соединенные Штаты, впервые обогнав Соединенные Штаты, которые до этого удерживали мировое лидерство. Из 92 400 беженцев, переселенных в мире в 2018 году, Канада приняла около 28 000, а Соединенные Штаты - немногим менее 23 000 беженцев³³³. За последние два года количество беженцев, переселяемых в Соединенные Штаты, снизилось: так, в 2016 году Соединенные Штаты приняли почти 100 000 беженцев³³⁴. В следующем году произошло резкое сокращение их количества до 33 000 человек³³⁵. С 2016 года значительно увеличилось также количество граждан Соединенных Штатов, ходатайствующих о получении убежища в Канаде. Только в 2017 году ходатайства о получении убежища в Канаде представили более чем 2 500 граждан Соединенных Штатов³³⁶, что в шесть раз превышает количество заявлений в 2016 году и является наибольшим зарегистрированным количеством за все время публикации Министерством по вопросам иммиграции, беженцев и гражданства Канады (ИБГК) отчетов о количестве просителей убежища, начатой более двух десятилетий назад³³⁷. Большинство ходатайств о предоставлении убежища, поданных гражданами Соединенных Штатов, были представлены детьми лиц, не являющихся резидентами Соединенных Штатов³³⁸.

В Соединенных Штатах проводится более жесткая иммиграционная политика, что замедляет иммиграционный приток и гуманитарный прием. Так, в 2018 году общее количество виз, выданных

326 Krogstad, Passel и Cohn, 2019.

327 Ibid.

328 Ibid.

329 Ibid.

330 Ibid.

331 United States Department of Homeland Security, 2018.

332 Connolly, 2019.

333 УВКБ ООН, 2019а.

334 УВКБ ООН, 2018а.

335 Ibid.

336 Patriquin, 2018.

337 Ibid.

338 Ibid.

как иммигрантам, так и неиммигрантам снизилось второй год подряд³³⁹. В 2016 году было выдано более 10 млн неиммиграционных виз; к концу 2018 года их количество сократилось до немногим более 9 миллионов. Запрет на поездки в Соединенные Штаты, который впервые был введен в январе 2017 года и первоначально касался граждан Исламской Республики Иран, Ирака, Ливии, Сомали, Судана, Сирийской Арабской Республики и Йемена, способствовал сокращению числа иммигрантов и посетителей, въезжающих в Соединенные Штаты. После того, как он был оспорен в суде, в сентябре 2017 года вступил в силу пересмотренный запрет на поездки, в котором добавилось названий в списке запретных стран. Он включал Исламскую Республику Иран, Корейскую Народно-Демократическую Республику, Боливарианскую Республику Венесуэла, Чад, Йемен, Сомали и Ливию, хотя Чад был позднее изъят из списка³⁴⁰. Наиболее спорные изменения начались в июне 2018 года, когда правительство ввело в действие так называемую «политику нулевой терпимости», применяемую к мигрантам, включая семьи просителей убежища, пересекающим границу Соединенных Штатов без документов. Эта политика задумывалась как механизм сдерживания в виде наказания за нелегальное пересечение границы³⁴¹, и ее осуществление привело к разлучению более 2 600 детей с родителями³⁴², но последовавшее за этим возмущение общественности вынудило правительство быстро свернуть ее проведение. Ужесточение иммиграционной политики произошло на фоне повсеместной антииммигрантской риторики, цель которой заключалась в изображении мигрантов как представляющих угрозу и истощающих ресурсы общества Соединенных Штатов; кроме того, получили широкое распространение конспирологические теории в отношении иммиграции, создающие атмосферу недоверия и страха³⁴³. По данным опроса, проведенного в 2018 году, более половины граждан Соединенных Штатов считали, что их правительство скрывает информацию о реальной стоимости иммиграции для общества и налогоплательщиков³⁴⁴. Кроме того, недавно полученные данные свидетельствуют о том, что в 2017 году в Соединенных Штатах увеличилось число преступлений на почве ненависти, при этом многие жертвы подверглись нападениям по признакам их расы или этнического происхождения³⁴⁵.

Поскольку иммиграционная политика, проводимая на национальном уровне, стала более ограничительной, в дело вмешались «города-убежища» в Соединенных Штатах, которые предложили обеспечить защиту мигрантов без документов, чей статус создавал для них риск задержания или депортации. Хотя понятие «города-убежища» существует и в других частях мира, оно чаще всего применяется в Соединенных Штатах, где многие местные органы власти - в частности, городов, округов или штатов - открыто выступили против национального иммиграционного законодательства³⁴⁶ и приняли законы, направленные на защиту жителей, не имеющих документов³⁴⁷. В 2018 году Калифорния - самый густонаселенный штат в Соединенных Штатах и штат проживания наибольшего количества мигрантов без документов - вписала в законодательство штата положение о мерах, ограничивающих сотрудничество местных правоохранительных органов с федеральными властями в вопросах осуществления иммиграционного законодательства³⁴⁸. Действия «городов-убежищ» вызвали ответную негативную реакцию федеральных властей, включая попытки наказать местные органы власти, не выполняющие предписаний федерального иммиграционного законодательства³⁴⁹.

339 United States Department of State, n.d.

340 Chishti и Bolter, 2019.

341 OHCHR, 2018b.

342 Mittelstadt, 2018; Shapiro и Sharma, 2018.

343 Gaston и Uscinski, 2018.

344 Ibid.

345 FBI, 2018.

346 Duncan и Popp, 2017.

347 Bauder, 2016.

348 Raphelson, Hobson и Bentley, 2018.

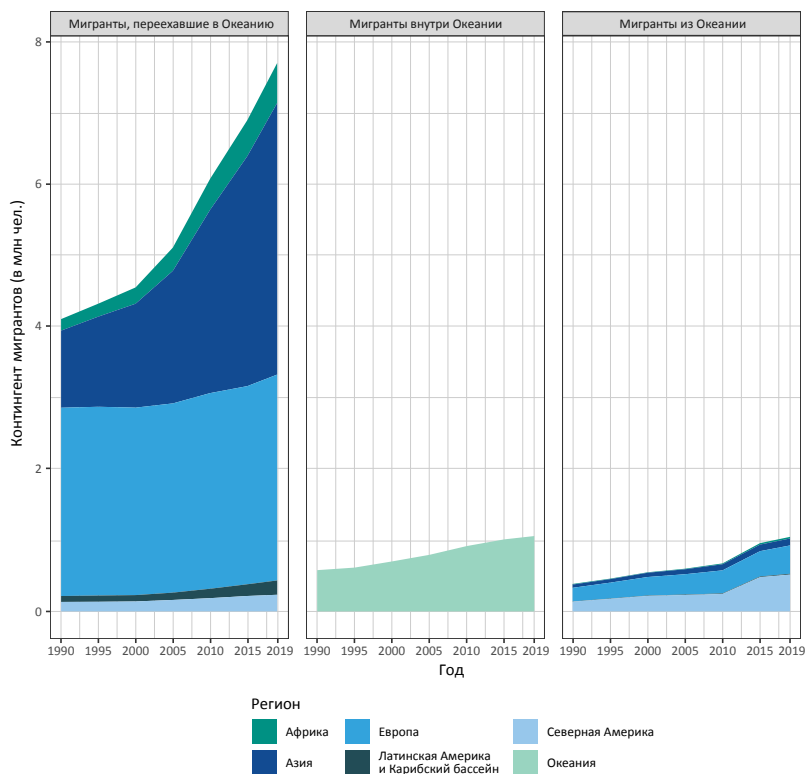
349 Chishti и Bolter, 2019.

Океания³⁵⁰

В 2019 году в регионе проживали около 7,7 млн международных мигрантов из стран за пределами Океании. Как показано на диаграмме 31, мигранты, родившиеся за рубежом, включали главным образом выходцев из Азии (49%) и Европы (38%). На протяжении последних 30 лет группа мигрантов из Азии увеличилась, а количество выходцев из Европы оставалось неизменным.

Их всех шести регионов мира Океания в 2019 году была регионом происхождения наименьшего количества выехавших из региона мигрантов, что частично отражает малую общую численность населения региона, хотя за предыдущий тридцатилетний период число его жителей увеличилось. Большинство людей, родившихся в Океании и живущих за пределами региона, обосновались в Европе и Северной Америке.

Диаграмма 31. Мигранты, переехавшие в Океанию, внутри Океании и из нее в 1990-2019 годах

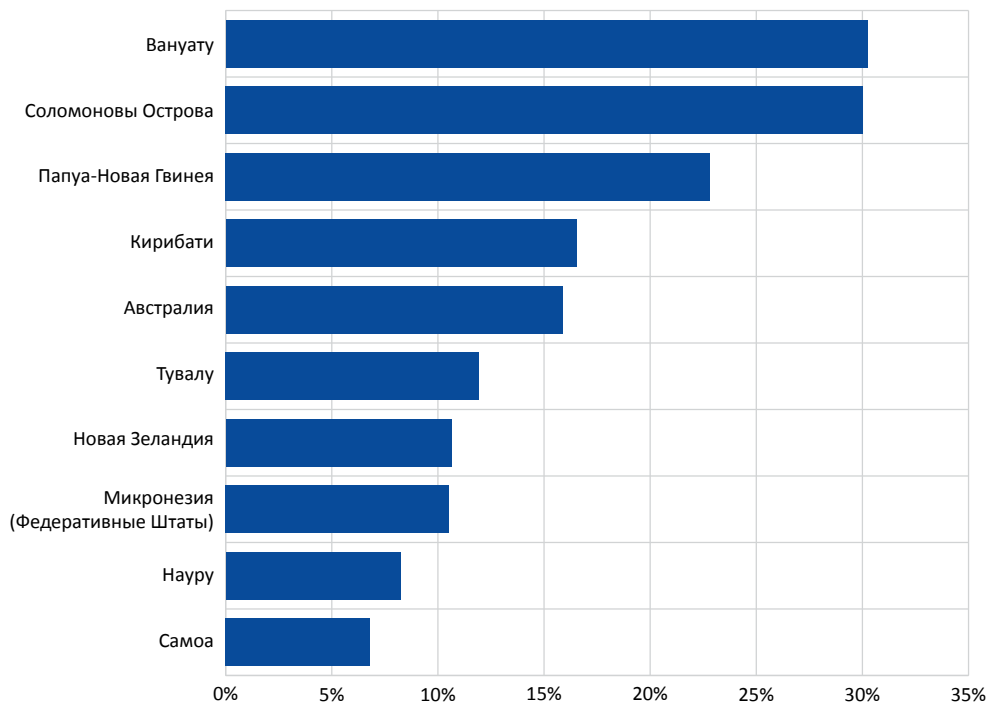
Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

Примечание: Под «мигрантами, переехавшими в Океанию» понимаются мигранты, проживающие в регионе (т.е. в Океании), которые родились в других регионах (например, Европе или Азии). «Мигранты внутри Океании» означают мигрантов, родившихся в регионе (т.е. в Океании) и проживающих за пределами страны своего рождения, но в регионе Океании. «Мигранты из Океании» означают людей, родившихся в Океании, которые проживают за пределами этого региона (например, в Европе или Азии).

350 Подробную информацию о составе региона Океании см. в добавлении А.

В нескольких странах Океании за последнее десятилетие значительно изменилась численность населения. Наибольшие изменения, как видно на диаграмме 32, произошли в Вануату и на Соломоновых Островах, где население в 2009-2019 годах увеличилось примерно на 30%. В остальных странах демографические изменения также произошли в сторону увеличения численности населения.

Диаграмма 32. Страны Океании с наибольшими пропорциональными демографическими изменениями в 2009-2019 годах

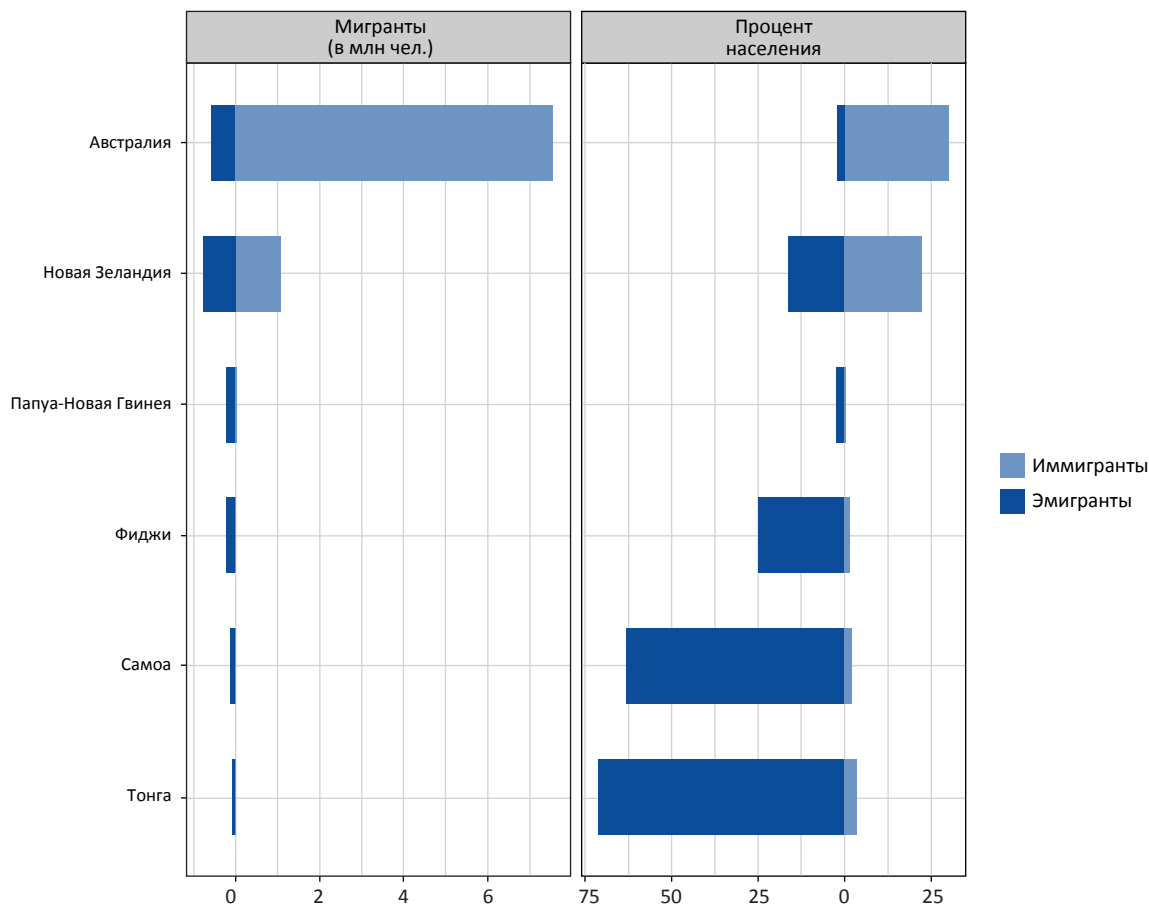

Источник: ДЭСВ ООН, 2019с.

Примечание: Важно отметить, что наибольшие пропорциональные демографические изменения в 2009-2019 годах более вероятны в странах с относительно малой численностью населения.

Подавляющее большинство международных мигрантов в Океании живут в Австралии или Новой Зеландии (диаграмма 33). Большинство стран региона характеризуются асимметричным миграционным профилем, будучи либо почти исключительно странами происхождения либо исключительно странами назначения. Например, Тонга, Самоа и Фиджи отличаются большим количеством эмигрантов в сравнении с их коренным населением и очень низкой долей в населении лиц иностранного происхождения. Их эмигранты находятся главным образом в Новой Зеландии и в меньшей степени в Австралии. В общем населении Австралии и Новой Зеландии высокая пропорциональная доля лиц, родившихся за рубежом, составляющая, соответственно, 29% и 22%.

Диаграмма 33. Миграция в странах Океании в 2019 году

Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

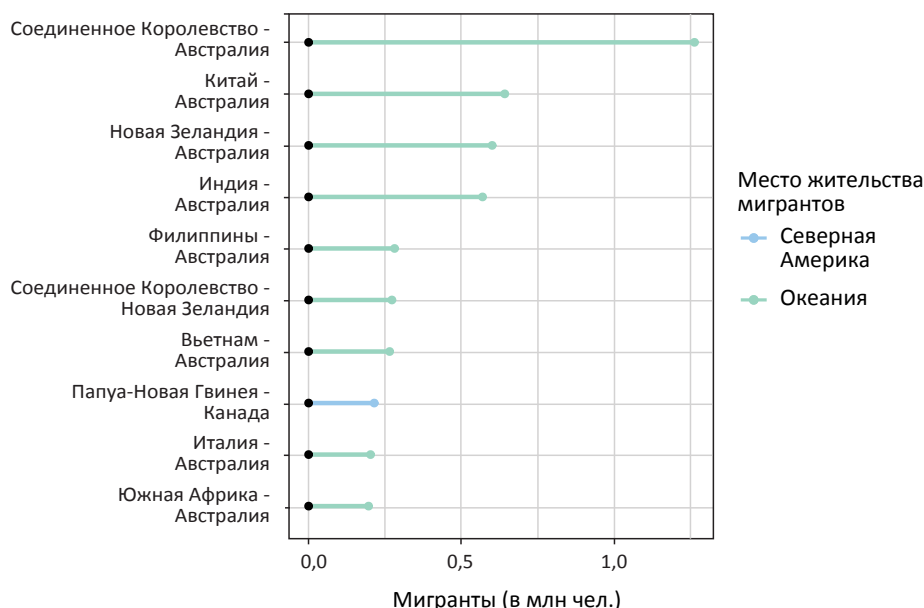
Примечание 1: Данные о численности населения, использованные для расчета процентной доли иммигрантов и эмигрантов, основаны на данных ДЭСВ ООН об общей численности постоянного населения стран, которое включает население, родившееся за рубежом.

Примечание 2: «Иммигранты» означают родившихся за рубежом мигрантов, проживающих в стране. «Эмигранты» означают людей, родившихся в стране, которые в 2019 году проживали за пределами страны своего рождения.

На диаграмме 34, где перечислены десять основных миграционных коридоров с участием стран Океании, показано накопление миграционных передвижений с течением времени и приводятся данные, позволяющие представить, каким образом определенные модели миграции привели к образованию значительных групп населения из лиц, родившихся за рубежом, в конкретных странах назначения. Восемь из десяти основных миграционных коридоров в регионе обеспечивают передвижение мигрантов в

Австралию, а крупнейший из них - мигрантов из Соединенного Королевства. По этим более активным коридорам движутся также мигранты из самых разных стран за пределами Океании, включая Китай, Индию, Вьетнам и Филиппины, многие из которых в последние десятилетия испытывали быстрый рост населения. Мигранты из Океании гораздо чаще оседают внутри региона, чем в других регионах. Например, высокая доля жителей Новой Зеландии мигрировала за рубеж, причем подавляющее большинство этих мигрантов проживает в Австралии.

Диаграмма 34. 10 главных миграционных коридоров с участием стран Океании в 2019 году

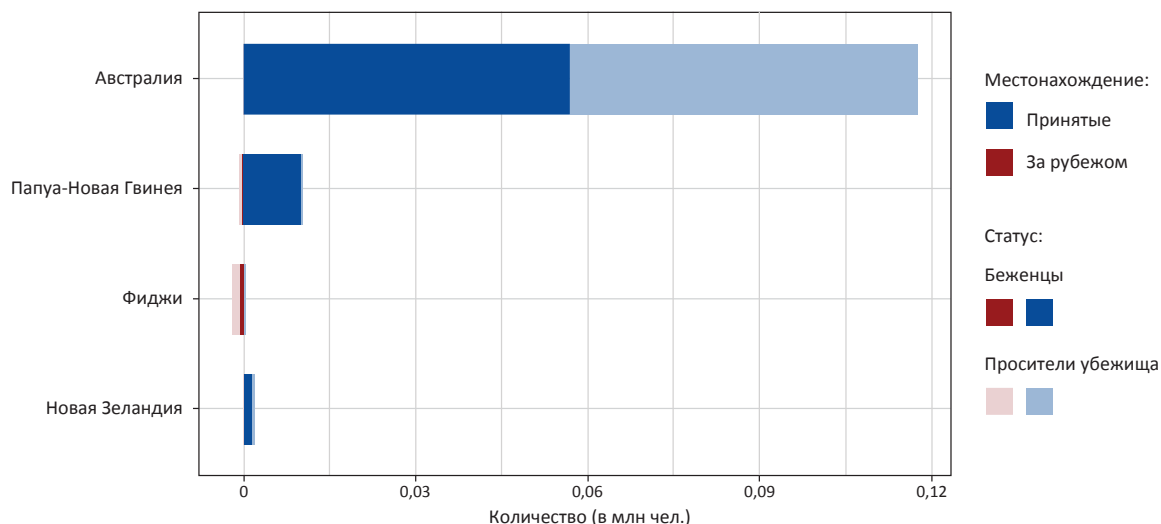

Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

Примечание: Коридоры отражают накопление миграционных перемещений с течением времени и дают представление о том, каким образом определенные модели миграции привели к образованию значительных групп населения из лиц, родившихся за рубежом, в конкретных странах назначения.

В 2018 году Океания принимала немногим более 126 000 беженцев и просителей убежища. В этом регионе принимающей страной для наибольшего количества лиц этой категории была Австралия, за которой следовали Папуа-Новая Гвинея и Новая Зеландия. Большинство беженцев в этих странах были выходцами из Азии, например, индонезийцы в Папуа-Новой Гвинее и афганцы или иранцы в Австралии. В 2018 году во всем мире было зарегистрировано около 3 000 беженцев или просителей убежища из стран, входящих в регион Океании.

Диаграмма 35. Количество беженцев и просителей убежища, для которых страны Океании являлись принимающими странами или странами происхождения, в 2018 году

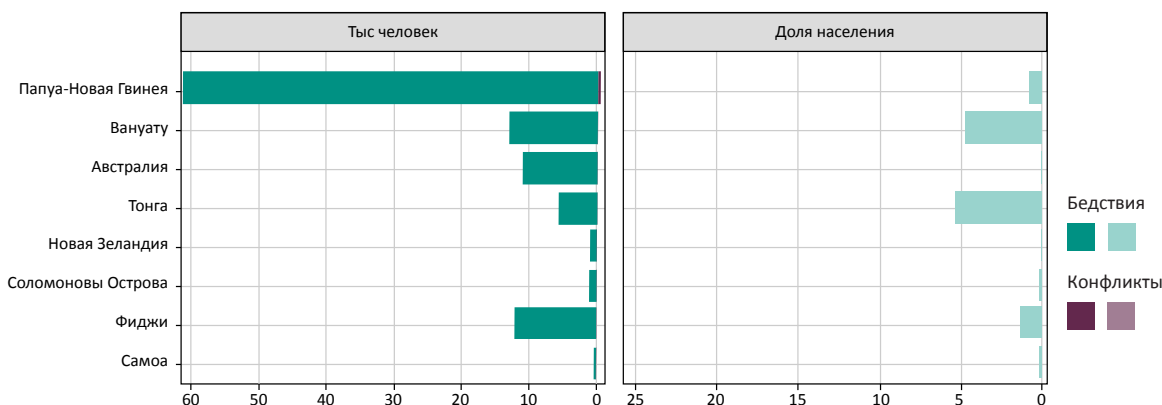

Источник: УВКБ ООН, n.d.

Примечание: Определение «принятые» относится к тем беженцам и просителям убежища из других стран, которые проживают в принимающей стране (правая часть диаграммы); «за рубежом» относится к беженцам и просителям убежища из данной страны, которые находятся за пределами страны своего происхождения. Диаграмма составлена на основе данных за 2018 год, которые рассчитываются путем суммирования беженцев и просителей убежища, прибывших в страны и выехавших из стран.

В 2018 году большинство новых внутренних перемещений в Океании были вызваны бедствиями, а не конфликтами (см. диаграмму 36). В Папуа-Новой Гвинее было зарегистрировано наибольшее число внутренних перемещений в результате бедствий (61 000), которые в значительной степени были вызваны землетрясением. Другие крупные перемещения, связанные с бедствиями, были зарегистрированы на Северных Марианских Островах (14 000), в Вануату (13 000) и Австралии (11 000). В Вануату большинство внутренних перемещений были вызваны вулканической активностью, тогда как в Австралии в большинстве перемещений, зарегистрированных в 2018 году, были виновны лесные пожары. С учетом 360 новых перемещений в результате конфликта Папуа-Новая Гвинея была единственной страной в Океании, в которой причинами перемещений были насилие и конфликт.

Диаграмма 36. Ведущие страны Океании по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2018 году

Источник: ЦНВП, n.d.; ДЭСВ ООН, 2017.

Примечание: Термин «новые перемещения» означает число передвижений в контексте перемещения, которые имели место в 2018 году, а не численность общего контингента ВПЛ, накопившегося вследствие перемещения в течение определенного времени. Данные о числе новых перемещений включают лиц, которые были перемещены более одного раза, и не соответствуют числу людей, перемещенных в течение года.

Данные о численности населения, использованные для подсчета доли новых перемещений, вызванных бедствиями и конфликтами, основаны на оценках численности общего постоянного населения стран, произведенных ДЭСВ ООН за 2017 год, а данные о процентной доле используются только в соответствующих иллюстративных целях.

Основные особенности и изменения в Океании

Ежегодная чистая миграция сократилась как в Новой Зеландии, так и в Австралии. За годовой цикл, который закончился в ноябре 2018 года, в Новой Зеландии чистая миграция составила немногим более 51 000 человек, что означало небольшое снижение по сравнению с примерно 52 000 человек в течение годового цикла, который закончился в декабре 2017 года³⁵¹. Согласно оценкам чистой внешней миграции в Австралии за годовой цикл, который закончился в июне 2018 года, количество мигрантов составило 237 200 человек, что означало снижение на 10% по сравнению с годовым циклом, который закончился в июне 2017 года³⁵². За последние годы изменились регионы происхождения прибывающих в Австралию мигрантов; с 2014 года наибольшее число иммигрантов прибыли в основном из Азии, в отличие от традиционных регионов происхождения, включая Океанию и Европу³⁵³. Так, сейчас из Южной и Центральной Азии прибывает больше мигрантов, чем из Северо-Западной Европы и Океании³⁵⁴. В 2019 году 30% населения Австралии составляли люди, родившиеся за рубежом, по сравнению с 21,3%

351 Stats, New Zealand, 2019.

352 Australian Bureau of Statistics, 2019.

353 Ibid.

354 Ibid.

в Канаде и 15,4% в Соединенных Штатах³⁵⁵. Соединенное Королевство на протяжении десятилетий неизменно было основной страной происхождения мигрантов, прибывающих в Новую Зеландию, при заметном увеличении числа азиатских мигрантов, особенно из Китая и Индии, а также значительной группы населения, состоящей из выходцев с тихоокеанских островных государств, включая Фиджи, Самоа и Тонга³⁵⁶. В 2017 году в населении Новой Зеландии на группу лиц, родившихся за рубежом, приходилось почти 23% от общего населения страны³⁵⁷. И в Австралии, и в Новой Зеландии, имеется большое количество временной рабочей силы. В 2016/2017 году Новая Зеландия выдала рабочие визы более чем 209 000 человек, то есть на 9% больше, чем в 2015/2016 году³⁵⁸. В 2016/2017 году страной происхождения наибольшего количества временных трудящихся-мигрантов в Новой Зеландии была Индия, за которой следовали Соединенное Королевство, Китай и Германия³⁵⁹. Обе страны привлекают также большое число международных студентов. С 2012 года в Австралии увеличилось количество международных студентов, достигнув в 2018 году рекордного показателя - почти 700 000 студентов³⁶⁰, тогда как в Новой Зеландии в 2016/2017 году обучалось свыше 91 000 обладателей студенческих виз, причем большинство студентов прибыли в основном из Китая и Индии³⁶¹.

И Австралия, и Новая Зеландия участвуют в переселении беженцев. Австралийская программа переселения беженцев является третьей крупнейшей в мире, в соответствии с которой в 2018 году в стране были расселены почти 13 000 беженцев³⁶². В соответствии с Австралийской гуманитарной программой в 2017 году было предусмотрено 12 000 дополнительных гуманитарных мест для людей, перемещенных в результате конфликтов в Сирийской Арабской Республике и Ираке³⁶³. В 2017/2018 году число мест, доступных по Австралийской гуманитарной программе, возросло до 16 250 мест и, как ожидается, к 2019 году будет дополнительно увеличено до 18 750 мест³⁶⁴. Политика Австралии состоит в переводе лиц, нелегально прибывших на лодках и претендующих на убежище, в зарубежные центры обработки иммиграционных дел, расположенные на острове Манус в Папуа-Новой Гвинее и в Науру³⁶⁵. В июле 2013 года Австралия также объявила, что все лица, прибывающие на лодках и нуждающиеся в международной защите, не будут переселены в Австралию³⁶⁶. В рамках двусторонней договоренности о переселении, заключенной в 2016 году между Соединенными Штатами и Австралией, Соединенные Штаты согласились расселить у себя 1 200 беженцев из Науру и с острова Манус в Папуа-Новой Гвинее³⁶⁷. К началу 2019 года лишь около 500 беженцев из этих зарубежных центров обработки иммиграционных дел были переселены в Соединенные Штаты по этой договоренности³⁶⁸. В то же время около 1 000 лиц, переведенных на остров Манус и в Науру, остаются там, причем некоторые из них испытывают серьезные проблемы с физическим

355 ДЭСВ ООН, 2019а.

356 Ibid.

357 Ibid.

358 New Zealand Ministry of Business, Innovation and Employment, 2018.

359 Ibid.

360 Australian Department of Education and Training, 2018.

361 New Zealand Ministry of Business, Innovation and Employment, 2018.

362 УВКБ ООН, 2019а.

363 Australian Department of Social Services, 2019.

364 Ibid.

365 Refugee Council of Australia, 2017.

366 Ibid.

367 Andrew and Renata Kaldor Centre for International Refugee Law, 2019.

368 Davidson, 2019.

и психическим здоровьем³⁶⁹. Новая Зеландия также является страной переселения беженцев, ежегодно расселяя 1 000 беженцев в соответствии со своей Программой по беженской квоте³⁷⁰. Это также включает 250 мест, специально выделенных для сирийских беженцев в 2016/2017 и в 2017/2018 годах³⁷¹. Кроме того, Новая Зеландия установила дополнительную квоту в 300 мест ежегодно, которая позволяет членам расширенных семей беженцев в Новой Зеландии подавать заявление для получения постоянного вида на жительство³⁷².

Экономические проблемы влияют на эмиграцию из тихоокеанских островных государств. Многие тихоокеанские острова продолжают испытывать постоянные проблемы, связанные с бедностью и неравенством. Экономическому росту островов мешают также их отдаленность или огромные расстояния между ними и крупными рынками, ограниченные природные ресурсы или узконаправленная экономика³⁷³. Кроме того, в субрегионе ощущается значительный эффект «молодежного бугра», когда, например, 70% населения Соломоновых Островов моложе возраста 34 лет³⁷⁴. Это приводит к тому, что большое число молодых людей борется с безработицей, что обуславливает высокую степень трудовой эмиграции. С 2007 года схемы сезонной трудовой миграции способствовали урегулированию нехватки работы на тихоокеанских островах, а в 2012 году начали действовать новозеландская Схема зарегистрированных сезонных работодателей и австралийская Программа сезонных рабочих, призванные удовлетворять потребности в рабочей силе, в основном в садоводческой и виноградарской отраслях³⁷⁵. В сезон 2017/2018 года в соответствии с новозеландской Схемой зарегистрированных сезонных работодателей визы получили свыше 9 600 трудящихся с тихоокеанских островов и в тот же сезон - свыше 8 000 трудящихся в соответствии с австралийской Программой сезонных рабочих³⁷⁶. В 2018 году была создана новая схема привлечения рабочей силы - Схема тихоокеанской рабочей силы (СТР), предназначенная для заполнения вакантных рабочих мест, требующих низкой и средней квалификации, как в сельских районах, так и по квотам регионов Австралии³⁷⁷. Важно отметить, что, хотя Австралия и Новая Зеландия остаются основными странами назначения для трудовых мигрантов с тихоокеанских островов, трудовая эмиграция с этих островов диверсифицируется: например, фиджийцы и тонганцы все чаще отправляются в такие страны, как Япония³⁷⁸.

Экологические изменения и деградация также входят в диапазон факторов, под влиянием которых мигрируют многие жители тихоокеанских островов. Тихоокеанский регион чрезвычайно уязвим перед опасными природными явлениями, некоторые из которых связаны с изменением климата. Степень уязвимости перед изменением климата и сопутствующие миграция, перемещения и плановые переселения являются разными для различных тихоокеанских островных стран и территорий. Половина населения Кирибати и Тувалу живет в переполненных городских районах на атоллах, состоящих из узких коралловых полос, с ограниченным доступом к воде и земле³⁷⁹. Постепенное повышение уровня моря, подтопление солеными водами и засухи входят в число важных

369 УВКБ ООН, 2019е.

370 New Zealand Immigration, n.d.

371 УВКБ ООН, 2018b.

372 Ibid.

373 Всемирным банком, 2019b.

374 Vanderwey, 2019.

375 МОТ, 2019.

376 Ibid.

377 Australian Department of Foreign Affairs and Trade, 2019.

378 Ibid.

379 Curtain et al., 2016.

факторов, влияющих на решение людей мигрировать как внутри региона, так и за его пределы³⁸⁰. В этом контексте все больше обсуждается также необходимость планового переселения групп и общин³⁸¹. Например, Кирибати как одно из наиболее уязвимых государств в плане последствий изменения климата в качестве долгосрочной меры адаптации продвигает политику «миграции с достоинством»³⁸². Эта политика направлена на облегчение как постоянной, так и временной трудовой миграции на добровольной основе в качестве средства, позволяющего справиться с последствиями изменения климата³⁸³. Тем временем правительство Фиджи переселяет людей из ряда прибрежных деревень, которые были определены как весьма уязвимые перед воздействием экологических изменений и деградации³⁸⁴.

Заключение

В этой главе представлен широкий спектр статистических данных и информации в целях региональных обзоров международной миграции во всех частях мира с упором на изменения, происшедшие в 2017 и 2018 календарных годах (и с использованием материалов, опубликованных до конца июня 2019 года). В главе освещается положение в шести обширных регионах мира (Африка, Азия, Европа, Латинская Америка и Карибский бассейн, Северная Америка и Океания) и рассматриваются основные проблемы, а также последние изменения на субрегиональном уровне.

В целом - и как свидетельствуют представленные графики с данными на региональном уровне - у миграции и перемещения существуют четкие географические аспекты. Беглое ознакомление с диаграммами, приведенными в главе, наглядно показывает значительные различия в моделях миграции, существующие между регионами: миграция в Африке является преимущественно внутрирегиональной (из одной африканской страны в другую), а также происходит в другие регионы мира (из африканских в неафриканские страны), тогда как в Латинской Америке и Карибском бассейне в миграции доминирует эмиграция в другие регионы мира, особенно в Северную Америку, а внутрирегиональная миграция играет более ограниченную роль.

Добавление в этом издании *Доклада о миграции* в мире двух региональных графиков - одного по демографическим изменениям в течение десятилетия и второго по новым внутренним перемещениям в 2018 году - обнаруживает и обосновывает некоторую интересную динамику на региональном уровне. Например, мы можем видеть, что, хотя самые значительные пропорциональные демографические изменения за последнее десятилетие происходили в основном в сторону роста, в некоторых частях Европы отмечалось существенное снижение численности населения; это - исключительное явление для всего мира, поскольку ни в одном другом регионе не наблюдаются такие результаты. Любопытная аномалия демографического упадка, долгосрочные тенденции эмиграции, стареющее население и враждебность к иммиграции затрагивают целый ряд стратегических политических вопросов, которые, вероятно, будут стоять перед некоторыми европейскими странами в предстоящие годы. В то же время демографические проблемы урегулируются в других частях мира, включая ряд североазиатских стран,

380 ESCAP, 2015.

381 В отношении ряда источников по теме планового переселения см., например, Georgetown University, n.d.

382 Farbotko, 2018; Curtain и Dornan, 2019.

383 Ibid.

384 Ibid.

которые переоценивают свои подходы к иммиграции, уделяя пристальное внимание рынкам труда, удовлетворению основных профессиональных и секторальных потребностей и более тщательной подготовке к старению населения. Добавление графиков новых внутренних перемещений позволяет выявить резкие различия между связанным с конфликтами перемещением и перемещением в результате бедствий в разных частях мира при очевидности больших вариаций на региональном уровне.

На субрегиональном уровне мы можем видеть, что основные особенности могут в значительной степени сохраняться неизменными из года в год, когда из изменений заметен лишь небольшой количественный прирост. Однако при рассмотрении последних изменений мы обнаруживаем существенные изменения, происходящие в некоторых районах мира. Эти изменения отчасти объясняются такими значительными миграционными «событиями», как широкомасштабный отток населения из Боливарианской Республики Венесуэла или массовое перемещение беженцев из числа рохинджа из Мьянмы. Мы также наблюдаем изменения в регулировании миграции в результате происходящих в субрегионах сдвигов в миграционных моделях и лежащих в их основе демографических изменений. Например, в Северной Азии Китай учредил свое первое иммиграционное агентство, сконцентрировав функции целого ряда учреждений в одном консолидированном органе. Тем временем Республика Корея испытывает неведомую ранее волну прибытия просителей убежища с Ближнего Востока, породившую интенсивную публичную дискуссию о соответствующих вопросах политики.

Региональные различия и сложности, как и последние изменения, обеспечивают важный ракурс для понимания миграции. Мы читаем и слышим о миграции с национальной точки зрения столь часто, что в последнее время она, как правило, изображается в качестве критической (негативной) внутренней проблемы. Но этот доминирующий фокус может маскировать действительность, состоящую в том, что миграционные модели и процессы очень тесно привязаны к географии и что основные региональные особенности, сформировавшиеся в течение десятилетий, если не столетий, продолжают играть центральную роль в том, как и где люди мигрируют в международном масштабе. Более полное признание региональных и субрегиональных миграционных моделей, вариаций и сложностей может способствовать формулированию стратегических и устойчивых политических решений.

4

ИССЛЕДОВАНИЯ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ВОПРОСАМ МИГРАЦИИ: РОСТ, ОХВАТ И ПОСЛЕДНИЕ ПУБЛИКАЦИИ

Введение

В своей простейшей форме государственная политика определяется как «все, что правительство решает делать или не делать»¹. Разработка политики предполагает деятельность в виде создания правил, законов, процедур, программ, руководящих принципов и других форм регулирования. Но как государства решают, что следует регулировать и что должно входить в эти предписания? Вопросы параметров политики выходят за рамки политических систем, хотя процессы разработки политики варьируются в системах разных типов². Для разработки политики используются такие «сырьевые компоненты», как фактические данные (статистические и другие данные, исследования и оценки), а также финансирование, потенциал государственного сектора и политическая динамика³. Для разработки политики в области миграции важны все компоненты; вместе с тем в последние годы мы отмечаем усиление упора на политическую динамику, иногда невзирая на существующую фактологическую базу или вопреки ей. Таким образом, ясно, что одних сырьевых компонентов недостаточно для разработки фактологически обоснованной политики, но требуются следующие условия⁴:

1. Наличие фактических данных и их доступность для разработчиков политики.
2. Мотивация разработчиков политики к использованию фактических данных.
3. Способность разработчиков политики использовать фактические данные.
4. Существование таких отношений между разработчиками политики и директивными органами, которые способствуют актуализации и использованию фактических данных.

Эта глава об исследованиях и анализе миграции фокусируется на первом пункте из вышеуказанных, поскольку без статистических и других данных и без исследований по вопросам миграции любые попытки фактологически обоснованного принятия решений окажутся бесполезными. Основным источником и отправным пунктом для разработчиков политики в области миграции являются фактические данные, позволяющие формировать такую политику, которые получены на основе скрупулезного анализа и исследований по вопросам миграции. Это также имеет основополагающее значение для специалистов-практиков в области миграции, учащихся, ученых и общественности, исследующих различные аспекты миграции и механизмы их изменений. Для многих ключевая проблема заключается в том, как определить *актуальность* и *качество* постоянно растущего объема исследований и аналитических материалов по

1 Dye, 1972.

2 Acemoglu and Robinson 2000; Duckett и Wang, 2017.

3 Hewlett Foundation, 2018.

4 Ibid.

вопросам миграции. Когда сталкиваешься буквально с горами результатов исследований, зачастую самое главное - это определить, что является важным и чему следует придавать вес. Эта глава предназначена в особенности для тех, кто может извлечь пользу из некоторых общих указаний по этому вопросу. В ней представлен обзор исследований и аналитических материалов по вопросам миграции, которые готовятся и публикуются целым рядом сторон - в частности, учеными-теоретиками, правительствами и межправительственными и неправительственными организациями. Она опирается на основополагающую главу с таким же названием в *Докладе о миграции в мире 2018 года*⁵. Понимание разнообразия, характера и особенностей разных видов исследований и аналитических материалов по вопросам миграции имеет важное значение для тех, кто работает над вопросами политики в области миграции, изучает миграцию или стремится выработать осознанное мнение относительно миграции.

Прежде всего важно подчеркнуть, что существуют фундаментальные различия между процессами публикации академических и неакадемических материалов, и у каждого из них есть свои сильные и слабые стороны. Академическая издательская система в значительной степени ориентирована на издание журнальных статей и книг. Этот процесс обычно включает многие этапы рецензирования и подготовки редакционных комментариев с участием авторов, редакторов и рецензентов. Большая часть опубликованных академических исследований («белая» литература) размещаются на платных платформах (то есть не в свободном доступе), и ими часто распоряжаются коммерческие издатели. В отличие от этого выпуск публикаций по исследованиям и анализу вне академических изданий («серая» литература), как правило, подразумевает более быстрые и простые процессы, которые обычно, хотя и не всегда, характеризуются более ограниченным научным рецензированием. Материалы серой литературы (в частности, доклады об исследованиях, рабочие документы и правительственные/официальные документы), как правило, находятся в свободном доступе. Доклад, подобный настоящему, который призван внести вклад в наше общее понимание миграции и мобильности во все более взаимосвязанном мире, конечно же, был бы неполным без описания роли серой литературы, которая была «признана в качестве одного из основных источников фактических данных, аргументов, инноваций и понимания»⁶.

С учетом объема, разнообразия и прироста как белой, так и серой литературы невозможно сделать систематический обзор всех материалов по вопросам миграции, подготовленных и опубликованных в 2017 и 2018 годах. Вместо этого в настоящей главе приводятся примеры основных публикаций, выпущенных за этот период, которые были изданы на английском языке в подборке академических журналов и межправительственными организациями. В ней обновляется информация, содержащаяся в соответствующей главе *Доклада о миграции в мире 2018 года*, включая уделение основного внимания различным академическим журналам и межправительственным организациям, а также их основным материалам в 2017 и 2018 годах⁷. В следующем разделе представлен обзор различных сторон, участвующих в исследовании и анализе миграции. В третьем разделе описаны последние избранные публикации академических и межправительственных организаций, а также распространение и воздействие некоторых из опубликованных материалов, посвященных вопросам миграции.

5 Эта тема впервые появилась в *Докладе о миграции в мире 2018 года* (МОМ, 2017е) и будет повторяться в будущих изданиях.

6 GreyNet International, 2014.

7 Для обеспечения в максимально возможной степени представления в этой главе всеобъемлющего «самостоятельного» обзора исследований и аналитических материалов по вопросам миграции в 2017 и 2018 годах мы воспроизвели основную справочную и контекстуальную информацию, содержащуюся в *Докладе о миграции в мире 2018 года* (глава 4).

Основные авторы исследований и аналитических материалов по вопросам миграции

Академическое сообщество

В идеале исследователи создают новые знания, которые подтверждаются убедительными доказательствами и полезны для других. Результаты исследований готовятся и распространяются среди различных целевых аудиторий. Традиционная академическая работа может быть высокотехничной и узконаправленной, хотя академическим исследователям все чаще предлагается распространять свои труды вне академических сфер⁸. Исследователи, анализирующие политически актуальные вопросы, зачастую стремятся взаимодействовать с разработчиками политики для передачи знаний, которые могут обеспечивать осознанные политические дискуссии и способствовать формированию процесса разработки политики, что особенно верно в случае миграции. Чаще всего эффективный вклад исследований, предназначенный для политических аудиторий, обретает форму кратких документов и статей в блогах, а также рабочих совещаний по вопросам политики и интерактивных совещаний экспертов.

В академической среде основной упор делается на издательскую деятельность, и некоторые ее формы (такие как академические журналы) пользуются гораздо большим авторитетом и влиянием, чем другие. Основным преимуществом академических публикаций является тот факт, что они, как правило, рецензируются экспертами в данной области, что обычно способствует повышению их качества. Однако все больше издательских центров отличаются широким спектром стандартов научного рецензирования. Можно утверждать, что одним из недостатков академических исследований является то, что необходимость публикации их результатов в последние годы способствовала значительному увеличению выпуска академической продукции - и не всегда высокого качества. В добавлении А приводится краткая информация об академическом издательском деле, включая подробные сведения о процессах рецензирования, правилах цитирования и оценках воздействия.

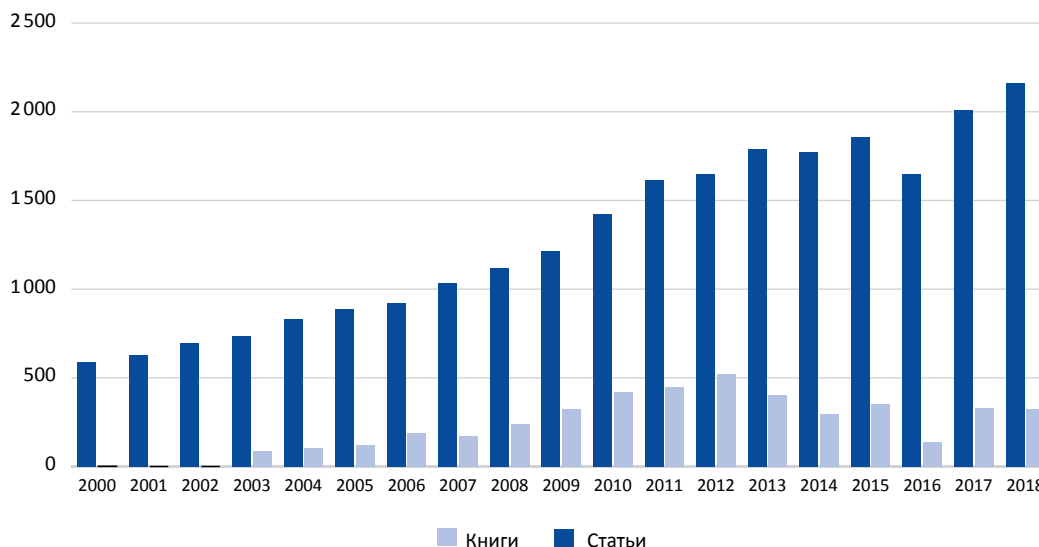
Среди многих тысяч журналов, которые выпускаются в настоящее время и охватывают все дисциплины, темы и сферы исследований⁹, мы выявили свыше 130 журналов по вопросам миграции, публикуемых на английском, французском и испанском языках, перечень которых содержится на посвященной исследованиям странице веб-сайта МОМ в качестве ресурса для студентов и других исследователей миграции (www.iom.int/migration-research). Основные академические издатели публикуют материалы на английском языке, что является преимуществом с точки зрения стандартизации материалов, но недостатком с точки зрения исключения тех, кто не может представлять рукописи с приемлемым уровнем английского текста.

Последние академические публикации по вопросам миграции состоят в основном из журнальных статей (см. диаграмму 1). Анализ долгосрочной тенденции показывает постепенное увеличение числа академических публикаций по вопросам миграции, что, вероятно, связано как с общим расширением выпуска академической литературы, так и с растущей актуальностью миграционных исследований.

8 McAuliffe, 2016.

9 Ware и Mabe, 2015.

Диаграмма 1. Число академических публикаций на темы «иммиграции» ИЛИ «эмиграции»

Источник: «Скопус», имеется по адресу www.scopus.com (дата доступа: 18 июня 2019 года).

Примечание: Если искать только термин «миграция», результаты показывают цифру, которая больше в десять раз. Однако они охватывают использование термина «миграция» в дисциплинах, не имеющих отношения к настоящему исследованию, таких как информатика (миграция данных), биология (миграция клеток), зоология (миграция птиц или рыбы) и тому подобное. Используя расширенный поиск в «Скопусе», мы исключили такие тематические области, как химия, физика, астрономия, нейробиология и т.д.

Правительства

Исторически самыми первыми источниками информации о международной миграции были административные данные государственных органов о лицах, въезжающих на территорию страны и/или покидающих ее¹⁰. Однако самая ранняя научная работа по миграции в современную эпоху была посвящена динамике внутренней миграции, изученной на основе данных национальной переписи, собранных властями Соединенного Королевства¹¹. До настоящего времени данные, собираемые в ходе переписи населения, регистрации населения, репрезентативных обследований и из других официальных статистических источников, часто составляют основу для баз данных, касающихся миграции. Центральное значение данных по миграции в контексте государственного управления признается, например, Фондом развития МОМ, который поддерживает (среди прочего) укрепление потенциала государств-членов в области статистики миграции.

Помимо сбора, администрирования и представления статистических данных, некоторые правительства также вносят существенный вклад в пополнение информации о миграции, особенно в форме связанных с политикой материалов, таких как оценки, исследования и дискуссионные документы. Они могут также

¹⁰ Poulain, Perrin и Singleton, 2006.

¹¹ Ravenstein, 1885.

поручать проведение исследований партнерам в академической среде, специалистам по прикладным исследованиям, межправительственным организациям и аналитическим центрам. Растущая актуальность тематики миграции подтолкнула правительства к прямому финансированию эмпирической работы (вместо косвенного финансирования через национальные научно-исследовательские советы, фонды или грантовые учреждения), что открывает новые области для исследований и расширяет масштабы миграционных исследований¹². Это вызвало определенную критику в связи с тем, что исследования, проводимые по поручению правительств, чрезмерно сконцентрированы на политических вопросах и подчас предлагают «упрощенные краткосрочные решения сложных долгосрочных социальных проблем»¹³, или в связи с тем, что исследователи используются для легитимизации иммиграционной политики¹⁴. Хотя это действительно может вызывать озабоченность, особенно в случае заказных исследований, правительства продолжают значительное (если не самое существенное) финансирование академических исследований во многих странах, включая научные исследования в области миграции. Однако существуют разные способы финансирования и поддержки исследований, о чем свидетельствуют некоторые примеры, приведенные в таблице 1.

Существуют определенные доказательства того, что в более общем плане исследователи проблем, связанных с политикой, испытывают на себе давление в плане «получения политически полезных результатов»¹⁵. Разумеется, вопросы, рассматриваемые в специальных миграционных исследованиях по поручению правительства, могут широко варьироваться и зависят от роли страны в миграционных процессах¹⁶. В равной степени признается, что чрезвычайно важное значение имеют также исследования, *не имеющие отношения* к политике, особенно те миграционные исследования, которые выходят за политические рамки предмета исследования и направлены на изучение менее очевидных аспектов миграции¹⁷. Важно также отметить, что исследования по поручению правительств могут обеспечивать полезное и пристальное изучение миграции, особенно в партнерстве с академическими и другими исследователями, которые способны привнести различные точки зрения, знания и аналитические подходы в рассмотрение сложных, многогранных проблем миграции, в том числе с использованием административных данных, которые в противном случае могут оказаться недоступными.

12 Castles, 2010.

13 Ibid.

14 Boswell, 2008.

15 The LSE GV314 Group, 2014.

16 Iredale et al., 2001.

17 Bakewell, 2008.

Таблица 1. Примеры государственного финансирования миграционных исследований

Субъект	Описание
Совет по развитию социологических исследований в Африке	Финансируется многими донорами и занимается проведением социологических исследований в Африке, в том числе по вопросам взаимосвязи между миграцией и урбанизацией (см. www.codesria.org/spip.php?rubrique193).
Горизонт-2020 (Европейский союз)	До настоящего времени крупнейшая исследовательская платформа, изучающая воздействие миграции и интеграции, а также вопросы миграции и развития (см. https://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/what-horizon-2020).
Индийский центр по миграции	Финансируется Министерством иностранных дел и проводит исследования по вопросам международной миграции в целях информационной поддержки разработки политики, в том числе в области международной трудовой миграции индийцев (см. https://mea.gov.in/icm.htm).
Программа исследований по вопросам нелегальной миграции и пограничного контроля (Австралия)	Проведение актуальных с политической точки зрения исследований по вопросам комплексной динамики и движущих сил нелегальной миграции и проблем в области управления границами (см. www.homeaffairs.gov.au/research-and-statistics/research/irregular-migration).
Аналитическая программа Совета по социологическим и гуманитарным исследованиям (Канада)	Федеральная программа финансирования исследований для поддержки научно-исследовательской деятельности, способствующей повышению осведомленности населения, обществ и мира, в том числе по вопросам миграции (см. www.sshrc-crsh.gc.ca/funding-financement/umbrella_programme_programme_cadre/insight-savoir-eng.aspx).
Швейцарская сеть международных исследований	Финансирование проведения в Швейцарии междисциплинарных академических исследований по темам, имеющим транснациональную значимость, включая миграцию (см. https://snis.ch/).
Научно-исследовательское и инновационное агентство Соединенного Королевства	Финансовая поддержка широкого диапазона научных исследований и инноваций, в частности по линии Фонда для исследований на темы глобальных вызовов - фонда в размере 1,5 млрд фунтов стерлингов, предназначенного для поощрения исследований на темы вызовов, стоящих перед развивающимися странами, включая миграцию (см. www.ukri.org/research/).

Примечание: Все гиперссылки действовали на момент подготовки публикации.

Аналитические центры и правительства

Роль аналитических центров в обосновании политики в области миграции привлекает все большее внимание политических кругов и научной общественности. В качестве основных авторов работ, составляющих серую литературу, а также в период, характеризующийся повышением состоятельности предлагаемых правительствам рекомендаций по вопросам политики, аналитические центры стали важными источниками информации и аналитических материалов, касающихся миграции. Рост авторитетности аналитических центров, работающих над вопросами миграции, был выражен в количественных показателях в *Докладе о миграции в мире 2018 года*.

Аналитические центры часто ассоциируются с правительствами, поскольку многие из них, помимо других причин, стремятся объединять научное и политическое сообщества с помощью целого ряда таких мероприятий, как диалоги, семинары и закрытые совещания, проводимые по правилу Чатем-Хауса. Кроме того, аналитические центры могут проводить исследования и представлять их результаты правительствам в виде аналитических брифингов (в опубликованной и неопубликованной форме). В большинстве случаев аналитические центры действуют в качестве организаторов передачи политических знаний, научно-исследовательских центров и инкубаторов новых идей, в том числе путем предоставления консультативных услуг правительствам и гражданскому обществу, проведения учебных мероприятий, публикации докладов об исследованиях, сотрудничества со средствами массовой информации и проведения информационно-пропагандистской работы^a. Многие аналитические центры делают высококачественную работу и тем самым играют важную роль в получении и распространении новых данных и информации о миграции^b. Однако не все аналитические центры работают одинаково; одни из них независимы и не полагаются на государственное финансирование, тогда как другие могут действовать в рамках более широких функций и полномочий государственных органов.

Хотя аналитические центры зачастую называют себя экспертами, предоставляющими основанную на фактологических данных информацию и аналитические материалы, некоторые из них руководствуются политическими идеологиями и повестками дня^c. Часть из них работают непосредственно на правительства или конкретные политические партии и поддерживают с ними тесные связи как консультанты или помогают им в разработке законодательства, направленного на реформирование повесток дня в области иммиграции^d. Политизация некоторых аналитических центров может приводить к появлению искаженной и идеологически мотивированной информации^e. Существует угроза популяризации некоторыми аналитическими центрами антииммиграционных нарративов и ограничительной иммиграционной политики среди широких аудиторий, особенно в тех случаях, когда подготовленные ими материалы впоследствии транслируются в новостях и других средствах массовой информации^f.

a Rich, 2004.

b Carling, 2016.

c Troy, 2012.

d Rojc, 2017; FAIR, 2017; Lopez, 2016.

e Langerak, 2010; Woods и Manning, 2015.

f Ellis, 2017.

Межправительственные организации

Межправительственные организации, выступая в роли издателей и институциональных авторов, вносят конкретный вклад в исследования в области миграции. В некоторых обстоятельствах такие организации могут служить единственным источником информации, и поэтому в академической литературе часто встречаются многочисленные ссылки на публикации межправительственных организаций. Например, в изданных на коммерческой основе научных трудах или статьях, посвященных каким-либо аспектам международной миграции или перемещения, обычно содержатся ссылки на материалы Департамента Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН), Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН), МОМ, Международной организации труда (МОТ), Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (УВКПЧ), Детского фонда Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН), Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) и/или Всемирного банка и других организаций. В научных публикациях отмечается, что в настоящее время межправительственные организации входят в число основных источников информации о миграции, что в более широком смысле отражает растущий интерес к проблеме миграции¹⁸.

Несмотря на возможные различия в определениях международных организаций, следует отметить, что Дэвис и Вудвард определяют этот термин следующим образом: «официальные постоянные структуры, учреждаемые авторитетным документом о соглашении между членами (в том числе двумя или несколькими суверенными государствами), или существующие международные организации, через которые их члены преследуют свой общий интерес»¹⁹. Начиная с первой половины прошлого столетия межправительственные организации прибавили в количестве, разнообразии и влиянии²⁰ настолько, что систематическое рассмотрение вклада таких организаций в проблематику миграции выходило бы далеко за пределы сферы охвата этой главы. В настоящей главе основное внимание уделяется *глобальным* участникам исследований в рамках системы Организации Объединенных Наций - ДЭСВ ООН, УВКБ, МОМ, МОТ, УВКПЧ, ЮНИСЕФ, УНП ООН, ПРООН, ЮНЕСКО и Всемирному банку, - что никоим образом не умаляет работу других организаций, включая действующих на региональном или национальном уровне²¹. В качестве программ или структур главных органов Организации Объединенных Наций или полуавтономных, специализированных или смежных учреждений все межправительственные организации, рассматриваемые в этой главе, имеют глобальный охват, доступ к материалам и экспертному потенциалу различных заинтересованных сторон и в некоторых случаях осуществляют глобальные операции, что позволяет им формировать дискурс и практику в области миграции и мобильности.

18 См. например, Mason, 1999; Pécoud, 2015.

19 Davies и Woodward, 2014.

20 Ibid.

21 Другие организации - в частности, Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО), Программа Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (ООН-Хабитат), Управление Организации Объединенных Наций по координации гуманитарных вопросов (УКГВ ООН), Структура Организации Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства и расширению прав и возможностей женщин («ООН-женщины»), Международный валютный фонд (МВФ) и Международный комитет Красного Креста (МККК) - также публикуют материалы о разных аспектах миграции в соответствии с тематическими приоритетами их соответствующих мандатов. В будущих изданиях *Доклада о миграции в мире* предполагается осветить определенную часть растущего объема работы неформальных и неформальных международных неправительственных организаций, которая выходит за пределы сферы охвата этой главы.

Мандаты, задачи или полномочия некоторых организаций (таких как МОМ и УВКБ) фокусируются на конкретных формах миграции или перемещения, тогда как другие выполняют обязанности, связанные с конкретными аспектами или группами людей: ДЭСВ ООН в отношении данных; МОТ - трудящихся-мигрантов; УВКПЧ - прав мигрантов; ЮНИСЕФ - детей-мигрантов; УНП ООН - аспектов транснациональной преступности (таких как торговля людьми и незаконный провоз мигрантов); ПРООН - мигрантов и развития; ЮНЕСКО - образовательных, научных и культурных аспектов миграции; и Всемирным банком - экономических последствий миграции. Их различные мандаты позволяют таким межправительственным организациям собирать значительные объемы данных и/или получать доступ к данным, собранным государствами. Многие из этих организаций также созывают диалоги и конференции по вопросам миграции и мобильности и готовят доклады об их работе, помимо подготовки и публикации справочных, технических, оперативных, обновляемых и программных исследований и аналитических материалов, в том числе посвященных глобальным статистическим данным. Как и другие издатели, межправительственные организации не освобождаются от критики в отношении качества, сроков и определения повесток дня. Однако очевидно также признание их ответственности за подготовку выверенных и надежных данных и исследований. Например, межправительственные организации повседневно работают в сотрудничестве с ведущими аналитиками и исследователями миграционных данных и тем самым опираются на их чрезвычайно важный опыт и экспертный потенциал.

Учитывая междисциплинарный характер миграции, исследования по этой тематике часто проводятся совместно с межправительственными организациями. Многие публикации были выпущены под эгидой Глобальной группы по миграции (ГГМ), которая до ее преобразования в конце 2018 года в Сеть Организации Объединенных Наций по вопросам миграции уже насчитывала в своем членском составе 22 учреждения, работающих над вопросами миграции²². Важность совместных исследований по миграции недавно отмечалась в докладе Объединенной инспекционной группы (ОИГ) Организации Объединенных Наций «Повышение эффективности использования результатов исследований по вопросам политики в контексте Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», опубликованном в 2018 году²³. Хотя в этом докладе освещается более широкая тема исследований по вопросам политики в рамках системы Организации Объединенных Наций, в нем содержится рассмотрение конкретного изучения миграции, в котором идет речь о сотрудничестве в деле проведения исследований по вопросам миграции между 14 представленными в ОИГ организациями, а также МОМ (см. текстовую вставку ниже).

Совместные исследования по вопросам миграции в системе Организации Объединенных Наций

Выдержка из доклада ОИГ «Повышение эффективности использования результатов исследований по вопросам политики в контексте Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»^a

...инспектор [нарисовал] картину межучрежденческой исследовательской деятельности [по вопросам миграции]. Для этого организациям был задан конкретный вопрос о сотрудничестве

22 Рассмотрение деятельности ГГМ и Сети Организации Объединенных Наций по вопросам миграции содержится в главе 11 этого доклада, посвященной глобальному регулированию миграции.

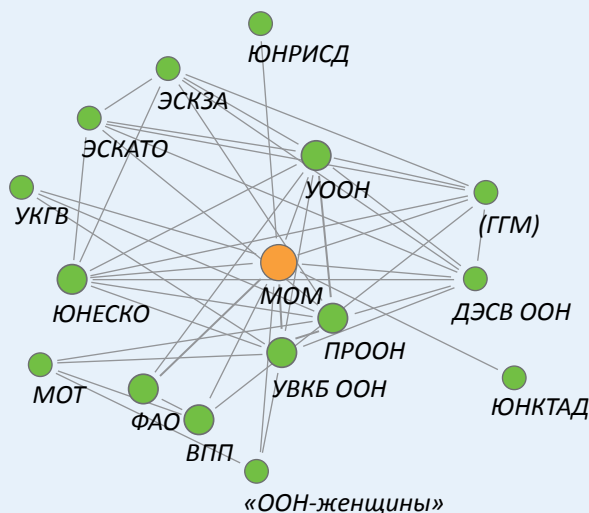
23 Думитриу, 2018.

в той или иной форме с другими организациями системы ООН до, во время и после проведения исследования. Полученная информация не является исчерпывающей, но дает представление о таком взаимодействии. В таблице [...] ниже представлена информация о 15 совместных межучрежденческих исследованиях, а на диаграмме [...] отражен характер отношений между соавторами.

Примеры совместных исследовательских проектов по вопросам миграции

Проекты	Организации-партнеры
Управление данными о беженцах	ДЭСВ, УВКБ
Совместная работа над показателем [цели в области устойчивого развития] 10.7.2 для стран, проводящих эффективную миграционную политику	ДЭСВ, МОМ
Доклад 2018 года по миграции и структурной трансформации	ЮНКТАД, МОМ
Влияние прямых иностранных инвестиций диаспоры в Тунисе	ПРООН, МОМ
Расширение доступа к экономическим возможностям для лиц, затронутых сирийским кризисом: практические примеры шести стран	ПРООН, МОТ, ВПП
Доклад о насилии в отношении трудящихся-мигрантов из числа женщин	Структура «ООН-женщины», МОТ, МОМ, УВКБ, УВКПЧ
Исследование «Причины массового исхода: продовольственная безопасность, конфликт и международная миграция»	ВПП, МОМ, ФАО
Совместный анализ данных в рамках инициативы «Пульс миграции»	ВПП, МОМ, ФАО, Всемирным банком
Публикация 2017 года «Миграция, свобода передвижения и региональная интеграция»	ЮНЕСКО, УООН-СИРИ
Всемирный доклад по мониторингу образования, 2019 год: миграция, перемещение и образование	ЮНЕСКО, МОМ, УВКПЧ, ЮНИСЕФ
Исследование «Выход из тупика»	УКГВ, УВКБ, ПРООН, МОМ
Предварительное обсуждение реализации проектов по миграции	ЮНРИСД, МОМ
Исследовательская инициатива по регулированию миграции и политике в области миграции в странах глобального Юга	УООН-ВНИИЭР, ФАО

Исследование миграции и перемещения в контексте изменения климата	УООН-ОСБЧ, МОМ, УВКБ, ПРООН
Коллективный вклад в исследования Глобальной группы по миграции	ДЭСВ, ПРООН, ЮНЕСКО, ЭСКАТО, ЭСКЗА, УООН, МОМ (ГГМ)

Несмотря на всю ее ограниченность, выборка указанных выше примеров, подкрепляемая информацией, полученной в ходе интервью, позволила инспектору отметить следующее:

- коллективный характер исследований в целом свидетельствует о необходимости придать исследовательской деятельности междисциплинарный характер;
- используемая в настоящее время схема совместной работы является, скорее, результатом отдельных инициатив и конкретных потребностей, чем процесса систематического сотрудничества, характеризующегося совместной разработкой программы, обменом знаниями, совместным планированием и совместным проведением исследований на основе конкретных мандатов и опыта заинтересованных организаций;
- несмотря на то, что усилия не всегда сонаправлены, три признака позволяют сегодня говорить о том, что исследовательская деятельность принимает все более коллективный характер:
 - участие МОМ в качестве специализированного партнера в большинстве указанных совместных проектов;
 - роль ДЭСВ и МОМ, которые несут совместную ответственность за достижение показателя 10.7.2 по миграционной политике, что свидетельствует о возможности формирования более системного и ориентированного на удовлетворение конкретных потребностей подхода к исследованиям по вопросам политики;

- создание группы для коллективного обсуждения, совместных действий и обеспечения большей согласованности.

а Инспектор Петру Димитриу. Полный текст доклада доступен по адресу <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G19/065/74/pdf/G1906574.pdf?OpenElement>.

МОМ выпускает большое количество исследовательских и аналитических публикаций по вопросам миграции. Учитывая направленность Организации на предоставление технической помощи и прямой поддержки мигрантами государствам-членам, публикации МОМ, не относящиеся к категории исследований и аналитических материалов, как правило, включают доклады о коллективных мероприятиях (в частности, доклады о работе совещаний/семинаров и *Инициативы в области миграции*), учебные материалы, пособия и руководства, а также информационные материалы для мигрантов (включая графические романы). Следует с признательностью отметить мандат МОМ и контекст, в котором она работает, а также ее статус смежной с Организацией Объединенных Наций организации²⁴. Поскольку МОМ на протяжении почти 70 лет выполняет роль агентства по предоставлению услуг, это по необходимости сформировало манеру, в которой она артикулирует аспекты миграции, включая связь между ее операциями и практикой в области миграции, а также миграционную политику и регулирование миграции. Например, программные данные являются основным хранилищем данных МОМ по миграции, что отражает выполнение МОМ важной и стабильной роли в области миграции и перемещения, включая, в частности, поддержку внутренне перемещенных лиц, переселение беженцев в глобальном масштабе, оценки состояния здоровья, помощь жертвам торговли людьми и поддержку мигрантов в возвращении домой. Одновременно с этим МОМ давно признает необходимость поддержки более полного понимания нюансов миграции, в том числе посредством уделения внимания конкретным тематическим областям, таким как здоровье мигрантов и миграция по экологическим причинам.

Последние публикации: работы, изданные в 2017 и 2018 годах

После описания основных авторов миграционных исследований и аналитических материалов мы переходим к рассмотрению примеров последних публикаций, изданных академическим сообществом и межправительственными организациями.

Огромное количество научных публикаций по вопросам миграции не позволяет сделать обзор всех материалов, опубликованных в 2017 и 2018 годах. Вместо этого мы рассматриваем подборку публикаций научного сообщества, сосредоточив внимание на восьми рецензируемых журналах по вопросам миграции. В предыдущем издании *Доклада о миграции в мире* освещалась деятельность других журналов, как будет сделано и в будущих изданиях. В рамках этой главы мы рассмотрели издательскую деятельность *Интернэшнл джорнал оф майгрейшн энд бордер стадиз*, *Интернэшнл майгрейшн*, *Интернэшнл майгрейшн ревью*, *Джорнал оф иммигрант энд рефьюджи стадиз*, *Джорнал он майгрейшн энд хьюман секьюрители*, *Майгрейшн стадиз*, *Рефьюджи сервей кварталери* и *Ревю эропеен дэ*

²⁴ МОМ была учреждена в качестве межправительственной организации в 1951 году и стала смежной с Организацией Объединенных Наций организацией в сентябре 2016 года.

*миграсьон энтернасьональ*²⁵. Это рассмотрение включало два компонента: анализ названий всех статей, опубликованных в этих журналах в 2017 и 2018 годах (в общей сложности 493 статьи); и редакторские обзоры основных публикаций их журналов за этот двухлетний период. Это позволило глубже понять публикации журналов, выявить их схожие черты, а также определить их различные интересы и сферы направленности как в тематическом, так и в географическом смысле. Полный текст каждого редакторского обзора приводится в добавлении В. Выдержки из обзоров редакторов журналов содержатся в текстовых вставках во всей остальной части этой главы.

Все редакторы журналов подчеркнули важность тщательных и качественных исследований по вопросам миграции; однако актуальность научно-академических трудов для разработчиков политики отмечалась в качестве важного аспекта лишь редакторами нескольких журналов. Два редактора подчеркнули важность публикаций о решении политических проблем в области миграции (Гамлен и Читейл - см. добавление В). Это характеризовалось как расширение «растущего сообщества экспертов в области миграции», которые в свою очередь «вносят вклад в общественную жизнь путем оказания информационной поддержки и воздействия на мысли и решения политиков, разработчиков политики и специалистов-практиков по осуществлению миграционной политики на каждом уровне - от местных НПО до муниципальных органов власти и от национальных правительств до международных организаций» (Гамлен, см. добавление В). Кроме того, разработчики политики были конкретно названы категорией, входящей в целевую аудиторию двух других журналов (Дункан и Кервин, см. добавление В). Содержание этих журналов предназначено для политической аудитории: в одном журнале требуется, чтобы каждый материал начинался с резюме и в конце содержал ряд рекомендаций в отношении политики (Кервин - см. добавление В), тогда как другой журнал время от времени печатал интервью с высокопоставленными политическими деятелями (Дункан - см. добавление В).

«Майгрейшн стадиз»

Исповедуя принцип, согласно которому научное познание политически релевантно, но не политически мотивировано, «Майгрейшн стадиз» является одним из академических журналов, вносящих вклад в укрепление потенциала в области управления миграцией в общинах и правительствах повсюду в мире. За последние несколько лет во всем мире получили распространение аспирантские программы и аналитические центры, специализирующиеся в вопросах миграции. В то же время повышение политической актуальности миграции обусловило для разработчиков политики, журналистов и специалистов НПО в других областях растущую потребность необходимого для их работы ознакомления с вопросами миграции. Ввиду этих тенденций в последние два года «Майгрейшн стадиз» ведет две серии, предназначенные для вклада в теорию и практику высшего образования по этой теме.

Источник: Алэн Гамлен, главный редактор. Полный текст представления содержится в добавлении В.

25 Мы попытались обеспечить географическое разнообразие в материалах, полученных из основных журналов по миграции. Эти усилия будут предприняты и в будущих выпусках *Доклада о миграции в мире*, для чего будет предложено представить свои мнения другим журналам. Предложения внести свой вклад в подготовку этого издания были направлены десяти журналам, и редакторы девяти из них ответили положительно, в то время как только восемь в конечном итоге предоставили материалы. Редакторы *Джорджтаун иммигрейшн ло джорнал* приняли предложение, но не внесли свой вклад, а редакторы *Мигральон энтернасьональ* не ответили на первоначальное приглашение.

Анализ тематической направленности статей, опубликованных в избранных журналах в 2017 и 2018 годах, частично касается конкретного узкого фокуса некоторых из журналов. Например, *Рефьюджи серверй квортерли* сосредоточен главным образом на исследовании проблем беженцев (Читейл - см. добавление В), тогда как *Джорнал оф иммигрант энд рефьюджи стадиз* охватывает вопросы трудовых мигрантов и просителей убежища/беженцев (Триандафиллиду - см. добавление В). Редакторы *Интернэшнл майгрейшн ревью* отмечают, что «помимо общего фокуса на международных мигрантов, мы уделяем равное внимание группам коренных жителей и второго поколения, при этом критическая масса статей освещают жизнь молодежи из числа иммигрантов, но гораздо меньше работ касаются беженцев» (Уиндерс и др. - см. добавление В).

Тем не менее темы статей, опубликованных в этих восьми журналах в 2017 и 2018 годах, различаются и охватывают сложные проблемы миграции. Они также отражают новые явления и тенденции в области миграции с учетом признания определенного эффекта задержки, обусловленного сроками, которые необходимы для рецензирования и опубликования (Дункан - см. добавление В). Так, среди всех публикаций в 2017 и 2018 годах, только три статьи были посвящены Глобальному договору о безопасной, упорядоченной и легальной миграции и Глобальному договору о беженцах, инициированных в сентябре 2016 года с принятием Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах и принятых в декабре 2018 года. Мы ожидаем, что в 2019 и 2020 годах (и далее) появится гораздо больше статей об этих двух договорах.

«Интернэшнл майгрейшн»

Академическая литература по вопросам миграции частично реагирует на тенденции в миграционных явлениях и политике в области миграции, а также на сдвиги в теории миграционных процессов и ранее опубликованную литературу. Обычно существует ощутимое отставание по времени между возникновением того или иного явления и появлением научной литературы, что объясняется сроками, необходимыми для проведения исследований и затем для публикации их результатов. В настоящее время начинает появляться в значительных количествах литература о кризисе, связанном с сирийскими беженцами, и мы можем ожидать, что в 2019 году начнет появляться литература, посвященная глобальным договорам Организации Объединенных Наций. Но, бегло окидывая взглядом литературу 2017-2018 годов, мы видим только обсуждение более ранних тенденций и явлений [...].

Источник: Говард Дункан, редактор. Полный текст представления содержится в добавлении В.

При этом редакторы выделили две основные темы, отражающие сложные проблемы миграции. Первая тема касается нелегальной миграции, в том числе в аспектах пограничного контроля и исполнения законодательства. Редакторы трех журналов определили эту тему как особенно актуальную в публикациях 2017 и 2018 годов, затрагивающую проблемы в диапазоне от торговли людьми (Триандафиллиду - см. добавление В) до насилия на границах (Ма Мунг и Пети - см. добавление В) или задержания и депортации (Кервин - см. добавление В). Поскольку «в последние десятилетия понятия убежища и миграции становятся все более расплывчатыми как в политике, так и на практике», эта тема также рассматривается в исследованиях по вынужденной миграции, и особенно сквозь призму повышения мер безопасности при предоставлении убежища и в контексте задержаний просителей убежища (Читейл - см. добавление В).

«Ревю эропеен дэ миграсьон энтернасьональ»

Проблема насилия является темой, неоднократно затрагиваемой в последних досье. Важность этой проблемы отражает трагические последствия миграционной политики в конкретных контекстах или кризисах и появление работ, посвященных миграционным поездкам. [...] Рассматривая языковую практику в качестве неотъемлемой части миграционной практики в контексте миграции в Европу, авторы статей анализируют, как действующие лица передают словами смерть и насилие на границах. Смерть рассматривается во многих аспектах: социальная смерть, физическая смерть, исчезновение, институциональный произвол и произвол сил безопасности и т.п. Эти языковые практики понимаются на разных социологических и политических уровнях, будь то в связи с их формированием в институциональных пространствах (международными организациями, политическими кругами на европейском или государственном уровне) или в связи с их восприятием мигрантами во время их жизни в Европе или впоследствии, когда они прибывают туда или когда они возвращаются в свои страны после высылки. Языковой подход соответствует рассмотрению как дискурсов, касающихся мигрантов, так и нарративов, используемых мигрантами в плюралистичных дискурсивных рамках. Этот ракурс позволяет рассуждать о пограничном объекте, одновременно предлагая координатную сеть для интерпретации социально-пространственных аспектов неравенства в эпоху глобализации.

Источник: Эммануэль Ма Мунг и Вероник Пети, главные редакторы. Полный текст представления содержится в добавлении В.

Второй темой, сближающей избранные статьи, является тема социальной интеграции мигрантов, которая была определена редакторами четырех журналов в качестве ведущего тематического направления в 2017 и 2018 годах (Гамлен, Триандафиллиду, Уиндерс и др. и Ма Мунг и Пети - см. добавление В). Сложность этой темы отражает разнообразие проблем, связанных с интеграцией, которые были рассмотрены в этих четырех журналах. В публикациях *Джорнал оф иммигрант энд рефьюджи стадиз* анализируются интеграционные процессы, включая роль неправительственных и правительственных организаций, интеграционные барьеры и гендерный аспект интеграции (Триандафиллиду - см. добавление В). Проблема вступления на рынок труда более конкретно рассматривается в *Майгрейшн стадиз*, наряду с более широкими процессами адаптации с точки зрения класса, накопления капитала и счастья (Гамлен - см. добавление В). В *Интернэшнл майгрейшн ревью* печатались статьи, посвященные ассимиляции, экономической мобильности и межличностным контактам (Винтерс и др. - см. добавление В), тогда как материалы в *Ревю эропеен дэ миграсьон энтернасьональ* содержали рассмотрение интеграции под углом зрения мигрантов.

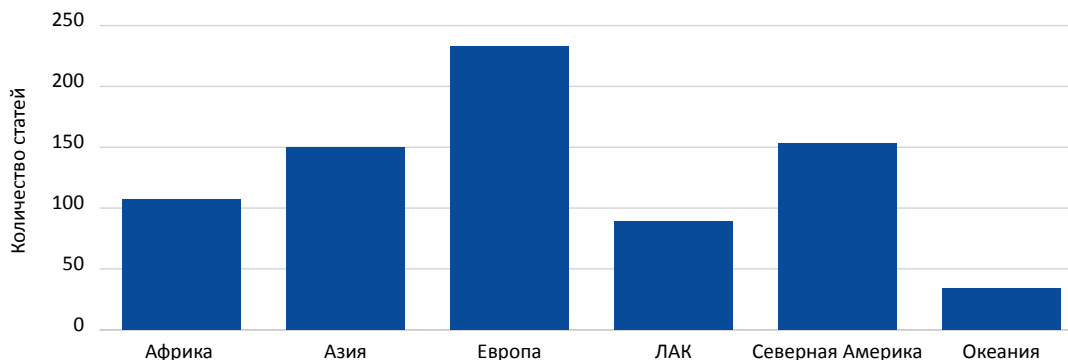
«Джорнал оф иммигрант энд рефьюджи стадиэз»

Журнал предлагает уникальное виртуальное транснациональное пространство, в котором рассматриваются различные системы приема и интеграции, а также различные группы, прибывающие в принимающие страны в рамках разнообразных режимов (трудоустройство или семейные мигранты, просители убежища или переселяемые беженцы), которые могут сталкиваться с аналогичными проблемами (в том числе в связи с психическим и физическим здоровьем), изучая особенности своей новой среды, возможности активизации ресурсов своего социального капитала и в конечном счете находя для себя нишу в своей стране назначения. Накопленный изданием опыт работы по двум направлениям: по социальной работе/общинным исследованиям и по социологическим/этническим исследованиям обеспечивает хорошие возможности для объединения этих разных тем.

Источник: Анна Триандафиллиду, главный редактор. Полный текст представления содержится в добавлении В.

На диаграмме 2 показано распределение 493 статей, опубликованных в избранных журналах в 2017 и 2018 годах, по их географической направленности. Наибольшая доля статей посвящена положению в Европе (233, или 47%), затем - Северной Америке (153, или 31%), Азии (150, или 30%), Африке (107, или 22%), Латинской Америке и Карибском бассейне (89, или 18%) и Океании (34, или 7%).

Диаграмма 2. Количество статей о положении в регионах, опубликованных избранными журналами в 2017 и 2018 годах

Примечание: Статьи могли касаться нескольких регионов. Всего насчитывалось 493 статьи.

«ЛАК» означает Латинскую Америку и Карибский бассейн. Классификация основана на определении ДЭСВ ООН географических регионов (более подробную информацию см. в добавлении А к главе 3) и не подразумевает официального одобрения или признания со стороны МОМ.

Один редактор отметил перенос географического упора с Северной Америки на Европу, Азию и Тихоокеанский регион, а также Юго-Восточную Азию с «явным увеличением в последние годы количества статей, посвященных Ближнему Востоку, и особенно Турции, и сирийскому конфликту» (Триандафиллиду - см. добавление В). Расширение географического охвата публикаций, обеспечившее появление большего количества статей о проблемах развивающихся стран, было названо одним редактором новым подходом, призванным лучше отразить тот факт, что «подавляющее большинство беженцев приняты в странах глобального Юга» (Читейл - см. добавление В). Редакторы двух других журналов отметили, что расширение географического охвата статей было задачей их журналов (Кервин и Уиндерс и др. - см. добавление В).

«Интернэшнл майгрейшн ревью»

Пристальное рассмотрение публикаций журнала, выпущенных с 2016 года (около 100 статей), позволяет выявить ряд тенденций²⁶. Во-первых, с точки зрения географии обнаруживается, что примерно 80% статей касаются Северной Америки или Западной Европы, гораздо меньше статей (немногим более 10%) освещали положение в Азии и еще меньше - в Латинской Америке, на Ближнем Востоке или в Африке. Этот неравный географический охват отражает один из основных недостатков миграционных исследований - ограниченное внимание к динамике миграции за пределами Северной Америки и Западной Европы. Он также подчеркивает вызовы, с которыми сталкиваются ученые, пишущие о более широкой географии международной миграции, в своих попытках соотнести свой труд с господствующими ракурсами рассмотрения двух регионов мира.

а Этот тезис основан на рассмотрении статей, официально опубликованных в годовом томе *ИМР*. Он не касается статей, опубликованных онлайн в качестве «препринта», но еще не включенных в том журнала.

Источник: Джейми Уиндерс, Питер Бевеландер, Синтия Фелисиано, Фелиз Гарип и Мэтью Холл, члены редколлегии. Полный текст представления содержится в добавлении В.

Однако до сих пор по-прежнему доминирует угол зрения «принимающей страны», особенно в отношении Европы. Это уже отмечалось в главе 4 *Доклада о миграции в мире 2018 года*, когда подчеркивалось, что Европа была единственным географическим термином среди других десяти терминов, чаще всего употребляемых в 538 рассматриваемых статьях²⁶. Упомянутая Каствелом в качестве «перекося в сторону принимающей страны» традиционная направленность миграционных исследований и аналитических материалов на развитые страны объясняется следующим образом: «В большинстве миграционных исследований в качестве их отправного пункта используется положение в северных странах назначения, при этом игнорируются точки зрения стран происхождения и транзита, а также самих мигрантов. И это неудивительно, поскольку финансирование и потенциал научно-исследовательской деятельности сконцентрированы в странах Севера»²⁷. Концентрация финансирования исследований в руках зажиточных индустриальных государств не только затрагивает географическую направленность исследований, но и действует в качестве стимула укрепления исследовательских навыков и потенциалов в странах-

26 MOM, 2017e.

27 Castles, 2010.

донорах за счет исследователей развивающихся стран²⁸. Например, по состоянию на 2007 год в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) на 1 млн населения приходилось около 3 000 исследователей, тогда как в странах Африки южнее Сахары на 1 млн жителей приходилось менее 50 исследователей²⁹.

«Рефьюджи сервей квортерли»

Одним из основных вызовов в предстоящие годы будет дальнейшая диверсификация авторов *Рефьюджи сервей квортерли* по их географическому происхождению. Хотя в прошлые годы уже предпринимались усилия в этом направлении, в представляемых материалах все еще доминируют ученые из стран глобального Севера. Это не особенность *Рефьюджи сервей квортерли*, а более широкое отражение преобладающих перекосов в академических исследованиях и публикациях. В этой области, как и во многих других, производство знаний по-прежнему в основном структурировано западно-центристскими приоритетами в финансировании исследований, которое осуществляется зажиточными государствами и стимулируется доминирующим дискурсом правящих элит. Эта тенденция еще больше усугубляется сохраняющимися предрассудками, которые распространяются средствами массовой информации, как это иллюстрирует риторика - если не одержимость - в отношении так называемого кризиса беженцев в Европе. Хотя это может иметь меньше последствий в других областях, географическая представленность исследователей имеет особенно важное значение в области миграции для отражения многогранных аспектов и вызовов всемирного явления, затрагивающего каждый регион мира. Сейчас как никогда ранее существует жизненная необходимость выработки более нюансного, репрезентативного и всеобъемлющего понимания миграции посредством независимого и фактологически обоснованного знания.

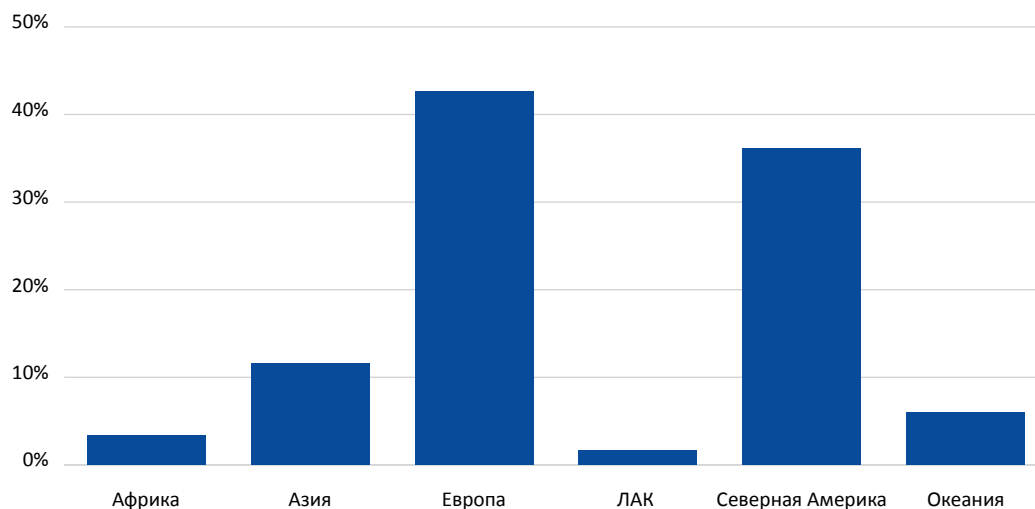
Источник: Винсент Читейл, главный редактор. Полный текст представления содержится в добавлении В.

Географическое сопоставление первичной аффилиации авторов, о которой сообщается в статьях, опубликованных ими в избранных журналах в 2017 и 2018 годах, подтверждает, что несоразмерно большое количество авторов работают в учреждениях развитых стран (см. диаграмму 3). Из 917 авторов 84% были аффилированы с учреждениями развитых стран. Почти 43% были аффилированы с учреждениями Европы, а 36% - Северной Америки. Из 6% авторов, аффилированных с учреждениями в Океании, почти в 91% случаев речь шла об учреждениях, расположенных в Австралии и Новой Зеландии.

28 McAuliffe и Laczko, 2016.

29 Ibid., цитируя DFID, 2008.

Диagramма 3. Распределение первичной академической аффилиации авторов избранных журналов в разбивке по регионам в 2017 и 2018 годах

Примечание: При наличии у автора множественной академической аффилиации в разных регионах применялись множественные категории. Не отражена аффилиация авторов из международных или неправительственных организаций. Всего насчитывалось 917 авторов.

«ЛАК» означает Латинскую Америку и Карибский бассейн. Классификация основана на определении ДЭСВ ООН географических регионов (более подробную информацию см. в добавлении А к главе 3) и не подразумевает официального одобрения или признания со стороны МОМ.

Хотя менее 12 авторов были аффилированы с учреждениями в Азии, особенно недопредставлены исследователи из учреждений в Африке и Латинской Америке и Карибском бассейне (на которых приходится, соответственно, примерно 3% и 2%). Это может также частично объясняться языковыми барьерами с учетом преобладания англоязычных академических журналов над изданиями на других языках³⁰. Однако важно отметить, что на диаграмме 3 отражена только аффилиация авторов, указанная в рассматриваемых статьях. Многие ученые аффилированы со многими учреждениями, и некоторые из них могут склоняться к публикации своих статей с указанием одной (более престижной) аффилиации, которая может не касаться основного учреждения автора.

30 См. составленные МОМ перечни журналов по вопросам миграции, соответственно, на испанском и французском языках. Имеются по адресам www.iom.int/sites/default/files/our_work/ICP/MPR/Migration-Journals-ES.pdf и www.iom.int/sites/default/files/our_work/ICP/MPR/Migration-Journals-FR.pdf (для обоих дата доступа: 18 июня 2019 года).

«Интернэшнл джорнал оф майгрейшн энд бордер стадиз»

Журнал вносил вклад в понимание того, каким образом логика границ вступает в противоречие с реалиями и повседневным опытом мигрантов. В исследованиях документируется все более затяжной характер путешествий мигрантов. Состояние транзита стало ежедневно переживаемой действительностью многих людей в пути. Соответственно, издание уделяло особое внимание понятию транзита как пространства, созданного посредством режимов ограничения мобильности и вышеупомянутых систем взаимных обусловленностей.

Источник: Идил Атак, главный редактор. Полный текст представления содержится в добавлении В.

План «S»: каково будущее открытого доступа к научным исследованиям?

План «S» является инициативой по обеспечению открытого доступа организации «Наука Европы» и посланника Европейской комиссии по вопросам открытого доступа, осуществление которой было начато коалицией национальных организаций по финансированию научных исследований при поддержке Европейской комиссии и Европейского совета по научным исследованиям в сентябре 2018 года. Ее цель состоит в том, чтобы после 1 января 2020 года незамедлительно обеспечивать наличие в открытом доступе всех научных публикаций, финансируемых национальными и европейскими советами по научным исследованиям и финансирующими органами. Хотя авторы будут сохранять за собой авторские права на свои публикации, финансирующие учреждения будут покрывать стоимость публикаций в открытом доступе по тарифам издателей, которые будут подлежать стандартизации и ограничениям.

Успех Плана «S» по установлению универсального открытого доступа будет зависеть от участия финансирующих учреждений во всем мире. По состоянию на апрель 2019 года План «S» был поддержан коалицией в составе 15 национальных организаций по финансированию научных исследований и четырех благотворительных организаций в Европе и за ее пределами. Остальные финансирующие учреждения ожидают решения относительно ограничений по тарифам для открытого доступа, которые будут применяться к издателям, и/или изучают воздействие, которое будет оказывать План «S» на финансирование исследований и научно-исследовательскую деятельность, прежде чем принять решение о присоединении к этой инициативе^a. Некоторые издатели выразили обеспокоенность последствиями инициативы для академической свободы и качества научных исследований, поскольку выбор издателей для публикаций исследований будет ограничен теми из них, кто отдаст предпочтение публикациям в открытом доступе^b.

Чем больше финансирующих учреждений решит присоединиться к «Коалиции S», тем вероятнее, что План «S» сумеет разрушить финансовый барьер предпринимательской модели издательского дела и обеспечит свободный доступ к научным исследованиям в мировом масштабе. Хотя это имеет особое значение для исследователей в развивающихся странах,

чи учреждения не всегда располагают финансовыми ресурсами для оплаты подписки научных журналов, План «S» вполне может, однако, создать другой географический перекоп: публикации в открытом доступе могут оказаться вне досягаемости исследователей из стран глобального Юга, чи финансовые учреждения будут не в состоянии оплатить открытый доступ по расценкам, применяемым издателями.

С дополнительной информацией о Плане «S» можно ознакомиться по адресу www.coalition-s.org/.

a Rabesandratana, 2019.

b Kelly, 2019.

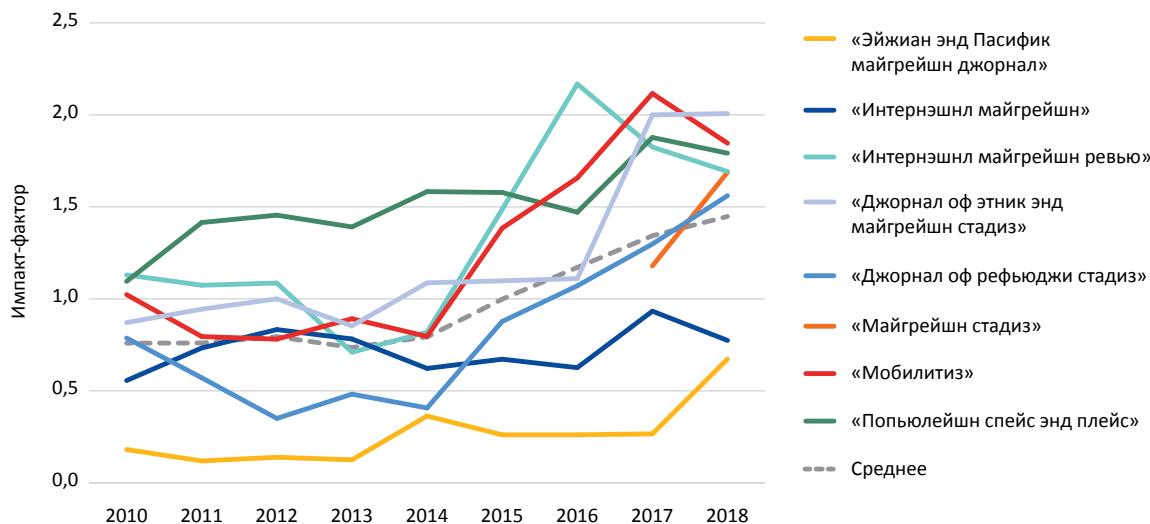
Оставляя в стороне избранные журналы, можно предположить, что в более широком смысле это неравное распределение отражает состояние миграционных исследований. В 2015 году профессор Йорген Карлинг составил список «главных» исследователей миграции, которые активно публиковались в ведущих журналах по вопросам миграции, сделав следующий вывод: «Поразительно, что в этом списке нет ни одного человека, живущего в Африке или Латинской Америке. А все шесть человек, живущие в Азии, работают в странах иммиграции. Географический перекоп остается большим вызовом для исследований проблем миграции»³¹.

Было бы разумно ожидать, что по мере роста интереса к миграции и объема миграционных исследований и аналитических материалов расширялась бы также сфера охвата (например, путем увеличения читательской аудитории). Одним из показателей влиятельности академических публикаций, хотя он и критикуется многими, является импакт-фактор научных журналов³². Однако импакт-факторы применялись только к трем из избранных журналов (*Интернэшнл майгрейшн*, *Интернэшнл майгрейшн ревью* и *Майгрейшн стадиз*). С учетом показателей для этих трех журналов вместе с рассмотренными в *Докладе о миграции в мире 2018 года* можно сделать вывод о росте воздействия (см. диаграмму 4). Последнее значение среднего импакт-фактора позволяет предположить, что статьи, публикуемые в этих журналах, привлекают больше внимания: если документ цитируется, есть основания полагать, что он был прочитан и что его содержание оказалось полезным для формирования фактологической базы и/или возникновения дискуссий, накопления знаний или информационного обеспечения политики и практики в области миграции.

31 Carling, 2015.

32 Импакт-фактор определяется по соотношению между цитированием и публикациями. Для данного года принимаются во внимание цитаты и публикации, появившиеся в предыдущие два года. В отношении дополнительной информации см. пример в добавлении А.

Диаграмма 4. Импакт-фактор избранных журналов

Источник: <https://jcr.incites.thomsonreuters.com/> (дата доступа: 21 июня 2019 года).

Примечание: К моменту написания главы (в июне 2019 года) *Интернэшнл джорнал оф майгрейшн энд бордер стадиз*, *Джорнал оф иммигрант энд рефьюджи стадиз*, *Джорнал он майгрейшн энд хьюман секьюрети*, *Рефьюджи сервей кварталери* и *Ревю эропеен дэ миграсьон энтернасьональ* не были индексируются по системе «Инсайтс», хотя индексирование *Майгрейшн стадиз* по системе «Инсайтс» было начато в 2017 году. Импакт-фактор определяется по соотношению между цитатами и публикациями.

Разумеется, система показателей, основанная на подсчете цитат публикаций (включая импакт-фактор), не лишена различных ограничений и отрицательных сторон³³. Во-первых, накопление цитат, как правило, происходит медленно, учитывая сроки, необходимые для подготовки академических публикаций, и время, затрачиваемое на составление/представление статистических данных. Во-вторых, цитирование является делом, почти исключительно обусловленным академическим контекстом, чем отчасти и объясняется разработка рассмотренных ниже альтернативных замеров. В-третьих, цитирование не позволяет определить качество материала, а является всего лишь одним из способов определения количественного воздействия (см. изложение этого соображения в добавлении А). Хотя система показателей цитирования стала приоритетной для академических издателей и ученых, она, по-видимому, менее актуальна для неакадемической аудитории.

В целях оценки воздействия научных публикаций за пределами академического сообщества разрабатываются новые метрики. Одной из таких метрик является альтметрический индекс внимания³⁴, позволяющий определить «сколько людей ознакомилось с результатом научной деятельности и воспользовалось им»³⁵. Что касается любого результата исследования, то индекс внимания «обеспечивает

33 В отношении последнего обзора ограничений, присущих импакт-фактору, см. Williams and Padula, 2015. Что касается более подробного описания ненадлежащего использования импакт-фактора, см. The PLoS Medicine Editors, 2006.

34 См. www.altmetric.com (дата доступа: 19 июня 2019 года).

35 См. www.altmetric.com/about-altmetrics/what-are-altmetrics/ (дата доступа: 19 июня 2019 года).

показатель полученного им уровня внимания»³⁶ с учетом того, что некоторые источники более влиятельны, чем другие. Например, освещение в новостях имеет самый высокий балл влияния 8, поскольку «легко представить, что средняя газетная статья скорее привлечет внимание к результату исследования, чем средний твит»³⁷. Другими влиятельными источниками являются блоги (5), Википедия (3), директивные документы (3) и «Твиттер» (1). Альтметрические показатели являются относительно новыми методами, применение которых было начато в 2012 году. Они были признаны «инструментами, предназначенными для измерения охвата и влиятельности академической статьи в режиме реального времени»³⁸. По мнению ученых, существует «позитивная, но относительно слабая корреляция с цитатами»³⁹, которая оправдывает представление о том, что «показатели цитирования и альтметрические показатели позволяют отслеживать смежные, но различающиеся уровни влиятельности»⁴⁰. Упоминания в блогах особенно «позволяют выявить часто цитируемые публикации»⁴¹, что является эмпирическим выводом, подтверждающим важное влияние, предписываемое блогам в рамках альтметрического алгоритма, и еще больше подчеркивающим растущую важность этой формы распространения научного материала.

Мы проанализировали просмотры/загрузки и альтметрический индекс внимания применительно к 410 отрецензированным статьям, которые были опубликованы в 2017 и 2018 годах шестью журналами из восьми, рассмотренных в этой главе (к моменту написания главы *Интернэшнл джурнал оф майгрейшн энд бордер стадиз* и *Ревю эропеен дэ миграсьон энтернасьональ* не опубликовали эти данные). Индекс внимания был избран по двум основным причинам: а) во-первых, он был свободно доступен на всех веб-сайтах издателей журналов; б) во-вторых, имеющиеся фактические данные подтверждают целесообразность его использования, особенно для отслеживания воздействия результативности недавно проведенных исследований⁴². Проведенный анализ позволяет нам выявить количественные аспекты академических публикаций по вопросам миграции, в частности то, сколько раз они упоминались, просматривались и/или загружались. В таблице 2 показаны десять ведущих статей с самым высоким альтметрическим индексом внимания среди избранных журналов в апреле 2019 года. Однако высокий индекс этих статей не отражает альтметрический индекс подборки из 410 статей. Только 21 статья (5%) получила индекс выше 20 - грубо говоря, эквивалент одного упоминания в новостях и одного в блогах плюс в пяти твитах. Наибольшее количество научных статей (172, или 42%) получили индекс в диапазоне от 2 до 20. Однако 75 статей (18%) имели индекс 2 или ниже, что означало их упоминание, в лучшем случае эквивалентное парочке твитов, а 142 статьи (35%) получили ноль, так как они не были упомянуты онлайн ни в одном источнике. Это было связано отчасти с тем фактом, что они были недавно опубликованы, и можно ожидать, что с течением времени некоторые статьи привлекут больше внимания.

36 Имеется по адресу <https://help.altmetric.com/support/solutions/articles/6000060969-how-is-the-altmetric-attention-score-calculated->.

37 Ibid.

38 Warren, Raison и Dasgupta, 2017.

39 Costas, Zahedi и Wouters, 2015; Thelwall et al., 2013.

40 Priem, Piwowar и Hemminger, 2012.

41 Costas, Zahedi и Wouters, 2015.

42 Как и в случае классических метрик цитирования, у альтметрики есть свои преимущества и недостатки. Более глубокое рассмотрение этого вопроса см. в Bornmann (2014).

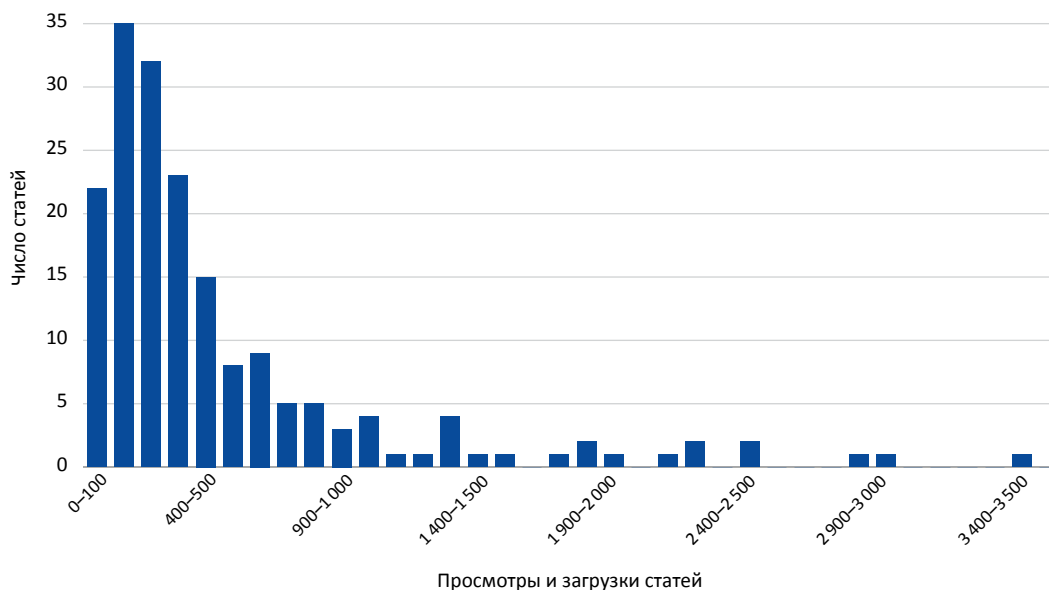
Таблица 2. 10 ведущих статей с самым высоким альтметрическим индексом внимания среди избранных журналов в 2017 и 2018 годах

Статья	Журнал	Индекс
Стена длиной в 2 000 миль в поисках предназначения: с 2007 года число обладателей просроченных виз превысило число нарушителей границы без документов на полмиллиона человек. Авторы Р. Уоррант и Д. Кервин	<i>Джорнал он майгрейшн энд хьюман секьюриту</i>	139
Разгрузка предполагаемых апатридов из числа рохинджа. Автор Н. Киав	<i>Джорнал оф иммигрант энд рефьюджи стадиз</i>	125
Между укорененностью и безродностью: как оседлая и кочевая метафизики одновременно оспаривают и усиливают притязания на (двойное) гражданство в случае Либерии. Автор Р.Н. Пейли	<i>Майгрейшн стадиз</i>	101
Способствует ли легализация иммигрантов без документов в США нелегальной иммиграции из Мексики? Эмпирический анализ морального риска легализации. Авторы Т. Вонг и Х. Коснак	<i>Интернэшнл майгрейшн</i>	50
Влияние виз на миграционные процессы. Авторы М. Чайка и Х. де Хаас	<i>Интернэшнл майгрейшн ревью</i>	45
Переселение беженцев как альтернатива убежищу. Автор Н. Хашимото	<i>Рефьюджи сервей квортерли</i>	39
Повторная миграция в возрасте «нелегального постоянного жителя»: количественная оценка миграционных намерений после депортации. Авторы Д. Мартинес, Дж. Слэк и Р. Мартинес-Шульдт	<i>Интернэшнл майгрейшн ревью</i>	39
«Города-убежища»: политика и практика с международной точки зрения. Автор Х. Баудер	<i>Интернэшнл майгрейшн</i>	38
Границы за границей: экстерриториальный миграционный контроль Австралии. Автор А. Л. Хирш	<i>Рефьюджи сервей квортерли</i>	35
Принудительное перемещение в Турции: расширение границ системы ЕСПЧ. Автор Д. Динсмор	<i>Интернэшнл майгрейшн</i>	34

Примечание: К моменту написания (в апреле 2019 года) Интернэшнл джорнал оф майгрейшн энд бордер стадиз и Ревю эропеен дэ миграсьон энтернасьональ не опубликовали эти данные.

Что касается просмотров и загрузок статей, то не все журналы предоставляют такие данные на своих сайтах. На момент написания главы один из них (*Джурнал оф иммигрант энд рефьюджи стадиз*) предоставил данные только о просмотрах, второй (*Джурнал он майгрейшн энд хьюман секьюрити*) - только о загрузках, а два других (*Майгрейшн стадиз* и *Рефьюджи сервей квортерли*) - о просмотрах и загрузках. Четыре журнала (*Интернэшнл джурнал оф майгрейшн энд бордер стадиз*, *Интернэшнл майгрейшн*, *Интернэшнл майгрейшн ревью* и *Ревю эроpeen дэ миграсьон энтернасьональ*) не показывали каких-либо данных о просмотрах или загрузках статей. Для преодоления этой недостаточной стандартизации мы агрегировали просмотры и загрузки. На диаграмме 5 показано распределение просмотров/загрузок 181 статьи из четырех имеющихся источников, сгруппированных по сотням. Что касается статей в семи журналах, рассмотренных в *Докладе о миграции в мире 2018 года*⁴³, то однобокое распределение, как и индекс внимания, подчеркивает относительно низкий уровень охвата. Только 24 статьи (13%) были просмотрены/загружены свыше 1 000 раз. Данные о просмотрах/загрузках показывают, что большинство академических работ имеют довольно ограниченную читательскую аудиторию.

Диаграмма 5. Распределение просмотров и загрузок 181 статьи в избранных журналах в 2017 и 2018 годах

Источник: Веб-сайты издателей журналов по состоянию на 26-28 февраля 2019 года.

Примечание: К моменту написания (в апреле 2019 года) *Интернэшнл джурнал оф майгрейшн энд бордер стадиз*, *Интернэшнл майгрейшн*, *Интернэшнл майгрейшн ревью* и *Ревю эроpeen дэ миграсьон энтернасьональ* не представили данные о просмотрах и загрузках.

В итоге наш количественный анализ показывает, что тема миграции все больше притягивает к себе внимание: растущее число публикаций и цитат является признаком повышения интереса как минимум в академическом сообществе. Измерение просмотров/загрузок и альтметрия позволяют предположить, что существуют возможности для улучшения охвата и расширения читательской аудитории научных материалов по вопросам миграции. Одним из основных препятствий в этой связи является тот факт, что академические публикации все еще остаются платными, что в значительной мере ограничивает доступ к таким материалам вне академической среды. Например, подписчиками журналов зачастую являются академические учреждения, а стоимость загрузки отдельных статей для тех, кто не является подписчиками, может быть определенным препятствием. Открытый доступ к академическим публикациям дает возможность бесплатной загрузки, но, как правило, требует от авторов или их учреждений внесения платы издателю. Вместе с тем все больше журналов в открытом доступе (таких как *Комперетив майгрейшн стадиз* и *Антитраффикинг ревью*) публикуют материалы, посвященные миграции⁴⁴.

Кроме того, академический язык и литературный стиль чаще всего имеют более техничный характер, чем публикации в других областях, а темы, как правило, более узкие. Однако распространение результатов исследований при посредстве как традиционных, так и новейших форм массовой информации открывает возможности для того, чтобы академические исследования по вопросам миграции способствовали повышению осведомленности общественности и осознанным политическим дискурсам. Потенциальный охват, например, блогов по вопросам миграции рассматривается ниже.

«Джорнал он майгрейшн энд хьюман секьюрити»

В публикациях этого издания авторы, не жертвуя научной и аналитической строгостью, применяют антропоцентричный подход к научному исследованию миграции, обращая главное внимание (обычно) на людей в уязвимом положении, которые подвергаются угрозам и маргинализации, сталкиваются с непониманием и часто играют роль «козлов отпущения» в дискуссиях о политике в области миграции. Журнал требует, чтобы каждый опубликованный материал начинался с резюме и заканчивался рядом рекомендаций в отношении политики. Это повышает доступность таких материалов как для разработчиков и вдохновителей политики, так и для широкой общественности. Журнал обещает потенциальным авторам, что их работа подвергнется тщательному рецензированию, в случае ее принятия будет своевременно опубликована и передана в базы данных исследовательских учреждений и университетских библиотек, а также будет внесена в обширный список работ, подлежащих распространению, в специальные списки разработчиков политики и передана в средства печати и другие учреждения, проявляющие особую заинтересованность в этой теме. Журнал также публикует свои документы в социальных сетях как сразу после их выпуска, так и впоследствии в порядке реагирования на информационные поводы и соответствующие политические дискуссии.

Источник: Дональд Кервин, ответственный редактор. Полный текст представления содержится в добавлении В.

44 Открытый доступ предполагает предоставление опубликованного материала бесплатно, а не на платной основе и/или на основе подписки. См. выше текстовую вставку о Плате «S».

Межправительственные организации

Документы основных организаций системы Организации Объединенных Наций, которые занимаются вопросами миграции, отражают как мандаты, так и текущие тенденции и проблемы в области миграции. В таблице 3 приводятся примеры основных материалов, которые были опубликованы организациями системы Организации Объединенных Наций, рассматриваемыми в этой главе, в 2017 и 2018 годах. Учитывая большое количество и разнообразие публикаций, изданных в течение этих двух лет, таблица ограничивается основными материалами глобальной направленности.

Таблица 3. Примеры основных глобальных материалов, опубликованных в 2017 и 2018 годах

ДЭСВ ООН	<i>Доклад о международной миграции 2017 года</i> <i>Брошюра данных о политике в области международной миграции, 2017 год</i> Набор данных о контингенте международных мигрантов Набор данных о международных миграционных потоках	2017 2017 Регулярно (2019) Регулярно
УВКБ	<i>Глобальные тенденции: вынужденное перемещение в 2017 году</i> <i>Глобальные тенденции: вынужденное перемещение в 2016 году</i> База данных статистики народонаселения	2018 2017 Регулярно
МОТ	<i>Глобальные оценки МОТ по международным трудящимся-мигрантам - результаты и методология</i> <i>Рассмотрение проблем организации управления в контексте изменяющегося характера трудовой миграции</i> МОТСТАТ	2018 2017 Регулярно
УВКПЧ	<i>Принципы и практические руководящие указания в отношении защиты прав мигрантов, находящихся в уязвимом положении^a</i>	2018
ЮНИСЕФ	<i>Ребенок - это ребенок: защита детей в пути от насилия, надругательства и эксплуатации</i> <i>Вне границ: как сделать так, чтобы Глобальные договоры о миграции и беженцах работали на лишенных корней детей</i> <i>Образование без корней: дать образование каждому ребенку из числа мигрантов, беженцев и перемещенных лиц</i>	2017 2017 2017
УНП ООН	<i>Всемирный доклад о торговле людьми за 2018 год</i> <i>Глобальное исследование проблемы незаконного провоза мигрантов</i> Портал знаний о незаконном ввозе мигрантов	2018 2018 Регулярно
ПРООН	<i>Изменение климата, миграция и перемещение^b</i>	2017
ЮНЕСКО	<i>Всемирный доклад по мониторингу образования: миграция, перемещение и образование</i> <i>Миграция и ее взаимозависимость с дефицитом воды, гендерным фактором и занятостью молодежи</i>	2018 2017

Всемирным банком		<i>Перемещение в поисках процветания: глобальная миграция и рынки труда</i>	2018
		<i>Миграция и денежные переводы: последние события и перспективы - транзитная миграция</i>	2018
		<i>Миграция и денежные переводы: последние события и перспективы - возвратная миграция</i>	2017
		Данные о миграции и денежных переводах	Регулярно
Межучрежденческое сотрудничество	ГГМ ^с	<i>Руководство по улучшению подготовки и использования миграционных данных в целях развития^d</i>	2017
		<i>Миграция, денежные переводы и доступность финансовых услуг: проблемы и возможности для расширения экономических прав и возможностей женщин^e</i>	2017
	ОЭСР, МОТ, МОМ и УВКБ	<i>Доклад о тенденциях в международной миграции и перемещении в странах Группы 20 за 2018 год^f</i>	2018 2017

Примечание: Эта таблица не включает все материалы, в частности рабочие документы; в нее включены только основные материалы. Публикации МОМ рассмотрены ниже.

Источники: (a) опубликовано УВКПЧ и Глобальной группой по миграции; (b) опубликовано Институтом по вопросам развития зарубежных стран (ИРЗ) и ПРООН; (c) ГГМ была межучрежденческой группой в системе Организации Объединенных Наций, которая обеспечивала совместную работу в области миграции. До ее преобразования в конце 2018 года в Международную сеть Организации Объединенных Наций по вопросам миграции ее членский состав насчитывал 22 учреждения, представители которых ежегодно сменяли друг друга на посту председателя на основе ротации. Рассмотрение деятельности ГГМ и Сети содержится в главе 11 настоящего доклада о глобальном регулировании миграции; (d) подготовлено Глобальным партнерством по распространению знаний о миграции и развитии Всемирного банка (КНОМАД); (e) подготовлено Секцией по расширению экономических прав и возможностей Структуры «ООН-женщины», Нью-Йорк, от имени ГГМ; (f) под руководством ОЭСР опубликовано совместно с МОТ, МОМ и УВКБ.

ДЭСВ ООН координирует совокупность данных, в том числе касающихся миграции, в рамках процесса, который подчеркивает ограничения в возможностях национальных статистических управлений⁴⁵. В 2017 году его Отдел народонаселения опубликовал *Доклад о международной миграции 2017 года*⁴⁶, который издается раз в два года и содержит информацию об уровнях и тенденциях в международной миграции в основных частях, регионах и странах мира, а также о статусе ратификации правовых документов, касающихся миграции. Отдел народонаселения ведет Глобальную базу данных о миграции Организации Объединенных Наций, которая представляет собой наиболее полную подборку статистических данных о международных мигрантах с указанием их количества в странах или районах, которые сгруппированы по возрасту, полу и странам или районам рождения или гражданства, а также содержит меньший набор данных с ежегодными показателями по международным миграционным потокам для 45 стран.

В качестве учреждения Организации Объединенных Наций, уполномоченного обеспечивать защиту, помощь и решения для беженцев, УВКБ готовит огромное количество публикаций и содержит специальное хранилище исследовательских материалов «Рефурорлд». Одной из флагманских публикаций УВКБ являются

45 Davies и Woodward, 2014.

46 ДЭСВ ООН, 2017.

выходящие ежегодно в июне доклады серии *Глобальные тенденции*⁴⁷. В них описываются и анализируются ежегодные тенденции в положении беженцев и других групп, подмандатных УВКБ, повсюду в мире. УВКБ также является основным источником глобальных статистических данных о беженцах и других соответствующих группах населения, которые размещаются в его онлайн-Базе статистических данных о народонаселении.

МОТ является нормоустанавливающим органом, который отвечает за координацию развития и контролирует осуществление международных стандартов в сфере труда. В рамках ее усилий по улучшению сбора и подготовки статистических данных о трудовой миграции МОТ опубликовала доклад *Глобальные оценки по международным трудящимся-мигрантам*⁴⁸, в котором приводятся оценки доли работников-мигрантов в общем количестве мигрантов в мире. В 2017 году она также опубликовала доклад, озаглавленный *Рассмотрение проблем организации управления в контексте изменяющегося характера трудовой миграции*⁴⁹, в котором представлена информация в поддержку разработки справедливого и эффективного механизма регулирования трудовой миграции. Помимо данных о трудовой миграции, база данных МОТСТАТ содержит разные статистические данные, касающиеся рынка труда, которые также актуальны для трудовой миграции.

Входящее в состав Секретариата Организации Объединенных Наций УВКПЧ является основным управлением Организации Объединенных Наций, уполномоченным обеспечивать поощрение и защиту прав человека всех людей, включая мигрантов. В дополнение к поддержке правозащитных механизмов Организации Объединенных Наций, таких как договорные органы и специальные процедуры Совета по правам человека, УВКПЧ готовит огромное количество соответствующих материалов. В качестве сопредседателя бывшей Рабочей группы по миграции, правам человека и гендерной проблематике ГГМ Управление руководило разработкой *Принципов и практических руководящих указаний в отношении защиты прав мигрантов, находящихся в уязвимом положении*⁵⁰. Эти *Принципы и практические руководящие положения* предлагают государствам рекомендации по практическому применению норм международного права прав человека для защиты мигрантов, оказавшихся в уязвимом положении, но не подпадающих под юридическую категорию «беженцев». В них содержится прямая ссылка на Глобальный договор о миграции, предусматривающий «[разработку] национальных стратегий и программ по улучшению национальных мер реагирования, ориентированных на потребности мигрантов, находящихся в уязвимом положении»⁵¹.

Хотя в флагманской публикации ЮНИСЕФ - *Докладе о положении детей в мире*⁵² - не обязательно выделяются дети-мигранты, в 2017 году ЮНИСЕФ опубликовал документ *Ребенок - это ребенок: защита детей в пути от насилия, надругательства и эксплуатации*⁵³. В нем рассматриваются риски, с которыми сталкиваются дети-мигранты из-за отсутствия безопасных и легальных миграционных каналов, и содержатся некоторые рекомендации в отношении политики по обеспечению их более полной защиты.

47 УВКБ ООН, 2019.

48 МОТ, 2018.

49 МОТ, 2017.

50 ОНЧР, 2018.

51 ГА ООН 2018: para. 23(l).

52 UNICEF, 2017a.

53 UNICEF, 2017b.

В рамках своего мандата по оказанию государствам помощи в борьбе с международными преступлениями УНП ООН предпринимает усилия для борьбы с транснациональной организованной преступностью, включая торговлю людьми и незаконный провоз мигрантов, и выпускает целый ряд докладов на эти темы. В четвертом *Всемирном докладе о торговле людьми*⁵⁴, опубликованном в 2018 году, содержится обзор моделей и схем торговли людьми, который был подготовлен на основе главным образом информации о случаях торговли людьми, выявленных в период 2014-2016 годов. В 2018 году УНП ООН выпустило свое первое *Глобальное исследование проблемы незаконного провоза мигрантов*⁵⁵, в котором приводятся сведения о масштабах и методах незаконного провоза мигрантов, профилях участвующих в этом людей и рисках, с которыми сталкиваются мигранты. Кроме того, УНП ООН ведет Портал знаний о незаконном ввозе мигрантов, который содержит информацию для поддержки осуществления принятого Организацией Объединенных Наций в 2000 году Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности⁵⁶ (в частности, информацию о прецедентном праве, законодательстве и аннотированную библиографию).

ПРООН, являясь глобальным агентством Организации Объединенных Наций по вопросам развития, привержена воплощению Целей в области устойчивого развития в широком круге программ, включая программы по разработке долгосрочных и ориентированных на развитие мер реагирования в связи с миграцией и перемещением. В 2017 году ПРООН совместно с Институтом по вопросам развития зарубежных стран (ИРЗ) издала доклад, озаглавленный *Изменение климата, миграция и перемещение*⁵⁷, в котором делается попытка пролить свет на сложную взаимосвязь между изменением климата и мобильностью людей.

Мандат ЮНЕСКО сосредоточен на миростроительстве средствами образования, культуры и науки. В издании ее ежегодного *Всемирного доклада по мониторингу образования*⁵⁸ за 2019 год освещаются вопросы миграции и перемещения. В нем анализируются последствия мобильности людей для систем образования и то, как эти системы могут способствовать преодолению вызовов, создаваемых мобильностью людей, а также предлагаются примеры успешной политики.

В качестве специализированного учреждения Организации Объединенных Наций и крупного международного финансового учреждения Всемирным банком публикует разнообразные книги, доклады и рабочие документы, в которых подчеркивается важность миграции для экономического роста и процветания и проводится мониторинг данных о миграции и денежных переводах, в частности о притоках и оттоках денежных переводов. Он регулярно издает аналитические записки по вопросам миграции и развития на разные темы, среди которых недавно фигурировали две темы, посвященные транзиту и возвращению мигрантов. В 2018 году был выпущен доклад по исследованию политики, озаглавленный *Перемещение в поисках процветания: глобальная миграция и рынки труда*⁵⁹, в котором анализируются явные несоответствия между научными выводами о социальных и экономических преимуществах миграции и антимиграционным публичным дискурсом.

54 UNODC, 2018a.

55 UNODC, 2018b.

56 UNODC, 2000.

57 ПРООН и ODI, 2017.

58 UNESCO, 2018.

59 Всемирным банком, 2018.

Кроме того, в 2017 и 2018 годах были опубликованы основные глобальные материалы, подготовленные в результате межучрежденческого сотрудничества. До ее преобразования в Сеть Организации Объединенных Наций по вопросам миграции ГГМ готовила публикации на различные темы, связанные с миграцией, часто в форме справочников и руководств⁶⁰. В 2017 году она опубликовала руководство для поддержки государств-членов в деле подготовки и использования данных о миграции в целях развития (подготовленное Структурой «ООН-женщины»). Она также выпустила доклад, в котором рассматривается вопрос денежных переводов и доступность финансовых услуг для женщин-мигрантов (подготовленный КНОМАД Всемирного банка). Еще одной основной публикацией, выпущенной в результате межучрежденческого сотрудничества, является Доклад о тенденциях в международной миграции и перемещении в странах Группы 20 за 2018 год⁶¹, подготовленный ОЭСР⁶² совместно с МОТ, МОМ и УВКБ. В докладе рассматриваются тенденции в миграции и политические проблемы в странах Группы 20 и государствах-членах Европейского союза⁶³.

МОМ

В 2017 и 2018 годах МОМ опубликовала широкий спектр исследовательских и аналитических материалов, прежде всего в форме отдельных исследований и докладов, многие из которых были основаны непосредственно на конкретных проектах и часто составлялись на местах миссиями МОМ. Например, доклад *Обеспечение мобильности для адаптации к экологическим изменениям: результаты глобального исследования МЕКЛЕП*⁶⁴ является окончательной публикацией финансируемого Европейским союзом проекта «Миграция, окружающая среда и изменение климата: фактические данные для политики» (МЕКЛЕП), в котором оцениваются доказательная база по миграции и изменение климата в шести странах, участвующих в проекте: во Вьетнаме, Гаити, Доминиканской Республике, Кении, Маврикии и Папуа-Новой Гвинее.

В текстовой вставке ниже содержится перечень основных публикаций, выпущенных МОМ в 2017 и 2018 годах. В 2017 году МОМ выпустила свою двухгодичную флагманскую публикацию *Доклад о миграции в мире 2018 года*⁶⁵. В 2018 году Организация также обновила свою *Серию миграционных исследований*, в рамках которой публикуются актуальные для политики исследования и аналитические материалы по разным и сложным вопросам миграции. В 2018 году появились запросы на рефераты по темам, поднятым в *Докладе о миграции в мире 2018 года*, для дальнейшего поощрения исследования и анализа, и в этой связи были опубликованы три документа. Кроме того, в 2017 году были изданы три профиля миграции, а в 2018 году - пять таких профилей. Они состояли в представлении обзоров по миграции в конкретных странах (при основном финансировании со стороны Фонда развития МОМ), которые были предназначены, в частности, для поддержки укрепления потенциала в области миграционных данных, а также в области

60 ГГМ была межучрежденческой группой, объединяющей 22 учреждения системы Организации Объединенных Наций, совместно работающих над вопросами миграции.

61 ОЭСР, МОТ, МОМ и УВКБ ООН, 2018.

62 ОЭСР насчитывает 36 членов. Ее целью является поощрение политики укрепления экономического и социального благосостояния людей повсюду в мире. Она проводит исследования по самым разнообразным темам, включая миграцию, причем географический охват этих исследований часто не сводится к странам, которые являются ее членами и партнерами.

63 Членами Группы 20 являются Австралия, Аргентина, Бразилия, Германия, Индия, Индонезия, Италия, Канада, Китай, Мексика, Республика Корея, Российская Федерация, Саудовская Аравия, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты, Турция, Франция, Южная Африка, Япония и Европейский союз.

64 МОМ, 2017с.

65 МОМ, 2017е.

исследования и анализа в государствах-членах. МОМ оказывает поддержку журналам по вопросам миграции *Интернэшнл майгрейшн* и *Майгрейшн полиси практис*, что также являлось важным вкладом в исследование проблем миграции.

Основные публикации МОМ, связанные с исследованиями, в 2017 и 2018 годах

Доклад о миграции в мире 2018 года^a

Синдикат лидеров миграционных исследований: идеи информационной поддержки международного сотрудничества в области безопасной, упорядоченной и легальной миграции^b

Миграция и Повестка дня на период до 2030 года: руководство для специалистов-практиков^c

Фатальные путешествия, сборник 3: Совершенствование данных о пропавших без вести мигрантах (части 1 и 2)^d

Атлас экологической миграции^e

Обеспечение мобильности для адаптации к экологическим изменениям: результаты глобального исследования МЕКЛЕП^f

Данные и исследования о незаконном провозе мигрантов: глобальный обзор накапливаемой фактологической базы (том 2)^g

Брифинги по данным Центра анализа данных о глобальной миграции

Брифинги о политике в области миграции, окружающей среды и изменения климата

Миграционные профили (доклады по нескольким странам, включая Зимбабве, Кению, Мальдивские Острова, Сенегал и Ямайку)

a МОМ, 2017e.

b МОМ, 2017d.

c МОМ, 2018.

d МОМ, 2017a, 2017b.

e Ionesco, Mokhnacheva и Gemenne, 2017.

f МОМ, 2017c.

g Triandafyllidou и McAuliffe, 2018.

В 2017 и 2018 годах МОМ также поддерживала государства-члены в ходе процесса консультаций и переговоров по Глобальному договору о миграции посредством создания Синдиката лидеров миграционных исследований. Одним из важнейших результатов работы Синдиката стала публикация в 2017 году подборки кратких технических документов в виде доклада (*Синдикат лидеров миграционных исследований: идеи информационной поддержки международного сотрудничества в области безопасной, упорядоченной и легальной миграции*)⁶⁶, как описано в текстовой вставке ниже.

Созданный МОМ в 2017 году Синдикат лидеров миграционных исследований для поддержки Глобального договора о миграции

Замысел новаторской инициативы исследовательского «Синдиката» заключался в том, чтобы опереться на исследовательский потенциал и знания 36 ведущих «ученых-исследователей миграционной политики» в мире, представляющих все регионы.

Синдикат 2017 года был учрежден и созван для обеспечения привлечения высококачественной технической экспертизы и глубоких знаний непосредственно к процессу разработки Глобального договора о миграции. Основные результаты состояли в следующем:

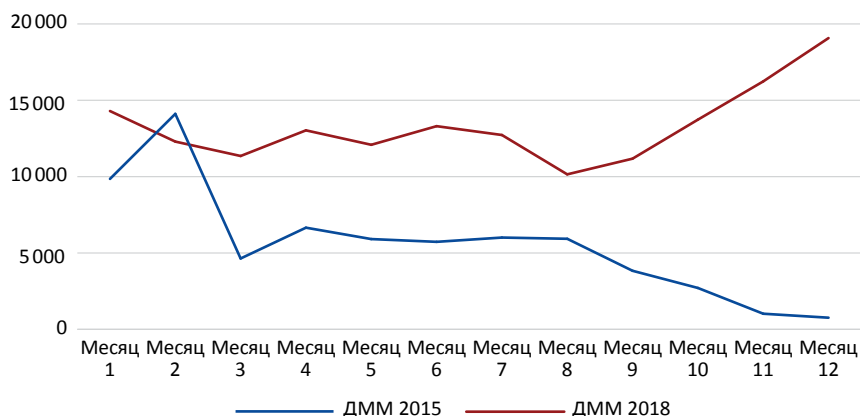
- включение материалов членов Синдиката в первую тройку самых читаемых источников для разработчиков политики в области миграции;
- подготовка кратких технических документов на темы, связанные с Глобальным договором о миграции, содержащих фактические данные, анализ и рекомендации для разработчиков политики;
- публикация в блогах материалов на темы, связанные с Глобальным договором о миграции, партнером МОМ Всемирным экономическим форумом;
- участие членов Синдиката в консультациях по Глобальному договору о миграции в качестве тематических экспертов и членов дискуссионных групп;
- участие членов Синдиката в ряде групповых дискуссий по темам, связанным с Глобальным договором о миграции, которые были организованы в рамках Организации Объединенных Наций, в том числе на полях переговоров по Глобальному договору о миграции.

С дополнительной информацией можно ознакомиться в МОМ, 2017d.

В последние годы был модернизирован и усовершенствован онлайн-магазин MOM. В настоящее время этот онлайн-магазин, который был открыт в 2009 году для облегчения и расширения доступа к публикациям MOM, позволяет отслеживать и поддерживать анализ данных по количеству загрузок публикаций MOM. Эти данные обеспечивают ценные сведения о доступности и охвате публикаций MOM в дополнение к опросам читателей по конкретным работам. По состоянию на конец 2018 года в книжном магазине содержалось 1 794 электронные публикации на 28 разных языках, к большей части из которых можно было получить бесплатный доступ. Хотя данные о загрузках не позволяют оценить качество публикаций (так, как это можно делать с помощью, например, опросов читателей или рецензий), они дают определенное представление об отдельных публикациях с большим количеством загрузок, а также о темах и географическом аспекте связанных с исследованиями публикаций, которые издаются и к которым получают доступ читатели во всех частях мира. В 2018 году количество загрузок из книжного магазина MOM превысило 2 миллиона.

В 2018 году самой загружаемой публикацией MOM всех времен стал *Доклад о миграции в мире 2018 года*, который к концу августа 2019 года набрал во всем мире более 400 000 загрузок (или около 620 загрузок в день). *Доклад о миграции в мире 2018 года* был первым изданием, выпущенным после внесения в серию *Докладов о миграции в мире* существенных изменений, касавшихся содержания и процессов обеспечения качества, включая переход от доклада на единственную тему к более широкому освещению основных данных и информации о миграции, а также сложных и вновь возникающих проблем. Эти изменения принесли успех в деле расширения читательской аудитории доклада и в поддержании высокого уровня загрузок по сравнению с предыдущими изданиями, такими как *Доклад о миграции в мире 2015 года*, который вышел на одну тему мигрантов и городов (см. диаграмму 6). Кроме того, доклад 2018 года более 500 раз цитировался в академической литературе⁶⁷.

Диаграмма 6. Загрузки *Доклада о миграции в мире 2018 года* по сравнению с изданием 2015 года

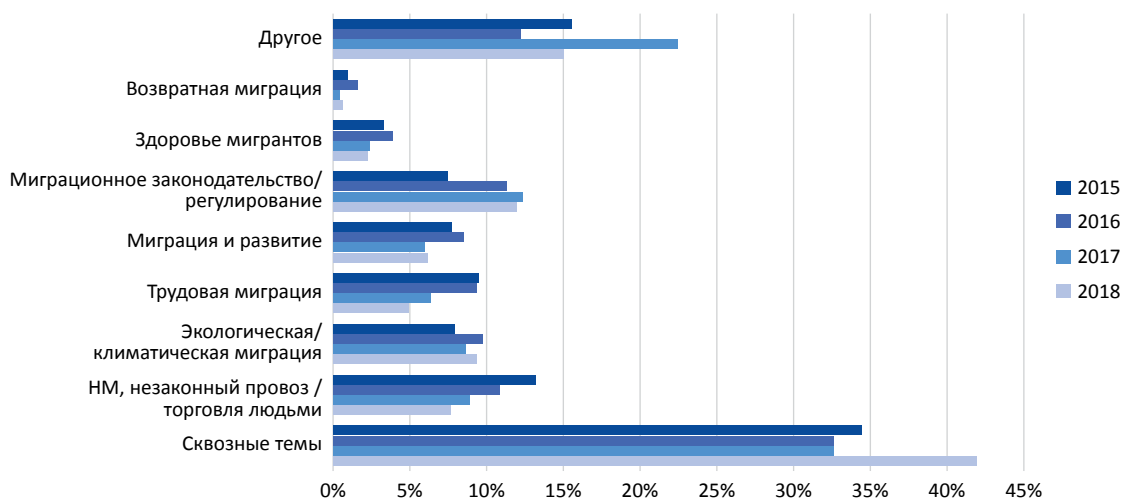
Источник: MOM.

Примечание: Загрузки за каждый месяц после выпуска соответствующего доклада; учтены только английские варианты текстов.

67 14 октября 2019 года поисковик «Google Академия» показал 551 цитирование.

Рассмотрение связанных с исследованиями публикаций МОМ, каждая из которых набрала более чем 1 000 загрузок, показывает, что некоторые темы пользовались большей популярностью, чем другие, а междисциплинарные публикации были представлены в большом количестве, включая, например, миграционные профили стран, в которых освещены многие тематические вопросы. В 2017 году повысился интерес к миграционному законодательству и регулированию миграции (см. диаграмму 7).

Диаграмма 7. Тематическое распределение загрузок связанных с исследованиями публикаций МОМ

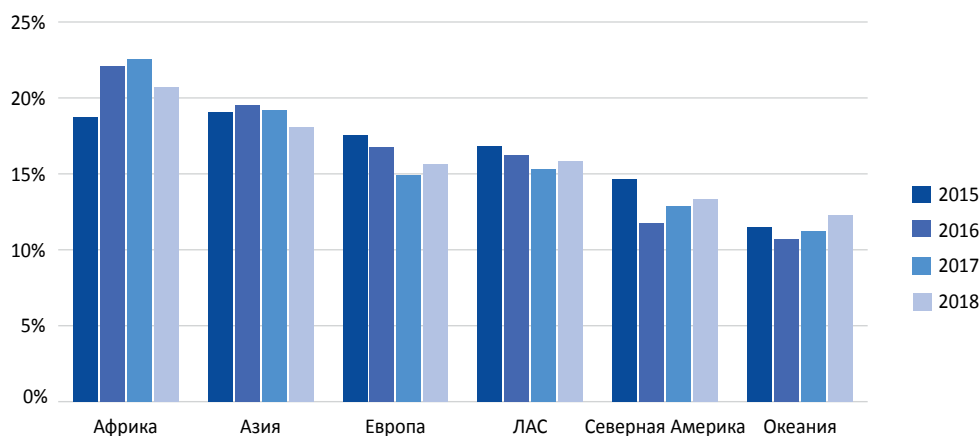

Источник: МОМ.

Примечание: «НМ» означает нелегальную миграцию. Показаны только публикации, набравшие более 1 000 загрузок в год (загрузки в 2015 году рассчитаны пропорционально ввиду отсутствия данных за весь год). Загрузки могли классифицироваться по более чем одной теме. Всего приведено 5 547 808 загрузок.

В целом в период 2015-2018 годов интерес к исследованиям по конкретным регионам был относительно стабильным. За последние четыре года наиболее популярными были публикации, посвященные Африке (см. диаграмму 8), за которой следовали Азия, Европа, Латинская Америка и Карибский бассейн, Северная Америка и Океания.

Диаграмма 8. Распределение по регионам загрузок связанных с исследованиями публикаций МОМ

Источник: МОМ.

Примечание: Показаны только публикации, набравшие более 1 000 загрузок в год (загрузки в 2015 году рассчитаны пропорционально ввиду отсутствия данных за весь год). Загрузки могли классифицироваться по более чем одной теме. Всего приведено 5 547 808 загрузок.

«ЛАК» означает Латинскую Америку и Карибский бассейн. Классификация основана на определении ДЭСВ ООН географических регионов (более подробную информацию см. в добавлении А к главе 3) и не подразумевает официального одобрения или признания со стороны МОМ.

Блоги

В рамках более широкой тенденции роста интереса к миграции и миграционным исследованиям отмечалось одновременное увеличение количества блогов на темы статей о миграции. Хотя расширение и полезность использования блогов были рассмотрены в главе 4 *Доклада о миграции в мире 2018 года*^а, подробное изучение изменений в публикациях блогов, конкретно посвященных вопросам миграции, выходит далеко за рамки настоящей главы; однако ниже представлены примеры широко читаемых статей по миграции. Они показывают, что некоторые блоговые статьи могут собирать большие аудитории и вследствие этого, вероятно, оказывать влияние на информационное обеспечение дискуссий о миграции^б. Важно также признавать, что существует мнение о том, что блоги чаще всего пишутся на «горячие» или противоречивые миграционные темы, в частности касающиеся нелегальной или массовой миграции, беженцев или просителей убежища, тогда как менее спорные темы зачастую игнорируются^в.

Примеры связанных с миграцией статей, опубликованных в блогах

Канада хочет принять более 1 миллиона новых иммигрантов в течение следующих трех лет. Автор Кейт Уайтинг, опубликовано в блоге «Повестка дня Всемирного экономического форума» 3 декабря 2018 года - **102 224 просмотра**.

Почему прием беженцев - это победная формула. Автор Дени Бахар, опубликовано в блоге «Передовой рубеж Брукинга» 19 июня 2018 года - **24 094 просмотра**.

Трамп и АМЛО берут курс на скандал между США и Мексикой. Автор Шэннон О'Нейл, перепечатка в блоге Совета по международным отношениям «Момент Латинской Америки» (с разрешения Блумберга) 30 июля 2018 года - **11 536 просмотров**.

Бойтесь утверждения о том, что лучшие данные приведут к лучшим результатам для беженцев и мигрантов. Автор Джефф Крисп, опубликовано в блоге «Комментарии экспертов» Чатам-Хауса 9 марта 2018 года - **4 991 просмотр**.

Путешествие через Америку: понимание опыта иммигрантов в стране. Автор Кейти Лонг, опубликовано Институтом по вопросам развития зарубежных стран, 2018 год - **1 200 просмотров**.

Примечание: Данные о количестве прочтений или просмотров и соответствующие аналитические материалы были предоставлены соответствующими редакторами блогов в апреле 2019 года.

a MOM, 2017e.

b Aldred et al., 2008.

c Ozimek, 2012.

Выводы

Настоящая глава, которая была подготовлена на основе *Доклада о миграции в мире 2018 года*, содержит обзор основных публикаций некоторых из основных издателей исследований и аналитических материалов по вопросам миграции, изданных за последние два календарных года (2017 и 2018 годы). Мы полагаем, что в 2017 и 2018 годах получила дальнейшее закрепление долгосрочная тенденция увеличения выхода в свет миграционных исследований, когда в 2017 году был опубликован наибольший из отмечавшихся ранее объем академических материалов на темы миграции, а 2018 год ознаменовался таким же объемом этих материалов (см. диаграмму 1). Далее, в эти два года отмечалась активная деятельность межправительственных организаций, которые опубликовали большое количество глобальных докладов по разным аспектам миграции (см., например, таблицу 3).

Рост объема опубликованных материалов, безусловно, связан с актуальностью миграции в политике, среди политических кругов и среди общественности. Мы наблюдали расширение использования миграции - или подчас вернее сказать «антииммиграции» - в качестве политического инструмента, несмотря на существующую фактологическую базу, которая свидетельствует об отсутствии существенных изменений в уровнях или процессах миграции, которые были бы способны вызвать такие значительные сдвиги в публичной дискуссии (рассмотрение этого вопроса см. в главе 5 этого доклада). Вполне понятно, что исследователи, работающие над академическими или прикладными исследованиями и в сферах белой или серой литературы, получили мотивацию для поиска и донесения до общественности истины в период, когда мы наблюдали все большее засилье «фейковых новостей» и «дезинформации» в публичных прениях на темы миграции, проводимых во всем мире.

В соответствии с выводами, сделанными в *Докладе о миграции в мире 2018 года*, безусловно, необходимо сделать упор на использовании сильных сторон разных видов исследований, публикуемых в отношении миграции. Например, некоторые из самых высококачественных блогов по миграции основаны на тщательно разработанных и проведенных исследованиях и на результатах вдумчивого анализа, осуществлявшегося в рамках многолетней научной работы. Они также способны вызвать значительный интерес, поскольку существующие данные четко свидетельствуют о расширении сферы охвата этих публикаций и приобретении более широких аудиторий, которые выходят далеко за пределы научного сообщества. Использование блоговых платформ влиятельными учеными, изучающими миграцию, для доведения их эмпирических и теоретических исследовательских выводов до сведения политической и общей аудиторий демонстрирует актуальность этой формы. Мы также видим признание этого в вычислении того, каким образом измеряется воздействие исследований. Например, растущее использование альтиметрических показателей, которые измеряют охват журнальной статьи в неакадемическом издании, указывает на растущую необходимость передавать знания, основанные на строгом исследовании и анализе, в более широкие аудитории. Однако это не должно происходить за счет фундамента, обеспечиваемого научными исследованиями, которые направлены на соблюдение стандартов высокого качества.

В этой главе мы впервые рассмотрели выпуск исследовательской и аналитической литературы с географической точки зрения. Предыдущие исследовательские проекты MOM, проведенные в партнерстве с академическими и прикладными исследователями повсюду в мире, навели резкий контраст в картине существующих несоответствий⁶⁸. Наше рассмотрение избранных журналов и публикаций MOM за 2017 и 2018 годы показало, что действительно существуют значительные различия в направленности, объеме и аффилиации авторов, если анализировать опубликованный материал в разбивке по географическим регионам. Как мы уже неоднократно подчеркивали, это несомненно связано с источниками прямого и косвенного финансирования исследований, при котором большинство источников находятся в более зажиточных странах. Необходимо на постоянной основе прилагать больше усилий для улучшения поддержки исследовательских учреждений и исследователей в развивающихся странах, в том числе путем преодоления некоторых из структурных препятствий для финансирования и укрепления потенциала. Анализ собственных исследовательских публикаций MOM подтвердил тот примечательный факт, что одной из важных ролей MOM является ее внимание к исследованиям, касающимся стран развивающегося мира, особенно в Африке. Однако требуются еще более активные усилия для поддержки научно-исследовательской деятельности в развивающихся государствах по мере того, как подавляющее большинство стран повсюду в мире работают над осуществлением Глобального договора о миграции,

68 См., например MOM, 2017d, McAuliffe и Lazcko, 2016 и Triandafyllidou и McAuliffe, 2018.

которое является делом, получившем бы значительный выигрыш от вклада ученых, занимающихся академическими и прикладными исследованиями.

Наконец, мы вновь призываем разработчиков политики, специалистов-практиков, ученых-исследователей и другие стороны к критическому подходу и восприятию огромных объемов печатных материалов по вопросам миграции. Мы также подчеркиваем важность мероприятий и инициатив, объединяющих ученых, специалистов-практиков и разработчиков политики в области миграции, в том числе посредством организации рабочих совещаний, конференций, брифингов и соответствующих консультаций. Хотя временами это может оказаться непростым делом, восполнение пробелов, существующих между политикой, практикой и научными исследователями, когда это делается осознанно, может принести колоссальные преимущества для всех сторон.

ЧАСТЬ II

СЛОЖНЫЕ И ВНОВЬ ВОЗНИКАЮЩИЕ
ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ

МАРИ МАКАЛИФФ
АДРИАН КИТИМБО
БИНОД ХАДРИЯ

5

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВКЛАДЕ МИГРАНТОВ В ЭПОХУ РАСТУЩЕЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ И ДЕЗИНФОРМАЦИИ¹

Введение

Просмотр предыдущих докладов о миграции в мире и других политических и научных публикаций на темы международной миграции показывает, что в течение определенного времени преобладали как минимум два наблюдения: i) признание того, что миграция, особенно иммиграция, стала актуальной проблемой международной и национальной политики; и ii) что публичный дискурс о миграции все больше поляризуется при постепенном сужении пространства для сбалансированного, строгого и фактологически обоснованного анализа². Хотя характер публичного дискурса со временем изменяется, существует широкое признание того факта, что за последние несколько лет еще больше усилилась «токсичность» дискуссий о миграции, причем обсуждение связанных с ней вопросов все чаще имеет политическую подоплеку, сеющую страх и раздор³. Дестабилизация и дезинформация все шире используются в тактике борьбы за приход к власти при негативном воздействии на публичный, политический и социально-сетевой дискурс, на общественные ценности и на вопросы государственной политики, в частности касающиеся миграции, перемещения и мигрантов (включая беженцев)⁴.

Имея дело с зачастую негативным уклоном в дискуссиях о миграции и мигрантах, можно упустить из виду тот факт, что усилия людей, направленные на укрепление мира и процветания в современную эпоху, которые опирались на миграцию, в целом были успешными, а в конкретных ключевых областях - весьма успешными (в частности в отношении искоренения отдельных смертельных заболеваний или борьбы с ними и резкого сокращения уровня младенческой смертности после усилий, предпринятых странами в соответствии с Целями в области развития, сформулированными в Декларации тысячелетия, на 2000-2015 годы)⁵. Мигранты обеспечивают источник динамики в глобальном масштабе и чрезвычайно широко представлены в областях инноваций и патентов, среди награжденных за достижения в искусстве и науках, среди основателей стартапов и успешных компаний. Этот исторический и современный вклад все чаще остается в тени или игнорируется в последних дискуссиях о международной миграции, при этом многие примеры этого вклада со временем становятся «обыденными», но все же очевидными (а временами даже примечательными).

Легко также упустить из поля зрения, что международная миграция по-прежнему является относительно необычным явлением, так как к числу международных мигрантов относится всего лишь 3,5% населения мира (более подробную информацию см. в главе 2 настоящего доклада). Несмотря на эту малую пропорцию, общая численность международных мигрантов увеличилась за последние десятилетия,

1 Мари Маколифф, Руководитель Отдела исследований по вопросам политики в области миграции МОМ; Адриан Китимбо, научный сотрудник Отдела исследований по вопросам политики в области миграции МОМ; и Бинод Хадрия, профессор Университета Джавахарлала Неру.

2 GCIM, 2005; Martin, Larkin и Nathanson, 2000; McAuliffe и Ruhs, 2017.

3 Fisher, 2017; Kaufmann, 2017; Zappettini и Krzyzanowski, 2019.

4 Morgan, 2018.

5 Mathers et al., 2018.

достигнув 272 млн человек, что сопоставимо с численностью общего населения Индонезии (269 млн человек)⁶. В настоящее время нам известно, что в отличие от миграции мобильность становится гораздо более преобладающим явлением, в связи с чем некоторые утверждают, что пришло время переосмыслить то, как мы концептуально понимаем и рассматриваем эти вопросы⁷.

В этом контексте для сбалансированного обсуждения миграции важно вновь напомнить о многих сферах в которых мигранты внесли свой вклад на транснациональном, национальном и местном уровнях. Это не означает, что международная миграция и перемещение не создают проблем для общин в странах происхождения, транзита и назначения (а также для самих мигрантов), и многие другие главы в настоящем докладе посвящены таким проблемам. Однако, составляя эту главу, мы признаем, что многие примеры того, как мигранты вносят свой вклад в развитие обществ, в настоящее время выпадают из поля зрения, недооцениваются или принимаются как должное, и цель настоящей главы заключается в том, чтобы выдвинуть этот вклад мигрантов на первый план.

В следующем разделе содержится описание основных понятий, касающихся вклада, которые обеспечивают аналитические рамки для этой главы в контексте богатого массива академических и политических трудов на эту тему. Затем мы переходим к описанию и анализу вклада мигрантов на глобальном уровне с упором на социально-культурные, гражданско-политические и экономические аспекты. После этого в главе рассматриваются вновь возникающие препятствия, которые мешают признанию вклада мигрантов на глобальном уровне, и, наконец, приводится набросок выводов для обсуждений по вопросам политики и для дальнейших исследований.

Что такое «вклад»?

Вносить вклад означает предоставлять что-либо - деньги, время, идеи, труд, материальные блага - в целях достижения чего-либо совместно с другими людьми⁸. Вне личных отношений, таких как отношения с семьей и друзьями, и в контексте социологии и теории социальных изменений под «вкладом» подразумевается часть более широких взаимодействий и взаимоотношений с лицами, группами и институтами в обществе. Иными словами, внесение вклада происходит в рамках более широких структурных условий и социальных процессов, поддерживающих и формирующих общество. Оно может подразделяться на широкие категории вклада в социально-культурной, гражданско-политической или экономической сферах (см. определения в текстовой вставке).

Социально-культурная сфера затрагивает различные группы людей в обществе и их обычаи, традиции и убеждения.

Гражданско-политическую сферу образует участие в выполнении гражданских обязанностей в условиях признаваемой власти государства.

Экономическая сфера включает аспекты, связанные с торговлей, промышленностью или финансами.

Источники: Cambridge Dictionary, 2019; Almond и Verba, 1963.

6 ДЭСВ ООН, 2019.

7 Deutschmann и Recchi, 2019; Skeldon, 2018. См. также рассмотрение мобильности в главе 1.

8 Cambridge Dictionary, 2019.

По мере роста значимости миграции в сферах государственной политики и научных исследований сами по себе мигранты становились новым объектом более пристального рассмотрения как отдельные подгруппы населения в более широких группах населения стран с учетом структурных условий, с которыми они сталкиваются, особенно в странах назначения⁹. Растущее число исследователей, разработчиков политики и представителей средств массовой информации посвящают свое время рассмотрению того, как люди въезжают в новую страну, остаются и обосновываются в ней¹⁰; при этом первые из них сосредоточиваются на понимании демографических, географических, экономических, правовых/политических и других факторов¹¹; вторые - на том, как обеспечить наилучшее соответствие задачам политики (если она определена); а третьи - на критическом изучении и комментариях действий и тех, и других. Исследователи продолжают изучать динамическую взаимосвязь, существующую между мигрантами (включая потенциальных мигрантов) и миграционными процессами, с одной стороны, и соответствующими факторами - с другой. Например, из имеющихся фактических данных и их анализа нам известно, что вклад, на который способны мигранты в условиях страны назначения, как и страны происхождения, частично зависит от правовых и политических рамок, в частности воздействующих на способность как легальных, так и нелегальных мигрантов пребывать в стране, участвовать в общественной деятельности, трудиться на законных основаниях и делать денежные переводы, а также возвращаться домой (см. главу 6 этого доклада)¹². Вносимый вклад также связан с демографическими и социально-экономическими характеристиками, поскольку в тех случаях, когда лица, решившие мигрировать, обладают более высокой квалификацией, уровнем образования и более широкими возможностями, в конечном счете это с большей вероятностью найдет свое отражение во внесении вклада в самом разном смысле в странах происхождения и назначения¹³.

В более общем плане, согласно исследованиям в области миграции (см. главу 4 настоящего доклада) существует признание того, что значительная часть анализа проблематики мигрантов проводится с точки зрения страны назначения¹⁴, причем некоторые утверждают, что ведущая по иммиграции страна в мире - Соединенные Штаты - оказывает несоразмерно большое влияние на изучение мигрантов во всем мире¹⁵. С учетом этого обстоятельства в настоящей главе делается попытка отразить более широкий опыт вклада международных мигрантов путем использования последних исследований и анализа в отношении стран назначения и происхождения¹⁶. Расценивая и представляя главу таким образом, мы признаем, что не претендуем на обобщение всей существующей литературы и не предполагаем, что выводы, фигурирующие в главе, являются репрезентативными. Однако мы признаем важность внедрения разумного географического и тематического *разнообразия* исследований и анализа по этой теме, что в итоге сделало бы Доклад о миграции в мире подлинно *всемирным*.

9 Dennison и Drazanova, 2018.

10 В главе 4 описан рост объема научно-исследовательской литературы в количественном выражении; в главе 11 рассматриваются вопросы глобального регулирования миграции.

11 См., например, труды о кумулятивной каузальности (Massey, 1990), неоклассической экономике (Todaro, 1989), теории мировой системы (Wallerstein, 1974; Portes и Walton, 1981), новой экономике трудовой миграции (Stark и Bloom, 1985) и теории социальных сетей (Boyd, 1989).

12 Baldwin-Edwards, 2008; Kanko и Teller, 2014; Shah, 2009.

13 Goldin, 2018; Hunt, 2010.

14 Carling, 2015; Castles, 2010; McAuliffe и Laczko, 2016; Morawska, 2008.

15 FitzGerald, 2014.

16 Хотя в этой главе основное внимание уделяется *международной миграции*, мы признаем, что она может быть также актуальной для внутренней миграции в некоторых странах. См. Weiner (1978) в отношении примеров дестабилизации и дезинформации, приводящих к конфликтам и дискриминации в отношении мигрантов, переезжающих из одних штатов в другие в Индии.

Важно отметить, что в этой главе отсутствует оценка общего воздействия миграции в этих условиях. Исследования по воздействию миграции многочисленны и хорошо задокументированы (см., например, текстовую вставку ниже)¹⁷; они обеспечивают важное знание и анализ сути связанных с этим вопросов. В своей совокупности эти труды сосредоточены в основном на экономическом, а не социально-культурном или гражданско-политическом воздействии, что объясняется, в частности, более полной стандартизацией экономических переменных, которая способствует сравнительному анализу. В текстовой вставке ниже приводятся некоторые примеры последних публикаций об экономическом воздействии миграции, включая некоторые эмпирические оценки.

Оценка экономического воздействия миграции

Оценивание общего экономического воздействия миграции является темой напряженных дискуссий в политических и директивных кругах. К числу последних публикаций на эту тему относятся следующие работы:

- *«Исключительные люди: как миграция сформировала наш мир и будет определять наше будущее»* (авторы Голдин, Камерон и Балараджан). В этой работе показано, что среди экономистов существует широкий консенсус в отношении того, что для стран назначения иммиграция является катализатором экономического роста на агрегированном уровне и приносит чистые экономические выгоды. Однако авторы также признают, что продолжаются прения о том, как измерить эти результаты^а.
- В докладе Глобального института Маккинзи *«Люди в пути: воздействие и возможности глобальной миграции»* делаются аналогичные выводы и отмечается, что в 2015 году вклад мигрантов в глобальный валовой внутренний продукт (ВВП) составил свыше 9%, или 6,7 триллиона долл. США^б.
- В документе Международного валютного фонда *«Международная миграция: последние тенденции, экономическое воздействие и выводы для политики»* делается вывод о том, что экономическое воздействие миграции различается в зависимости от страны и что, хотя миграция создает проблемы, она также приносит выгоды странам происхождения и назначения^в.
- В работе Голдина и др. *«Миграция и экономика: экономические реалии, социальные последствия и политический выбор»* отмечается, что иммиграция положительно воздействует на экономический рост и что это происходит в целом ряде отношений: многие мигранты находятся в более молодом возрасте по сравнению с местным населением и поэтому оказывают более значительное позитивное воздействие как на ВВП на душу населения, так и на общий (совокупный) ВВП; миграция повышает производственную отдачу в расчёте на одного работника путем роста человеческого капитала; иммиграция стимулирует общую факторную производительность и инновации. В докладе утверждается, что, если бы иммиграция в Соединенное Королевство и Германию прекратилась в 1990 году, реальный ВВП обеих стран в 2014 году был бы ниже, соответственно, на 175 млрд фунтов стерлингов и 155 млрд фунтов стерлингов^д.

17 См. также *Доклад о миграции в мире 2005 года* (МММ, 2005).

- Воздействие на рынки труда, включая ставки заработной платы, широко варьируется, часто являясь ничтожным, и в основном определяется тем, как квалификация мигрантов дополняет квалификацию местных работников^e. Как утверждает Рухс в работе «Цена прав: регулирование международной трудовой миграции», в долгосрочной перспективе возможно обратное воздействие по мере адаптации экономики к иммиграции^f.
- В работе Клеменса, Хуана и Грэма «Экономические и бюджетно-финансовые последствия предоставления беженцам официального доступа на рынок труда» отмечается, что, как об этом свидетельствуют большинство фактических данных, средний эффект притока беженцев на рынки труда как в развитых, так и развивающихся странах является небольшим или ничтожным^g.

a Goldin, Cameron и Balarajan, 2011.

b McKinsey Global Institute, 2016.

c IMF, 2015.

d Goldin et al., 2018.

e Ibid.

f Ruhs, 2013.

g Clemens, Huang и Graham, 2018.

В следующем разделе настоящей главы рассматривается социально-культурный вклад, а за ним следуют разделы, которые посвящены гражданско-политическому и экономическому вкладу. Затем в главе рассматриваются последние фактические данные о том, как изменяются публичные дискуссии о миграции, в том числе посредством (недобросовестного) использования платформ социальных сетей для дезинформации и дестабилизации в транснациональном масштабе. В заключительном разделе обобщаются выводы из существующих фактических данных для их использования в политике, практике и исследованиях.

Социально-культурный вклад мигрантов

Многие из нас повседневно ощущают социально-культурный вклад мигрантов, даже если мы можем не осознавать этого. Такие простые действия, как покупка продуктов на нашем местном рынке, обед в ресторане или заказ пищи на вынос, посещение мест отправления культа, музыкального представления или спортивного соревнования, скорее всего, связаны с влиянием мигрантов или обогатились (и в некоторых случаях стали возможными) благодаря мигрантам, которые принесли с собой свои обычаи и традиции.

Возможно, одним из наиболее значимых и заметных примеров вклада мигрантов в социально-культурные аспекты жизни обществ повсюду в мире является распространение продуктов питания и кулинарных традиций, которое привело к колоссальному расширению гастрономического разнообразия в современную эпоху. В высшей степени социальное свойство делиться пищей является сугубо человеческой чертой, которая существенно важна в культурном отношении и обеспечивает возможность укрепления социальных связей в частных и публичных контекстах¹⁸. Глубокое воздействие обмена такими

18 Pilcher, 2017.

сокровенными и историческими культурными традициями, как приготовление пищи, и высокая оценка этого искусства позволяют понять, что вклад мигрантов является более основательным, чем это вытекает из поверхностной так называемой «сушиологии» миграции¹⁹. Пища может быть центральным компонентом опыта интеграции, который часто характеризуется как двухсторонний процесс:

Иммигранты путешествуют со своими кулинарными навыками и обычаями, хотя и приобретают новые пищевые привычки, которые они естественным образом адаптируют к собственной новой жизни и иногда ввозят в страны своего происхождения. Таким образом, это смешение происходит в обоих направлениях и отражает потребность людей в обмене и диалоге, что проявляется через пищу²⁰.

Пища также играет роль катализатора культурного слияния и нового опыта, как видно на примере многих мировых так называемых «глобальных городов»²¹. Последние исследования показывают, что на общемировом уровне мы сейчас больше связаны между собой с кулинарной точки зрения, чем когда-либо прежде. Изучение происхождения пищевых культур показало, что наиболее важные первичные регионы произрастания культур, вносящих разнообразие в современные продовольственные системы стран, чаще всего расположены где-то в другой части планеты²². Иммиграция, мобильность и торговые связи помогли облегчить развитие современной продовольственной системы. Такие блюда, как «индийское карри» или «курица тикка масала» (статус которых вырос до уровня национальных блюд Британии), стали широко признанным аспектом вклада индо-пакистано-бангладешской диаспоры, объединяющим представителей разных народов как «за столом», так и «на кухне»²³.

Культура питания может также обогащаться мигрантами, которые возвращаются на родину. Например, в Белизе многообразие страны и моделей эмиграции обеспечили развитие богатой культуры питания, которая опирается на кухни разных народов и ингредиенты, привезенные вернувшимися в страну трудящимися-мигрантами²⁴. Во всем мире имеется много стран, которые могут утверждать, что их национальная кухня обогатилась за счет международной миграции и передачи соответствующей культурной практики, особенно те из них, которые расположены вдоль морских и сухопутных торговых путей или через которые проходят долгосрочные миграционные коридоры, такие как Мальта и Сингапур. Последние исследования выявили тесную взаимосвязь между разнообразием современной кухни и миграцией²⁵.

В последние годы арены профессионального и любительского спорта международного уровня приобрели важное значение в кампаниях против расизма и ксенофобии. Весьма конкурентный и элитный характер этого сектора, а также его высокая популярность означают, что к мигрантам часто приковано всеобщее внимание, преимущественно в позитивном смысле²⁶. Элитный спорт позволяет мигрантам во многих отношениях «переступить» через дискриминацию и другие отрицательные моменты ввиду демонстрируемой ими чрезвычайной одаренности и восхищения, которое они могут вызывать. Такие программы, как Сеть интеграции в европейском спорте, Социальная интеграция и волонтерское движение в спортивных клубах Европы и «Гостеприимный футбол» (Австралия), направлены на признание и

19 Skerry, 2002.

20 Oussedik, 2012:55.

21 Kershen, 2002.

22 Khoury et al., 2016.

23 Lal, Reeves и Rai, 2006.

24 Wilk, 1999.

25 Sajadmanesh et al., 2017.

26 Lal, Reeves и Rai, 2006.

позиционирование спортивных звезд из числа мигрантов в качестве положительных героев, в том числе для поощрения интеграции посредством спортивных мероприятий²⁷. И все же исследования указывают на моменты неравенства в международной сфере элитного спорта, когда мигранты-выходцы из стран, издавна известных большим числом одаренных спортсменов любительского уровня, не обязательно имеют возможность поддерживать яркие спортивные системы. Или, в другом смысле, «на Кубке мира по футболу 2002 года 21 из 23 игроков команды Сенегала... были игроками французской лиги..., поэтому настоящий сенегальский футбол демонстрируется не в Сенегале, а в клубах Европы»²⁸. На местном уровне в Австралии суданские мигранты создали в местных спортивных клубах баскетбольные команды для того, чтобы поощрять подростков из их общины - афро-австралийской и других - к отказу от уличной культуры²⁹. Австралия является страной с развитым спортом, в которой активно ведутся рациональные дискуссии по вопросам спорта и миграции, а также проводится политика и внедряются программы, направленные на использование занятия спортом как средства интеграции. Однако последние исследования позволили установить, что культурный вклад мигрантов может быть как преимуществом, так и источником исключения из участия в спортивной жизни³⁰. Это отчасти зависит от соотношения между большинством и меньшинствами в контексте занятия спортом и от той степени, в которой специфичный культурный капитал мигрантов может гибко инкорпорироваться в спортивные системы³¹. Тем не менее нет никаких сомнений в том, что в целом мигранты вносят существенный позитивный вклад в спорт на местном, национальном и глобальном уровнях. См., к примеру, текстовую вставку ниже об «эффекте Салаха».

«Эффект Салаха»

Помимо забитого на второй минуте пенальти за «Ливерпуль» в матче против «Тоттенхэм Хотспур» в Мадриде 1 июня, египетский нападающий Мо Салах, возможно, также забил гол в матче против предрассудков, как отмечается в одном новом исследовании.

На поле Салах часто празднует голы, опускаясь на колени и прикасаясь лбом к траве в «суджуде» (исламской молитвенной позе), в то время как фанаты «Ливерпуля» скандируют: «Если парочку забьет еще чуток попозже, мусульманином тогда я стану тоже». Но «эффект Салаха» действует и за стенами стадиона, говорят исследователи из Стэнфордского университета, которые обнаружили сокращение числа преступлений на почве ненависти в районе Ливерпуля после подписания Салахом контракта с клубом в июне 2017 года. По данным аналитического центра Фонда «Раннимид», в Соединенном Королевстве после терактов 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке отмечается подъем исламофобии, или антимусульманского расизма. Как правило, всплески преступности на почве ненависти к мусульманам происходят между 24 и 72 часами после террористических актов исламских фундаменталистов, таких как нападение на Вестминстер в Лондоне в марте 2017 года.

27 Atkinson, 2015; CMY, n.d.; SPIN, n.d.

28 Simiyu Njororai, 2010:449. На Кубке мира 2018 года также отмечалось, что победившая французская команда почти полностью состояла из игроков африканского происхождения (McPartland, 2018).

29 Hinds, 2018.

30 Smith, Spaaij и McDonald, 2018.

31 Ibid.

В докладе были изучены данные полицейских управлений по всей Англии, включая Мерсисайд - графство Соединенного Королевства, в котором расположен Ливерпуль. Было установлено, что после приема Салаха в клуб количество преступлений на почве ненависти, сократившееся на 18,9%, стало «значительно ниже», чем можно было бы ожидать в противном случае.

«Наблюдаемое снижение больше в Мерсисаиде, чем во всех графствах, данные по которым использованы для сравнения, что позволяет предположить, что этот результат не является простой случайностью», - пишут исследователи. Они отмечают, что эта тенденция не совпала с общим снижением преступности: «В преступлениях на почве ненависти отмечается большее относительное снижение, чем в любой другой категории преступлений». Помимо этого, после изучения 15 млн твитов футбольных фанатов Соединенного Королевства исследователи обнаружили, что болельщики «Ливерпуля» вдвое сократили количество публикуемых ими антимусульманских твитов.

В ходе стэндфордского исследования был проведен опрос более чем 8 тысяч фанатов «Ливерпуля», который показал, что причиной снижения предубеждения к мусульманам в Мерсисаиде было то, что Салах знакомил своих болельщиков с исламом посредством соблюдения обрядов этой веры, в то время как его образ жизнерадостного отца, друга и фантастического футболиста ломал стереотипы «угрожающих мусульман». Благодаря его уже знаменитым празднованиям голов, его сообщениям в социальных сетях, его интервью на кромке поля и показу приветствий его жены Маги в накидке фанаты Салаха смогли заглянуть в его публичную и личную жизнь. По заключению исследователей, «эти выводы показали, что положительный показ знаменитостей вне группы может раскрыть новую гуманизирующую информацию о группе в целом, способствуя уменьшению предвзятого отношения и поведения». Они также надеются на то, что «эффект Салаха» откроет «новые потенциальные возможности для укрепления социальной сплоченности во всем мире».

Салах вошел в число 100 самых влиятельных людей 2019 года по версии журнала «Тайм» и, по описанию ведущего Эйч-би-оу Джона Оливера, является «скромным, задумчивым, забавным человеком, который не воспринимает это слишком серьезно». Пожалуй, последнее слово принадлежит его тренеру в «Ливерпуле» Юргену Клоппу, который высоко оценил признание заслуг спортсмена журналом «Тайм», отметив: «Мо очень умный человек, и его роль очень влиятельна. На данный момент в мире очень важно, чтобы были такие люди, как Мо».

Сокращенный отрывок из Whiting, 2019.

Точно так же, как в соответствии со сделанными выводами чрезвычайная спортивная одаренность позволяет людям преодолевать аспекты расизма, мигранты, обладающие исключительным артистическим талантом, смогли завоевать популярность и добиться успеха, тем самым становясь образцами для подражания другим в их сообществах. Это означает не преодоление дискриминации, а способность социальных норм с течением времени изменяться позитивным и конструктивным образом благодаря восхищению и уважению (как описано в текстовой вставке выше). В популярной культуре инаковость является достоянием, дающим «фору» на остро конкурентных и ориентирующихся на потребителей рынках талантов, вследствие чего мигранты разного происхождения часто преобладают в развлекательных секторах³². Мигранты могут вносить свежие идеи при создании поп-музыки:

Артистическое производство является делом, в котором высоко ценится новаторство. По иронии судьбы, это может давать мигрантам и их детям двоякого- местного и не вполне местного - происхождения определенные преимущества... Привнесение различных обрамлений, вкусов и репертуаров из культур их происхождения позволяет мигрантам добавить нечто новое к творческому миксу³³.

Культурные традиции могут также становиться предметом обмена опытом и формировать фундамент жизнестойкости и силы в чужой (подчас враждебной) среде. В последнее время анализ был направлен на изучение «сверхразнообразия» и выгод, как и проблем, которые способны порождать весьма разнообразные сообщества в результате международной миграции, в том числе в связи с культурным слиянием и социальной сплоченностью, а также в связи с социальной напряженностью и ксенофобией³⁴. Понятие «сверхразнообразия» часто применяется к городам как к основным площадкам для все более разнообразных групп населения³⁵ и, соответственно, разнообразия социально-культурных условий и опыта.

Мигранты также внесли существенный социально-культурный вклад в странах происхождения. Давно замечено, что мигранты приносят с собой новые идеи, ценности и практику, которые иногда называют «переводами социального капитала»³⁶. Эти виды капитала переводятся или обмениваются различными способами, в том числе, «когда мигранты возвращаются для жизни или посещения в свои общины происхождения, когда немигранты посещают их в принимающей стране, или посредством обменов письмами, видеоматериалами, кассетами, сообщениями по электронной почте, в блогах и в ходе телефонных бесед»³⁷. Важно, что не все переводы социального капитала имеют положительный характер. Идеи и виды практики, приносимые мигрантами, могут иметь как положительные, так и отрицательные последствия³⁸. Например, мигранты помогли в формировании гендерных норм в странах происхождения, поддерживая и отстаивая более полное гендерное равенство после опыта ознакомления с ним в других странах. Было установлено, что возвращающиеся мигранты вносят позитивный вклад в расширение прав и возможностей женщин и девочек в своих родных странах³⁹. Одно из недавних миграционных исследований показало, что мигранты в странах с гендерным паритетом скорее будут поощрять гендерное равенство в социальных институтах стран происхождения, и сторонниками таких перемен в большей степени являются женщины, чем мужчины⁴⁰. Однако, те, кто мигрировал в страны с более низкими уровнями гендерного равенства, чаще возвращаются приверженцами более консервативных гендерных норм⁴¹. Аналогичная тенденция наблюдается в отношении уровней фертильности. Исследование 2013 года, посвященное изучению взаимосвязи между международной миграцией и уровнями фертильности в странах происхождения на макроэкономическом уровне, позволило установить, что миграция в страны с более низкими уровнями фертильности сопряжена с сокращением фертильности на родине, хотя миграция в страны назначения с высокими показателями фертильности, как правило, приводит к обратному результату⁴².

33 Kasinitz и Martiniello, 2019:858.

34 Vertovec, 2007; Van der Meer и Tolsma, 2014. Отмечается, что эмпирическая основа этого термина была поставлена под сомнение эмпирическими выводами, показывающими, что в некоторых местах (в частности, в Соединенных Штатах) миграция усилилась, но происходит сужение разнообразия иммигрантов (Czaika и de Haas, 2014).

35 Nicholls и Uitermark, 2016.

36 Levitt, 1998.

37 Lamba-Nieves и Levitt, 2011.

38 Ibid.

39 Levitt и Lamba-Nieves, 2010; Lafleur и Duchesne, 2017; Grabowska и Engbersen, 2016; Kenny и O'Donnell, 2016.

40 Ferrant и Tuccio, 2015.

41 Ibid.

42 Beine, Docquier и Schiff, 2013.

Вклад мигрантов в гражданско-политическом отношении

Мигранты могут вносить важный вклад в гражданскую и политическую жизнь. Например, в странах назначения мигранты могут участвовать в государственном управлении и политике на разных уровнях (например, в общине/на местах, на национальном уровне), заниматься волонтерской деятельностью и поддерживать других мигрантов (особенно вновь прибывших) в деле интеграции в новых общинах. В главе 6 этого доклада рассматриваются аспекты этих проблем с точки зрения интеграции и социальной сплоченности, включая ту степень, в какой мигранты способны полностью вовлекаться в политические процессы (такие как демократические выборы).

Вероятно, внесение мигрантами гражданско-политического вклада в большей степени, чем в случае социально-культурного и экономического вклада, зависит от параметров политики, проводимой в стране, в том числе на национальном, субнациональном и местном уровнях; эта тема обсуждается в главе 6 настоящего доклада и не будет повторяться здесь. Однако основные факторы, влияющие на вклад мигрантов, были четко резюмированы в публикации о гражданско-политическом вкладе мигрантов (см. таблицу 1). Эта сводная таблица показывает сложность факторов, влияющих на то, в какой степени мигранты могут вносить вклад в гражданско-политическую сферу, что включает структурные параметры, но касается и других факторов, в том числе культурных и демографических аспектов.

Таблица 1. Факторы, влияющие на гражданско-политический вклад иммигрантов

Глобальный уровень	Национальный уровень (в странах происхождения и назначения)	Местный уровень (внешний и внутригрупповой)
<ul style="list-style-type: none"> • Транспортно-коммуникационные технологии • Международные нормы и договоры о правах человека • Международная политика силы, давление и конфликты с участием родной страны/региона иммигрантов 	<ul style="list-style-type: none"> • Географическая близость между странами происхождения и назначения • Структура и динамика экономики • Государственно-национальная модель гражданско-политической интеграции • Гражданская культура/практика интеграции - отторжения (мультикультурализм) • Состояние процесса государственного строительства • Политика в области иммиграции/эмиграции и гражданство • Межгосударственные двусторонние отношения • Патриархальные/эгалитарные гендерные отношения в частных и общественных сферах 	<ul style="list-style-type: none"> • Структура и динамика экономики • Гражданская культура/практика интеграции - отторжения (мультикультурализм) • Степень жилищной сегрегации • Межгрупповые отношения • Доля родившегося за рубежом населения • Численность иммигрантов/этнической группы и компактность проживания • Ментальность временного проживания/диаспоры • Ощущение гражданских прав иммигрантов/этнической группы • Внутренняя организация и лидерство

Как можно видеть из таблицы 1, при описании гражданско-политического вклада мигрантов важны нормативные или политические параметры на всех трех уровнях управления (глобальном, национальном и местном). Например, право голоса и права на занятие государственной должности и вступление в политическую партию или профсоюз могут устанавливаться предписаниями на различных уровнях (или обосновываться ими) с определением степени и характера соответствующего участия. Так, в некоторых местах мигранты имеют возможность (и от них ожидают) внесения активного вклада, в том числе путем голосования на демократических выборах (например, в Новой Зеландии), хотя это все еще относительно необычно для национальных выборов (см. текстовую вставку «Страны, в которых мигранты могут голосовать на национальных выборах» в главе 6 настоящего доклада). Способность голосовать на демократических выборах часто связана с натурализацией, так как мигранты, ставшие гражданами, могут голосовать, а также баллотироваться на государственную должность. Например, в Соединенных Штатах в результате выборов в ноябре 2018 года в Конгресс 116-го созыва был образован самый многообразный в расовом и этническом отношении Конгресс в истории страны, в котором 13% его членов составили мигранты в первом или втором поколении⁴³. В других местах, таких как государства Залива, трудящиеся-мигранты образуют весьма значительную долю рабочей силы, однако им запрещается вносить вклад в защиту прав трудящихся посредством коллективной/профсоюзной деятельности, не говоря уже о натурализации (см. главу 6 настоящего доклада)⁴⁴.

Роль диаспоры пользуется значительным вниманием в научно-исследовательском и политическом сообществах, и возможности групп диаспор участвовать в политических процессах в странах происхождения широко различаются, могут быть спорными и чувствительными⁴⁵. Так, недавние выборы в Турции (парламентские выборы и референдум по Конституции) показали высокую степень участия турецкой диаспоры и стали также предметом разногласий, возникших в ходе предвыборных кампаний политических партий, нацеленных на живущих в Европе турков⁴⁶. Существуют также определенные конкретные ограничения на участие диаспоры, которые установлены на международном уровне, в частности ограничения на самые крайние формы политического экстремизма со стороны запрещенных организаций, действующих в транснациональном масштабе⁴⁷. Опыт в странах назначения также может формировать политические идеалы мигрантов, поскольку они наблюдают различные системы в действии и интегрируются в принимающих обществах. Мигранты могут привозить с собой политические идеологии в страны происхождения, куда они возвращаются временно или на постоянное жительство. Например, исследования показали, что филиппинские мигранты, вернувшиеся из Специального административного района Китая Гонконга демонстрируют более высокую приверженность демократии, тогда как возвращенцы из Саудовской Аравии выразили более неоднозначное отношение к ней⁴⁸. Мигранты, включая беженцев, могут также быть важными агентами преобразований в рамках процессов миростроительства и реконструкции, ставя свой опыт, умение и ресурсы на службу восстановления инфраструктуры, укрепления социальной сплоченности и политических процессов в постконфликтных условиях, как показано в текстовой вставке ниже⁴⁹.

43 Bialik, 2019; Geiger, Bialik и Gramlich, 2019.

44 MOT, 2019; Khadria, 2016.

45 Pan, 1999; Lal, Reeves и Rai, 2006.

46 Adamson, 2018.

47 Clarke, 2017.

48 Rother, 2009.

49 Bradley, Milner и Peruniak, 2019; Jacobsen, Young и Osman, 2008; Milner, 2011.

Участие диаспоры в миростроительстве

Вовлечение диаспоры в конфликт «на родине» может быть либо позитивным, либо негативным в силу разнообразия внутри самой диаспоры. Представители и организации диаспоры зачастую играют противоречивые роли: некоторые способствуют конфликту и продолжению конфликта посредством предоставления финансовой, материальной и политической поддержки, которая используется в военных целях и снижает стимулы сторон к ведению переговоров. Другие вносят вклад в установление мира и урегулирование конфликта путем предоставления финансовой, материальной и политической поддержки, которая может вынуждать стороны к участию в переговорах, направленных на достижение политического решения^а.

До недавнего времени доминирующий дискурс об участии диаспоры в миростроительстве фокусировался в основном на негативных аспектах вовлечения диаспоры в конфликт и постконфликтные контексты, а именно на способности групп диаспоры к принуждению. Считалось, что диаспоры разжигают конфликт и усугубляют напряженность; однако диаспоры зачастую вносят позитивный вклад в усилия по миростроительству в затронутых конфликтами странах. Проблема заключается в том, как вдохновить диаспоры на то, чтобы направить свою энергию на поощрение устойчивого мира.

Поборник миростроительства из диаспоры должен быть искусным, информированным, общительным, пассионарным и отважным. Никто не воплощает эти качества в себе больше, чем Стефани Мбанзендоре, член-основатель организации «Бурундийские женщины за мир и развитие» (БЖМР)^б. На заседании Академии диаспоры^с Стефани подчеркнула ценность мягкой силы, когда она делилась своим опытом миростроителя из диаспоры, активно участвующей в работе по укреплению мира в Нидерландах и Бурунди. Мягкая сила как стратегия требует тщательной и ясной оценки людей, вопросов и процессов. Она также предполагает принятие решений, которые позволяют мирному потенциалу в какой-либо ситуации тонко проявляться в рамках деликатного участия в навигации по проблемной реальности. Стефани продемонстрировала умелое использование мягкой силы в планировании поездки на родину. В июле 2004 года она участвовала в поездке в Бурунди с целью представления бурундийской диаспоры новому бурундийскому правительству для установления отношений и оценки ситуации; это было ее первое посещение родины за девять лет. Потребовалось немалое планирование, разработка стратегий и заблаговременная подготовка для обеспечения успешности этой поездки.

После 2004 года Стефани прошла углубленную подготовку^д по укреплению потенциала^е, направленную на миростроительство в Бурунди и проведение кампании по обучению девочек. Одно из практических соображений (высокая стоимость аренды помещений для подготовки) привело к возникновению идеи о возможном строительстве учебного центра. По собственным словам Стефани: «Вначале я сомневалась в возможности этого, но если вы не просите, вы не получаете». По возвращении в Нидерланды Стефани обратилась к голландскому правительству с идеей строительства центра и получила положительный ответ. Затем она спросила своих партнеров в Бурунди, каким будет их вклад в этот проект, и местный муниципалитет выделил

участок под застройку. Был построен универсальный центр «Кирундо»; в нем имеется большой зал на 250 сидячих мест, библиотека, учебная аудитория, два бюро, компьютерная комната и большой внутренний комплекс. Центр был официально открыт первой леди Бурунди 11 марта 2011 года. Персонал центра носит оранжевую форму в знак признательности и благодарности Нидерландам за их вклад.

- a Smith и Stares, 2007.
 - b Организация «Бурундийские женщины за мир и развитие» была создана в 2001 году семью женщинами. Стефани Мбанзендоре является одним из членов основателей. Имеется по адресу www.bwpd.nl.
 - c Стефани участвовала в заседаниях Академии диаспоры в качестве эксперта.
 - d Подготовка по укреплению потенциала проводилась на следующие темы: урегулирование конфликта, гендерное насилие, насилие в семье, лидерство, самоуважение, выборы и кампании, ВИЧ/СПИД и молодежь.
 - e Стефани сказала: «В конце каждого цикла обучения все участники получали новые велосипеды. Они нуждались в транспортных средствах. Они были очень счастливы этим. Они сказали: «У нас есть кто-то, кто понимает наши заботы»».
- Сокращенный отрывок из Nordien, 2017.

Экономический вклад мигрантов

Что касается экономического вклада, то имеется весьма существенная и растущая совокупность фактических данных о наибольшей важности денежных переводов мигрантов для поддержки семей и местных общин в странах происхождения⁵⁰. Международные денежные переводы - в отличие от зарубежной помощи в целях развития и в меньшей степени от прямых иностранных инвестиций - представляют собой местные вливания посредством личных трансакций, которые обычно помогают семьям удовлетворять основные потребности домохозяйств (такие как питание и жилье) и уменьшают бедность⁵¹. Деньги, отправляемые мигрантами домой, могут становиться важным буфером в случае непредвиденных расходов, поддерживая финансовую стабильность и жизнестойкость домохозяйства⁵². Деньги могут также помочь в доступе к медицинским услугам и стать инвестицией в образование членов непосредственной и расширенной семьи, а также открывать возможности для инвестиций в предприятия, собственность и другие активы⁵³. Внедрение и расширение приложений «мобильные деньги» за последнее десятилетие способствовало улучшению поддержки семей и друзей мигрантов за счет их вклада в виде денежных переводов. Один из примеров из Кении свидетельствует о следующем:

По состоянию на 2013 год 93% взрослого населения Кении зарегистрировались для пользования M-Pesa и 60% активно пользуются этой услугой. Воздействие M-Pesa является гораздо более широким, так как оно облегчает создание тысяч малых предприятий и обеспечивает 20 миллионам кенийцев, особенно с низкими доходами, доступ к финансовым услугам. Доля пользователей M-Pesa с доходом менее 1,25 долл. США в день выросла с менее чем 20% в 2008 году до 72% в последующие три года⁵⁴.

50 de Haas, 2005; Mohieldin и Ratha, 2019; ОЭСР/MOT, 2018.

51 MOM, 2016; Skeldon, 2018.

52 Beaton, Catão и Koczan, 2018.

53 ПРООН, 2011.

54 Shrier, Canale и Pentland, 2016:10. M-Pesa, что означает «мобильные деньги», является платформой, позволяющей пользователям хранить деньги или переводить их другим пользователям с помощью мобильных телефонов. См. Suri и Jack, 2016.

Помимо более полной финансовой интеграции, приложение «Мобильные деньги» снижает расходы на денежные переводы и сокращает риск практики эксплуатации. Однако признается, что уровни доступа и пользования в местных общинах различаются в связи с социально-экономическими и демографическими отличиями. Так, недавнее исследование в Гане показало, что женщины демонстрируют иное финансовое поведение и более готовы экономить в домашних условиях, используя мобильные деньги, в то же время имея более ограниченный доступ к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ).

Затем исследователи рекомендовали «направить усилия на обеспечение женщин мобильными телефонами (и другими ИКТ), с тем чтобы помочь им в охвате финансовыми услугами в целях развития»⁵⁵. Аналогичное исследование в Уганде позволило установить, что бедные домохозяйства выиграют от специальных программ и дополнительной помощи для поддержки более полного доступа к услугам мобильных денег⁵⁶. В некоторых странах существуют различные законы и предписания, ограничивающие использование ИКТ для трансграничных финансовых потоков. Несмотря на важность обеспечения цифровой безопасности и предотвращения незаконных финансовых переводов, чрезмерно обременительные и жесткие предписания часто повышают стоимость отправки денежных переводов, и в частности замедляют внедрение новых технологий, необходимых для расширения финансовой интеграции⁵⁷.

Правовой статус может оказывать глубокое воздействие на способность обеспечивать экономическую поддержку семей и общин на родине. Нелегальное и нестабильное положение влечет за собой ограничение вариантов переводов и более высокую их стоимость. Нелегальный статус в стране назначения часто означает также более низкую оплату труда с большим риском эксплуатации, более высокими расходами на проживание и ограниченным выбором, что в свою очередь может оборачиваться более низкой способностью к переводу денежных средств⁵⁸. Кроме того, исследования показали, что более высокая нестабильность, связанная с работой нелегальных мигрантов в рамках неформальных трудовых отношений, приводит к необходимости для таких работников располагать достаточным количеством денег на непредвиденные случаи, что также негативно сказывается на их способности отправлять денежные переводы⁵⁹. Именно в этом контексте признается, что нелегальные мигранты даже в большей степени, чем другие мигранты, служат для обществ основными исполнителями таких работ, которыми меньше всего предпочитают заниматься местные работники, поскольку они характеризуются тремя отрицательными свойствами, а именно как грязные, опасные и тяжелые работы⁶⁰. Некоторые утверждают, что во всем этом выигрышной стороной являются принимающие страны, которые могут пользоваться устойчивым притоком рабочей силы в неформальную экономику и таким образом сохранять низкими расходы на оплату труда⁶¹, хотя и не пользуясь доходом от сбора налогов. Однако с учетом отсутствия единообразия в этом отношении определенные сектора в экономике многих стран (такие как сельскохозяйственный, рыболовный сектора и сфера ухода) в большей степени зависят от нелегальных трудящихся-мигрантов, что приводит к сегментации рынка труда. Работодатели в этих секторах могут вести себя, как «плохие субъекты», эксплуатируя нелегальных трудящихся-мигрантов, которые скорее соглашаются на более низкую плату и плохие условия труда от отчаяния⁶². В качестве одного из средств решения этих проблем некоторые страны периодически осуществляют программы легализации для того, чтобы лица на

55 Osabuohien и Karakara, 2018.

56 Murendo et al., 2018.

57 Cooper, Esser и Peter, 2018; IFAD и the World Bank Group, 2015.

58 Baldwin-Edwards, 2008; Kanko и Teller, 2014; Shah, 2009.

59 Schluter и Wahba, 2009.

60 Shah, 2009; Khadria, 2009.

61 Shah, 2009.

62 Papademetriou, 2014.

нелегальном положении могли получить законный статус и вернуться/интегрироваться в формальную экономику⁶³. Однако более систематические меры, направленные на обеспечение достойных условий труда как для местных работников, так и для мигрантов, позволят людям, занимающимся трудом низкой или средней квалификации, повысить свою способность вносить вклад в развитие.

Больше чем работник...

Хотя мы часто думаем о международных мигрантах в основном как об источнике рабочей силы, они являются чем-то большим, чем просто работники, играя разную экономическую роль в странах происхождения и назначения, и в том числе:

- как **работники** мигранты являются частью рынка труда, но и воздействуют на него; они также изменяют распределение доходов в стране и влияют на приоритеты в инвестициях внутри страны;
- как **учащиеся** мигранты - или их дети - вносят вклад в увеличение резерва человеческого капитала и распространение знаний;
- как **предприниматели и инвесторы** они создают рабочие места и способствуют инновациям и технологическим преобразованиям;
- как **потребители** они содействуют росту спроса на отечественные и зарубежные товары и услуги, что влияет на уровни цен и производства, а также на торговый баланс;
- как **накопители сбережений** они не только отправляют денежные переводы в страны своего происхождения, но и косвенно через банковскую систему способствуют развитию инвестирования в странах, которые их принимают;
- как **налогоплательщики** они пополняют государственный бюджет и пользуются государственными услугами;
- как **члены семьи** они поддерживают других, включая нуждающихся в заботе и поддержке.

Источник: ОЭСР/МОТ, 2018 (адаптировано).

Мигранты вносят и продолжают вносить существенный экономический вклад в странах как происхождения, так и назначения. Одним из наиболее изученных и внимательно рассмотренных видов экономического вклада являются денежные переводы мигрантов в страны их происхождения. По мере резкого увеличения объема средств, отправляемых в виде денежных переводов, в последние годы вырос также и интерес разработчиков политики и ученых к пониманию того, каким образом денежные переводы оказывают позитивное или негативное воздействие на страны-получатели. В 2018 году глобальный объем денежных переводов составил 689 млрд долл. США, тогда как приток средств только в страны с низким и средним уровнем доходов вырос до рекордных 529 млрд долл. США с 483 млрд долл. США в 2017 году⁶⁴. Невозможно переоценить важность денежных переводов для стран происхождения; в 2018 году объем

63 Triandafyllidou, Bartolini и Guidi, 2019.

64 World Bank Group, 2019.

денежных переводов в страны с низким и средним уровнем доходов, кроме Китая, превысил потоки прямых иностранных инвестиций (ПИИ)⁶⁵, что отражает как расширение масштабов международной миграции, так и появление новых и относительно недорогостоящих каналов для международных денежных переводов⁶⁶. Более полная информация о денежных переводах приводится в главах 2 (глобальный обзор) и 3 (региональные изменения) настоящего доклада.

Хотя другой совокупный вклад мигрантов в развитие стран происхождения не столь хорошо задокументирован, как денежные переводы, растущий массив фактических данных наводит более четкий фокус на эти выгоды. Одной из форм такого вклада является финансирование посредством таких инструментов, как облигации для диаспоры. Для переживающих трудности и нехватку ликвидности стран облигации для диаспоры являются сравнительно недорогим средством мобилизации финансов, в том числе в периоды финансового кризиса⁶⁷ и после стихийных бедствий; они были основной альтернативой заимствованию средств от более дорогих кредиторов, таких как другие правительства, финансовые учреждения или рынки капиталов. Заимствуя по привлекательным ставкам у своих граждан за рубежом, правительства также могут осуществлять крупные проекты развития. Между тем облигации для диаспоры предоставляют гражданам и бывшим гражданам за рубежом возможность быть субъектами развития на родине, а именно вносить ощутимый вклад в экономику стран своего происхождения, особенно участвуя в инициативах по смягчению последствий бедствий после таких катастроф, как землетрясения и наводнения, обрушившихся на их родную землю. Так, в 2017 году Нигерия выпустила свои первые облигации для диаспоры, мобилизовав 300 млн долл. США на финансирование инфраструктурных объектов⁶⁸. В 2018 году Армения, которая является страной с большой диаспорой, также внедрила выпущенные правительством облигации для диаспоры⁶⁹. Однако наиболее успешными странами, черпающими выгоды из облигаций для диаспоры, вероятно, являются Индия и Израиль, которые в течение десятилетий мобилизовали миллиарды долларов⁷⁰. Индия также предлагает дифференцированные и свободные от налогообложения процентные ставки по срочным вкладам индийских нерезидентов в индийских банках⁷¹. С 1951 года Израиль с помощью этого финансового механизма мобилизовал свыше 40 млрд долл. США⁷².

Помимо приобретения облигаций для диаспоры, мигранты вносят вклад в экономику своих родных стран путем прямых инвестиций или создания новых предприятий. В ряде исследований было продемонстрировано, что для вернувшихся мигрантов более вероятно создание ими предприятий, чем для людей, никогда не покидавших свои страны⁷³. Действительно, в некоторых странах на компании, которыми владеют представители диаспоры, приходится значительная доля ПИИ. Например, в Грузии приблизительно 17% фирм частного сектора принадлежат диаспоре страны⁷⁴. Предпринимательство диаспоры не только помогает накоплению физического капитала в странах происхождения, но и продолжает повышать производительность в экономике и способствовать созданию рабочих

65 Ibid.

66 Meyer и Shera, 2017.

67 Ratha и Ketkar, 2011.

68 Brookings Institution, 2018.

69 Lieberman, 2018.

70 Strohecker, 2016.

71 В индийской банковской системе предлагается широкое разнообразие банковских счетов. См. Khadria, 2009, 2012.

72 Strohecker, 2016.

73 ОЭСР, 2016; Demurger и Xu, 2011; Naudé, Siegel и Marchand, 2015.

74 ОЭСР, 2016.

мест. Однако экономический вклад мигрантов в развитие стран происхождения не ограничивается финансированием и предпринимательством; создавая миграционные сети между странами, мигранты снижают информационные барьеры и способствуют наращиванию торговых и инвестиционных потоков между странами происхождения и назначения⁷⁵. Недавно проведенное исследование, в котором изучался вопрос о том, оказывает ли присутствие мигрантов воздействие на решения по инвестированию в рамках ПИИ, позволило установить, что иммиграция действительно сокращает информационную асимметрию и положительно влияет на исходящие потоки ПИИ из стран назначения в страны происхождения⁷⁶. Присутствие большого количества мигрантов может также создавать рынок продуктов, произведенных в странах происхождения, и тем самым увеличивать торговые потоки между странами⁷⁷. Оффшорный аутсорсинг бизнес-процессов и документальный учет операций являются важными сферами предпринимательства в Индии, которым занимаются возвращенцы, накопившие начальный капитал, в периоды экономического спада в развитых странах, особенно в Соединенных Штатах, фактически вынудившего их вернуться на родину⁷⁸. Одной из самых важных форм вклада, обеспечиваемого мигрантами в странах их происхождения, является их влияние на резервы человеческого капитала. Это происходит либо непосредственно, когда они возвращаются с новыми знаниями и навыками, либо опосредованно путем стимулирования граждан к приобретению или укреплению их человеческого капитала, повышающего общий уровень квалификации в стране⁷⁹. Было предложено новаторское участие проживающих за рубежом врачей и среднего медицинского персонала в планируемых «Силах Организации Объединенных Наций по поддержанию здоровья» (по образцу Сил Организации Объединенных Наций по поддержанию мира) в целях предоставления бесплатной или недорогой медицинской помощи неквалифицированным и нелегальным иммигрантам среди их собственной диаспоры, а также в третьих странах с низким индексом человеческого развития⁸⁰. Однако все чаще разработчиков политики беспокоит тот факт, что эмиграция, особенно мигрантов с высокой квалификацией, может дорого стоить. В этой связи обычно поднимаются и широко дискутируются вопросы, касающиеся «утечки мозгов» и «неэффективного использования мозгов» или утраты/недостаточного использования высококвалифицированного человеческого капитала⁸¹.

Экономический вклад мигрантов в странах назначения подвергся глубокому изучению. Существует обширный массив фактических данных о том, как мигранты как с низкой, так и с высокой квалификацией восполняют нехватку рабочей силы, которая может ощущаться в тех или иных профессиональных группах, секторах или среди конкретных профессий⁸². В странах с высокой долей местных высококвалифицированных работников трудящиеся-мигранты с низкой квалификацией дополняют навыки местных работников, занимая рабочие места в тех секторах, где ощущается нехватка в гражданах; во многих случаях это также сектора, которые местные работники считают непривлекательными⁸³. Это не только способствует

75 IMF, 2015.

76 Fensore, 2016.

77 Ibid.

78 Khadria, 2009.

79 McKinsey Global Institute, 2016.

80 Khadria, 2012.

81 «Утечка мозгов» определяется как миграция высококвалифицированных работников из более бедных в более богатые страны, а «неэффективное использование мозгов» подразумевает недооценку навыков, когда мигранты в итоге устраиваются на работу, требующую более низкий уровень квалификации, чем приобретенный ими в странах происхождения. См. Docquier и Rapoport, 2011; Pires, 2015.

82 Khadria, 2012; Ruhs, 2013; Goldin et al., 2018; Goldin, Cameron и Balarajan, 2011; IMF, 2015.

83 Constant, 2014.

восполнению нехватки рабочей силы в таких отраслях, как строительство и сельское хозяйство⁸⁴, но и позволяет местным работникам в секторах, требующих высокой квалификации, продолжать свою производственную специализацию. Это дополняемость в навыках имеет важное значение для местных высококвалифицированных женщин. Когда мигранты заполняют рабочие места по уходу за детьми и ведению домашнего хозяйства, местные женщины получают возможность расширить свое участие в трудовой деятельности и повысить продуктивность. Например, исследование, проведенное в Италии, позволило установить, что, когда имеется много иммигрантов, обслуживающих домохозяйства, местные итальянские женщины проводят больше времени на работе⁸⁵. Такой же вывод был сделан по итогам одного исследования, проведенного в Соединенных Штатах в 2011 году, когда было установлено, что за счет снижения расходов на обслуживание домохозяйств иммиграция работников низкой квалификации повышает снабжение рабочей силой и среднее время, затрачиваемое на рынке труда местными высококвалифицированными женщинами⁸⁶.

Некоторые страны почти полностью зависят от трудящихся-мигрантов, особенно в таких отраслях, как строительство, гостиничное хозяйство и розничная торговля. Например, в Объединенных Арабских Эмиратах и Кувейте международные мигранты составляют значительную долю населения этих стран (соответственно, 88% и 76%)⁸⁷. А для стран, переживающих демографический спад, мигранты могут сыграть существенную роль в компенсации определенных негативных экономических последствий, связанных с уменьшением численности населения, которое может заблокировать общую продуктивность и рост экономики страны. При снижении уровней фертильности в таких регионах, как Европа, мигранты вносят значительный вклад в рост населения и предложение рабочей силы⁸⁸. В период 2012-2016 годов в Европейском союзе из общего прироста населения лишь 20% приходилось на естественные демографические изменения (соотношение рождений и смертей), тогда как еще 80% общего прироста обеспечила чистая миграция⁸⁹.

Что касается их более широкого экономического вклада в виде широкомасштабного и долгосрочного внешнего воздействия на общества, то мигранты издавна были движущей силой предпринимательства и инноваций. Мигранты в отличие от людей, которые никогда не жили за пределами своих стран, гораздо охотнее идут на деловые риски. Возможно, это объясняется тем, что, как отмечают некоторые исследователи, мигранты уже пошли на риск выезда из своих стран происхождения для поиска более благоприятных возможностей в новых местах, и поэтому хорошо подготовлены к возможным рискам⁹⁰. Преодолевая препятствия и вызовы, сопряженные с переездом в другую страну, они развивают в себе так называемый «менталитет роста», который позволяет им приспособливаться, приобретать уверенность в себе и проявлять больше терпимости к неизвестности⁹¹. Вместе с тем последние исследования предостерегают от оценки мигрантов в качестве «сверхпредпринимателей» по сравнению с местным населением, поскольку в отношении этого в лучшем случае имеются разнородные агрегированные

84 Ibid.

85 Barone и Mocetti, 2010.

86 Cortés и Tessada, 2011.

87 ДЭСВ ООН, 2019.

88 См. рассмотрение миграции и демографических изменений в регионах мира в главе 3 настоящего доклада.

89 Eurostat, 2019.

90 Goldin et al., 2018.

91 Kelly, 2018.

данные⁹². Кроме того, предприниматели из числа мигрантов по-прежнему сталкиваются с крупными проблемами, что может приводить к краху их предприятий. Одним из самых важных сдерживающих моментов для предпринимательства мигрантов является невозможность получить доступ к кредитованию, и, хотя от этого страдают не только мигранты, им труднее получить займы на развитие дела, чем людям, родившимся в стране⁹³. Такие факторы, как отсутствие залогового имущества, более короткие кредитные истории, возможная дискриминация и отсутствие у кредитных учреждений информации о мигрантах, снижает вероятность получения ими кредитов от финансовых учреждений⁹⁴. Другие препятствия - включая ограниченные права в области открытия своего дела, отсутствие местных сетей, неосведомленность о местной деловой среде и языковые и культурные барьеры - остаются важными факторами сдерживания предпринимательской деятельности мигрантов⁹⁵.

Вероятно, в Соединенных Штатах, как ни в одной другой развитой стране, иммигранты внесли важный вклад в развитие инноваций и предпринимательства. Хотя иммигранты представляют лишь 13% населения страны общей численностью более 300 млн человек, они составляют почти 30% всех предпринимателей⁹⁶. Кроме из несоразмерного вклада в предпринимательство, последние исследования выявляют, что предприятия, основанные иммигрантами в Соединенных Штатах, не только оказываются более жизнеспособными, но и чаще всего превосходят по результативности те, которые были созданы местными гражданами, если оценивать их по расширению занятости на основе трех- и шестилетнего периодов⁹⁷. Однако в этом же исследовании было установлено, что с точки зрения увеличения заработной платы компании, основанные иммигрантами, не отличаются в лучшую сторону от тех, которые были созданы местными предпринимателями, а в действительности могут и отставать в этом от предприятий их местных коллег⁹⁸. Успешность и вклад в инновации наиболее заметны в машиностроении и технологических отраслях; так, примерно у четверти машиностроительных и технологических фирм, основанных в Соединенных Штатах в 2006-2012 годах, как минимум одним основателем был иммигрант⁹⁹. Одним из средоточий таких успешных новаторов и предпринимателей из числа мигрантов часто называют Кремниевую долину¹⁰⁰. Однако эта тенденция не сводится к Соединенным Штатам. Мигранты во всем мире продолжают способствовать созданию рабочих мест, а также вносят вклад в экономический рост стран назначения путем предпринимательской деятельности. Обследование 2012 года экономики 69 стран в рамках Глобального мониторинга предпринимательства показало, что иммигранты ведут более активную предпринимательскую деятельность по сравнению с коренными жителями¹⁰¹. Кроме того, несмотря на скудность исследований о вкладе мигрантов в предпринимательство в странах с низкими доходами, публикуемые исследования, особенно касающиеся беженцев, показывают, что в тех странах, где беженцы имеют возможность работать, они вносят позитивный вклад в экономику стран назначения. В Уганде, которая принимает один из крупнейших контингентов беженцев в мире, беженцы, проживающие как в городах, так и в сельских районах, ведут активную предпринимательскую

92 Naudé, Siegel и Marchand, 2017.

93 Desiderio, 2014.

94 Ibid.

95 UNCTAD, MOM и УВКБ ООН, 2018.

96 Ewing Marion Kauffman Foundation, 2017.

97 Kerr и Kerr, 2016.

98 Ibid.

99 Ewing Marion Kauffman Foundation, 2014.

100 Lal, Reeves и Rai, 2006.

101 Global Entrepreneurship Monitor, 2013.

деятельность и создают рабочие места не только для себя, но и для угандийских граждан¹⁰². Исследование в отношении предпринимателей из числа беженцев в Кампале, показало, что в среднем такие беженцы нанимают в городе 2,4 человека каждый¹⁰³. Аналогичная тенденция наблюдается в Южной Африке, в которой применяемый к беженцам подход, который дает им возможность самостоятельного расселения, позволяет им не только свободно передвигаться, но и находить работу и обеспечивать самозанятость. Вместе с тем, поскольку многие беженцы борются за рабочие места в формальной экономике, многие другие выбирают открытие собственных предприятий в неформальном секторе. В недавно изданном докладе об «экономике предпринимательства беженцев в городских районах Южной Африки» был сделан вывод о том, что предприятия беженцев внесли вклад в экономику страны путем создания рабочих мест¹⁰⁴; согласно оценкам в провинциях Кейптаун и Лимпопо, соответственно, 52% и 45% предприятий нанимают работников, при этом примерно 50% из этих предприятий более склонны к трудоустройству южноафриканцев¹⁰⁵.

Мигранты в качестве новаторов

В последние годы большое внимание привлекает вклад мигрантов в инновационную деятельность, особенно в странах назначения. Редко оспаривается и пользуется широким консенсусом мнение о том, что мигранты являются важными движущими силами инноваций в мире. В одном из недавних докладов выявлено четыре способа, с помощью которых мигранты активизируют инновационную деятельность: а) за счет более высокой концентрации мигрантов в экономических секторах, в которых существуют тенденции к расширению инноваций; б) посредством патентов и в качестве предпринимателей; с) в рамках их большего вклада в деловые стартапы по сравнению с местными жителями; и d) путем укрепления инвестиционных, торговых и технологических связей^а. Соединенные Штаты демонстрируют самые яркие примеры инноваций мигрантов. Так, мигранты издавна участвуют в увеличении числа патентов в Соединенных Штатах^б. По сути, с учетом их концентрации в таких областях, как наука и машиностроение, мигранты в Соединенных Штатах регистрируют вдвое больше патентов, чем местные жители^с. В недавнем исследовании, цель которого состояла в определении того, как высококвалифицированная иммиграция воздействует на «перераспределение продуктов» в Соединенных Штатах, было установлено, что «10-процентное увеличение доли работников, въехавших по визе H-1B, связано с двухпроцентным ростом показателей перераспределения продуктов»^д. Иными словами, компании, нанимающие работников более высокой квалификации с уровнем образования не ниже колледжа, создали больше новых продуктов^е. Перераспределение продуктов, которое является еще одним показателем инноваций, определяется как поступление на рынок новых продуктов и удаление с него более старых продуктов^ф.

102 Betts et al., 2014.

103 Ibid.

104 Crush et al., 2017.

105 Ibid.

В отдельном исследовании 2018 года было выявлено, что, несмотря на их относительно малую долю в населении страны, за период с 1976 года на мигрантов в Соединенных Штатах приходится 30% всех инноваций^g. Вклад мигрантов в инновационную деятельность в Соединенных Штатах наглядно демонстрирует количество нобелевских лауреатов и членов Национальной академии наук из числа иммигрантов, которых втрое больше, чем местных жителей^h. Хотя большинство исследований на темы инноваций посвящены Соединенным Штатам, растет количество трудов, в которых изучается, какой вклад вносят мигранты в этой области в других странах. Одно из исследований по оценке вклада мигрантов в увеличение количества патентов в Соединенном Королевстве, Франции и Германии показало, что, как и в Соединенных Штатах, существует позитивная корреляция между высококвалифицированными мигрантами и инновациямиⁱ.

a Goldin et al., 2018.

b Rassenfosse и Pellegrino, 2019; Moser, Voena и Waldinger, 2014; Hunt и Gauthier-Loiselle, 2010; Kerr и Lincoln, 2010.

c Hunt и Gauthier-Loiselle, 2010.

d Khanna и Lee, 2018.

e Ibid.

f Ibid.

g Bernstein et al., 2018.

h Goldin et al., 2018.

i Venturini, Montobbio и Fassio, 2012.

Новые препятствия, мешающие признанию вклада мигрантов

В предыдущих разделах мы видели, что всегда существовали большие и малые препятствия, мешающие мигрантам вносить свой вклад в странах происхождения и назначения, которые, как правило, связаны с параметрами политики, вытекающими из целого ряда правовых контекстов. Например, многие препятствия обоснованы применением законов, более широко регламентирующих жизнь общества, таких как трудовое законодательство, имущественное право, уголовное право, налоговое законодательство и т.п. Мы также видели, что для облегчения вклада мигрантов в тех или других отношениях успешно применялись изменения в структурных/политических параметрах и новые технологии (такие как мобильные деньги). Разумеется, проблема максимизации или оптимизации вклада и создания надлежащих условий для реализации возможностей по достижению мира и процветания касается не только мигрантов, но и остается в центре внимания разработчиков политики в большинстве стран повсюду в мире, поскольку она затрагивает всех жителей (граждан и неграждан). Вместе с тем возникает также взаимозависимость между выработкой политики и политическими процессами, которые все больше сближают их по целому ряду причин, включая круглосуточную работу средств массовой информации, перенос акцента с «экспертизы и анализа» на «мнение», весьма значительные изменения в оперативности и подаче материала за счет критического размышления и корректировки и прочее¹⁰⁶.

Под влиянием таких потрясших мир геополитических событий, как окончание «холодной войны», теракты 11 сентября и широкомасштабные перемещения людей в Европу и через нее в 2015 и 2016 годах, в

106 Kirkpatrick, Ackroyd и Walker, 2005; Weinberger, 2011.

последнее время в политическом климате все чаще насаждались более жесткие формы политики и реагирования на острую проблему миграции. Это наиболее очевидно в западных демократических странах, но никоим образом не ограничивается ими. В одном исследовании 2014 года с использованием больших данных об описании миграции и мигрантов в средствах массовой информации десяти стран¹⁰⁷ одним из основных выводов было то, что политики далеко превосходят всех остальных в доминировании их мнений в средствах массовой информации всех стран. Такова ситуация как в Афганистане, так и в Шри-Ланке, Канаде или Соединенном Королевстве¹⁰⁸. Иммиграция все чаще используется в качестве политического критерия и средства определения ценностей (а в демократических системах - в качестве средства мобилизации электората). Некоторые исследования выявили, что «политический конфликт вокруг иммиграции подчинен политической логике и должен быть отнесен на счет партий и партийной конкуренции, а не «объективного давления»»¹⁰⁹. Роль крайне правых партий в политизации иммиграции из соображений политической целесообразности является темой, нередко поднимаемой в последних исследованиях¹¹⁰. Иными словами, во многих странах «антииммиграционная» риторика превратилась в центральный элемент политического бренда, стремящегося захватить долю рынка, невзирая на значимость (или иную характеристику) самого вопроса существа. То, что когда-то было «тактикой собачьего свистка» в отношении антииммиграции, превратилось в центральную тему посылаемых политических сигналов. Политиканство само по себе становится важным препятствием для сбалансированной политики в области иммиграции и для вклада мигрантов.

Политиканство и миграция

Среди старых верных последователей левоцентризма бытует простое объяснение упадка партий, которыми они привыкли управлять - это иммиграция... Не проходит и недели без того, чтобы какой-нибудь кандидат или журналист не заявил, что либералы вернутся к власти только тогда, когда они закроют границы. Одержимость иммиграцией - не прискорбная случайность. Она отражает широко разделяемое убеждение в том, что упадок крупных левоцентристских партий повсюду в Европе... был вызван подъемом новых популистских праворадикальных партий, которые «украли» прежние голоса рабочего класса с помощью нативистических и даже авторитарных меседжей.

...

Однако после так называемого кризиса в связи с беженцами 2015 года эти тревоги переросли в панику по мере того, как лидеры социал-демократических партий Европы отчаянно пытаются продемонстрировать свою озабоченность в связи с иммиграцией... [Д]раматический сдвиг в риторике на первый взгляд левоцентристских партий является частью более широкой паники в связи с тем, как обуздать расползание правого популизма на Западе, происходящее в последние годы.

107 McAuliffe и Weeks, 2015. В число 10 охваченных стран входили Афганистан, Бангладеш, Вьетнам, Канада, Нидерланды, Норвегия, Пакистан, Соединенное Королевство, Швейцария и Шри-Ланка.

108 Ibid.

109 Grande, Schwarzbözl и Fatke, 2018.

110 Abou-Chadi и Krause, 2018; Abou-Chadi, 2018; Mudde, 2019.

...

[О]тмечающийся в последнее время подъем популистских праворадикальных партий - в отличие от их первоначального распространения в 1990-х годах - не обуславливается привлечением на их сторону большей части рабочего класса. На самом деле реакция на такие события, как 11 сентября и «кризис в связи с беженцами», со стороны ведущих комментаторов и политических деятелей способствовала появлению аргументов праворадикальных популистов в главном русле публичных дискуссий, и, как следствие, предлагаемые ими «решения» стали приемлемыми для более широких слоев общества. В результате сейчас самыми успешными популистскими праворадикальными партиями являются Volksparteien - «народные партии», а не «рабочие партии», и они не представляют только рабочий класс.

...

Академические исследования последовательно показывают, что в тех случаях, когда основные партии сдвигаются вправо в попытке присвоить идеи правых радикалов, это не причиняет вреда популистским правым партиям - фактически это часто помогает им^a. Кроме того, другие исследования показывают, что это также не останавливает ослабления электоральных позиций социал-демократических партий^b. И в этом есть свой смысл. Уделяя приоритетное внимание иммиграции как проблеме и усиливая негативное изображение мигрантов и миграции, основные партии только помогают продвигать в приемлемой форме основную идею праворадикальных популистов. Кроме того, избиратели праворадикальных популистов являются не только нативистами, но и популистами, что объясняет почему «иммиграционный реализм» социал-демократических партий в итоге оказывается неэффективным.

a Abou-Chadi и Krause, 2018.

b Abou-Chadi, 2018.

Сокращенный отрывок из Mudde, 2019.

Мы должны также признать, что основные способы проведения общественных прений изменились. Под этим мы подразумеваем, что «кто, что, где и как» в публичном дискурсе явно отличаются в мире, который недавно испытал стремительные преобразования в транснациональной коннективности. Необычайно расширились возможности получать доступ к информации и мнениям из разных мест в мире. Мы также можем в основном без ограничений (самостоятельно) публиковать наши собственные взгляды, что стало возможным благодаря относительно новым платформам социальных сетей. Используя эти платформы, организованные группы, несмотря на их численный размер, все больше способны использовать открытые (некурируемые) публикации в режиме реального времени в целях искажения нарративов в попытках добиться изменений в политических (и стратегических) решениях¹¹¹. В целом то, как мы - как страны, как сообщества и все больше как транснациональные группы, основанные на ценностях - описываем и рассматриваем миграцию для себя и для других, формируется в результате кардинальных изменений в ландшафте средств массовой информации. Недавно было проведено исследование в отношении этих изменений, в котором был использован анализ больших данных в «Твиттере» и которое, в частности, выявило, что некоторые группы занимаются созданием «путаницы» в сообщениях, с тем чтобы негативно изображать беженцев и других мигрантов, независимо от фактов (см. текстовую вставку ниже).

Транснациональный трайбализм, иммиграция и платформы социальных сетей

На пике так называемого кризиса в связи с беженцами (октябрь 2015 - май 2016 года) было проведено исследование больших данных в «Твиттере», в ходе которого были проанализированы почти 7,5 млн твитов, собранных с помощью таких хештегов, как #refugee, #refugeecrisis и #flüchtlinge^a. В исследовании изучалось формирование образа беженцев в «Твиттосфере» и то, в какой степени такие мыслеформы представляли альтернативные мнения. В ходе анализа было установлено, что в целом доминирующие интерпретации вращались вокруг охраны и безопасности, с одной стороны, и гуманитарной тематики - с другой. Исследование также выявило некоторые откровенно расистские хештеги, связанные с некоторыми интерпретациями в отношении охраны и безопасности. Увязка любого нового вопроса с ранее существовавшими хештегами - например, #refugees и #tcot - указывает на возникающую динамику подверствования новых вопросов и использования их в других политических целях. Исследователи установили, что «Твиттер» уже не является платформой социальных сетей, работающей в качестве выравнивающего поля; скорее, давнее присутствие некоторых уже обусловило среду, в которой новые теги по-своему «социализируются» и «транслируются» миллионам подписчиков. Это указывает на инструментализацию «Твиттера», при которой он стратегически используется для достижения определенных политических целей, диктуемых конкретными интересами, в частности крайне правых активистов. Имелись доказательства все более резких высказываний против иммиграции в Европе. В целом дискуссия о беженцах в «Твиттере» зависла между проблематикой безопасности и расистскими интерпретациями, с одной стороны, и гуманитарным реагированием - с другой.

Учитывая события, происходившие в то время в Европе, неудивительно, что в исследовании отмечалось участие европейских активистов. Для многих политологов предметом большого интереса является взаимосвязь между этими событиями и подъемом транснационального трайбализма через платформы социальных сетей и традиционные средства массовой информации под руководством политических лидеров. Миграция занимает видное место в этом анализе, в связи с чем характерно частое употребление слов «битвы», «борьба» и «боевые действия»^b. Основные участники битвы находятся в Европе, в Соединенных Штатах и Австралии и могут поддерживать связь посредством беспрецедентной транснациональной коммуникации^c. Вместо того чтобы сосредоточиться на экономических вопросах, эта битва ведется за то, чтобы общество овладели идеи либо «национализма и протекционизма», либо «интеграции и открытости»^d. К сожалению, иммиграционная политика стала центральным элементом этой транснациональной борьбы за политическую власть^e.

a Siapera et al., 2018.

b Mounk и Foa, 2018.

c Zemandl, 2018; Suiter и Culloty, 2019.

d Kaufmann, 2017; Zemandl, 2018.

e McAuliffe, 2018.

Заключительные замечания в отношении грядущих вызовов

В идеальном мире отсутствовала бы необходимость написания этой главы. Сама ее тема была бы столь очевидной и бесспорной, что не являлась бы актуальной. И все же сейчас как никогда ранее в современной послевоенной истории важно отразить вклад мигрантов в развитие стран и общин повсюду в мире. Это важно просто потому, что в публичных прениях по важным вопросам политики, в частности в отношении международной миграции, все труднее услышать сбалансированные точки зрения.

С учетом этого контекста речь в настоящей главе не идет о количественном анализе соотношения издержек и выгод миграции. Вместо этого в главе рассматривается зачастую игнорируемая, но основная определяющая характеристика мигрантов как тех, кто вносит вклад в развитие общин в стране назначения, а также в местах своего происхождения.

В этом ракурсе мы рассмотрели три главные сферы, которые формируют хорошее общество: социально-культурный, гражданско-политический и экономический вклад. Сегодня, в XXI веке, мигранты, возможно, лучше способны вносить вклад в этих сферах, чем в прошлом веке (или ранее), что в основном объясняется феноменальными улучшениями в развитии, которые имели место во многих странах, а также по причине повсеместного признания необходимости обеспечивать, чтобы глобальное развитие и стабильность основывались на правах человека¹¹². Вместе с тем эта глава также убедительно доказывает, что вклад мигрантов в развитие обществ, политическое устройство и экономику во всем мире не только в значительной степени выпадает из поля зрения, недооценивается или принимается как должное, но и затрудняется распространением дестабилизации и дезинформации в отношении мигрантов. Последние исследования и анализ показывают, что некоторые формы технологий влияют на наше медийное, социальное и политическое взаимодействие и становятся более актуальными для процессов управления как в связи с регулированием новейших форм технологий, так и в связи с тем, каким образом они формируют демократические процессы¹¹³.

Поэтому остается вопросом, какова должна быть сбалансированная стратегия для обеспечения оптимизации, если не максимизации, заметности, признания и принятия этого вклада в глобальных и национальных политических повестках дня.

В то время как некоторые активисты и правозащитники ратуют за принятие политических мер реагирования¹¹⁴, другие участвуют в противодействии формированию негативного образа только посредством представления позитивных «идеализированных» образов мигрантов, а третьи утверждают, что нам необходимо быть осторожными, поскольку эти подходы чреваты угрозой дальнейшей поляризации публичных дискуссий, которые все чаще подпитываются подстрекательскими (и иногда неверными) комментариями в социальных сетях¹¹⁵. Памятуя об этом контексте, мы предлагаем вниманию читателей следующие выводы в отношении политики, практики и исследований:

112 См., например, показатели индекса человеческого развития Организации Объединенных Наций за разные периоды времени, которые свидетельствуют о значительных улучшениях в уровне развития в большинстве стран мира.

113 Morgan, 2018.

114 См., например, Crawley и McMahon, 2016.

115 Kaufmann, 2017; Alfred, 2017.

- Сбалансированные публичные дискуссии требуют более тщательного контроля «фейкового» контента социальных сетей, в том числе путем развития более глубокого понимания обязанностей, которые неразрывно связаны со свободой слова. Это в настоящее время является «горячей» проблемой во многих частях мира, где активно рассматриваются или вводятся более строгие нормативные режимы¹¹⁶.
- Очевидно, существуют возможности сделать больший упор на исследования и анализ, сосредоточенные на мигрантах, а также на исследование вопроса о влиянии активистов социальных сетей на развертывание несбалансированного политического дискурса (и в конечном счете на принятие политических решений). В идеале это исследование должно быть направлено на изучение воздействия широкого спектра искаженных сообщений с учетом того, что существующие исследования, описанные в этой главе, показывают, что группы с негативными антимигрантскими интересами, по-видимому, все чаще используют платформы социальных сетей с большим эффектом, порой независимо от точности или правдивости представляемой информации.
- Как в историческом прошлом, так и в современный период существуют убедительные доказательства того, что мигранты внесли существенный вклад в различных условиях и в ряде важных отношений. Однако очевидно также, что существуют структурные ограничения, действующие на сдерживание вклада мигрантов таким образом, что это контрпродуктивно для общин, государств и мигрантов. Наиболее очевидные примеры существуют в отношении нелегальных или не имеющих документов мигрантов, которые могут выполнять непрестижную и недостаточно оплачиваемую, но тем не менее во многих случаях весьма необходимую работу. Структурные реформы в сочетании с инициативами в области миграционной политики (такими как легализация и расширение легальных каналов) открывают возможность для оптимизации вклада мигрантов и поддержки секторов и общин¹¹⁷.
- Существует возможность использовать инновации, которые дают новые технологии - такие как приложения для мобильных денег - в целях облегчения внесения мигрантами вклада в странах происхождения и назначения. Используемые мигрантами технологии способны поддерживать мигрантов на протяжении всего цикла миграции, в том числе в качестве средства поддержки безопасной, легальной и упорядоченной миграции. С учетом работы, уже ведущейся в этой области, одним из практических подходов является дальнейшая поддержка технологических стартапов мигрантов¹¹⁸.
- Имеются широкие возможности для более полного признания огромной ценности социально-культурного и гражданско-политического вклада мигрантов в обществах и на глобальном уровне, в том числе в политической, медийной и исследовательской сферах. Это может быть непростой задачей, однако тенденция к сосредоточению на экономических вопросах без полного признания важности других аспектов приводит к дежачническому взгляду на общества и национальные государства. К примеру, расширение исследований о влиянии мигрантов может включать описание как позитивных лидеров (например, в случае «эффекта Салаха»), так и взаимосвязи между передачей кулинарных знаний и здоровьем и благосостоянием, что давало бы возможность разработчикам политики и общим аудиториям лучше оценить важный вклад, который мигранты уже внесли в современную жизнь на глобальном уровне, а также дополнительный вклад, который они в состоянии предложить.

116 BBC, 2019; Tusikov и Haggart, 2019.

117 Triandafyllidou, Bartolini и Guidi, 2019.

118 См., например, "Start-ups Without Borders", имеется по адресу <https://startupswb.com/>.

СЕЛИН БОЛОЗ
ЗАНА ВАТИ
ДИЕГО АКОСТА

6

МИГРАЦИЯ, ИНТЕГРАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ, ПОСЛЕДНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ¹

Введение

Отношения между мигрантами и общинами, в которых они живут, образуют неотъемлемую и важную часть миграционного цикла². Эти отношения принимают форму психологических и социологических процессов адаптации между мигрантами и принимающими общинами, которые влияют на степень будущей интеграции мигрантов, и в том числе на их ощущение принадлежности. Для того чтобы обосноваться в новой общине - либо временно, либо постоянно, - от мигрантов может потребоваться адаптация к новой культуре, обычаям, общественным ценностям и языку. Степень, в какой мигранты в свою очередь будут постепенно вовлекаться в жизнь общества в стране их назначения, зависит также от отношения к ним принимающих общин, включая их открытость перед миграцией и мигрантами.

Инклюзия (социальная интеграция) мигрантов всегда была важным компонентом явления миграции; однако сегодня она является особенно сложной проблемой. Рост за последние 50 лет абсолютного количества мигрантов во все более глобализованном мире и диверсификация происхождения, социально-экономического статуса и причин для миграции мигрантов обусловили большое социальное, культурное, этническое и религиозное многообразие в принимающих обществах³. В результате большую озабоченность стал вызывать вопрос о воздействии миграции и разнообразия на социальную сплоченность⁴. Это иллюстрируется политикой инклюзии, которую проводят некоторые государства в целях формирования устойчивых отношений между мигрантами и принимающими общинами и сохранения социальной сплоченности. Эта политика в области социальной интеграции обретает многообразные формы в разных странах и является отражением общественных ценностей, включая отношение к иммиграции и разнообразию.

Хотя вопрос о том, как жить вместе во все более разнообразных общинах, приобретает центральное значение, вызовы в решении проблемы инклюзии мигрантов усложняются многообразием мнений и заявлений на эту тему. Помимо мигрантов и государств, сейчас все более важную роль в инклюзии мигрантов играет широкий спектр субъектов, таких как организации гражданского общества, общины и местные органы власти. Кроме того, сегодня практически каждый человек может публично выразить свои мнения об иммиграции и инклюзии мигрантов⁵. Политизация миграции в электоральных целях настолько обострила эти проблемы, что стала предметом обеспокоенности общественности. Частично в результате

1 Селин Болос, старший научный сотрудник Отдела исследований по вопросам политики в области миграции МОМ; Зана Вати, доцент кафедры социологии, Университет Эдж-Хилл; и Диего Акоста, профессор европейского и миграционного права, Бристольский университет.

2 Хотя в настоящей главе описывается ситуация в странах назначения, процесс интеграции мигрантов происходит также в странах транзита, а в случае возвращающихся мигрантов - и в странах происхождения. В отношении реинтеграции мигрантов см. Newland, 2017.

3 Appave и David, 2017.

4 Demireva, 2017.

5 См., например, обследование об отношении европейцев к миграции и интеграции, проведенное в 2017 году в 28 государствах-членах Европейского союза (Европейским союзом, 2018).

создания их негативных образов политическими партиями и средствами массовой информации⁶ мигранты в некоторых странах изображаются в качестве вызова для национальной идентичности, ценностей, экономической стабильности и безопасности, а также в более широком смысле - в качестве угрозы для социальной сплоченности⁷. Несмотря на важный социальный и экономический вклад мигрантов (см. главу 5 настоящего доклада), антииммиграционные настроения вызывают проявления нетерпимости, дискриминации, расизма, ксенофобии и даже акты экстремистского насилия в отношении мигрантов, особенно в странах, переживающих подъем национализма, патриотизма и популизма.

Невзирая на эти вызовы, государства недавно вновь подтвердили центральное значение социальной интеграции мигрантов и социальной сплоченности, определив их в качестве отдельной цели в Глобальном договоре о безопасной, упорядоченной и легальной миграции⁸. В Глобальном договоре о беженцах также поощряется инклюзия беженцев в принимающих странах посредством выработки долгосрочных решений, таких как местная интеграция⁹.

Для лучшего понимания того, что влечет за собой инклюзия мигрантов и какие вызовы и возможности она может принести с собой, остальная часть этой главы разбита на три основные части. В первой части содержится введение в понятия инклюзии и социальной сплоченности, а затем во второй части авторы переходят к изложению результатов и препятствий для инклюзии. После этого в третьей части изучается, каково «положение на местах», особенно в свете роли, которую играют местные субъекты и сами мигранты. В заключении обсуждаются некоторые выводы в отношении политических мер реагирования, которые могут способствовать дальнейшему укреплению инклюзии мигрантов и социальной сплоченности.

Инклюзия и социальная сплоченность: основные понятия и определения

Определение понятий «инклюзия мигрантов» и «социальная сплоченность» является непростой задачей, поскольку универсально признанные определения отсутствуют. Неоднозначность этих понятий усугубляется частым употреблением различных тесно связанных с ними терминов и трудностями в их разграничении (иллюстративный список и предлагаемые определения этих понятий см. в добавлении А)¹⁰.

В широком смысле социальная сплоченность может быть определена с помощью понятий «солидарность», «единение», «терпимость» и «гармоничное сосуществование»¹¹. Это не обязательно касается миграции и мигрантов, а в более широком смысле объединяющих сообщество уз доверия и общих социальных норм. Хотя эти узлы могут подрываться несоответствиями в богатстве и доходе, бедностью или межобщинной, этнической или расовой напряженностью, все чаще возникают вопросы в отношении воздействия миграции, и особенно разнообразия, на социальную сплоченность¹². Вместе с тем эмпирические доказательства, накопленные до настоящего времени, неоднозначны. Некоторые исследования указывают на негативное

6 Crawley, McMahon и Jones, 2016. В отношении нарративов о негативе в средствах массовой информации см. особенно Allen, Blinder и McNeil, 2017.

7 Appave и David, 2017; Papademetriou, 2012.

8 ГА ООН, 2018a: Приложение, цель 16.

9 ГА ООН, 2018b: пункты 97-99.

10 Выбор терминов «инклюзия» и «социальная сплоченность» в настоящей главе согласуется с терминологией, используемой в Глобальном договоре о миграции (ГА ООН, 2018a) и в Целях в области устойчивого развития Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (ГА ООН, 2015).

11 Demireva, 2017. См. также Fonseca, Lukosch и Brazier, 2018; Forrest и Kearns, 2001.

12 Zetter et al., 2006.

воздействие разнообразия в таких странах, как Соединенные Штаты Америки, тогда как исследования в Соединенном Королевстве и в более широком плане в Европе обнаруживают, что неравенство в доходах и лишения воздействуют на социальную сплоченность в большей степени, чем разнообразие¹³.

Хотя воздействие миграции и разнообразия на социальную сплоченность не является четко определенным, социальная сплоченность и инклюзия мигрантов тесно связаны между собой. Социальной сплоченности невозможно добиться, если часть населения, включая мигрантов, отторгается в том или ином жилом квартале, общине, городе и/или стране¹⁴. В результате - и несмотря на отсутствие универсального определения - можно подытожить, что инклюзия предполагает социальную сплоченность и инкорпорацию мигрантов в различные сферы жизни общества, такие как образование, здравоохранение, занятость, жилищная сфера и гражданское и политическое участие¹⁵.

Кто такой мигрант? Перспектива инклюзии

Как отмечалось в главе 2 настоящего доклада, универсально согласованные определения термина «мигрант» отсутствуют, но существуют многие толкования в зависимости от политических и аналитических контекстов. Например, Департамент Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН) в статистических целях определяет мигранта как «любое лицо, которое меняет страну своего обычного проживания»^а.

Когда речь заходит об инклюзии, понимание того, кто является мигрантом, зачастую шире и распространяется на потомков мигрантов, родившихся в принимающей стране. Хотя они сами не совершили миграции, потомки мигрантов могут все еще восприниматься как мигранты принимающим обществом и самоидентифицироваться как таковые. Это особенно верно в случае так называемых «мигрантов второго поколения», которые могут совмещать одновременно идентичность жителей принимающей их страны и страны происхождения их родителей^б. Эти множественные идентичности хорошо иллюстрируются в свидетельстве Джена, которая родилась в Соединенных Штатах от двух родителей-мигрантов:

Будучи дочерью двух иммигрантов, я думаю, что я должна работать вдвое больше, чем мои друзья, чьи семьи живут здесь поколениями, ибо только так и могу доказать моей семье, что им стоило приехать сюда, отправиться в это путешествие и начать свою жизнь с чистого листа. Быть ребенком иммигрантов означает балансировать между двумя разными культурами. Когда я росла, мне было трудно согласиться с тем, что я была частью этих двух миров, которые столь противоположны^с.

а ДЭСВ ООН, 1998.

б Vathi, 2015.

с Имеется по адресу <https://iamamigrant.org/stories/united-states/jenan>.

13 Demireva, 2017.

14 См. Jenson, 1998, где инклюзия фигурирует среди разных аспектов социальной сплоченности.

15 Faist, 2018. В отношении другого определения см. Charsley и Spencer, 2019. В этой главе описана инклюзия мигрантов без ущерба для того обстоятельства, что некоторые граждане могут сталкиваться с аналогичными проблемами в плане инклюзии.

На этом фоне инклюзия подразумевает процесс взаимной адаптации между мигрантами и принимающими общинами. Степень инклюзии мигрантов зависит от соответствующих лиц и контекста, в котором происходит адаптация. На процесс инклюзии мигрантов влияют такие факторы, как их демографические и личные характеристики (в частности возраст, пол, уровень образования и языковые способности), социальные сети и их способность проявлять предприимчивость¹⁶. Инклюзия остается глубоко личным и индивидуальным опытом, так как она различается среди мигрантов и членов семей и может быть различной для разных «групп» мигрантов, таких как беженцы, трудящиеся-мигранты с высокой или низкой квалификацией, жертвы торговли людьми или потомки мигрантов¹⁷. Аналогичным образом, на степень инклюзии человека влияет контекст с точки зрения как географического места, так и сроков. Каждая страна, каждое общество и каждая община всегда по-разному подходят к инклюзии, поскольку она зависит от их соответствующих исторического, экономического, социально-культурного и политического контекстов. В итоге их отношение к миграции и разнообразию может изменяться с течением времени, что в свою очередь определяет, какого типа политику в области миграции и инклюзии будут проводить государства¹⁸.

В качестве психосоциологического процесса инклюзия органично присуща опыту миграции¹⁹. Хотя исследования сосредоточены главным образом на положении в странах «глобального Севера», инклюзия выходит за рамки любого водораздела между Севером и Югом, поскольку она касается всех стран. Тот факт, что некоторые страны не проводят политики инклюзии, что наблюдается в основном в странах «глобального Юга», не обязательно подразумевает, что инклюзия - или отторжение - мигрантов не происходит на практике. Это всего лишь означает, что государство не разработало общенациональную стратегию по инклюзии мигрантов. Это может объясняться тем, что инклюзия не входит в приоритеты разработчиков политики. Такова ситуация, к примеру, в западноафриканских странах, где более актуальными являются другие социально-экономические вызовы или ощущается нехватка ресурсов²⁰.

Тем не менее, как признается в Глобальном договоре о миграции, политика в области интеграции может обеспечивать страны важными инструментами для поддержки ими интеграции мигрантов и укрепления социальной сплоченности²¹. В то же время отсутствие политики в области интеграции, напротив, может дорого обходиться не только для мигрантов, которые могут сталкиваться с дискриминацией и маргинализацией, но и в более широком плане для социальной сплоченности за счет повышенного риска напряженности, мятежей и гражданских беспорядков²². То ли как часть иммиграции/миграции, то ли в рамках отдельной политики инклюзия мигрантов может принимать различные формы, определяющие, как она должна протекать в каждой конкретной стране согласно присущим ей ценностям. Наиболее часто встречающимися моделями национальной политики инклюзии являются ассимиляция, мультикультурализм и интеграция, которые, как кратко описано в таблице 1, могут дифференцироваться в зависимости от ожидаемой степени адаптации мигрантов и приспособления к ним общества.

16 Castles et al., 2002; Fokkema и de Haas, 2011; Charsley и Spencer, 2019.

17 Относительно разницы между инклюзией беженцев и других мигрантов см., например, Castles et al., 2002. См. также Bauböck и Tripkovic, 2017; и Vathi, 2015, относительно разных поколений мигрантов.

18 Castles et al., 2002; see also Silver, 2015; Landau и Bakewell, 2018.

19 См. особенно Berry, 1997.

20 Gagnon и Khoudour-Castéras, 2012.

21 ГА ООН, 2018a: пункт 32 с).

22 Gagnon и Khoudour-Castéras, 2012.

Таблица 1. Краткое описание основных моделей инклюзии²³

Модель инклюзии	Степень адаптации мигрантов	Степень приспособления общества	Примеры политики	
Ассимиляция	Высокая	Низкая	Политика «белой Австралии», 1901-1966 годы ^a	Ограничение «небелой» иммиграции и ассимиляция «белых» иммигрантов ^b
Мультикультурализм	Низкая	Высокая	Канада, политика мультикультурализма, с 1971 года по настоящее время ^c	Признание того, что «мультикультурализм отражает культурное и расовое разнообразие канадского общества» ^d
Интеграция	Средняя	Средняя	План действий Европейского союза по интеграции граждан третьих стран, 2016 года ^e	Рассмотрение интеграции в качестве «динамичного двухстороннего процесса» ^f

Источники: (a) National Museum Australia, n.d.; (b) Ibid.; Berndt, 1961; (c) Government of Canada, 2018; (d) Ibid., 1985; (e) Европейским союзом, 2016; (f) Ibid.

Сторонники ассимиляции исходят из того, что разнообразие представляет собой угрозу для социальной сплоченности, и считают необходимой высокую степень адаптации мигрантов при низкой степени приспособления принимающего общества. Ассимиляция является односторонней политикой, при которой мигранты должны полностью перенять национальную идентичность и ценности принимающего общества в ущерб их первоначальным²⁴. Мультикультурализм, напротив, предполагает высокую оценку разнообразия и низкую степень адаптации мигрантов, которые могут сохранять свою культурную идентичность, а также высокую степень приспособления принимающего общества²⁵.

Хотя ассимиляцию называют «плавильным тиглем», мультикультурализм часто ассоциируется с «салатницей»: в плавильном тигле ингредиенты сплавляются и становятся неразличимыми, тогда как салатница включает разные ингредиенты, которые гармонично сосуществуют бок о бок. В то время как ассимиляция уже была нормой в таких латиноамериканских странах, как Аргентина, во время массовой миграции европейцев в XIX веке и в начале XX века²⁶, эти две модели особенно доминировали в

23 Эта емкая таблица составлена в основном по работам Berry, 1997 и 2006.

24 MOM, 2019, в добавлении А.

25 Castles, de Haas и Miller, 2014.

26 См., например, Acosta, 2018; Bailey, 1979; Bjerg, 1988; и Sánchez Alonso, 2002.

традиционных странах иммиграции на протяжении XX века. В широком смысле на ассимиляцию делался упор с 1920-х по 1960-е годы, а переход к мультикультурализму в 1970-х годах объяснялся неспособностью ассимиляционной модели приспособиться ко все более разнообразным обществам²⁷. Хотя политике мультикультурализма все еще следуют некоторые государства, включая Канаду²⁸, некоторые отrekliсь от него с середины 1990-х годов, поскольку считалось, что он не давал возможности противодействовать отторжению мигрантов и воспринимался как угроза национальной идентичности и ценностям²⁹.

В результате были задействованы разные модели для восстановления баланса между разнообразием и единством, который, по утверждениям некоторых, был утрачен из-за мультикультурализма³⁰. На национальном уровне сегодня предпочтительной моделью является интеграция, занимающая промежуточное положение между ассимиляцией и мультикультурализмом. Она предполагает средние степени адаптации со стороны мигрантов и приспособления со стороны принимающего общества³¹. Хотя не существует всеобщего согласованного определения, как правило, допускается, что она является двухсторонним процессом взаимной адаптации между мигрантами и обществами, в которых они живут³². На местном уровне в отношении инклюзии был разработан межкультуральный подход, в котором подчеркивается важность контактов и связей между людьми различного происхождения, будь то мигранты или граждане. Он опирается на идею о том, что разнообразие является преимуществом, и направлен на укрепление взаимопонимания и создание культуры разнообразия для борьбы с дискриминацией и неравенством³³. Этот политический нарратив берет свои истоки в Квебеке в 1980-х годах, является реакцией на канадскую мультикультурную политику и с тех пор постепенно закрепляется во все большем количестве городов и районов в странах, подобных Испании или Италии³⁴.

Эффективность инклюзии: вызовы и политические меры реагирования

Измерение уровня инклюзии мигрантов в принимающих обществах (так называемой «эффективности инклюзии») является сложной задачей с учетом различных индивидуальных и контекстуальных факторов, влияющих на инклюзию (см. текстовую вставку ниже). Тем не менее для более эффективной поддержки инклюзии мигрантов важно выявить потенциальные препятствия и разработать политические меры реагирования и/или провести их переоценку.

Измерение уровня инклюзии мигрантов с помощью показателей

В некоторых странах были разработаны показатели интеграции для измерения степени инклюзии мигрантов, которые используются для определения рейтинга этих стран в соответствии с эффективностью их политики в области инклюзии. К числу наиболее примечательных показателей относятся:

27 Castles, 2004; Castles и Davidson, 2000.

28 Joppke, 2014.

29 Kymlicka, 2012; Joppke, 2010. Но см. также Modood, 2013.

30 Zapata-Barrero, 2017.

31 Bivand Erdal и Oeppen, 2013; см. также Favell, 2005.

32 MOM, 2019.

33 Zapata-Barrero, 2017.

34 Ibid. Относительно межкультурализма в итальянских городах см., например, Caponio и Donatiello, 2017.

- *Индекс политики интеграции мигрантов 2015 года* (МИПЕКС-2015), при совместном финансировании Европейского фонда интеграции граждан третьих стран, Европейского союза (ЕС) и под руководством Барселонского центра по международным делам и Группы по политике в области миграции (2015)^a; и
- показатели положения иммигрантов, разработанные в 2012 году Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и изложенные в последнем издании совместной с ЕС публикации «*Расселение в 2018 году: показатели интеграции иммигрантов*»^b.

Поскольку инклюзия в значительной степени зависит от контекста, эти показатели отражают особое понимание того, что означает «успешная интеграция»^c. Оба набора показателей были разработаны с учетом контекста традиционных стран назначения. Таким образом, они могут быть неприменимы в других географических районах, включая растущее число стран в разных частях мира, которые также становятся странами назначения.

Остается также спорным сопоставление между охватываемыми странами с помощью рейтингов или индексов, поскольку даже среди традиционных стран назначения отсутствует единое понимание инклюзии и целей политики в области инклюзии. Цели политики мультикультуральной инклюзии будут отличаться от тех, которые преследует политика, в большей степени направленная на ассимиляцию. Поэтому трудно сопоставить эффективность политики в области инклюзии в странах с разными целями инклюзии^d.

Хотя показатели регулирования миграции не касаются непосредственно инклюзии, они также являются для государств полезным инструментом оценки комплексного характера их политики в области миграции, включая политику инклюзии. Показатели регулирования миграции разработаны по инициативе МОМ при поддержке аналитического центра журнала «Экономист» для оказания государствам помощи в осуществлении Рамочной программы регулирования миграции, которая была принята государствами-членами МОМ в 2015 году (резолюция № 1310 Совета от 4 декабря 2015 года о Рамочной программе регулирования миграции)^e. Показатели регулирования миграции, которых насчитывается 90, помогают государствам выявлять потенциальные пробелы в их миграционной политике, будущие приоритеты и передовую практику хорошо продуманной политики в области миграции, в том числе в отношении прав и благополучия мигрантов, которые являются ключевыми аспектами инклюзии мигрантов.

a Huddlestone et al., 2015.

b ОЭСР и ЕС, 2018. В отношении предыдущих изданий см. ОЭСР, 2012; ОЭСР и ЕС, 2015.

c Castles et al., 2002.

d Entzinger и Biezeveld, 2003.

e См. <https://migrationdataportal.org/overviews/mgi#0>.

В настоящем разделе исследуются эффективность инклюзии мигрантов и вызовы в некоторых ключевых сферах политики в области инклюзии, а именно в сферах языка, образования, интеграции на рынке труда, воссоединения семей, политического участия и натурализации. Основное внимание уделяется этим конкретным сферам политики без ущерба для важности других сфер, таких как здравоохранение или жилищная сфера. Хотя здравоохранение является предметом отдельной главы настоящего доклада (см. главу 7), жилищная сфера также является важным аспектом инклюзии мигрантов, поскольку экономическая

доступность и качество жилья влияют на благополучие и социальную инклюзию мигрантов³⁵. Если жилищную инклюзию можно оценивать по наличию доступа к владению жильем для некоторых мигрантов³⁶, то для других мигрантов, таких как беженцы, простой доступ к достойному жилищу уже является проблемой, как показывает так называемый «кризис» в связи с мигрантами в Европе в 2015-2016 годах, который некоторые считают «жилищным кризисом»³⁷.

Как уточняется в добавлении В, все сферы политики, рассматриваемые в настоящем разделе, отражают права человека, которыми вправе обладать все люди, включая мигрантов, с учетом принципа недискриминации, составляющего центральный элемент инклюзии мигрантов. Вместе с тем эффективность инклюзии мигрантов в рамках этих разных сфер политики сохраняет зависимость от их иммиграционного статуса. В то время как законное проживание является важным первым шагом к инклюзии, категория вида на жительство имеет определяющее значение для дополнительных прав и возможностей, таких как доступ к труду и образованию. Как явствует из нижеизложенного и по аналогии с правами человека, все эти сферы политики также взаимозависимы, поскольку каждая из них может оказывать воздействие на другую. Несмотря на акцент, который иногда делается на интеграцию на рынке труда³⁸, это отражает потребность во всеохватной политике в области инклюзии, которая распространяется на все аспекты инклюзии мигрантов.

Язык

Как принимающее общество, так и сами мигранты считают язык одним из самых главных аспектов инклюзии мигрантов. Например, в Европе 95% европейцев придерживаются мнения, согласно которому для интеграции мигрантов им важно в определенной степени владеть государственным языком³⁹. Конечно, язык может облегчать инклюзию, если он изучается еще до отбытия в страну назначения, однако в случае незнания или недостаточного знания мигрантами языка после прибытия они часто определяют языковые барьеры в качестве одного из первых вызовов, с которыми они сталкиваются. Например, после миграции из Камбоджи в Таиланд в поисках трудоустройства Софал отмечает: «Первые три месяца оказались очень трудными из-за языкового барьера. Я не мог общаться с людьми, да и продукты питания были мне незнакомы»⁴⁰. Помимо облегчения социального взаимодействия, язык важен для мигрантов, поскольку он помогает разобраться в новой обстановке, включая доступ к медицинской помощи, жилью и другим услугам. Он также улучшает их доступ к образованию, повышает вероятность трудоустройства и улучшает общее самочувствие⁴¹.

Язык, играющий ключевую роль в инклюзии мигрантов, часто составляет важное направление государственной политики. Иногда национальные или местные власти способствуют изучению языков путем организации языковых курсов, которые могут быть обязательными для мигрантов. Подчас эти языковые курсы бесплатны для мигрантов, как и курсы гражданской/социальной ориентации (например,

35 Phillips, 2006.

36 См., например, Darden, 2015.

37 Penny, 2016.

38 Castles et al., 2002.

39 Обследование было проведено в 28 государствах-членах Европейского союза с 21 по 30 октября 2017 года, и в ходе этого обследования было опрошено около 28 080 резидентов. Европейским союзом, 2018.

40 См. <http://iamamigrant.org/stories/cambodia/sophal>. В отношении важности изучения языка для беженцев и препятствий в этой связи см. Morrice et al., 2019.

41 Chiswick, 2016; Aoki и Santiago, 2018.

в Швеции и Канаде)⁴². Кроме того, определенный уровень владения языком может быть одним из требований для въезда или пребывания на территории страны в зависимости от запрашиваемого вида на жительство (в частности в случае воссоединения семьи) и для натурализации. Так, согласно данным МИПЕКС-2015 количество стран, выдвигающих требования в отношении знания языка для постоянного проживания, увеличилось от одной страны ЕС в 1990 году до 18 стран в 2014 году⁴³.

Хотя государственная поддержка изучения языка имеет ключевое значение, требования в отношении знания языка, которые обуславливают въезд, пребывание или натурализацию в стране, могут быть контрпродуктивными для инклюзии мигрантов. Пожалуй, страны, предъявляющие менее строгие требования в отношении знания языка, являются более благоприятными для инклюзии мигрантов. Проверки на знание языка могут действительно сдерживать мигрантов от подачи заявлений относительно того или иного статуса, а не мотивировать их к изучению языка⁴⁴. Эти проверки могут также усугублять уязвимость некоторых мигрантов, которые не могут пройти их ввиду разных факторов, включая возраст, уровень грамотности, а также состояние здоровья, семейные обстоятельства или экономические причины. Так, имеются фактические данные о том, что возраст отрицательно коррелируется со способностями к изучению новых языков⁴⁵.

В исследованиях подчеркивается парадоксальная ситуация, при которой в обществах, которые все больше поощряют многоязычие, делается упор на овладение государственным языком⁴⁶. Например, в некоторых городах Соединенных Штатах, таких как Майами, для работы в некоторых секторах важнее знать испанский, чем английский⁴⁷. В ходе исследований было выявлено, что в ряде общин отказ от языковой ассимиляции в пользу многоязычного подхода в школах способствует успеваемости учащихся из числа мигрантов и в конечном итоге снижает вероятность дискриминации и повышает у них ощущение интегрированности⁴⁸.

Образование

Наряду с перспективами трудоустройства, миграция может мотивироваться желанием мигрантов получить более качественное образование в другой стране⁴⁹. Образование позитивно влияет на занятость и социальное участие мигрантов в принимающем обществе, которое склонно более положительно относиться к мигрантам при достижении ими более высоких уровней образования⁵⁰. Для детей-мигрантов доступ к начальному образованию является основным правом человека, независимо от их миграционного статуса (см. добавление В). Однако результативность в учебе ниже у мигрантов, чем у их местных соучеников, особенно в случае мигрантов первого поколения. Успеваемость мигрантов зависит от целого ряда факторов, включая их языковые навыки, социально-экономический статус и культурную принадлежность, а также возраст при миграции⁵¹.

42 В отношении Швеции см. Wiesbrock, 2011. В отношении Канады см. <https://settlement.org/ontario/education/english-as-a-second-language-esl/linc-program/what-is-the-language-instruction-for-newcomers-to-canada-linc-program/>.

43 Huddleston et al., 2015.

44 Ibid.

45 Isphording, 2015.

46 Ros i Sole, 2014; Krüger Dias и Plaza Pinto, 2017.

47 Lewis, 2013.

48 Somers, 2018; Panagiotopoulou и Rosen, 2018.

49 Hagelskamp, Suárez-Orozco и Hughes, 2010; Bakewell и Bonfiglio, 2013.

50 См. КЭСКП ООН, 1999; UNESCO, 2018.

51 Filsi, Meroni и Vera-Toscano, 2016; Corak, 2011; UNESCO, 2018.

Хотя политические меры реагирования имеют важное значение для повышения уровня образования мигрантов, в МИПЕКС-2015 отмечается, что «образование оказывается самым слабым местом в политике большинства стран в области интеграции»⁵². За пределами стран, в которых применяются показатели МИПЕКС-2015, существуют более общие проблемы в доступе мигрантов к образованию. Они особенно ярко проявляются в случае детей из числа беженцев. В 2017 году из 7,4 млн детей-беженцев школьного возраста, подмандатных УВКБ, 4 млн детей не посещали школу - более половины всех детей-беженцев в мире⁵³. Что касается детей-мигрантов, то их полный охват национальными системами образования имеет важное значение, включая и тех детей, чье образование в основном обеспечивается гуманитарным сектором в странах с большим числом беженцев. Турция, в которой в 2018 году находились 1 млн беженцев школьного возраста, обязалась к 2020 году охватить своей национальной системой образования всех сирийских детей-беженцев, ранее посещавших временные учебные центры⁵⁴.

Проблемы в доступе к образованию существуют и для других детей-мигрантов. В некоторых странах административные формальности могут создавать препятствия для приема детей-мигрантов в школы, особенно если они не располагают определенными документами или находятся на нелегальном положении. Мигрантов может дополнительно сдерживать от записи детей в школу страх депортации в случаях, когда школы обязаны сообщать властям о наличии детей из числа нелегальных мигрантов или давать государственным органам доступ к личным данным детей⁵⁵. Для обеспечения зачисления детей-мигрантов и посещения ими школы некоторые страны ввели размежевание между иммиграционными органами и школами⁵⁶. Так, в Германии в 2011 году была отменена обязанность школ раскрывать данные учащихся⁵⁷. В некоторых странах, таких как Таиланд, также были упрощены процедуры зачисления в школу, включая детей-мигрантов, не располагающих определенными документами, удостоверяющими личность⁵⁸.

Проблемы в сфере образования детей-мигрантов не ограничиваются доступом к школьному образованию. К числу других препятствий для повышения успеваемости учащихся относятся отсутствие образования, конкретно отвечающего их потребностям, и в более редких случаях их сегрегация от местных соучеников в школьных классах⁵⁹. Состав учащихся в классе играет определенную роль, поскольку высокая концентрация детей-мигрантов отрицательно влияет на успеваемость учащихся. Исследования также указывают на то, что цифровые технологии способны сокращать разрыв в успеваемости между мигрантами и местными детьми путем обеспечения для детей-мигрантов возможности работать над школьными заданиями дома, в том числе путем доступа к учебному материалу на их родном языке⁶⁰.

В более общем плане дети-мигранты могут сталкиваться с предрассудками и дискриминацией в школе. Вместе с тем школы могут выполнять функцию площадок для поощрения терпимости и социальной сплоченности. Все большее число стран включает вопросы разнообразия в свои учебные программы, однако преподаватели все еще нуждаются в поддержке и подготовке для того, чтобы эффективно вести занятия в классах с разнообразным составом учащихся⁶¹, в том числе в рамках программ воспитания или наставничества⁶².

52 Huddleston et al., 2015.

53 УВКБ ООН, 2018.

54 UNESCO, 2018.

55 Ibid.

56 UN HRC, 2018.

57 FRA, 2011.

58 MOM, 2011.

59 UNESCO, 2018; De Paola и Brunello, 2016.

60 Rodrigues, 2018.

61 UNESCO, 2018.

62 PPMI, 2017.

Интеграция на рынке труда

Одной из ключевых областей политики государств является интеграция на рынке труда, учитывая тот факт, что в 2017 году во всем мире имелось 164 млн трудящихся-мигрантов, представляющих 59,2% всех международных мигрантов и 70,1% мигрантов трудоспособного возраста⁶³. Важность этого направления политики все больше подчеркивается ввиду экономического вклада мигрантов в развитие обществ в принимающих странах и странах происхождения (см. главу 5 настоящего доклада). Так, согласно оценкам, хотя мигранты в 2015 году создали 9,4% глобального валового внутреннего продукта (ВВП), более полная интеграция, в том числе в плане занятости, могла бы принести глобальному ВВП дополнительно 1 триллион долл. США в год⁶⁴. Для мигрантов точно так же, как и для немигрантов, интеграция на рынке труда означает укрепление экономической безопасности и повышает их благосостояние и ощущение принадлежности к принимающему обществу⁶⁵.

Интеграция на рынке труда включает разные аспекты в диапазоне от занятости и общей или целевой поддержки и до защиты трудящихся-мигрантов⁶⁶. Среди этих аспектов важным фактором является доступ к занятости. Уровни занятости мигрантов обычно ниже, чем немигрантов. Так, в Европейском союзе уровень безработицы среди мигрантов в 2017 году составлял 13,3% по сравнению с 6,9% среди населения, родившегося в стране⁶⁷. Тем не менее между странами и группами населения имеются существенные различия, поскольку интеграция на рынке труда зависит не только от социально-экономического положения и политики каждой страны, а также от демографических и индивидуальных характеристик мигрантов (таких как возраст, пол, языковые навыки или уровень квалификации) и обстоятельств их миграции. Например, для беженцев и лиц, совершивших миграцию для воссоединения семьи, в целом менее вероятно найти работу, чем для других мигрантов⁶⁸. Для повышения уровня занятости беженцев Швейцария в 2018 году внедрила новую пилотную программу искусственного интеллекта. Эта программа использует алгоритм, с помощью которого определяется, в какой район страны должен быть направлен тот или иной проситель убежища для максимизации его или ее возможностей в плане трудоустройства⁶⁹.

Для улучшения доступа мигрантов к занятости важное значение имеет общая и целевая поддержка мигрантов. Было установлено, что, помимо языковой подготовки, эффективным средством расширения такого доступа является профессиональная подготовка, особенно если она включает в себя компонент практической подготовки на рабочем месте⁷⁰. К числу других инструментов, которые считаются эффективными, относятся программы помощи в поиске работы и программы субсидирования заработной платы (то есть субсидируемой занятости в частном секторе)⁷¹.

Остается также проблемой неспособность обладания признанной квалификацией или трудовыми навыками, поскольку это ограничивает доступ к определенным рабочим местам и приводит к работе на должностях, не требующих больших трудовых навыков, трудящихся с более высокой квалификацией⁷². Работа на должностях с более низким уровнем квалификации может также увеличивать риск стресса для

63 MOT, 2018. См. Huddleston et al., 2015.

64 McKinsey Global Institute, 2016.

65 Huddleston и Dag Tjaden, 2012.

66 Huddleston et al., 2015.

67 Eurostat, 2018. Однако в Соединенных Штатах Америки уровень безработицы среди мигрантов (определяемых как лиц, родившихся за рубежом) в 2017 году был ниже (4,1%) чем среди населения, родившегося в стране (4,4%) (United States Department of Labor, 2018).

68 Lens, Marx и Vuji, 2018; Canganio, 2014.

69 Stanford University, 2018.

70 Bilgili, Huddleston и Joki, 2015.

71 Kluve, 2010; Card, Kluve и Weber, 2010; Butschek и Walter, 2014.

72 См. ОЭСР, 2014; Huddleston и Dag Tjaden, 2012.

мигрантов и приводить к ухудшению их психосоциального состояния⁷³. Этот вопрос связан не только с отсутствием программ признания квалификации, но и с неосведомленностью и отсутствием информации о таких программах или о стоимости и сложности связанных с ними процедур⁷⁴. Для упрощения и централизации программ признания квалификации в одном ведомстве может быть полезным внедрение «единого окна» службы признания квалификации, как было сделано в некоторых странах, в частности в Дании⁷⁵.

Феминизация миграции: призыв к использованию в инклюзии подхода, учитывающего гендерные факторы

Феминизация миграции отражается в растущем количестве женщин-мигрантов^a и изменении моделей миграции. Женщины-мигранты мигрируют не только в составе домохозяйства, но и проявляют все большую предприимчивость в собственной миграции, например, в качестве трудящихся, учащихся или беженцев.

Однако эта феминизация миграции не сопровождается более ориентированной на гендерную проблематику политикой по инклюзии мигрантов, которая отражала бы те или иные препятствия, возникающие перед женщинами-мигрантами^b. Эти барьеры особенно очевидны, когда дело касается интеграции на рынке труда. Так, в Европейском союзе в 2017 году были трудоустроены 54% женщин, родившихся за пределами ЕС, по сравнению с 73% мужчин, родившихся за пределами ЕС, и 68% женщин, родившихся в представивших данные странах^c. Среди трудоустроенных женщин-мигрантов 40% имели более высокую квалификацию, чем требовалось для их должностей^d, при этом большое число женщин было занято в сфере домашнего труда^e. Положение женщин-беженцев еще хуже в плане интеграции на рынке труда, учитывая их более шаткий статус и нестабильное положение^f.

Разница в уровнях занятости женщин-мигрантов и женщин, родившихся в стране, может частично объясняться более низким уровнем образования и более молодым возрастом женщин-мигрантов^g. В отличие от мужчин-мигрантов у женщин-мигрантов могут также быть обязанности по воспитанию детей, которые они могут выполнять в случаях, если они не работают или работают неполный рабочий день или даже на неформальных работах^h. Это влияет не только на их интеграцию на рынке труда, но и на их возможности действовать в качестве инициаторов приезда родственников для воссоединения семьи, поскольку у них может не быть минимальной заработной платы, которая для этого требуетсяⁱ. Воздействие культурных норм также может играть определенную роль для женщин-мигрантов, прибывающих из стран, в которых отмечается низкое экономическое участие женщинⁱ.

73 Espinoza-Castro et al., 2018.

74 MOM, 2013; Huddlestone et al., 2015.

75 MOM, 2013.

Инклюзия женщин-мигрантов может быть улучшена путем проведения политики, направленной на устранение конкретных структурных препятствий и факторов неравенства, с которыми они сталкиваются, и не только в экономической сфере, но и в других областях политики^k. Такая политика может также защитить женщин-мигрантов от уязвимого положения, которое может повышать риск насилия, злоупотреблений в их отношении и их эксплуатации^l.

a См. главу 2 настоящего доклада.

b Integration of migrant women: A key challenge with limited policy resources. European Commission. Имеется по адресу <https://ec.europa.eu/migrant-integration/feature/integration-of-migrant-women>.

c Ibid.

d Ibid.

e MOT, 2015; MOM, 2017a.

f Liebig и Rose Tronstad, 2018.

g Barslund и Laurentsyeva, 2018.

h Kontos, 2011.

i Huddleston и Pedersen, 2011. В отношении воссоединения семьи см. раздел ниже.

j Barslund и Laurentsyeva, 2018.

k Integration of migrant women: A key challenge with limited policy resources. European Commission. Имеется по адресу <https://ec.europa.eu/migrant-integration/feature/integration-of-migrant-women>.

l См. Hennebry, 2017.

Воссоединение семьи

Воссоединение семьи является центральным компонентом права на семейную жизнь. Исходя из этого граждане и мигранты, включая беженцев, могут действовать в качестве «инициаторов» приезда членов семьи, живущих за рубежом, для воссоединения с ними. Хотя не все мигранты желают объединяться со своими семьями в принимающей стране⁷⁶, для тех из них, кто проявляет такое желание, воссоединение семьи может играть важную роль в их инклюзии. Воссоединение семьи означает не только улучшение семейной жизни, но и социальную инклюзию (путем поступления в школы или общинные ассоциации) и политическое участие⁷⁷. Фактические данные также указывают на то, что объединение семьи повышает шансы мигрантов на интеграцию на рынке труда⁷⁸. Согласно результатам продольного обследования иммигрантов в Канаде члены семьи играют особенно важную роль в поддержке и облегчении вступления и интеграции мигрантов на рынке труда, особенно в первые четыре года после прибытия⁷⁹.

Воссоединение семьи стало важным элементом политики многих государств, особенно в западных странах. В 2016 году на семейную миграцию приходилось 38% всех миграционных переездов на постоянное жительство в странах ОЭСР с участием 1,8 млн семейных мигрантов, из которых 1,6 млн человек были зарегистрированы по процедуре воссоединения семьи, а остальные сопровождали трудящихся-мигрантов⁸⁰. Воссоединение семьи часто ограничивается определенными категориями членов семьи и регулируется особыми условиями⁸¹. Оно обычно сводится к членам непосредственной семьи (в частности супругам, детям моложе 18 лет и родственникам-иждивенцам), что может не отражать социальные

76 См. Mazzucato и Schans, 2011.

77 Huddleston и Dag Tjaden, 2012; Block, 2015; Bauder, 2019.

78 Spitzer, 2018.

79 Li, 2007.

80 OECD, 2018a; см. также Hooper и Salant, 2018.

81 Block, 2015.

конфигурации семей мигрантов⁸². Инициатор переезда зачастую обязан предъявлять доказательства достаточных финансовых средств для содержания членов семьи⁸³. В связи с тем, что это требование в отношении дохода может создавать трудности для беженцев, некоторые страны освобождают от него или снижают требуемый минимальный размер заработной платы⁸⁴.

Хотя эти условия, как правило, касаются управления миграционными процессами, другие требования к воссоединению семьи, утвержденные для заявленной цели обеспечения инклюзии мигрантов, могут быть контрпродуктивными. В частности, имеются в виду проверки знания языка до въезда в страну, которые необходимо иногда проходить членам семьи, для того чтобы они могли воссоединиться с мигрантами в принимающей стране⁸⁵. К этим проверкам можно подготовиться, предварительно посещая языковые курсы, но они, как правило, являются дорогостоящими, не всегда доступны в сельских районах страны происхождения и оказывают несоразмерно негативное воздействие на некоторых членов семьи, таких как пожилые люди или беженцы, которые вряд ли могут успевать на курсах в связи с их уязвимым положением⁸⁶. Вместо того чтобы улучшать уровень образования и интеграцию на рынке труда мигрантов, для которых организуется переезд, эти требования могут демотивировать мигрантов в отношении подачи заявлений на воссоединение семьи или обуславливать ее задержку. Задержки могут подрывать потенциальные выгоды интеграции мигрантов, так как объединение семьи вызовет для семьи больше затруднений, когда оно происходит после длительного периода разлуки инициатора переезда со своими родственниками⁸⁷.

Политическое участие

Участие мигрантов в политической жизни принимающих стран может обретать разные формы в диапазоне от голосования на местных, национальных или региональных выборах и баллотирования кандидатами на местных выборах и до вступления в ассоциации и политические партии или консультирования через местные, национальные или региональные консультативные органы⁸⁸. В сопоставлении с другими сферами политики в области инклюзии, такими как сфера языка или занятости, политическому участию в разработке политики и исследованиях уделяется меньше внимания⁸⁹. Однако политическое участие мигрантов может помогать государствам поддерживать легитимность своих демократических систем, обеспечивать инклюзию мигрантов и поощрять социальную сплоченность⁹⁰. Оно дает мигрантам возможность выразить мнение в отношении затрагивающей их политики и может усиливать ощущение их принадлежности к принимающему обществу⁹¹.

Политическая активность мигрантов не намного ниже, чем у граждан. Уровень их политического участия зависит от целого ряда факторов, включая контекстуальные/структурные и индивидуальные факторы.

82 Huddleston et al., 2015; Mustasaari, 2015; Spitzer, 2018. В некоторых странах супругами считаются также партнеры однополых пар.

83 Huddleston et al., 2015.

84 Nicholson, 2018.

85 Huddleston et al., 2015.

86 Huddleston и Pedersen, 2011.

87 Oliver, 2013; Huddleston et al., 2015; Spitzer, 2018.

88 Huddleston et al., 2015; Martiniello, 2006.

89 Huddleston и Dag Tjaden, 2012.

90 Huddleston, 2017; Thorkelson, 2015.

91 Bilgili, Huddleston и Joki, 2015.

Степень политического участия мигрантов прежде всего зависит от принимающей страны⁹². Хотя в настоящее время большинство стран не предоставляют мигрантам права голоса (особенно в Африке и Азии), некоторые предлагают им участвовать в голосовании на национальных выборах (см. текстовую вставку ниже) и все большее количество стран предоставляют им право голоса на местных выборах (например, в Европе, Северной и Южной Америке, Новой Зеландии и Республике Корея). В отличие от этого право баллотироваться на выборах ограничено в большей степени даже в случае стран, предлагающих право голоса. Помимо отличий в политических возможностях в разных странах, на политическое участие мигрантов влияет культура политического участия в принимающей стране и уровень участия и демократические традиции в странах происхождения мигрантов⁹³.

Страны, в которых мигранты могут голосовать на национальных выборах

Мигрантам предлагается голосовать на национальных выборах гораздо реже, чем на местных. Только пять стран мира допускают к национальным выборам мигрантов, независимо от их гражданства: Малави, Новая Зеландия, Уругвай, Чили и Эквадор^a. Срок проживания, необходимый для участия в национальных выборах, варьируется от одного года в Новой Зеландии до 15 лет в Уругвае. Помимо этих пяти стран, многие другие дают право голоса на национальных выборах мигрантам только с определенным гражданством. К таким примерам относятся Соединенное Королевство, в котором могут голосовать граждане стран Содружества и Ирландии, большинство стран Содружества в Карибском бассейне (для граждан других стран Содружества), Ирландия (где могут голосовать граждане Соединенного Королевства) и на взаимной основе Бразилия и Португалия^b.

a Arrighi и Vauböck, 2016.

b Ibid.

Индивидуальные факторы, влияющие на политическое участие мигрантов, включают демографические и личные характеристики, особенно в связи с тем, что уровень участия повышается с возрастом и уровнем образования. Срок постоянного проживания и натурализация также положительно воздействуют на политическое участие мигрантов, и поэтому мигранты второго поколения часто более активны, чем в первом поколении⁹⁴.

Хотя измерение воздействия политики на политическое участие мигрантов является непростым делом, данные МИПЕКС-2015 указывают на то, что страны с инклюзивной политикой натурализации чаще проводят более активную политику в области политического участия⁹⁵.

Однако в целом наблюдается явное несоответствие между высокой степенью разнообразия обществ принимающих стран и представленностью мигрантов на разных политических уровнях⁹⁶. Ввиду этого, кроме государства, особая роль в повышении политического участия мигрантов и разнообразия принадлежит политическим партиям.

92 Huddleston et al., 2015.

93 Bilgili, Huddleston и Joki, 2015.

94 Ibid.

95 Huddleston et al., 2015.

96 Huddleston, 2017; Huddleston и Dag Tjaden, 2012.

Натурализация

Натурализация является процессом приобретения гражданства негражданином. Мигранты могут натурализоваться, если они отвечают правовым критериям и представляют ходатайство по соответствующим каналам. Хотя натурализация часто рассматривается как эпохальное событие для инклюзии мигрантов в принимающей стране, она не является целью сама по себе, поскольку инклюзия представляет собой длительный процесс⁹⁷. При этом натурализация часто обеспечивает для мигрантов полный доступ к правам в принимающих странах (в частности к праву голоса и праву выдвигать свою кандидатуру). Фактические данные показывают, что натурализация укрепляет интеграцию мигрантов на рынке труда и их социальную инклюзию⁹⁸, их уровень политического участия⁹⁹ и их чувство принадлежности к принимающей стране¹⁰⁰.

Учитывая важность натурализации для мигрантов и их инклюзии, неудивительно, что большая доля мигрантов являются гражданами своих принимающих стран или хотят ими стать¹⁰¹. Однако не все мигранты хотят натурализоваться, поскольку это зависит от целого ряда индивидуальных и контекстуальных факторов. Прежде всего мигранты из развивающихся стран испытывают большую тягу к натурализации, поскольку она обеспечивает безопасность в плане пребывания и устраняет риск вынужденного возвращения в страны своего происхождения, особенно когда они характеризуются более низким уровнем развития, политической нестабильностью или недемократическим правящим режимом¹⁰².

Наиболее важным фактором, влияющим на возможную натурализацию мигрантов, по-прежнему является политика принимающей страны в области гражданства: чем большая инклюзивность такой политики, тем выше вероятность натурализации¹⁰³. В отличие от политики в области миграции/инклюзии, все страны приняли законы о гражданстве, регулирующие приобретение гражданства по происхождению, рождению и/или натурализации. Поскольку гражданство тесно связано с национальной идентичностью, в некоторых странах натурализация может быть противоречивой в политическом смысле¹⁰⁴. В странах, которые не разрешают людям сохранять двойное гражданство, мигранты могут быть вынуждены отказываться от гражданства страны своего происхождения для получения гражданства принимающей страны, что может удерживать их от натурализации¹⁰⁵. Натурализация может быть еще более чувствительной политической проблемой при наличии крупных потоков мигрантов, включая беженцев, хотя Объединенной Республике Танзания удалось натурализовать свыше 170 000 бурундийских беженцев начиная с 2007 года¹⁰⁶.

В то время как несколько стран предоставляют мигрантам гражданство в обмен на финансовые инвестиции (в частности Антигуа и Барбуда и Мальта)¹⁰⁷, в большинстве стран натурализация регламентируется особыми условиями. Эти требования, как правило, включают минимальный срок законного проживания,

97 Long et al., 2017; Bauböck et al., 2013.

98 Gathmann и Keller, 2016; ОЭСР, 2011.

99 Hainmueller, Hangartner и Pietrantonio, 2015.

100 Bauböck et al., 2013; Huddleston и Dag Tjaden, 2012; Bakkaer Simonsen, 2017.

101 Huddleston и Dag Tjaden, 2012.

102 Bilgili, Huddleston и Joki, 2015; Logan, Oh и Darrah, 2012; Dronkers и Vink, 2012.

103 Huddleston et al., 2015; Bilgili, Huddleston и Joki, 2015.

104 Long et al., 2017.

105 Reichel, 2011. Это также зависит от того, разрешено ли двойное гражданство в стране происхождения.

106 См. Long et al., 2017; Kuch, 2018.

107 Long et al., 2017. В отношении Мальты см. Программу получения гражданства путем инвестирования: www.maltaimmigration.com/.

знание национального языка или языков и иногда культуры, доказательство добропорядочности и уплату сборов за процесс натурализации. Требования в отношении длительности постоянного проживания отличаются от одного государства к другому. Для стран, к которым применяются показатели МИПЕКС-2015, этот срок в среднем составляет семь лет, тогда как в случае Центральноафриканской Республики он доходит до 35 лет¹⁰⁸. Помимо высокой платы, иногда требуемой за натурализацию, наиболее спорные требования касаются обязательных тестов на знание языка и основ гражданственности, которые мигранты должны проходить в некоторых странах¹⁰⁹. Эти тесты иногда требуют таких знаний о принимающей стране, которыми могут не обладать даже некоторые граждане¹¹⁰.

Положение на местах: роль местных субъектов и мигрантов

Хотя государства могут укреплять инклюзию мигрантов с помощью национальных мер и политики, инклюзия происходит прежде всего и в основном «на местах». В начале настоящего раздела описывается роль местного уровня, особенно городов, где повседневная практика может расходиться с национальной политикой в области инклюзии. Хотя местный уровень имеет ключевое значение для инклюзии мигрантов, в разделе также освещается роль самих мигрантов, которые являются важными субъектами собственной инклюзии.

Роль местных субъектов

Поскольку инклюзия происходит главным образом на местном уровне, местные субъекты могут играть важную роль в поддержке и укреплении инклюзии мигрантов. Эти местные субъекты различаются между собой и могут являться как местными общинами, включая общины местных жителей и диаспоры, так и местные организации гражданского общества и местные власти. Общинные центры обеспечивают площадки для взаимодействия между местными жителями и мигрантами в тех или иных кварталах или населенных пунктах и доступ к широкому диапазону услуг и мероприятий, проводимых в общине. Например, Районный общественный центр в Большом Ванкувере предоставляет поддержку в трудоустройстве, дневном и послешкольном уходе, организует мероприятия для престарелых, родительские группы и проводит общественные и культурные мероприятия¹¹¹. В Европе организации гражданского общества играли важную роль в оказании помощи и поддержки в рамках долгосрочных инициатив по инклюзии все большего числа мигрантов, прибывавших в 2015 и 2016 годах в такие страны, как Австрия, Германия и Швеция. Это особенно иллюстрируется присуждением Европейского приза за деятельность гражданского общества, которым награждаются инициативные организации, включая местные недоходные фонды и ассоциации, за инициативы в области обеспечения идентичности и интеграции в ходе конкурса, на участие в котором в 2016 году было подано в общей сложности 284 заявок от организаций в 26 государствах-членах ЕС¹¹².

108 Huddlestone et al., 2015; Manby, 2016.

109 Long et al., 2017. По состоянию на 2015 год в половине стран, охватываемых МИПЕКС-2015, от мигрантов требовалось проходить тесты для получения гражданства (Huddlestone et al., 2015).

110 Banulescu-Bogdan, 2012; Bauböck et al., 2013; Long et al., 2017.

111 Schmidtke, 2018.

112 EESC, 2017.

Наряду с участием местных общин и организаций гражданского общества, все большее внимание привлекала роль местных органов власти, особенно городских властей, в инклюзии мигрантов, отвечающей моделям миграции и процессам урбанизации. Учитывая высокую отдачу человеческого капитала мигрантов, городские районы являются основными пунктами назначения для мигрантов повсюду в мире¹¹³.

Городам как пространствам для инклюзии надлежит играть важную роль, поскольку они являются основными площадками для осуществления политики в области миграции/инклюзии. Именно города в большей или меньшей степени воплощают в жизнь международные обязательства и обязанности государств, особенно в отношении жилья, охраны здоровья, занятости и образования¹¹⁴. Некоторые города предоставляют услуги всем мигрантам, независимо от их миграционного статуса, обеспечивая доступ к жилью, охране здоровья, занятости и образованию. Например, в таких городах, как Нью-Йорк, всем жителям предоставляются идентификационные карточки («гражданам» наравне с мигрантами, включая нелегальных мигрантов), которые облегчают доступ ко многим услугам и выполняют роль удостоверений личности¹¹⁵.

Некоторые города также все больше опираются на новаторские и прагматичные решения для улучшения инклюзии мигрантов. Например, так обстоит дело в европейских городах, в частности в Австрии и Нидерландах, которые выдвигают инициативы по изменению государственной политики на национальном уровне¹¹⁶. Некоторые города во Фландрии, Бельгия, реагируя на возрастающее число мигрантов и заботясь об удовлетворении их потребностей, создали центры всеобщего благосостояния. В этих центрах на комплексной основе предоставляются разнообразные централизованные услуги под одной крышей, включая жилье, медицинскую помощь и психосоциальную поддержку для мигрантов¹¹⁷. Аналогичная модель «единого окна» применяется в Лиссабоне, Португалия, для улучшения доступа мигрантов к государственным услугам, которые играют ключевую роль в их инклюзии¹¹⁸.

Города могут также положительно влиять на инклюзию мигрантов посредством мультикультурного городского планирования, когда оно осуществляется для укрепления инклюзии и жизнестойкости различных общин¹¹⁹. Однако городское планирование, направленное на обеспечение инклюзии мигрантов, может быть сопряжено с более серьезными трудностями в неформальных городских районах, застроенных в процессе быстрой урбанизации, таких как трущобы (на окраинах городов)¹²⁰. В более общем плане трущобы часто не контролируются национальными или местными властями, что, в частности, приводит к отсутствию доступа к основным услугам для их жителей, включая мигрантов. Как показано в текстовой вставке ниже, в особом контексте Африки эти неформальные поселения образовались преимущественно в городах глобального Юга, хотя в городах глобального Севера также застраиваются городские окраины, как, например, в Лиссабоне, Афинах и Риме.

113 Duncan и Popp, 2017.

114 Robinson, 2014; Crawford, 2016; ОЭСР, 2018b.

115 Medina, 2015.

116 Scholten et al., 2017.

117 Ibid.

118 One-Stop Shop: Mainstreaming Integration. Cities of Migration. Имеется по адресу http://citiesofmigration.ca/good_idea/one-stop-shop-mainstreaming-integration/.

119 UN-Habitat, 2016a.

120 Duncan и Popp, 2017.

Миграция и инклюзия в контексте преобразования городских районов в Африке

В Африке урбанизация является важным процессом. В 1995-2015 годах в Африке сохранялись самые высокие среди всех континентов темпы городских преобразований, которые регистрировались на уровне 3,44%, при этом города росли в 11 раз быстрее, чем в Европе^a. На всем континенте отмечаются высокие уровни миграции из сельских в городские районы и растущие уровни международной миграции. Например, в 2013 году население, проживавшее в районе Дакара, на 72,3% состояло из людей, родившихся за пределами этого региона^b. Однако страны были относительно не готовы к планированию с учетом воздействия миграции из сельских в городские районы. В 2016 году 67,8% всего городского населения в Африке проживали в районах неформальных городских застроек. По сравнению с государственным городским планированием местные инициативы, по-видимому, оказывают самое большое влияние на городскую среду. Поэтому в африканских странах растет признание необходимости более последовательного управления городским хозяйством и осуществления национальных планов в области развития^c.

Исследования, проведенные в Западной Африке, показывают, что мигранты не находятся в более неблагоприятном положении по сравнению с немигрантами и что инклюзия в городских районах касается местных жителей в такой же степени, как и мигрантов^d. В другом исследовании подчеркивается, что одним из основных явлений в рамках урбанизации в Африке является возникновение огражденных общин. После их первого появления в Южной Африке огражденные общины быстро распространились по континенту. Это исследование посвящено влиянию таких общин на достижение перехода к инклюзивному и устойчивому развитию городских районов^e. Затрагивается также вопрос их воздействия на сплоченность всего общества, в том числе в связи с инклюзией мигрантов, поскольку они укрепляют сегрегацию, усиливая социальные различия между мигрантами и немигрантами^f.

a UN-Habitat, 2016b.

b Okyere, 2016.

c Oyefara, 2018.

d Beauchemin и Bocquier, 2003.

e Klaufus et al., 2017.

f Ibid.

Несмотря на ту роль, которые играют города, их важность для инклюзии мигрантов, в том числе в области разработки политики, еще не получила должного признания на национальном уровне¹²¹. Некоторые города разработали собственную политику и меры, направленные на укрепление инклюзии, в порядке признания необходимости поддержки инклюзии на различных уровнях государственного управления в той или иной стране. С этой точки зрения применяемый некоторыми городами межкультуральный подход получил определение «политического восстания городов против господствовавшей в последние десятилетия государственной политики»¹²². В последнее десятилетие идея межкультурных городов, воплощаясь отнюдь не только в отдельных примерах мятежного поведения нескольких городов, приобретает все большее количество сторонников. Так, в 2008 году Совет Европы приступил

121 Ibid.

122 Zapata-Barrero, 2017.

к осуществлению Программы межкультурных городов в целях поддержки городов в извлечении максимальных преимуществ из многообразия¹²³. К моменту подготовки настоящего материала в этой Программе участвовали в общей сложности 135 городов в государствах-членах Совета Европы, а также в Австралии, Израиле, Канаде, Марокко, Мексике, Соединенных Штатах Америки и Японии. Участвующим городам присуждаются индексы в соответствии с их межкультурными стратегиями, методами управления и практиками¹²⁴. Исследование по результатам Индекса межкультурных городов позволяет предположить позитивную корреляцию между баллами, полученными городами, и благосостоянием на местном уровне: чем более межкультурной является проводимая политика, тем выше качество жизни¹²⁵. Хотя некоторые национальные правительства считают муниципалитеты основными субъектами разработки политики и управления в области инклюзии мигрантов, как это происходит в Турции¹²⁶, в других странах проактивная роль городов вызвала трения между городскими и национальными уровнями управления. Таковыми, например, являются ситуации с «городами-убежищами», которые разработали собственную политику и меры для защиты мигрантов, включая мигрантов на нелегальном положении¹²⁷. Иногда такая политика принималась в порядке реагирования на ограничительные национальные стратегии в области миграции и гражданства, что сделало города пространствами, благоприятными для инклюзии¹²⁸.

Хотя города являются активными игроками в глобальном регулировании миграции¹²⁹, национальные правительства играют ключевую роль в расширении масштабов инициатив, разработанных городами, и в глобальном обмене передовой практикой. Роль городов в организации соответствующих служб для удовлетворения потребностей мигрантов все больше признается государствами в рамках таких глобальных инициатив, как принятие на конференции Хабитат III в Эквадоре в 2016 году Новой программы развития городов¹³⁰. Важность местного уровня также прямо признается в Глобальном договоре о миграции, в котором вовлечение всех государственных структур было определено в качестве основного руководящего принципа¹³¹. Особую актуальность имеют цели 15 и 16, так как в них подчеркивается роль местного уровня (включая местные власти) в обеспечении охвата мигрантов базовыми услугами, а также в создании для мигрантов и обществ благоприятных условий, обеспечивающих полную социальную интеграцию и сплоченность (см. главу 11 настоящего доклада).

Признание предприимчивости мигрантов

Помимо государства и субъектов местного уровня, мигранты играют решающую роль, будучи не только пассивными объектами политики инклюзии, но и активными субъектами своей собственной инклюзии. Вероятно, одной из самых очевидных иллюстраций предприимчивости мигрантов в отношении их экономической инклюзии является их участие в предпринимательской деятельности. Кроме таких историй успеха, как Кремниевая долина в Калифорнии, где половина высокотехнологичных компаний

123 В отношении межкультурных городов см. About Intercultural Cities. Council of Europe. Имеется по адресу www.coe.int/en/web/interculturalcities/about.

124 В отношении списка участвующих городов см. www.coe.int/en/web/interculturalcities/participating-cities. Информацию об Индексе межкультурных городов см. по адресу www.coe.int/en/web/interculturalcities/about-the-index.

125 Joki и Wolffhardt, n.d.

126 Duncan и Popp, 2017.

127 Lippert и Rehaag, 2013.

128 Bauder и Gonzalez, 2018; см. также Pearson, 2015.

129 См. также Глобальный форум мэров по вопросам мобильности, миграции и развития людей, имеется по адресу www.migration4development.org/en/events/global-mayoral-forum; и Инициативу Глобального парламента мэров, имеется по адресу <https://globalparliamentofmayors.org/>.

130 Duncan и Popp, 2017.

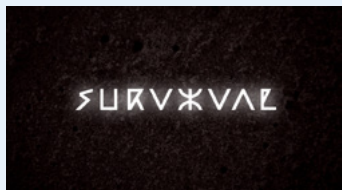
131 ГА ООН, 2018а.

были основаны мигрантами¹³², существует много примеров предпринимательства мигрантов (см. главу 5 настоящего доклада). Так, ввиду отсутствия возможностей официальной занятости сирийских беженцев и для удовлетворения их потребностей в средствах к существованию были основаны принадлежащие им компании¹³³.

Мигранты не только являются инициативными субъектами собственной инклюзии, но и активно поддерживают других мигрантов и в более широком смысле стремятся к социальной сплоченности. В число многих других примеров инициатив мигрантов входит создание конголезскими беженцами школы в лагере для беженцев в Уганде, которое оценивается как успешное мероприятие по инклюзии детей из числа мигрантов. После создания этой школы в 2009 году около 800 учащихся продолжили обучение в средней школе, а 40 ее выпускников - в университетах в разных частях мира. Ее основатели говорят: «Мы понимаем, что человека, получившего образование, никто и никогда не будет называть беженцем»¹³⁴. Мигранты также используют технологии для поддержки инклюзии других мигрантов в принимающих странах посредством демонстрации в «Ютубе» видеороликов против ксенофобии и дискриминации¹³⁵ или путем разработки приложений смартфонов, как показано в текстовой вставке ниже.

Использование мигрантами технологий в целях инклюзии

Сегодня для укрепления инклюзии мигрантов используются технические инновации, как об этом свидетельствуют многочисленные приложения смартфонов, разработанные для того, чтобы помочь мигрантам ориентироваться в их стране или поддерживать связь с общинами диаспоры. Потенциал этих приложений не ускользнул от внимания мигрантов, о чем, например, говорит видеоигра Survival («Выживание»), доступная на Android и iOS.

Игра «Выживание» была создана молодыми мигрантами, беженцами и испанцами, живущими в районе Гибралтарского пролива, при поддержке Альянса цивилизаций Организации Объединенных Наций и Студии «Омниум лаб»^a. В этой игре они делятся своим опытом миграции в форме «одиссеи социальной инклюзии, проходя все этапы миграционного путешествия»^b.

Цель игрового приложения заключается в том, чтобы «просветить игрока в отношении реалий тысяч людей, которые сталкиваются с трагедией миграции», позволяя ему или ей «влезть в шкуру этих людей, чтобы попытаться изменить фокус и угол зрения для анализа этой проблемы в нашем социальном контексте»^c.

a Имеется по адресу <http://omniumlah.com/trabajos/detalle/survival>.

b Имеется по адресу <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.omniumlahstudios.peaceapp.survival&hl=en>.

c Ibid.

132 Wadhwa et al., 2007. Среди 126 компаний, представивших информацию для этого исследования, 52,4% указали, что они были основаны мигрантами.

133 MEDAM, 2018. В отношении дополнительных примеров см. UNCTAD, MOM и УВКБ ООН, 2018.

134 Onyulo, 2018.

135 MOM, 2018.

Для инклюзии в общинах и странах мигранты не обязаны отказываться от своей идентичности или разрывать связи с общинами и странами происхождения. Мигранты все чаще действуют как транснациональные субъекты¹³⁶, как объясняет Даниель из Гватемалы, проживший 30 лет в Коста-Рике:

Мой дом мог быть кусочком гватемальской территории, но с окнами и дверями, открытыми в Коста-Рику. Мой дом стал местом, где и представления, и культуры могли развиваться и уживаться между собой.

Самое трудное в жизни в другой стране - это жить немножко здесь и немножко там. Вы ежедневно живете с двумя мировоззрениями: одно получено от родины, а второе - от принимающей страны. Выражения, кухня, культура, мировоззрение - обе страны пересекаются в повседневной жизни¹³⁷.

Тем не менее транснациональный характер жизни мигрантов может вступать в противоречие с их ожиданиями как «переселенцев» и может вызывать вопросы в отношении их лояльности к принимающей стране¹³⁸. Они могут восприниматься как угроза для социальной сплоченности, что чревато для них риском подвергнуться дискриминации и отторжению. Однако дискриминация и отторжение мигрантов может влечь за собой высокие издержки как для мигрантов, так и для принимающих обществ. Например, отторжение мигрантов может затрагивать их благополучие, как показывает одно исследование о последствиях дискриминации в сфере труда для благополучия российских и эстонских мигрантов в Финляндии. Ощущаемая дискриминация соответственно и предсказуемо приводит к отрицательным результатам с точки зрения общего и психического здоровья обеих групп мигрантов¹³⁹. Отторжение мигрантов может также негативно отражаться на их вкладе в профессиональную деятельность, навыках и предложении рабочей силы, передаче культурного достояния и культурных обменах, что, собственно, и составляет основные выгоды для принимающих обществ (см. главу 5 настоящего доклада).

В более общем плане отторжение мигрантов чревато угрозой для социальной сплоченности. В отдельных случаях социальное отторжение может становиться фактором радикализации вплоть до экстремистского насилия¹⁴⁰. Хотя такая вероятность остается низкой, главным образом потому, что террористические нападения не совершаются мигрантами¹⁴¹, такие последствия и издержки социального отторжения мигрантов являются, пожалуй, слишком высокими и должны предупреждаться. В этом состоит еще один фактор, который следует учитывать при укреплении инклюзии мигрантов для сокращения риска радикализации в целях благополучия обществ и общин.

Различные издержки отторжения мигрантов и наличие у них собственной предприимчивости подтверждают необходимость более полного привлечения мигрантов к формулированию политики в области миграции/инклюзии. Эта политика могла бы выиграть от более глубокого понимания того, как мигранты рассматривают процесс своей инклюзии, каковы их потребности и какие потенциальные

136 См. Castles, 2003; Levitt, 2004; Vertovec, 1999.

137 Имеется по адресу <http://iamamigrant.org/stories/costa-rica/daniel-matul-0>.

138 Appave и David, 2017.

139 Jasinskaja-Lahti, Liedkind и Perhoniemi, 2007.

140 Koser и Cunningham, 2017.

141 Duncan и Popp, 2017.

политические меры реагирования могли бы более эффективно поддерживать их инклюзию¹⁴². Более активное вовлечение мигрантов на директивном уровне соответствовало бы также Глобальному договору о миграции, в котором подчеркивается необходимость создания для мигрантов благоприятных условий, обеспечивающих полную социальную интеграцию и сплоченность¹⁴³.

Мнения мигрантов, подлежащие учету в стратегиях инклюзии: потенциал опросов мигрантов

Хотя в исследованиях все чаще находят отражение голоса мигрантов, позволяющие глубже понять воздействие миграции на их самоидентификацию и ощущение принадлежности, по-видимому, необходима более полная осведомленность в отношении мнений мигрантов о процессе их инклюзии, их потребностей и чаяний для осознанной разработки политики инклюзии и оценки ее воздействия на жизнь мигрантов.

Опросы мигрантов являются полезным инструментом для получения представления о мнениях мигрантов в отношении их инклюзии, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки на данные *Обследования граждан из числа иммигрантов* в настоящей главе. Это обследование под руководством Фонда короля Бодуэна и Группы по вопросам политики в области миграции было проведено среди 7 473 мигрантов, родившихся за пределами Европейского союза и проживающих в 15 городах семи государств-членов ЕС. В добавлении С приводятся основные выводы, полученные в ходе этого обследования, среди которых отмечается, что «обследованные сегодня иммигранты, как правило, удовлетворены своей жизнью так же, как большинство других людей в стране их проживания». Однако эта позитивная нота не должна уводить в сторону от проблем в связи с инклюзией, на которые указали мигранты в ходе обследования, и следует надеяться, что в будущем это стимулирует к принятию аналогичных позитивных мер, поскольку отношение к мигрантам, как представляется, значительно изменилось после проведения обследования в 2012 году.

См. Huddleston и Dag Tjaden, 2012. Основные выводы *Обследования граждан из числа иммигрантов* воспроизводятся в добавлении С.

Заключение

В настоящей главе предлагается обзор политики и практики в области инклюзии мигрантов, факторов и препятствий в ее осуществлении, а также подходов различных заинтересованных сторон. Вместе с тем в ней также показано, что решение вопроса об инклюзии мигрантов на глобальном уровне является трудной задачей, поскольку инклюзия по своему содержанию остается национальной проблемой. Это отражено в Глобальном договоре о миграции, в котором действия, связанные с осуществлением цели 16 по созданию для мигрантов и обществ благоприятных условий, обеспечивающих полную социальную интеграцию и сплоченность, носят в основном рекомендательный характер (см. главу 11 настоящего доклада).

142 Mustafa, 2018.

143 ГА ООН, 2018а.

Хотя в силу глубоко личного и контекстуального характера инклюзии не может быть универсального подхода к ее обеспечению, из настоящей главы можно извлечь три основных вывода для осуществления политики по укреплению социальной интеграции мигрантов и социальной сплоченности:

- **Принятие всеохватной политики инклюзии потенциально способно повысить эффективность политических мер реагирования в области инклюзии.** Как показано в этой главе, несмотря на тот факт, что иногда упор делается на интеграцию на рынке труда, разные сферы политики тесно взаимосвязаны, поскольку результативность инклюзии в одной конкретной сфере, скорее всего, повлияет на другие. И наоборот, отсутствие всеохватной политики инклюзии может дорого стоить как мигрантам, так и принимающим обществам. Единичные политические меры реагирования в одной конкретной сфере политики, скорее всего, будут неэффективными для улучшения общей инклюзии мигрантов, если не дополнить их мерами в других областях и не поддержать путем проведения последовательной политической стратегии. Угроза существует не только в плане отторжения и маргинализации мигрантов, но и в плане создания социальной напряженности, подрывающей социальную сплоченность в принимающем обществе.
- **Более инклюзивные политические меры реагирования в широком диапазоне соответствующих областей политики приносят более глубокие и устойчивые результаты в плане обеспечения инклюзии.** При всей очевидной логичности этого вывода он особенно хорошо соответствует ситуациям, связанным с языковыми требованиями, политическим участием и натурализацией. И напротив, более ограничительная политика рискует быть контрпродуктивной, особенно при ее использовании в целях управления процессами миграции. Условия, обязательные для соблюдения при воссоединении семьи, которые предположительно должны обеспечивать интеграцию воссоединенных членов семьи в принимающем обществе, особенно проверки на знание языка до въезда в страну, на практике могут ограничивать количество мигрантов, пользующихся правом на воссоединение семьи, вместо того чтобы поддерживать инклюзию инициаторов переездов из числа мигрантов и их родственников.
- **Важная роль, которую уже играют местные субъекты и мигранты, требует дальнейшего укрепления механизмов их привлечения к разработке и (пере)оценке национальной политики в области инклюзии.** Растущее вовлечение и расширение возможностей городов должно способствовать смягчению напряженности между местным и национальным уровнями управления, возникающей вследствие расхождений в подходах к обеспечению инклюзии. В качестве пространств, в которых главным образом происходит инклюзия, города и местные власти других территориальных образований также находятся в наилучшем положении для информирования о проблемах в области инклюзии и передовой практике, которую можно осуществлять в этой связи. Что касается мигрантов, то их привлечение к формированию политики до настоящего времени не отражает их активности, которую они проявляют на практике в деле своей инклюзии и инклюзии других мигрантов. Если их голоса все громче звучат сегодня, то их потребности и чаяния в области инклюзии все еще недостаточно тщательно изучены и приняты во внимание, чтобы можно было повысить эффективность политики инклюзии.

ДЖО ВИРЕЙ
ЧАРЛЬЗ ХУЭЙ
КОЛИТА ВИКРАМАДЖ

7 МИГРАЦИЯ И ЗДОРОВЬЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ПРОБЕЛЫ В УПРАВЛЕНИИ И ЗНАНИЯХ¹

Введение

Существует динамичная и комплексная взаимосвязь между миграцией и здоровьем. Миграция может приводить к большей подверженности рискам для здоровья, как в случае трудящихся-мигрантов, работающих в условиях неустойчивой занятости с ограниченным доступом к недорогому медицинскому обслуживанию. Миграция может быть также связана с улучшением здоровья - например, после переезда из обстановки преследований и страха перед насилием в безопасную среду. В настоящей главе мы рассматриваем четыре ключевых аспекта миграции и здоровья: а) здоровье отдельных мигрантов («здоровье мигрантов»); б) то, каким образом миграция может влиять на здоровье населения («общественное здоровье»); в) реагирование систем здравоохранения; и г) глобальное регулирование миграции и охраны здоровья.

Первый аспект - здоровье мигрантов - можно определить как различия в состоянии здоровья между мигрантами и населением как в странах происхождения, так и в странах назначения, а также в различных условиях миграции, таких как трудовая миграция, международные и внутренние перемещения или нелегальная миграция. Будет ли улучшаться или ухудшаться состояние здоровья отдельных мигрантов, частично зависит от взаимодействия многих факторов, которые являются определяющими для их здоровья до, во время и после их миграционного путешествия. Такие факторы, известные как социальные детерминанты здоровья, включают доступ к безопасному транзиту, качественному жилью и медицинскому обслуживанию.

Второй вопрос - общественное здоровье - позволяет сосредоточить внимание на том, как миграция может повлиять на здоровье населения, включая способы, с помощью которых здоровые мигранты могут содействовать социальному и экономическому развитию и прогрессу в достижении глобальной цели всеобщего охвата услугами здравоохранения (ВОУЗ) для обеспечения доступа к недорогому и качественному медицинскому обслуживанию для всех². Однако при плохом управлении миграция может негативно сказываться на здоровье населения. Например, мать из числа мигрантов, которая отчаянно пытается оформить необходимые документы, может не иметь возможности доступа к своевременной медицинской помощи для ее ребенка, включая прививки, из боязни ареста, задержания или депортации. Это может способствовать распространению инфекционных заболеваний, таких как корь, в трансграничном масштабе и внутри страны, что будет иметь негативные последствия для здоровья всего населения.

Третий вопрос касается мер реагирования систем на проблемы миграции и охраны здоровья. Разработка удобных для мигрантов медицинских услуг и мониторинг здоровья мигрантов с помощью подхода «Миграция и здоровье во всех стратегиях» (МЗВВС) могут обеспечить удовлетворение потребностей

1 Джо Вирей, Африканский центр по вопросам миграции и общества Университета Витватерсранда и Центр африканских исследований Эдинбургского университета; Чарльз Хуэй, медицинский факультет Оттавского университета; и Колита Викрамадж, координатор глобальных исследований в области медицинских и эпидемиологических аспектов миграции, отделение МОМ в Маниле.

2 УНС2030, 2017.

мигрантов в охране здоровья. Непродуманные, неадекватные или дискриминационные системные меры реагирования иммиграционных и медицинских служб могут иметь множество негативных последствий для здоровья мигрантов и общин, с которыми они взаимодействуют.

Четвертым вопросом является вопрос о глобальном регулировании миграции и охраны здоровья. Он предполагает рассмотрение того, каким образом можно обеспечить учет вопросов миграции и здоровья в процессах глобального регулирования, включая определение ключевых стратегических возможностей для этого.

В главе рассматриваются эти четыре основных вопроса. Она начинается с краткого обзора определений и детерминант. Затем в ней содержится обзор факторов, определяющих уязвимость здоровья, и факторов жизнестойкости различных групп мигрантов. Далее описываются системные меры реагирования, а также приводится обзор современных подходов к регулированию миграции и охраны здоровья. Обращается внимание на основные пробелы в фактических данных, а в заключительной части главы подчеркивается важность инвестирования в эффективное регулирование миграции и охраны здоровья и предлагаются меры, с помощью которых можно в идеале усовершенствовать существующие подходы.

Миграция и здоровье: основные факты

- **Хорошее здоровье предполагает психическое, социальное и физическое благополучие^а.** Тематика миграции и здоровья включает проблемы здоровья, возникающие в связи с мобильностью людей, в частности передачу инфекционных заболеваний, и должна охватывать все аспекты благополучия в контексте миграции и всех затрагиваемых лиц, включая семьи мигрантов, а также вопросы общественного здоровья в общинах, с которыми мигранты взаимодействуют на всех этапах миграционного пути^б.
- **Люди, которые переезжают, зачастую здоровее тех, кто остается дома, что может демонстрировать так называемый «эффект здорового мигранта».** Это означает, что те, кто переезжает, как правило, более здоровы и живут дольше, чем люди, живущие как в покидаемых ими общинах, так и в общинах, в которые они прибывают^с. Факторы уязвимости здоровья и факторы жизнестойкости являются динамичными и изменяются с течением времени, и поэтому эффект улучшения состояния здоровья в случаях ненадлежащего управления миграционными процессами может разрушаться по причине плохих условий жизни и труда, в которых оказываются люди после миграции^д.
- **Уязвимость мигрантов в плане ухудшения здоровья не возникает автоматически.** Именно условия на различных этапах миграционного пути (до миграции, в транзите, по прибытии и после возвращения) могут негативно или позитивно сказываться на здоровье^е.
- **Многие мигранты стремятся добиться доступа к медицинскому обслуживанию.** Несмотря на правозащитные нормы, касающиеся права на здоровье, и пропаганду и поощрение ВОУЗ для всех, государства обязаны обеспечивать для нелегальных мигрантов только минимальный базовый пакет неотложной медицинской помощи^ф. Даже легальные мигранты иногда сталкиваются с правовыми барьерами, расизмом и коррупцией, которые препятствуют доступу к медицинскому обслуживанию^г. Кроме того, мигранты часто недостаточно пользуются медицинскими услугами и откладывают обращение за медицинской помощью^h.

- **Здоровая миграция может благотворно сказываться на здоровье общин.** Например, обеспечение хорошего здоровья трудящихся-мигрантов, которые отправляют домой денежные переводы, улучшает социально-экономическое положение членов семей и тем самым способствует их доступу к медицинской помощи и образованию.
- **Поставщики медицинских услуг испытывают проблемы при оказании помощи мигрантам,** которые включают в себя: языковые и культурные барьеры, ограниченность ресурсов для обслуживания в системах здравоохранения и противоречия между профессиональными нормами/этикой и национальными законами, ограничивающими право мигрантов на медицинское обслуживание.
- **Необходимо обеспечивать стратегическое лидерство и инвестирование в укрепление альянсов между системами управления миграционными процессами и сектором здравоохранения.** Необходимы межсекторальные действия для поддержки укрепления альянсов между иммиграционными и медицинскими учреждениями на многих уровнях управления: на уровнях государства, гражданского общества, включая группы мигрантов, частного сектора и академического сообществаⁱ.
- **Инвестирование в области миграции и охраны здоровья способствует социально-экономическому развитию.** Инвестиции в мониторинг и снижение рисков для здоровья имеют основное значение для поддержания здоровья мигрантов, которые в итоге способствуют прогрессу в достижении целей в области устойчивого развития и глобальных целей в области здравоохранения.
- **Необходимо во всем мире укреплять потенциал исследований в области миграции и охраны здоровья, особенно в странах с низким и средним уровнем доходов.** Существующие результаты исследований несоразмерно фокусируются на нескольких категориях мигрантов и ряде медицинских проблем, а также на вопросах миграции в страны с высоким уровнем дохода и из нихⁱ.

a WHO, 1946.

b Wickramage et al., 2018b.

c Aldridge et al., 2018.

d Ibid.

e MOM, 2004.

f Lougarre, 2016.

g Migrating out of Poverty, 2017.

h Suphanchaimat et al., 2015

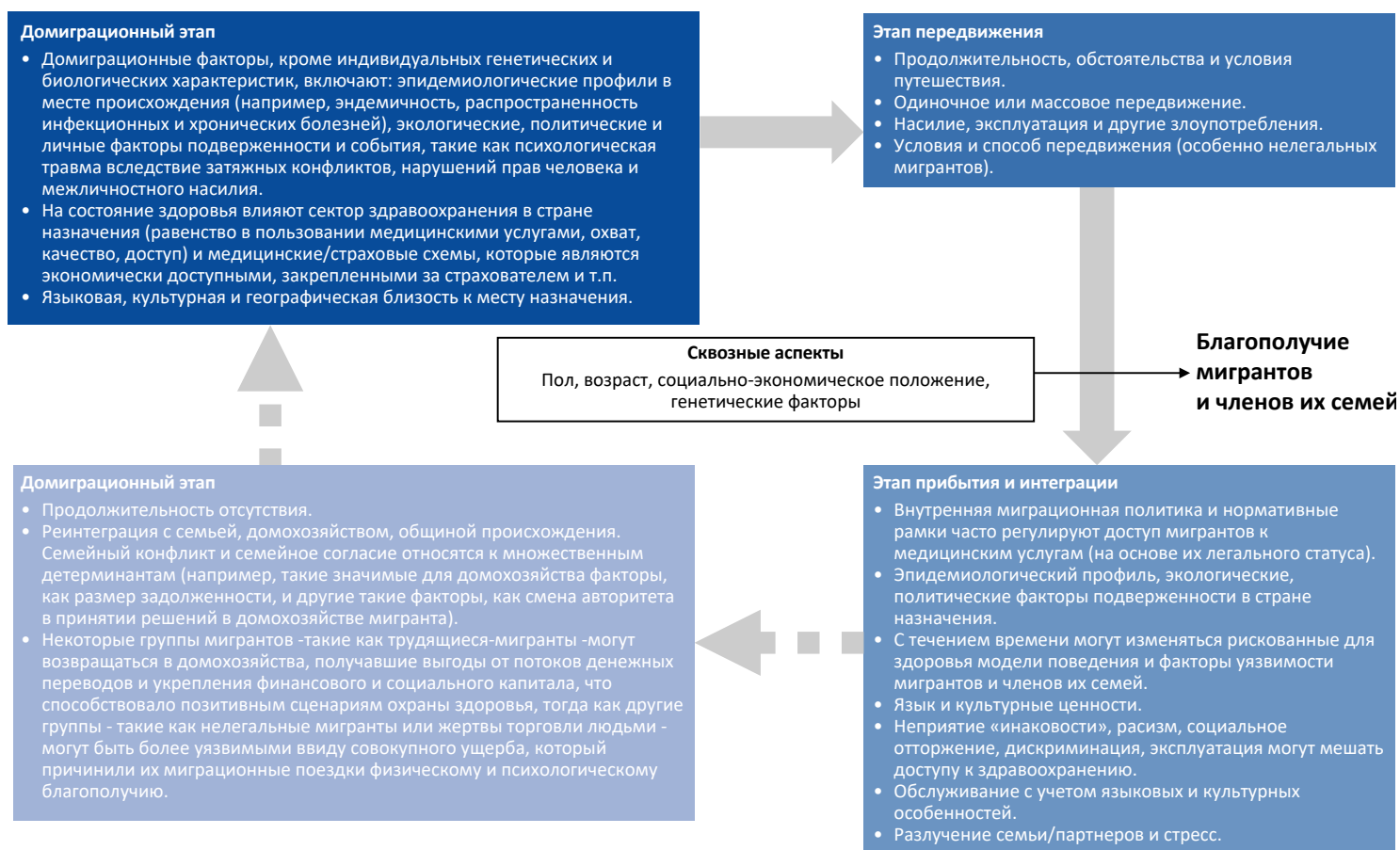
i Khan et al., 2016; Vearey et al., 2019; Wickramage и Annunziata, 2018.

j Sweileh, 2018.

Определения и детерминанты

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет хорошее здоровье как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов»³. Это признание душевного и социального благополучия, помимо физического благополучия, имеет решающее значение и подчеркивает важность всеохватного рассмотрения здоровья. Состояние здоровья человека определяется не только доступом к медицинским услугам, но и множеством факторов, которые называются «детерминантами здоровья». На диаграмме 1 показано, как детерминанты здоровья могут применяться к мигрантам на протяжении всего цикла миграции. Индивидуальными детерминантами выступают такие факторы, как возраст, пол и генетическая предрасположенность к болезни, а также эпидемиологический профиль данного контекста и связанная с ним заболеваемость. Структурные детерминанты, такие как правовые рамки и отношение общества к мигрантам, как правило, являются политически опосредованными и могут приводить к ряду аспектов неравенства в социально-экономическом положении. Для мигрантов структурные детерминанты здоровья включают условия, сопряженные с разными этапами их миграционного пути - до начала миграции, в процессе передвижения, после прибытия и интеграции, а также (для некоторых) после возвращения.

Диаграмма 1. Детерминанты здоровья мигрантов на протяжении миграционного цикла

Источник: Адаптировано из Gushulak, Weekers and MacPherson, 2009; MOM, 2008.

Важными структурными детерминантами здоровья мигрантов являются различные правовые рамки на разных этапах миграционного путешествия. Это объясняется тем, что легальный статус мигрантов в стране может определять, к примеру, степень, в какой он может получать доступ к безопасным условиям труда, а также к качественному и недорогостоящему медицинскому обслуживанию. Как показано на диаграмме 1, существуют множество детерминантов здоровья как индивидуального, так и структурного характера, которые могут оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на здоровье. Так, нелегальный мигрант вряд ли найдет работу в формальном секторе и вынужден полагаться на нестабильный неформальный сектор, труд в котором может быть небезопасным и зачастую незаконным. В результате нелегальные мигранты могут быть более уязвимы в плане плохого состояния здоровья, включая повышенную подверженность инфекционным заболеваниям, насилию и травматизму. Скорее всего, они будут сталкиваться со многими проблемами в доступе к качественным медицинским услугам и будут иметь очень ограниченный доступ к услугам социальной защиты, если он вообще будет возможен.

Здоровье мигрантов

В области миграции и охраны здоровья исследуются модели взаимозависимости состояния здоровья, обнаруживаемые между мигрантами и принимающим населением, а также между различными группами мигрантов, в том числе в ситуациях, когда принимающее население может бороться за удовлетворение собственных потребностей в обеспечении психического, социального и физического благополучия⁴. Изучение этих моделей важно по нескольким причинам. Во-первых, при разработке стратегий общественного здравоохранения уже многие десятилетия признается необходимость инклюзивности - привлечения целых обществ к борьбе с инфекционными болезнями, например посредством программ иммунизации. Необходимо избегать исключения таких субпопуляций, как группы мигрантов⁵. Среди групп мигрантов имеется значительное количество носителей туберкулеза (ТБ), ВИЧ, гепатита В, гепатита С и болезней, предупреждаемых с помощью вакцин. Внимание к этой важной категории в процессе эпиднадзора, скрининга и охвата обслуживанием имеет решающее значение для достижения целей общественного здравоохранения в странах и регионах⁶. Во-вторых, некоторые связанные со здоровьем вмешательства, специально предназначенные для конкретных групп населения, таких как группы мигрантов, могут принести или обусловить пользу для здоровья всего населения⁷. В-третьих, обеспечение наилучшего возможного здоровья мигрантов до, во время и после их миграционных поездок позволяет им максимально увеличить свою инклюзию и вклад в принимающих их обществах, облегчить поддержку их семей в странах происхождения и минимизировать потенциальные издержки, связанные с охраной здоровья, как для страны назначения, так и для самих мигрантов⁸. Даже в острых ситуациях перемещения, таких как крупномасштабные потоки беженцев, насущные вопросы охраны здоровья (наряду с продовольствием и кровом) имеют первостепенную важность, и для удовлетворения этих критически важных потребностей необходимы специальные ресурсы, которые служат на благо людей, местных общин и общества в целом⁹.

4 Lee, Sim и Mackie, 2018; Thomas, 2016.

5 Thomas, 2016.

6 European Centre for Disease Prevention and Control, 2018.

7 Chung и Griffiths, 2018; Thomas, 2016; Wild и Dawson, 2018.

8 Lu и Zhang, 2016; Wickramage et al., 2018b.

9 Abbas et al., 2018; Griswold et al., 2018.

Для проблематики миграции и охраны здоровья ключевое значение имеет понимание уязвимости здоровья и жизнестойкости. Мигранты не являются однородной группой, равно как разнородны и их потребности, факторы уязвимости здоровья и факторы жизнестойкости. Гендерный аспект имеет важное значение и заслуживает особого рассмотрения (см. текстовую вставку ниже).

Гендерные аспекты смертности и злоупотреблений в отношении «низкоквалифицированных» трудовых мигрантов

Среди международных трудящихся-мигрантов во всем мире доля мужчин выше (58,4%), чем доля женщин (41,6%)^a. Мужчины преобладают в промышленности и строительстве, тогда как трудящиеся женщины-мигранты работают в основном в секторе обслуживания (примерно 74%), например, в сфере домашнего обслуживания, зачастую в условиях ненадежной занятости^b. Систематические обзоры указывают на целый ряд факторов уязвимости здоровья домашних работниц, включая плохой доступ к услугам сексуального и репродуктивного здоровья. Плохие условия труда и жизни, особенно ограничения в отношении мобильности и невыплата заработной платы, еще больше усугубляют трудности, с которыми сталкиваются домашние работницы.

Эмпирические исследования злоупотреблений в отношении домашних работниц также ограничены, несмотря на широкое освещение этого явления в средствах массовой информации. Исследования показали, что трудящиеся женщины-мигранты подвергаются злоупотреблениям, которые проявляются в самых разнообразных формах, включая физическое, сексуальное, эмоциональное, психологическое, духовное насилие и словесные оскорбления, а также финансовую эксплуатацию^c.

a MOT, 2018.

b MOT, 2015.

c Benach et al., 2011; Malhotra et al., 2013; Senarath, Wickramage и Peiris, 2014.

d Benach et al., 2011; Malhotra et al., 2013; Murty, 2009; Senarath, Wickramage и Peiris, 2014; MOM, 2017b.

Уязвимость здоровья можно определять как степень, в которой человек не способен прогнозировать, преодолевать воздействие болезней или эпидемий, сопротивляться им и восстанавливаться после них¹⁰. Хотя она чаще всего ассоциируется с низким социально-экономическим положением, уязвимость здоровья может также возникать, когда люди изолированы, находятся в небезопасных условиях и беззащитны перед лицом риска, шока или стресса, в том числе во время и после миграционных поездок. С другой стороны, устойчивость здоровья является результатом наличия у людей доступа к ресурсам, необходимым для борьбы с угрозой для здоровья или для сопротивления опасности воздействия на здоровье. Такие ресурсы могут быть физическими или материальными, но их можно также обнаружить в навыках или установках людей и их социальных сетях.

Некоторые мигранты более здоровы, чем люди в покидаемых ими общинах и в общинах, куда они прибывают, что демонстрирует уровни жизнестойкости в условиях возникновения угроз для здоровья¹¹.

10 Grabovschi, Loignon и Fortin, 2013.

11 Spallek et al., 2016.

Однако эти преимущества в плане здоровья могут быстро исчезать, и мигранты могут бороться за доступ к позитивным детерминантам здоровья, что приводит к возникновению целого ряда факторов уязвимости здоровья, более ярко выраженных, чем среди местного населения. Например, зачастую дородовые и послеродовые осложнения, представляющие угрозу для здоровья, бывают худшими у женщин-мигрантов. Помимо большей вероятности обладания отрицательным опытом медицинской помощи, связанной с беременностью, существует также повышенный риск психических расстройств, материнской смертности и преждевременных родов¹². По данным одного систематического обзора состояния перинатального здоровья и ухода за роженицами из числа просителей убежища и беженцев, расстройства психического здоровья в перинатальный период, такие как послеродовая депрессия, чаще встречаются среди женщин-мигрантов, чем среди женщин из принимающих стран. Исследование также выявило двукратный относительный риск смертности женщин-мигрантов, связанный с преэклампсией/эклампсией и тромбозом.

Как показано в таблице 1, мигранты с наибольшей уязвимостью здоровья находятся в ситуациях, снижающих их способность прогнозировать, преодолевать, сопротивляться и восстанавливаться, в связи с изменениями и проблемами, возникающими на разных этапах миграционного процесса. Некоторые мигранты могут испытывать психологическую травму, а также подвергаться эксплуатации и злоупотреблениям во время опасных путешествий. Они могут испытывать действие психосоциальных стрессоров, дефицит питательных веществ, обезвоженность, подверженность инфекционным болезням, нехватку медицинских услуг или продолжения лечения, а также сталкиваться с нездоровыми последствиями определенной обстановки, в частности в центрах иммиграционного содержания под стражей или в условиях неформального и нелегального труда. Эти вопросы рассматриваются преимущественно в литературе из стран назначения с высоким уровнем дохода, в которой основное внимание уделяется конкретным проблемам здравоохранения, категориям мигрантов и странам происхождения¹³. В некоторых трудах содержатся описательные исследования по разным категориям мигрантов, однако в большинстве из них отсутствуют сопоставления с населением принимающих стран. По этим причинам сложно обобщить ограниченные данные, но многие из этих проблем здравоохранения совпадают между собой в разных исследованиях, как это показано в сжатом виде в таблице 1.

Таблица 1. Краткое описание основных проблем со здоровьем среди избранных групп мигрантов в уязвимом положении

Нелегальные мигранты	<ul style="list-style-type: none"> • Ограниченный доступ/отсутствие доступа к медицинским услугам • Более ограниченная способность оплаты профилактики и первичной медицинской помощи • Ограниченный доступ/отсутствие доступа к безопасному и легальному труду • Страх депортации оказывает разностороннее воздействие на эмоциональное благополучие и психическое здоровье и сказывается на готовности обращаться за медицинскими услугами^a
----------------------	--

¹² Heslehurst et al., 2018.

¹³ Sweileh et al., 2018.

<p>Мигранты, содержащиеся под стражей</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Зачастую условия содержания носят карательный характер и напоминают тюремные условия с ограниченным доступом к медицинской помощи • Бессрочный характер содержания способствует крайнему отчаянию и ухудшению когнитивных, физических и эмоциональных способностей • Резко возрастают уровень депрессии и суицидальные наклонности • Дети-мигранты могут содержаться под стражей вместе с родителями или разлучаться с их семьями, а также испытывать нехватку воспитания или игровых возможностей^b
<p>Дети-мигранты и несопровождаемые несовершеннолетние</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Может прерываться последовательность профилактических медицинских вмешательств, таких как иммунизация • Социальная изоляция и разлучение с членами семьи серьезно ограничивает способность обращаться за медицинской помощью в случае необходимости • Продолжение расстройств психического здоровья даже после обустройства • Процедуры определения возраста, применяемые во исполнение постановлений по иммиграционным ходатайствам, являются спорными, страдают неточностью и порождают этические проблемы^c
<p>Дети, «оставленные дома»</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Потенциальная польза от денежных переводов, которые позволяют тратить деньги на покупку продовольствия и дают преимущества в получении образования • Повышенный риск тревоги, депрессии, суицидальных мыслей, злоупотребления психотропными веществами и расстройств переходного возраста^d
<p>Пожилые воспитатели детей, «оставленные дома»</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Пожилые воспитатели детей несут на себе несоразмерное бремя ухода за оставленными дома детьми, испытывая при этом отрицательные последствия для психосоциального и физического здоровья • Оставленные пожилые воспитатели испытывают более высокие уровни депрессии, одиночества, когнитивные расстройства и тревогу и демонстрируют более низкие показатели психологического состояния по сравнению с пожилыми родителями, дети которых не являются мигрантами^e

Мигранты из сообщества ЛГБТИ	<ul style="list-style-type: none"> • Миграция может совершаться в целях бегства от насилия, дискриминации и преследований • Наличие у просителей убежища психологической травмы, связанной с необходимостью постоянно доказывать гендерную и сексуальную идентичность • Высокие уровни депрессии, посттравматический стресс, суицидальные наклонности и злоупотребление психотропными веществами^f
Жертвы торговли людьми	<ul style="list-style-type: none"> • Высокие уровни физического и сексуального насилия, а также травматизма на рабочем месте • Высокие уровни депрессии, тревоги и посттравматического стресса, попытки самоубийства • Постоянные угрозы, чрезмерная продолжительность рабочего дня, плохие условия жизни и жесткое ограничение свобод^g

Источник: (a) Hacker et al., 2015; Martinez et al., 2015; Winters et al., 2018; (b) Filges et al., 2015; Robjant, Hassan и Katona, 2009; Sampson et al., 2015; (c) ISSOP, 2018; Jensen, Skårdalsmo и Fjermestad, 2014; (d) Fellmeth et al., 2018; (e) Graham, Jordan и Yeoh, 2015; Siriwardhana et al., 2015; Migration Policy Institute, 2015; Thapa et al., 2018; (f) White, Cooper и Lawrence, 2019; (g) Kiss et al., 2015.

Примечание: Группы мигрантов взаимно не разграничены (могут дублироваться). Значение термина «нелегальные мигранты» рассматривается в главе 2 настоящего доклада.

Общественное здоровье

Вторым аспектом, связанным с тематикой миграции и охраны здоровья, является то, как миграция может затрагивать здоровье населения (общественное здоровье). Как описано выше, мигранты могут сталкиваться с проблемами в удовлетворении их потребностей в психическом, социальном и физическом благополучии. Мигранты, располагающие ограниченным доступом или не имеющие возможности доступа к положительным детерминантам здоровья (см. диаграмму 1), могут иметь плохое состояние здоровья с различными последствиями для общественного здоровья. Эта ситуация сама по себе может возникать в результате трудностей в доступе к надежному доходу, зачастую связанных с проблемами в получении необходимых документов для легального трудоустройства. В случаях невозможности своевременного доступа к анализам и лечению повышаются шансы дальнейшего распространения заболевания на других членов общины, как и возникает вероятность неоправданных расходов, которые вынуждена нести в связи с этим система здравоохранения принимающей страны. Важно признавать, что ознакомление общественности с вопросами миграции и охраны здоровья тяготеет к преувеличениям в средствах массовой информации, подчас в рамках антииммиграционных политических повесток дня, в которых миграция позиционируется в качестве угрозы для общественного здоровья.

Какими бы ни были обстоятельства, если мигранты получают доступ к медицинской помощи, лишь когда они серьезно больны, система здравоохранения понесет дополнительные расходы. И напротив, доступные медицинские услуги как профилактики, так и лечения позволяют удовлетворить медицинские потребности мигрантов, прежде чем они серьезно заболеют, что сокращает общие расходы для систем здравоохранения.

Если дело касается инфекционных заболеваний, то задержки в обращении за лечением или проблемы при попытках продолжить лечение хронических инфекционных заболеваний, таких как туберкулез или ВИЧ, могут иметь отрицательные последствия для населения, поскольку может возрастать потенциал для последующей передачи инфекции. Это особенно верно в случае перемещения через международные границы, при котором задержки с обращением за медицинской помощью связаны с несколькими факторами, включая страх обращения к государственным службам в случаях отсутствия легального статуса или прямой отказ в доступе к медицинской помощи со стороны провайдеров медицинских услуг. Возникновение «городов-убежищ» в странах с ограничительными иммиграционными режимами частично обусловлено необходимостью обеспечения доступности медицинских услуг, независимо от миграционного статуса человека. Движение «городов-убежищ» основано на принципах прав человека и справедливости в отношении здоровья в рамках подходов, предусматривающих приоритетный доступ к медицинской помощи для не имеющих документов мигрантов¹⁴. Например, согласно сообщениям отсутствуют какие-либо различия в общении с врачами или в методах лечения диабета у иммигрантов без документов по сравнению с иммигрантами, располагающими документами, которые получают медицинскую помощь в двух иммиграционных убежищах для мексиканских иммигрантов в Соединенных Штатах, где у людей, обращающихся за медицинскими услугами, не спрашивают об их иммиграционном статусе и не сообщают таких сведений сотрудникам иммиграционных служб. Клинические результаты лечения иммигрантов без документов сопоставимы с аналогичными показателями медицинской помощи, предоставляемой иммигрантам с документами и мексиканцам, родившимся в Соединенных Штатах¹⁵.

Некоторые группы мигрантов - включая беженцев, просителей убежища и нелегальных мигрантов - могут быть особенно уязвимы перед инфекционными заболеваниями и испытывать худшие последствия для здоровья, чем принимающее население, или прибывать из мест, где широко распространены определенные инфекционные заболевания; эти группы могут получать пользу от целенаправленного скрининга и медицинских вмешательств¹⁶. В результате их путешествий из одного места в другое - включая вынужденные перемещения из зон конфликта, в которых серьезно пострадали службы здравоохранения - могут происходить перебои в плановой вакцинации, что имеет потенциальные негативные последствия для общественного здоровья как в случае отдельных мигрантов, так и в случае общин, затрагиваемых миграцией¹⁷.

Миграция как внутри страны, так и через национальные границы должна приниматься во внимание как одно из основных соображений в процессе борьбы с инфекционными болезнями. Одним из таких примеров является вспышка лихорадки Эбола в Западной Африке в 2014 году (см. текстовую вставку ниже). Другой пример касается активных мер по борьбе с малярией. Они требуют тщательного учета миграции, которая, как оказалось, влияет на диагностику и отрицательно воздействует на доступ к лечению и на непрерывность медицинской помощи. Это может способствовать распространению сопротивляемости противомалярийным лекарственным препаратам¹⁸. Кроме того, возвращение малярии в страны, которым удалось ее ликвидировать, вследствие въездной миграции создает дополнительные проблемы в деле трансграничной борьбы с малярией¹⁹. Признание важности учета миграции для борьбы с инфекционным

14 Aboji, 2016.

15 Iten et al., 2014.

16 European Centre for Disease Prevention and Control, 2018.

17 Hui et al., 2018.

18 Lynch и Roper, 2011.

19 Cotter et al., 2013; Jitthai, 2013; Pindolia et al., 2012.

заболеваниями было закреплено в Международных медико-санитарных правилах и программах борьбы с основными болезнями, разработанных всемирными органами здравоохранения²⁰. Например, в рамочной программе ВОЗ на период после 2015 года по глобальной «Стратегии ликвидации туберкулеза» вопросы миграции и трансграничных передвижений были определены в качестве приоритетной области действий для стран с низкой заболеваемостью туберкулезом²¹.

Миграция и борьба с болезнями: пример лихорадки Эбола

Внутренняя миграция и трансграничная мобильность в целях официальной/неформальной торговли, посещения культурных мероприятий, трудоустройства, образования и охраны здоровья по-прежнему являются существенной частью жизни многих общин в Западной Африке, где свободное передвижение людей, товаров и услуг считается ключевым фактором региональной интеграции, процветания и развития. В 2014 году «Треугольник кисси» - трансграничный район на пересечении территорий Сьерра-Леоне, Либерии и Гвинеи, имеющий важное значение для ремесел и торговли, стал эпицентром распространения вируса Эбола. Ось Форекария-Камбия между Гвинеей и Сьерра-Леоне была еще одним коридором мобильности людей, обеспечивающим передачу вируса. Только в июле 2015 года в четырех из семи цепочках передачи, выявленных в случаях позитивной реакции на эболовирусную болезнь (ЭВБ) в Камбии (Сьерра-Леоне), была установлена связь со случаями позитивной реакции на ЭВБ в Форекарии (Гвинея). Общины, проживающие по обе стороны границы, поддерживают тесные семейные связи. Трансграничное передвижение является частью повседневной жизни этих общин и осуществляется в основном через неконтролируемые пункты пересечения границы. В некоторых местностях власти вводили ограничения на мобильность людей, чтобы помешать трансграничным передвижениям, объясняя это необходимостью сдерживания распространения ЭВБ. Воздействие этих мер на торговлю и экономику в Западноафриканском регионе оценивалось в размере 1,6 млрд долл. США (12% совокупного ВВП трех самых пострадавших стран)^b. В результате десятилетий конфликта системы здравоохранения ослабели, а дефицит кадровых ресурсов, необходимых для охраны здоровья и эпиднадзора за распространением заболевания по путям мобильности, подорвал возможности принятия эффективных мер по борьбе с болезнью. Для целенаправленных усилий по профилактике, выявлению и реагированию на болезни, особенно в приграничных районах, при одновременной защите торговых и экономических интересов стран и для понимания основных движущих сил мобильности людей жизненно необходимо применять фактологически обоснованные методы определения коридоров перемещения населения.

Еще в декабре 2014 года МОМ при поддержке государственных органов и местных общин приступила к составлению карт трансграничных и внутренних потоков населения между Гвинеей и Мали. Затем эта информация была сопоставлена с эпидемиологическими данными, что позволило провести последующий анализ факторов уязвимости для путешественников на всем протяжении путей их мобильности. Впоследствии аналогичные инициативы были

20 Lönnroth et al., 2015; Wickramage et al., 2013; WHO, 2015.

21 Lönnroth et al., 2015.

предприняты на границе между Гвинеей и Сьерра-Леоне по линии Форекария-Камбия, а также на границе Либерии и Сьерра-Леоне. С тех пор картирование мобильности было расширено для включения ряда пунктов причаливания морских судов вдоль побережья Фритауна и Порт-Локо, а также внутренних перемещений между районами Камбии и Порт-Локо в Сьерра-Леоне. Во всех этих местах был организован медицинский скрининг и введены меры контроля за профилактикой инфицирования, что повысило возможности эпиднадзора и реагирования в этих трех наиболее пострадавших соседних странах.

a MOM, 2016.

b World Bank Group, 2015.

Реагирование систем здравоохранения

Третий аспект проблематики миграции и охраны здоровья состоит в том, как на эту проблематику реагируют системы здравоохранения. Система здравоохранения сама по себе является детерминантом здоровья, и в зависимости от политики и правовых рамок отдельных государств мигранты могут не получать достаточного, справедливого и недорогого доступа к медицинским услугам и/или местные системы здравоохранения могут не обладать достаточным потенциалом для удовлетворения медицинских потребностей мигрантов. Например, в странах с затяжным кризисом дети-мигранты, которые спасаются бегством из обстановки конфликта и ищут убежища со своими семьями, скорее всего, не будут охвачены необходимой для их здоровья плановой вакцинацией из-за перебоев в медицинском обслуживании в странах происхождения. Там, где доступны медицинские услуги, некоторым группам мигрантов может быть затруднительно выразить словами имеющиеся симптомы и понять инструкции по лечению из-за языковых барьеров. Различные культурные конструкты причинно-следственных связей в случае заболеваний, в частности касающихся психического здоровья, ставят под сомнение эффективность клинического ведения²². Мигранты могут также испытывать трудности при ориентировании в незнакомых системах здравоохранения и социального обеспечения, особенно если они прибывают из стран с серьезно расшатанными системами здравоохранения.

В ходе систематического обзора литературы, в которой описывались проблемы с медицинским обслуживанием мигрантов и беженцев в странах с высоким уровнем дохода, были выявлены три основные области, в которых возникали проблемы с оказанием медицинской помощи: коммуникация, непрерывность ухода и уверенность²³. Коммуникация имеет решающее значение для очевидных сценариев диагностики и лечения. Наличие подготовленных устных переводчиков из общин мигрантов было названо ключевым аспектом предоставления ориентированной на потребности мигрантов помощи. Подчеркивалась также необходимость подготовки таких устных переводчиков для обеспечения этического и профессионального подхода к проведению медицинских консультаций. Непрерывность ухода связана с такими факторами, как понимание мигрантами системы здравоохранения, интеграция и контроль за конкретными случаями в разных частях системы здравоохранения. Уверенность была третьей чаще всего упоминаемой темой,

22 Fortier, 2010.

23 Brandenberger et al., 2019.

которая связана с доверием к провайдеру медицинских услуг, при условии учета культурных особенностей в процессе оказания помощи и возможности иметь соответствующую свободу действий. Исследования показывают, что в тех случаях, когда не были установлены доверительные отношения, пациенты прибегали к использованию традиционной медицины и доверяли «собственным ресурсам» лечения, имеющимся в их общине. И напротив, систематический обзор, в котором исследовались представления, установки и практика провайдеров медицинских услуг в процессе медицинского обслуживания мигрантов, позволил установить, что у них возникали проблемы не только языковых и культурных барьеров, но и нехватки ресурсов на рабочих местах и несоответствия между профессиональной этикой и национальными законами, ограничивающими реализацию права мигрантов на медицинскую помощь²⁴. Медицинские работники использовали новаторские средства для обеспечения контроля за предоставлением помощи в таких клинических случаях совместно с группами гражданского общества.

Основным компонентом совершенствования системного реагирования является развитие «соответствующих интересам мигрантов систем и программ здравоохранения, которые направлены на учет потребностей мигрантов во всех аспектах медицинского обслуживания, финансирования, планирования, осуществления и оценки политики в области здравоохранения»²⁵. Как описано в добавлении А, это включает меры, направленные на: обеспечение медицинского обслуживания с учетом культурных особенностей и языкового многообразия; обеспечение доступа к первичной медико-санитарной помощи; охват групп неграждан национальными планами обеспечения готовности и реагирования на чрезвычайные ситуации; и создание механизмов отчетности в рамках обычных систем медико-санитарной информации для этически обоснованного использования данных в планировании удовлетворения потребностей мигрантов²⁶. Зачастую мигранты/«неграждане» исключаются из стратегий обеспечения готовности и реагирования на национальных уровнях²⁷.

Миграция и показатели и метрики здоровья

Важным предварительным условием обеспечения лучшего мониторинга и улучшения здоровья, а также предоставления надлежащего и доступного медицинского обслуживания является наличие точных данных о состоянии здоровья, показателях и социальных детерминантах здоровья мигрантов. В резолюциях Всемирной ассамблеи здравоохранения (ВАЗ), посвященных здоровью мигрантов (61.17, 2008; 70.15, 2017), и Глобальном договоре о безопасной, упорядоченной и легальной миграции²⁸ содержится призыв к правительствам лучше использовать данные о здоровье мигрантов для формулирования политики и практических мер, основанных на фактических данных. Однако вторые Глобальные консультации по

24 Suphanchaimat et al., 2015.

25 Siriwardhana, Roberts и McKee, 2017.

26 Mladovsky, 2013; Pottie et al., 2017; WHO, 2010b.

27 Guinto et al., 2015; Wickramage et al., 2018a.

28 В цели 1 Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции подчеркивается необходимость сбора и использования точных и дезагрегированных данных в качестве основы для выработки эмпирически обоснованной политики; кроме того, в цели 3 подчеркивается необходимость представления точной и своевременной информации на всех этапах миграции. В Договоре объясняется, что инвестирование в улучшение методов сбора миграционных данных способствует «развитию научно-исследовательской деятельности» и служит «основой для выработки последовательной и эмпирически обоснованной политики и улучшения информационной составляющей общественных обсуждений», обеспечивая эффективный мониторинг и оценку последующего осуществления обязательств.

вопросу о здоровье мигрантов (2017 год)²⁹ и последующие заседания академических комиссий³⁰ выявили существенные различия в наличии, качестве и взаимосвязи данных о здоровье мигрантов, особенно в странах с низким и средним уровнями дохода. Государства-члены и международные организации также добились незначительного прогресса в продвижении инициатив по совершенствованию сбора и анализа данных о здоровье мигрантов на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Наборы данных о здоровье на страновых уровнях получают из многих источников. Во-первых, это данные о здоровье, полученные из институциональных реестров или источников данных переписи населения. К ним, например, относятся регистры рождений и смертей, ведущие статистику естественного движения населения, и регистры по конкретным заболеваниям, в частности по раку, туберкулезу и малярии. Вторым источником являются данные обследований здоровья, которые могут собираться на периодической основе, например, демографические обследования и обследования здоровья. Данные исследований являются еще одним важным источником, предоставляющим конкретную информацию о тех или иных сообществах или различиях в заболеваемости. К последней категории относятся разнообразные источники, такие как данные, полученные в ходе оценок состояния здоровья мигрантов, системы медико-санитарной информации в лагерях беженцев и проекты больших данных, такие как проект «Глобальное бремя болезней»³¹.

В результате описательного обзора практики сбора данных о здоровье мигрантов в Европе было выявлено, что большинство стран Европейского союза не собирают данные о здоровье мигрантов в ходе оказания медицинской помощи или регистрации болезней, а в тех странах, которые делают это, используются различные классификации и определения, вследствие чего данные, полученные в разных странах, не всегда сопоставимы³². Системы медико-санитарной информации, эпиднадзора и регистрации болезней не занимаются систематической регистрацией миграционных переменных³³. Привязка миграционных модулей осуществлялась только в нескольких странах, проводивших демографические и медицинские обследования, таких как Колумбия и Эквадор, которые собирают данные по месту рождения. В этой связи исключением является Швеция, которая включает в свой ежегодный обзор условий жизни дезагрегированные данные по миграции или статусу проживания. Население классифицируется либо как мигранты первого или второго поколения, либо как немигранты³⁴.

Принципы защиты данных и этические соображения имеют первостепенное значение для сбора, анализа, распространения и взаимосвязи данных о здоровье мигрантов, что объясняется не только историческими ассоциациями в отношении расы, этнической принадлежности и здоровья³⁵, но и потенциальной стигматизацией, отторжением или в случае мигрантов без документов - возможностью депортации³⁶. Усилия по регистрации степени интеграции мигрантов в системах здравоохранения и, следовательно, по замеру уровня справедливости в отношении здоровья иллюстрируются проектом «Сегмент здоровья Индекса политики интеграции мигрантов (МИПЕКС)» (см. текстовую вставку ниже). Сегмент здоровья

29 MOM, 2017с.

30 Abubakar et al., 2018.

31 Имеется по адресу www.healthdata.org/gbd (дата доступа: 24 июля 2019 года).

32 Rechel, Mladovsky и Devillé, 2012.

33 Giorgi Rossi et al., 2017; Riccardo et al., 2015.

34 Mladovsky, 2013.

35 Bhopal, 1997.

36 Hiam, Steele и McKee, 2018.

МИПЕКС представляет собой инструмент обследования, предназначенный для изучения степени влияния политики на здоровье мигрантов и поощрение справедливости, позволяя проводить сопоставления между условиями в разных странах³⁷.

Сегмент здоровья Индекса политики интеграции мигрантов

Сегмент здоровья Индекса политики интеграции мигрантов (МИПЕКС) является инструментом обследования, предназначенным для изучения степени влияния политики на здоровье мигрантов и поощрение равенства^а. Он обеспечивает регистрацию четырех аспектов, которые считаются критически важными для обеспечения справедливости в отношении здоровья: а) материальные права на охват медицинским обслуживанием, закрепленные в национальных правовых рамках и политике; б) доступность медицинских услуг; в) восприимчивость, в частности в вопросах языковых и культурных особенностей; и d) меры по достижению изменений, в частности в сборе данных и исследованиях, в целях совершенствования информационного обеспечения обслуживания. Это включает в себя межсекторальное применение принципа «Здоровье во всех стратегиях» (ЗВВС), а также актуализацию политики в области охраны здоровья мигрантов. Оценочный обзор имеющихся фактических данных о связи между показателями здоровья и политикой интеграции, проведенный в 2017 году^б, показал, что в большинстве исследований МИПЕКС рассматривался в качестве инструмента для измерения национальной политики интеграции мигрантов. В соответствии с полученными данными различия в состоянии здоровья между мигрантами и гражданами и между группами мигрантов, как правило, сокращались в странах с активной политикой интеграции^с.

а MOM, 2017а.

б Siriwardhana, Roberts и McKee, 2017.

с Ingleby et al., 2018.

В контексте систем здравоохранения подход МЗВВС - разработанный по образцу подхода ВОЗ «Здоровье во всех стратегиях» (ЗВВС)³⁸ и на основе сегмента здоровья МИПЕКС³⁹ - предусматривает привлечение всех критически важных субъектов и секторов управления к участию в решении проблем в области миграции и охраны здоровья. Одним из примеров этого на практике является разработка Национальной политики и рамочной программы действий в области охраны здоровья мигрантов в Шри-Ланке (см. текстовую вставку ниже).

37 MOM, 2017а.

38 Juárez et al., 2019; WHO, 2014.

39 MOM, 2017а.

Уроки продвижения Национальной политики и рамочной программы действий в области охраны здоровья мигрантов в Шри-Ланке

Миграция продолжает оставаться катализатором развития Шри-Ланки в Южно-Азиатском регионе. Шри-Ланка является страной как происхождения, так и назначения трудовых мигрантов с учетом более 2 миллионов ее граждан, работающих за рубежом, и растущего количества трудящихся-мигрантов из таких стран, как Индия и Китай, прибывающих для работы в рамках широкомасштабных инфраструктурных проектов, в частности сооружения новых автомагистралей, морских портов и аэропортов. Согласно прогнозам такое развитие приведет к дальнейшему увеличению мобильности населения, обусловленной прибытиями на остров и передвижениями внутри него. Окончание длительной гражданской войны привело к возвращению многих шри-ланкийских беженцев из Индии и других стран и еще большего количества внутренне перемещенных лиц в родные места.

Поэтому становится важным урегулирование проблем охраны здоровья населения, вовлеченного в ряд динамических потоков. Признавая межсекторальный характер решения проблем миграции и охраны здоровья, правительство Шри-Ланки применило подход совместного «вовлечения всех органов государственного управления» - с участием гражданского общества, Организации Объединенных Наций, академического сообщества и правозащитников, выступающих за права мигрантов - для продвижения Национальной политики в области охраны здоровья мигрантов и осуществления Плана действий, принятых в 2013 году. Шри-Ланка является одной из немногих стран, в которой осуществляется специальная рамочная политика по охране здоровья мигрантов, охватывающая все виды мигрантов³. Этим процессом руководит Министерство здравоохранения под эгидой межведомственного механизма и в техническом партнерстве с МОМ. Отличительной чертой разработки политики Шри-Ланки был упор на фактологически обоснованный подход к руководству формулированием политики/мероприятий. В течение трехлетнего периода была создана Национальная комиссия по исследованиям в области здоровья мигрантов, которая привлекала местных и международных исследователей для выявления пробелов в знаниях, проведения эмпирических исследований и сбора данных о здоровье мигрантов, образующих входящие, внутренние и исходящие потоки. Был внедрен прагматичный и ориентированный на действия подход. Так, была разработана Национальная стратегия охраны здоровья на границах для расширения возможностей в пунктах въезда, позволяющих обеспечить более полную готовность и лучшее реагирование на риски для безопасности в сфере здравоохранения, и возможностей для решения проблемы усиления психосоциальной поддержки возвращающихся трудящихся женщин-мигрантов.

Основные уроки продвижения Национальной политики в области охраны здоровья мигрантов включают следующее:

- (a) инвестирование в фактологически обоснованный подход;
- (b) обеспечение межсекторальной координации;
- (c) привлечение разных заинтересованных сторон из гражданского общества, академических кругов, промышленности и самих мигрантов с помощью подходов совместного участия;

- (d) использование сетевого реагирования на возникающие проблемы (не только в связи с формулированием политики);
- (e) внедрение рамок подотчетности;
- (f) обеспечение дипломатии в области глобального здравоохранения и участия в региональных и глобальных процессах.

Более подробное рассмотрение примера содержится в добавлении В.

а Wickramage, De Silva и Peiris, 2017.

Миграция медицинских специалистов

С учетом глобальной нехватки медицинских специалистов миграция работников здравоохранения требует целенаправленного и эффективного управления, включая укрепление потенциала систем здравоохранения в странах происхождения, поощрение передовой практики и предупреждение отрицательных последствий миграции медицинских работников. Существует глобальный дисбаланс между наличием медицинских работников и бременем болезней. Например, в странах Африки в югу от Сахары самая низкая плотность врачей и среднего медицинского персонала и наибольшее бремя болезней⁴⁰. Хорошо управляемая миграция работников здравоохранения может играть ключевую роль в развитии в целом, а также в укреплении потенциала систем здравоохранения не только в принимающих странах, но и в странах происхождения⁴¹. Глобальные инструменты здравоохранения, такие как Глобальный кодекс ВОЗ по практике международного найма персонала здравоохранения, обеспечивают фактологически обоснованные рамки для поощрения передовой практики и предупреждения отрицательных последствий миграции медицинских работников. Как отмечается в Глобальном кодексе ВОЗ, существуют стратегии как для отправляющих стран, так и для стран назначения, предусматривающие снижение зависимости от подготовленных за рубежом медицинских работников и смягчение негативных последствий миграции медицинских работников для систем здравоохранения в развивающихся странах. К примеру, это может включать: согласование государственных расходов на образование с возможностями трудоустройства; воздержание от найма непосредственно из стран с наименьшим соотношением работников здравоохранения к населению; и внедрение инновационных механизмов финансирования, позволяющих местным и частным субъектам предоставлять дополнительное финансирование вдобавок к государственным субсидиям на подготовку медицинских работников.

40 Crisp и Chen, 2014.

41 MOM, 2018.

Глобальное регулирование миграции и охраны здоровья

Регулирование занимает центральное место в разработке и осуществлении любых мер реагирования в связи с миграцией и охраной здоровья⁴². Для регулирования миграции главной точкой опоры является национальный суверенитет⁴³ и стремление к обеспечению того, чтобы позитивные результаты в области охраны здоровья достигались с помощью продуманной миграции. Однако зачастую органы здравоохранения ограниченно участвуют в принятии директивных решений, касающихся регулирования миграции, помимо вопросов глобальной безопасности в сфере здравоохранения - включая карантин и управление охраной здоровья на границах, - и в процессе разработки программ здравоохранения часто забывают о миграции⁴⁴. Многие страны откровенно заявили международным правозащитным органам, что они не могут или не желают обеспечивать охрану здоровья мигрантов, включая предоставление базовых медицинских услуг, и особенно в отношении нелегальных мигрантов⁴⁵.

В последние годы были разработаны целый ряд программ регулирования в сферах миграции и охраны здоровья, которые открывают важные возможности для обеспечения политической поддержки активных мер в этой связи (см. диаграмму 2). Эти программы сближают сферы регулирования миграции, развития и глобального управления здравоохранением и включают в себя: Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции; Глобальный договор о беженцах; Цели в области устойчивого развития (ЦУР); ВОУЗ; процессы Всемирной ассамблеи здравоохранения; программы профилактики и борьбы с болезнями (включая малярию, ВИЧ и туберкулез); и Глобальную повестку дня в области медицинской безопасности⁴⁶. Эффективное регулирование требует стратегической инициативы и инвестиций для создания альянсов между системами управления миграционными процессами и сектором здравоохранения.

В ЦУР содержатся многочисленные рекомендации в отношении объединения секторов миграции, развития и здравоохранения для разработки и реализации согласованных и скоординированных мер реагирования⁴⁷. Задача 3.8 ЦУР предусматривает всеобщий охват услугами здравоохранения (ВОУЗ), что является одной из основных задач ЦУР, обеспечивающей стратегическую возможность для совершенствования мер реагирования в отношении миграции и охраны здоровья, которое благодаря хорошему здоровью трудящихся-мигрантов и связанному с этим потоку денежных переводов будет косвенно оказывать благотворное влияние на социально-экономическое развитие⁴⁸. Мигранты, не учтенные в программах ВОУЗ, часто упускаются из виду при обсуждении целей ВОУЗ на страновом уровне⁴⁹.

42 Под «регулированием» мы понимаем способы осуществления учреждением своих функций в целях разработки и внедрения политики и практики с участием государства, гражданского общества, частного сектора и других ключевых субъектов, таких как международные организации.

43 Wickramage et al., 2018a.

44 Wickramage и Annunziata, 2018.

45 МОМ, 2013.

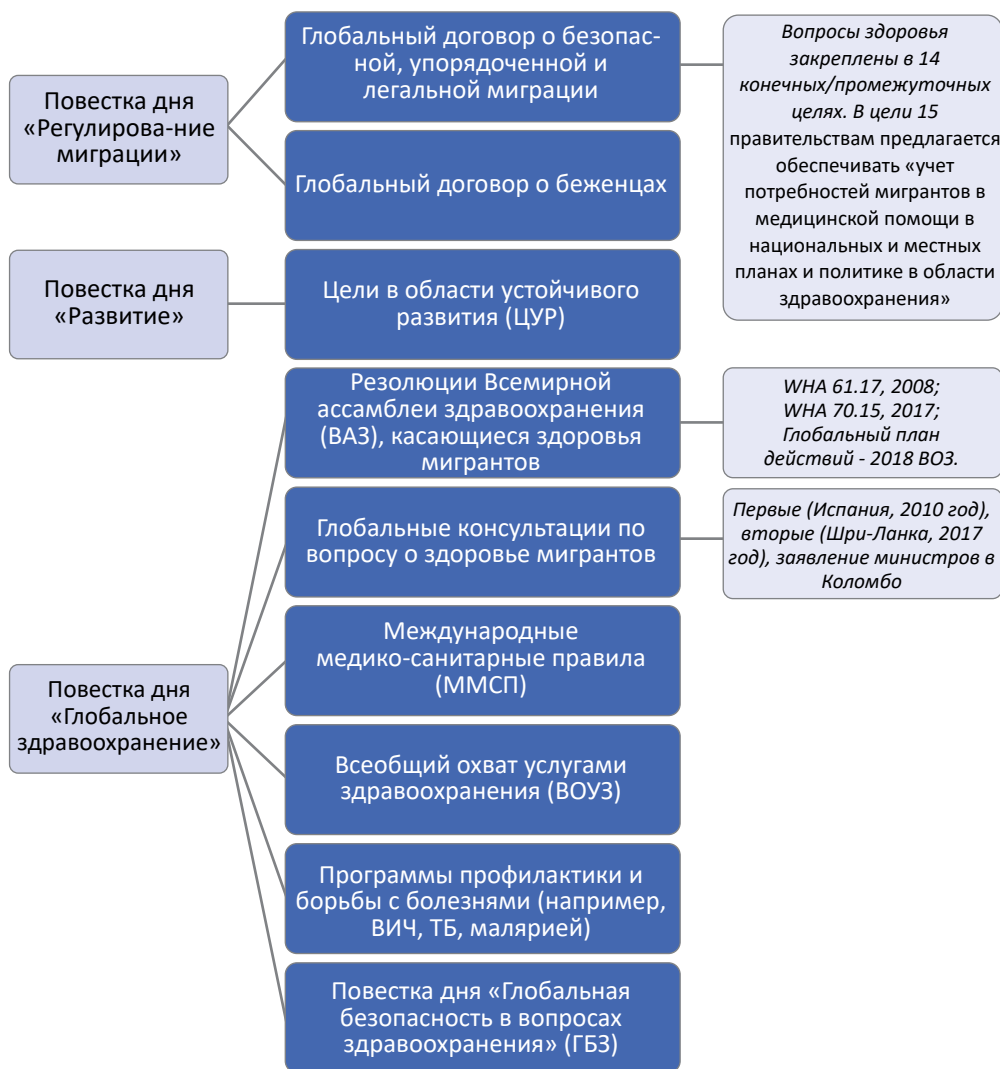
46 МОМ, 2017с; УНС2030, 2017; Организация Объединенных Наций, 2015; WHO, 2007, 2010a; World Health Assembly, 2008, 2017.

47 Организация Объединенных Наций, 2015.

48 УНС2030, 2017.

49 Guinto et al., 2015.

Диаграмма 2. Глобальные повестки дня по достижению целей миграции и здравоохранения

В Глобальном договоре о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, который обсуждается в главе 11 настоящего доклада, здравоохранение рассматривается в качестве сквозного приоритета, а в нескольких целях содержатся ссылки на здоровье и доступ к медицинскому обслуживанию. Основные цели Глобального договора о миграции в отношении здоровья и обязательства и действия, связанные со здоровьем, представлены в добавлении С. Ряд экспертов высказали замечания о недостатках Глобального договора, связанных с реализацией права мигрантов на здоровье, включая отсутствие упоминаний о репродуктивном здоровье и доступе к безопасному материнскому уходу, который непосредственно влияет

на здоровье новорожденных и детей⁵⁰. Несмотря на эти ограничения, Глобальный договор о миграции действительно дает медицинскому сообществу возможность использовать его в качестве инструмента для продвижения политики и медицинских услуг, учитывающих интересы мигрантов, в рамках дискуссий по вопросам регулирования миграции, в которых вопросы здоровья часто упускаются из виду⁵¹.

Пробелы в исследованиях в области миграции и охраны здоровья

Во всем мире предпринимаются различные инициативы по проведению исследований, призванных помочь в улучшении понимания проблематики миграции и охраны здоровья и реагирования в этой связи с акцентом на осуществление фактологически обоснованных мероприятий по улучшению здоровья и благополучия как мигрантов, так и общин, затрагиваемых миграцией⁵². Хотя эта область исследований постепенно расширяется, усилия, направленные на углубление понимания вопросов миграции и здоровья, и примеры разработки программ по миграции и охране здоровья остаются ограниченными⁵³. Как описано в текстовой вставке ниже, объем существующей литературы по вопросам международной миграции и здоровья является небольшим. Основное внимание уделяется а) контекстам принимающих стран с высоким уровнем дохода в Европе и Северной Америке; б) конкретным нарушениям здоровья, в частности в связи с психическими расстройствами, ВИЧ и туберкулезом; и с) конкретным группам мигрантов, включая трудящихся-мигрантов, детей-мигрантов, несопровождаемых несовершеннолетних и детей, «оставленных дома», женщин, беженцев и жертв торговли людьми (женского пола)⁵⁴. Это подчеркивает необходимость расширения исследовательских возможностей в контекстах стран с низким и средним уровнями дохода, в которых происходит большая часть миграции в мире, и масштабов исследований, с тем чтобы они не сводились к преобладающим в настоящее время темам психического здоровья и психосоциального благополучия. Соответствующие контекстам программы исследований необходимо утверждать на национальном и региональном уровнях путем консультаций с общинами мигрантов, разработчиками политики, специалистами-практиками, гражданским обществом и исследователями.

Глобальное распределение исследований в области международной миграции и здравоохранения в рецензируемых публикациях

По категории международных мигрантов:

- беженцы и просители убежища (25,4%)
- трудящиеся-мигранты (6,2%)
- торговля людьми и незаконный провоз (3,2%)
- международные студенты (2,1%)
- мобильность пациентов через международные границы (0,1%)

50 Bozorgmehr и Biddle, 2018; Devakumar et al., 2018.

51 Wickramage и Annunziata, 2018.

52 Abubakar et al., 2018; Griswold et al., 2018; MOM, 2017c; Pottie et al., 2017; Wickramage et al., 2018b.

53 Ho et al., 2019; Sweileh et al., 2018.

54 Sweileh et al., 2018.

По классификации уровней дохода стран (на основе классификации Всемирного банка):

- страны с низким уровнем дохода (0,8%)
- страны со средним уровнем дохода (9,6%)
- страны с высоким уровнем дохода (89,6%)

По тематическим областям исследований:

- литература, посвященная психическому здоровью и психосоциальному благополучию (47,0%)
- инфекционные заболевания (13,7%)
- неинфекционные заболевания (8,9%)

Источник: Sweileh et al., 2018.

Примечание: При подготовке материала были извлечены и рассмотрены в общей сложности 21 547 документов. Переменные могут быть не взаимно исключающими, в связи с чем результат суммирования процентных долей может быть не равен 100%.

Заключение: инвестиции в миграцию и здравоохранение для поддержки социально-экономического развития

Инвестирование - в виде как финансовых и людских ресурсов, так и политической воли, - направляемое государствами на разработку фактологически обоснованных мероприятий в области миграции и здравоохранения, позволит не только удовлетворять медицинские потребности отдельных мигрантов, но и улучшит общественное здоровье и поддержит усилия по достижению ВОУЗ. Это инвестирование имеет особенно важное значение в контекстах стран с низким и средним уровнями дохода, где отмечаются значительные уровни миграции.

Хорошее здоровье является предпосылкой для оптимизации выгод от миграции (например, в форме денежных переводов); и поэтому инвестирование в области миграции и здравоохранения способствует социально-экономическому развитию как в странах отправления, так и в странах приема мигрантов⁵⁵. Разработчикам политики, гражданскому обществу, частному сектору и исследователям надлежит играть важную роль в понимании проблематики миграции и здоровья и реагировании в этой связи в глобальном, региональном и национальном масштабе, а сами мигранты должны привлекаться к разработке и осуществлению политики и программ⁵⁶.

55 Abubakar et al., 2018; MOM, 2017c; Onarheim et al., 2018; Trummer et al., 2016; Tulloch, Machingura и Melamed, 2016; Vearey et al., 2019; Wickramage et al., 2018b.

56 MOM, 2017c; Wolfers, Verghis и Marin, 2003.

Для достижения этих целей необходимы инвестиции в исследовательский потенциал, который должен быть направлен прежде всего на углубление понимания четырех основных аспектов, связанных с областью миграции и охраны здоровья, которые были описаны в настоящей главе и включают здоровье мигрантов, общественное здоровье, реагирование систем здравоохранения и возможности глобального регулирования. Исследования необходимы для разработки фактологически обоснованных и конкретно соответствующих контекстам мероприятий по решению проблем миграции и охраны здоровья, что в свою очередь окажет поддержку в достижении ВОУЗ. Благодаря партнерским отношениям с международными организациями и академическим сообществом новому поколению ученых, занимающихся вопросами миграции и охраны здоровья, может быть оказана поддержка в разработке новых исследовательских подходов и систем мониторинга для улучшения глобального реагирования на проблемы миграции и здравоохранения⁵⁷. Для улучшения информационной поддержки изменений в системах здравоохранения и предоставления услуг необходимы дополнительные исследования, помимо нынешнего фокуса на беженцев и просителей убежища, а также на вопросы психического здоровья и психосоциального благополучия.

Что касается глобального уровня, то необходимы улучшения в понимании последствий мобильности людей для поддержки и улучшения планирования мероприятий по обеспечению готовности к чрезвычайным ситуациям в общественном здравоохранении, включая разработку мер реагирования на вспышки инфекционных заболеваний или другие чрезвычайные ситуации в области здравоохранения, что требует инвестиций в укрепление исследовательского потенциала, особенно в контекстах стран с низким и средним уровнями дохода⁵⁸. Работая в рамках национального процесса разработки политики в области миграции и охраны здоровья, частный сектор также способен поддержать разработку программ улучшения здоровья, например, предназначенных для трудящихся-мигрантов. В процессе регулирования миграции и охраны здоровья выпадает из поля зрения роль частного сектора, которая среди многих других инноваций может включать спонсорство для укрепления исследовательского потенциала и мероприятий, направленных на удовлетворение медицинских потребностей трудящихся-мигрантов. Такое программирование будет благотворно сказываться на здоровье как отдельных трудящихся-мигрантов, так и их семей в странах как происхождения, так и назначения.

Рамочную основу, способную обеспечить ориентацию и выявить стратегические возможности в поддержке мероприятий в области миграции и охраны здоровья, образуют: резолюция Всемирной ассамблеи здравоохранения (ВАЗ) 2008 года, озаглавленная «Здоровье мигрантов»; резолюция ВА3 2017 года, озаглавленная «Содействие укреплению здоровья беженцев и мигрантов»; декларации, принятые на двух Глобальных консультациях по вопросам миграции и здоровья; проект Глобального плана действий в области здоровья мигрантов ВОЗ; и Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, в котором охрана здоровья рассматривается в качестве сквозного приоритета⁵⁹. Эти документы могут использоваться академическими кругами, органами Организации Объединенных Наций, гражданским обществом и государственными субъектами для мобилизации действий, в том числе в частном секторе. Разработчикам политики - при поддержке исследователей - необходимо определить, каким образом секторы как миграции, так и здравоохранения могут усилить свое взаимодействие в

57 Инициатива исследований по вопросам здоровья мигрантов и развития (МХАДРИ) (имеется по адресу <https://mhadri.org/> (дата доступа: 25 июля 2019 года)) является недавно созданной глобальной исследовательской сетью, цель которой состоит в рассмотрении этих вопросов и поощрении обмена данными исследований и опытом подходов к здоровью мигрантов.

58 MOM, 2017c; Wickramage et al., 2018b.

59 MOM, 2017c; WHO, 2010b, 2017, 2019; World Health Assembly, 2008, 2017.

вопросах миграции и охраны здоровья с использованием подхода МЗВВС. Поскольку интеграция и инклюзия мигрантов и миграции являются жизненно важным компонентом глобальных программ борьбы с болезнями - в частности с туберкулезом и малярией - и глобальных повесток дня по обеспечению безопасности в области здравоохранения, здравоохранение должно стать одной из основных опор для развития системы регулирования миграции.

Что касается региональных уровней, то необходимы консультативные процессы для поддержки разработки скоординированных подходов к вопросам миграции и охраны здоровья. Это может достигаться путем интеграции вопросов здоровья в существующие региональные консультативные процессы по вопросам миграции и развития и должно включать сотрудничество в области эпиднадзора за болезнями и осуществления мероприятий для поддержки непрерывности медицинской помощи при трансграничном перемещении. Для практической реализации этих предложений государствам следует рассмотреть возможность назначения национального координационного центра, который может направлять развитие национальной политики в области миграции и охраны здоровья и руководить взаимодействием на региональном и глобальном уровнях. Для этого были бы необходимы фактологически обоснованный, межсекторальный и основанный на широком участии подход, разработка и внедрение рамок подотчетности и актуализация дипломатии в области глобального здравоохранения. Инвестируя в фактологически обоснованные мероприятия, государства обеспечат лучшую готовность к разработке мер реагирования на проблемы миграции и охраны здоровья на местном, региональном и глобальном уровнях. Это окажет положительное воздействие на здоровье отдельных мигрантов, поддержку усилий по достижению ВОУЗ к 2030 году и, в конечном счете, обеспечение возможностей для доступа людей, общин и государств к выгодам социально-экономического развития, связанных со здоровой миграцией.

ЖАКЛИН БХАБХА
ГИ АБЕЛЬ

8

ДЕТИ И НЕБЕЗОПАСНАЯ МИГРАЦИЯ¹

Введение

Миграция детей - одно из важных явлений современности. По мере расширения мобильности молодежи она может возрасти как по масштабу, так и по значимости в результате большей финансовой доступности путешествий, изменения климата, растущей коннективности вследствие развития технологий, углубления глобального неравенства в распределении возможностей, безопасности и доступе к занятости, а также популяризации всемирного культурного достояния.

Как и в случае миграции в других возрастных группах, миграция детей затрагивает широкий спектр явлений. Для начала рассмотрим сам термин: в соответствии с определением в международном праве ребенком является «каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее»². Вместе с тем в данных о молодежной миграции не всегда используется это пороговое значение, и поэтому часто фигурирует термин «молодежная миграция». В широком смысле термин «миграция» может охватывать как международную, так и внутреннюю мобильность людей, кратковременное или пожизненное перемещение, а также путешествия как в одну сторону, так и циркулярные. Он может охватывать широкий диапазон передвижений - от беспроблемного переселения семьи и до травмирующего принудительного перемещения, вызванного насилием в ходе войны, попытками этнической чистки или распадом государства. Миграция детей включает в себя как поездки детей в сопровождении взрослых родственников, так и ситуации, в которых дети вынуждены совершать поездки самостоятельно; она включает ситуации, в результате которых существенно улучшается качество жизни детей с точки зрения расширения образовательных возможностей или укрепления безопасности семьи, а также ситуации, в которых подверженность эксплуатации или риску приводит к устойчивой психологической травме.

Миграция детей - не новое явление, и ее история уходит в глубь веков. Дети - как мальчики, так и девочки - всегда мигрировали со своими семьями или вслед за ними, чтобы воспользоваться новыми возможностями или повысить свою безопасность вдали от дома. В большинстве случаев эта миграция не порождает проблем. После периода адаптации к новому контексту, за исключением ситуаций, при которых этому препятствует устойчивая расовая или религиозная дискриминация, большинство детей наряду со своими семьями интегрируются в свои новые общества. Однако в этой главе основное внимание уделяется детской миграции, которая не вписывается в этот шаблон, а именно небезопасной, нелегальной миграции в условиях эксплуатации. И речь в ней идет о международной миграции. Это не означает, что другие аспекты, связанные с миграцией детей, не являются важными. Однако настоятельная необходимость лучшего понимания небезопасной международной миграции детей во всех ее разнообразных измерениях

1 Жаклин Бхабха, профессор практики здоровья и прав человека, Школа общественного здоровья Гарвардского университета; Ги Абель, профессор Школы социологии и политологии Шанхайского университета.

2 Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка 1989 года, статья 1.

проистекает из того факта, что этот аспект детской миграции требует большего участия и поддержки со стороны правительств и международных субъектов в целях обеспечения для детей защиты, на которую они имеют право.

На протяжении столетий множились известные примеры неудовлетворенных потребностей в защите детей как мужского, так и женского пола, разлученных со своими семьями в результате войн, голода и экологических бедствий; вывозимых из дома детей, проданных хозяевам-эксплуататорам (рабовладельцам, религиозным орденам, военным командирам); несопровождаемых детей, принятых после вынужденного изгнания незнакомыми и даже не связанными с ними субъектами (приемными семьями, учреждениями для беженцев, а также учебными или исправительными заведениями)³. Однако, несмотря на давнюю историю таких случаев, задача охраны безопасности и наилучших интересов детей-мигрантов игнорировалась.

Одной из причин более пристального внимания к этому явлению в последнее время является его нынешний размах. Как показано на диаграммах 1 и 2, в 2019 году насчитывалось 37,9 млн мигрантов в возрасте моложе 20 лет, или 14% от общего числа мигрантов в мире. Это положение вещей самым непосредственным образом затрагивает органы образования, охраны детства и управления миграцией.

Еще одним фактором, побуждающим к активизации политической воли и обеспокоенности общественности в связи с детской миграцией, являются получающие особый резонанс в сообщениях новостных агентств и вынуждающие к действию случаи страдания детей. В качестве примеров можно упомянуть трагическую гибель утонувшего в сентябре 2015 года Алана Курди и международный скандал, вызванный в 2018 году политикой правительства Соединенных Штатов по разлучению семей на южной границе. Это подтверждается также растущим признанием воздействия аспектов процесса миграции, изменяющего жизнь очень большого количества детей-мигрантов⁴. Политика разлучения родителей с их детьми на границах или в процессе депортации, а также длительные административные процедуры, не позволяющие детям воссоединиться с родителями в течении многих лет, могут иметь разрушительные последствия для здоровья и благополучия затрагиваемых детей⁵. Драматические последствия для детей проистекают также из других связанных с миграцией контекстов: отсутствия процедур спасения жизни для предупреждения утопления или смертельного обезвоживания детей во время миграционных путешествий⁶; недостатков образования в лагерях беженцев⁷; бездействия государства в ситуациях имеющих доказательств сексуальной эксплуатации детей-мигрантов⁸; и отсутствия удовлетворения потребностей перемещенных детей в охране физического и психического здоровья⁹.

В настоящей главе рассматриваются вопросы небезопасной международной миграции детей и сохраняющиеся противоречия между задачами регулирования миграции и императивами защиты детей¹⁰. Глава начинается с подробного описания разных типов детской миграции, имеющих место

3 В отношении исторического обзора миграции несопровождаемых детей см. Ressler, Boothby и Steinbock, 1998. В отношении трех конкретных историй о миграции детей см. Bhabha, Kanics и Senovilla (eds.), 2018. См. также Humphreys, 1994.

4 MOM, 2017a.

5 В отношении изучения рисков, связанных с разными формами разлучения семьи, см. УВКБ ООН, 2018.

6 MOM, 2019; INEE, 2018; Suárez-Orozco и Suárez-Orozco, 2018; Ní Raghallaigh, 2018.

7 Sirin и Rogers-Sirin, 2015.

8 Digidiki и Bhabha, 2017.

9 Watters и Delyn, 2018; Kohli, 2018; Human Rights Watch, 2018a.

10 См. OHCHR, 2016.

в мире, включая их движущие силы, и вопросов, связанных с данными о миграции детей. Далее в ней содержится обсуждение основных вызовов в области обеспечения защиты, затрагивающих детей-мигрантов, переходящее в рассмотрение текущих проблем и изменений в политике в связи с ними. Затем в главе исследуются основные возникающие проблемы, с которыми сталкиваются дети-мигранты. Глава завершается размышлениями о достижениях и приоритетах, все еще нуждающихся во внимании.

Типы миграции детей

Смешение определений издавна вносит сумятицу в обсуждение вопроса о миграции детей. Как и в случае недостатков в связи с данными, рассматриваемых в тексте ниже, не все аспекты этой проблемы специфичны для детей. В сфере миграции широко применяются поверхностные дихотомии вынужденной и экономической миграции, усложняющие понимание императивной необходимости приоритетного учета прав уязвимых групп населения, которые могут срочно нуждаться в защите. Этому способствует скудность исследований по вопросам миграции детей, проводимых с точки зрения интересов ребенка, а не государства¹¹.

Миграцию детей, как и в случае миграции взрослых, нецелесообразно разделять на «вынужденную» и «добровольную», скорее, ее следует рассматривать как сочетание элементов вынужденности и выбора, соотношение которых может изменяться с течением времени. Из-за большого разнообразия соответствующих ситуаций сейчас детей-мигрантов обычно называют «дети в процессе транзита», употребляя выражение, преимущество которого состоит в том, оно не исключает переход из одной категории мигрантов в другую, а недостаток - в завуалировании проблем, возникающих после обустройства.

Дети участвуют в широком диапазоне разных типов миграции. Некоторые миграционные путешествия имеют ярко выраженный гендерный характер, например имеющая давнюю историю перевозка нигерийских девушек в Европу для их эксплуатации в секс-индустрии или самостоятельная миграция мальчиков подросткового возраста из стран Северной Африки в поисках новых возможностей. Многие другие типы миграции в своем большинстве охватывают как мальчиков, так и девочек, хотя иногда в разных соотношениях в зависимости от страны происхождения. В большинстве случаев миграция детей, особенно совершаемая вне контекста конфликта или бедствия, является безопасной и осуществляется вместе с семьей. Однако существует растущая тенденция к вовлечению детей в миграцию, которая ставит под угрозу их безопасность и нарушает их права. Примеры миграции этого типа включают не только явно опасные для жизни вынужденные миграционные переходы по коварным маршрутам - таким как Восточный и Центральный средиземноморские маршруты, на которых часто тонут люди, - но и виды миграции, при которых дети нередко подвергаются физическому и/или сексуальному насилию. Небезопасная миграция включает также ситуации, когда дети полагаются на посредников-эксплуататоров, которые пользуются беспомощностью детей в ходе миграции, требуя от своих подопечных работать на них или оказывать услуги иного рода. Эти аспекты миграции детей более подробно рассматриваются ниже.

Дети могут быть внутренними или международными мигрантами. К числу внутренних мигрантов относятся внутренне перемещенные дети, сезонные дети-мигранты или дети, мигрирующие из сельских в городские

¹¹ К некоторым достойным упоминания исключениям, в которых исследования проводились с точки зрения интересов детей-мигрантов, относятся главы в части VI работы Bhabha, Kanics and Senovilla (eds.), 2018.

районы¹². Внутренняя миграция может быть цикличной, а может быть и прелюдией к международному перемещению. Во всех трех категориях присутствуют крупные группы детей, в некоторых случаях находящиеся в очень тяжелом положении.

Международная миграция детей охватывает детей, которые путешествуют по семейным обстоятельствам, в целях безопасности или выживания, по требованию торговцев людьми, в целях поиска новых возможностей, а зачастую по нескольким из этих причин. В настоящей главе рассматривается небезопасная миграция детей через границы. Для понимания отличительных потребностей детей важно рассмотреть следующие факторы, особенно связанные с обеспечением безопасности:

- (a) *С кем путешествует ребенок¹³? Сопровождают ли его родители или опекуны (в том числе обычные воспитатели), путешествует ли он без сопровождения (в одиночку), или отдельно (в сопровождении членов расширенной семьи, незнакомых людей, торговцев людьми или едва знакомых людей)¹⁴? Ребенок может начинать миграцию в сопровождении, а затем разлучаться с семьей, вследствие чего его или ее потребности изменяются на разных этапах путешествия¹⁵.*
- (b) *Санкционирована ли миграция ребенка (выдачей визы или другим правовым предписанием)? Дети, совершающие поездки без статуса легальных мигрантов, подвергаются более высокому риску эксплуатации, задержания или иного вреда¹⁶. В этом случае правовой статус ребенка может из легального превратиться в нелегальный во время миграции, например, когда ему отказывают в удовлетворении ходатайства о предоставлении убежища, но ребенок остается в государстве назначения без правовой санкции. Может также происходить обратное, когда ребенок без документов, к примеру, получает правовой статус. Так, в Соединенных Штатах предусмотрена процедура, в соответствии с которой несопровождаемый ребенок-мигрант, который подвергся злоупотреблению, был оставлен без ухода или брошен на произвол судьбы, получает специальный статус несовершеннолетнего иммигранта¹⁷.*
- (c) *Совершает ли ребенок миграцию, стремясь спастись от конкретного преследования, в частности от вербовки в качестве ребенка-солдата или члена банды, от жестокого обращения с детьми или от детского брака? В ситуации миграции этого типа приоритетным механизмом защиты является своевременный доступ к юридическому представительству или опеке¹⁸.*
- (d) *Мигрирует ли ребенок по решению семьи, или без ведома и поддержки семьи? Многие мигранты из стран, где обязанности взрослого возлагаются на человека в раннем возрасте, по собственной*

12 Khadria, 1995, 1996.

13 Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН) впервые опубликовало дезагрегированные данные о детях-просителях убежища и детях-беженцах в 1994 году, а о несопровождаемых и разлученных детях в 2001 году.

14 УВКБ ООН было первым учреждением, конкретно обратившим внимание на потребности этой группы населения, издав свои *Руководящие принципы относительно политики и процедур, касающихся обращения с несопровождаемыми детьми, ищущими убежища* (УВКБ ООН, 1997). Этому примеру быстро последовали другие, в том числе Европейский союз, приняв свою «Резолюцию о несопровождаемых несовершеннолетних, являющихся гражданами третьих стран», и национальные учреждения, в том числе Канады, Соединенных Штатов и Соединенного Королевства. См. Bhabha, Kanics и Senovilla (eds.), 2018.

15 Kara, 2009; Peyroux, 2018.

16 Biccocchi, 2011; Kanics, 2018; Rozzi, 2018.

17 Thronson, 2018.

18 MOM, 2017b; УВКБ ООН, 2018.

воле принимают такие решения. Примеры такого рода включают афганских юношей, эритрейских юношей и девушек-подростков и мальчиков и девочек из стран Центральной Америки. Действуя как взрослые, многие из них, хотя и квалифицируются в качестве «детей» по международному праву, ищут возможности обеспечить свое существование или материальную поддержку своих семей за счет миграции¹⁹. Дети в Западной и Центральной Африке также перемещаются для получения религиозного воспитания и вверяются на попечение религиозного лидера или деятеля, который должен заботиться об их религиозном образовании и благополучии, однако часто из-за нехватки средств становится их эксплуататором²⁰. В международном праве не выработано единое понимание того, в каком возрасте ребенка его решение приобретает юридическую силу. Во внутреннем праве существуют различные нормы в зависимости от вида деятельности, о которой идет речь²¹.

Бегство детей от банд в Центральной Америке

В Центральной Америке дети бегут от крайнего насилия в своих родных странах в течение десятилетий, но после 2014 года масштабы этой вынужденной миграции быстро увеличились. Хотя большинство этих детей, ищущих убежища как без сопровождения, так и в составе семей, стремятся получить защиту в Соединенных Штатах, количество ходатайств выходцев из стран так называемого «Северного треугольника» (Сальвадор, Гондурас и Гватемала) резко возросло во всей Центральной Америке^a. Несопровождаемые дети-просители убежища, которые подают заявления в Соединенных Штатах, испытывают трудности с доступом к адвокату или опекуну, несмотря на все усилия сети специализированных организаций, включая КИНД, ЛИРС и Программу обеспечения детей адвокатами Молодежного центра защиты прав детей-иммигрантов. В результате, по официальным данным правительства, под стражей содержится большое число детей, которых в ноябре 2018 года насчитывалось свыше 14 000^b.

a УВКБ ООН, 2018.

b Коррап, 2018.

Самостоятельная миграционная стратегия может предполагать вступление в отношения со взрослыми, которые способствуют трансграничному перемещению в обмен на оказываемые услуги²². Подростки также используют возможности получения дохода, в том числе в ситуациях торговли людьми в целях жестокой трудовой и сексуальной эксплуатации, для накопления ресурсов для миграции²³. Из-за отсутствия легальных миграционных маршрутов многие подростки, стремящиеся воспользоваться своей мобильностью, не имеют более безопасных альтернатив²⁴. Европол сообщает, что дети составляют 28%

19 Timera, 2018.

20 UNICEF, 2011.

21 Существуют разительные несоответствия между сферами принятия решений (например, в отношении голосования, вожделения, уголовной ответственности, договорного права и медицинской помощи) и между юрисдикциями. В отношении интересного рассмотрения свободной воли ребенка в принятии решений, касающихся убежища, см. the United States Appeals Court decision *Polovchak v. Meese* (1985); см. также *Gonzalez Ex Rel. Gonzalez v. Reno*, United States Appeals Court (2000).

22 Vacchiano, 2018.

23 Europol, 2018; Digidiki и Bhabha, 2017.

24 Bhabha, 2014.

всех выявленных жертв торговли людьми в мире²⁵. Государства несут обязательства по урегулированию этих опасных ситуаций путем проведения активных поисково-спасательных операций и расширения возможностей для средств к существованию, которые могли бы способствовать предотвращению опасных путешествий²⁶.

Несопровождаемые несовершеннолетние афганцы, ищущие убежища в Швеции

Свыше 35 лет Афганистан является ареной насильственного конфликта и обусловленного им перемещения населения. В 2015 году Швеция получила более 35 000 заявлений о предоставлении убежища, поданных несопровождаемыми несовершеннолетними; 66% этих заявлений в общем количестве свыше 23 000 поступили от афганцев преимущественно мужского пола, спасающихся от политического насилия на родине. Исходя из информации, собранной в ходе их длительных международных поездок (в среднем длящихся семь месяцев), многие в качестве страны своего назначения выбирают Швецию с ее возможностями в плане получения образования и щедрым, правозащитным подходом к детям-мигрантам^a. В соответствии с обязательствами Швеции по международному праву им как просителям убежища вначале разрешили оставаться в стране до принятия решения по их делу, и поэтому они находились в ней на законных основаниях. Для тех из них, чьи заявления о предоставлении убежища были успешно удовлетворены, предоставление статуса беженца изменило их временный статус, поскольку они получили постоянный вид на жительство, который дает возможность ходатайствовать о воссоединении семьи в составе близких родственников (или в случаях доказанной эмоциональной тесной связи - с менее близкими членами семьи)^b. Для тех, чьи ходатайства о предоставлении убежища оказались безуспешными, были изданы уведомления о выезде, в результате чего статус таких молодых афганцев также изменился: вместо временных законных жителей они стали лицами, превысившими срок пребывания, нелегально находящимися на территории и, следовательно, подлежащими депортации. Некоторым из этих неудачных просителей убежища была предоставлена дополнительная гуманитарная защита, которая предусматривает временный статус и осуществляется с ограниченными возможностями для воссоединения семьи^c.

В 2016 году в разгар политической дискуссии, в ходе которой выражалась озабоченность ростом числа прибывающих просителей убежища, в шведскую иммиграционную процедуру были внесены четыре изменения, касавшиеся статуса пребывания, которые снизили шансы на положительные решения по представленным заявлениям об убежище. В начале 2016 года были введены оценки возраста на основе анализа рентгеновских снимков коленного сустава или зубов, что привело к увеличению количества случаев определения того, что молодые просители убежища фактически были старше 18 лет^d. В июне 2016 года была отменена практика предоставления гуманитарной отсрочки для несопровождаемых афганских просителей убежища, чьи заявления были отклонены, что привело к изданию распоряжений о депортации; в том же году Швеция, как и другие государства-члены Европейского союза,

25 Europol, 2018. См. также Sigona, Chase и Humphris, 2017b.

26 МОМ, 2019. Делегат Мексики, выступая на Дне общей дискуссии, признала наличие таких обязательств во время представления сообщения о федеральных и местных механизмах ее страны, разработанных для защиты мексиканских детей от опасных путешествий, а детей-мигрантов - от опасностей на северных и южных границах Мексики. См. Комитет по правам ребенка Организации Объединенных Наций, 2012.

подписала с Афганистаном соглашение о реадмиссии, обеспечивающее безопасный прием возвращенцев; наконец, была введена в действие политика более строгих мер исполнения распоряжений о депортации, чтобы гарантировать выезд с территории Швеции лиц, чьи заявления были отклонены^е.

а УВКБ ООН, 2015.

б Swedish Migration Agency, 2017. Авторы признательны Йонатану Йозефсону за ознакомление с политикой Швеции в этой области.

с Ibid., 2019.

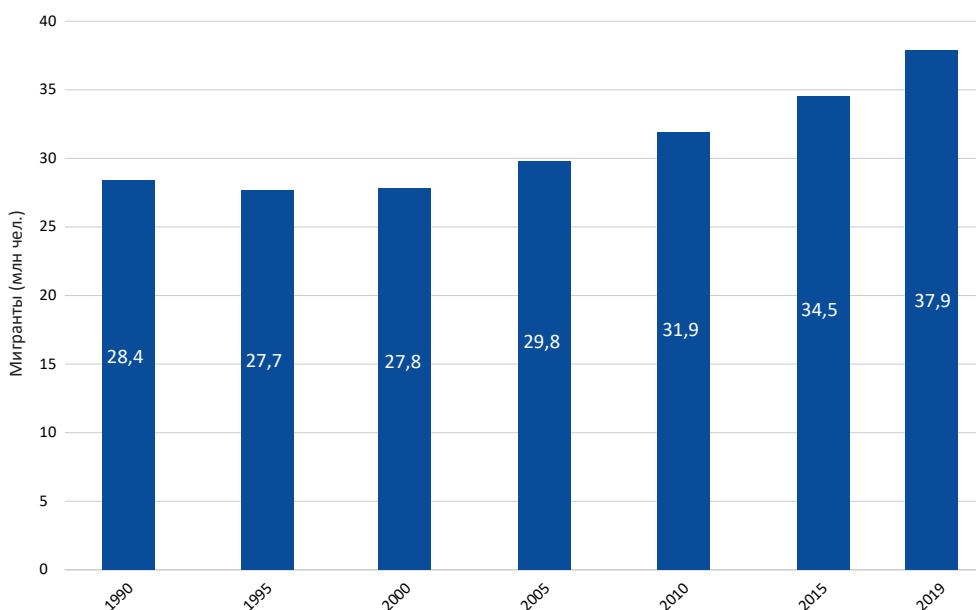
д Dononi, Monsutti и Scalettaris, 2016.

е Европейским союзом, 2017а. В настоящее время статистические данные о возрасте вынужденных возвращенцев отсутствуют.

Проблемы с данными при измерении масштабов миграции детей

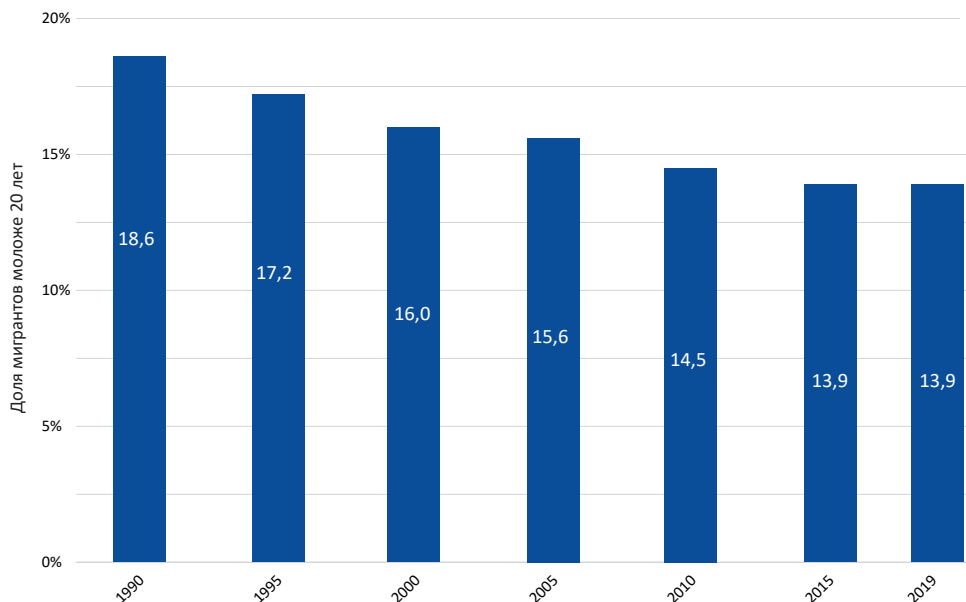
Существуют два широко разделяемых допущения в отношении миграции детей: о том, что масштабы детской миграции увеличиваются, и о том, что данные о детской миграции не полные. На диаграммах 1 и 2 представлен срез миграции лиц моложе 20 лет с 1990 года. В отсутствие данных, касающихся только детей, приходится полагаться на эти данные, охватывающие лиц в возрасте на два года старше 18 лет. Они основаны на данных переписи населения, которые являются одним из наиболее надежных источников, и показывают устойчивый рост в абсолютных количествах, но снижение доли лиц моложе 20 лет в общем количестве мигрантов во всем мире.

Диаграмма 1. Число мигрантов моложе 20 лет в мире

Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

Диаграмма 2. Доля лиц моложе 20 лет среди всех мигрантов в мире

Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

Обеспокоенность неадекватностью данных - нехваткой источников и дефицитом надежных, современных и дезагрегированных данных - свойственна не только контексту миграции детей; она существует в отношении всей сферы миграции и неоднократно упоминается в настоящем докладе. Однако недостатки в связи с данными, касающимися детей-мигрантов, порождают особое беспокойство, поскольку они затрудняют своевременное предоставление надлежащей защиты и ухода той группе мигрантов, которая может быть особенно уязвимой и зависимой от государственной поддержки. Примечательно, что только 56% данных о беженцах и 20% данных о внутренне перемещенных лицах (ВПЛ) включают информацию с разбивкой по возрасту; даже данные о контингентах мигрантов включают информацию о возрасте только в 80% стран²⁷. Отсутствие дезагрегации по возрасту - не единственная проблема. Другие проблемы состоят в наличии обширных пробелов в данных по полу, в двойном подсчете детей, которые перемещаются между странами и внутри них, и в несовершенстве методов определения возраста²⁸.

Согласно самой последней глобальной оценке общей численности детей-мигрантов их насчитывается приблизительно 31 млн человек²⁹. Это показатель «контингента», который представляет общее число людей моложе 18 лет, родившихся в стране, не являющейся страной их проживания. Хотя он дает представление о размахе явления, его точность и сфера применения ограничены, поскольку не ясно, из какой страны прибыли дети-мигранты, каков их правовой статус, как долго они находятся в стране пребывания и каковы даты рождения детей.

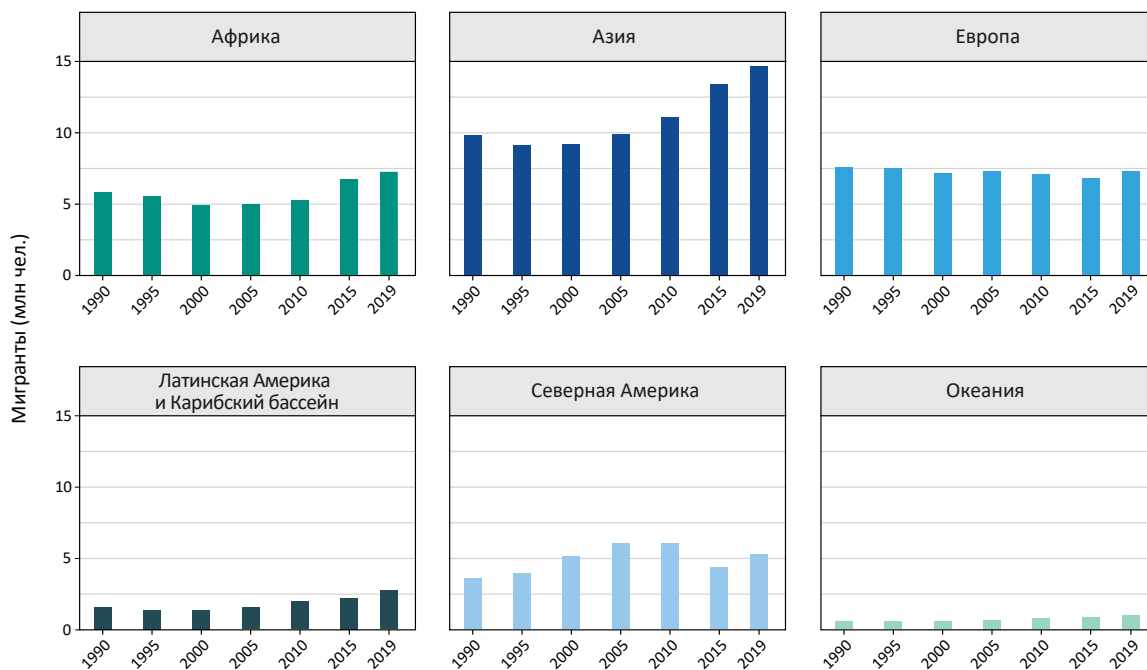
27 UNICEF et al., 2018; ДЭСВ ООН, 2019b.

28 MOM, 2016.

29 UNICEF, 2018b.

Дополнительная сложность возникает вследствие технического факта, согласно которому в международном праве ребенок определяется как «каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста», тогда как данные переписи разбиты по возрастным группам до 4 лет, 5-9 лет, 10-14 лет и 15-19 лет; при этом вышеупомянутый общий показатель численности основан на оценке Детским фондом Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ) размера последней из этих групп, которая применяется к лицам моложе 18 лет³⁰. К этой цифре можно прибавить другие. ЮНИСЕФ, используя данные Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) и Департамента Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН) в сочетании со сведениями, поступившими от Агентства Организации Объединенных Наций для помощи и организации работ и Евростата, подсчитал, что приблизительно один из восьми мигрантов является ребенком, большинство мигрантов-детей - легальные мигранты, которые путешествуют с легальным статусом и необходимой защитой. Вместе с тем большое количество детей не пользуется этой безопасностью. Имеется примерно 13 млн детей-беженцев, 936 000 детей-просителей убежища и 17 млн детей, насильственно перемещенных внутри своих стран³¹.

Диаграмма 3. Международные мигранты моложе 20 лет (в млн человек) в разбивке по регионам

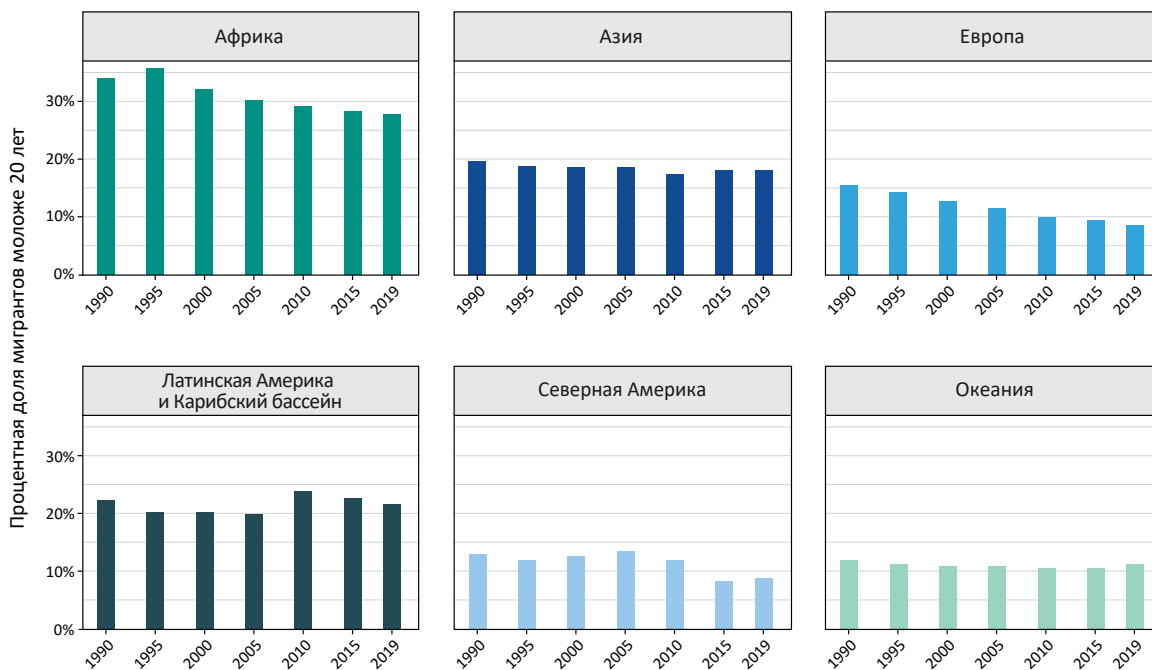

Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

30 Организация Объединенных Наций, 1989; Singleton, 2018.

31 UNICEF, 2018b.

Диаграмма 4. Доля международных мигрантов моложе 20 лет в разбивке по регионам

Источник: ДЭСВ ООН, 2019а.

Эти графики данных о региональных контингентах дополняют общую картину, представленную ранее в диаграммах 1 и 2. Они показывают, что в некоторых регионах (наиболее выражено в Азии) наблюдается резкое увеличение числа молодых мигрантов. Они также выявляют большие различия между регионами в отношении доли детей в их контингентах мигрантов: почти 30% в Африке по сравнению с менее чем 10% в Европе и Северной Америке.

Помимо этих источников, получают распространение новые методы получения и интеллектуального анализа данных, которые могут генерировать более качественную информацию в будущем. Они включают геопространственное картирование, спутниковые наблюдения ночных огней и анализ изменения местоположения смартфонов в режиме реального времени. Вместе с тем следует обратить внимание на предостережение в этой связи. Распространение личной информации и доступ к ней, включая биометрические данные, могут создавать риски для детей-мигрантов, а не обеспечивать их защиту. В этой связи большее, а не меньшее количество данных не должно быть целью или самоцелью, если только не будут тщательно соблюдены гарантии защиты конфиденциальности и не решены другие этические проблемы. В частности, должная осмотрительность при внедрении «брандмауэров» для предотвращения использования личных данных в карательных целях или в целях исполнения иммиграционного законодательства является существенно важным коррелятом основанного на этических и правозащитных принципах сбора данных³².

32 Комитет по правам ребенка Организации Объединенных Наций, 2005.

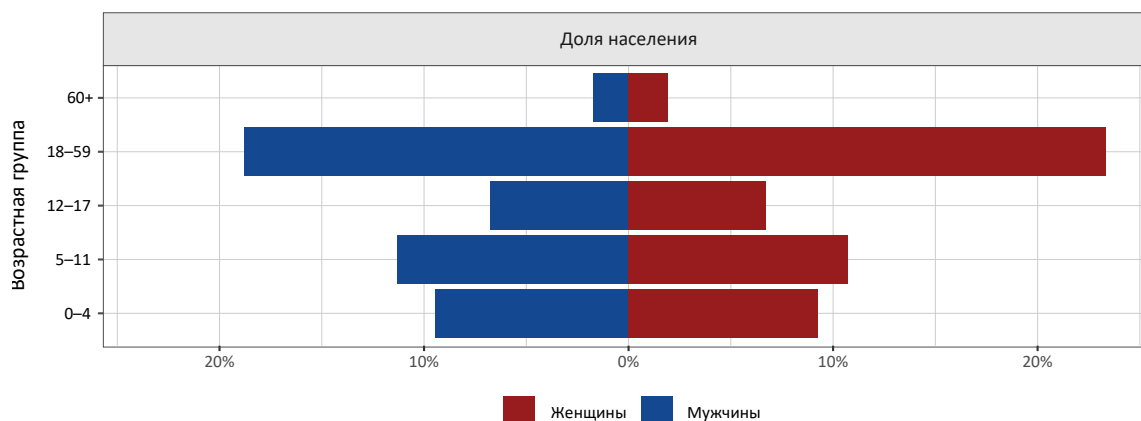
Данные об уязвимых группах населения, таких как перемещенные дети-мигранты, особенно полезны, когда они конкретны и могут внести вклад в решение политических проблем. В качестве примера можно привести следующие сведения о распределении молодых беженцев из числа рохинджа в Кокс-Базаре, Бангладеш, где более 50% детей все еще не посещают школу. В этом контексте обновленная информация о возрасте и поле может способствовать соответствующему расширению школьных программ и обучению навыкам.

Таблица 1. МОМ / УВКБ ООН / сектор образования - дети и молодежь рохинджа в лагерях беженцев Кокс-Базара, Бангладеш, январь 2019 года

Население	Итого	3-5 лет	6-14 лет	15-18 лет	19-24 года
Нуждающееся население	518 404	105 433	235 638	74 773	102 559
Дети, зачисленные в школу	222 916	84 619	133 638	4 048	611
Дети, не посещающие школы	192 084	20 814	102 000	70 725	101 948
Целевой показатель на 2019 год (% от всего населения)	393 012 (75,8%)	105 433 (100%)	235 638 (100%)	44 864 (60%)	7 077 (6,9%)

Источник: УВКБ ООН, 2019а.

Диаграмма 5. Демографическая разбивка беженцев из Мьянмы в Бангладеш

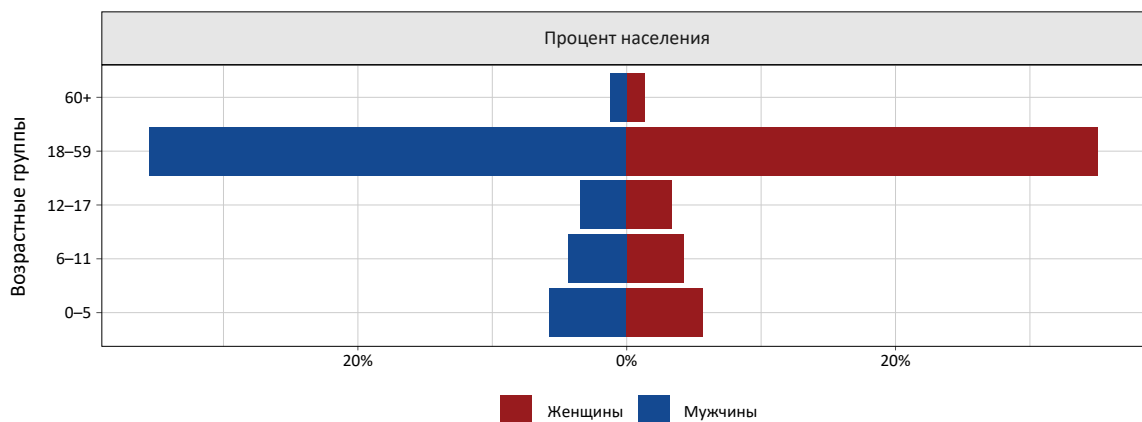
Источник: УВКБ ООН, 2019б.

Еще один пример конкретных данных с разбивкой по возрасту и полу, которые обеспечивают полезную основу для разработки защитной политики в интересах детей-мигрантов, касается происходящей в последнее время масштабной и быстрой вынужденной миграции венесуэльцев в соседние

латиноамериканские страны. В этих цифрах обращает на себя внимание контраст в распределении по возрасту между населением рохинджа и венесуэльскими беженцами. Это иллюстрирует существенные различия в возрастном составе населения до вынужденной миграции, при этом у рохинджа, по существующим оценкам, был один из самых высоких уровней рождаемости среди всех этнических групп в Мьянме³³.

Вероятно, существуют также различия, связанные с характером событий перемещения. В случае рохинджа фактором, вынудившим целые общины срочно спасаться бегством для выживания, стало убийственное этническое насилие. В случае венесуэльцев вначале экономический кризис и продолжающаяся нестабильность вынуждали взрослое население трудоспособного возраста отправиться на поиски альтернативных источников дохода для поддержки оставшихся дома семей. Однако со временем ситуация перемещения приобрела гораздо большие масштабы по мере углубления кризиса, и в путь отправились целые семьи, включая детей.

Диаграмма 6. Демографическая разбивка венесуэльцев в Колумбии

Источник: Government of Colombia, 2018.

Примечание: Оценка разбивки детей-мигрантов по возрастным группам произведена с использованием общей гендерной разбивки, зарегистрированной во всем массиве данных о детях.

Основные вызовы в области защиты детей, затрагивающие детей-мигрантов

Крупномасштабная миграция детей неизбежно возлагает на государства бремя соблюдения сложных требований, поскольку они обязаны удовлетворять их потребности и предоставлять услуги в соответствии с международными и национальными правовыми стандартами. Ниже описаны некоторые из основных текущих проблем, связанных с миграцией детей.

33 Bomquist и Cincotta, 2016.

Образование

Государства обязаны предоставлять образование всем детям, находящимся под их юрисдикцией без какой бы то ни было дискриминации³⁴. Лишь немногие другие услуги со стороны государства более важны для любого ребенка-мигранта. Образование не только генерирует переносимые индивидуальные навыки и капитал, которые влияют на главные аспекты жизненного пути, но и обеспечивает контекст для социальной интеграции, знакомства с группами сверстников и новых культурных и языковых приобретений. Существует много примеров инновационных методик образования, направленных на создание устойчивой мультикультурной среды, восприимчивой к различным педагогическим и эмоциональным потребностям³⁵.

Именно в этом контексте скудность ресурсов и представление о том, что посторонние лица оказываются в привилегированном положении, могут порождать бурное негодование по отношению к вновь прибывшим, если только инвестированием не охвачены также нуждающиеся группы местного населения³⁶. Кроме того, возникают проблемы в точном определении потребностей детей из числа мигрантов или беженцев с учетом их предыдущего опыта образования и их языковых возможностей³⁷.

Бангладеш: доступ детей рохинджа к образованию

По состоянию на октябрь 2018 года в 30 временных лагерях, расположенных в прибрежном районе Кокс-Базар в юго-восточной части Бангладеш, проживали свыше 900 000 рохинджа, являвшиеся беженцами из Мьянмы. По данным ЮНИСЕФ, из них примерно 620 000 человек находились в возрасте от 4 до 14 лет. Им предоставляется целый ряд гуманитарных услуг, включая получение образования в 1 898 учебных центрах, обслуживающих детей их возраста. Эти центры обеспечивают доступ к неформальным учебно-воспитательным мероприятиям для более чем 140 000 детей. Какими бы впечатляющими ни были эти усилия, без доступа к какому-либо образованию по-прежнему остаются почти 482 000 детей рохинджа. Особенно непростой является ситуация подростков и молодежи: 98% рохинджа в возрасте 15-24 лет вообще не получили образования; девочки всех возрастов и дети-инвалиды также находятся в несравнимо менее благоприятном положении^a. Многие из детей, посещающих учебные центры, не посещали школы не менее двух лет до их приема в центры в результате событий в Мьянме и перемещений, связанных с их исходом в Бангладеш.

Обучение проходит в классах, где две учительницы - одна от принимающей общины и вторая из числа рохинджа - ведут преподавание на английском и бирманском языках по стандартизированной учебной программе. Поскольку не предполагается, что это население останется для постоянного проживания, не разрешается вести обучение на бенгальском языке - национальном языке Бангладеш (местный диалект которого читтагонский является языком рохинджа)^b. Обучение проводится на четырех уровнях с соответствующим учетом возраста детей: уровень 1 для детей в возрасте 4-6 лет; уровень 2 - 7-8 лет; уровень 3 - 9-10 лет; и уровень 4 - 10-14 лет. По состоянию на январь 2019 года учебные материалы имелись только для учащихся первого и второго уровней^b.

a UNICEF, 2018a; Strategic Executive Group, 2018.

b Полевой визит ФКБ, январь 2019 года; согласно сделанным на месте записям из досье автора.

34 Организация Объединенных Наций, 1989.

35 Ensor и Goździak, 2016.

36 Theirworld, 2017.

37 Dryden-Peterson, Dayya и Adelman, 2017.

Опека

Хотя некоторые услуги со стороны государства, такие как образование, необходимы для всех детей-мигрантов, другие услуги применимы только к некоторым из них. В качестве примера можно назвать назначение опекуна, ответственного за уход за ребенком, в случаях несопровождаемых или разлученных детей или детей, подвергающихся иным рискам, в качестве меры, предусмотренной как международной, так и региональной политикой в отношении миграции детей. В свои национальные правовые обязательства выполнение этой рекомендации включили лишь малое количество государств. Среди них есть Италия (см. текстовую вставку ниже).

Защитные меры, принимаемые Италией в интересах несопровождаемых несовершеннолетних

В мае 2017 года Италия обнародовала закон «Защитные меры в интересах несопровождаемых несовершеннолетних», которым она обязала полицию незамедлительно сообщать о присутствии несопровождаемого несовершеннолетнего соответствующему судебному органу, который, в свою очередь, обязан в течение 48 часов назначить опекуна^а. Закон требует оперативно предоставлять несопровождаемым несовершеннолетним детям всеобъемлющую защиту. На практике недостаточное финансирование и дефицит иного потенциала приводили к частым задержкам в назначении опекуна (в некоторых известных случаях вплоть до 11 месяцев) и к распределению среди опекунов (часто государственных должностных лиц) большого количества несопровождаемых детей, усложняя или даже устраняя возможность установления предусмотренных тесных и родственных отношений. Одним из примеров этого была, как сообщалось, передача под опеку одного и того же опекуна, которым был советник по социальному обеспечению Палермо, 850 несопровождаемых детей. В целях решения таких кадровых проблем закон 2017 года предусматривает также составление списков «опекунов-волонтеров», отобранных и подготовленных региональным омбудсменом по делам детей, а затем распределяемых в качестве наставников для отдельных детей. В таких условиях трудно обеспечить контроль качества и согласованности. Таким образом, продолжается работа по решению проблемы обеспечения индивидуальными механизмами защиты всех нуждающихся в них детей-мигрантов.

^а Закон № 47/17, часто упоминаемый как «закон Дзампы» по имени члена парламента, внесшего на рассмотрение парламента этот законопроект.

Несколько острых проблем в области защиты детей возникали в тех случаях, когда несопровождаемые несовершеннолетние, не охваченные уходом семьи или какой-либо институциональной структуры, предоставляющей кров, поселялись в неформальных несанкционированных лагерях беженцев и мигрантов, часто готовясь к продолжению миграции в целях присоединения к членам своей семьи в каком-либо другом месте.

Текущие вопросы и изменения в политике

Хотя большинство мигрирующих детей совершают миграцию в рамках безопасных миграционных процессов как члены семейных ячеек, многие другие дети-мигранты не имеют такой возможности. Некоторые продолжают ощущать нехватку эффективной защиты от вреда и сталкиваться с нарушениями прав человека на всех этапах их поездок: в стране происхождения при отъезде, в пути транзитом через моря и регионы, по прибытии в страны временного или постоянного назначения и все чаще в странах, куда они возвращаются в случае непреодолимых препятствий для их миграционного путешествия.

Многие учреждения обращают внимание на эту существенную нехватку защиты, выделяя неотложные проблемы³⁸. Среди основных приоритетов непосредственную озабоченность вызывают риск эксплуатации и злоупотреблений, негативное воздействие содержания под стражей, последствия разлучения с семьей, недостаточный доступ к образованию и медицинской помощи, отсутствие внимания к движущим силами вынужденной миграции детей и, наконец, дискриминация. Эти неотложные вопросы могут быть дополнены другими проблемами, с которыми сталкиваются миллионы детей-мигрантов. Одной из них является отсутствие адекватных легальных путей для мобильности детей и молодежи как недостаток современных рамок миграции, которые делают небезопасной значительную часть миграции детей. Еще одна состоит в повсеместной и недостаточно освещаемой стигматизации, которой подвергаются не имеющие документов дети-мигранты, как бы долго они ни прожили в стране назначения. Следующая проблема касается отсутствия гарантий безопасности и защиты детей в лагерях или приютах для просителей убежища и беженцев. Наконец, существуют серьезные недостатки в доступе к опеке и юридическому представительству несопровождаемых и разлученных детей-мигрантов³⁹.

Наряду с этими сохраняющимися проблемами обнаруживается богатый задел недавно опубликованных в международных источниках работ, в которых излагаются принципы и предложения о внедрении политики по улучшению условий, в которых происходит миграция детей. Ряд изменений в отношении миграции детей имели место на международном уровне. Одним из знаковых документов в этой связи является международный свод прав детей-мигрантов, изложенный в *Замечании общего порядка № 6 (2005) об обращении с несопровождаемыми и разлученными детьми за пределами страны их происхождения*⁴⁰, изданном Комитетом Организации Объединенных Наций по правам ребенка в 2005 году. За изданием этого Замечания общего порядка последовало второе важное международное мероприятие в связи с миграцией детей - представление доклада Комитета по правам ребенка на *Дне общей дискуссии 2012 года «Права всех детей в контексте международной миграции»*⁴¹. Практическим итогом Дня общей дискуссии стало создание Межучрежденческой группы по проблеме детей в процессе транзита, которая сконцентрировалась на вопросах учета соображений, связанных с защитой детей, в повестке дня в области миграции. Группа подготовила широко поддержанный свод рекомендуемых принципов действий в отношении детей-мигрантов, нацеленных на решение некоторых ключевых сохраняющихся проблем в области защиты детей⁴².

38 В отношении одного из примеров воздействия этих недостатков на практике см. Human Rights Watch, 2018b.

39 Save the Children, 2017; УВКБ ООН, 2018; Save the Children, Plan International и World Vision International, 2018; Harvard FXB Center for Health and Human Rights и УВКБ ООН, 2017.

40 Комитет по правам ребенка Организации Объединенных Наций, 2005.

41 Ibid., 2012.

42 ОНЧР, 2016.

Другие инициативы, предпринятые в последнее время, опирались на выводы и принципы только что описанных инициатив, а также на межучрежденческую позицию в отношении детей-мигрантов и детей-беженцев по двум договорам и работе Межучрежденческой рабочей группы по искоренению практики помещения детей в центры временного содержания мигрантов⁴³. В 2017 году два договорных органа Организации Объединенных Наций приняли дополнительные замечания общего порядка на тему миграции детей и в том же году объединили свои усилия в первом совместном замечании общего порядка по этому вопросу, а именно *Совместном замечании общего порядка № 3 (2017) Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 22 (2017) Комитета по правам ребенка об общих принципах, касающихся прав человека детей в контексте международной миграции*⁴⁴. В Совместном замечании общего порядка также подчеркивается важность наделения соответствующих государственных органов - будь то стран происхождения, транзита, назначения или возвращения - ведущей ролью с «четкими директивными полномочиями» в определении политики и практических мер, затрагивающих детей в контексте миграции⁴⁵. Среди таких практических мер центральное место занимает проведение оценок и определения наилучших интересов, а также индивидуальных процедур, которые должны осуществляться подготовленным и подотчетным персоналом, где это уместно, на разных этапах процедуры принятия решений. ЮНИСЕФ консолидировал большую часть этой связанной с политикой работы, издав в 2017 году «план из шести пунктов по обеспечению безопасности детей-беженцев и детей-мигрантов»⁴⁶.

В совокупности эти инициативы создали полезные основы для действий государств. Эти основы, в которых подчеркивается необходимость целенаправленных мер защиты - включая доступ к бесплатному юридическому представительству, комплексным услугам, в том числе в отношении образования, и к мерам защиты от эксплуатации и психологической травмы - дали желанный импульс реформированию политики. Они стимулировали меры, которые учитывают не только уязвимость и зависимость, но и жизнестойкость и предприимчивость молодых мигрантов, включая обязательства государств «готовить и сопровождать детей на протяжении всего пути к взрослой жизни, а не угрожать им резкими изменениями, как только они достигнут возраста зрелости»⁴⁷.

Однако практическая реализация этих рекомендаций вызывает смешанные чувства. Во всех только что упомянутых документах подчеркивается настоятельная необходимость регистрации рождений и сопутствующей выдачи удостоверения личности всем детям на территории, поскольку эти документы являются важнейшими инструментами для сокращения безгражданства, эксплуатации и злоупотреблений в отношении детей-мигрантов, а также для расширения доступа к государственным учреждениям, в частности предоставляющим медицинскую помощь и образование⁴⁸. Однако многие группы детей из числа мигрантов и беженцев по-прежнему не имеют этих документов. К ним относятся сирийцы, родившиеся в изгнании, и рохинджа в Мьянме и за границей⁴⁹.

Все еще не является нормой прием детей-мигрантов, лишенных семейного ухода, в национальные учреждения по уходу за детьми или по защите детей. Исследования выявили пробелы в политике и практике аппарата защиты и поддержки, связанных с переходом к взрослой жизни, с очевидными

43 Inter-Agency Working Group to End Child Immigrant Detention, n.d.; Bhabha и Dottridge, 2017; Theirworld, 2019.

44 Комитет по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей Организации Объединенных Наций, 2017.

45 Ibid.

46 UNICEF, 2017a.

47 ОНЧР, 2016.

48 UNICEF, 2013; Bhabha, 2011.

49 Blitz, 2011.

последствиями для психического здоровья и благополучия⁵⁰. Однако существуют некоторые примеры передовой практики, в частности в Италии и Турции⁵¹.

Европейские государства достигли значительного, хотя неравномерного, прогресса в обеспечении доступа к юридическому представительству для несопровождаемых и разлученных детей и в сокращении применения практики содержания под стражей, но этого не наблюдается в других государствах, в частности в Соединенных Штатах⁵².

Большая часть повестки дня, изложенной в этих нормативных основах, все еще не реализована. Несколько недавних вынужденных массовых исходов детей продемонстрировали скудность доступных услуг. Миллионы перемещенных сирийских детей испытывают острые потребности в охране психического здоровья, которые в основном не удовлетворяются; потребности в образовании детей из числа рохинджа на положении беженцев в Бангладеш создают проблемы и не в полной мере удовлетворяются, особенно для детей старшего возраста⁵³. Еще одной сферой, в которой очевиден разрыв между нормативным призывом и реализацией, является защита детей-мигрантов после репатриации. Возвращающиеся дети редко получают помощь в реинтеграции или услуги реабилитации, которые предусмотрены в инициативах по установлению стандартов⁵⁴.

Региональные инициативы по улучшению защиты детей-мигрантов

В последние годы были разработаны несколько важных региональных инициатив в отношении миграции детей. Три таких инициативы - в Европейском союзе, в Западной Африке и в Латинской Америке - заслуживают внимания и поочередно рассматриваются ниже.

В последние годы в Европейском союзе регистрировались широкомасштабные потоки детей-мигрантов. Например, в 2015 году 31% беженцев, прибывающих в Европейский союз по морю, были детьми, а в начале 2016 года доля детей среди лиц, прибывающих по морю в Грецию, составляла примерно 40%⁵⁵. Европейские институты находятся в авангарде некоторых из наиболее эффективных достижений в политике и практике в отношении детей из числа мигрантов и беженцев.

Европейский суд по правам человека сыграл важную, хотя и осмотрительную, роль в предоставлении решающего форума последней инстанции для обсуждения случаев особенно вопиющего поведения государств⁵⁶. Он запретил помещение детей-просителей убежища (в том числе сопровождаемых родителями) в приемные центры с условиями, способными создавать «ситуацию стресса и беспокойства с особенно травмирующими последствиями», что является слишком широко распространенной практикой,

50 Chase, 2017; Sigona, Chase и Humphris, 2017a.

51 Закон № 47/2017 (так называемый закон Дзампы) предусматривал внедрение инновационной программы опекунов-волонтеров под руководством итальянского Омбудсмана по делам детей и подростков для подготовки опекунов-волонтеров в качестве одновременно юридических и гуманитарных наставников для максимум двух детей из числа мигрантов и беженцев; AGIA, 2017.

52 Crea, 2018; International Detention Coalition, 2018.

53 Save the Children, 2017; Ruhani, 2017.

54 Harvard FXB Center for Health and Human Rights и MOM, 2019.

55 Европейским союзом, 2018.

56 Smyth, 2018; последующее рассмотрение судебной практики основывается на этой главе.

особенно в Южной Европе⁵⁷; он вынес постановления против задержания детей-мигрантов, даже на короткие сроки, когда должны быть рассмотрены альтернативные и менее ограничительные стратегии или когда условия содержания под стражей в случае детей, будь то по срокам или по уровню строгости режима, равносильны бесчеловечному или унижающему достоинство обращению⁵⁸; и он, хотя и ограниченно, способствовал предупреждению далеко идущих последствий высылки семей для попечения или благополучия затрагиваемых детей⁵⁹.

Заслуживают внимания также меры Европейского союза. 12 апреля 2017 года Европейская комиссия приняла «Коммюнике о защите детей в условиях миграции», в котором была сформулирована всеобъемлющая программа действий по защите детей-мигрантов на всех этапах их миграции⁶⁰.

Однако остаются туманными адекватные или комплексные меры реагирования на эту амбициозную программу. «Согласование целей защиты детей и миграционного контроля является непростым делом уже на национальном уровне, которое может стать еще более затруднительным в трансграничных аспектах. На практике транснациональное сотрудничество часто фокусируется прежде всего и в основном на том, под юрисдикцией какого государства должен находиться ребенок, а не на приоритетности надлежащей совместной оценки наилучших интересов ребенка»⁶¹. До настоящего времени не отмечалось эффективной интеграции между государствами-членами Европейского союза в отношении обязательств по защите детей⁶².

Западная Африка является еще одним регионом с отлаженной системой трансграничного свободного передвижения людей, частично поощряемого Экономическим сообществом западноафриканских государств (ЭКОВАС) - региональной группой из 15 западноафриканских государств, основанной в 1975 году. В регионе издавна существует традиция мобильности, обусловленная целым рядом факторов, включая стремление к улучшению собственного экономического положения, экологические проблемы, конфликты и спасение от злоупотреблений в виде традиционной вредоносной практики (в том числе ранних браков и колдовства). Там высоки уровни миграции детей: в докладе ЮНИСЕФ 2016 года отмечается, что сегодня в мире каждый 45-й ребенок находится в процессе транзита, а каждый пятый из таких детей-мигрантов родился в Африке⁶³. Большая часть миграции является в этом регионе внутрорегиональной, и дети путешествуют так же часто, как взрослые, во многих случаях являясь несопровождаемыми или разлученными детьми, которых часто де-факто считают взрослыми с сопутствующими обязанностями. Хотя некоторые из этих передвижений детей происходят по собственной инициативе и преследуют цель поиска лучших возможностей и улучшения условий жизни, значительная доля детей-мигрантов подвергаются принуждению или злоупотреблениям, что ставит их в ситуации высокого риска и недостаточной защиты⁶⁴.

Осуществление мер по защите детей в случае мигрантов значительно отстает от нормоустанавливающих стандартов. Внутренние структуры социальной защиты и охраны детства минимальны, а транснациональные механизмы практически отсутствуют⁶⁵. В отличие от Европейского союза ЭКОВАС не провозглашал каких-

57 Tarakhel v. Switzerland, Application No. 29217/12, Judgment of 4 November 2014; V.M. and others v. Belgium, Application no. 60125/11, Judgment of 7 July 2015.

58 *Rahimi v. Greece*, Application No. 8687/08, Judgment of 5 April 2011; Application No. 39472/07, Judgment of 19 January 2012; *Mayeka and Mitunga v. Belgium*, Application No. 13178/03, Judgment of 12 October, 2006.

59 *Kaplan v. Norway*, Application no. 32504/11, Judgment of 24 July 2014.

60 Европейским союзом, 2017b.

61 O'Donnell, 2018.

62 В отношении полезного обзора см. Европейским союзом, 2018.

63 UNICEF, 2016b.

64 Timera, 2018; Vacchiano, 2018.

65 Geissler и Laganju, 2018.

либо скоординированных транснациональных мер по защите детей-мигрантов. Предыдущие усилия в области защиты в регионе, учитывая широко распространенную торговлю детьми, привели к неадекватным мерам, направленным на прекращение миграции детей, которые были названы экспертами «попыткой направить воду вверх по склону», поскольку большинство перехваченных и возвращенных детей снова начинали миграцию недели спустя⁶⁶.

Начиная с 2005 года ЭКОВАС сотрудничает с партнерами в регионе в деле создания Западноафриканской сети (ЗАС), специально предназначенной для разработки защитных мер и эффективных механизмов перенаправления в интересах детей-мигрантов в регионе, особенно путешествующих без сопровождения. Согласно сведениям ЗАС она с момента своего создания оказала помощь более чем 6 500 детям-мигрантам⁶⁷. Деятельность ЗАС включала раннее выявление уязвимых детей-мигрантов и при необходимости предоставление экстренной поддержки, а также последовательное применение оценок наилучших интересов с рассмотрением альтернатив миграции, а также мер поддержки семьи и общины в целях содействия реинтеграции, где это необходимо⁶⁸.

Третьим регионом, где миграция детей была в центре внимания многих государств, является Латинская Америка. Среди примеров различных региональных инициатив наиболее заметным стало консультативное заключение Межамериканского суда по правам человека 2014 года о потребностях детей в контексте международной миграции⁶⁹. В этом заключении обращается внимание на неотложную и неудовлетворенную потребность в международной защите и описываются применимые процедуры относительно обращения как с просителями убежища, так и с нелегальными мигрантами из числа детей, а также подчеркиваются такие принципы, как недопустимость задержания детей на основании неурегулированного миграционного статуса. Мексика играет ведущую роль в предоставлении услуг по защите несопровождаемых детей-мигрантов, включая тех, кого возвращают Соединенные Штаты. В настоящее время рассматриваются меры по сокращению практики содержания под стражей (см. текстовую вставку ниже о последнем прогрессе в этой области).

Два примера достигнутого в последнее время прогресса в деле защиты детей-мигрантов

1. Мексика: в порядке осуществления закона 2014 года, который предусматривает меры по защите детей-мигрантов, включая назначение 300 специальных сотрудников по защите детей, в 2017 году эти сотрудники оказали помощь 130 000 детей-мигрантов, из которых 50% были несопровождаемыми несовершеннолетними. В стране разработана модель альтернативного попечения, не связанного с помещением в закрытое учреждение, опытная программа воспитания в приемной семье детей, ставших жертвами насилия, а также идет процесс разработки национального плана действий по расширению спектра альтернатив содержанию под стражей. Мексика сотрудничает с организацией «Спасите детей» в рамках регионального проекта по улучшению местных условий и расширению

66 Dottridge и Feneyrol, 2007.

67 Ibid.

68 Ibid.

69 Inter-American Court of Human Rights, 2014.

доступа к образованию в странах «Северного треугольника»^a. В то же время в результате экстернализации миграционного контроля Соединенных Штатов на северной границе Мексики создаются ситуации, несущие угрозу для несовершеннолетних, которые пытаются подать в Соединенных Штатах заявления о предоставлении убежища. Система ограниченных квот для просителей убежища вынуждает тысячи заявителей, включая несопровождаемых несовершеннолетних, проводить месяцы в опасных условиях подвешенного состояния на мексиканской стороне границы вне досягаемости эффективных служб защиты детей^b.

2. Турция: начиная с 2014 года успешно осуществляется Закон об иностранцах и международной защите, который разрешает предоставлять детям под международной или временной защитой доступ к защите, образованию и медицинскому обслуживанию на равной основе с турецкими детьми. Это обеспечило улучшенный доступ детей из числа мигрантов и беженцев к образованию и необходимым им медицинским услугам и медикаментам^c. Вместе с тем, несмотря на эти позитивные изменения, сирийские дети-беженцы по-прежнему сталкиваются с проблемами в получении необходимых им возможностей пользоваться услугами здравоохранения и образования. Созданные для сирийцев временные учебные центры, учеба в которых позволяет сирийским детям в качестве важного переходного этапа обучаться на арабском языке, первоначально не были аккредитованы, что привело к задержкам в адаптации и интеграции в принимающую общину. Набор сирийских врачей и учителей облегчил языковые проблемы, возникающие у беженцев, но некоторые из них не имеют доступа к соответствующим поставщикам услуг или языковой поддержке. Кроме того, некоторые из турецких учителей, нанятых для работы с возросшим числом школьников, не имели опыта, соответствующих навыков или поддержки, необходимых для руководства сложными классами, в состав которых входили дети с серьезными психологическими травмами^d.

a Информация, полученная Постоянным представителем Мексики при ООН в Женеве благодаря Миреле Шутерки.

b UNICEF, 2016a; Campou, 2016.

c Aida, 2018.

d Aras и Yasun, 2016; Çelik и İçduygu, 2018; Uyan-Semerçi и Erdoğan, 2018. Авторы благодарны Денизу Йилмазу за эти ссылки.

Вновь возникающие проблемы

На своем важном заседании в сентябре 2016 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций (ГА ООН) выпустила эпохальное заявление - Нью-Йоркскую декларацию о беженцах и мигрантах, в которой объявлялось начало разработки двух не имеющих обязательной юридической силы процессов глобальных договоров, один из которых предназначался для беженцев, а второй касался миграции⁷⁰. Она гласила: «Мы будем защищать права человека и основные свободы всех детей-беженцев и детей-

мигрантов независимо от их статуса и во всех случаях будем руководствоваться в первую очередь интересами детей. Это особенно будет относиться к несопровождаемым детям и детям, разлученным со своими семьями»⁷¹.

Одной из главных целей Глобального договора о миграции является достижение важной цели в области устойчивого развития (ЦУР), касающейся миграции. Эта ЦУР, известная под названием задачи ЦУР 10.7, содержит призыв к государствам «содействовать упорядоченной, безопасной... и ответственной миграции и мобильности людей, в том числе с помощью проведения спланированной и хорошо продуманной миграционной политики»⁷².

В Инициативе «Права ребенка в глобальных договорах», которая является совместным мероприятием многих заинтересованных сторон, направленным на привлечение внимания к проблемам детей-мигрантов, выявлены ряд приоритетных областей реализации задачи ЦУР 10.7 в интересах детей. В них входит скрупулезная подготовка точных, целевых и дезагрегированных эмпирических данных для оптимизации процесса оценки соответствия целям защиты детей-мигрантов, предусмотренным Глобальным договором о миграции.

Одной из вновь возникающих проблем в области миграции детей является рост политического влияния организованного движения самих детей-мигрантов. Вестой и летом 2017 года группа молодых афганских мигрантов провела в столице Швеции Стокгольме акции протеста против намерений правительства, угрожавшего им высылкой обратно в Афганистан, кульминацией которых стала демонстрация примерно 1 000 человек в центре города⁷³. Эти протесты были успешными, так как они вынудили правительство отозвать уведомления о высылке, выданные некоторым несопровождаемым афганским просителям убежища, чьи заявления о предоставлении защиты были отклонены. Еще одним примером стала деятельность базирующейся в Соединенных Штатах организации «Мечтатели» - группы молодых мигрантов-активистов, которые приступили к «акции гражданского неповиновения, бросив вызов политике, направленной на обеспечение исполнения иммиграционного законодательства, и требуя изменений в законодательстве о гражданстве»⁷⁴. Этой группе, представляющей большое число детей и молодых людей, многие из которых с раннего детства проживают в Соединенных Штатах, удалось привлечь внимание общественности к убедительным доказательствам целесообразности их требований относительно легализации. Представляя интересы глубоко затрагиваемых во всех сферах жизни лиц вследствие их нелегального миграционного статуса, группа организовала общественные мероприятия по привлечению внимания к всесторонним последствиям отсутствия документов⁷⁵. Были также созданы более широкие альянсы, требующие легализации молодежи без документов, включая национальную молодежную пропагандистскую сеть «Юнайtid ви дрим», объединяющую свыше 50 аффилированных организаций. Весьма неопределенным остается будущее так называемой «ДАКА-ментированной» молодежи, то есть молодых людей, на которых распространялось действие исполнительного указа прежнего Президента Обамы «Действия по приостановлению высылки прибывших детей» (ДАКА), предусматривавшего приостановление высылки и разрешение на трудоустройство примерно 800 000 подпадающих под его действие детей и молодых людей без документов.

71 Ibid.

72 SDSN, 2019.

73 *The Local*, 2017.

74 Terrio, 2018.

75 Ibid.

Растущую озабоченность вызывает проблема депортации и принудительной высылки несопровождаемых детей-мигрантов и детей-беженцев⁷⁶. Этот широкомасштабный процесс репатриации, являющийся следствием энергичной региональной политики по укреплению пограничного контроля, особенно в Европе и Северной Америке, состоит в экстернализации обязанностей по защите детей-мигрантов путем передачи их под юрисдикцию тех, кто плохо способен брать на себя эту задачу. Правозащитные организации обратили внимание на серьезное беспокойство по поводу защиты детей, возникающее в связи с этой политикой, в том числе в связи с отсутствием какого-либо систематического изучения наилучших интересов детей или вероятных рисков при их возвращении на родину⁷⁷. В 2017 году ЮНИСЕФ сообщил, что 9% из примерно 400 000 мигрантов, застрявших в Ливии, были детьми, из которых 14 000 были несопровождаемыми несовершеннолетними⁷⁸. К маю 2018 года организация «Международная амнистия» сообщила о существовании в Ливии более чем 33 действующих центров содержания под стражей, в которых содержалось свыше 7 000 мигрантов (многие из которых были детьми). В отсутствие возможностей переселения в Европу или другие части мира Европейский союз, Африканский союз и учреждения Организации Объединенных Наций направили свои усилия на репатриацию мигрантов, желающих покинуть места содержания под стражей и вернуться домой. МОМ способствовала возвращению из Ливии более чем 23 000 мигрантов, включая небольшое количество детей. Предпринимаются усилия для обеспечения того, чтобы перед возвращением проводились оценки наилучших интересов репатрируемых детей, и для решения проблемы отсутствия поддержки возвращенцев или их семей после их прибытия в страну возвращения⁷⁹.

Последней возникающей проблемой, которая может оказаться важнее других, является растущее воздействие связанной с климатом мобильности на жизнь детей и их семей (см. главу 9 настоящего доклада). Помимо общих вопросов, возникает несколько специфических для детей моментов. Дети редко принимают решения о том, как или когда отправляться в путь в условиях связанной с климатом мобильности, как и обычно не участвуют каким-либо образом в планировании таких передвижений. Это неучастие может усугублять ощущения дезориентации и утраты, связанные с вынужденным выселением из родного дома, разлукой со сверстниками и разрывом со всем тем, к чему дети испытывают глубокую привязанность.

Заключение

Основное внимание в настоящей главе было уделено ситуациям международной миграции детей, вызывающим обеспокоенность по поводу обеспечения защиты и требующим более широкого участия и поддержки общественности.

Усиление внимания к масштабам и формам современной миграции детей привело к изменениям в политике, ряд которых подробно описаны выше, и начинает приносить свои результаты в виде совершенствования мер защиты детей-мигрантов и детей-беженцев. Например, многие страны, в которые мигрировали большие группы несопровождаемых детей, ввели в действие схемы опекуновства и бесплатные услуги юридического представительства. По сути, даже там, где политика реализуется все еще не в полном объеме или непоследовательно, существует растущий консенсус в отношении минимальных стандартов, которые должны применяться к детям-мигрантам. Так, общепризнанно, что дети-мигранты

76 Chase и Sigona, 2017.

77 UNICEF, 2018b.

78 UNICEF, 2017b.

79 Harvard FXB Center for Health and Human Rights и МОМ, 2019.

не должны подвергаться задержанию, что свободная воля, участие и жизнестойкость детей-мигрантов должны учитываться в такой же мере, как их уязвимость и зависимость, что дети-мигранты и дети-беженцы должны быть охвачены национальными услугами образования и охраны детства и что несопровождаемые и разлученные дети должны быть в фокусе целевых мер. Специалисты в области как развития детей в раннем возрасте, так и обеспечения благополучия подростков постепенно включают в свои программы и планы профессиональной подготовки особые соображения, касающиеся детей-мигрантов и детей-беженцев⁸⁰.

Вместе с тем сохраняются существенные пробелы в реализации, что иллюстрируется недавними примерами вышеописанных инцидентов, в частности в связи с разлучением семей и задержанием детей-мигрантов в Соединенных Штатах, а также необходимостью расширения предоставления образования детям-беженцам рохинджа в Бангладеш. Весьма большое количество принудительно перемещенных детей как в пределах своих собственных стран, так и в лагерях на прилегающих к ним территориях продолжают нуждаться в доступе к базовым услугам, таким как первичная медико-санитарная помощь и образование, и испытывать постоянные угрозы для их физического и психического благополучия. Эксплуатация и подверженность насилию в процессе транзита по-прежнему повсеместно распространены в современном контексте миграции детей. В целом реализация императива удовлетворения потребностей и соблюдения прав детей-мигрантов и разработки ориентированного на интересы детей подхода к исследованиям и планированию все еще далека от совершенства, а данные, которые необходимы для демонстрации неотложности этой ситуации, остаются неадекватными.

В этой главе были отмечены несколько обнадеживающих изменений, включая более энергичное участие целого ряда субъектов в совершенствовании защиты детей-мигрантов, подготовку полезных руководящих указаний по разработке политики, более активное сближение специалистов разных секторов, работающих с детьми-мигрантами, и активизацию и растущую инициативность самого сообщества детей-мигрантов.

Наконец, в ней напоминается о сохранении серьезных проблем в области защиты, которые, по всей видимости, будут существовать, пока не будут предприняты согласованные шаги для противодействия некоторым тревожным тенденциям. Среди них, вероятно, наиболее критическими являются постоянные свидетельства об актах насилия в отношении общин мигрантов, включая молодых мигрантов, будь-то в ходе их путешествий или по прибытии в их новые принимающие страны. Дети, пережившие трудности жизни в лагерях беженцев или опасные трансграничные переходы, чтобы преодолеть это тягостное наследие своего прошлого, нуждаются в инклюзивных мерах, стабильности и широких возможностях. Для тех, кто пользуется преимуществами благоприятной семейной или общинной обстановки, это вполне может быть реализовано при условии, если общества будут активно участвовать в предупреждении агрессивных проявлений ксенофобии и пропаганды ненависти в школьных классах, на футбольном поле или в жилых комплексах. Детям-мигрантам, которые путешествуют в одиночку, может потребоваться больше для обеспечения жизнестойкости, возможности быть услышанными и поддержки перспектив достижения ими успеха. Необходимо объединять усилия систем охраны детства и регулирования миграции и создавать потенциал для их более последовательного сотрудничества, облегчения приема детей-мигрантов в национальные структуры охраны детства, стимулирования накопления знаний и углубления понимания потребностей и прав детей в системе регулирования миграции, а также тщательного выполнения обязательств по обеспечению недискриминации в отношении всех детей-мигрантов на территории под их юрисдикцией.

80 Bernard van Leer Foundation, 2013; UNFPA, 2018.

РОБЕРТ ОУКС
СУМЪЯДИП БАНЕРДЖИ
КОКО УОРНЕР

9

МОБИЛЬНОСТЬ ЛЮДЕЙ И АДАПТАЦИЯ К ИЗМЕНЕНИЮ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ¹

Введение

Ежегодно миллионы мужчин, женщин и детей повсюду в мире перемещаются, упреждая наступление экологического стресса или реагируя на него. Такие катаклизмы, как циклоны, наводнения и природные пожары, уничтожают дома и имущество и способствуют перемещению людей. Медленно наступающие процессы - в частности, повышение уровня моря, изменения в характере осадков и засухи - возлагают все большую нагрузку на источники средств к существованию и ухудшают доступ к продовольствию и воде, что может способствовать принятию решений о переселении в поисках более надежных условий жизни. Достижения в области метеорологии и других наук, позволяющие получать знания о динамике и темпах изменения климата, указывают на то, что разрушительные процессы в диапазоне от экстремальных погодных явлений и до широкомасштабных изменений в экосистемах происходят такими темпами и с такой интенсивностью, как ни в какой иной известный период времени на Земле². Ожидается, что антропогенное изменение климата будет все больше влиять на миграцию и другие формы перемещения людей, предпринимаемого для управления рисками, связанными с этими изменениями³.

В настоящей главе представлен обновленный обзор изменения окружающей среды и спектра мобильности людей. Вначале в ней исследуются разные точки зрения на изменение окружающей среды и миграцию, начиная с мнений о том, что мобильность людей, включая миграцию, является проблемой безопасности, о том, что она является проблемой защиты, и заканчивая утверждением о том, что это - вопрос адаптации и управления рисками, связанными с изменением окружающей среды. Затем в главе приводятся примеры экологической миграции, полученные из эмпирических исследований повсюду в мире. Далее кратко описываются последние изменения в сфере международной политики в этой области. В заключении излагаются выводы для исследований, политики и практики.

Понимание связей между изменением окружающей среды и миграцией

Механизмы, посредством которых изменения в окружающей среде способствуют миграции, имеют сложный характер⁴. За последние десятилетия утвердилось мнение о том, что связи между окружающей

1 Роберт Оукс, Институт окружающей среды и безопасности людей Университета Организации Объединенных Наций; Сумьядип Банерджи, Международная организация по миграции; и Коко Уорнер, секретариат Рамочной конвенции об изменении климата Организации Объединенных Наций (РКИКООН).

2 NASEM, 2016; МГЭИК, 2014.

3 С конца двадцатого века проводились оценки количества людей, которые в будущем будут перемещаться в результате изменения климата (Myers, 1993; Stern et al., 2006). Хотя такие оценки могут использоваться политическими кругами, академическое сообщество критически относится к допущениям, необходимым для построения соответствующих моделей, в частности к отсутствию учета не связанных с миграцией мер адаптации (Gemenne, 2011). Тем не менее эти подходы и полученные с их помощью цифры продолжают оказывать влияние на дискурсы в средствах массовой информации и политических кругах (Rigaud et al., 2018).

4 Siddiqui et al., 2019.

средой и миграцией редко бывают линейными. В некоторых работах этот вопрос трактуется как нормальный и нейтральный социальный процесс, тогда как в других статьях речь идет о «миграционной проблематике»⁵. Экономические, политические, культурные и демографические факторы взаимодействуют с движущими силами окружающей среды, формируя намерения людей перемещаться или оставаться в определенном месте. Эти взаимодействия могут способствовать усилению давления и создавать ситуации - иногда называемые переломными моментами, - после которых оставаться на месте становится менее привлекательным выбором, чем уезжать⁶. Будут ли эти намерения воплощаться в действия и когда именно, частично зависит от наличия материальных возможностей для переезда⁷, в связи с чем некоторые немобильные группы населения обозначаются как «попавшие в ловушку»⁸. Однако отсутствие мобильности не обязательно связано с материальными условиями и может объясняться психологическими и культурными ограничениями и предпочтениями⁹.

Для описания людей, которые перемещаются в результате изменения окружающей среды и климата, используются многие термины. В настоящей главе в контексте изменения климата употребляется такой термин, как «мобильность людей», обозначающий широкий спектр передвижений людей: он охватывает миграцию, перемещение и плановое переселение; а также используется термин «экологические мигранты», в том числе в связи с экстремальными явлениями и другими экологическими стрессорами. В академическом сообществе, средствах массовой информации и политических кругах возникли три основных интерпретации экологической миграции и мобильности людей в контексте изменения климата, отражающие политически чувствительный характер миграции: а) нелегальная миграция, связанная с изменением окружающей среды и нехваткой ресурсов, как проблема безопасности границ, особенно для районов назначения; б) защита экологических мигрантов; и в) экологическая миграция как форма адаптации и управления климатическими рисками (см. таблицу 1).

Таблица 1. Три разных метода концептуализации взаимодействий между изменением окружающей среды и миграцией

	Обеспечение безопасности	Защита	Адаптация и управление климатическими рисками
<i>Ключевые понятия</i>	Нелегальная миграция	Права человека	Адаптивный потенциал; денежные переводы; предотвращение, минимизация и устранение неблагоприятных воздействий изменения климата.

5 Castles, 2010; Hall, 2015.

6 McLeman, 2018.

7 Black et al., 2011.

8 Black и Collyer, 2014.

9 Ayeb-Karlsson, Smith и Kniveton, 2018; Oakes, 2019.

<i>Мигранты как:</i>	Фактор нестабильности в условиях нехватки ресурсов (климат как мультипликатор угроз)	Люди, не вполне способные к действиям	Способные к действиям люди.
<i>Нормативные последствия</i>	Следует контролировать национальные границы для снижения рисков для общества, ресурсов и культуры в районах назначения	Если люди переезжают, они должны иметь возможность делать это в достойных, безопасных условиях и в рамках действия механизмов защиты	Мобильность людей может быть частью спектра мер реагирования на климатические воздействия и риски.
<i>Арены политики</i>		Платформа по вопросу о перемещениях в результате бедствий; Глобальный договор о беженцах	Канкунские договоренности РКИКООН; Целевая группа по перемещению РКИКООН; Глобальный договор о миграции.
<i>Примеры в докладах и литературе</i>	Глава о безопасности людей и миграции ДО5 МГЭИК; ГС ООН: «климат как мультипликатор угроз»	Kelman et al., 2015; Нансеновские рамки защиты	McLeman и Smit, 2003; Специальный доклад МГЭИК о земельных ресурсах и изменении климата; ДО6 МГЭИК/РСС АР6.

Примечание: РКИКООН означает Рамочную конвенцию Организации Объединенных Наций об изменении климата; МГЭИК означает Межправительственную группу экспертов по изменению климата; ДО5 означает пятый доклад об оценке МГЭИК; ДО6 означает шестой доклад об оценке МГЭИК; ГС ООН означает Генерального секретаря Организации Объединенных Наций.

Интерпретация первого типа тяготеет к изображению экологических мигрантов как части более широкого ландшафта «мультипликатора угроз» в качестве явной или неявной угрозы безопасности в районах назначения¹⁰ и, как утверждается, связана с акцентом на контроль над национальными границами и ресурсами¹¹. В политике эти идеи могут воплощаться в дискуссиях и мерах по обеспечению безопасности границ. Вторая интерпретация склоняется к представлению экологической миграции как явления, связанного с перемещением в неблагоприятных обстоятельствах уязвимых людей, которые нуждаются в защите. Подходы с позиции защиты имеют общие характеристики с подходами, в которых подчеркивается необходимость соблюдения прав человека, включая права на труд, образование, здравоохранение,

¹⁰ Baldwin, 2013; Bettini, 2013.

¹¹ Piguet, Kaenzig и Guélat, 2018.

питание и воду и другие права, которые могут нарушаться в контексте экологических потрясений. Интерпретация в рамках защиты очевидна в работе Платформы по вопросу о перемещениях в результате бедствий¹².

Интерпретации с позиции обеспечения безопасности и с позиции защиты подвергались критике, поскольку в них недостаточно признавалась способность к действиям людей, затрагиваемых изменением окружающей среды, и подчеркивались угрозы без полного признания возможностей, которые могут также играть определенную роль в экологической миграции. В интерпретации третьего типа мобильность людей в диапазоне от миграции, перемещения и до планового переселения рассматривается как набор возможных адаптивных мер реагирования на климатические воздействия и риски. Понятие мобильности людей впервые появилось в терминологии политики в области климата в Канкунских рамках для адаптации и в настоящее время фигурирует в специальном направлении работы по мобильности людей, а также в деятельности Целевой группы по перемещению. В этой интерпретации признается возможность снижения подверженности и уязвимости к нарушениям физической среды, связанным с климатом и другими экологическими стрессорами¹³. В ней также подчеркивается использование подходов, направленных на предупреждение, минимизацию и устранение перемещения, связанного с неблагоприятными последствиями изменения климата. В следующем разделе кратко излагается эволюция интерпретации миграции как формы адаптации.

Понимание миграции как возможного реагирования на климатические воздействия и риски

Хотя результаты, как правило, зависят от конкретного контекста, в течение последнего десятилетия появилось определенное понимание возможностей, которые предоставляет миграция в контексте катаклизмов в окружающей среде¹⁴. Когда дело касается добровольной миграции, люди могут быть в состоянии защитить свое здоровье и имущество или воспользоваться им, принять решение, кто из членов семьи уезжает и каким образом, а также когда и куда они направятся. В этой ситуации миграция является частью последовательности мер адаптации, которые люди используют для того, чтобы справиться с изменением климата и окружающей среды, а также в целях сокращения масштабов бедности и повышения жизнестойкости¹⁵. Когда домохозяйства более устойчивы, более молодые и лучше образованные мигранты улучшают условия жизни семей путем денежных переводов, которые используются для оплаты образования, медицинского обслуживания или для диверсификации средств к существованию. Если же домохозяйства находятся в более шатком положении, мигранты могут брать на себя роль глав, обеспечивающих жизнь семей, и тогда результаты сводятся к выживанию за счет обеспечения продовольствием или наличными для приобретения продовольствия¹⁶. Различие между добровольной и вынужденной миграцией в определенной степени является произвольным и в более точном описании напоминает непрерывность, переходящую от полной добровольности к полной вынужденности¹⁷. При реагировании на экологические проблемы даже «добровольная» миграция может включать определенную степень давления. Поэтому политика поддержки и легальные каналы действуют в качестве фактора, обеспечивающего возможность

12 PDD, 2016.

13 Adger, Campos и Mortreux, 2018.

14 Ionesco, Mokhnacheva и Gemenne, 2017.

15 ADB, 2012.

16 Warner и Afifi, 2014.

17 Hugo, 1996.

миграции в этих ситуациях, что в итоге облегчает безопасную, упорядоченную и легальную миграцию, которой можно легче управлять.

После исчерпания всех возможностей для адаптации и для устойчивости общины (с использованием соответствующих стратегий как на месте, так и за его пределами) для всей общины может возникнуть необходимость переселения в качестве крайней меры¹⁸. Результирующее изменение обстоятельств означает, что последствия перемещения могут считаться адаптивными при определенных обстоятельствах. В случае планового переселения результаты могут быть адаптивными, если процессы основаны на широком участии и с раннего этапа предполагают согласие как в районах происхождения, так и в районах назначения, а также если у вероятных переселенцев имеются подходящие возможности для получения средств к существованию¹⁹.

Критика и нюансы

Вопросы интерпретации экологической миграции и мобильности людей в контексте изменения климата как части дискурса о мультипликаторе угроз (безопасности), как проблемы защитных рамок и как проблемы управления рисками содержат важный субъективный элемент. Миграция объясняется неспособностью к адаптации или стратегией применения крайней меры²⁰. Новые работы об «экологических беженцах» еще больше подкрепили эту концепцию, описывая перспективу вызванных изменением климата широкомасштабных перемещений в городские районы и перемещений из развивающихся в развитые страны²¹. Термин «адаптация» подвергся критике, поскольку в некоторых случаях в большей степени подчеркивается роль отдельных лиц и домохозяйств, чем ответственность политических и экономических структур за возникновение уязвимости²². Концепция миграции как адаптации подвергнута сомнению как игнорирующая политико-экономические реалии²³, а в некоторых работах утверждается, что интерпретация миграции как адаптации вносит неясность в дискурс об изменении климата и о миграции по этническим и расовым мотивам²⁴. Некоторые ученые подвергли критике упор на позитивные результаты в концепции миграции как адаптации как не отражающий реалий мигрантов²⁵. Далее, процессы планового переселения оказались сложными, а также способными затрагивать отношения между правительствами и субнациональными органами власти в городских и сельских районах, и поэтому они иногда не рассматриваются в качестве адаптации к изменению климата²⁶.

Переезд может снижать уязвимость в краткосрочной перспективе, но способствовать возникновению последующих проблем в среднесрочной перспективе, поскольку группы населения в новых местах могут воссоздавать условия подверженности рискам и уязвимости²⁷. Трудовая миграция может помочь домохозяйствам, отправляющим мигрантов, справиться с экологическими потрясениями и стрессорами в краткосрочной перспективе. Однако она может подвергнуть трудящихся-мигрантов и тем самым домохозяйства, отправляющие мигрантов, потрясениям и действию стрессоров в среднесрочной или

18 ADB, 2012.

19 Brookings Institution и УВКБ ООН, 2015.

20 Baro и Deubel, 2006; Adamo, 2008; Penning-Rowsell, Sultana и Thompson, 2013.

21 El-Hinnawi, 1985; McLeman, 2016.

22 Ribot, 2011.

23 Felli и Castree, 2012; Bettini, 2014;

24 Baldwin, 2017.

25 Ransan-Cooper et al., 2015.

26 Arnall, 2019.

27 Adger et al., 2015.

долгосрочной перспективе²⁸. Рассмотрение вопросов «кто» и «когда» в связи с процессом адаптации обнаруживает, что опыт адаптации является субъективным; кроме того, в последнее десятилетие возросло число исследований, в которых подчеркиваются субъективный характер климатического риска²⁹ и субъективные барьеры как для адаптации к изменению климата, так и для потенциально адаптивной миграции³⁰.

Данные и знания об экологической мобильности

Исследования в области экологической мобильности все еще находятся в процессе развития, и, несмотря на успехи, достигнутые за два десятилетия, до сих пор сохраняются различные пробелы в соответствующих данных и знаниях^a. Ежегодно появляются все более надежные данные о количестве новых внутренних перемещений, связанных с быстро наступающими катаклизмами окружающей среды. Однако существуют трудности в получении надежных количественных данных о миграции, когда она не является вынужденной; например, трудно рассчитать надежные оценки числа людей, которые перемещаются, опасаясь медленно надвигающихся процессов, таких как опустынивание или повышение уровня моря, или реагируя на них^b. Существует также необходимость в оценке экономических и иных издержек, связанных с миграцией^c. Исследования на эту тему по-прежнему ведутся в отношении глобального Юга и исследователями с глобального Севера^d. Существуют возможности для наращивания потенциала по линиям Юг-Юг и Юг-Север и для улучшения интеграции научных исследований и знаний на местном уровне.

a Ionesco, Mokhnacheva и Gemenne, 2017; PDD, 2016.

b ЦНВП, 2019.

c Ibid.

d Piguat, Kaenzig и Guélat, 2018.

Фактические данные о миграции и изменении окружающей среды

В следующем разделе приводятся примеры миграции и изменения окружающей среды в разных частях мира. В нем рассматриваются три экологические зоны, определенные в Докладе о прогнозах (то есть горная, засушливая и прибрежная зоны), которым грозят катаклизмы, связанные с изменением климата³¹. Примеры касаются различных адаптивных мер реагирования на эти катаклизмы окружающей среды в диапазоне от миграции в целях трудоустройства для диверсификации доходов и до национальной политики по содействию опережающим формам миграции (таблица 2).

28 Banerjee, 2017.

29 Adger et al., 2013.

30 Grothmann и Patt, 2005; Adams, 2016; Oakes, 2019.

31 Black et al., 2011.

Таблица 2. Примеры из эмпирических исследований

Экологические зоны	Географические регионы	Модели миграции	Географические регионы	Модели миграции
<i>Горы</i>	Гималаи и Центральная Азия	Циркулярная миграция и кочевое животноводство	Перу	Циркулярная миграция
<i>Засушливые земли</i>	Сенегал	Международная миграция в целях денежных переводов	Мексика	Миграция, вероятно, благотворная для здоровья
<i>Прибрежные районы и острова</i>	Тихоокеанские острова	Миграция с достоинством	Соединенные Штаты Америки	Плановое переселение
<i>Городские районы</i>	Кения	Устойчивые города, позволяющие решать проблемы урбанизации	Бангладеш	Урбанизация обеспечивает для женщин занятость и свободу действий

Горы

В горных районах были задокументированы разнообразные каналы миграции людей в контексте изменения окружающей среды: перемещение, трудовая миграция, плановое переселение и отгонное животноводство³². Изменения в климате отрицательно влияют на передвижения животноводов с их стадами между летними и зимними пастбищами на высокогорье³³. Животноводы в Афганистане, Непале и Пакистане считают негативные изменения в составе растительного покрова результатом хаотичных снегопадов и уменьшения количества дождевых осадков³⁴. Как сообщалось, сильные снегопады и нехватка воды в традиционных водных источниках вдоль миграционных маршрутов через Гиндукуш в Гималайском регионе вызвали падеж скота³⁵. В то же время повышение температуры с его влиянием на снежный покров оказало определенное позитивное воздействие, в частности, позволив раннее начало сезонной миграции с зимних на летние пастбища и увеличение продолжительности нахождения на летних пастбищах³⁶. Кроме того, пастушеские общины сталкиваются с затруднениями в результате влияния других факторов, которые взаимодействуют с изменением климата, включая конфликты с оседлыми общинами, институциональные барьеры, действие рыночных сил и неадекватную политическую поддержку³⁷. В целях

32 ЦНВП, 2016; Brandt, Kaenzig и Lachmuth, 2016; Liu et al., 2018; Namgay et al., 2014.

33 Namgay et al., 2014.

34 Shaoliang, Ismail и Zhaoli, 2012; Joshi et al., 2013; Gentle и Thwaites, 2016.

35 Shaoliang, Ismail и Zhaoli, 2012; Gentle и Thwaites, 2016.

36 Joshi et al., 2013; Shaoliang, Ismail и Zhaoli, 2012.

37 Shaoliang, Ismail и Zhaoli, 2012; Gentle и Thwaites, 2016.

преодоления последствий экологических потрясений и стрессоров пастушеские общины применяют различные адаптационные меры. В Гималайском регионе пастухи внесли изменения в характер своих передвижений (такие как смещение зон выпаса, изменение маршрутов и сокращение продолжительности пребывания на разных участках маршрутов), а в некоторых случаях переселили семьи или целые деревни. Пастухи приняли также на месте такие меры, как кормление животных в стойлах, смена видов скота, временный запрет на продажу скота и устройство прудов для хранения воды³⁸.

Миграция в целях работы, особенно циркулярная и сезонная миграция, является традиционной стратегией горцев по управлению рисками, связанными с экологическими угрозами для сельского хозяйства и животноводства. Переход от получения дохода от сельского хозяйства к трудовой миграции и связанным с ней денежным переводам был одним из способов, с помощью которых общины в бассейне реки Нарын в Кыргызстане, особенно расположенные в нижнем течении, реагировали на изменения в водоснабжении³⁹. Денежные переводы обеспечивают финансовые средства для оказания помощи во время бедствий и поддержки восстановления и реконструкции по их окончании. Мигранты и диаспора в Соединенных Штатах Америки активно участвовали в отправке денег для поддержки своих семей и усилий по оказанию помощи после землетрясения в Непале 2015 года⁴⁰. Степень положительного или отрицательного воздействия денежных переводов на домохозяйства-получатели и общины происхождения варьируется в зависимости от контекста⁴¹. Например, воздействие денежных переводов на уязвимость к экстремальным погодным явлениям не является линейным. Домохозяйства-получатели денежных переводов в пострадавших от засухи сельских общинах в юго-западной части Китая обладают меньшими адаптационными возможностями, чем домохозяйства, не получающие денежных переводов. Однако выяснилось, что домохозяйства, получающие денежные переводы в течение более длительных периодов времени, обладают улучшенным адаптационным потенциалом⁴². В Таджикистане семьи имеют высокую зависимость от денежных переводов мигрантов и также в значительной степени не осведомлены о возможных адаптационных мерах реагирования, что снижает их потенциал в плане адаптации к экологическим и климатическим стрессорам⁴³.

Во многих горных районах миграция в целях работы является процессом, носящим гендерный характер. Женщины, остающиеся дома, несут ответственность за заботу о детях и пожилых людях, управление имуществом домохозяйства и реагирование на новые вызовы⁴⁴. Для адаптации женщин барьерами выступают такие факторы, как социальные и культурные нормы, доступ к информации и институциональные проблемы⁴⁵. В Непале домохозяйства-получатели денежных переводов с большей вероятностью готовы инвестировать часть своих сбережений в обеспечение готовности к наводнениям, если женщины, остающиеся дома, имеют доступ к мероприятиям по наращиванию потенциала, направленным на укрепление таких самостоятельных мер адаптации, как накопление сбережений на случай бедствия и обеспечение готовности к наводнениям⁴⁶.

38 Aryal, Maraseni и Cockfield, 2014; Banjade и Paudel 2008; Moktan et al., 2008; Ingty и Bawa, 2012.

39 Hill et al., 2017.

40 Shivakoti, 2019.

41 Barnett и Webber, 2009; de Haas, 2012.

42 Banerjee et al., 2018.

43 Babagaliyeva et al., 2017.

44 Resurrección et al., 2019.

45 Jones и Boyd, 2011; Singh, Osbahr и Dorward, 2018; Achandi et al., 2018.

46 Banerjee et al., в процессе рецензирования.

Засушливые земли

В засушливых районах всего мира изменение окружающей среды все больше способствует миграции людей⁴⁷. В частности, изменения в количестве дождевых осадков способствуют нагрузке на источники средств к существованию, в том числе в сельском хозяйстве, животноводстве и рыбном промысле. Эти факторы оказывают потенциально серьезное и трудно прогнозируемое влияние на различные этнические группы. Например, существует недостаточно информации об общинах коренных народов в Австралии, их мерах реагирования и способах, с помощью которых местные знания могут способствовать различным формам адаптации, включая миграцию⁴⁸. В Центральной Америке была выявлена устойчивая связь между изменениями в количестве осадков в засушливых мексиканских штатах и потоками людей в Соединенные Штаты⁴⁹. Другие авторы подчеркнули связь между продовольственной безопасностью, миграцией и насилием в Гондурасе, Гватемале и Сальвадоре⁵⁰.

Имеются фактические данные об инвестициях диаспоры в засушливые районы. В долине реки Сенегал миграция связана с изменением окружающей среды и получением воды⁵¹. Новые мечети и школы, которые были построены в департаменте Подор в бассейне реки Сенегал, иллюстрируют финансирование диаспорой для укрепления жизнестойкости и развития общин⁵². В рамках совместного проекта Международной организации по миграции (МОМ) и Конвенции Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием удалось привлечь общины диаспоры к финансированию в районах отправления в Буркина-Фасо, Нигере и Сенегале. Эти средства были использованы для инвестиций в устойчивое управление земельными ресурсами и для формализации сетей между общинами в Милане, Италия, и в районах происхождения⁵³.

По-видимому, передвижения из бассейна реки Сенегал в Порт-Луи, отчасти обусловленные засухой и трудностями с получением воды, в последнюю четверть XX века можно изначально считать адаптивными. Однако по окончании сухого цикла вновь заселенные районы города, которые ранее подвергались ливневым паводкам, снова были затоплены⁵⁴. Одной из мер реагирования на эту угрозу стало создание мобильного приложения для раннего предупреждения, с помощью которого пользователи информируются о вероятных рисках наводнения, когда мобильные сигналы ослабляются под действием атмосферной воды⁵⁵. Это показывает необходимость учета сочетания медленно и быстро наступающих опасных явлений. Миграция из густонаселенных районов на реже населенные участки пограничных сельскохозяйственных земель в Дагаре, Гана, способствовала снижению нагрузки на земли в районах отправления и привела к увеличению объема денежных переводов, облегчивших закупки молодняка и плугов. С другой стороны, они также облегчили продолжение потенциально неустойчивой сельскохозяйственной практики в районах отправления⁵⁶. Международные передвижения, связанные с изменением окружающей среды, могут нарастать вследствие сокращения расходов и развития (легальных и нелегальных) маршрутов и сетей поддержки трансграничных передвижения⁵⁷.

47 Rigaud et al., 2018.

48 Carson et al., 2014.

49 Nawrotzki, Riosmena и Hunter, 2013.

50 MOM и WFP, 2016; IABD et al., 2017.

51 Madgwick et al., 2017.

52 Ibid.

53 MOM, 2014; MOM и UNCCD, 2019.

54 Diagne, 2007.

55 Ouedraogo et al., 2018.

56 Van der Geest, 2011.

57 Donato и Massey, 2016.

Медленно наступающие процессы

Засушливые районы подвержены риску таких медленно наступающих процессов, как деградация земель и опустынивание, изменения в уровне осадков и засуха. В случае циклона можно эвакуироваться, затем вернуться домой и продолжать пользоваться каким-либо источником средств к существованию, например, заниматься рыболовством. Когда средства к существованию зависят от орошаемого дождями земледелия, адаптация на месте может быть более проблематичной, если со временем медленно уменьшается количество осадков или сокращается доступ к воде. Как таковая мобильность, связанная с медленно наступающими процессами, может приобретать более постоянный характер с соответствующими последствиями для средств к существованию, здоровья и прав человека. Более длительное время по сравнению со внезапно наступающими опасными явлениями может также обеспечить возможности для всех форм адаптации как на месте, так и с помощью мобильности. С другой стороны, медленно наступающие процессы могут также размывать способность людей к передвижению, а это может сделать людей более уязвимыми к последствиям внезапно наступающих опасных явлений^a.

a Black et al., 2011.

Прибрежные районы и острова

Исторически миграция всегда была образом жизни жителей многих островов повсюду в мире, и эти процессы ускоряются под влиянием изменения климата⁵⁸. Прибрежные и островные общины сталкиваются с растущей подверженностью воздействию тропических штормов и повышения уровня моря⁵⁹. Кроме того, на многие прибрежные районы и острова отрицательно влияет нехватка источников пресной воды, усугубляемая изменениями в характере осадков и засолением почв в результате наводнений⁶⁰. Перспективы исчезновения суши, островов и пресной воды создают серьезные вызовы, и в этом контексте возникают разнообразные модели мобильности людей, включая ряд решений, направленных на защиту благополучия тех, кто отправляется в путь⁶¹.

Исследования, проведенные в малых островных развивающихся государствах (МОРАГ) Тихого океана, показали, что миграция (связанная с ожидаемыми последствиями изменения климата) приносит денежные переводы, открывает больше возможностей для молодых людей и дополняет другие адаптивные меры⁶². Поскольку вариант миграции не доступен для всех, передвижение и потоки денежных переводов могут воссоздавать или усиливать аспекты уязвимости и неравенства, как в случае Тонги⁶³. В прибрежных рыбацких общинах изменение климата может оказывать неблагоприятное воздействие на дома жителей и источники средств к существованию. Сокращение рыбных популяций и биоразнообразия, связанное с чрезмерным выловом рыбы и повышением температуры моря, вынудило артельных рыбаков Сенегала

58 Kirch, 2017.

59 МГЭИК, 2014.

60 Oakes, Milan и Campbell, 2016.

61 Van der Geest et al., 2019.

62 Shen и Gemenne, 2011; Goldsmith, 2015; Ash и Campbell, 2016.

63 Le De, Gaillard и Friesen, 2013.

вести рыбную ловлю дальше в море или наниматься рабочими на предприятия рыбной отрасли. Некоторые рыбаки сумели финансировать строительство жилищ вдали от наступающего океана с помощью средств, заработанных в процессе международной миграции⁶⁴.

В районах дельты имеются плодородные земли и доступ к воде для орошения, рыболовства и торговли. Изменение климата поставило их под угрозу повышения уровня моря и наводнений, поскольку они расположены в пунктах схождения рек и морских берегов. Это способствует потокам миграции, и было установлено, что во Вьетнаме миграция из дельты Меконга связана с более высокими доходами и обеспечением занятости⁶⁵. В Джамалпуре, Бангладеш, сухая погода и засуха оказали воздействие на земледелие, и люди отреагировали на это переходом к использованию других средств к существованию и отъездом, зачастую в столицу страны Дакку. Часто переезжают молодые люди, которые отправляют денежные переводы, способствующие развитию новых промыслов и предприятий, что облегчается приобретением водяных насосов⁶⁶.

Представления об адаптивной мобильности на Маршалловых островах

Республика Маршалловы Острова подвержена различным экологическим рискам, поскольку на источники средств к существованию и инфраструктуру воздействуют повышение уровня моря, тепловой стресс и засуха. По мере усиления воздействия изменения климата маршалльцам, вероятно, нужно будет решать, оставаться на их островах или уезжать. Соединенные Штаты - наиболее популярная страна назначения, поскольку маршалльцы могут работать и жить там в соответствии с Соглашением о свободной ассоциации. Недавно проведенное исследование позволяет предположить, что экологическая нагрузка уже способствует принятию решений о переезде в Соединенные Штаты^a. Например, одна респондент в ходе опроса на местах заявила:

«Если уедет больше людей, здесь останется меньше людей и больше свободных рабочих мест, и тогда мой муж сможет найти работу».

Еще один участник разъяснил ощутимые выгоды миграции в контексте проблемных экологических и экономических условий:

«Краткосрочный выезд за границу позволит мигранту или уезжающему человеку сохранить за собой землю и дом».

Другой участник на вопрос о потенциальных угрозах маршалльской культуре мигрантов в Соединенных Штатах ответил следующее:

«Я не согласен, потому что вижу в «Фейсбуке» маршалльцев, поющих маршалльские песни и танцующих маршалльские танцы».

a Van der Geest et al., 2019.

64 Zickgraf, 2018.

65 MOM, 2017.

66 Ayeb-Karlsson et al., 2016.

На Гаити в ходе осуществления проекта «Миграция, окружающая среда и изменение климата: фактические данные для политики» (МЕКЛЕП) было выявлено, что сезонная миграция может оказывать благотворное влияние на снижение уязвимости домохозяйств⁶⁷. Соответственно, новая миграционная политика Гаити, разработанная в рамках проекта, предусматривает признание позитивных результатов миграции и того, что она может обеспечивать адаптацию посредством передачи навыков, денежных средств и знаний. Миграция была включена в программы развития городов, адаптации и снижения риска бедствий. В настоящее время в вопросник переписи населения включены вопросы, касающиеся миграции и изменения окружающей среды⁶⁸.

Было начато переселение некоторых прибрежных и островных общин. Согласно прогнозам одного исследования в результате изменения окружающей среды к концу столетия необходимо будет переселить население более 400 местечек, поселков и городов в Соединенных Штатах, включая большое количество прибрежных общин коренных народов⁶⁹. Первой общиной, которая получит федеральные средства и поддержку для переселения, станет община острова Иль-де-Жан-Шарль в Луизиане. Ее жители в сотрудничестве с местными неправительственными организациями разработали план новой устойчивой общины и поселения с использованием современных технологий и инновационных методов планировки водно-болотных угодий и парковых зон для защиты от наводнений при сохранении рыбных промыслов. Значительным вызовом станет сохранение истории, традиций и культуры племени билоксичитимача-чоктау⁷⁰. Важную роль в переселении сообщества играет полное вовлечение затрагиваемых общин в процесс принятия решений по вопросам, включающим доступ к ресурсам, определение места расположения нового поселения, а также времени и процессов осуществления проекта⁷¹.

Миграция с достоинством

Руководители малых островных развивающихся государств (МОРАГ) Тихого океана ввели в обращение термин «миграция с достоинством» для описания ситуации, в которой люди могут контролировать возможность, время, место и способ передвижения или оставаться на месте, если они того желают. Основная идея состоит в повышении стандартов образования таким образом, чтобы мигранты могли конкурировать на международных рынках труда, и в укреплении сетей с диаспорой в регионе для создания новых возможностей и поддержки вновь прибывших^a. Следует надеяться, что такие потоки людей могут снизить нагрузку на домохозяйства и экологические ресурсы и обеспечить финансовые и социальные переводы, позволяющие использовать другие формы адаптации.

В отсутствие всеобъемлющих глобальных рамок для поощрения и обеспечения адаптивных форм миграции будут необходимы инновационные и более гибкие механизмы^b. Региональные рамки могут основываться на существующих двусторонних отношениях. Такие планы могут быть успешными при поддержке региональных экономически развитых держав, желающих

67 MOM, 2017.

68 Ibid.

69 Maldonado et al., 2013.

70 King, 2017.

71 Ibid.

открыть границы для мигрантов. Например, страны Южной Америки ввели в действие не имеющее обязательной юридической силы соглашение о защите лиц, перемещенных через границы в результате бедствий, и мигрантов в странах, затронутых бедствиями^с.

Появляются также примеры планирования экологической миграции на государственном уровне. В Руководящих принципах планового переселения Фиджи отмечается, что переселение является крайним средством, применение которого следует рассматривать «после изучения всех других практически осуществимых вариантов адаптации»^д. В случае переселения необходимо обеспечивать долгосрочную экономическую устойчивость, поддержку и услуги, а также защиту прав и благополучия уязвимых групп. В Руководящих принципах описываются шаги, которые следует предпринимать, такие как консультации со всеми затрагиваемыми заинтересованными сторонами, включая перемещаемых людей, принимающие общины и тех, кто решает не уезжать^е.

a Voigt-Graf и Kagan, 2017.

b Barnett и McMichael, 2018.

c CSM, MOM и PDD, 2018.

d Government of Fiji, 2018.

e Ibid.

Городские районы

Хотя при оценке результатов экологической миграции важно учитывать районы происхождения, также очень важно анализировать районы назначения. Например, после трехлетней засухи в Мексике было задокументировано увеличение потоков людей из сельских в городские районы⁷². Такие передвижения могут быть адаптивными или псевдоадаптивными. Города часто расположены в районах, подверженных угрозам, например, в низменных прибрежных районах или в зонах таких геологических опасностей, как оползни, землетрясения или извержения вулканов. В тех случаях, когда мигранты оседают в районах, подверженных опасностям, например, в тущобах на склонах холмов или в районах, периодически страдающих от наводнений, эти группы населения могут в большей степени в будущем подвергаться угрозам и оказываться уязвимыми вследствие экологических и климатических бедствий. Возможно, в будущем появится больше экологических «горячих точек», когда население будет испытывать на себе тройную угрозу демографического роста, повышения уязвимости и подверженности более суровым и частым климатическим явлениям⁷³.

Городская обстановка может умножать различия в опыте женщин и мужчин, выявляя гендерные аспекты миграции и экологических проблем. Женщины считаются более уязвимыми, чем мужчины, до, во время и после переезда, что имеет последствия в плане их безопасности и неприкосновенности, психологических потребностей и доступа к услугам и правам собственности⁷⁴. Миграция вслед стихийных бедствий может также повышать риски торговли людьми⁷⁵. Однако миграция и даже перемещение могут также открывать для женщин новые возможности. На Филиппинах женщины после прохождения тайфуна «Хайян» взяли

72 Nawrotzki et al., 2017.

73 Hugo, 2011.

74 Sierra Club, 2018.

75 MOM, 2016.

на себя роль руководителей лагерей⁷⁶. Женщины, уезжающие из экологически маргинальных районов Бангладеш, имеют возможность найти работу в швейной промышленности Дакки, где потенциальные работодатели воспринимают их лучше по сравнению с мужчинами. Женщины должны взвешивать преимущества способности отправлять денежные переводы для поддержки семей, сравнивая их с недостатками возможной стигматизации на почве миграции. Эти факторы снижают вероятность переезда женщин в контексте воздействий окружающей среды⁷⁷.

Группы мигрантов из числа меньшинств в городской обстановке в наибольшей степени затрагиваются рисками для критической инфраструктуры⁷⁸. Их часто изображают уязвимой группой перед лицом опасности (см. главу 10 настоящего доклада). Однако недавние исследования показали, что иммигранты и беженцы из числа языковых меньшинств могут быть жизнестойкими вследствие проблем, с которыми они сталкивались в прошлом⁷⁹. Например, городские жители, уехавшие из МОРАГ Тихого океана, где они пережили наводнения и циклоны, были лучше приспособлены к тому, чтобы справляться с новыми городскими рисками в районах назначения, в частности во время землетрясения в Веллингтоне⁸⁰.

Государства начинают планировать развитие устойчивых и ориентированных на преобразования населенных пунктов. В Национальном плане адаптации Кении прямо говорится, что изменение климата создает нагрузку на городскую инфраструктуру. В Плане отмечается, что засухи способствуют урбанизации, в результате которой люди - особенно такие уязвимые группы, как дети, инвалиды и престарелые - оказываются на маргинальных землях, подверженных наводнениям. Поэтому в нем признается необходимость развития устойчивых к климату городов⁸¹. В Бангладеш государственные структуры планируют рекомендовать населению переезжать в устойчивые к климату и удобные для мигрантов городские центры. Эти городские районы необходимо развивать посредством сочетания процессов участия с нижнего до верхнего уровня в целях удовлетворения местных потребностей и соответствия местным контекстам с планированием и оказанием поддержки с верхнего на нижний уровень⁸². Эта концепция вписывается в седьмой пятилетний план Бангладеш, который фокусируется на «ориентированной на преобразования адаптации»⁸³.

Основы политики

Как описано в главе 11 настоящего доклада, в последние годы произошли существенные изменения в глобальном регулировании миграции. Однако еще не полностью сформировались всеобъемлющие рамки обеспечения политического руководства в случаях взаимодействия мобильности людей с экологическими стрессорами, включая изменение климата. Существует ряд различных механизмов глобального регулирования, возникших в разных контекстах и с упором на разные аспекты мобильности, обусловленной изменением климата. В главе кратко описаны два основных механизма, предназначенные для решения вопросов изменения окружающей среды, миграции, а также учета аспектов адаптации и управления климатическими рисками: переговоры по вопросам климата в соответствии с Рамочной конвенцией Организации Объединенных Наций об изменении климата и недавно принятый Глобальный

76 Sherwood et al., 2015; Ionesco, Mokhnacheva и Gemenne, 2017.

77 Evertsen и Van der Geest, 2019.

78 Garschagen и Sandholz, 2018.

79 Uekusa и Matthewman, 2017.

80 Ibid.

81 Government of Kenya, 2016.

82 ICCCAD, 2018.

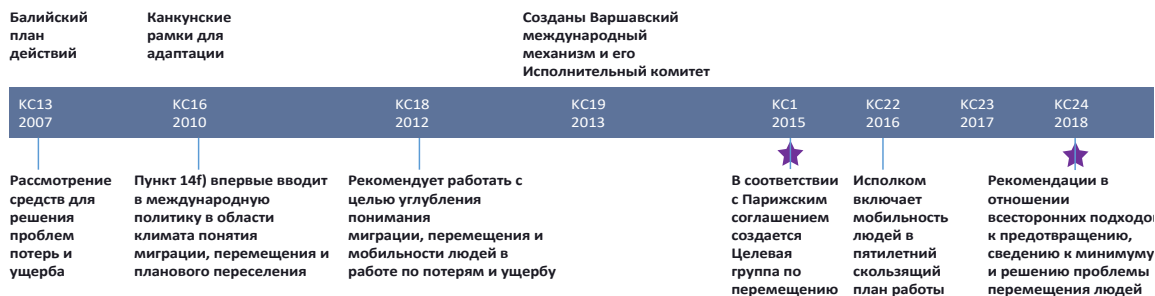
83 GED, 2015.

договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Вместе с тем, помимо Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, на международном уровне применяются гораздо больше соображений и политических подходов в отношении этой весьма актуальной проблемы. Краткое описание аспектов международной политики, выходящих за рамки этих двух механизмов, приводится в добавлении А.

Глобальные переговоры об изменении климата и мобильность людей

В соответствии с РКИКООН мобильность людей - миграция, перемещение и плановое переселение - рассматривается как проблема управления климатическими рисками, особенно в рамках работы, проводимой по направлениям адаптации и потерям и ущербу. Концепция управления рисками эволюционировала в период между тринадцатой сессией Конференции Сторон (КС 13) в 2007 году и двадцать четвертой сессией Конференции Сторон (КС 24) в 2018 году. На диаграмме 1 показаны основные решения и достигнутый прогресс.

Диаграмма 1. Становление вопроса о миграции людей как темы управления рисками в международной политике в области климата

Источник: Warner, 2018.

Впервые эта проблема получила признание в международной политике в области климата на КС 16 (2010 год), когда Стороны РКИКООН приняли Канкунские рамки для адаптации⁸⁴. Выводы КС 16 включали пункт 14 f), в котором перечислены возможные виды передвижения людей, меры, подлежащие осуществлению, и уровни, на которых можно осуществлять эти меры:

14. Призывает все Стороны активизировать действия по адаптации, согласно Канкунским рамкам для адаптации ... путем, среди прочего, следующего: ... f) принятия мер по углублению понимания, совершенствованию координации и активизации сотрудничества в отношении обусловленного изменением климата перемещения людей, их миграции и запланированного переселения, в зависимости от обстоятельств, на национальном, региональном и международном уровнях

В 2013 году на КС 19 Стороны РКИКООН учредили Варшавский международный механизм для изучения возможности создания механизмов управления остаточными рисками, в том числе связанными с мобильностью людей⁸⁵. Текущая работа, проводимая в рамках процесса РКИКООН, включая Варшавский

84 РКИКООН, 2010.

85 РКИКООН, 2013.

международный механизм, направлена на укрепление потенциала стран в области принятия учитывающих факторы риска решений в отношении упреждающих действий, планирования и мероприятий в чрезвычайных ситуациях, которые влияют на то, где и как живут люди.

На КС 21 произошел переломный момент, когда в рамках Парижского соглашения была создана целевая группа по перемещению Варшавского международного механизма, которой было поручено разработать рекомендации по комплексным подходам к предотвращению, сведению к минимуму и решению проблемы перемещения людей, связанного с негативными последствиями изменения климата⁸⁶. Целевая группа включает представителей государств, технических экспертов из различных групп в рамках РККООН, представителей организаций системы Организации Объединенных Наций и гражданского общества. Целевая группа подготовила всеобъемлющие рекомендации, касающиеся всего спектра мобильности людей, такие как предложения странам учитывать проблемы изменения климата и миграции при формулировании национальных законов, политики и стратегий и поддерживать создание легальных и безопасных каналов миграции⁸⁷. Параллельно с этим Варшавский международный механизм также одобрил пятилетнюю программу работы, в которой одно из направлений работы связано с миграцией, перемещением и мобильностью людей⁸⁸.

В 2018 году КС 24 утвердила рекомендации Целевой группы по перемещению и продлила действие мандата Целевой группы еще на два года⁸⁹. В текстовой вставке ниже обобщены рекомендации в адрес стран, учреждений Организаций Объединенных Наций и других заинтересованных сторон.

Целевая группа по перемещению РККООН

Целевая группа сформулировала рекомендации для стран, являющихся Сторонами РККООН, а также для Организации Объединенных Наций и других заинтересованных сторон. Они были в итоге приняты на КС 24. Далее следуют примеры рекомендаций, вынесенных Целевой группой.

Странам:

- разрабатывать законы, политику, стратегии для предотвращения, минимизации и решения проблемы перемещения;
- активизировать исследования, сбор данных, анализ рисков, в том числе с участием общин;
- повышать готовность (раннее предупреждение, планирование на случай чрезвычайных ситуаций, планирование эвакуации, укрепление устойчивости, инновационные подходы, такие как финансирование на основе прогнозных оценок);
- осуществлять ациональные процессы планирования;
- изыскивать долгосрочные решения;
- облегчать безопасную, упорядоченную, легальную миграцию и мобильность людей.

86 РККООН, 2015.

87 Ionesco и Traore Chazalnoel, 2018.

88 РККООН, 2017.

89 РККООН, 2018.

Учреждениям Организации Объединенных Наций и заинтересованным сторонам:

- предоставлять поддержку (финансирование, технологии, укрепление потенциала), в том числе затрагиваемым общинам;
- укреплять региональное, субрегиональное и трансграничное сотрудничество;
- развивать передовую практику (понимание рисков, обеспечение доступа к поддержке, помощи и защите, разработка международно-правовых документов и нормативных основ) и обмениваться ею;
- предложить Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций проводить общесистемный стратегический обзор и содействовать интегрированным подходам к редупликации, минимизации и решению проблем перемещения людей в рамках запланированной к созданию группы высокого уровня по внутренне перемещенным лицам.

Примечание: Полный текст решения имеется по адресу <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G18/357/31/pdf/G1835731.pdf?OpenElement>.

Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции

Еще до обсуждений по Глобальному договору о безопасной, упорядоченной и легальной миграции в Повестке дня Организации Объединенных Наций в области устойчивого развития содержались упоминания о миграции, хотя и без четкого выявления взаимосвязи между миграцией и окружающей средой. При этом Повестка дня в области устойчивого развития и ее соответствующие цели на период до 2030 года проложили путь для увязки в будущих рамках миграции и окружающей среды. Следует особо отметить Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, который, будучи не имеющим обязательной юридической силы соглашением государств, непосредственно связан с задачей 10.7 Повестки дня в области устойчивого развития:

10.7 Содействовать упорядоченной, безопасной, законной и ответственной миграции и мобильности людей, в том числе с помощью проведения спланированной и хорошо продуманной миграционной политики.

В Глобальном договоре о миграции поставлены 23 цели в рамках комплексного подхода к оптимизации выгод от миграции при одновременном учете ее рисков и проблем, в том числе связанных с климатическими стрессорами и стихийными бедствиями. Глобальный договор гласит, что миграция является «одним из факторов процветания, распространения новых идей и устойчивого развития»⁹⁰. Тем не менее при упоминании экологической миграции она в основном рассматривается в контексте уязвимости, а не благотворных результатов. В Глобальном договоре о миграции особенно непосредственное отношение

90 ГА ООН, 2018: приложение, преамбула, пункт 8.

к климатическим рискам и рискам бедствий имеют четыре цели. В частности, цель 2 предусматривает сведение к минимуму неблагоприятного воздействия различных движущих факторов, которые вынуждают людей к переезду, и содержит отдельный раздел, посвященный изменению климата и стихийным бедствиям. В этой связи в тексте признается, что для сведения к минимуму неблагоприятного воздействия движущих сил миграции необходимо уделять приоритетное внимание мерам по адаптации и устойчивости к изменению климата в странах происхождения. Вместе с тем в тексте также признается, что в некоторых случаях отсутствуют возможности для адаптации на месте или возвращения мигрантов, и упоминается необходимость рассмотрения вариантов планового переселения и визового обеспечения (цель 5 об упрощении доступа к каналам легальной миграции и повышении их гибкости). Цель 7 Глобального договора о миграции направлена на изучение и ослабление факторов уязвимости в процессе миграции. Наконец, цель 23 предусматривает обязательства по укреплению международного и регионального сотрудничества в контексте стихийных бедствий.

В целом в Глобальном договоре о миграции сформулирован всеобъемлющий набор потенциальных мер реагирования для устранения неблагоприятных факторов миграции и обеспечения того, чтобы миграция была предметом выбора, а не вынужденной необходимостью в отчаянных условиях. Вместе с тем, поскольку Договор не имеет обязательной юридической силы, некоторые государства могут принять решение о применении лишь ограниченных мер для устранения проблем экологической миграции.

Заключение

В настоящей главе представлен обзор трех ведущих концепций экологической миграции и мобильности людей в контексте изменения климата: обеспечение безопасности, защита и адаптация и управление климатическими рисками. В этой главе освещены также имеющиеся фактические данные о моделях передвижения людей - в диапазоне от миграции, перемещения и до планового переселения - в разных условиях, главным образом в горных районах, на засушливых землях, в прибрежных зонах и в городских районах. Эти фактические данные иллюстрируют определенные компромиссные решения, которые принимаются людьми, когда они взвешивают реалии и потенциальные риски в том случае, если они останутся на месте, или в случае их переезда в контексте экологического и климатического стресса. В ней также подчеркивается значимость контекста, который связан не только с экологической обстановкой, но и с тем, каким образом различные общины способны демонстрировать жизнестойкость, так же как и адаптивный потенциал.

В этой главе были также рассмотрены два основных механизма международной политики, в рамках которых проходят обсуждения вопросов экологической миграции и мобильности людей в контексте изменения климата (дополнительные материалы в этой связи содержатся в добавлении). В последние годы растет признание необходимости более полной интеграции миграции в работу глобальных механизмов по вопросам климата и окружающей среды, а также необходимость учета аспектов мобильности людей механизмами по изменению климата. Были предприняты важные шаги для обеспечения более широкого рассмотрения на международном уровне вопроса о мобильности людей в контексте изменения окружающей среды и климата. Вместе с тем наличие органично присущих ему чувствительных моментов - как это отражают, например, рассмотренные выше различные концепции - означает, что предстоит еще многое проделать для разработки согласованных подходов к политике в этой области. Тем не менее окончательный успех этих рамок и руководящих принципов зависит от степени осуществления государствами и другими субъектами рекомендаций при проведении политики в области миграции,

развития, рисков и окружающей среды в дополнение к включению этих вопросов в другие программы.

В заключение следует отметить, что согласно научным прогнозам в отношении климата масштабы и частотность экстремальных погодных явлений находятся на подъеме, что подвергает все больше людей и их имущество неблагоприятным воздействиям. Места, где в настоящее время живут и работают люди, все больше испытывают нагрузку в результате изменения окружающей среды и климата. Миграция, перемещение и плановое переселение привлекают к себе все большее внимание в исследованиях, политике и практике, поскольку люди пытаются избежать стресса и рисков, переехав в безопасные или предлагающие новые возможности места. В этом контексте необходимы меры, которые характеризовались бы следующим:

- люди имеют возможность выбирать, будут ли они переезжать, когда и с кем (существующие сети и достойные варианты, соответствующие культурным контекстам и предпочтениям);
- переезжающие люди могут получать доступ к возможностям в плане обеспечения средств к существованию и направлять ресурсы на цели совершенствования адаптации; и
- переезжающие люди могут делать это достойным, безопасным и легальным образом.

Литература и примеры, рассмотренные в этой главе, указывают на необходимость исследований, политики и практики, в рамках которых адаптивные варианты могут помочь людям продвигаться к достижению благополучия даже перед лицом растущих экологических и климатических рисков.

Важность экологических факторов, факторов изменения климата и стихийных бедствий и впредь будет обуславливать внимание к этой ключевой области в будущих исследованиях и разработках политики, а также в прениях по международному регулированию миграции. Реальные факты воздействия медленно и внезапно наступающих опасных явлений на средства к существованию людей и оказываемое ими влияние на миграционные стратегии, равно как и важность политических вопросов, связанных с проблемами миграции и изменения климата, и впредь будут обуславливать актуальность экологической миграции в этих прениях.

НАССИМ МАДЖИДИ
ХЕВЕН КРОЛИ
ЛОРЕНЦО ГУАДАНЬО
КАМИЛЛА КАСАВАН

10 МИГРАНТЫ, ОКАЗАВШИЕСЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: КОНТЕКСТЫ, РЕАГИРОВАНИЕ И ИННОВАЦИИ¹

Введение

Международное сообщество испытывает растущую обеспокоенность в связи с положением людей, которые переезжают из стран своего происхождения и неожиданно оказываются в кризисных ситуациях, угрожающих их безопасности и благополучию. Хотя кризисы затрагивают как граждан, так и неграждан той или иной страны, способность мигрантов справляться с их воздействиями может быть ограниченной в силу положения уязвимости, связанной с правовым, экономическим и социальным статусом мигрантов, а также вследствие таких практических проблем, как языковые различия, географическое перемещение и даже культурный контекст, которые могут ограничивать доступ к своевременной и понятной информации, услугам, ресурсам и безопасности. Конечно же, не все мигранты одинаково страдают в период кризиса, однако они зачастую входят в число наиболее уязвимых групп населения, подвергаются повышенному риску и нуждаются в конкретной поддержке².

Удовлетворение потребностей мигрантов, которые проживают в местах, затрагиваемых кризисом, стало приоритетной темой политических форумов как на глобальном, так и на региональном уровнях. Последние инициативы и политические процессы в этой связи включают региональные диалоги по вопросам миграции в Африке, Северной и Южной Америке и Центральной и Юго-Восточной Азии; Сендайскую рамочную программу по снижению риска бедствий на 2015-2030 годы; Парижское соглашение; и Всемирный саммит по гуманитарным вопросам. Инициатива «Мигранты в странах, испытывающих кризис» (МИСИК) и разработка свода Руководящих положений по защите мигрантов в странах, переживающих конфликт или стихийное бедствие³, являются конкретными примерами усилий по совершенствованию текущей практики⁴. Положение мигрантов в условиях кризиса отмечается также в Глобальном договоре о безопасной, упорядоченной и легальной миграции 2018 года, где оно выделяется в качестве существенного элемента достижения цели 2 по сведению к минимуму движущих сил вынужденной миграции и цели 7 по сокращению уязвимости мигрантов.

Несмотря на существование соответствующей политики, сохраняются вопросы в отношении эффективности текущих усилий по устранению уязвимости мигрантов и поддержке их потенциала до, во время и после кризисов. Это отчасти объясняется тем, что, несмотря на растущее признание на региональном и глобальном уровне необходимости реагировать на особое положение мигрантов в условиях кризиса, потребности и безопасность групп населения из числа мигрантов могут быть не приоритетными для

1 Нассим Маджиди, основатель и директор «Сэмюэл Холл»; Хевен Кроли, профессор, Центр доверия, мира и социальных отношений, Университет Ковентри, и Лоренцо Гуаданьо, Международная организация по миграции; а также Камилла Касаван, социальное предприятие «Сэмюэл Холл».

2 МИСИК, 2016. Для целей настоящей главы мигранты включают туристов, командировочных, иностранных студентов, временных рабочих и постоянных жителей иностранного происхождения, а также просителей убежища и беженцев.

3 МИСИК, 2016.

4 Martin, 2016.

затрагиваемых стран. Более того, в некоторых странах меры реагирования на кризис, конкретно касающиеся мигрантов, сводятся прежде всего к возвращению мигрантов в страны их происхождения. Разумеется, в некоторых случаях эвакуация или возвращение могут быть единственным спасительным вариантом для мигрантов, оказавшихся в условиях кризиса, однако упор на такие меры может наносить ущерб другим эффективным механизмам поддержки, которые в большей степени соответствовали бы потребностям мигрантов в незамедлительном посткризисном восстановлении, а также их долгосрочным интересам и потребностям⁵. Обеспечение соответствующих мер реагирования требует четкого понимания интересов и приоритетов мигрантов в различных географических и социально-политических контекстах.

В настоящей главе, которая отражает обеспокоенность этими вопросами, основное внимание уделяется опыту мигрантов в условиях кризиса, а также местным, национальным и международным мерам реагирования, направленным на учет их условий и потребностей. Эта важно по трем основным причинам: а) для лучшего понимания того, каким образом мигранты подвержены воздействию кризисных ситуаций в странах, в которых они проживают или через которые они следуют транзитом; б) для осмысления эффективности усилий, направленных на удовлетворение потребностей мигрантов в условиях кризиса; и с) для определения того, каким образом действия ряда заинтересованных сторон, вовлеченных в ту или иную кризисную ситуацию, могут обеспечивать учет потребностей и интересов мигрантов.

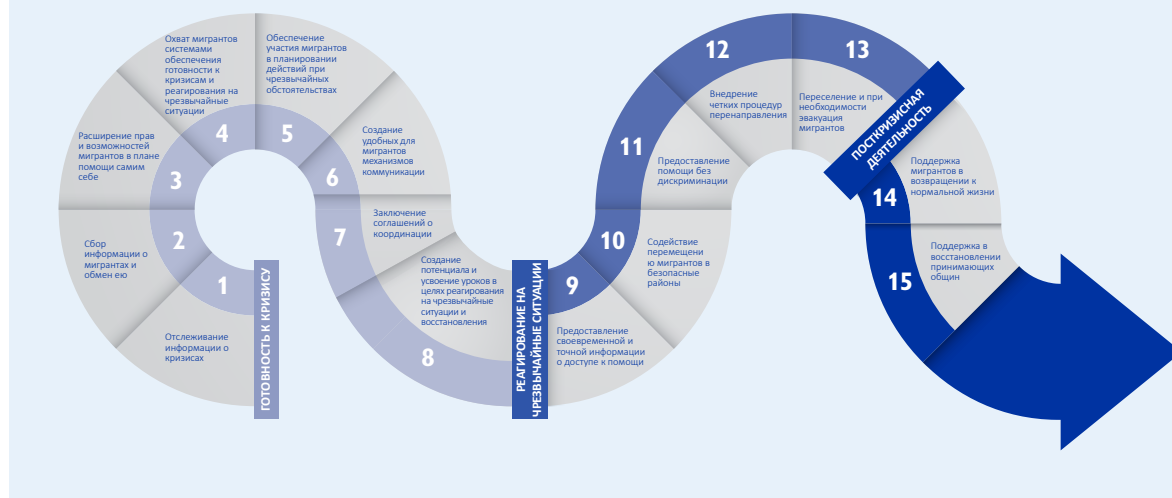
Глава состоит из четырех разделов: а) структура следующего раздела опирается на рамки рассмотрения в Инициативе МИСИК различных контекстов, мер реагирования, пробелов и уроков, полученных при обеспечении готовности к кризисам, чрезвычайного реагирования и посткризисного восстановления; б) затем следует раздел, содержащий обзор существующих данных о мигрантах в странах, подверженных риску или затрагиваемых кризисом, и оцениваются потребности в данных и пробелы в их наличии; с) далее включен раздел, описывающий инновационные меры реагирования, предназначенные для поддержки мигрантов, застигнутых кризисами; и d) в последнем заключительном разделе рассматриваются выводы для соответствующей политики и практики.

Руководящие положения по защите мигрантов в странах, переживающих конфликт или стихийное бедствие

Инициатива МИСИК - процесс, начатый государствами в 2014 году - была разработана для привлечения внимания широкой аудитории к тематике защиты мигрантов в условиях кризиса. На основе серии консультаций с участием многих заинтересованных сторон в рамках Инициативы был разработан свод добровольных Руководящих положений по защите мигрантов в странах, переживающих конфликт или стихийное бедствие. Опубликованные в 2016 году Руководящие положения представляют собой набор не связывающих принципов, рекомендаций и практик, который может служить руководством в усилиях всех заинтересованных сторон, направленных на снижение уязвимости мигрантов в период кризиса.

⁵ Упор на эвакуацию мигрантов в страны их происхождения в порядке реагирования на кризис в глобальном контексте возвращения в качестве предпочтительной политической меры (Shaw, 2018) отражает ограниченную заинтересованность в альтернативных мерах реагирования, в большей степени учитывающих способности и чаяния мигрантов, и их ограниченное применение.

Циклы и этапы в антикризисном управлении, как они определены в рамках МИСИК

Основные контексты и этапы кризиса

Кризисы, определяемые как ситуации, «в которых существует широко распространенная угроза для жизни, физической безопасности, здоровья или базовых источников средств к существованию, выходящая за рамки возможностей людей и общин, в которых они проживают, справиться с нею»⁶, связаны с широким спектром явлений. Они могут вызываться опасными явлениями окружающей среды, конфликтами и терроризмом, а также сложными чрезвычайными ситуациями, сбоями в политическом и экономическом управлении, эпидемиями и пандемиями и глобальными финансовыми циклами.

В последние годы наводнения в Бангладеш и Таиланде, крупные ураганы в Северной Америке, конфликты в Ливии и Йемене, а также политический и экономический кризис в Боливарианской Республике Венесуэла создали потребность в обеспечении для мигрантов чрезвычайной помощи и срочной защиты. Каждое из этих мест до и во время кризиса принимало мигрантов, включая постоянных жителей, временных рабочих, командировочных, туристов и студентов, а также просителей убежища и беженцев.

Проблема уязвимости мигрантов в условиях кризиса привлекла к себе внимание международного сообщества после крупных чрезвычайных ситуаций гуманитарного характера. События меньшей интенсивности (но зачастую большей частотности) - такие как городские пожары и аварии, локальные оползни и эпизоды насилия - также могут несоразмерно затрагивать мигрантов в случаях их проживания в районах, в большей степени подверженных этим опасностям. Опыт всех кризисных событий показывает, что модели маргинализации и отчуждения повышают уязвимость мигрантов к большинству опасностей. Различные кризисы как крупного, так и малого масштаба затрагивают мигрантов по-разному (см. добавление А) и требуют разного оперативного реагирования или действий.

6 Martin, Weerasinghe and Taylor, 2014.

Учет конкретных оперативных контекстов: пример кризисов в области здравоохранения

Кризисы в области здравоохранения отличаются собственными уникальными маркерами, которые включают четкие протоколы и процедуры обеспечения готовности, определенные Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). Мигранты редко включаются в соответствующие механизмы планирования, что оказывает существенное воздействие как на мигрантов, так и на принимающие общины. Это имеет свои последствия как для прав человека, так и для здоровья и означает, что работникам здравоохранения необходимо понимание социальных аспектов мобильности людей. Взаимный обмен опытом между медицинскими и гуманитарными работниками, а также с общинами мигрантов является одной из приоритетных задач^а.

а См. интервью с основными респондентами в Hui (2019); и Wickramage (2019).

Мигранты могут сталкиваться с более серьезными препятствиями в доступе к защите и поддержке, особенно в тех случаях, когда у людей ограничен доступ к социальным сетям. В зависимости от обстоятельств уязвимость усугубляется рядом многих других факторов (такими как пол, возраст, раса и этническая принадлежность, сексуальная ориентация или инвалидность), которые также снижают способность справляться с трудностями в условиях кризиса. В то же время, как описано в настоящей главе, мигранты и местные субъекты обладают возможностями до, во время и после кризисов обеспечивать информирование и укрепление мер реагирования в рамках подхода, направленного не только на факторы уязвимости, но и на понимание потенциала мигрантов. Для снижения рисков важно признавать многообразие профилей мигрантов и поддерживать мигрантов в реагировании на кризисы. Мигранты могут оказаться в ситуациях большей уязвимости или обладания более широкими возможностями. Например, во время наводнений в Брисбене, Австралия, в 2011 году важное значение имела роль руководителей общин иммигрантов и беженцев, разнообразных в культурном и языковом отношении, поскольку они действовали в качестве посредников и сообщали своим общинам информацию о мерах чрезвычайного реагирования на бедствия⁷. В то же время в Таиланде ограничения мобильности, обусловленные административными барьерами, снизили мобильность многих трудящихся-мигрантов, пострадавших от наводнений, которым пришлось выбирать между нахождением в затопленных опасных районах и возможной утратой легального статуса, задержанием и депортацией⁸.

Координация, планирование и готовность

Эффективная координация, планирование и готовность требуют четкого определения ролей различных заинтересованных сторон. Оно начинается с осуществления основополагающего обязательства государств по международному праву прав человека защищать жизнь и достоинство каждого человека - будь то из числа граждан или неграждан, - проживающего в пределах их границ.

7 Shepherd и Van Vuuren, 2014.

8 Guadagno, 2015.

Страны происхождения чаще всего реагируют на потребности своих граждан, оказавшихся за рубежом в условиях кризисов, путем оказания консульской помощи. Права и обязанности консульских служб осуществлять свои консульские прерогативы в кризисные периоды очерчены в Венской конвенции о консульских сношениях (1963 года). Однако на практике способность государств к эффективным действиям в этих контекстах зависит от ресурсов, потенциала, политической воли, эффективного планирования и готовности.

Право на консульскую защиту

Обязанность консульских служб оказывать помощь своим гражданам за рубежом является признанной нормой, закрепленной в национальных законах не менее чем 45 стран⁹. Венская конвенция о консульских сношениях прямо не обязывает государства предоставлять поддержку гражданам, затрагиваемым кризисами за рубежом. Однако в статье 5 Конвенции перечислен ряд функций, которые могут выполнять государства на территории других государств, включая а) защиту интересов своих граждан и е) помощь в условиях бедствий, которую государство может предоставлять своим гражданам за рубежом. Статья 36 также обязывает принимающие страны разрешать сотрудникам консульских служб сноситься со своими гражданами и предоставлять им поддержку и защиту в той степени, какая допускается национальными законами принимающей страны.

а Warren, 2018.

Кроме консульств, в условиях кризиса могут предоставлять поддержку также другие учреждения в странах происхождения мигрантов. Например, правительство Филиппин внедрило меры по защите своих граждан за рубежом в свои стратегии, институциональные структуры и полномочия, которые могут прямо или косвенно использоваться для поддержки мигрантов, оказавшихся в условиях кризиса⁹. Ключевую роль в этой системе страны играет Группа по обеспечению готовности и реагированию за рубежом, созданная в 2011 году и включающая представителей нескольких министерств. Задача Группы состоит в разработке стратегий по обеспечению готовности, нацеленных на поддержку филиппинцев за рубежом, включая конкретно предназначенные для каждой из стран назначения планы действий в непредвиденных ситуациях в случае кризиса, которые подлежат обновлению каждые шесть месяцев¹⁰. Они дополняются разнообразными программами и услугами, которые направлены на поддержку способности мигрантов справиться с возможными вызовами.

9 Battistella, 2012.

10 Government of the Philippines, 2011.

Консульская поддержка, которую оказывают Филиппины трудящимся-мигрантам, оказавшимся в условиях конфликта

Механизмы готовности консульских органов Филиппин были апробированы во время конфликта в Сирийской Арабской Республике. После эскалации насилия для помощи посольству в Дамаске в репатриации 8 000 филиппинских трудящихся была развернута группа быстрого реагирования в составе сотрудников министерств иностранных дел, труда и внутренних дел^a. Например, домработница одной сирийской семьи Рут Пана, 29 лет, убежала из дома работодателя из страха попасть под перекрестный огонь во время боевых действий между правительственными войсками и силами повстанцев в 2012 году. Когда ее работодатель перебрался с семьей в арендованное жилье, она связалась с посольством Филиппин, которое отправило автомобиль, доставивший ее под опеку филиппинского персонала до момента ее репатриации вместе с другими лицами. Пана заявила, что сначала ее работодатель не хотел отпускать ее, утверждая, что она все еще связана условиями договора, но затем смягчился^b.

a Government of the Philippines, 2011.

b Teves, 2012.

Там, где государства не могут эффективно реагировать на такие ситуации, иногда вмешиваются международные организации, с тем чтобы восполнить имеющиеся пробелы и содействовать внедрению механизмов поддержки мигрантов. Наиболее отчетливо можно было наблюдать это в Ливии во время конфликта, разразившегося в 2011 году. Согласно оценкам в период гражданской войны в стране находились от 1,5 до 3 миллионов мигрантов, в основном из стран Африки к югу от Сахары¹¹, и во время эскалации конфликта большинство из них не имели доступа к услугам, предоставляемым ливийскими властями или властями стран происхождения, как и не существовало каких-либо планов действий в чрезвычайных ситуациях для мигрантов. Сопредельные страны оперативно открыли свои границы для мигрантов, срочно покидающих Ливию, а неправительственные и международные организации также поддержали усилия по гуманитарной помощи, особенно в форме международных эвакуаций в родные для мигрантов или третьи страны¹². Первоначально координация этих операций осуществлялась от случая к случаю. В марте 2011 года МОМ и Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН) обеспечили координацию мероприятий по эвакуации и учредили Гуманитарную эвакуационную ячейку. Цель ячейки состояла в поддержке управления и использовании активов и вкладов в натуральной форме, предоставленных 19 странами для эвакуации мигрантов, на общую сумму, оцениваемую в размере 23 млн долл. США; она получала поддержку от Центра мониторинга и информации Европейского союза (ЕС), который помогал в передаче запросов на ресурсы и сборе предложений от государств-членов ЕС. Особый характер этих операций выявил необходимость более надежных механизмов готовности для управления широкомасштабными международными эвакуациями из кризисных районов.

11 Mainwaring, 2012.

12 Aghazarm, Quesada и Tishler, 2012; Zampagni et al., 2017.

Организации гражданского общества (ОГО) также являются основными поставщиками услуг в условиях кризиса, часто выступая в качестве связующего звена между общинами мигрантов и государственными субъектами¹³. Например, во время войны в Ливане в 2006 году ОГО поддерживали домашних работников-мигрантов, создав консорциум для работы с правительством Ливана в целях удовлетворения потребностей этой группы. ОГО стремились к улучшению сотрудничества и координации с международными организациями и государственными субъектами, которые были их главными партнерами во время кризиса¹⁴. В Соединенных Штатах усилия гражданского общества, в частности Калифорнийской коалиции сельскохозяйственных работников «КАРЕ», также сыграли определенную роль в обеспечении того, чтобы трудящиеся-мигранты имели доступ к информации и поддержке во время лесных пожаров в Калифорнии (см. вставку ниже).

Калифорнийская коалиция сельскохозяйственных рабочих «КАРЕ»: координация гражданского общества

После лесных пожаров в Калифорнии в 2007 году Калифорнийская коалиция сельскохозяйственных рабочих «КАРЕ» разработала структуру для улучшения координации и связи с мигрантами в чрезвычайных ситуациях (и оказания им помощи). Эта структура использует существующие общинные сети, а также инструкторов, известных под названием «*промоторас*», и включает местные организации по реагированию, другие национальные НПО и средства массовой информации (в том числе испаноязычные). В рамках этой работы Коалиция создала потенциал, позволяющий ее членам обеспечивать подготовку к чрезвычайным ситуациям и реагирование на них, и разработала официальный план готовности к чрезвычайным ситуациям, который в настоящее время включен в официальные механизмы антикризисного управления^a.

a Martínez, Hoff и Núñez-Alvarez, 2009; Martínez, 2017.

Чрезвычайное реагирование и усвоенные уроки

Эффективность реагирования в значительной степени зависит от готовности основных заинтересованных сторон и их способности охватывать общины мигрантов и координировать с ними соответствующие планы. Независимо от уровня готовности, во время многих кризисов необходимо проявлять гибкость, задействовать специальные механизмы и быстро принимать решения. Наличие средств на случай кризиса и быстрый доступ к кризисному финансированию, информация и гибкая миграционная политика могут существенно влиять на эффективность мер реагирования, ориентированных на группы населения из числа мигрантов.

Реагирование на потребности мигрантов в условиях крупных гуманитарных кризисов финансировалось главным образом за счет традиционных финансовых потоков. Фактические данные, полученные в ходе предыдущих кризисов, позволяют предположить, что это финансирование может иметь узкую или политическую направленность. Например, существуют свидетельства того, что финансирование в контексте

13 МИСИК, 2017.

14 Mansour-Ille и Hendow, 2017.

ливийского кризиса 2011 года использовалось в первую очередь для эвакуации и возвращений на родину, а не для поддержки мигрантов, пожелавших остаться, или обеспечения вариантов пребывания в безопасных третьих странах¹⁵. Более того, эти традиционные финансовые потоки могут быть труднодоступными или медленно активизироваться, что существенно влияет на жизнь и благополучие мигрантов. Опять же, существуют свидетельства того, что во время кризиса в Ливии административные и бюрократические препятствия задерживали и ограничивали своевременное проведение операций поддержки. К ноябрю 2011 года МОМ официально получила от доноров 111 млн долл. США и натуральные пожертвования на сумму в размере 23 млн долл. США¹⁶. В самый разгар эвакуационных операций ежедневно требовалось 4 млн долл. США для фрахта самолетов в дальние пункты назначения вплоть до Бангладеш и Вьетнама¹⁷. Административные проблемы задерживали доступ к финансированию и, в свою очередь, эвакуации¹⁸. После полученного опыта широкомасштабных эвакуаций мигрантов в порядке реагирования на ливийский кризис МОМ при поддержке государств-членов учредила Механизм финансирования чрезвычайных мер в сфере миграции для покрытия расходов на международные перевозки мигрантов, затрагиваемых кризисом. Цель этого фонда заключается в незамедлительном начале чрезвычайного реагирования в период до получения финансирования от доноров, чтобы избежать задержек, подобных тем, которые имели место во время эвакуаций из Ливии.

Международные организации, в частности Всемирный банк и МОМ, предпринимали усилия для улучшения прямой помощи в виде наличных средств. В 2011 году Всемирный банк предоставил правительству Бангладеш заем в размере 72 млн долл. США на цели репатриации и предоставления помощи в переходной период свыше 36 000 бангладешских трудящихся-мигрантов, спасшихся от кризиса в Ливии¹⁹. Помощь предоставлялась непосредственно возвращенцам в виде одноразового гранта наличными для покрытия стоимости неотложных базовых потребностей и части расходов, связанных с начальным восстановлением источников средств к существованию²⁰.

На национальном уровне Индия учредила фонды общественного обеспечения, которые пополняются за счет небольших сборов за консульские услуги и предназначены для поддержки индийских граждан, оказавшихся в условиях кризиса или в иных чрезвычайных ситуациях за рубежом²¹. Эти фонды дают консульствам возможность получать быстрый доступ к ресурсам в чрезвычайных случаях, что, в свою очередь, позволяет обеспечивать быстрое реагирование²². Дальнейшее укрепление этих возможностей осуществлялось посредством институционализации потенциала государства в плане репатриации граждан в необходимых случаях. Помимо таких услуг в рамках чрезвычайного реагирования, как репатриация, из средств фондов могут финансироваться целый ряд услуг поддержки, направленных на снижение уязвимости и расширение возможностей мигрантов, в том числе обеспечение проживания и питания нуждающихся мигрантов, оказание неотложной медицинской помощи и предоставление правовой помощи²³.

15 Perchinig, Rasche и Schaur, 2017.

16 Aghazarm, Quesada и Tishler, 2012.

17 Ibid.

18 Ibid.

19 Munier, 2017.

20 Ibid.

21 Khadria, 2009.

22 МИСИК, 2016.

23 Government of India, 2012.

Можно полезно развивать новые направления сотрудничества между частным сектором и другими нетрадиционными субъектами, включая диаспоры, в деле предоставления мигрантам в условиях кризиса материальной поддержки, средств коммуникации, обеспечения для них перевода или крова²⁴. В ходе консультаций в рамках Инициативы МИСИК была подчеркнута роль субъектов частного сектора в укреплении жизнестойкости мигрантов и их потенциала в плане эффективного противостояния кризису²⁵. В 2016 году МОМ добилась успехов в налаживании партнерских отношений с частным сектором, включая партнерства со средствами массовой информации или партнерами в технологическом секторе, работающими над эффективным обменом информацией²⁶. Такие партнерства могут служить моделями более полного вовлечения общества и субъектов частного сектора в поддержку или организацию мероприятий, которые могут прямо или косвенно улучшать укрепление потенциала мигрантов, позволяющего им справляться с кризисом. Для успешного выявления оптимальных практик и их адаптации к конкретным контекстам необходимы исследования. Диаспоры также могут играть важную роль в улучшении потенциала чрезвычайного реагирования и в обеспечении координации, в частности посредством более оперативного финансирования²⁷.

Для обеспечения безопасности мигрантов и их способности принимать решения в кризисные периоды крайне важно также иметь доступ к услугам, информации и социальным сетям. Однако доступ к информации может быть проблематичным для мигрантов, и ему зачастую препятствуют отсутствие учета мигрантов в планах коммуникации в чрезвычайных обстоятельствах, а также их ограниченные языковые навыки, знания местных условий и отсутствие возможности доступа к местным социальным сетям.

Эта проблема проявилась во время наводнений в Таиланде в 2011 году. Аварийные службы Таиланда действовали на основе информации из данных переписи населения, которая не могла адекватно охватывать большую группу населения из числа мигрантов на нелегальном положении²⁸. Кроме того, ограничения, введенные на передвижение трудящихся-мигрантов, а также противоречивая информация относительно оказания поддержки мигрантам, поступавшая от правительства, вызывали замешательство и недоумение мигрантов и сотрудников национальной службы помощи²⁹. Таким образом, осведомленность мигрантов, их доступ к знаниям и их готовность к наводнениям зависели от уровня их интеграции в принимающем обществе, особенно их способности говорить на тайском и понимать этот язык³⁰.

Наличие организованных групп мигрантов и общинных сетей может смягчать негативные воздействия кризиса. Это можно было наблюдать, к примеру, в случае землетрясения 2011 года в Японии. До этого землетрясения коллектив филиппинской общины «Баянихан-Кесеннума» уже представлял собой активную группу филиппинок, проживавших в Кесеннуме (и в большинстве случаев состоявших в браке с японцами), которые ориентировали и поддерживали вновь прибывших лиц. Эффективность таких существующих сетей позволяла группе удостоверяться в статусе и безопасности семей и отдельных лиц во время землетрясения, обеспечивать информирование посольства Филиппин и поддерживать меры реагирования и распределение помощи³¹.

24 МИСИК, 2015.

25 МОМ, 2016.

26 Ibid.

27 Samuel Hall, 2018.

28 Bravi et al., 2017.

29 Ibid.

30 Perchinig, Rasche и Schaur, 2017.

31 МИСИК, 2017.

Кроме того, имеются четкие свидетельства того, что миграционный статус также может оказывать существенное воздействие на способность мигрантов справляться с кризисом и что гибкая иммиграционная и визовая политика позволяет мигрантам как обеспечивать свою безопасность в кризисные периоды, так и легче преодолевать последствия кризиса. Так, правительство Туниса в 2011 году первым среди других разрешило въезд из Ливии мигрантов и других затрагиваемых лиц. Тысячи мигрантов, которые не могли вернуться в страны своего происхождения, получили помощь от тунисских учреждений, гражданского общества и населения, причем ведущую роль в этом деле сыграло тунисское общество Красного Полумесяца³². Аналогичным образом, правительство Джибути сыграло ключевую роль в облегчении эвакуации мигрантов, которые на пути к государствам Залива застряли в Йемене во время конфликта³³. Кроме того, гибкость визовой политики и процедур выдачи разрешений на работу может обеспечить для мигрантов, утративших документы, возможность их восстановления.

Посткризисные действия: реинтеграция и реконструкция

Критический анализ и обсуждение политики после кризиса позволяют усвоить полученные уроки и укрепить потенциал реагирования и обеспечения готовности. Сама Инициатива МИСИК отражает растущую глобальную обеспокоенность в отношении урегулирования положения мигрантов в период кризиса.

Один из критических пробелов в посткризисной деятельности связан с предоставлением поддержки, предназначенной для возвращенцев и принимающих общин. Хотя во многих кризисных сценариях репатриация является обычной мерой, при возвращении могут возникать вопросы относительно вместимости и устойчивости домохозяйств, общин и обществ в стране происхождения. Примечательно, что в ходе обзора, проведенного для подготовки этой главы, не было выявлено позитивных примеров долгосрочной реинтеграции. В сущности, в большей части литературы отмечается, что мигранты после возвращения в свои страны в результате кризиса зачастую не получают достаточной или какой-либо долгосрочной помощи³⁴. В большинстве случаев мероприятия по реинтеграции - если они проводились - носили краткосрочный характер, а долгосрочные антикризисные меры затруднялись недостатком финансирования и отсутствием перспектив на будущее³⁵.

Неспособность создавать эффективные реинтеграционные структуры поднимает важные вопросы о том, в какой степени целесообразно делать упор на возвращение при удовлетворении потребностей мигрантов в странах, переживающих кризис. Возвращение часто является весьма заметным признаком активных действий, однако оно также представляет собой дорогостоящее и политически чувствительное мероприятие. Возвращение может быть целесообразным при сочетании с долгосрочной стратегией реинтеграции и в случае, если оно осуществляется туда, где существуют безопасные условия и имеются возможности для ведения достойной жизни. Однако возвращение может также значительно ухудшить положение мигрантов. Например, камерунцы и чадцы, которые работали в Центральноафриканской Республике в 2012 году, были в основном самозанятыми предпринимателями, работающими в торговле, и в целом жили более обеспеченно, чем среднестатистическое местное население. В результате кризиса 2012 года большинство этих людей вернулись в страны своего происхождения при финансовой поддержке

32 Zampagni et al., 2017.

33 Veerassamy, 2017.

34 Kleist, 2017; Hendow et al., 2018; Zampagni et al., 2017.

35 Ibid.

со стороны государств-доноров. Однако имеющейся поддержки для возвращения и реинтеграции часто было недостаточно. Возвращенцы, которые ранее успешно работали в городских районах Центральноафриканской Республики, были разочарованы тем, что они после возвращения оказались в сельской среде. Когда помощь возвращенцам иссякла из-за смещения заинтересованности доноров, вызванного восстанием в районе озера Чад и последующим перемещением населения, Чад не смог продолжать поддерживать возвращенцев, и помощь в целях реинтеграции фактически была прекращена³⁶.

Таиланд: участие мигрантов в ликвидации чрезвычайной ситуации как движущая сила интеграции

Хотя мигранты, застигнутые наводнениями в Таиланде, являлись особенно уязвимой группой, они также были активными членами своих общин, оказывая гуманитарную помощь и, где это было необходимо, услуги по расчистке а также поддерживая усилия по обеспечению готовности, реагированию и восстановлению. Это, в свою очередь, позволило им ощущать себя более интегрированными в принимающей общине. В этой связи один мигрант заявил: *«Вы знаете, я даже помогал военным и гражданам Таиланда строить дамбы для защиты от наводнения. Я жил, как таиландец, и чувствовал свою ответственность за поддержку соседей в предупреждении наводнения».*

Местные таиландские ОГО сообщали об участии мигрантов в поддержке общин своего проживания, включая поддержку членов принимающих общин: «В Самутсакхоне некоторые группы трудящихся-мигрантов пытались создать сети поддержки и мобилизовали монахов для сбора милостыни в качестве фонда для гуманитарного снабжения. В основном это были бирманцы, но они делали это для поддержки всех жертв наводнения, а не только своих соотечественников».

Источник: Текст выше является сокращенным отрывком из конкретного исследования по Таиланду (Bravi et al., 2017).

В то же время существуют примеры, когда мигранты, несмотря на существование кризиса, предпочли остаться в принимающих их странах и с успехом делали это. В некоторых случаях это приводило к усилению ощущения общности, поскольку мигранты участвовали в усилиях по реагированию и восстановлению. Например, в Ливане те члены сообщества мигрантов, которые остались в стране, после войны 2006 года обращались друг к другу за поддержкой и информацией³⁷. Как только мигранты начали сотрудничать со своими посольствами и НПО в целях поддержки домашних работников, затронутых конфликтом, они стали лучше понимать важность координации и солидарности в сообществе. По сообщениям, трудящиеся-мигранты преодолели настроения беспомощности и разобщенности, существовавшие до и во время кризиса, и образовали гораздо теснее связанные и более активные группы на местах³⁸. После кризиса домашние работники-мигранты сохранили прочные сети и создали профсоюз домашних работников. В

36 Zampagni et al., 2017.

37 Mansour-Ille и Hindow, 2018.

38 Ibid.

этом конкретном случае отсутствие международной или государственной поддержки мигрантов стало фактором для создания более активных низовых сетей поддержки в самих общинах мигрантов, поскольку они приложили усилия для создания групп активистов и укрепления своих собственных механизмов по обеспечению жизнестойкости и антикризисного потенциала³⁹.

Усвоение опыта мигрантов и местные возможности

У мигрантов можно многому поучиться на всех этапах антикризисного управления - от планирования обеспечения готовности и до посткризисного анализа. Афганские, сомалийские и иракские беженцы смогли внести свой вклад и активно включиться в работу по восстановлению общин после Кентерберийских землетрясений 2011 года в Новой Зеландии⁴⁰. Подобное происходило и в случае филиппинских мигрантов, когда женщины-мигранты, пострадавшие от катастрофы в Тохоку 2011 года, отметили расширение своих прав и возможностей и прирост приобретенного ими социального капитала в результате их участия в усилиях по восстановлению после стихийных бедствий⁴¹.

Во время наводнений 2011 года в Брисбене, Австралия, представители мигрантов действовали в качестве посредников между местными властями и своими общинами. Они поддерживали усилия по реагированию путем перевода и надлежащего распространения информации, содействовали гуманитарным учреждениям в выявлении пострадавших, которые нуждались в помощи, и ходатайствовали перед местными властями в интересах своих соотечественников для обеспечения получения ими адекватной и культурно приемлемой официальной помощи⁴². Помимо этого, в 2015 году после урагана «Стэн» правительство Мексики приложило усилия для организации линии прямой связи с местными заинтересованными сторонами и представителями мигрантов и принимающих общин, что знаменовало собой четкий сдвиг в подходе и привело к разработке проекта «Снижение уязвимости мигрантов в чрезвычайных ситуациях». Этот проект, разработанный по инициативе МОМ, предусматривает учет миграционных вопросов в национальной политике и планах по реагированию в случае бедствий, а также создает возможности для участия мигрантов в разработке соответствующей политики⁴³.

Эти примеры подчеркивают существование возможностей для переноса упора на местный уровень и потенциал мигрантов и способов активного вовлечения гражданского общества в обсуждение кризисного реагирования. Вместе с тем остается фактом, что можно сделать гораздо больше для обеспечения выполнения рекомендаций, содержащихся в Руководящих положениях МИСИК⁴⁴, не только на национальном, но и на субнациональном и местном уровнях⁴⁵.

39 Ibid.

40 МИСИК, 2017.

41 Ibid.

42 Multicultural Development Association of Queensland, 2011; Shepherd и Van Vuuren, 2014; МИСИК, 2017.

43 МИСИК, 2017.

44 МИСИК, 2016.

45 МИСИК, 2017.

Использование данных для противостояния вызовам

Данные о мобильности населения (в частности, имеющиеся в базах данных ДЭСВ ООН и Всемирной туристской организации (ЮНВТО))⁴⁶ свидетельствуют о том факте, что глобальные тенденции мобильности широко различаются: в сочетании с данными о подверженности опасностям или рискам они могут использоваться для планирования, обеспечения готовности и эффективных мер реагирования. Как видно в таблице 1, кризис затрагивает страны, независимо от уровня развития, причем как развитые, так и развивающиеся страны подвержены значительным рискам кризисов, способных затрагивать мигрантов. Сопоставление данных о контингентах мигрантов, подверженности опасностям и уровням риска позволяют выявить страны, в которых кризис может особенно затрагивать группы населения из числа мигрантов.

В таблице 1 сопоставлены данные о контингентах мигрантах, подверженности опасностям и уровнях риска, с тем чтобы показать, что кризисы могут затрагивать страны, независимо от уровня развития, и что как в развитых, так и в развивающихся странах потенциальные кризисы могут затрагивать большое число мигрантов. Поэтому все страны могут выиграть от более непосредственного и конкретного включения мигрантов в планирование по обеспечению готовности к чрезвычайным ситуациям и снижению риска бедствий: для этих решений могут быть использованы данные, существующие на национальном или региональном уровне.

⁴⁶ Имеются по адресам, соответственно, ДЭСВ ООН: www.un.org/en/development/desa/population/publications/database/index.asp; и ЮНВТО: www2.unwto.org/content/data (в обоих случаях дата доступа: 16 июля 2019 года).

Таблица 1. Международные данные о мигрантах и кризисах

	Место по ИЧР, 2018	Подверженность стихийным бедствиям, 2018	Подверженность антропогенным бедствиям, 2018	Подверженность антропогенным бедствиям, 2018	Класс риска, 2018	Число международных мигрантов, 2019
Очень высокое человеческое развитие	Австралия	3	5,7	0,1	Низкий	7 549 270
	Канада	12	5,0	0,4	Низкий	7 960 657
	Соединенные Штаты Америки	13	7,0	6,6	Средний	50 661 149
	Бельгия	17	1,6	5,5	Низкий	1 981 919
	Япония	19	8,4	0,6	Низкий	2 498 891
	Израиль	22	4,5	4,1	Низкий	1 956 346
	Италия	28	4,8	1,7	Низкий	6 273 722
	Объединенные Арабские Эмираты	34	5,8	0,1	Низкий	8 587 256
	Чили	44	6,7	2,0	Низкий	939 992
	Российская Федерация	49	6,3	6,9	Средний	11 640 559
	Малайзия	57	5,1	1,1	Низкий	3 430 380
Высокое человеческое развитие	Иран (Исламская Республика)	60	7,0	5,5	Средний	2 682 214
	Коста-Рика	63	6,3	0,1	Низкий	417 768
	Турция	64	5,9	8,0	Средний	5 876 829
	Сербия	67	4,8	3,9	Средний	820 312
	Мексика	74	7,0	9,0	Высокий	1 060 707
	Венесуэла (Боливарианская Республика)	78	6,0	5,7	Средний	1 375 690
	Ливан	80	4,1	7,0	Высокий	1 863 873
	Таиланд	83	6,4	4,1	Средний	3 635 085
	Украина	88	3,1	9,0	Высокий	4 964 293
	Ливия	108	4,5	10,0	Высокий	818 216

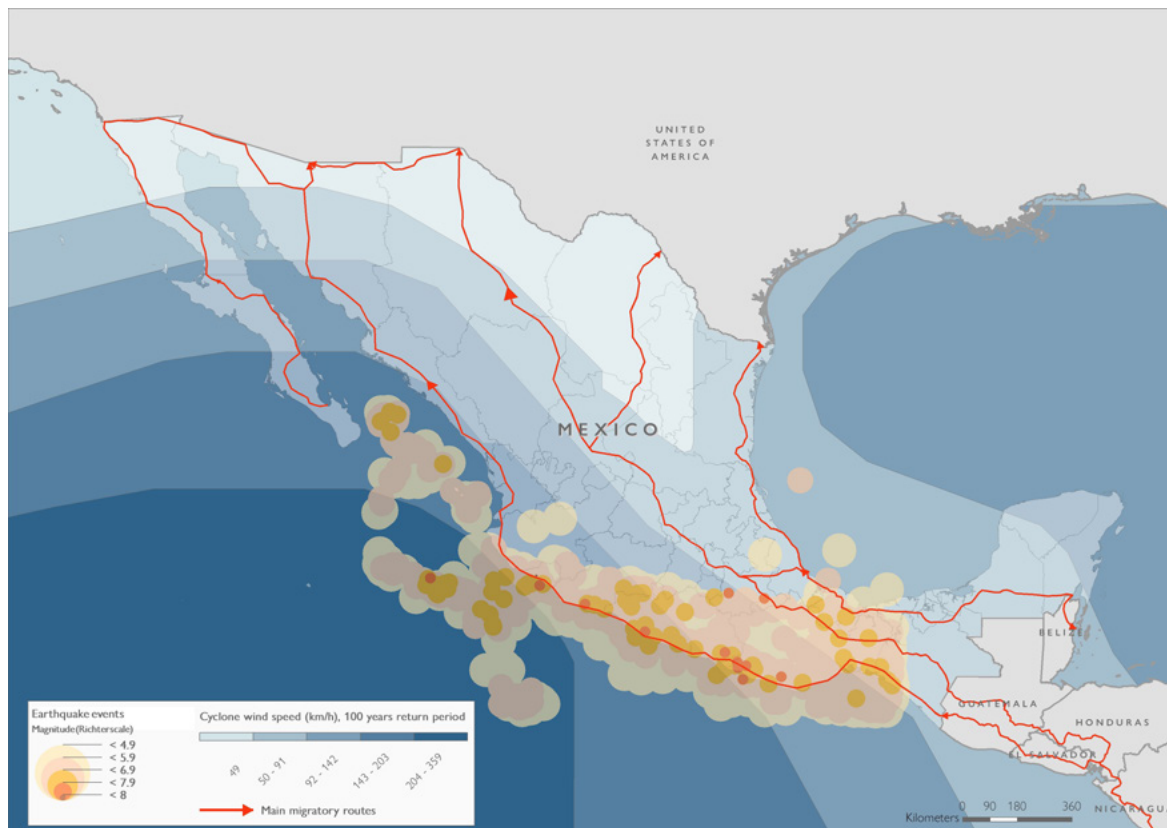
	Место по ИЧР, 2018	Подверженность стихийным бедствиям, 2018	Подверженность антропогенным бедствиям, 2018	Подверженность антропогенным бедствиям, 2018	Класс риска, 2018	Число международных мигрантов, 2019
Среднее человеческое развитие	Южная Африка	113	4,7	5,3	Средний	4 224 256
	Египет	115	5,5	7,0	Средний	504 053
	Индонезия	116	7,8	6,2	Средний	353 135
	Таджикистан	127	6,0	5,0	Средний	274 071
	Индия	130	7,6	6,4	Высокий	5 154 737
	Бангладеш	136	8,2	6,6	Высокий	2 185 613
	Конго	137	3,2	4,3	Высокий	402 142
	Кения	142	4,9	6,5	Высокий	1 044 854
	Непал	149	5,6	4,8	Высокий	490 802
	Пакистан	150	7,2	8,0	Высокий	3 257 978
Низкое человеческое развитие	Сирийская Арабская Республика	155	5,3	10,0	Очень высокий	867 848
	Нигерия	157	2,6	10,0	Очень высокий	1 256 408
	Судан	167	4,1	9,0	Очень высокий	1 223 092
	Кот-д'Ивуар	170	2,6	6,4	Высокий	2 549 141
	Эфиопия	173	3,8	9,0	Очень высокий	1 253 083

	Место по ИЧР, 2018	Подверженность стихийным бедствиям, 2018	Подверженность антропогенным бедствиям, 2018	Подверженность антропогенным бедствиям, 2018	Класс риска, 2018	Число международных мигрантов, 2019
Низкое человеческое развитие	Демократическая Республика Конго	176	3,3	9,0	Очень высокий	963 833
	Йемен	178	2,9	10,0	Очень высокий	385 628
	Мали	182	3,1	8,0	Высокий	468 230
	Чад	186	3,4	7,0	Очень высокий	512 230
	Южный Судан	187	3,3	10,0	Очень высокий	865 552
	Высокое число означает:	Низкое человеческое развитие	Высокую подверженность стихийным бедствиям	Высокую подверженность антропогенным бедствиям	Высокие уровни риска	Большое количество постоянно проживающих мигрантов
	Низкое число означает:	Очень высокое человеческое развитие	Низкую подверженность стихийным бедствиям	Низкую подверженность антропогенным бедствиям	Низкие уровни риска	Малое количество постоянно проживающих мигрантов

Источники: ПРООН, 2018; ДЭСВ ООН, 2019; IASC, 2018.

Примечание: В таблице приведен неполный список стран, включенных как в Индекс человеческого развития (ИЧР), так и в Индекс риска ИНФОРМ. Показатели «подверженности опасностям» ИНФОРМ по шкале от 0 до 10 показывают вероятность того, что данная страна пострадает либо от стихийного бедствия (например, землетрясения, наводнения, цунами, циклона или засухи), либо от антропогенного бедствия (такого как конфликт или насилие). Классификация рисков основана на учете подверженности опасностям и уязвимости каждой страны (обслуженной такими факторами как неравенство, зависимость от помощи и состав населения страны) и ее возможностей (в частности, обусловленных уровнями регулирования, качеством местной инфраструктуры и доступом к здравоохранению). Для присвоения каждой стране индекса риска (от 0 до 10) определены следующие пороги отнесения к классу риска: 0-1,9 = очень низкий; 2,0-3,4 = низкий; 3,5-4,9 = средний; 5,0-6,4 = высокий; 6,5-10 = очень высокий.

Диаграмма 1. Маршруты мигрантов в Мексике, риск циклонов и прежние землетрясения

Данная карта приводится исключительно в целях иллюстрации. Показанные границы и названия и обозначения, употребляемые на этой карте, не означают официального одобрения или признания со стороны Международной организации по миграции.

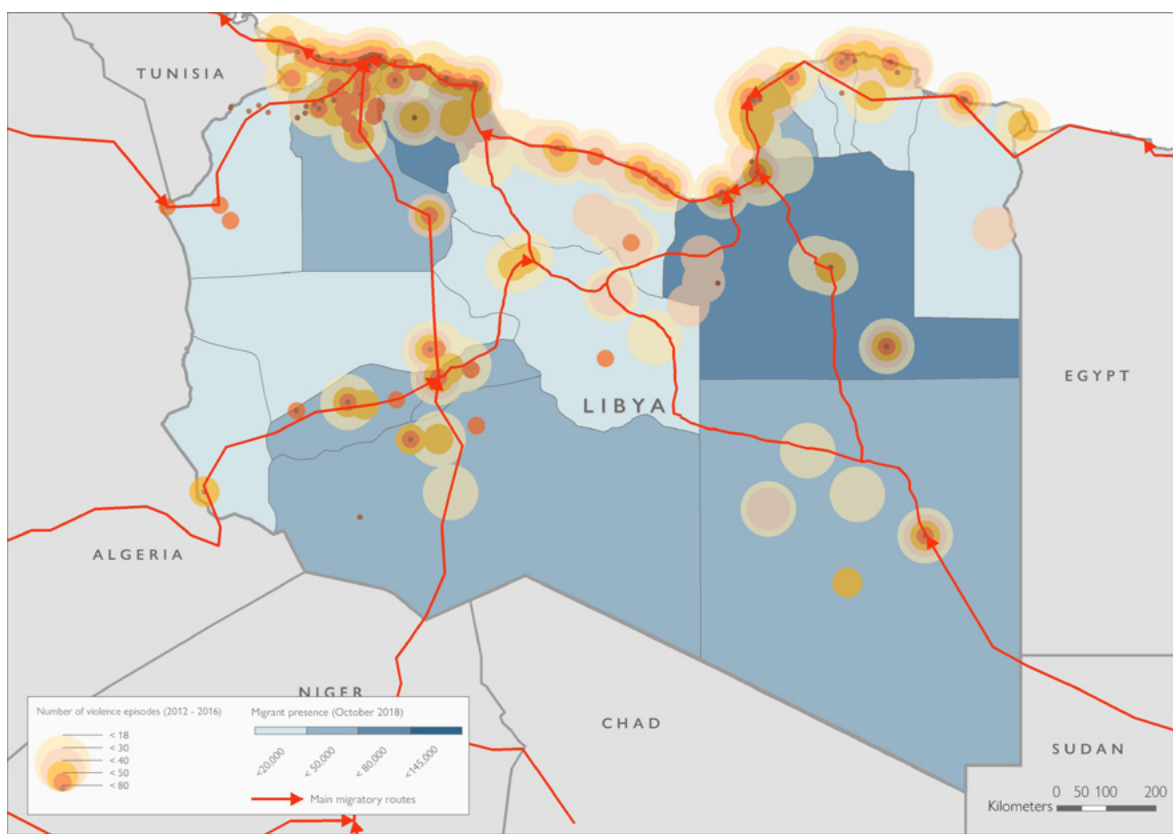
Источники: MOM, 2018; USGS, 2019; и УСРБ ООН, 2019.

На диаграммах 1 и 2 представлены примеры того, как информация об основных опасностях может накладываться на данные, касающиеся континентов и потоков мигрантов, соответственно, в Мексике и Ливии. Картирование такого рода позволяет выявлять зоны повышенного риска внутри стран, которые характеризуются также значительным присутствием мигрантов (включая транзитных мигрантов). Поскольку присутствие мигрантов не всегда регистрируется в переписях и демографической статистике своевременно и в полном объеме, дезагрегированные данные о миграции местного уровня, где они существуют, могут интегрироваться в оценки для получения более точной картины подверженности опасностям и риска.

Эффективное антикризисное управление должно строиться на точной информации местного уровня. Дезагрегированные данные о миграции и риске на субнациональном уровне имеют важное значение для информационного обеспечения управления в чрезвычайных ситуациях таким образом, чтобы лучше охватывать мигрантов. Упор на более локальный административный уровень (например, в пределах района или муниципалитета) может помочь повысить эффективность мер антикризисного управления.

Такой уровень корреляции и анализа данных позволяет соответствующим учреждениям: а) адаптировать предупреждение и экстренные сообщения к специфическим и соответствующим потребностям групп населения из числа мигрантов; б) накапливать или доставлять продовольственные и непродовольственные предметы снабжения, которые могут иметь существенное значение для конкретных групп мигрантов; и с) развертывать многоязычный или компетентный в культурных аспектах персонал в кризисных районах с высоким уровнем присутствия мигрантов. Получая информацию на основе конкретных и локализованных данных, можно применять меры реагирования, эффективно учитывающие специфические потребности подвергающихся риску и затрагиваемых общин мигрантов.

Диаграмма 2. Присутствие мигрантов и пути их транзита через Ливию, а также места и уровни применения насилия

Данная карта приводится исключительно в целях иллюстрации. Показанные границы и названия и обозначения, употребляемые на этой карте, не означают официального одобрения или признания со стороны Международной организации по миграции.

Источники: MOM, 2019 и ACLED, 2019.

Вместе с тем существуют проблемы в сборе достоверных, надежных и сопоставимых данных⁴⁷, и официальная миграционная статистика, скорее всего, дает консервативные оценки, которые не в полной мере отражают масштабы передвижений. Иностранное посольства, представительства и консульства редко обладают исчерпывающей информацией о своих гражданах за рубежом. Данные об утрате активов, средств к существованию и других материальных и возможных потерях, понесенных в результате кризисов, часто не классифицируются и не дезагрегируются. Это затрудняет или делает невозможным количественную оценку а) реальных потерь, понесенных мигрантами, б) их уязвимости в сравнении с другими затрагиваемыми группами и с) любых специфических потерь, уникальных для мигрантов.

Сбор данных с помощью ключевых респондентов

Обследование, проводимое путем опроса основных общинных респондентов, является эффективным способом сбора информации о численности, демографических и социально-экономических профилях и характеристиках мигрантов в том или ином районе. Оно помогает избежать проблем и чувствительных моментов, связанных со сбором индивидуальных данных, и позволяет охватывать такие особенно труднодоступные группы, как транзитные или нелегальные мигранты. Сети ключевых респондентов предоставляют данные для проводимых МОМ оценок присутствия и передвижений мигрантов в Ливии и беженцев в Кокс-Базаре (Бангладеш), которые затем используются в качестве информационной основы для гуманитарных операций, планирования обеспечения готовности и городского развития. Аналогичным образом, городские власти Бергена (Норвегия) собирают информацию о своих кварталах и проживающем в них населении с помощью сети подготовленных «уличных координаторов» и используют ее для предоставления общественных услуг на местном уровне более инклюзивным образом^а.

а Индекс отслеживания перемещений, имеется по адресу www.globaldtm.info/; МИСИК, 2017.

В отсутствие всеобъемлющих и обновленных рядов данных важно использовать разнообразные источники информации и механизмы сбора данных. Академические учреждения, международные организации, гражданское общество и субъекты частного сектора зачастую предоставляют самые подробные и полезные автономные наборы данных, но, взятые вместе, они все еще могут быть неоднородными или бессвязными. Могут требоваться значительные ресурсы для систематического сбора, обновления и безопасного хранения соответствующих, надлежащих и своевременных данных.

Следует также отметить, что данные о потерях не всегда охватывают долгосрочные последствия для благополучия, особенно в связи с менее эффективным и более медленным возвращением к нормальной жизни, что может быть особенно актуально для мигрантов, которые часто исключаются из бенефициаров долгосрочной финансовой, жилищной и материальной помощи после кризисов. Кроме того, всякий раз, когда мигранты затрагиваются кризисом, оценки потерь должны также учитывать воздействия, испытанные в отдаленных местах. Воздействия, которые испытывают мигранты, могут ощущаться: а) их семьями и общинами в странах происхождения в форме психологических последствий, прекращения денежных

47 Global Migration Group, 2017.

переводов и неспособности погасить долги; и b) людьми в местах возвращения или передвижения мигрантов в результате кризиса в форме усиления нагрузки на рынки труда и доступность услуг, земли и жилья⁴⁸.

Информация о владении мигрантами языками, предпочтительных каналах коммуникации, культурных особенностях, имеющих отношение к предоставлению услуг в рамках чрезвычайной помощи, уровнях доверия к спасателям и существующих потенциалах на уровне общин позволяла бы обеспечивать более эффективное и инклюзивное планирование и реагирование. В настоящее время ограниченная степень владения данными такого рода и информационной поддержки антикризисного управления является одним из элементов, усугубляющих уязвимость мигрантов в период кризиса.

Инновационное реагирование и предстоящая работа

Одним из ключевых компонентов инноваций является изыскание способов, позволяющих людям работать вместе. Инновации могут приводить к партнерским отношениям в области поддержки осуществления руководящих положений и принципов, изложенных в международных рамках защиты и факультативных соглашениях. Изданное Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) *Руководство Осло 2018 года: рекомендации по сбору, регистрации и использованию данных по инновациям*⁴⁹ обеспечивает рамки для определения диапазона инноваций, которые могут быть адаптированы для поддержки мигрантов в условиях кризиса (таблица 2).

Таблица 2. Рекомендации ОЭСР по инновациям, адаптированным к реагированию в отношении мигрантов, оказавшихся в условиях кризиса

Продукт	<p>Инновации продуктов расширяют категорию продуктов и услуг для мигрантов, оказавшихся в условиях кризиса, и доступ к ним, включая продукты, которые могут улучшить доступ к информации и сетям поддержки.</p> <p><i>Примеры:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Разработка новых или улучшение доступности существующих инструментов, которые поддерживают процесс принятия мигрантами решений в кризисных ситуациях. Это может включать модули идентификации абонента (СИМ-карты) или виртуальные системы доставки информации (такие как приложения или краудсорсинговые платформы и платформы перевода) или создание групп поддержки мигрантов.
----------------	--

48 Pailey et al., 2016.

49 ОЭСР и Eurostat, 2018.

Процесс	<p>Инновации процессов необходимы для обеспечения доступа мигрантов к двусторонним каналам связи, в частности групп мигрантов, которые больше других изолированы от основных услуг и видов поддержки, таких как нелегальные мигранты или домашние работники.</p> <p><i>Примеры:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Разработка новых источников финансирования, которые могут поддерживать отдельных людей, домохозяйства и общины. • Охват мигрантов мероприятиями по обеспечению готовности к кризису, чрезвычайному реагированию и мониторингу. • Обеспечение гибкости иммиграционной и визовой политики в чрезвычайных ситуациях.
Организация	<p>Организационные инновации включают способы развития организации путем изменения ее полномочий, задач и методов.</p> <p><i>Примеры:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Создание новых оперативных рамок, таких как Концепция функционирования MOM в условиях миграционного кризиса и Механизм финансирования чрезвычайных мер в сфере миграции MOM. • Расширение вовлечения нетрадиционных субъектов (таких как частные субъекты и компании, диаспоры, студенческие сети, профсоюзы и религиозные организации) и координация деятельности с ними.
Охват и заметность	<p>Инновации в области охвата предполагают способы расширения возможностей мигрантов и принимающих общин в поиске решений, направленных на более полную интеграцию и защиту.</p> <p><i>Примеры:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Информационно-пропагандистские кампании за интеграцию мигрантов и против ксенофобии, включая, например, конкурсы сочинений и их распространение на общественных платформах. • Кампании в конкретных контекстах (например, кампания MOM в связи со внутренним перемещением «Осведомленность о Рамадане»). • Оригинальные и новаторские методы использования средств массовой информации и других платформ для доведения информации до мигрантов и получения ее от них.

В этом разделе рассматриваются инновационные меры реагирования, которые направлены на более полное подключение мигрантов к источникам информации, услугам и социальным сетям, поскольку, как было показано, это обеспечивает лучшие результаты и можно осуществить без обращения за государственной поддержкой или использования сложных систем финансовой помощи. В основе совершенствования коммуникации и мобилизации лежат два мероприятия: а) улучшение знаний и данных о мигрантах, живущих в условиях кризиса, и б) использование технологий в ходе реагирования на кризис.

Для обеспечения эффективного анализа долгосрочного воздействия политики и практик, направленных на удовлетворение потребностей мигрантов в условиях кризиса, необходимо установление стандартов регулярных данных в сочетании с расширением сбора данных. Требуется информация о числе мигрантов, присутствующих в конкретном районе - особенно на субнациональном уровне, - с тем чтобы повысить

готовность и укрепить реагирование. Необходимо также более тщательный анализ воздействий кризисов на общины мигрантов. Хотя в отношении этих воздействий существуют несколько докладов⁵⁰, они, скорее, остаются исключением, чем правилом, и относятся к примерам передовой практики, которую следует воспроизводить в более широком масштабе. Например, в северо-восточной части Нигерии вопросы, касающиеся языковых и коммуникационных потребностей, были включены в обследования МОМ по Матрице отслеживания перемещений в качестве одного из способов восполнения существующего пробела в информации о том, на каких языках говорят и какие понимают лица, перемещенные в результате конфликта⁵¹.

Технологии могут помогать мигрантам, затронутым кризисами. В 2018 году на Всемирном саммите «Текфьюджиз» в Париже были представлены 25 стартапов из разных частей мира, которые представляли собой инициативы по созданию социальных предприятий для удовлетворения потребностей мигрантов. Использование этих технологий должно стать одним из основных направлений глобальной, региональной, национальной и местной политики и практики реагирования на кризисы при уделении внимания программам повышения осведомленности, культурно приемлемым тренингам и рабочим совещаниям, направленным на обеспечение внедрения этих технологий. Укрепление доверия на этапе обеспечения готовности в рамках общинных мероприятий может создавать для мигрантов стимул использовать знакомые им технологии во время чрезвычайных ситуаций⁵².

Инновационные инициативы, которые могут широкомасштабно применяться для оказания помощи мигрантам в условиях кризиса и устранения существующих ограничений, включают следующее, но не ограничиваются этим.

Услуги в области перевода и цифровой информации. «Переводчики без границ» разработали приложения для свободно загружаемых многоязычных глоссариев, доступных в онлайн-овом и офлайн-овом режимах, и работали с «Рефьюкомм» для тестирования распространения информации о юридических процедурах и процедурах получения убежища на родных языках мигрантов, недавно прибывших в Грецию, с помощью микрокарт памяти⁵³. Другие приложения, такие как «МигАпп» МОМ, помогают мигрантам принимать осознанные решения на протяжении всего процесса своей миграции (например, с помощью информации о требованиях в отношении состояния здоровья и проездных документов, процедурах подачи заявлений на получение визы и о денежных переводах), а также обеспечивают для мигрантов платформу для обмена опытом⁵⁴. Доступный цифровой перевод и информационные инициативы могут восполнить пробел в информации, с которым сталкиваются мигранты из-за языковых барьеров и отсутствия адаптированных средств коммуникации.

Расширение доступных средств коммуникации. Одной из моделей обеспечения доступа мигрантов к вариантам коммуникации является шри-ланкийская схема СИМ-карт для работников, выезжающих за рубеж. Еще один пример - наличие горячих линий в странах назначения, предназначенных для получения и передачи информации, которая может помочь мигрантам. В 2011 году Сендайская ассоциация международных отношений создала одну такую многоязычную информационную горячую линию⁵⁵.

50 См., например, литературу, в которой рассматриваются неудовлетворенные потребности общин иммигрантов в агломерации Нью-Йорка после урагана «Сэнди» (Make the Road New York, 2012; New York Women's Foundation, 2015).

51 Translators Without Borders, 2017b.

52 Ogie et al., 2018.

53 Translators Without Borders, 2017a.

54 МОМ, n.d.

55 УСРБ ООН, 2015.

Краудсорсинговые платформы по борьбе с дискриминацией в отношении мигрантов. Африканский центр проблем миграции и общества при Университете Витса в Йоханнесбурге и технологический веб-сайт iAfrica создали краудсорсинговую платформу под названием «Ксеноуотч» для мониторинга усилий по борьбе с насилием в отношении мигрантов. Люди могут с помощью СМС или электронной почты в онлайн-режиме сообщать на платформу «Ксеноуотч» о ксенофобских угрозах или актах насилия. Эти сообщения проверяются, анонимизируются и документируются на карте с использованием платформы «Ушахиди» и препровождаются полиции и УВКБ ООН. Инициативы краудсорсинговых платформ представляют собой ресурс организаций, позволяющий в режиме реального времени пропагандировать и отстаивать права, безопасность, интеграцию мигрантов и их вовлеченность в жизнь общины⁵⁶.

Планы на будущее и выводы для политики

В кризисных ситуациях мигранты могут сталкиваться с особыми проблемами в доступе к документам, информации, ресурсам и помощи, а также могут испытывать дополнительную нестабильность и подвергаться дискриминации⁵⁷. Меры реагирования не предусматривают систематического учета проблем этого порядка до и во время кризисов, и для поддержки эффективного планирования и обеспечения готовности необходимы дополнительная информация и данные на местных уровнях. Однако без финансирования, политической воли и участия мигрантов одной лишь информации недостаточно для поддержки обеспечения готовности. В большинстве рассмотренных примеров сотрудничество возникало спонтанно или в результате решений вышестоящих инстанций в правительствах или международных организациях. Роль и привлечение низовых организаций, работодателей, технологических партнеров и диаспоры в чрезвычайных ситуациях и посткризисном восстановлении заслуживают большего внимания, чем то, которым они пользовались до настоящего времени. На уровне регулирования реализация Инициативы МИСИК может обеспечивать информационную поддержку для осуществления Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции и дополнять это осуществление⁵⁸. Применение правозащитных рамок, таких как Принципы защиты прав человека мигрантов, находящихся в уязвимом положении, и практические руководящие указания в отношении такой защиты Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (УВКПЧ)⁵⁹, может подкреплять инициативы и облегчать обсуждения между государством и негосударственными субъектами.

Наш анализ, содержащийся в данной главе, позволяет сделать ряд выводов для будущей политики и практики в этой области. Они дополняют 15 руководящих положений Инициативы МИСИК, подчеркивая, что:

- до, во время и после кризисов необходимы более полная готовность и более активные посткризисные действия. Большинство широкомасштабных мероприятий по оказанию помощи мигрантам в условиях кризиса осуществлялись незапланированно. Вместо этого требуются более систематические усилия по укреплению и развитию потенциала участников ликвидации чрезвычайной ситуации, иностранных посольств, консульств и представительств, а также местных учреждений и самих мигрантов. Вовлечение

56 Alfred, 2016.

57 Hendow et al., 2018; МИСИК, 2015.

58 ICMPD, 2017.

59 OHCHR, 2018.

нетрадиционных заинтересованных сторон и мигрантов в механизмы реагирования и координации является ключом к повышению гибкости и эффективности финансирования и реагирования.

- Необходимо диверсифицировать и укрепить схемы финансирования для поддержки более полной готовности и координации. Гибкое и разнообразное финансирование может обеспечить новые возможности для систем поддержки, которые могут охватывать мигрантов на недискриминационной основе. Это включает изучение возможностей налаживания связей с частным сектором и сетями диаспоры, взаимодействие с донорами и их информирование, а также расширение масштабов инициатив по гибкому донорскому и государственному финансированию чрезвычайных фондов для реагирования на кризисы.
- После кризиса могут проводиться более подробные обсуждения предпринятых действий с изучением возможностей принятия других мер, кроме возвращения, включая местную интеграцию и переселение. Возвращение не является единственным решением и не обязательно должно быть предпочтительным вариантом с учетом того, что после возвращения часто отсутствует поддержка. Там, где осуществляется возвращение мигрантов, важно прилагать долгосрочные усилия по оценке реинтеграции и мониторингу результатов мер защиты в целях обеспечения того, чтобы мигранты при возвращении не несли еще больший ущерб и не оказывались снова в кризисных ситуациях.
- Устранение пробелов и нехватки данных позволит обеспечить более эффективную координацию, готовность, коммуникацию и предоставление помощи. Даже при наличии разрозненных фактических сведений пробелы в более крупных массивах данных препятствуют эффективным скоординированным мерам реагирования, совместно принимаемым либо правительствами стран происхождения и назначения, либо другими заинтересованными сторонами. Отсутствие данных об оценке воздействия снижает способность определения в полной мере того, что делает реагирование эффективным, тогда как отсутствие дезагрегированных данных местного уровня не позволяет понять, какие потери понесли мигранты. Расширение транснационального обучения может привести к широкомасштабному внедрению успешных практик.
- Разработка «дорожной карты» для применения инноваций в отношении мигрантов, оказавшихся в кризисных ситуациях, с учетом вышеприведенных рекомендаций может способствовать выработке конкретных мер реагирования, укреплению процессов, организационной эффективности и более инклюзивному охвату с учетом как уязвимости, так и потенциала мигрантов.
- Последний и основополагающий вывод состоит в том, что правозащитные соображения и гуманитарный императив защиты жизни должны служить основой для разработки механизмов обеспечения готовности к чрезвычайным ситуациям, а также оперативных протоколов и практических действий во время бедствий. Поддержка гуманитарных и правозащитных мер реагирования требует сотрудничества между государственными и негосударственными субъектами, которые могут иметь разные приоритеты и повестки дня. Важно обеспечивать, чтобы реагирование в кризисных ситуациях основывалось прежде всего на правах человека, а не на политических соображениях или популистской целесообразности. Для соблюдения международных обязательств в области прав человека чрезвычайно важно, чтобы права человека всех мигрантов, независимо от их статуса, уважались на равной основе с соблюдением прав граждан⁶⁰. Известно, что большая гибкость визовой политики и

60 Ibid.

снятие административных и введенных для обеспечения безопасности ограничений способствуют улучшению защиты мигрантов и повышению устойчивости общин. Это должно признаваться в качестве исключительных мер, необходимых в период кризиса. Для обеспечения нормативной гибкости, позволяющей мигрантам делать выбор из большего диапазона вариантов и принимать осознанные решения, необходимо способствовать координации, переговорам и дипломатическим обменам с соответствующими странами, затронутыми кризисом.

КЭТЛИН НЬЮЛЕНД
МАРИ МАКОЛИФФ
СЕЛИН БОЛОЗ

11 ПОСЛЕДНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ МИГРАЦИИ: ОБНОВЛЕНИЕ К ДОКЛАДУ О МИГРАЦИИ В МИРЕ 2018 ГОДА¹

Введение

Международные миграция и перемещение по самой своей природе являются транснациональными явлениями, затрагивающими государства происхождения и назначения, а также государства, через территорию которых могут путешествовать мигранты (часто называемые «транзитными» государствами) или в которых их принимают после перемещения через национальные границы. И все же, как это ни парадоксально, исторически регулирование миграции оставалась главным образом в ведении отдельных государств, а их политика и предписания в области миграции обычно разрабатывались на национальном уровне^{2,3}. В большинстве случаев управление процессами миграции тесно ассоциируется с государственным суверенитетом. Государства сохраняют за собой право принятия решений о въезде и пребывании неграждан, поскольку миграция непосредственно затрагивает некоторые из определяющих элементов государства⁴. Для регулирования миграции характерно заключение двусторонних и многосторонних договоренностей, и существуют несколько глобальных соглашений в виде международных договоров, в которых государства пришли к согласию о применении прав человека и связанных с ними обязанностей государств в конкретных областях. Двумя такими важными примерами являются Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года и Конвенция о статусе беженцев (Конвенция о беженцах) 1951 года - в значительной мере по причине их широкой ратификации. Другие конвенции по миграции не были столь же широко приняты, такие как Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, среди государств-участников которой все еще нет традиционных стран назначения. Помимо этого, в течение нескольких десятилетий были реализованы многочисленные многосторонние и глобальные инициативы, диалоги и процессы по вопросам миграции (см. сводную таблицу в добавлении А). Еще одной вехой в этой связи стал Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (Глобальный договор о миграции), который представляет собой первую согласованную путем международных переговоров констатацию целей регулирования миграции, обеспечивающего баланс между правами мигрантов и принципом суверенитета государств над их территорией. Хотя он и не имеет обязательной юридической силы, Глобальный договор о миграции был принят консенсусом в декабре 2018 года на конференции Организации Объединенных Наций, в работе которой участвовали более 150 государств-членов Организации Объединенных Наций, а позднее в том

1 Кэтлин Ньюленд, старший научный сотрудник и сооснователь Института миграционной политики; Мари Маколифф, Руководитель Отдела исследований по вопросам политики в области миграции МОМ, и Селин Боллоз, старший научный сотрудник Отдела исследований по вопросам политики в области миграции МОМ.

2 В некоторых политических системах, таких как федерации, также присутствуют аспекты миграции, особенно связанные с интеграцией, которые регулируются на субнациональном уровне (например, на региональном уровне, как это происходит в Австралии, Канаде, Соединенных Штатах и Швейцарии). Все чаще определённые аспекты международной миграции регулируются также на уровне городов (см., например, Duncan и Popp, 2017; и the *World Migration Report 2015 on migrants and cities*).

3 McAuliffe и Goossens, 2018.

4 Например, постоянное население и определенная территория, как указывается в статье 1 Монтевидейской конвенции о правах и обязанностях государств 1933 года.

же месяце - на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций (ГА ООН) путем голосования государств-членов 152 голосами против 5 (при 12 воздержавшихся).

В отсутствие согласованного международного режима в области миграции неожиданные крупномасштабные и важные миграционные события, а также геополитические «тектонические сдвиги»⁵ могут оказать драматическое воздействие на глобальное регулирование миграции, выполняя роль «призывов к действию» в международном сообществе. Такие события привели также к энергичному восполнению некоторых пробелов, существующих во фрагментированной глобальной системе регулирования миграции, и к осознанию необходимости более активных действий по разработке гораздо более согласованного международного подхода к миграции в целях улучшения положения государств, обществ и мигрантов. Например, в 2015 и 2016 годах массовое перемещение более одного миллиона человек в Европу и внутри нее (включая сирийских и других беженцев) послужило стимулом для разработки Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах (Нью-Йоркская декларация), принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в сентябре 2016 года⁶. Составление Нью-Йоркской декларации знаменовало собой важный момент в истории глобального регулирования миграции. Все 193 государства-члена Организации Объединенных Наций единодушно подтвердили свою поддержку защиты прав мигрантов и беженцев и выразили приверженность процессу межправительственных переговоров для достижения согласия в отношении Глобального договора о миграции⁷, а также в отношении Глобального договора о беженцах⁸. Важно отметить, что оба договора опираются на многолетние структурированные диалоги, инициативы и сотрудничество между государствами на региональном и международном уровне.

Доклад о миграции в мире 2018 года включал главу о глобальном управлении миграцией, в которой были изложены предпосылки и контекст для принятия Нью-Йоркской декларации. Это была первая глава в части II о сложных и вновь возникающих проблемах миграции, цель которой состояла в критическом обзоре существующей архитектуры глобального регулирования и последних изменений⁹. Ключевые элементы этой главы охватывали:

- рассмотрение концепции «регулирования»;
- выгоды и препятствия для глобального регулирования миграции;
- нормы и институты;
- усилия по совершенствованию глобального регулирования (в 2001-2016 годах).

Кроме того, глава 5 *Доклада о миграции в мире 2018 года* заложила основу для остальных глав части II доклада 2018 года, представив контекст для регулирования на глобальном уровне, отчасти путем выделения основных тематических областей в миграции, которые стали предметом международного сотрудничества в последнее время. Мы предлагаем читателям, интересующимся фундаментальными аспектами и современными достижениями в глобальном регулировании миграции, ознакомиться с этой главой в *Докладе о миграции в мире 2018 года*.

За два года, прошедшие после публикации *Доклада о миграции в мире 2018 года*, в сфере глобального регулирования миграции произошло столь много изменений, что редакторы сочли важным представить читателям обновление по этой теме в *Докладе о миграции в мире 2020 года*. Эта глава содержит

5 Под «тектоническими сдвигами» авторы подразумевают крупномасштабный транснациональный конфликт или такие глубоко драматические события, как нападение на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 года.

6 ГА ООН, 2016.

7 ГА ООН, 2018a.

8 ГА ООН, 2018b.

9 Martin и Weerasinghe, 2017.

описательный анализ, охватывающий конкретный период времени¹⁰, тогда как внедрение и эволюция системы будут, безусловно, продолжаться и в будущем. В следующем разделе, принимающем эстафету изложения событий в Докладе о миграции в мире 2018 года, освещаются разработка и принятие двух глобальных договоров. В третьем разделе предлагается краткий анализ комплементарности, согласованности и нестыковок между двумя глобальными договорами. Четвертый раздел содержит набросок оценки того, как глобальные договоры влияют на архитектуру глобального регулирования миграции. Затем в заключительном разделе эти выводы проецируются в будущее путем описания последствий последних изменений, а также проблем в осуществлении глобальных договоров. В основу главы положена информация из сферы политики, комментарии академических кругов и отдельных мнений. К моменту составления главы было опубликовано очень мало новых академических исследований о принятии и осуществлении обоих глобальных договоров, что объясняется сроками подготовки академических рецензируемых публикаций (см. главу 4 настоящего доклада). Мы ожидаем увеличения количества новых академических публикаций об этих договорах с последнего квартала 2019 года.

Разработка и принятие глобальных договоров

Оба глобальных договора возникли на почве всепроникающего ощущения кризиса, когда мир столкнулся с широкомасштабными перемещениями людей в нескольких местах в разных частях мира. Эти события - наиболее впечатляющие в Средиземном море, однако не менее важные в Аденском заливе/Красном море и Бенгальском заливе - привели к разработке Нью-Йоркской декларации. Средиземноморский кризис отличался не только участием огромного количества людей, но и своей резонансностью, поскольку он разварачивался в поле зрения крупных западных новостных агентств. Эти перемещения сделали очевидным для правительств зажиточных европейских государств (являвшихся предполагаемыми пунктами назначения мигрантов) тот факт, что даже эти государства со всеми их правовыми и финансовыми ресурсами не способны справиться с потоками такого масштаба без сотрудничества между собой и со странами происхождения и транзита¹¹.

На саммите Организации Объединенных Наций по проблемам беженцев и мигрантов, созванном в сентябре 2016 года в разгар кризиса, была подготовлена декларация о приверженности государств решению этих проблем, самыми важными элементами которой были обязательства по проведению переговоров в отношении двух глобальных договоров. Первоначальная концепция предусматривала создание единого договора, охватывающего как беженцев, так и мигрантов. Однако реализации этого плана помешали несколько препятствий, включая опасения того, что, с одной стороны, такой двухцелевой договор ослабит защиту, на которую беженцы имеют право согласно Конвенции о беженцах, а с другой - что уравнивание беженцев и мигрантов повлечет за собой более ответственные обязательства государств перед мигрантами, чем они хотели бы принять на себя. Большинство стран назначения были бы в целом довольны наличием одного глобального договора, который касался бы только беженцев, но другие государства, и особенно страны глобального Юга, настаивали также на принятии глобального договора о миграции. Предусматривалось, что оба договора не будут иметь обязательной юридической силы, в отличие от международных договоров, обязывающих все государства-участники осуществлять их положения¹².

10 В этой главе упомянуты сведения и события, имевшиеся до конца июня 2019 года.

11 См., например, Европейским союзом, 2015.

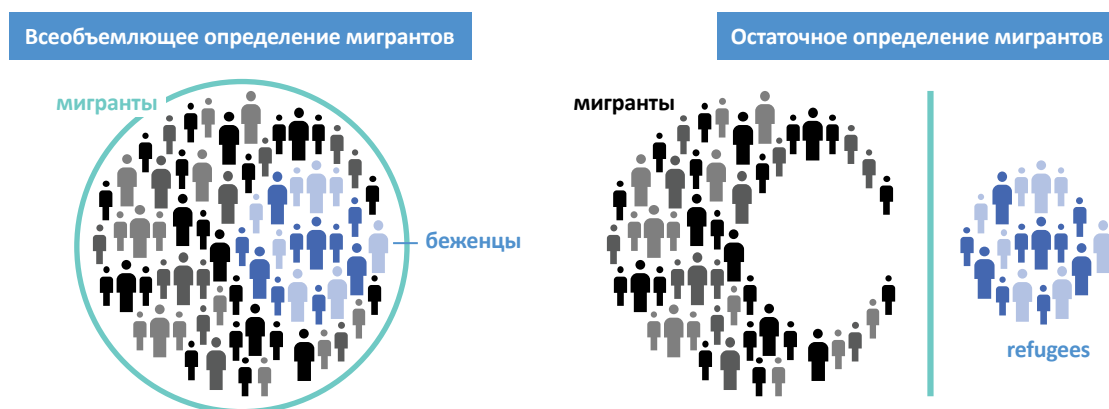
12 Возникает вопрос о том, можно ли толковать Глобальный договор о миграции в качестве «мягкого права» (Chetail, 2019; Allinson et al., 2019).

Кроме того, во время разработки обоих договоров важное место отводилось концептуальным дискуссиям и прениям о разных определениях фигурирующих в Нью-Йоркской декларации терминов «беженцы» и «мигранты»¹³. Хотя в Нью-Йоркской декларации отмечалось, что «беженцы и мигранты обладают теми же универсальными правами человека и основными свободами»¹⁴, между этими двумя категориями было проведено различие, кратко сформулированное в Глобальном договоре о миграции следующим образом:

Мигранты и беженцы - это отдельные группы, в отношении которых применяются разные нормативно-правовые документы. Только беженцы имеют право на конкретную международную защиту, определенную нормами международного беженского права¹⁵.

В итоге из прочтения обоих договоров вытекает остаточное понимание термина «мигранты» как людей, которые проживают за пределами стран своего происхождения, не являясь беженцами (диаграмма 1): «разнообразная остаточная категория людей, которых объединяет то, что они не являются беженцами»¹⁶. В отличие от этого Отдел народонаселения Организации Объединенных Наций использует всеобъемлющее определение, согласно которому любое лица, проживающее за пределами страны своего происхождения, является мигрантом¹⁷.

Диаграмма 1. Что означает термин «мигрант»?

Источник: Carling, 2017 (адаптировано).

Процессы разработки обоих договоров значительно различались. Проект Глобального договора о беженцах был подготовлен Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН) в преддверии саммита Организации Объединенных Наций по проблемам беженцев и мигрантов в сентябре 2016 года и во время опытного внедрения УВКБ Комплекса мер в отношении беженцев (КМОБ)¹⁸. УВКБ организовало серию тематических дискуссий с государствами и другими заинтересованными сторонами, а затем приступило к консультациям с государствами (см. диаграмму 2). В ходе этого процесса оно получило от государств-членов Организации Объединенных

13 См., например, Klein Solomon и Sheldon, 2018.

14 ГА ООН, 2016, пункт 6.

15 ГА ООН, 2018а, пункт 4.

16 Carling, 2017.

17 ДЭСВ ООН, 1998.

18 В отношении разработки Нью-Йоркской декларации и КМОБ см. Ferris, 2016.

Наций и других заинтересованных сторон в общей сложности свыше 500 письменных материалов¹⁹. Затем УВКБ подготовило окончательный проект, который был принят на семьдесят третьей сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций в декабре 2018 года после голосования в Третьем комитете со следующими результатами: 176 голосов за и 1 голос против (Соединенные Штаты Америки) при 3 воздержавшихся^{20,21}.

Диаграмма 2. Краткая хронология процессов договоров и Сети Организации Объединенных Наций

Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций, сентябрь 2016 года		
<ul style="list-style-type: none"> - Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах - MOM становится смежной организацией Организации Объединенных Наций 		
Глобальный договор о беженцах	Глобальный договор о миграции	Сеть Организации Объединенных Наций по вопросам миграции
Янв. 2017 г. - тематические дек. 2017 г. консультации	Апрель 2017 г. резолюция Организации Объединенных Наций о формате для процесса Договора	
Июнь 2017 г.: консультации НПО	Апрель 2017 г. - ноя. 2017 г. этап неофициальных консультаций; 6 тематических сессий	
Дек. 2017 г. - итоговые консультации янв. 2018 г.	Дек. 2017 г. - янв. 2018 г. этап критического анализа	Дек. 2017 г. Генеральный секретарь инициирует внутренние консультации в Организации Объединенных Наций
Фев. 2018 г. - официальные июль 2018 г. консультации	Дек. 2017 г. публикация доклада Генерального секретаря «Реализация целей миграции на благо всех»	Май 2018 г. решение Канцелярии Генерального секретаря о предлагаемой модели
	Фев. 2018 г. - июль 2018 г. этап межправительственных переговоров	Июнь 2018 г. заместитель Генерального секретаря информирует государства-члены о Сети Организации Объединенных Наций
		Июль 2018 г. в окончательном тексте Глобального договора о миграции приветствуется решение Генерального секретаря о создании Сети
		Ноя. 2018 г. утверждение круга ведения Сети
		Дек. 2018 г. Генеральный секретарь на международной конференции объявляет о создании Сети
Дек. 2018 г. принятие Генеральной Ассамблеей Глобального договора о беженцах	Дек. 2018 г. Международная конференция по принятию Глобального договора о миграции, а затем одобрение Глобального договора о миграции Генеральной Ассамблеей	Янв. 2018 г. Сеть Организации Объединенных Наций создана в качестве преемницы Глобальной группы по миграции Организации Объединенных Наций
Сент. 2016 г. - дек. 2018 г.: применение КМОБ		Янв. 2019 г. Сеть Организации Объединенных Наций создана в качестве преемницы Глобальной группы по миграции Организации Объединенных Наций

19 См. www.unhcr.org/595259bd4, дата доступа: 1 июня 2019 года.

20 Либерия, Ливия и Эритрея.

21 Türk, 2018.

В отличие от этого процесс Глобального договора о миграции протекал под твердым руководством государств, хотя и при активном участии и поддержке канцелярии Специального представителя Генерального секретаря Организации Объединенных Наций по вопросам международной миграции. Два государства - Мексика и Швейцария - были назначены сокоординаторами процесса и взяли на себя ответственность за подготовку проекта договора. Первая стадия разработки состояла из шести месяцев консультаций на глобальном, региональном и страновом уровнях, после чего был проведен критический анализ.

Сокоординаторы составили первый проект Договора и председательствовали в шести раундах неофициальных консультаций в Организации Объединенных Наций в течение шести месяцев²². Окончательный вариант текста был официально согласован в конце заключительного раунда в июле 2018 года и был принят на специальной конференции в Марокко в декабре 2018 года, пять месяцев спустя после завершения переговоров. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке официально одобрила итоги Межправительственной конференции по принятию Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, при этом результаты голосования в Генеральной Ассамблее были следующими: 152 государства за, 5 против и 12 воздержавшихся. Соединенные Штаты вышли из процесса до начала межправительственных переговоров и на Генеральной Ассамблее голосовали против Договора (вместе с Венгрией, Израилем, Польшей и Чехией). Воздержались такие страны: Австралия, Австрия, Алжир, Болгария, Италия, Латвия, Ливия, Лихтенштейн, Румыния, Сингапур, Чили и Швейцария²³.

Подъем национализма, крайне правых политических партий и рост антимигрантских настроений, особенно в странах назначения, способствовал тому, что несколько стран отозвали свою поддержку Договора, что временами сопровождалось риторикой, основанной на искаженном представлении Договора и его последствий²⁴. Например, Крис Александер, бывший министр иммиграции Канады при консервативном правительстве Харпера, публично осудил комментарии лидера оппозиции Эндрю Шеера, касавшиеся воздействия Договора, заявив следующее: «Заявление Шеера фактически неверно: этот Договор является политической декларацией, а не международным договором, имеющим обязательную юридическую силу; он никак не влияет на наш суверенитет»²⁵.

Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции

Глобальный договор о миграции состоит из четырех основных элементов. Первым элементом являются начальные пункты, в которых излагается предлагаемая в Договоре концепция укрепления сотрудничества между государствами в целях совершенствования регулирования международной миграции²⁶. В них перечисляются принципы, на которых построен Договор, один из которых гласит, что в нем «подтверждается суверенное право государств определять свою национальную миграционную политику и регулировать

22 В отношении определения формата межправительственных переговоров по Глобальному договору о безопасной, упорядоченной и легальной миграции см. ГА ООН, 2017а.

23 Во время голосования в зале не присутствовали ряд стран (Антигуа и Барбуда, Афганистан, Белиз, Бенин, Ботсвана, Бруней-Даруссалам, Вануату, Гвинея, Доминиканская Республика, Кирибати, Корейская Народно-Демократическая Республика, Кыргызстан, Панама, Парагвай, Сан-Томе и Принсипи, Сейшельские Острова, Словакия, Сомали, Тимор-Лешти, Тонга, Тринидад и Тобаго, Туркменистан, Украина и Федеративные Штаты Микронезии).

24 Kaufmann, 2017; Mudde, 2019; Zalan, 2018.

25 Zimonjic, 2018.

26 ГА ООН, 2018а, пункты 1-15.

миграцию в пределах своей юрисдикции в соответствии с нормами международного права»²⁷. В преамбуле к Договору подтверждаются соответствующие документы в области прав человека, другие соглашения и итоги предыдущих совещаний Организации Объединенных Наций по вопросам миграции.

Второй элемент - это изложение сути документа, которая состоит из 23 целей, предполагающих довольно всеобъемлющий подход к международному сотрудничеству в области миграции (см. вставку ниже). Для каждой цели предусмотрены несколько связанных с ней действий, из которых страны будут черпать подходящие действия для реализации своей приверженности заявленной цели. Это является главной особенностью Договора, в котором подтверждается суверенитет государств над своей миграционной политикой²⁸.

23 цели Глобального договора о миграции, достижение которых необходимо для обеспечения безопасной, упорядоченной и легальной миграции

1. Сбор и использование точных и дезагрегированных данных в качестве основы для выработки эмпирически обоснованной политики.
2. Сведение к минимуму неблагоприятного воздействия различных сил и структурных факторов, которые заставляют людей покидать страны своего происхождения.
3. Предоставление точной и своевременной информации на всех этапах миграции.
4. Обеспечение наличия у всех мигрантов законных удостоверений личности и надлежащих документов.
5. Упрощение доступа к каналам легальной миграции и повышение их гибкости.
6. Содействие справедливому и этичному найму работников и обеспечение условий для достойной работы.
7. Изучение и ослабление факторов уязвимости в процессе миграции.
8. Спасение людей и координация усилий международного сообщества по решению проблемы пропавших без вести мигрантов.
9. Повышение эффективности транснациональных мер противодействия незаконному ввозу мигрантов.
10. Предупреждение, пресечение и искоренение торговли людьми в контексте международной миграции.
11. Интегрированное и безопасное управление границами с координацией усилий.
12. Повышение степени определенности и предсказуемости миграционных процедур для обеспечения надлежащего контроля и проверки и направления людей в соответствующие органы.
13. Применение практики помещения мигрантов в центры временного содержания исключительно в качестве крайней меры и поиск альтернатив.

27 Ibid.

28 Makooi, 2018.

14. Повышение эффективности консульской защиты, помощи и взаимодействия на протяжении всего миграционного цикла.
15. Охват мигрантов базовыми услугами.
16. Создание для мигрантов и обществ благоприятных условий, обеспечивающих полную социальную интеграцию и сплоченность.
17. Искоренение всех форм дискриминации и поощрение основанных на фактических данных общественных обсуждений в целях формирования общественного мнения о миграции.
18. Инвестирование в развитие навыков и содействие взаимному признанию навыков, квалификации и компетенции.
19. Создание для мигрантов и диаспор условий, позволяющих им в полной мере способствовать достижению устойчивого развития во всех странах.
20. Повышение оперативности и надежности и снижение стоимости денежных переводов и содействие финансовой интеграции мигрантов.
21. Сотрудничество в целях обеспечения безопасного и достойного возвращения и реадмиссии и планомерной реинтеграции.
22. Создание механизмов перевода материальных прав в области социального обеспечения и приобретенных льгот.
23. Укрепление международного сотрудничества и глобального партнерства в целях обеспечения безопасной, упорядоченной и легальной миграции.

23 цели Глобального договора о миграции можно умозрительно разложить по трем «корзинам»: 1) конкретные и относительно прямолинейные меры; 2) конкретные, но спорные вопросы; и 3) очень широкие и амбициозные цели.

Таблица 1. Цели Глобального договора о миграции в разбивке по категориям

1. Конкретные и относительно прямолинейные меры	2. Конкретные, но спорные вопросы	3. Очень широкие и амбициозные цели
Совершенствование миграционных данных и исследований (цель 1)	Упрощение доступа к каналам легальной миграции (цель 5)	Сведение к минимуму неблагоприятного воздействия движущих сил миграции (цель 2)
Предоставление точной и своевременной информации на всех этапах миграции (цель 3)	Интегрированное и безопасное управление границами с координацией усилий (цель 11)	Изучение и ослабление факторов уязвимости в процессе миграции (цель 7)

<p>Обеспечение наличия у всех мигрантов законных удостоверений личности (цель 4)</p>	<p>Применение практики помещения в центры содержания исключительно в качестве крайней меры и поиск альтернатив (цель 13)</p>	<p>Создание для мигрантов и обществ благоприятных условий, обеспечивающих полную социальную интеграцию и сплоченность (цель 16)</p>
<p>Содействие справедливому и этичному найму работников и обеспечение условий для достойной работы (цель 6)</p>	<p>Охват мигрантов базовыми услугами (цель 15)</p>	<p>Искоренение всех форм дискриминации и поощрение основанных на фактических данных общественных обсуждений (цель 17)</p>
<p>Спасение людей и координация усилий по решению проблемы пропавших без вести мигрантов (цель 8)</p>	<p>Инвестирование в развитие навыков и взаимное признание квалификации (цель 18)</p>	<p>Создание для мигрантов и диаспор условий, позволяющих им в полной мере способствовать достижению устойчивого развития (цель 19)</p>
<p>Повышение эффективности транснациональных мер противодействия незаконному ввозу мигрантов (цель 9)</p>	<p>Содействие возвращению и реинтеграции (цель 21)</p>	<p>Укрепление международного сотрудничества и глобального партнерства (цель 23)</p>
<p>Предупреждение, пресечение и искоренение торговли людьми (цель 10)</p>		
<p>Укрепление миграционных процедур (цель 12)</p>		
<p>Улучшение консульских услуг для мигрантов (цель 14)</p>		
<p>Содействие денежным переводам (цель 20)</p>		
<p>Поддержка перевода материальных прав в области социального обеспечения и приобретенных льгот (цель 22)</p>		

Некоторые из относительно прямолинейных целей пользуются широкой поддержкой и подлежат незамедлительному осуществлению; в сущности, уже было положено начало осуществлению ряда таких целей, включая, среди прочего, тех, которые касаются сбора данных и исследований, этичного найма и денежных переводов. Другие цели - такие как расширение легальных каналов для миграции, улучшение управления границами и сотрудничество в области возвращения и реинтеграции - являются конкретными, но спорными и потребуют дальнейших переговоров, выделения ресурсов и проявления политической воли.

Остальные цели, такие как отнесенные к третьей категории в таблице 1, представляют собой предложения на очень длительную перспективу, несмотря на высокую степень согласия с необходимостью позитивных изменений по этим вопросам²⁹. Эти цели достаточно долгосрочны и фактически потребуют времени для своей реализации. Например, защита мигрантов, находящихся в уязвимом положении (цель 7), в настоящее время не сводится к защите традиционных категорий лиц в уязвимом положении (в частности, женщин и девочек, детей и жертв торговли людьми) и в более широком смысле учитывает факторы уязвимости, возникающие из «обстоятельств переезда или условий, в которых они находятся в странах происхождения, транзита и назначения»³⁰. Реализация некоторых из этих целей также тесно взаимосвязана с осуществлением других инициатив, имеющих отношение к развитию, охране окружающей среды или, в более общем смысле, к защите мигрантов, оказавшихся в условиях кризиса. Например, в целях 2 и 19 содержатся прямые ссылки на Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и Аддис-Абебскую программу действий по финансированию развития³¹.

Третий элемент Глобального договора о миграции касается осуществления. Очевидно, что первостепенную ответственность за осуществление 23 целей Договора несут государства. Для поддержки их усилий был предусмотрен «механизм укрепления потенциала», состоящий из платформы знаний, информационного центра и фонда начальных средств для проектов³². Важно отметить, что в этом разделе государства обязуются сотрудничать с другими заинтересованными сторонами в деле осуществления, включая мигрантов, гражданское общество, частный сектор, профсоюзы, местные органы власти и других партнеров. В Договоре также приветствуется решение Генерального секретаря создать Сеть Организации Объединенных Наций по вопросам миграции, работа которой будет координироваться МОМ, для обеспечения эффективной и согласованной поддержки государств со стороны многих структур Организации Объединенных Наций, работающих над вопросами миграции. К Генеральному секретарю обращена просьба, опираясь на работу Сети, на двухгодичной основе представлять Генеральной Ассамблее информацию о деятельности системы Организации Объединенных Наций в поддержку осуществления Глобального договора о миграции. В последнем пункте раздела об осуществлении признается важная роль возглавляемых государствами процессов, таких как Глобальный форум по миграции и развитию и региональные консультативные процессы по вопросам миграции, в укреплении международного сотрудничества в области миграции.

Наконец, четвертый элемент Глобального договора о миграции посвящен последующим мерам и обзору³³. Ход осуществления целей Договора будет рассматриваться на Генеральной Ассамблее раз в четыре года начиная с 2022 года на «Форуме по рассмотрению проблем международной миграции», который заменит

29 Newland, 2018.

30 ГА ООН, 2018а, пункт. 23.

31 ГА ООН, 2018а.

32 Ibid.

33 Ibid.

Диалог на высоком уровне по вопросу о международной миграции и развитии³⁴. Предполагается, что региональные обзоры будут проводиться каждые четыре года в промежутках между совещаниями Форума по рассмотрению проблем миграции начиная с 2020 года. В Договоре предусмотрено внесение вклада в эти обзоры со стороны других возглавляемых государствами процессов, таких как были упомянуты выше, а также Международного диалога по миграции МОМ. В нем также предлагается государствам проводить обзоры на национальном уровне.

Глобальный договор о беженцах

В Нью-Йоркской декларации недвусмысленно признается настоятельная необходимость расширения сотрудничества по распределению ответственности за прием и поддержку беженцев во всем мире, которые в основном находятся в соседних странах (в большинстве случаев в странах с низким или средним уровнем доходов). Декларация гласит:

Для удовлетворения потребностей беженцев и принимающих государств мы обязуемся более справедливо распределять бремя и ответственность за прием и поддержку беженцев во всем мире с учетом вклада государств и разницы между ними в возможностях и обеспеченности ресурсами³⁵.

В отличие от предложенного Глобального договора о миграции, для которого предусматривались межправительственные переговоры по достижению согласия в отношении документа государств-членов, в Нью-Йоркской декларации было предусмотрено составление Глобального договора о беженцах в ходе процесса, руководимого УВКБ. Следовало сделать упор на дальнейшую разработку и практическое осуществление существующих мер реагирования на проблемы беженцев, а именно КМОБ, с уделением особого внимания перемещениям больших групп беженцев (в том числе в ситуациях затяжных кризисов). Поэтому, как изложено в приложении 1 к Нью-Йоркской декларации, КМОБ имеет главное значение для Глобального договора о беженцах. Основные элементы КМОБ, разработанные УВКБ в тесной координации с заинтересованными сторонами и внедренные во многих странах³⁶ в ходе процесса Глобального договора о беженцах (см. таблицу 2), включали прием и допуск, поддержку в удовлетворении текущих потребностей принимающих стран и общин и долгосрочные решения. К основным целям КМОБ относится следующее: 1) ослабить нагрузку на соответствующие принимающие страны; 2) повысить самообеспеченность беженцев; 3) расширить возможности привлечения третьих стран; и 4) содействовать созданию в странах происхождения условий для безопасного возвращения без ущемления достоинства³⁷. В дополнение к КМОБ Глобальный договор о беженцах включает Программу действий, которая опирается на КМОБ и содержит меры, предназначенные для обеспечения государствами и другими соответствующими заинтересованными сторонами более эффективного реагирования на перемещение беженцев (таблица 2).

34 ГА ООН, 2019.

35 ГА ООН, 2016, пункт 68.

36 Перечень 16 внедряющих стран включал: Афганистан, Белиз, Гватемалу, Гондурас, Джибути, Замбию, Кению, Коста-Рику, Мексику, Панаму, Руанду, Сальвадор, Сомали, Уганду, Чад и Эфиопию. Объединенная Республика Танзания первоначально была внедряющей страной, но позднее вышла из их числа.

37 См. КМОБ Global Digital Portal, имеется по адресу www.globalcrff.org (дата доступа: 2 июня 2019 года).

Таблица 2. Основные тематические области КМОБ и Программы действий

Основы КМОБ	Программа действий	
	Области поддержки	Ориентировочные подобласти
Прием и допуск	Прием и допуск	Раннее предупреждение, готовность и планирование на случай непредвиденных обстоятельств
		Механизмы приема на первоначальном этапе
		Охрана и безопасность
		Регистрация и документация
		Удовлетворение особых потребностей
		Определение потребностей в международной защите
Содействие удовлетворению текущих и постоянных потребностей	Удовлетворение потребностей и поддержка общин	Образование
		Занятость и средства к существованию
		Здоровье
		Женщины и девочки
Поддержка принимающих стран и общин		Дети, подростки и молодежь
		Размещение, энергия и управление природными ресурсами
		Продовольственная безопасность и питание
		Реестры записей актов гражданского состояния
		Безгражданство
		Поощрение добрых отношений и мирного сосуществования
Долгосрочные решения	Решения	Поддержка стран происхождения и добровольная репатриация
		Переселение
		Дополнительные возможности для въезда в третьи страны
		Местная интеграция
		Другие местные решения

Двумя конкретными проявлениями разделения ответственности являются обеспечение достаточного финансирования для принимающих стран и для переселения беженцев, но оба они оказались проблематичными для всего процесса Глобального договора о беженцах и, по-видимому, останутся такими в будущем. Было непросто обеспечить финансирование, позволяющее полномасштабное внедрение КМОБ, с помощью недостаточной донорской поддержки, затруднявшей осуществление

комплекса мер в ряде стран, включая Уганду и Эфиопию³⁸. Точно так же весьма малое количество мест для переселения беженцев в сопоставлении с потребностями и других долговременных решений в интересах перемещенных лиц будет оставаться проблематичным для реализации КМОБ/Глобального договора о беженцах³⁹. Хотя ни одна из этих проблем отнюдь не нова для международной беженской системы или для УВКБ как уполномоченного агентства Организации Объединенных Наций и главного гаранта этой системы, процесс Глобального договора о беженцах послужил средством привлечения внимания к сохраняющимся трудностям в этих двух вопросах, одновременно став попыткой мобилизовать более широкую поддержку со стороны международного сообщества, позволяющую достичь более весомых результатов.

Для решения этих двух проблем и, в более широком смысле, для поддержки обязательств государств-членов в Глобальном договоре о беженцах предусмотрены другие механизмы последующей деятельности, обзора и осуществления. Раз в четыре года будет созываться Глобальный форум по беженцам, при этом проведение первого из них запланировано на декабрь 2019 года. Цель этого Форума заключается прежде всего в том, чтобы государства-члены Организации Объединенных Наций объявляли на нем об официальных обязательствах и видах помощи, которые могут принимать формы финансовой, материальной и технической помощи, предоставления мест для переселения и дополнительных возможностей для приема, а затем отчитывались об основных достижениях и передовой практике⁴⁰. Этот глобальный механизм международного сотрудничества дополняется национальными механизмами, которые могут создаваться принимающими странами для координации мер, принимаемых соответствующими заинтересованными сторонами, задействованными в принятии комплексных мер реагирования⁴¹. Во избежание будущих «беженских кризисов» по запросу принимающих стран или стран происхождения может быть активирована платформа поддержки в следующих двух случаях:

- при массовом характере притока беженцев и/или сложности ситуации, связанной с беженцами, в которой способность принимающего государства осуществлять меры реагирования превышена или предположительно будет превышена; или
- при длительности ситуации, связанной с беженцами, в которой принимающему государству (принимающим государствам) необходима значительная дополнительная поддержка и/или в которой появляется серьезная возможность разрешить ее (например, массовая добровольная репатриация в страну происхождения)⁴².

По инициативе группы государств деятельность платформ поддержки может включать проведение конференции солидарности в связи с конкретной ситуацией, с тем чтобы государства и соответствующие заинтересованные стороны могли предоставить финансовую, материальную и техническую помощь или обеспечить места для переселения и дополнительные каналы допуска⁴³. Факультативный характер Глобального договора о беженцах и уделение внимания осуществлению и принятию соответствующих мер привели к тому, что некоторые комментаторы отметили тревожные признаки в отношении вероятности устойчивых изменений с учетом того, что государства смогут выделять и выбирать более привлекательные

38 Siegfried, 2017; см. также Hansen, 2018.

39 Angenendt и Biehler, 2018.

40 ГА ООН, 2018b; см. также UNHCR Global Refugee Forum, имеется по адресу www.unhcr.org/global-refugee-forum.html (дата доступа: 2 июня 2019 года).

41 ГА ООН, 2018b.

42 Ibid.

43 Ibid.

для них подходы в то время, когда сохраняется неблагоприятная геополитическая обстановка в связи с беженцами и перемещением⁴⁴. Другие озабоченности связаны с акцентом на Конвенцию о беженцах в качестве основы Глобального договора о беженцах или с относительным пренебрежением к соответствующим правам, закрепленным в других основных документах, а также с тем, что перемещение не охватывается существующим беженским режимом⁴⁵.

Комплементарность, согласованность и нестыковки между двумя глобальными договорами

Несмотря на высокий статус Нью-Йоркской декларации 2016 года и связанное с ней обязательство всех государств завершить работу над обоими глобальными договорами, содержание этих договоров возникло не на пустом месте. Разработка идей и подходов, изложенных в этих договорах, потребовала гораздо больше времени, чем может показаться на первый взгляд. Как отмечается во введении к настоящей главе, оба договора основаны на многолетнем структурированном диалоге, инициативах и сотрудничестве между государствами на региональном и международном уровне. Глобальный договор о миграции опирается, в частности, на недавние глобальные и региональные инициативы и процессы по вопросам миграции⁴⁶, в том числе за счет рассмотрения тематических областей, в которых сходятся интересы государств⁴⁷ (с дополнительной информацией можно ознакомиться в добавлении В). Что касается Глобального договора о беженцах, то его предназначение состоит в «воплощении давно устоявшегося принципа международного сотрудничества, закрепленного в преамбуле к Конвенции 1951 года о статусе беженцев, в конкретные и практические действия» для «предсказуемого и справедливого распределения бремени и ответственности»⁴⁸. Глобальный договор о беженцах подкрепляет и усиливает предыдущие меры, в том числе, например, путем реагирования на неоднократные призывы Исполнительного комитета УВКБ ООН к международному сотрудничеству⁴⁹, а также путем консолидации инициатив УВКБ по конкретным случаям особых ситуаций в связи с распределением ответственности⁵⁰.

Эти два глобальных договора не являются взаимоисключающими, а, напротив, предназначены дополнять друг друга с учетом признания «многих общих проблем и [...] аналогичных угроз» для мигрантов и беженцев⁵¹. Как считают УВКБ и МОМ, оба договора функционально согласуются, когда дело касается

44 Angenendt и Biehler, 2018; Hathaway, 2018.

45 Aleinikoff и Martin, 2018; Chimni, 2018; Gammeltoft-Hansen, 2018.

46 В отношении исторического обзора предыдущих глобальных инициатив и процессов по вопросам миграции см. Newland, 2010; Martin и Weerasinghe, 2017; Betts и Kainz, 2017.

47 Ни в Договоре о беженцах, ни в Глобальном договоре о миграции не говорится о внутренне перемещенных лицах (ВПЛ), которых вдвое больше, чем беженцев. Некоторые государства-члены, участвовавшие во второй тематической консультации, состоявшейся в Центральном учреждении Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке в мае 2017 года, выступили за включение ВПЛ в Глобальный договор о миграции, однако другие были против этого. Вместе с тем, признавая связь между международной и внутренней миграцией, модераторы, сокоординаторы и Специальный представитель Генерального секретаря разъяснили, что ВПЛ не подпадают под сферу действия Глобального договора о миграции (Khadria, 2017).

48 ГА ООН, 2018b, пункты 2 и 3. См. четвертый пункт преамбулы к Конвенции о беженцах 1951 года.

49 Dowd и McAdam, 2017.

50 В частности, в отношении Международной конференции 1989 года по беженцам из Центральной Америки и Комплексного плана действий 1989 года для индокитайских беженцев. В отношении этих планов действий см. Betts, 2006; Newland, 2011.

51 ГА ООН, 2016, пункт 4.

общих проблем, которые они призваны решать⁵². Глобальный договор о миграции имеет более широкую сферу охвата, чем Глобальный договор о беженцах, «рассматривая миграцию во всех ее аспектах». Таким образом, он дополняет более узкую направленность Глобального договора о беженцах на конкретные проблемы перемещения больших групп беженцев, включая ситуации длительного перемещения⁵³. Поскольку в Глобальном договоре о миграции «всесторонне рассматривается явление международной миграции»⁵⁴, он направлен на решение проблем на протяжении всего миграционного цикла, будь то при выезде из страны происхождения; во время путешествия мигрантов, в том числе в транзитных странах; по прибытии в страну назначения и во время пребывания в ней; или по возвращении в страну происхождения. Ни в одном из первых проектов обоих глобальных договоров не рассматривалось перемещение, связанное с воздействием изменения климата и деградацией окружающей среды. Некоторые заинтересованные стороны надеялись, что защита людей, перемещенных этими силами, будет предусмотрена в Глобальном договоре о беженцах, но государства не согласились с этим. Однако в окончательный текст Глобального договора о миграции был включен подраздел о «стихийных бедствиях, негативных последствиях изменения климата и ухудшении состояния окружающей среды» в рамках цели 2 (сведение к минимуму неблагоприятного воздействия различных сил и структурных факторов, которые заставляют людей покидать страны своего происхождения)⁵⁵.

Различия в сфере применения и целях обоих договоров позволили избежать противоречий между ними и обеспечить их общую согласованность. Однако осталась неурегулированной еще одна важная область потенциального дублирования: смешанные потоки беженцев, перемещающихся из стран первого убежища совместно с другими мигрантами в больших группах⁵⁶. Незапланированное прибытие большого числа людей, в том числе лиц, обоснованно претендующих на международную защиту беженцев, и тех, кто не претендует на нее, создает колоссальную нагрузку на национальные системы убежища и гуманитарные учреждения. Даже лица, не являющиеся беженцами, могут отчаянно нуждаться в помощи и защите, например, несопровождаемые дети, и в Глобальном договоре о миграции учтены их потребности в цели 7 (изучение и ослабление факторов уязвимости в процессе миграции). Но ни в одном из договоров не охвачено явление «вторичных передвижений» беженцев.

Одним из основных уроков перемещений беженцев в Европу и через ее территорию в 2015 и 2016 годах стало то, сколь многим из них удалось выехать из первой страны, в которую они попали после перемещения из стран своего происхождения, в поисках большей безопасности или более многообещающих перспектив. В 2015 и 2016 годах объем вторичных передвижений в Европе был отчасти обусловлен географическим положением (особенно близостью Турции и Греции) и скоплением людей в первых странах убежища, но они объяснялись также более основательными изменениями в технологиях (в том числе используемых контрабандистами), применением «мобильных денег» и обменом информацией⁵⁷. История Паолины Рокканелло (см. ниже) подчеркивает, насколько сильно изменился мир после окончания Второй мировой войны: в то время беженцы могли ограниченно выезжать за пределы Европы, но сейчас это уже не так.

52 Türk, cited in Leone, 2018.

53 КМОБ, приложение к ГА ООН, 2016; и ГА ООН, 2018b.

54 ГА ООН, 2018a, пункт 11.

55 Ibid., пункты 18 h)-l).

56 См., например, Ndonga Githinji и Wood, 2018.

57 McAuliffe, Goossens и Sengupta, 2017; Triandafyllidou, 2017.

Миграция до аппификации

За почти семьдесят лет после крупнейшего беженского кризиса в Европе, наступившего по окончании Второй мировой войны, когда была разработана Конвенция о беженцах, мир коренным образом изменился^а. В те времена не было ни Интернета, ни мобильных устройств, ни факсов, а почтовая связь была медленной и часто прерывалась. Телеграф и телефонная связь применялись ограниченно и были дорогостоящими. В апреле 1947 года, все еще находясь под впечатлением от пережитой войны, Паолина Рокканелло прибыла со своей матерью из Италии в Мельбурн на пароходе «Миср»^б. Они были счастливы воссоединиться с ее отцом, который иммигрировал в Австралию восемью годами ранее, ожидая, что его семья вскоре последует за ним. За все время разлуки военного времени они получили только одно из его писем, которое шло до них в течение пяти лет. Такие были времена.

После Второй мировой войны передвижения беженцев за пределы разрушенной войной Европы регулировались государствами (в том числе в рамках Организации Объединенных Наций). ООН координировала репатриацию, возвращение и переселение беженцев в третьи страны. С сегодняшней точки зрения, передвижения были медленными, строго регулировались и были весьма избирательными. Информирование беженцев было в основном монополией государств, а возможности миграции в другие регионы были ограничены официальными каналами. Сейчас все обстоит совсем иначе.

а Nebehay, 2015.

б Huxley, 2007.

Отрывок из McAuliffe, 2016.

В настоящее время некоторые беженцы могут мигрировать самостоятельно, проявляя определенную степень предприимчивости⁵⁸. Вопреки «бинарному концепту», предполагающему выбор между вынужденной и добровольной миграцией⁵⁹, беженцы часто переезжают по смешанным мотивам, что означает следующее:

Возможно, они уехали из родных стран из-за конфликта или преследований, но страну назначения они выбрали из-за экономических возможностей, которые она предоставляет. Они вполне могут соответствовать определению беженца и не могут быть возвращены домой⁶⁰.

Многие люди (в том числе беженцы) не могут переехать непосредственно в предпочитаемые ими страны назначения, например, из-за отсутствия доступа к визам, и могут вначале проехать транзитом через одну или несколько стран, прежде чем добраться до предпочтительного места назначения, или остаться в странах, которые они вначале не выбирали в качестве пунктов назначения⁶¹. Хотя сложная по

58 В отношении предприимчивости, или «свободной воли» см. Akesson и Coupland, 2018; McAuliffe et al., 2017.

59 Ibid; см. также de Haas, 2011; Faist, 2000; Massey et al., 1998.

60 Martin, 2014.

61 Legomsky, 2003; McAuliffe и Jayasuriya, 2016; McAuliffe et al., 2017.

своей природе миграция по «смешанным мотивам» становится все более распространенным явлением и создает для государств проблемы, связанные со вторичным перемещением беженцев, она в основном не подпадает под сферу действия обоих глобальных договоров. Как отмечалось ранее (и несмотря на его широкий охват), Глобальный договор о миграции касается только мигрантов в «остаточном» толковании – то есть, мигрантов, не являющихся беженцами⁶². В Договоре упоминаются «смешанные перемещения», что не означает недвусмысленного признания наличия у многих людей смешанных мотивов для миграции, а, скорее, является выражением обеспокоенности смешанным характером перемещений с участием мигрантов и беженцев⁶³. До окончательной доработки текста Глобального договора о миграции в нем упоминалось предоставление мигрантам «информации о правах и обязанностях, предусмотренных миграционным законодательством и процедурами, в том числе о *доступе к праву ходатайствовать о предоставлении убежища или других адекватных форм защиты*»⁶⁴, что указывает на то обстоятельство, что некоторые мигранты могут претендовать на статус беженца. Эта формулировка выпала из окончательного текста с учетом деликатности и сложности этого вопроса. Эта «серая зона» потенциально может приводить к путанице и даже к нестыковкам⁶⁵. При всем этом рамки договоров не препятствуют сотрудничеству между государствами в области миграции по смешанным мотивам, а ряд конкретных положений Глобального договора о миграции поощряет сотрудничество, которое способствовало бы решению этой проблемы (например, цель 5: упрощение доступа к каналам легальной миграции и повышение их гибкости). Аналогичным образом, Глобальный договор о беженцах поощряет поиск каналов, помимо обычного переселения беженцев, для переезда из принимающих стран в целях получения образования или карьерного роста. Кроме того, уже разработаны многие меры, позволяющие учитывать этот приобретающий все большую важность аспект миграции: к числу таких наиболее эффективных мер относятся региональные соглашения о свободном передвижении с наделением полномочиями на основе гражданства, а не исходя из политики в отношении той или иной категории или причины миграции.

Какое влияние оказывают глобальные договоры на глобальную архитектуру регулирования миграции?

Несмотря на то, что оба глобальных договора ведут свое происхождение от миграционных кризисов 2015 года и Нью-Йоркской декларации, они занимают совершенно разные позиции в архитектуре глобального регулирования миграции. Глобальный договор о беженцах коренится в закрепившемся международном праве, в частности в широко ратифицированной Конвенции о беженцах. Хотя мигранты (как и беженцы) имеют право на такие же формы защиты, которые применяются к другим лицам в соответствии с международным правом прав человека, в отношении мигрантов отсутствует договор, эквивалентный Конвенции о беженцах. Следовательно, Глобальный договор о миграции, даже если он не имеет обязательной юридической силы, в большей степени представляет собой инновацию в глобальном регулировании миграции, чем Глобальный договор о беженцах.

Весь Глобальный договор о беженцах посвящен проблемам осуществления: как создать механизмы разделения бремени и ответственности, которые укрепят беженский режим путем оказания большей поддержки принимающим странам и укрепления самодостаточности беженцев. Хотя Глобальный

62 ГА ООН, 2018a; Carling, 2018.

63 ГА ООН, 2018a.

64 Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration, 2018b: Objective 12, para. 27(e).

65 Carling, 2018.

договор о беженцах не претендует на изменение беженского права, он действительно представляет собой существенное смещение акцента для УВКБ ООН. Это агентство по делам беженцев традиционно считало своей первостепенной ролью миссию гаранта Конвенции о беженцах, наблюдая за выполнением государствами своих обязательств по защите беженцев и изыскивая долгосрочные решения, позволяющие беженцам перестать быть беженцами. Оно также взяло на себя важную роль в мобилизации гуманитарной помощи. В Глобальном договоре о беженцах делается гораздо больший упор на поддержку правительств и общин принимающих стран в порядке признания услуг, которые они предоставляют не только беженцам, но и международному сообществу в целом, что должно быть основой для гораздо более прочной солидарности, выраженной путем разделения бремени и ответственности.

Еще одним сдвигом в беженском режиме является система, предусмотренная в Глобальном договоре о беженцах для достижения большей солидарности с теми, кто принимает беженцев, посредством наделения более важной ролью других субъектов, кроме государств. Неправительственные гуманитарные организации издавна играют важную роль в предоставлении беженцам защиты и помощи, но в Договоре предусмотрено более активное взаимодействие с частным сектором, субнациональными властями и другими заинтересованными сторонами. Дополнительным архитектурным элементом является организация регулярных обзорных мероприятий, призванных усложнить исчезновение из международной повестки дня вопросов, касающихся длительных ситуаций с беженцами или выпадающих из поля зрения новостных агентств. Неравномерное распределение ресурсов между принимающими странами подорвало стабильность беженского режима. Подключение академической сети свидетельствует о позитивном продвижении к фактологически обоснованным мерам реагирования, сочетающимся с более активным участием негосударственных субъектов в осуществлении КМОБ. Однако некоторые выразили обеспокоенность по поводу характера, масштабов и направленности этой сети, подняв вопросы о том, как она будет управляться и какую дополнительную пользу она принесет⁶⁶.

Признавая важность негосударственных субъектов в рамках своего подхода, состоящего в вовлечении всего общества, Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции создает каркас сотрудничества между государствами в области миграции, но крыша, стены и пол должны быть достроены государствами в ходе осуществления. Поскольку такой конструкции никогда ранее не существовало, трудно предвидеть, насколько щедро будут инвестировать государства в воплощение в жизнь целей Глобального договора. Осуществление Глобального договора, насчитывающего 23 цели и 187 конкретных действий, будет непростым делом. Ни одна страна не в состоянии работать над всеми рекомендуемыми действиями, и почти все из них найдут такие действия, которые они предпочтут не выполнять. Сила Договора состоит в том, что в нем есть нечто для каждого; эта инклюзивность имеет основополагающее значение для компромиссов, найденных в Договоре в целях достижения почти универсального согласия.

Институциональная архитектура

В главе *Доклада о миграции в мире 2018 года*, посвященной глобальному управлению миграцией, приводится обзор международных институциональных механизмов с особым упором на три агентства, занимающиеся вопросами миграции - МОМ, УВКБ ООН и Международную организацию труда (МОТ), - а также Глобальную группу по миграции Организации Объединенных Наций и Специального представителя Генерального секретаря Организации Объединенных Наций по вопросам международной миграции⁶⁷. За

66 Crisp, 2018; Chimni, 2018.

67 Martin и Weerasinghe, 2017.

последние два года произошли значительные изменения в институциональной среде системы Организации Объединенных Наций, большая часть которых напрямую связана с поддержкой выполнения государствами Глобального договора о миграции. Срок действия мандата Специального представителя Генерального секретаря Организации Объединенных Наций по вопросам международной миграции истек в конце 2018 года и был продлен; МОМ присоединилась к системе Организации Объединенных Наций; и Глобальная группа по миграции была заменена Сетью Организации Объединенных Наций по вопросам миграции. Реформирование институциональной архитектуры было инициировано Генеральным секретарем после этапов консультаций и критического анализа процесса Глобального договора о миграции и конкретно подчеркивалось в его докладе «*Реализация целей миграции на благо всех*», в котором он отметил:

Я приступлю к проведению внутренних консультаций по вопросу о том, как наилучшим образом приспособить систему Организации Объединенных Наций, включая МОМ, к координации действий Организации по проблемам миграции. Я преисполнен решимости обеспечить, чтобы система располагала всеми возможностями для принятия быстрых и эффективных мер в поддержку осуществления глобального договора после его принятия. При проведении этих внутрисистемных консультаций я буду придавать особое значение использованию имеющегося экспертного опыта, обеспечению осуществления оперативных целевых действий по удовлетворению потребностей государств-членов и обеспечению эффективности⁶⁸.

Одним из основных итогов консультаций в системе Организации Объединенных Наций, инициированных Генеральным секретарем, стала рекомендация о создании Сети Организации Объединенных Наций по вопросам миграции. Эта рекомендация была принята Генеральным секретарем и одобрена Исполнительным комитетом Организации Объединенных Наций в мае 2018 года, и Сеть была официально учреждена Генеральным секретарем 9 декабря 2018 года, накануне Межправительственной конференции по принятию глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции⁶⁹. Это было представлено в качестве части более широких реформ Организации Объединенных Наций. Сеть является преемницей Глобальной группы по миграции и имеет следующие особенности:

- четкую направленность на обеспечение эффективной и последовательной общесистемной поддержки осуществления Глобального договора о миграции;
- представление докладов о своей деятельности непосредственно Генеральному секретарю, который, в свою очередь, по мере необходимости представляет доклады государствам-членам;
- основной членский состав и расширенный членский состав, при этом первый включает структуры Организации Объединенных Наций с четко ориентированным на эти вопросы мандатом и потенциалом и отныне именуется Исполнительным комитетом;
- рабочие группы, созданные на основе Глобального договора о миграции и Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, которые должны реагировать на потребности государств-членов;
- проведение периодических совещаний расширенного членского состава Сети совместно с другими заинтересованными сторонами для обмена информацией и определения повестки дня;
- роль координатора и секретариата Сети выполняет МОМ⁷⁰.

68 ГА ООН, 2017b, пункт 74.

69 ГА ООН, 2018a.

70 Организация Объединенных Наций, 2018.

Исполнительный комитет Сети состоит из МОМ, Департамента Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН), МОТ, Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (УВКПЧ), Детского фонда Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), УВКБ ООН и Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН), при этом Генеральный директор МОМ выступает в качестве координатора Сети. Расширенный членский состав Сети включает учреждения в составе Исполнительного комитета и еще 30 учреждений Организации Объединенных Наций⁷¹. Таким образом, Сеть больше своей предшественницы, Глобальной группы по миграции, состав которой постепенно увеличился до 22 учреждений. Вместе с тем создание Исполнительного комитета в составе восьми членов, наряду с назначением единого координатора и внедрением механизмов отчетности с участием Генерального секретаря, свидетельствуют о том, что в концепции, лежащей в основе построения Сети, в значительной степени отражен упор на достижение практических результатов и согласованность действий Организации Объединенных Наций.

В то время, когда в ключевых точках мира отмечается подъем национализма и ставится под сомнение поддержка многосторонности, на Сеть будет возлагаться большое бремя ответственности за достижение успеха. Акцент на более четкие процессы управления и координации, лежащие в основе Сети, отличает их от процессов Глобальной группы по миграции, как они сформулированы в круге ведения обеих структур⁷². Однако основной функцией Сети является не координация, а поддержка государств-членов в деле осуществления Глобального договора о миграции. Ни одно учреждение Организации Объединенных Наций не обладает всем необходимым экспертным опытом и потенциалом по многим вопросам, в отношении которых требуется такая поддержка; учреждениям будет необходимо объединять усилия в реализации действий и проектов, сотрудничая в рабочих группах Сети, чтобы задействовать свои объединенные возможности. Некоторые проекты будут поддержаны Многосторонним целевым фондом по миграции, который был создан 8 мая 2019 года руководителями восьми учреждений Организации Объединенных Наций, входящих в состав Исполнительного комитета Сети, и приступил к работе 16 июля 2019 года. Фонд был придан Сети Организации Объединенных Наций по вопросам миграции для поддержки осуществления государствами-членами Глобального договора о миграции, в первую очередь на страновом уровне⁷³. Несмотря на эти кардинальные изменения в реагировании и координации Организации Объединенных Наций для осуществления Глобального договора о миграции, основные принципы, направляющие функционирование Сети, остаются такими же, какими они были для Глобальной группы по миграции - а именно, ориентация на права и благополучие мигрантов, - но с дополнительным упором на осуществление в общинах стран назначения, происхождения и транзита⁷⁴.

71 United Nations Network on Migration, 2018.

72 GMG, n.d.; United Nations Network on Migration, 2018.

73 См. круг ведения обеих структур: ПРООН, Multi-Partner Trust Fund Office, 2019.

74 United Nations Network on Migration, 2018.

Нынешний этап эволюции глобального регулирования миграции: выводы на будущее

Глобальные договоры знаменуют собой новый этап в международном сотрудничестве по управлению перемещениями людей и реагированию на них. Хотя они не имеют юридически обязательной силы, на их основе достигнут почти универсальный консенсус по вопросам, требующим сотрудничества, и по действиям, направленным на продвижение к достижению целей, изложенных в этих договорах.

Если последовательно осуществлять Глобальный договор о беженцах, то это будет укреплять желание государств принимать беженцев, ослабляя ощущение беспомощности, возникающее, когда их бремя не делят с ними другие. Если другие государства и более широкий круг заинтересованных сторон проявят более твердую приверженность выполнению Комплекса мер в отношении беженцев для всех принимающих стран, это в неизмеримо большей степени будет способствовать выполнению основного условия для защиты - обеспечению доступа к территориальному убежищу в другой стране.

Государства-члены Организации Объединенных Наций разработали Глобальный договор о миграции с прицелом на долгосрочную перспективу, но в этой связи уже следует поставить им в заслугу одно достижение: тем самым в Организацию Объединенных Наций был официально и на основе переговоров внесен один из последних нерешенных глобальных вопросов. На протяжении десятилетий международная система имела стандарты и институты для облегчения сотрудничества и поддержания порядка в вопросах финансов и торговли, контроля над вооружениями и беженцев, а также в отношении многих других вопросов. Совсем недавно она разработала рамки для борьбы с изменением климата. Однако международная миграция оставалась «лоскутным одеялом» односторонней, двусторонней и региональной политики, издавна считаясь слишком спорным вопросом для общей дискуссии в Организации Объединенных Наций в качестве самостоятельного пункта вне взаимозависимости с развитием. С появлением Глобального договора о миграции наконец-то сформировалась долгожданная структура общих ожиданий и обязательств.

В самом первом проекте Глобального договора о миграции «согласованная система ООН» была определена в качестве необходимого условия для эффективного осуществления. Как уже упоминалось, в Договоре приветствовалось решение Генерального секретаря заменить Глобальную группу по миграции в составе учреждений Организации Объединенных Наций Сетью Организации Объединенных Наций по вопросам миграции, обладающей более четким и последовательным руководством со стороны МОМ и состоящей из небольшой группы учреждений Организации Объединенных Наций, важная часть мандатов или потенциалов которых связана с перемещениями людей. Соглашение, благодаря которому МОМ в 2016 году стала смежной организацией системы Организации Объединенных Наций, дает системе Организации Объединенных Наций беспрецедентную возможность помочь своим членам в решении проблем миграции. Кроме того, Организация Объединенных Наций укрепила свой потенциал путем создания Сети по вопросам миграции. С учетом наличия этой структуры по состоянию на декабрь 2018 года система Организации Объединенных Наций должна располагать возможностями предлагать согласованную и всестороннюю поддержку государствам в выполнении ими своих обязательств в отношении обеспечения безопасной, упорядоченной и легальной миграции.

Хотя Глобальный договор о миграции может не накладывать на государства юридических обязательств, его можно толковать в качестве «политического обязательства», порождающего ожидание

осуществления⁷⁵. Договор является первым соглашением, которое было достигнуто путем переговоров между правительствами на глобальном уровне, и знаменует собой значительный шаг вперед по пути международного сотрудничества. За переговорами последовал ряд тематических консультаций и критический анализ, которые во многих отношениях напоминали предыдущие международные и региональные диалоги, совещания и другие мероприятия в области международной миграции, состоявшиеся в последние годы. Вместе с тем на этапе межправительственных переговоров государства впервые объединились для переговоров и согласования конкретного текста в отношении международной миграции. Значение этого события невозможно переоценить: это имело место в обстановке, в которой все большим вызовом становятся токсичные политические дискурсы, временами способные приводить к искажению ключевых фактов о миграции, запугиванию и введению в заблуждение представителей общественности, обеспокоенных воздействием, казалось бы, неконтролируемой миграции на их жизнь и будущее их общин.

Одна из проблем будет состоять в том, как Организация Объединенных Наций и ее государства-члены справятся с ожидаемыми сдвигами в политической поддержке и изменением обязательств по осуществлению глобального договора. В отличие от процессов, связанных с принятием и осуществлением международных договоров (а также с выходом из них), которые по необходимости являются длительными и требуют многостороннего участия, поддержка договоренностей, не имеющих обязательной юридической силы, имеет прежде всего и в первую очередь политический характер. Нельзя исключать, что по мере смены правительств на национальном уровне, которая неизбежно будет происходить с течением времени, поддержка государств будет перенесена на другие цели, особенно в случае основных стран назначения. Осуществление позитивной и конструктивной политики и практики в области международной миграции по мере усложнения и углубления фрагментации потребует лидерства и непоколебимой приверженности со стороны подавляющего большинства государств, системы Организации Объединенных Наций и многих других вовлеченных сторон. Наиболее вероятные формы сотрудничества между государствами по конкретным вопросам, рассматриваемым в обоих договорах, были определены бывшим Специальным представителем Генерального секретаря Организации Объединенных Наций по вопросам международной миграции Питером Сазерлендом как коалиции государств, имеющих сильные, совпадающие интересы в данном вопросе⁷⁶. Можно представить себе государства с разными стартовыми позициями, которые сходятся во мнениях относительно действий по решению такой проблемы, как отсутствие у мигрантов юридической идентичности или препятствия для возвращения и реадмиссии в безопасных и достойных условиях. Такая «минимногосторонность» может возникать в качестве предпочтительного способа сотрудничества по вопросу, который слишком долго ускользал от эффективного сотрудничества между государствами. Подход такого рода привел к появлению Руководящих положений «Мигранты в странах, испытывающих кризис»⁷⁷. Комментаторы настоятельно призывают все стороны и наблюдателей сохранять разумные ожидания, поскольку реализация Глобального договора о миграции, несомненно, будет связана с долгосрочными и постепенно достигаемыми успехами⁷⁸. Тем не менее «даже небольшой прогресс в рамках этой «новой сделки» в интересах мигрантов поможет нам продвинуться вперед к миру, в котором перемещение людей через международные границы будет более безопасным, лучше регулируемым и широко воспринимаемым как взаимовыгодное явление для всех его участников»⁷⁹.

75 Chetail, 2019.

76 ГА ООН, 2017а.

77 В отношении дополнительной информации о мигрантах в странах, испытывающих кризис, см. главу в настоящем докладе.

78 Gallagher, 2018.

79 Ibid.

Добавления

Глава 3

Добавление А. Департамент Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам: регионы и субрегионы

Просьба принять к сведению, что отражение в данной таблице географических регионов и субрегионов, определенных ДЭСВ ООН, не означает официального одобрения или признания со стороны МОМ.

Африка				
Восточная Африка ^а	Средняя Африка ^б	Северная часть Африки ^с	Южная часть Африки ^д	Западная часть Африки ^е
Бурунди	Ангола	Алжир	Ботсвана	Бенин
Коморские Острова	Камерун	Египет	Эсватини	Буркина-Фасо
Джибути	Центральноафриканская Республика	Ливия	Лесото	Кабо-Верде
Эритрея	Чад	Марокко	Намибия	Кот-д'Ивуар
Эфиопия	Конго	Судан	Южная Африка	Гамбия
Кения	Демократическая Республика Конго	Тунис		Гана
Мадагаскар	Экваториальная Гвинея			Гвинея
Малави	Габон			Гвинея-Бисау
Маврикий	Сан-Томе и Принсипи			Либерия
Майотта				Мали
Мозамбик				Мавритания
Реюньон				Нигер
Руанда				Нигерия
Сейшельские Острова				Остров Святой Елены
Сомали				Сенегал
Южный Судан				Сьерра-Леоне
Уганда				Того
Объединенная Республика Танзания				

Замбия				
Зимбабве				

- a В главе Восточная Африка была объединена с субрегионом южной части Африки, хотя страны/территории/районы внутри них остаются такими же.
- b В главе этот субрегион описан под названием «Центральная Африка» и объединен с Западной Африкой.
- c Этот субрегион описан под названием «Северная Африка».
- d Этот субрегион объединен с Восточной Африкой.
- e В главе этот субрегион описан под названием «Западная Африка» и объединен с Центральной Африкой (ДЭСВ ООН: Средняя Африка).

Азия				
Центральная Азия	Восточная Азия	Юго-восточная часть Азии ^f	Южная Азия	Западная Азия ^g
Казахстан	Китай	Бруней-Даруссалам	Афганистан	Армения
Кыргызстан	Специальный административный район Китая Гонконг	Камбоджа	Бангладеш	Азербайджан
Таджикистан	Специальный административный район Китая Макао	Индонезия	Бутан	Бахрейн
Туркменистан	Корейская Народно-Демократическая Республика	Лаосская Народно-Демократическая Республика	Индия	Кипр
Узбекистан	Япония	Малайзия	Иран (Исламская Республика)	Грузия
	Монголия	Мьянма	Мальдивские Острова	Ирак
	Республика Корея	Филиппины	Непал	Израиль
		Сингапур	Пакистан	Иордания
		Таиланд	Шри-Ланка	Кувейт
		Тимор-Лешти		Ливан
		Вьетнам		Оман
				Катар
				Саудовская Аравия
				Сирийская Арабская Республика
				Турция
				Объединенные Арабские Эмираты
				Йемен

^f Этот субрегион описан под названием «Юго-Восточная Азия».

^g Этот субрегион описан под названием «Ближний Восток».

Европа^h			
Восточная Европаⁱ	Северная Европа	Южная Европа	Западная Европа
Беларусь	Нормандские острова	Албания	Австрия
Болгария	Дания	Андорра	Бельгия
Чехия	Эстония	Босния и Герцеговина	Франция
Венгрия	Фарерские острова	Хорватия	Германия
Польша	Финляндия	Гибралтар	Лихтенштейн
Республика Молдова	Исландия	Греция	Люксембург
Румыния	Ирландия	Святой Престол	Монако
Российская Федерация	Остров Мэн	Италия	Нидерланды
Словакия	Латвия	Мальта	Швейцария
Украина	Литва	Черногория	
	Норвегия	Северная Македония	
	Швеция	Португалия	
	Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии	Сан-Марино	
		Сербия	
		Словения	
		Испания	

^h Некоторые страны в этом регионе, особенно члены Европейского союза, могли быть рассмотрены в разделах о Юго-Восточной и Восточной Европе, а также в содержащемся в главе описании субрегионов Северной, Западной и Южной Европы.

ⁱ В главе объединены Северная, Западная и Южная Европа, за исключением находящихся в Южной Европе следующих стран: Албании, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Черногории, Сербии и Северной Македонии, рассмотрение которых было включено в раздел о Юго-Восточной Европе в рамках субрегиона Юго-Восточной и Восточной Европы.

Латинская Америка и Карибский бассейн		
Карибский бассейн	Центральная Америка ^j	Южная Америка
Ангилья	Белиз	Аргентина
Антигуа и Барбуда	Коста-Рика	Боливия (Многонациональное Государство)
Аруба	Сальвадор	Бразилия
Багамские Острова	Гватемала	Чили
Барбадос	Гондурас	Колумбия
Бонайре, Синт-Эстатиус и Саба	Мексика	Эквадор
Британские Виргинские острова	Никарагуа	Фолклендские (Мальвинские) острова
Каймановы острова	Панама	Французская Гвиана
Куба		Гайана
Кюрасао		Парагвай
Доминика		Перу
Доминиканская Республика		Суринам
Гренада		Уругвай
Гваделупа		Боливарианская Республика Венесуэла
Гаити		
Ямайка		
Мартиника		
Монсеррат		
Пуэрто-Рико		
Сент-Китс и Невис		
Сент-Люсия		
Сент-Винсент и Гренадины		
Синт-Мартен (нидерландская часть)		
Тринидад и Тобаго		
Теркс и Кайкос		
Виргинские острова Соединенных Штатов		

^j В этой главе субрегион «Центральная Америка» был объединен с Мексикой и Карибским бассейном.

Северная Америка
Бермудские острова
Канада
Гренландия
Сен-Пьер и Микелон
Соединенные Штаты Америки

Океания			
Австралия и Новая Зеландия	Меланезия	Микронезия	Полинезия
Австралия	Фиджи	Гуам	Американское Самоа
Новая Зеландия	Новая Каледония	Кирибати	Острова Кука
	Папуа-Новая Гвинея	Маршалловы Острова	Французская Полинезия
	Соломоновы Острова	Микронезия (Федеративные Штаты)	Ниуэ
	Вануату	Науру	Самоа
		Северные Марианские острова	Токелау
		Палау	Тонга
			Тувалу
			Острова Уоллис и Футуна

Легенда:

Регион
Субрегионⁱ
Страна/территория/район^{ii,iii}

Примечание: В отношении методологии и пояснительных примечаний см. International Migrant Stock 2019: Documentation, имеется по адресу www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/docs/MigrationStockDocumentation_2019.pdf.

- i Субрегионы, упоминаемые в главе, могут отличаться от применяемых в Статистическом отделе ДЭСВ ООН либо по названию, либо по тому, какие страны/территории/районы включены в них.
- ii «Название стран или районов в краткой форме используются в повседневных операциях Организации Объединенных Наций и не обязательно соответствуют их официальным названиям, употребляемым в официальных документах. Эти названия основаны на данных Терминологической базы данных Организации Объединенных Наций (ЮНТЕРМ), которую можно найти по адресу: <https://unterm.un.org/UNTERM/portal/welcome>. Употребляемые обозначения и изложение материала на этом сайте не означают выражения со стороны Секретариата Организации Объединенных Наций [или Международной организации по миграции (МОМ)] какого бы то ни было мнения относительно правового статуса той или иной страны, территории, города или района или их властей или относительно делимитации их границ». Дополнительную информацию см. по адресу <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/>.
- iii Названия, приведенные в этой таблице, которая была использована при подготовке главы, касаются стран, а также территорий, районов и специальных административных районов. Просьба принять к сведению, что эта таблица не претендует на всеохватность.

Глава 4

Добавление А. Краткий обзор академических публикаций

Система популяризации научных трудов вращается вокруг устоявшегося центра гравитации: речь идет об обнародовании, некоторые средства которого (такие как академические журналы) обладают гораздо большим авторитетом и влиянием, чем другие (и среди них индивидуальные академические издатели занимают положение разного уровня). Несомненно, главной задачей сегодняшних ученых является публикация результатов научных исследований в академических журналах¹. Одни журналы приносят около 40% (книги - 16%) прибыли на более широком рынке научных, технических и медицинских изданий, оборот которого оценивался в 2013 году в размере 25,2 млрд долл. США². Посредством академических публикаций ученые официально доводят до сведения научного сообщества свои выводы. Обмен такими знаниями позволяет другим исследователям больше узнавать о последних достижениях, планировать новые исследования для заполнения текущих пробелов в существующих знаниях, сопоставлять свои выводы с выводами своих коллег и, вероятно, не изобретать колесо заново. Более того, публикация представляет собой «... постоянную регистрацию того, что было открыто, когда и кем - наподобие судебного протоколирования науки»³. Первый научный журнал в мире - *Философическая транзакция общества* - появился еще в 1665 году в качестве одного из проявлений политики Королевского общества поощрения прогресса науки путем открытой демонстрации результатов и идей, подкрепленных эмпирическими доказательствами. С тех пор количество активных научных рецензируемых журналов, издаваемых на английском языке, увеличилось, достигнув 28 100 изданий в 2014 году⁴, и было подсчитано, что глобальный выпуск научной продукции удваивается каждые девять лет⁵. Сегодня многие ученые завалены горами академической литературы, и становится невозможно найти время для прочтения каждого научного труда, даже по самой узкой теме.

Публикации являются средоточием карьерного роста ученых-теоретиков, тогда как исследователи, работающие в сферах прикладных исследований, не обязательно испытывают такую же степень давления, вынуждающего публиковать свои результаты. Вообще-то академическая система присуждения ученых степеней ответственна за весьма значительное прибавление количества публикаций, но можно утверждать, что количественный рост автоматически не приводит к повышению среднего «качества» публикуемых академических исследований.

Измерение качества - это сложный и спорный вопрос. Когда речь заходит об основной форме продукции (журнальных статьях) можно сказать, что качество статьи оценивается в основном *качественно перед* публикацией и в основном количественно после публикации. Тип качественной оценки, проводимой перед публикацией в академических журналах, называется «научное рецензирование». Термин «научное» отражает тот факт, что предполагается, что те, кто проводит рецензирование представляемой статьи, обладают равными (или еще большими) экспертными знаниями по данной теме. Научное рецензирование в академическом сообществе почти всегда не оплачивается. Научное рецензирование журнальных

1 Другие средства научной коммуникации включают книги, доклады на конференциях, семинары, рассылки по электронной почте и т.п.

2 Ware и Mabe, 2015.

3 Sense About Science, 2005.

4 Ware и Mabe, 2015.

5 Van Noorden, 2014.

статей «традиционно рассматривается как входящее в профессиональные обязанности исследователя»⁶, причем широкомасштабное обследование, проведенное среди 40 000 авторов исследований, выявило, что большинство из них считали научное рецензирование «существенным для коммуникации научного исследования». 91% респондентов отметили, что «процесс рецензирования повысил качество последнего опубликованного ими документа», а 86% заявили, что «им нравится рецензировать, и они продолжают рецензирование»⁷. Самым ощутимым стимулом для рецензирования, вероятно, является получение признания: журналы, как правило, ежегодно публикуют «дань благодарности рецензентам», и в этих списках перечисляют имена тех, кто выступил в роли рецензентов⁸. Включение в эти списки может улучшить анкетные данные исследователя, особенно если он/она планирует поиск финансирования/работы в этой конкретной области. Рецензенты тщательно изучают методы, результаты и выводы, прежде чем представить редактору журнала свою рекомендацию (принять/отредактировать/отклонить). Процедура рецензирования повторяется до тех пор, пока редактора не удовлетворит рукопись, которая, наконец, может быть запущена в производство (художественно-техническое редактирование, набор текста, публикация онлайн и возможное печатание). В целом процесс рецензирования длится от нескольких недель до нескольких месяцев со значительными вариациями в зависимости от дисциплин и журналов. После публикации рефераты и аннотации распространяются бесплатно, а для доступа к полному тексту может потребоваться доступ через академические библиотеки (которые обычно оплачивают подписку издателям) или оплата каждого просмотра. Издательская модель «открытого доступа» обеспечивает бесплатный доступ к полному тексту для всех при согласии учреждения автора на внесение издателю платы за публикацию.

Научная работа рассматривается в процессе рецензирования перед публикацией с использованием в основном *качественного* подхода, тогда как *количественный* подход доминирует в оценке материала после публикации. Цитирование - количество ссылок - является единственной единицей измерения, лежащей в основе библиометрии (статистического анализа печатных публикаций). Грубо говоря, чем больше упоминаний, тем больше воздействие и выше предполагаемое качество документа/статьи/книги. Базовую метрику цитирования можно получить для любой публикации с помощью «Google Академия» - т.е. поисковика, наиболее часто используемого учеными во всем мире. Например, если в «Google Академия» задать поиск по слову «миграция», будет получено 3,8 миллиона результатов и следующая первая страница⁹.

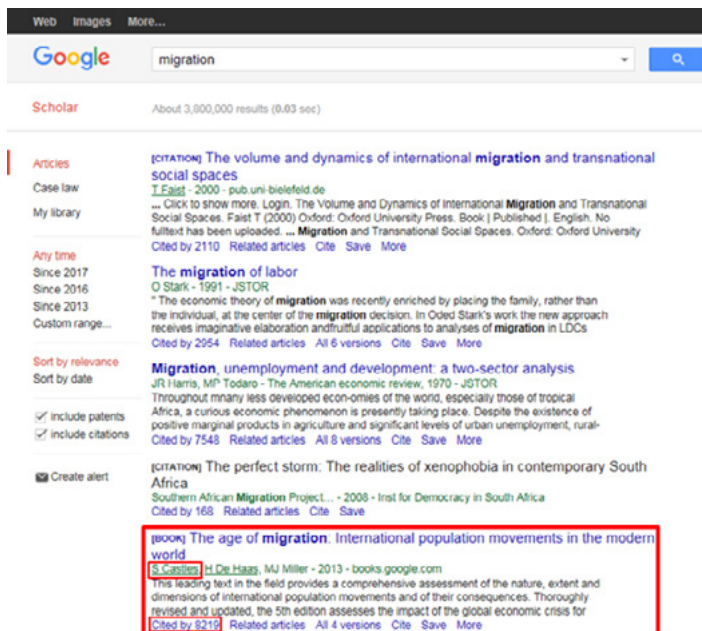
6 Ware и Mabe, 2015.

7 Mulligan, Hall и Raphael, 2013.

8 См., например, <http://iovs.arvojournals.org/article.aspx?articleid=2277067>.

9 Результаты поиска могут отличаться в зависимости от настроек пользователя (например, вошли ли вы в Google или нет) и географического местоположения интернет-провайдера.

Диаграмма 1. Пример результатов поиска в «Google Академия»

Вы можете сразу увидеть (диаграмма 1, внизу слева), что книга “The age of migration: International population movements in the modern world” («Век миграции: международные перемещения населения в современном мире») упоминалась в более чем 8 000 других публикаций. Щелкнув на «Ссылки в 8 219», вы увидите все публикации со ссылками на эту книгу с момента первого издания (1993 год). Если вы щелкните на имя автора (S. Castles (С. Кастлс)), вы увидите индексы цитирования автора.

Опираясь на «сырые» подсчеты цитирования, можно рассчитать так называемые «импакт-метрики» на уровне публикации, уровне автора, уровне журнала и так далее. Например, импакт-фактор журнала (соотношение между цитатами и публикациями) широко используется в качестве косвенного показателя относительной важности журнала, тогда как индекс Хирша (h-индекс)¹⁰ обеспечивает измерение воздействия отдельного автора (хотя он может рассчитываться также для департамента, учреждения или страны). Чаще всего определение соотношения между цитатами и публикациями предполагает рассмотрение двухгодичного издательского цикла в трехлетнем временном отрезке. Например, импакт-фактор журнала X на 2015 год вычисляется следующим образом: 122 ссылки на статьи, опубликованные в 2013 и 2014 годах, делятся на общее число статей, опубликованных в 2013 и 2014 годах (166) (или 122 ссылки делим на 166 статей), в результате импакт-фактор журнала X на 2015 год равен 0,735.

Обсуждение полезности импакт-метрики все еще не закончено, поскольку цель состоит в нахождении правильного баланса между потребностями учреждений, финансирующих исследования, измерять отдачу

¹⁰ H-индекс - это количество публикаций, имеющих как минимум h цитирований. Например, автор X написал 4 опубликованных работы: A (на которую сослались в 27 других), B (в 14 других), C (в двух других) и D (ссылок еще нет). В настоящее время h-индекс автора X равен 2. В будущем h-индекс может быть равен 3, если публикация C будет процитирована хотя бы еще один раз.

их расходов и желанием ученых обеспечить механизмы справедливой оценки их труда (и, следовательно, финансирования). В последнее время разрабатываются альтернативные импакт-метрики (альтметрики) с учетом, в частности, количества упоминаний в новых статьях и блогах, «Твиттере», «Фейсбуке» и т.п.

Признается, что довлеющая над учеными необходимость добиваться достижений в рамках системы поощрения научного труда, которая предусматривает оценку публикаций в рецензируемых журналах, имеет определенные серьезные недостатки¹¹, в том числе в обеспечении качества. Считается, что культура «публикуйся или умри» сковывает инновации в исследовательской деятельности¹², снижает стандарты научно-исследовательских публикаций¹³, поощряет рецензионное мошенничество¹⁴ и отрицательно влияет на способность исследователей работать над прикладными исследованиями, специально предназначенными для разработчиков политики¹⁵. В то же время ученые находятся под прессом необходимости проводить новаторские исследования, публиковаться в ведущих журналах, представлять фактические данные политическим аудиториям и, в конечном счете, влиять на политику¹⁶.

11 Smith, 2006.

12 Foster, Rzhetsky и Evans, 2015.

13 Colquhoun, 2011.

14 Prosser Scully, 2015.

15 Cherney et al., 2012.

16 Ibid.

Добавление В. Материалы, представленные академическими журналами¹⁷

*Интернэшнл майгрейшн*¹⁸

Главный редактор: Говард Дункан

2017 и 2018 были годами, когда международное сообщество с редко наблюдаемой степенью сотрудничества в области миграции согласилось на два свода руководящих политических принципов - Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции и Глобальный договор о беженцах. Никогда прежде мы не были свидетелями такого залога глобальной важности миграции или такого широко распространенного и амбициозного стремления к совершенствованию управления процессами международной миграции всех видов и ее последствиями для мигрантов, обществ стран назначения и их стран происхождения. Эти договоренности были рождены ощущением кризиса с особым упором на Средиземноморский регион; сейчас мы ожидаем увидеть, действительно ли внушаемая ими надежда принесет ощутимые плоды. Международная организация по миграции, которой принадлежит журнал *Интернэшнл майгрейшн*, активно участвовала в усилиях по достижению этих договоренностей, и особенно Глобального договора о миграции. Со времени предыдущего издания Доклада о миграции в мире МОМ стала членом семьи организаций системы Организации Объединенных Наций и, обладая членским составом, который в настоящее время насчитывает свыше 170 государств, она воистину является глобальным учреждением. Этот журнал также по праву может претендовать на глобальный статус с учетом того, что его авторы являются выходцами из разных частей мира и содержание его материалов не находится под доминирующим влиянием авторов из какой-то одной страны. *Интернэшнл майгрейшн* удовлетворен своим глобальным охватом, которого удалось достичь, несмотря на проблемы, связанные с обеспечением двойного анонимного рецензирования при публикации материалов из наименее развитых стран.

Журнал продолжает рассматривать свою аудиторию как глобальное академическое и политическое сообщества и будет сохранять свою требовательность к связанному с политикой содержанию в публикуемых им статьях. В 2017 году *Интернэшнл майгрейшн* сделал еще один шаг в этом направлении, внедрив серию периодических интервью с высокопоставленными политическими деятелями, в частности национальными министрами, отвечающими за управление миграционными процессами. В течение 2017-2018 годов в публикациях появились три таких интервью с министрами, ведающими вопросами миграции в Канаде, Германии и Австралии. В соответствии с нашими глобальными чаяниями министры не только ответили на вопросы о внутренней миграционной политике их стран, но и осветили свой подход к обсуждениям в Организации Объединенных Наций по глобальным договорам. Миграционная политика, как и научное изучение миграции, может быть чревата спорными моментами; и в этих интервью министры не уклонялись от спорных вопросов.

В предыдущие два года были изданы многие специальные выпуски, и в очередные выпуски были включены специальные разделы, большинство из которых были предложены нам членами академического сообщества. Темы и географический охват широко различались и включали в себя:

- Межкультурализм во времена кризиса (Белло и Блум);

17 Материалы, содержащиеся в настоящем добавлении, были представлены соответствующим главным редактором (редакторами) каждого журнала и не редактировались.

18 Статьи, упомянутые в материале редактора журнала, можно найти по адресу: <https://onlinelibrary.wiley.com/journal/14682435>.

- Культивирование идеи взаимосвязи между миграцией и продовольственной безопасностью (Краш и Сезар, ред.);
- Мирные процессы и устойчивые возвращения (Стафанович и Лойзидес, ред.);
- Благословенны будьте узлы: здоровье и медицинское обслуживание мигрантов и семей мигрантов в Соединенных Штатах (Эрвин, Гамильтон и Лопес-Карр, ред.);
- Трудовая миграция в Европе: изменение политики - изменение организаций - изменение людей (Лаубенталь, ред.);
- Субъективные восприятия, связанные с миграцией (Амит и Блум, ред.);
- Миграция и социальный класс (Бонжур и Шовен, ред.);
- Ненадежность, нелегальность и временность: последствия и результаты управления миграционными процессами в Канаде (Гари и Лью, ред.).

Некоторые избранные тематические тенденции

Академическая литература по вопросам миграции частично реагирует на тенденции в миграционных явлениях и политике в области миграции, а также на сдвиги в теории миграционных процессов и ранее опубликованную литературу. Обычно существует ощутимое отставание во времени между возникновением того или иного явления и появлением научной литературы, что объясняется сроками, необходимыми для проведения исследований и затем для публикации их результатов. В настоящее время начинает появляться в значительных количествах литература о кризисе, связанном с сирийскими беженцами, и мы можем ожидать, что в 2019 году начнет появляться литература, посвященная глобальным договорам Организации Объединенных Наций. Но, бегло окидывая взглядом литературу 2017-2018 годов, мы видим только обсуждение более ранних тенденций и явлений, некоторые из которых мы здесь упоминаем.

Уязвимость мигрантов

Глобальные договоры ООН в значительной степени иллюстрируют нынешнюю глобальную обеспокоенность защитой прав человека мигрантов. Хотя существует очевидное признание выгод, которые мигранты приносят обществам как в странах их назначения, так и в странах происхождения, государствам сейчас предлагается выдвинуть на первый план потребности мигрантов и предоставить им средства поддержки, особенно в том, что касается прав человека. Наряду с этим в течение последних двух лет многие ученые исследовали факторы уязвимости мигрантов, будь то в случае факторов уязвимости вследствие торговли людьми (Роша-Химинес и др.), резких несоответствий в заработках в сопоставлении с гражданами (Ву и др.), дискриминации в других формах (Гонг), сходных с рабством условий труда (Палмер), несоответствий в медицинском обслуживании (Гираерт), особой уязвимости беженцев и женщин и детей (Павес-Сото и Чан) или же уязвимости предпринимателей из числа мигрантов, которые вступают в конкуренцию с местными (Пинетех).

Семьи и миграция

Когда Одет Старк и Дэвид Блум опубликовали в 1985 году свою теперь уже каноническую статью «Новая экономика трудовой миграции», они не только создали новый метод рассмотрения экономики миграции, но и положили начало нынешним исследованиям взаимосвязи между миграцией и развитием, роли денежных переводов в миграции, обстоятельств принятия людьми решений о миграции и роли их семей в принятии этих решений. В литературе о миграции продолжает усиливаться упор на семьи, и *Интернэшнл*

майгрейшн входит в число журналов, которые ощущают этот упор. Отмечается значительный интерес к членам семьи, остающимся на родине, эмоциональным переживаниям, которые могут их одолевать, как было описано Фуллером, несмотря на современные ИКТ-технологии; результатам школьного обучения, которые описаны Ябику и Агаджаняном и отдельно Куэпье; и последствиям самих браков, которые, как было показано Дэвисом и Дженингсом и отдельно Сильвером и др., могут вызывать глубокое беспокойство. Но миграция сама может совершаться ради брака, и это явление привлекло к себе большое внимание, особенно в Азии, и в частности, в Южной Корее, где на брачную миграцию приходится значительная часть всех миграционных перемещений в эту страну. Возникающие вследствие этого многокультурные семьи являются предметом исследования Кима и Килки о последствиях интеграции для зарубежных невест в Южной Корее; Ким и Килки рассмотрели политику страны в отношении многокультурных семей с точки зрения ее предполагаемого прогнозирования будущей численности населения страны; а Чо рассматривает культурные аспекты брачной миграции в эту страну. Впрочем, если верно то, что Мора, Фернандес и Торре установили в отношении коэффициентов фертильности мигрантов, прибывающих в Испанию и США, демографические перспективы могут быть не столь радужными, как надеются некоторые.

Миграция и развитие

Одной из областей, неизменно привлекавшей к себе внимание в последних научных изысканиях, была взаимосвязь между миграцией и развитием, то есть та область, которая активно стимулировалась дискуссией в международном сообществе. Основной темой этих исследований по-прежнему были денежные переводы с точки зрения как их последствий, так и склонности мигрантов к их отправлению. Центральной темой исследования Коффа была благотворительность диаспоры, тогда как Петрески, Петрески и Туманоска рассмотрели последствия денежных переводов для уязвимости домохозяйств. Урама и др. изучили последствия денежных переводов для предложения на рынке труда стран происхождения; Аккай и Карасев увязали денежные переводы с потреблением калорий; Арури и Нгуен установили тесную связь с сокращением масштабов бедности; Кумар и др. усмотрели тесную корреляцию с долгосрочным экономическим ростом; Валатхисваран и Хан отметили позитивное воздействие на образование детей, оставшихся на родине; а Агву, Юни и Аношива установили, что денежные переводы способствуют устранению разрыва между сегментами общества с более низким и средним уровнями доходов.

Возникающие области исследования: предпринимательская деятельность иммигрантов, климатическая миграция, города

Когда мы говорим об экономических выгодах миграции для обществ в странах назначения, в большинстве случаев подразумеваются мигранты как работники. В меньшей степени внимание уделяется предпринимателям из числа мигрантов, однако, как оказалось, это является сферой растущей заинтересованности ученых. Чаван и Такса рассмотрели деятельность индийских предпринимателей с высокими уровнями человеческого капитала в Австралии и предложили способы, с помощью которых политика в их отношении может принести еще больше выгод австралийской экономике. Предприниматели в сфере ИКТ в Италии являются предметом исследования Бржозовски, Куччелелли и Сурдея на тему транснационального предпринимательства. Менее удачно складывается судьба сомалийских предпринимателей в Южной Африке, чье присутствие рассматривается в качестве угрозы, что вынуждает их прибегать к специально разработанным защитным механизмам.

Неудивительно, что многие ученые пишут о климатической миграции, при этом некоторые уделяют особое внимание островным государствам на атоллах, самому существованию которых может угрожать изменение климата. Ямамото и Эстебан рассматривают миграционную политику как адаптивную реакцию на последствия повышения уровня моря для этих государств. В своем первопроходческом исследовании Рахаман и др. рассмотрели последствия для здоровья климатических мигрантов, живущих в трущобах, которые могут стать еще более густонаселенными в районах, вблизи которых изменение климата обуславливает еще большую урбанизацию.

Города являются преимущественными пунктами назначения для большинства мигрантов, и во многих статьях стало обычной практикой упоминать о городах. В одной статье из числа появившихся в последние два года и привлечшей к себе большое внимание, Баудер описал «города-убежища» и сравнил положение «городов-убежищ» в Соединенных Штатах, Соединенном Королевстве и Канаде и то, как они размещают у себя группы населения без документов. Концепция «города-убежища» является, по его мнению, весьма амбициозной, и он анализирует реализацию этой концепции в различных местах, находит общие черты и полагает, что идеи, возникшие в одном месте, часто переключаются в другие места либо с помощью современных телекоммуникаций, либо силами путешествующих активистов.

Этот краткий обзор не претендует на всеобъемлющий отчет о вопросах, освещаемых авторами *Интернэшнл майгрейшн*. Хотя очевидно существование общих тем, наши авторы также представляют новаторские исследования и освещают менее часто затрагиваемые темы, в том числе касающиеся мигрантов в частных военных компаниях, утечки мозгов из экономически развитых стран, связи между стихийными бедствиями и торговлей людьми, схожих с рабством условия труда мигрантов в рыбной отрасли и взаимосвязи между отношением к мигрантам и готовностью считать приемлемыми риски для жизни. Мы с признательностью оцениваем труд, проделанный нашими авторами для того, чтобы побудить нас к коллективным размышлениям на тему международной миграции, являющейся предметом бескрайних возможностей.

*Интернэшнл майгрейшн ревью*¹⁹

Главные редакторы: Джейми Уиндерс, Питер Бевеландер, Синтия Фелисиано, Фелиз Гарип и Мэтью Холл

Интернэшнл майгрейшн ревью (ИМР) занимается междисциплинарным изучением международной миграции. Журнал публикует от 30 до 40 статей в год, а также более короткие исследовательские заметки и книжные обзоры. Руководимый междисциплинарной редакционной группой в составе специалистов по экономике, социологии и географии и возглавляемый международным и междисциплинарным редакционным советом *ИМР* стремится публиковать статьи, которые обоснованы богатыми эмпирическими данными и расширяют горизонты в отношении того, как, где и с какой точки зрения мы можем рассматривать сложные аспекты международной миграции. В своих публикациях мы как редакторы стремимся руководствоваться взаимодействием между двумя связанными с *ИМР* понятиями на букву «м» - междисциплинарный и международный. Среди всех рукописей, представляемых в редколлегиям *ИМР*, мы отдаем приоритет тем, которые выходят за рамки конкретной дисциплины, точки зрения или методологического подхода, и в которых научные выводы сопоставляются с более широкими международными тенденциями.

19 Статьи, упомянутые в материале редакторов журнала, можно найти по адресу: <https://journals.sagepub.com/home/mrx>.

Пристальное рассмотрение публикаций журнала, выпущенных с 2016 года (около 100 статей), позволяет выявить ряд тенденций²⁰. Во-первых, с точки зрения географии обнаруживается, что примерно 80% статей касаются Северной Америки или Западной Европы, гораздо меньше статей (немногим более 10%) освещали положение в Азии и еще меньше - в Латинской Америке, на Ближнем Востоке или в Африке. Этот неравный географический охват отражает один из основных недостатков миграционных исследований - ограниченное внимание к динамике миграции за пределами Северной Америки и Западной Европы. Он также подчеркивает вызовы, с которыми сталкиваются ученые, пишущие о более широкой географии международной миграции, в своих попытках соотнести свой труд с господствующими ракурсами рассмотрения двух регионов мира.

Во-вторых, если рассматривать группы населения, изучаемые в материалах *ИМР*, то, помимо общей направленности на изучение международных мигрантов, мы обнаруживаем такое же внимание к группам местных уроженцев и второго поколения, при этом критическая масса статей посвящены молодежи из числа иммигрантов, но гораздо меньше трудов касаются беженцев. Так, вопрос поколений занимает центральное место в статьях *ИМР*, но различия и *общие характеристики* мигрантов различного типа (то есть квалифицированных мигрантов, беженцев, просителей убежища и т.п.) анализируются меньше. Неудивительно, что в большей части исследований по Северной Америке изучаются те или иные аспекты мексиканской миграции, в то время как в большей части работ о Западной Европе анализируются опыт мусульманских мигрантов или отношение к ним, тем самым обуславливая рассмотрение сложных аспектов международной миграции в последних научных трудах сквозь призму этих двух групп - мексиканских и мусульманских мигрантов.

В-третьих, в методологическом плане статьи *ИМР* основываются главным образом на данных обследований, особенно продольных административных данных, и воспроизводят данные обследований, к которым применяются различные подходы. Кроме того, *ИМР* публикует глубокие этнографические исследования, хотя и в меньшем количестве, а также материалы, основанные на интервью и посвященные целевым группам. Богатую коллекцию используемых журналом методологий дополняют публикуемые, хотя и не часто, исследования, основанные на большом массиве данных, спутниковых изображениях и полевых экспериментах. Наконец, в публикациях *ИМР* рассматривается ряд разнообразных тем в диапазоне от благополучия мигрантов и до здоровья иммигрантов и стереотипов в их отношении, но в целом особое внимание уделяется иммиграционной политике, отношениям в обществе, образованию, вопросам семьи и домохозяйства, тенденциям в заработной плате и занятости, правовому статусу и создаваемой динамике и идеологии.

Помимо этой общей картины, какие основные публикации были изданы *ИМР* за период с 2016 года? Здесь мы выделим ряд таких публикаций, которые, по нашему мнению, символизируют цель *ИМР*, состоящую в продвижении нынешнего познания международной миграции в новом или ином направлении. Кое-что из этого «продвижения» несет в себе как политический смысл, так и стратегический компонент. Например, в статье Жана Беамана 2016 года о втором поколении во Франции было показано, что взрослые дети мигрантов из Северной Африки не воспринимают религиозной, особенно мусульманской, идентичности как несовместимой с французской идентичностью. Напротив, эти взрослые молодые люди считают себя «такими же французами, как и остальные», тем самым оспаривая публичный и академический аргументы о взаимоисключающем характере религиозной и секулярно-национальной идентичности в Европе.

20 Это рассмотрение основано на статьях, официально опубликованных в томе *ИМР*. В нем не учитываются статьи, опубликованные онлайн в качестве «препринта», но еще не включенные в том журнала.

В аналогичной политической манере Мари-Лоранс Флао (2017 год) рассмотрела сенегальскую возвратную миграцию, установив, что возвращение мигрантов в Сенегал менее вероятно, если отсутствует уверенность в возможности повторного въезда в принимающую страну. Труд Флао позволяет предположить - что также подтверждается исследованием Матиаса Чайки и Хейна де Хааса (2017 год) о глобальной миграции и визовых данных, - что миграционные ограничения усугубляют сокращение циркулярной миграции и делают более вероятным постоянное поселение мигрантов в принимающей стране, в результате чего *политическое* решение об ужесточении пограничного контроля приносит нежелательный стратегический результат в виде преобразования циркулярной миграции в постоянное проживание.

Другие статьи *ИМП* погружают в междисциплинарную дискуссию об ассимиляции, рассматривая стандартные меры наподобие брака и языковых моделей, а также менее обычные меры, такие как нормы в отношении размеров тела (Альтман, Ван Хук и Гонсалес, 2017 год). В статье Мьеке Малипарда и Рихарда Альбы 2016 года, посвященной культурной интеграции детей из мусульманских семей в Нидерландах, рассматриваются гендерные нормы этой группы и делается вывод о том, что объяснение как ассимиляции в плане адаптации к голландским нормам, так и сохранения «традиционных» гендерных взглядов является слишком упрощенным для понимания сложных и подчас противоречивых гендерных идеологий этой группы, и подчеркивается необходимость дезагрегации внутренних динамических изменений в этнических сообществах. Аюми Такенака и ее соавторы (2016 год) продвинули эти идеи еще на один шаг, рассмотрев экономическую мобильность иммигрантов в Японии. Они отметили, что стандартные объяснения ассимиляции не в полной мере проясняют экономические успехи или неудачи иммигрантов в Японии, что свидетельствует о необходимости более разнообразной географической основы для теорий миграции.

Еще одной основной темой публикаций *ИМП* является тема межличностного контакта. В статье Бенджамина Шульца и Ларса Лещенски 2016 года о динамике дружеских отношений между рожденной в Германии молодежью и молодежью из числа иммигрантов в этой стране было установлено, что среди рассмотренных групп иммигрантов (югославского, южноевропейского, турецкого и польского происхождения) возникли разные взаимосвязи между национальной идентификацией с Германией и отношениями с местными друзьями, что доказывает необходимость критического изучения групповых различий между иммигрантами. Юдит Коопс и ее соавторы (2017 год) подправили эту модель посредством изучения контактов не только между этническими меньшинствами и основным населением, но и *среди* различных групп иммигрантов, определив разные модели динамики в этих двух случаях и доказав необходимость уделить внимание взаимодействию между этническими группами меньшинств при изучении международной миграции.

Хотя во многих статьях *ИМП* рассматриваются явления национального масштаба, в других статьях утверждается, что необходимо уделять внимание динамике на местном уровне. В статье Эндрю Феленона (2017 года) анализируются данные о состоянии здоровья мексиканских иммигрантов в Соединенных Штатах, документально обосновывается преобладание долгожителей среди мексиканских иммигрантов в новых пунктах назначения и оспариваются распространенные утверждения о благоприятных последствиях для здоровья жизни в анклавах иммигрантов. В своем исследовании о домашней прислуге из числа мигрантов в Ливане (2018 год) Амрита Панде применяет еще более точечный подход, призванный привлечь внимание к «глубоко личным» пространствам, которыми эти трудящиеся-мигранты пользуются в повседневной жизни, что опровергает и усложняет преобладающие представления о домашних работниках и реалиях их жизни.

В ряде статей *ИМП* рассматриваются основополагающие понятия, такие как гражданство, и то, какая связь существует между компактным проживанием и уровнями натурализации (Абаскал, 2017 год), или предлагаются синтетические обзоры научных работ на тему гражданства в миграционных исследованиях (Блоемрад и Шерес, 2017 год). Другие статьи были посвящены рассмотрению таких популярных понятий, как «кризис», в публичном дискурсе по международной миграции, при этом подчеркивалась политическая роль, которую играют такие термины, и было также показано, что «кризис» может звучать вполне обыденно для мигрантов, уже испытавших хронические и другие «кризисы», медленно подтачивающие их жизнь (Байлендер, 2018 год).

Продвигаясь вперед, мы надеемся, что *ИМП* и впредь будет стремиться к публикации строго научных, новаторских и междисциплинарных исследований. Перед нами стоит четкая цель расширения географического охвата публикаций *ИМП*, как и уделения внимания новейшим темам, в частности касающимся вынужденной и связанной с климатом миграции, воздействия новых средств массовой информации на опыт мигрантов и применения науки о данных к миграционным исследованиям. Для *ИМП* остается высоким приоритетом исповедуемое убеждение в необходимости подробных и тщательных эмпирических исследований, и мы также надеемся увидеть больше работ, формирующих повестку дня, подобно тому, как описывалось в недавней статье Томаса Хименеса и его соавторов (2018 год), в которой шла речь о «новой главе» в изучении ассимиляции. В основе междисциплинарного взаимодействия лежит сочетание эмпирических исследований с теоретическими разработками, а также апробирование существующих и выдвижение новых теорий, и мы надеемся, что такая деятельность будет формировать траекторию *ИМП* в период до нашего следующего доклада.

*Джурнал оф иммигрант энд рефьюджи стадиз*²¹

Главный редактор: Анна Триандафиллиду

ДИРС является одним из немногих академических журналов, который работает по двум направлениям, публикуя статьи как о трудовых мигрантах, так и о просителях убежища/беженцах, а также занимается действительно междисциплинарными проблемами в диапазоне от социальной работы и социальной политики до миграционных и этнических исследований и от медийных и публичных дискурсов до политики и практики в области предоставления убежища. Первоначальная географическая направленность журнала на Северную Америку сместилась к уделению большего внимания не только Европе, но и Азиатско-Тихоокеанскому региону и в определенной степени Юго-Восточной Азии. В последние годы явственно увеличилось количество статей, посвященных положению на Ближнем Востоке, и особенно в Турции, и сирийскому конфликту.

Публикации, выходящие в журнале, можно сгруппировать вдоль двух основных тематических осей.

Первая тематическая ось объединяет целый ряд разных количественных и качественных подходов к изучению процессов прибытия, расселения и интеграции мигрантов/просителей убежища. Они включают статьи, в которых рассматриваются политика и практика в области переселения и анализируется деятельность неправительственных и правительственных организаций и местных органов власти в обеспечении поддержки по прибытии и интеграции. Интересно отметить, что мы публиковали как статьи о вызовах, с которыми сталкиваются социальные работники и организации гражданского общества в своей работе, так и материалы, описывающие препятствия для интеграции мигрантов и переселяемых

21 Статьи, упомянутые в материале редактора журнала, можно найти по адресу: www.tandfonline.com/loi/wimm20.

беженцев, с которыми они сталкиваются по прибытии в страну назначения. Пристальное внимание уделяется гендерному аспекту, и особенно проблемам, стоящим перед женщинами, а также вопросам выполнения родительских обязанностей и особым проблемам в интеграции и самоидентификации молодежи.

Темы таких исследований актуальны во всех регионах мира, и в этом, вероятно, состоит важный вывод, сделанный в метаанализе связанных с иммиграцией исследований. Так, в 2018 году мы опубликовали материалы о переселении беженцев в Северную Америку и Австралию («Мой мир перевернулся»: транснациональные перспективы переселения иракской молодежи и их родителей в Соединенные Штаты»; «Интеграция или повышение жизнестойкости: какой должна быть цель переселения беженцев?»), а также об активизации сетей мигрантов в целях поиска своего места в новых принимающих странах («Подкрепленная фактами теория об опыте корейских иммигрантов в восстановлении повседневной деятельности в Новой Зеландии»; «Исследование по вопросу о транснациональной коммуникации между иранскими женщинами-мигрантами в Австралии»; «Ведение переговоров о расширении прав и возможностей беженцев в организациях, занимающихся переселением (в США)»; ««Распросить окружающих»: контрстратегии иммигрантов по возобновлению действия их вида на жительство в период экономического кризиса в Италии»).

Журнал предлагает уникальное виртуальное транснациональное пространство, в котором рассматриваются различные системы приема и интеграции, а также различные группы, прибывающие в принимающие страны в рамках разнообразных режимов (трудовые или семейные мигранты, просители убежища или переселяемые беженцы), которые могут сталкиваться с аналогичными проблемами (в том числе в связи с психическим и физическим здоровьем), изучая особенности своей новой среды, возможности активизации ресурсов своего социального капитала и, в конечном счете, находя для себя нишу в своей стране назначения. Накопленный изданием опыт работы по двум направлениям: по социальной работе/общинным исследованиям и по социологическим/этническим исследованиям обеспечивает хорошие возможности для объединения этих разных тем.

Второй важной темой, которая заняла видное место в наших исследованиях, опубликованных в 2017 и 2018 годах, является тема регулирования нелегальной миграции и процедуры предоставления убежища. В этот период мы опубликовали три специальных выпуска, в которых фактически получили развитие разные аспекты этой темы.

Нашим вторым специальным выпуском в 2017 году был специальный номер (приглашенные редакторы: Александра Рикард-Гай, Европейский университетский институт, и Танос Марукис, Университет Бата), посвященный торговле людьми в сфере домашнего труда, в котором рассматривалось положение домашней прислуги из числа женщин-мигрантов, подвергающейся жестокой эксплуатации в разных европейских странах. В материалах этого специального номера подчеркивались пробелы в исследованиях по проблеме торговли людьми, которые обычно касаются секс-работников и упускают из виду такие «теневые» сферы, как положение живущей в домохозяйствах домашней прислуги и превращение нянек в рабынь, а также указывались пробелы в национальных и европейских нормах законодательства по борьбе с торговлей людьми. В статьях этого специального номера было показано, как использование мигрантов для домашнего труда и ухода становится неотъемлемой частью систем социального обеспечения в стареющих европейских обществах, и анализировалась проблема торговли людьми в сфере домашнего труда как с социологической, так и с юридической точки зрения. Согласно полученным выводам нечеткие условия домашнего труда и работы по уходу в частных домах могут приводить к уязвимости и жестокой эксплуатации. По сути, мы можем говорить о «скользкой почве», когда мигранты, становящиеся живущей в

доме прислужгой, не знают о своих правах, а нанимающие их семьи не осведомлены о своих обязанностях, тогда как государство не может ни контролировать, ни регулировать этот немалый сектор рынка труда. Так, дополнительное рабочее время и низкая оплата труда постепенно могут приводить к полному отсутствию оплаты труда, ограничению частной жизни и свободы, жестоким физическим и эмоциональным надругательствам, тем самым создавая ситуацию торговли людьми, а не просто эксплуатации.

В тот же год мы выпустили еще один специальный номер (приглашенный редактор: научный сотрудник МОМ Мари Маколифф) по вопросам нарушений иммиграционного законодательства и защиты мигрантов в Юго-Восточной Азии. В статьях этого специального номера на основе событий, связанных с кризисом в Андаманском море в мае 2015 года, были описаны особенности нелегальной миграции в Юго-Восточной Азии и, в частности, отмечалось нежелание или неспособность ряда принимающих стран и стран происхождения регистрировать свои меньшинства и мигрантов и предоставлять им статус, обеспечивающий безопасное проживание. Фактически в Юго-Восточной Азии особенно сложным является вызов нелегальной трудовой миграции и предоставления убежища, поскольку ряд групп меньшинств, и особенно рохинджа, сталкиваются с проблемами безгражданства. К сожалению, выход в свет этого специального номера совпал с новым кризисом, связанным с рохинджа, летом и осенью 2017 года, когда Мьянма начала осуществлять стратегию этнических чисток в штате Ракхайн, в результате которых почти 700 000 рохинджа бежали в соседнюю Бангладеш.

В третий раз мы в начале 2018 года выпустили не менее важный двойной специальный номер (приглашенные редакторы: Михал Кржижановски, Университет Эребру, Анна Триандафиллиду, ЕУИ, Рут Водак, Ланкастерский университет), в котором анализировались освещение в средствах массовой информации и политические дискурсы в связи с «чрезвычайной ситуацией с беженцами» в Средиземноморье в 2014-2016 годах. В этом специальном номере был прослежен воображаемый «путь дискурсов», протянувшийся от Греции на запад и север вдоль Балканского маршрута в Центральную, Северную, Западную и Восточную Европу. В материалах номера рассматривалось, как вся эта проблема была подана в средствах массовой информации, и особенно как она дискутировалась в парламентах, партийными лидерами или в официальных аккаунтах «Твиттера». Интересно отметить, что, сопоставив результаты этих дискуссий в случае нашей страны, мы обнаружили существенное сближение между рамками солидарности/гуманитарности и контроля/безопасности, ни одни из которых не возобладали над другими. Вместе с тем возникшая напряженность была снята таким дискуссионным оформлением, в котором отдавалось предпочтение долгосрочным и устойчивым мерам реагирования на потоки беженцев. Эта гуманитарная составляющая соединилась с реализмом, причем подчеркивалось, что «рациональность» является ключевым качеством специального политического реагирования, направленного на сокращение этих потоков. Понятие кризиса присутствовало во всех дискурсах в разных рассмотренных странах и использовалось также между европейскими странами для определения «плохих» и «хороших» европейцев.

В сущности, эти три специальных номера отражают актуальность вопросов регулирования нелегальной миграции и процедур предоставления убежища не только среди граждан и политиков, но и в академическом сообществе. Основная разница между двумя дискурсами (в обществе и в академических кругах) состоит в том, что в последнем случае отмечается стремление к углубленному анализу, который помогает нам понимать причины, последствия и динамику различных явлений, их правовые и политические рамки и, конечно же, способы, с помощью которых они могут изображаться как экзистенциальные угрозы для тех, кто не является мигрантами, или же в действительности как порождающие этические и политические обязательства в отношении строительства более справедливого мира.

Вызывает интерес и, вероятно, отражает веяние времени и рост потоков мигрантов/беженцев, с одной стороны, и связанных с ними ксенофобии и расизма - с другой, тот факт, что за эти два года в нашем журнале меньше внимания уделялось вопросам занятости или интеграции на рынке труда или, например, миграции работников с высокой квалификацией и утечке/циркуляции мозгов. Еще одной тематической областью, которая могла бы привлекать больше внимания, является изучение внутрирегиональных потоков трудовых мигрантов и просителей убежища и явления, которое было определено (возможно, ошибочно) как миграция по линии Юг-Юг.

*Джорнал он майгрейшн энд хьюман секьюриту*²²

Главный редактор: Дональд Кервин

В 2013 году Нью-Йоркский центр миграционных исследований (ЦМИ) учредил периодическое издание *Джорнал он майгрейшн энд хьюман секьюриту (ДМХС)*, которое является печатным рецензируемым изданием по вопросам государственной политики. *ДМХС* опирается на знания, экспертный потенциал и выражает точку зрения ученых-теоретиков, научных исследователей, государственных должностных лиц, профессиональных сообществ, неправительственных организаций (НПО), ведущих предпринимателей и других сторон. Его тематическая направленность на вопросы обеспечения безопасности людей означает упор на достижение широко поддерживаемых целей создания безопасных, устойчивых условий в общинах происхождения мигрантов; поощрения вариантов безопасной легальной миграции; и создания для мигрантов возможностей вести продуктивную, безопасную жизнь и полноценно участвовать в жизни их новых общин.

В публикациях этого издания авторы, не жертвуя научной и аналитической строгостью, применяют антропоцентричный подход к научному исследованию миграции, обращая главное внимание (обычно) на людей в уязвимом положении, которые подвергаются угрозам и маргинализации, сталкиваются с непониманием и часто играют роль «козлов отпущения» в дискуссиях о политике в области миграции. Журнал требует, чтобы каждый опубликованный материал начинался с резюме и заканчивался рядом рекомендаций в отношении политики. Это повышает доступность таких материалов как для разработчиков и вдохновителей политики, так и для широкой общественности. Журнал обещает потенциальным авторам, что их работа подвергнется тщательному рецензированию, в случае ее принятия будет своевременно опубликована и передана в базы данных исследовательских учреждений и университетских библиотек, а также будет внесена в обширный список работ, подлежащих распространению, в специальные списки разработчиков политики и передана в средства печати и другие учреждения, проявляющие особую заинтересованность в этой теме. Журнал также публикует свои документы в социальных сетях как сразу после их выпуска, так и впоследствии в порядке реагирования на информационные поводы и соответствующие политические дискуссии.

Многие статьи в журнале *ДМХС* получили широкое освещение в средствах массовой информации и привлекли внимание разработчиков политики. Эта касалась ряда материалов, автором которых был Роберт Уоррен иногда в соавторстве с Дональдом Кервином, использующих оценки ЦМИ в отношении количества в США лиц без документов и людей в составе других групп населения на основе данных обследования американских общин, проведенного Бюро переписи населения США. В этой серии материалов было задокументировано снижение численности в США населения без документов, его

22 Статьи, упомянутые в материале редактора журнала, можно найти по адресу: <https://journals.sagepub.com/home/mhs>.

характеристики и тот факт, что большинство новых жителей без документов въезжают в Соединенные Штаты легально и остаются сверх сроков действия их виз, а не пересекают границу нелегально. Последний момент - подробно описанный в ряде материалов *ДМХС* - с 2017 года был упомянут более чем в сотне средств массовой информации и стал одним из главных аргументов в публичной дискуссии о предложении администрации Трампа по строительству стены на границе между США и Мексикой.

ДМХС также опубликовал подробные профили других групп населения, затрагиваемых инициативами администрации Трампа, включая потенциальных бенефициаров Закона DREAM (о развитии, помощи и образовании для несовершеннолетних иностранцев), т.е. лиц без документов, привезенных детьми в Соединенные Штаты, беженцев, получателей временного охранного статуса (ВОС), лиц, являющихся близкими родственниками граждан США или законных постоянных жителей (ЗПЖ) страны, которые могли бы потенциально претендовать на визу, и долгосрочных жителей, которые имеют право на натурализацию. Эти статьи, в которых иллюстрируются глубокие и давние связи этих групп с Соединенными Штатами, привлекли значительное внимание должностных лиц национальных и местных органов власти, разработчиков политики, ученых, исследователей, делового сообщества, НПО и печати. Хотя оценки ЦМИ время от времени бездоказательно оспариваются экстремистскими группами и политиками, материалы *ДМХС* и этой серии предлагают фактологическую основу и обеспечивают редко встречающуюся общую почву для дискуссии об иммиграции в США.

За короткий срок своего существования *ДМХС* доказал, что он является бесценным инструментом для рассмотрения - будь то в специальных подборках или в ряде статей на одну и ту же тему - вопросов государственной политики, которые затрагивают темы безопасности людей. Например, в 2016 году ЦМИ организовал проведение трехдневной конференции в преддверии заседания высокого уровня ООН для решения проблемы перемещений больших групп беженцев и мигрантов. Заседание высокого уровня увенчалось Нью-Йоркской декларацией о беженцах и мигрантах, которая привела к принятию в 2018 году Глобального договора о беженцах и Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. В специальной подборке *ДМХС* по итогам конференции - озаглавленной *Укрепление глобальной системы защиты беженцев* - содержалась информация об этих процессах. В частности, разработчики политики, ученые и другие ведущие авторы представили следующие материалы:

- Новые рамки для перемещенных лиц, которые традиционно не рассматриваются в качестве удовлетворяющих определению международного беженца (Сьюзан Мартин);
- Этические перспективы защиты беженцев (Дэвид Холленбах, Общество Иисуса);
- Проблема инклюзивных общин (Джордж Рапп);
- Государственные меры реагирования на приток беженцев с подробным рассмотрением положения в Ливане (Нинет Келли);
- Общая ответственность за беженцев (Волкер Тюрк);
- Системы, соответствующие потребностям беженцев (Уилл Джоунс и Алекс Тейтельбойм);
- Безопасная и добровольная репатриация (Джефф Крисп и Кэти Лонг);
- Право оставаться в своей родной общине (Дэниэл Канструм);
- Экстернализация миграционного контроля (Билл Фрелик, Ян Кисел и Дженнифер Подкул); и стратегии сдерживания (Томас Гаммельтофт-Хансен и Николас Ф. Тан) как барьеры для защиты беженцев;
- Исследование проблемы незаконного провоза мигрантов (Габриэла Санчес);
- Задержание негосударственными субъектами (Майкл Флинн);
- Перспективы детей-мигрантов из стран Центральной Америки (Сьюзан Шмидт);
- Уроки широкомасштабной миграции женщин и детей из стран Центральной Америки (Карен Мусало и Юнис Ли);
- Законодательство США о защите беженцев (Тара Магнер);

- Национальная безопасность и защита беженцев как дополнительные императивы (Дональд Кервин);
- Данные о мнении общественности (Брэд К. Блиц);
- Вариации в экономической результативности беженцев (Александр Беттс, Наохико Омата и Луиза Блум);
- Необходимость эгалитарного, перераспределительного, долгосрочного развития для беженцев и принимающих их общин (Леа Заморе); и
- Рекомендации Глобального договора о беженцах (Кевин Эпплбай).

Эта специальная подборка была выпущена вслед за другой подборкой ДМХС из 11 статей о реформе системы защиты беженцев США (расширенная версия), которая была опубликована в ознаменование 35-й годовщины принятия Закона о беженцах 1980 года. Недавно, в 2018 году, ДМХС опубликовал исследование о том, как 1,1 млн беженцев, которые переселились в Соединенные Штаты в период 1987-2016 годов, интегрировались и со временем достигли определенных результатов, в сопоставлении с небезженцами, родившимися за рубежом, и общим населением США.

С января 2017 года ДМХС подробно документирует и критикует иммиграционную политику администрации Трампа. В январе 2018 года ДМХС издал специальный сборник документов, озаглавленный *Иммиграционная система США: принципы, интересы и предложения в отношении политики, которыми следует руководствоваться при проведении долгосрочной реформы*, в котором освещались следующие темы:

- Национальные интересы и ценности, которыми следует руководствоваться при проведении долгосрочной реформы иммиграционной системы США (Дональд Кервин);
- Нативизм и иммиграционная политика США (Джулия Г. Янг);
- Будущее гражданства (Питер Дж. Спиро);
- Иммиграционный федерализм (Кристина Родригес);
- Эффективность правоприменения на границах (Эдвард Олден);
- Восстановление законности в системе высылки в судебном порядке (Ленни Б. Бенсон);
- Достоинства субъектоцентристского подхода к несоблюдению законов (Эмили Рио);
- Препятствия для воссоединения семьи после депортации (Дебора А. Боум);
- В защиту единства семьи (Зоя Губернская и Джоанна Дреби);
- Разработка последовательной иммиграционной политики (Пиа О. Оррениус и Маделин Заводни);
- Обеспечение соблюдения трудовых стандартов как существенный элемент иммиграционной реформы (Джанис Файн и Грегори Лион);
- Экономическое развитие как противоядие от недобровольной миграции (Джон В. Гарбесон);
- Возможные направления для сельскохозяйственного сектора США и трудящихся (Филип Мартин);
- Национальные интересы, которым служит иммиграционная политика США, и как заменить иммиграционную систему, для которой характерно беззаконие, надежной правовой иммиграционной политикой (Дональд Кервин и Роберт Уоррен).

Кроме того, в вышедшей позже статье Рут Вэйзем рассматривается история иммиграционного регулирования в США, выявляются многие функции иммиграционных властей США и представляются рекомендации в отношении реформы.

ДМХС также подготовил специальную подборку, посвященную системе обеспечения соблюдения иммиграционного законодательства США, под названием *Закон, который создал современную систему обеспечения соблюдения иммиграционного законодательства США: Закон о реформе нелегальной иммиграции и ответственности иммигрантов 20 лет спустя*. В этой подборке освещаются последствия

задержания иммигрантов, уголовного преследования и высылки для лиц, подвергающихся депортации, семей и общин в США. Она включает исследование Майкла Куна по вопросу о воздействии обеспечения соблюдения иммиграционного законодательства местными властями. Недавно ДМХС опубликовал исследование о лицах, депортированных из США в Мексику, и членах семей таких лиц, оставшихся в Соединенных Штатах. Этот отчет получил большой резонанс и стал предметом публичных презентаций и брифингов на Капитолийском холме.

ДМХС регулярно освещает тему задержания иммигрантов как в США, так и в других частях мира, в связи с чем недавно была опубликована влиятельная статья Д. Гилмана и Л.А. Ромеро о приватизации содержания под стражей. ЦМИ начал также публикацию серии документов, часть которых появится в ДМХС, по вопросам верховенства права, доступа к правосудию и надлежащей правовой процедуры в американской системе принятия судебных решений о высылке. Эти документы посвящаются Хуану П. Осуне, бывшему директору Исполнительного бюро по пересмотру иммиграционных дел (ИБПИД), которое осуществляет надзор за системой иммиграционных судов США.

Хотя в этом коротком резюме выделены специальные выпуски и тематические сборники документов, ДМХС принимает также материалы о широком круге вопросов, которые недостаточно ясно понимаются и зачастую умышленно искажаются на публичной арене. Развитие и жизнеспособность журнала будут также все больше зависеть от публикации статей, отражающих более широкое географическое и тематическое разнообразие. В этих целях ДМХС опубликовал важные работы о процессе переговоров по Глобальному договору о миграции, несоответствиях в заработной плате и доходах между сельскохозяйственными рабочими, принудительном труде и торговле людьми в связи с Чемпионатом мира и другими важными спортивными событиями, инициативах Европы по борьбе с незаконным провозом и различных национальных мерах реагирования на кризис в связи с сирийскими беженцами. Во времена роста национализма и враждебности по отношению к иммигрантам ДМХС планирует удвоить свои усилия для публикации своевременных, фактологически обоснованных и политически актуальных материалов на темы безопасности людей.

*Майгрэйшн стадиз*²³

Главный редактор: Ален Гамлен

Майгрэйшн стадиз является международным реферируемым журналом, посвященным достижениям в теории, методологии и сравнительных исследованиях всех форм миграции людей. Этот журнал, публикуемый в издательстве «Оксфорд юниверсити пресс», ежегодно получает примерно 200 материалов из 70-80 стран. После анонимного рецензирования силами глобального редакционного совета, в котором представлены специалисты всех важных социологических дисциплин и из каждого крупного региона мира, *Майгрэйшн стадиз* публикует примерно 20 полноформатных оригинальных статей о научных исследованиях и с полдюжины книжных, кинематографических и других обзоров. Время от времени нами публикуются научные записки и специальные выпуски. В 2017 и 2018 годах журнал вошел в основную подборку журналов, издаваемых «Оксфорд юниверсити пресс» и доступных во многих библиотеках повсюду в мире, что повысило авторитет журнала. Ему также был присвоен официальный импакт-фактор SSCI (индекс цитирования по общественным наукам) - отличие, позволяющее профессиональным исследователям миграции доверять журналу свои наилучшие исследования.

23 Статьи, упомянутые в материале редактора журнала, можно найти по адресу: <https://academic.oup.com/migration>.

Достижения в теории, методах и сравнительных данных

В 2017 и 2018 годах *Майгрэйшн стадиэ* освещал большинство аспектов миграции в диапазоне от принятия решений в отношении эмигрантов в местах происхождения и до процессов перемещения с помощью сложных регуляторных систем; динамики адаптации иммигрантов; и практики транснационализма. Журнал внес вклад в длительные обсуждения вопросов взаимосвязи между вынужденной и свободной миграцией и роли гендерного фактора в динамике миграции, а также в современное важное обсуждение так называемого «европейского миграционного кризиса» и нынешней эволюции глобального режима регулирования миграции.

Миграционные исследования по-прежнему фокусируются в основном на движущих факторах миграции, с одной стороны, и процессах адаптации иммигрантов - с другой. В 2017 и 2018 годах *Майгрэйшн стадиэ* продвигал научное познание на обоих фронтах. Мы опубликовали ряд широкомасштабных аналитических исследований о детерминантах миграции. Мэтью Хейес и Росио Перес-Ганьян изучили малоисследованную тему различий в образе жизни между Севером и Югом и миграцию пенсионеров в Эквадор, тогда как Марианн Байлендер сравнила два миграционных коридора в Юго-Восточной Азии, оспорив теорию о том, что «для беднейших из бедных, как привило, менее вероятно совершать миграцию», и выявив важность «расходов самих работников» и уровней формализации процессов миграции. Мари-Лоранс Флао и Симона Ведзоли выяснили, что закрытие ранее открытых колониальных границ в Карибском бассейне привело к значительному расширению, а не сокращению эмиграции в направлении широкого диапазона других стран назначения. Рассуждая об учете озабоченностей в отношении «провала» миграционной политики в воздействии на миграцию, Ян-Пауль Брекке, Марианн Роед и Пол Шоне показали, что ограничения, введенные во время европейского миграционного кризиса 2015 года, как сократили отток просителей убежища, так и направили их потоки в другие страны. Рассмотрев стратегии интеграции иранских студентов в Западной Европе, Ахмад Карими и Сандра М. Бусериус доказали, что «процессы иммиграции и интеграции начинаются задолго до того момента, когда эмиграция действительно имеет место».

В 2017 и 2018 годах мы также публиковали работы о различных формах *адаптации иммигрантов*, включая несколько материалов, ставших вкладом в давно ведущуюся дискуссию о вступлении на рынок труда. Сукания Басу рассмотрела профили «новых» и «старых» групп иммигрантов из стран Азии по выравниванию зарплат. Кристель Кеслер и Мирна Сафи сравнили барьеры для участия в составе рабочей силы и для занятости иммигрантов во Франции и в Соединенном Королевстве, тогда как Ивана Феллини установила, что европейский «кризис» изменил доминирующие модели вступления на рынок труда в Италии и Испании. Карстен Перрегард исследовала предпринимательскую деятельность среди перуанских мигрантов, а Мария Санчес-Домингес и Сусанна Фален сравнили, каким образом разные институциональные контексты влияют на способность женщин-иммигрантов в Испании и Швеции раздвинуть горизонты и выйти за пределы этнических ниш.

Подробное освещение в журнале получили также *более широкие процессы* приема и адаптации иммигрантов. В нескольких статьях была рассмотрена адаптация с точки зрения класса и накопления капитала. Майа Седерберг показала сложность классовых позиций женщин-мигрантов в Соединенном Королевстве, а Сьюзан Хуот доказала, что иммигранты сталкиваются с «недостаточным признанием» их социального и человеческого капитала, что подталкивает их к компенсации этого путем выбора конкретных профессий. Выходя за рамки экономической результативности, Сильвия Майа Мельцер и Руд Й. Муффелс обращаются к растущему объему литературы по вопросам миграции и счастья, используя данные длительных наблюдений в Германии для рассмотрения субъективного самочувствия в связи с

миграцией с востока на запад после воссоединения страны. Внося свой вклад в литературу по вопросам приема мигрантов, Тимоти Б. Гравель рассмотрел причины, по которым канадцы расходятся во мнениях в отношении закрытости или открытости страны для беженцев и иммигрантов, тогда как Рой Германо продемонстрировал использование видеометодов «для поощрения эмпатии, сокращения ксенофобии и иллюстрации концепций в исследовании международной миграции».

Майгрейшн стадиз опубликовал новаторские исследования о *процессах перемещения* как такового, в том числе о том, как оно регулируется и формируется с помощью политики на различных уровнях. Сесилия Менхивар, Хулиана Э. Морис и Нестор П. Родригес исследовали далеко идущие последствия депортации гондурасских мигрантов, тогда как Нора Эль Кадим изучила символический характер визовой политики между Марокко и Европой. Бася Д. Эллис и Хендерикус Й. Стам раскрыли, каким образом польские мигранты в Канаде «учатся становиться «нелегалами»», а Тереза Альфаро-Велькамп с коллегами описали подпольный рынок документов для иммигрантов в Кейптауне. Марианн Такле сосредоточила внимание на использовании миграционной статистики в обеспечении пограничного контроля в ЕС, а Сара Коземанс рассмотрела явление выезда беженцев из постколониальных азиатских диаспор в Восточной Африке. Внося значительный вклад в литературу, посвященную регулированию миграции, журнал в ноябре 2017 года опубликовал полный специальный выпуск о режимах миграции под редакцией приглашенных редакторов Кеннета Хорвата, Анны Амелины и Карин Петерс.

Кроме того, в 2017 и 2018 годах *Майгрейшн стадиз* опубликовал новые работы на тему *транснационализма*, которая доминировала в миграционных исследованиях в последние десятилетия. Например, используя данные по Мексике, Ана Исабель Лопес Гарсия установила различное воздействие денежных переводов на явку избирателей в разных миграционных контекстах. Робтель Неаджай Пайлей изучил эволюцию института двойного гражданства в Либерии, а Али Чодхари сопоставил транснациональную ориентацию организаций пакистанских иммигрантов в Лондоне и Нью-Йорке. В своем важном методологическом материале Джон Гибсон и Дэвид Маккензи продемонстрировали надежность методов опроса для изучения темы денежных переводов.

Укрепление потенциала в области управления миграционными процессами

Исповедуя принцип, согласно которому научное познание политически релевантно, но не политически мотивировано, *Майгрейшн стадиз* является одним из академических журналов, вносящих вклад в *укрепление потенциала в области управления миграцией* в общинах и правительствах повсюду в мире. За последние несколько лет во всем мире получили распространение аспирантские программы и аналитические центры, специализирующиеся в вопросах миграции. В то же время повышение политической актуальности миграции обусловило для разработчиков политики, журналистов и специалистов НПО в других областях растущую потребность необходимого для их работы ознакомления с вопросами миграции. Ввиду этих тенденций в последние два года *Майгрейшн стадиз* ведет две серии, предназначенные для вклада в теорию и практику высшего образования по этой теме. Первой является серия под названием «*Преподавание методики миграционных исследований*», содержащая краткие описания и размышления в отношении профессиональной практики преподавания этой темы в разных частях мира, авторами которых являются крупные ученые, работающие в основных аспирантских программах со специализацией в области миграции и по смежным вопросам. Вторая серия озаглавлена «*Классика в миграционных исследованиях*». Эта серия, выходящая под редакцией члена Консультативного совета Робина Кохена, содержит обзоры канонических книг и статей по истории изучения миграции, написанные ведущими учеными в области миграции из разных частей мира.

Благодаря подобным усилиям *Майгрейшн стадиз* внес свой вклад в расширение международного сообщества экспертов в области миграции. Многие члены этого сообщества, помимо приверженности прогрессу социальных наук, глубоко вовлечены в публичные дискуссии о миграции и вносят вклад в общественную жизнь путем информирования и воздействия на образ мышления и решения политиков, разработчиков политики и специалистов-практиков в области миграционной политики на всех уровнях - от местных НПО до муниципальных органов власти, национальных правительств и международных организаций. Нам особенно приятно способствовать развитию такого сообщества в то время, когда в столь многих странах проводятся публичные дискуссии, для которых столь остро необходимы проверенные факты и рациональные аргументы в отношении миграции.

Будущие проблемы

В качестве журнала *Майгрейшн стадиз* ожидает впереди несколько проблем. Первой из них является необходимость увязать растущее сообщество естествоиспытателей, изучающих миграцию, с использованием таких методов, как геномный анализ. Хотя эти методы позволяют проникнуть в ранее невообразимые глубины знаний о характере и истории миграции людей, они также затрагивают глубокие этические вопросы. По мере развития области геномных миграционных исследований следует осуществлять его в тесном диалоге с учеными критически важных социологических дисциплин, которые могут помочь в предотвращении появления новой евгеники.

Во-вторых, *Майгрейшн стадиз* необходимо более глубоко взаимодействовать в деле миграционных исследований в психологии и медицинских науках. Как и социологические науки, эти области все больше используются для миграционных исследований, но в силу своего места среди различных дисциплин они в основном остаются без внимания.

В-третьих, перед *Майгрейшн стадиз* стоит текущая проблема достижения баланса между строго научным дисциплинарным подходом и междисциплинарной актуальностью во все более коммерциализуемом академическом сообществе. Перед всеми академическими журналами стоит важный вопрос, как поддерживать научные стандарты по мере того, как академическая издательская система продолжает напрягать уже испытывающих давление исследователей, требуя от них бесплатного труда - особенно когда рецензируемые издания сталкиваются с конкуренцией со стороны получаемого за несколько щелчков мышки широко диапазона публикаций в открытых источниках.

Наконец, от себя лично я хотел бы поблагодарить всех рецензентов, авторов, редакторов, консультантов, производственный персонал, членов издательской группы и всех других участников за экспертные знания, энергию и энтузиазм, с которыми они вносят свой вклад в издание журнала не только в последние два года, но и с момента основания нашего журнала в 2013 году, которое само по себе стало результатом многолетних коллективных приготовлений. Для меня было большой честью руководить журналом на протяжении этого периода, и когда я готовлюсь передать бразды в руки следующего редактора в конце 2019 года, я с гордостью вспоминаю тот вклад, который вносит журнал в понимание одной из наиболее важных проблем нашего времени.

*Рефьюджи сервей квортерли*²⁴*Главный редактор: Винсент Читейл*

В 2017 и 2018 годах в журнале *Рефьюджи сервей квортерли* было опубликовано 44 статьи, освещающих проблемы вынужденной миграции с многодисциплинарной и ориентированной на политику точек зрения с участием широкого круга представителей различных академических дисциплин (таких как социология, политология, право, история, география и экономика). Разнообразие в сфере охвата и содержании этих статей является результатом редакционной переориентации журнала, предпринятой после 2010 года. Хотя журнал издавался издательством «Оксфорд юниверсити пресс» с момента его создания в 1982 году, ранее он находился под руководством Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ). За это время журнал публиковал в основном библиографию и официальные документы о защите беженцев, особенно составляемые УВКБ. Он также публиковал специальные выпуски, посвященные конкретным темам, под редакцией приглашенных экспертов в соответствующих областях.

Когда в 2010 году УВКБ отошло от руководства журналом, *Рефьюджи сервей квортерли* сделал кардинальный разворот, взяв курс на превращение в подлинный академический журнал, который сегодня является справочным изданием в вопросах вынужденной миграции. Кроме внедрения скрупулезного процесса анонимного рецензирования, журнал начал охотно принимать материалы на текущей основе. В редакционную стратегию входила также диверсификация сферы охвата и содержания статей для лучшего отражения быстрых изменений в области защиты беженцев. Эта стратегия принесла свои плоды, как об этом свидетельствуют статьи, опубликованные в 2017 и 2018 годах.

Во-первых, была поставлена цель расширения географического охвата материалов. До 2010 года в статьях доминировало освещение вопросов беженцев в странах глобального Севера, особенно в Европе. Поэтому для лучшего описания препятствий, возникающих перед международной системой защиты беженцев во всем мире, был необходим более широкий географический охват. В действительности хорошо известно, что подавляющее большинство беженцев принимаются в странах глобального Юга, хотя за последнее десятилетие некоторые государства стали новыми странами назначения. Помимо статей об Африке, которые регулярно появлялись в *Рефьюджи сервей квортерли*, публикации в 2017 и 2018 годах включали статьи о Ливане, Иордании, Египте, Сирии и странах Залива, а также о таких странах Латинской Америки, как Сальвадор, Мексика и Бразилия.

Особые усилия были предприняты в последние годы для привлечения авторов к изданию статей об Азии, материалы о которой, как представляется, недопредставлены в литературе о беженцах. По-видимому, эти усилия соответствовали реальным потребностям читателей, поскольку одна из статей о Китае, опубликованная в 2018 году, набрала почти 5 000 просмотров и загрузок к моменту подготовки этого материала: см. Л. Сон. «Китай и международный режим защиты беженцев: прошлое, настоящее и возможное в будущем» (L. Song, “China and the International Refugee Protection Regime: Past, Present, and Potentials” in Vol. 37(2), 2018, pp. 139-161; в открытом доступе). Несмотря на диверсификацию географического охвата журнала, *Рефьюджи сервей квортерли*, конечно же, продолжает размещать статьи о более «традиционных» регионах убежища, таких как Северная Америка и Европа. .

24 Статьи, упомянутые в материале редактора журнала, можно найти по адресу: <https://academic.oup.com/rsq>.

Во-вторых, редакционная стратегия в последние годы состояла также в расширении тематической направленности журнала. Несмотря на его название, *Рефьюджи сервей квортерли* является журналом не только о беженцах. Его в целом интересуют все аспекты, связанные с вынужденной миграцией. Так, кроме более традиционных вопросов переселения, защиты или гуманитарной помощи, публикации 2017 и 2018 годов охватывали, в частности, проблемы, связанные с безгражданством и внутренне перемещенными лицами. В публикациях также исследуется вопрос защиты от изменения климата и бедствий: см. Б.Бурсон, В. Келин, Дж. Макадам и С. Вирасингхе. «Обязанность вывести людей из-под ударов стихии в контексте изменения климата и бедствий» (B. Burson, W. Kälin, J. McAdam and S. Weerasinghe, “The Duty to Move People Out of Harm’s Way in the Context of Climate Change and Disasters”, Vol. 37(4), 2018, pp. 379-407); как и гендерные факторы, перемещение и миростроительство: см. К.Е. Аткинсон. «Политика и возможности гуманитарного развития: перемещенные женщины и функции УВКБ по миростроительству» (K.E. Atkinson, “Policy and possibilities of humanitarian development: Displaced Women and Peace-Building Features of the UNHCR”, Vol. 37(4), 2018, pp. 408-439; в открытом доступе).

Содержание материалов в *Рефьюджи сервей квортерли* также логично расширялось по мере того, как в политике и практике прошедших десятилетий все больше размывались понятия убежища и миграции. Например, в специальном выпуске ««Нежелательные и не подлежащие возвращению иностранцы» в законодательстве об убежище и иммиграции» (под редакцией приглашенных экспертов Д. Дж. Кантора, Й. Ван Вийка, С. Зингера и М. П. Болуиса, “‘Undesirable and Unreturnable’ Aliens in Asylum and Immigration Law”, Vol. 36(1), 2017) рассматривается вопрос отказа в международной защите по соображениям безопасности просителям убежища, которые, тем не менее, не подлежат возвращению в страны своего происхождения, и особенно ввиду защиты, обеспечиваемой в соответствии с принципом невысылки. Подход к убежищу с точки зрения соображений безопасности также являлся предметом других публикаций, особенно в плане содержания под стражей и его катастрофических последствий для просителя убежища, наряду со статьями о воздействии пограничного контроля на защиту беженцев. Ограничения и опасности, органично присущие такому подходу с точки зрения соображений безопасности, хорошо иллюстрируются рядом конкретных исследований по Австралии, Канаде и европейским государствам. Еще одним интересным анализом политики в отношении беженцев в Соединенных Штатах как отражения их зарубежной политики в случаях переселения иракских или афганских беженцев является статья Н. Р. Мисински «Политика в отношении беженцев как зарубежная политика: переселение иракских и афганских беженцев в Соединенные Штаты» (N.R. Micsinski, “Refugee Policy as Foreign Policy: Iraqi and Afghan Refugee Resettlements to the United States”, Vol. 37(3), 2018, pp. 253-278).

Хотя тематический охват журнала продолжит эволюционировать с появлением новых изменений в вынужденной миграции, *Рефьюджи сервей квортерли* сохранит приверженность публикации высококачественных и оригинальных статей по вопросам, представляющим как академический, так и политический интерес. В этой связи журнал благодарен рецензентам, которые любезно предложили свое время и экспертные знания, несмотря на все увеличивающуюся рабочую нагрузку ученых в академических учреждениях. Одним из основных вызовов в предстоящие годы будет дальнейшая диверсификация авторов *Рефьюджи сервей квортерли* по их географическому происхождению. Хотя в прошлые годы уже предпринимались усилия в этом направлении, в представляемых материалах все еще доминируют ученые из стран глобального Севера. Это не особенность *Рефьюджи сервей квортерли*, а более широкое отражение преобладающих перекосов в академических исследованиях и публикациях.

В этой области, как и во многих других, производство знаний по-прежнему в основном структурировано западно-центристскими приоритетами в финансировании исследований, которое осуществляется жажичными государствами и стимулируется доминирующим дискурсом правящих элит. Эта тенденция

еще больше усугубляется сохраняющимися предрассудками, которые распространяются средствами массовой информации, как это иллюстрирует риторика - если не одержимость - в отношении так называемого кризиса беженцев в Европе. Хотя это может иметь меньше последствий в других областях, географическая представленность исследователей имеет особенно важное значение в области миграции для отражения многогранных аспектов и вызовов всемирного явления, затрагивающего каждый регион мира. Сейчас как никогда ранее существует жизненная необходимость выработки более нюансного, репрезентативного и всеобъемлющего понимания миграции посредством независимого и фактологически обоснованного знания.

Интернэшнл джорнал оф майгрейшн энд бордер стадиз

Главный редактор: д-р Идил Атак

«Интернэшнл джорнал оф майгрейшн энд бордер стадиз» (ИДМБС) является рецензируемым журналом, предлагающим форум для дисциплинарных и междисциплинарных исследований концептуального, теоретического, эмпирического и методологического аспектов миграции и пограничных исследований. Журнал объединяет усилия разнообразной палитры международных ученых и специалистов-практиков в целях популяризации знаний и совершенствования практики. За последние два года в публикациях ИДМБС были охвачены многие географические регионы и страны, документировались и критически анализировались политика и практика в области миграции и управления границами, а также освещался опыт мигрантов. ИДМБС вносит вклад в накопление знаний в трех взаимосвязанных областях, в частности в отношении: криминализации мигрантов; границ как зон сдерживания и изолирования; и стратегий по поощрению мобильности и прав человека мигрантов.

Криминализация мигрантов

Обычно публикации в ИДМБС касаются нынешних глобальных и национальных контекстов, в которых мобильность мигрантов сдерживается ограничительными мерами. Государства прибегают к криминализации миграции, или «криммиграции», для сдерживания и наказания просителей убежища и нелегальных мигрантов. Этот процесс связан с более широким применением уголовного законодательства для укрепления иммиграционных предписаний. Нарушения иммиграционных законов влекут за собой уголовные последствия без использования процедурных защитных мер, применимых к уголовному праву. К числу проблемных мер относятся произвольные задержания, практика усиления надзора, стратегии перехвата и депортации. Государства также ужесточили критерии предоставления статуса беженца с целью ограничения количества лиц, которым представляется убежище, под предлогом сдерживания «злоупотреблений». На этом фоне ИДМБС изучал важные теоретические и эмпирические последствия, связанные с «криммиграцией», и то, как это явление создается и оспаривается в различных условиях. В иллюстративных целях в одной статье сквозь историческую призму были рассмотрены идеологические корни бельгийской политики депортации мигрантов. Такой подход продемонстрировал, каким образом формирование восприятия иностранца в качестве незатянутого субъекта легитимизирует исключительные полномочия по депортации. Аналогичным образом, несколько авторов провели сопоставительное исследование для иллюстрации общих моментов в истории, обоснованиях и осуществлении политики криминализации на территориях под юрисдикцией различных государств. Одним из таких примеров является критерий безопасной страны происхождения, используемый для определения статуса беженца как в Европейском союзе (ЕС), так и в Канаде, который является инструментом делегитимизации просьб определенных беженцев и сокращения числа «нежелательных» просителей убежища.

Общей темой, красной нитью проходящей через публикации, является воздействие «криммиграции» на права человека мигрантов. Возьмем режим задержания канадскими иммиграционными властями, при котором законом не установлено четких сроков и отсутствует сколько-нибудь значимый независимый надзор. Эта ситуация явно усугубляет риск произвольного и негуманного задержания мигрантов. Еще одной иллюстрацией того, как «криммиграция» нарушает такие индивидуальные права, как право на частную жизнь и презумпцию невиновности, являются запреты на поездки, объявленные Президентом Соединенных Штатов Дональдом Трампом. Кроме того, эти запреты на поездки предусматривают обязанность государств сообщать информацию в отношении их граждан и постоянно проживающих иностранцев властям Соединенных Штатов в обмен на изъятие из списка запретных стран. Фактически в ряде публикаций ИДМБС подчеркивалось, что управление миграционными процессами стало важным аспектом межгосударственных отношений. Страны назначения все чаще сотрудничают со странами происхождения и транзита, что позволяет им эффективно контролировать свои границы и сдерживать нелегальных мигрантов. Экстернализация миграционного контроля, которая часто характеризуется дисбалансом силы между государствами, наносит ущерб правам мигрантов, как это происходит, например, в случае незаконно ввезенных просителей убежища в Индонезии. «Нелегальный статус» этой группы населения возник в результате тесного сотрудничества Индонезии с Австралией. Следствием этого являются изменения не только в индонезийском законодательстве, но и в отношении общества к просителям убежища в этой стране. Одной из тем текущих [дебатов](#) на уровне ЕС также являются договоренности с третьими странами с целью содержания беженцев в странах за пределами ЕС или на его периферии. В некоторых случаях стратегические альянсы между государствами были встроены в системы взаимных обусловленностей. Одним из таких примеров является проактивное участие стран Северной Африки и Сахеля в усилиях ЕС по иммиграционному контролю. Это участие было в основном мотивировано собственными интересами и ожиданиями этих стран от ЕС, такими как военная помощь, финансовая поддержка и признание легитимности режимов.

Запретительные границы и транзитная миграция

Границы являются сложными объектами, сочетающими дискурсивные, пространственные и временные аспекты. Эволюционирующий характер границ был одним из основных направлений для ИДМБС, который систематически изучает, как пограничный контроль функционирует на практике. Как было выявлено в одной публикации, пограничники должны выполнять задачи, связанные как с принятием решений по собственному усмотрению, так и с мерами принуждения, в ходе применения которых они вынуждены обеспечивать баланс между профессиональной этикой и их личными моральными ценностями.

Во многих статьях ИДМБС рассматривается смещение концепции границ как инструмента регулирования и какограничительных линий принадлежности. Идеальной иллюстрацией являются меры «предварительного запрета», осуществляемые Канадой для того, чтобы справиться с геополитической «угрозой», создаваемой просителями убежища из Мексики. Меры, подобные соглашению между Соединенными Штатами и Канадой о безопасной третьей стране, введению мексиканской визы и схеме безопасной страны происхождения, образовали виртуальную границу, которая позволяет эффективно фильтровать и не пропускать мигрантов из Мексики. Точно так же режим пограничного контроля ЕС во время так называемого «европейского кризиса в связи с беженцами» 2015 года стал механизмом отторжения и уязвимости мигрантов. Как отмечалось в одной из публикаций ИДМБС, когда свыше 1 миллиона людей достигли Европы, напряженная политическая дискуссия о «кризисе» помешала общественному мнению увидеть, что его причины коренятся в органичной слабости механизмов солидарности и общей ответственности в ЕС. Еще в одной статье доказывалось, что политический приоритет ЕС по противодействию незаконному

ввозу мигрантов в действительности затронул предоставление гуманитарной помощи и доступ к правам для нелегальных иммигрантов и просителей убежища. Субъекты гражданского общества, особенно занимающиеся мониторингом и политической мобилизацией в защиту прав мигрантов в Европе, столкнулись с преследованиями и уголовными приговорами при попытках оказания помощи этим группам населения. Авторы почти неизменно указывали на настоятельную необходимость обеспечения транспарентности и подотчетности на границе.

Журнал вносил вклад в понимание того, каким образом логика границ вступает в противоречие с реалиями и повседневным опытом мигрантов. В исследованиях документируется все более затяжной характер путешествий мигрантов. Состояние транзита стало ежедневно переживаемой действительностью многих людей в пути. Соответственно, издание уделяло особое внимание понятию транзита как пространства, созданного посредством режимов ограничения мобильности и вышеупомянутых систем взаимных обусловленностей. В частности, на первые страны убежища оказывается растущее давление, с тем чтобы они удвоили усилия по местной интеграции принимаемых ими беженцев. Однако эти страны прилагают напряженные усилия для удовлетворения социальных и экономических потребностей беженцев, которые часто подвергаются дискриминации. Как описано в одной статье, желание улучшить свою жизнь и избежать бесконечных временных трудностей в Турции подтолкнуло некоторых сирийских беженцев участвовать во второй волне перемещения через ЕС, несмотря на риски этого путешествия. По аналогичным причинам подавляющее большинство из 1 миллиона беженцев, которые высадились в Греции и Италии в 2015-2016 годах, впоследствии участвовали во вторичных перемещениях, чтобы избежать временного статуса и тягостных экономических условий транзита. Еще одна публикация пролила свет на положение просителей убежища, изолированных в Индонезии, которые надеются переселиться в Австралию. В ней было показано, что такое заточение в стране транзита поощряет мигрантов к согласию на предложение помощи в добровольном возвращении - во многих случаях в места, где они могут сталкиваться с преследованиями.

Предприимчивость мигрантов, границы выносливости и перспективы на будущее

Одной из приоритетных тем, исследованной в материалах ИДМБС, является жизнестойкость и предприимчивость мигрантов. Как было продемонстрировано в одной из публикаций, молодые временные мигранты из Китая и китайской провинции Гонконг в Соединенном Королевстве сумели использовать такие стратегии, как вступление в брак и применение сексуального капитала, для продления своего пребывания в стране. В других случаях мигранты могут управлять собственными миграционными траекториями путем рачительного использования новых технологий. Мобильные технологии могут сослужить службу для определения маршрутов, пунктов назначения и облегчить финансирование нелегальной миграции. К сожалению, в публикациях ИДМБС показаны также границы выносливости и способы, с помощью которых предприимчивость мигрантов обуздывается государствами для обоснования дополнительного миграционного контроля и отказа в защите. Типичным примером является шаткое положение несопровождаемых несовершеннолетних, которые прибыли из Мексики и Центральной Америки в Соединенные Штаты в 2014 году. Определение этих детей как «нелегальных мигрантов» Соединенными Штатами и мексиканскими властями позволило шире применять депортацию. Более того, меры пограничного контроля осуществлялись под предлогом оказания помощи несовершеннолетним, которые играли роль безсубъектных жертв.

Многие статьи в ИДМБС касались контрпродуктивных последствий режимов пограничного контроля. Помимо нарушений прав человека мигрантов, побочными продуктами этих режимов было распространение случаев незаконного ввоза мигрантов и торговли людьми. Как подчеркнул один автор, конструктивные

попытки урегулирования проблемы незаконного провоза мигрантов требуют от государств разработки легальных и безопасных путей доступа в страны убежища. По сути, в Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах 2016 года к государствам был обращен призыв обеспечить безопасную, упорядоченную и легальную миграцию. Недавно принятые глобальные договоры знаменуют собой продвижение вперед в более инклюзивных и принципиальных подходах к регулированию мобильности людей. Как было подчеркнуто в Глобальном договоре о беженцах, в этой связи особую важность имеет политика переселения беженцев. Один из специальных выпусков ИДМБС внес вклад в дискуссию по этому вопросу посредством сопоставления и противопоставления процедур расселения беженцев в четырех основных принимающих странах: Австралии, Канаде, Новой Зеландии и Соединенном Королевстве. Была рассмотрена политика, применяемая в нескольких ключевых областях поддержки в переселении, включая трудоустройство, медицинскую помощь, образование, социальное обеспечение и социальное страхование. В выпуске содержалось углубленное рассмотрение того, является ли политика переселения адекватной и в какой степени. В нем также критически анализировались вариации политики между государствами и между направлениями политики переселения. Сформулированные в публикациях рекомендации в отношении политики побуждают к конструктивным преобразованиям и обеспечивают информационную поддержку для разработчиков политики и других заинтересованных сторон в рассмотренных странах и на глобальном уровне. Важно отметить, что сравнительный анализ политики в области переселения показывает, что возможно укрепление солидарности с беженцами и странами глобального Юга, которые в настоящее время принимают их.

В целом исследования, опубликованные в ИДМБС, действуют как обоснованный призыв к облегчению трансграничной мобильности людей. Они рассеивают мифы о том, что миграция может регулироваться при помощи политики сдерживания. В публикациях приводятся доказательства контрпродуктивности такой политики и подчеркивается необходимость эффективных глобальных и основанных на правах человека рамок укрепления мобильности.

*Ревю эропеев дэ миграсьон энтернасьональ*²⁵

Главные редакторы: Эммануэль Ма Мунг и Вероник Петти

Ревю эропеев дэ миграсьон энтернасьональ (РЕМИ) является специализированным журналом на темы международной миграции и межэтнических отношений. Будучи междисциплинарным журналом (социология, антропология, демография, география, история, политология и т.п.), он публикует на французском, английском и испанском языках глубокие статьи эмпирического или теоретического характера, а также научные записки, которые представляют собой первые результаты проводимых исследований. Каждый номер журнала включает тематический выпуск, дополняемый рубрикой «Разное». Начиная с 2016 года в журнале ведется юридическая хроника с учетом растущей важности юридических вопросов, связанных с международной миграцией и проблемами миграционной политики. Эта возрожденная хроника координируется группой специализированных юристов, которые разрабатывают и объединяют в ней такие вопросы, как право международной миграции (конвенции, протоколы), условия приема и защиты несопровождаемых несовершеннолетних, защита и поощрение социальных прав мигрантов, права человека как средство защиты прав мигрантов, доступ к медицинским услугам, а также трудовое законодательство в отношении нелегальных мигрантов.

²⁵ Статьи, упомянутые в материале редакторов журнала, можно найти по адресу: <https://journals.openedition.org/remi/>.

РЕМИ отметил свою 30-ю годовщину публикацией специального выпуска под названием «Обновление миграционных вопросов» (32/3-4 2016). В этот специальный сборник вошли оригинальные и разнообразные материалы. Помимо классических статей, в выпуске размещены интервью с редакторами журнала, исследователями и представителями творческих профессий. В ходе этих обменов мнениями были рассмотрены такие темы, как функция научных журналов в быстро меняющемся издательском и исследовательском мире, употребление категорий и понятий в процессе изучения миграционных проблем и межэтнических отношений, а также место миграции в многокультурных обществах. В других статьях идет речь об эпистемологических вызовах в связи с методами опросов населения в городских условиях (использование фотосъемки, звукозаписи), измерением миграционных потоков, картированием миграционных потоков и описанием историй мигрантов. В других статьях анализируются более злободневные и животрепещущие вопросы: миграционная политика Соединенных Штатов и оживление «Шелкового пути» между Азией и Европой.

Проблема насилия является темой, неоднократно затрагиваемой в последних досье. Важность этой проблемы отражает трагические последствия миграционной политики в конкретных контекстах или кризисах и появление работ, посвященных миграционным поездкам. В досье «Обличение насилия на границах. Словесное описание миграции в Европу» (33/2-3, 2017), которое координируют Сесиль Каню и Анаик Пиан, исследуется насилие на границах с применением лингвистического подхода. Рассматривая языковую практику в качестве неотъемлемой части миграционной практики в контексте миграции в Европу, авторы статей анализируют, как действующие лица передают словами смерть и насилие на границах. Смерть рассматривается во многих аспектах: социальная смерть, физическая смерть, исчезновение, институциональный произвол и произвол сил безопасности и т.п. Эти языковые практики понимаются на разных социологических и политических уровнях, будь то в связи с их формированием в институциональных пространствах (международными организациями, политическими кругами на европейском или государственном уровне) или в связи с их восприятием мигрантами во время их жизни в Европе или впоследствии, то есть, когда они прибывают туда или когда они возвращаются в свои страны после высылки. Языковой подход соответствует рассмотрению как дискурсов, касающихся мигрантов, так и нарративов, используемых мигрантами в плюралистичных дискурсивных рамках. Этот ракурс позволяет рассуждать о пограничном объекте, одновременно предлагая координатную сеть для интерпретации социально-пространственных аспектов неравенства в эпоху глобализации.

Вопрос о насилии и миграционные маршруты упоминаются также при рассмотрении положения беженцев. Карен Аюка, Оливье Клошар и Альбена Чолакова в досье «Признаны беженцами, а что дальше?» (33/4, 2017) задаются вопросом о судьбе беженцев после обретения ими этого статуса. Они начинают свой труд с замечания о том, что исследования, посвященные положению признанных беженцев, по-прежнему слишком редки среди научных работ об условиях убежища в Европе. Подавляющее большинство академических трудов фокусируются на положении претендентов на статус беженца еще до того, как их ходатайство удовлетворено или отклонено. В статьях, представленных в этом досье, рассматривается период «после» этого. Авторы ставят под сомнение широко распространенное представление о том, что получение статуса беженца является своего рода достижением, и предлагают нам критически рассмотреть его последствия в плане социальных, идентификационных и политических реконфигураций. Различные конкретные исследования по разным группам населения (армянам, африканцам, камбоджийцам, тамилам) и периодам проливают свет на статус беженца в рамках индивидуального и коллективного опыта.

Кроме того, опыт изгнания и жизни после него рассматривается в досье «Жить, мыслить и писать в изгнании» (33/1, 2017), которое координирует историк Ральф Шор, стремящийся понять пути и выбор

идентичности особой категории изгнанников - писателей и мыслителей. Многие из них покинули родину добровольно, как в случае тех, кто погрузился в интеллектуальные искания, или вынужденно, как в случае политических беженцев. Статьи по истории и социологии описывают условия жизни писателей вдали от их стран, что позволяет понять их образ мышления и способы выражения их мыслей. Некоторые авторы артикулируют двойной корпус текстов: дискурсивные данные, полученные в ходе интервью с авторами и мигрантами одного и того же происхождения, и корпус, сконструированный из их литературных работ. В этих статьях анализируются литературные и антропологические тексты о миграции, нарратив о себе и других, выражение эмоций и чувств и мнения наблюдателя. Некоторые статьи на прочие темы посвящены связям между кинематографией и опытом мигрантов в странах, где есть киноиндустрия. Каким образом кино и фотография открывают новые пространства для дискурса? Специальное и богато иллюстрированное досье посвящено связям между фотографией, миграцией и городами (43/3-4, 2016). Каким образом кино и фотография отражают миграционный опыт, ожидания, жизнь, жилищные условия и условия труда мигрантов? Эти статьи также показывают, как запечатленные образы вносят вклад в текущие события и накопление памяти, вызывают эмоции, размышления, мобилизацию и осуждение.

Современные ситуации рассматриваются также сквозь призму истории, что позволяет уловить разрывы и преемственность и выработать сопоставительные перспективы. Именно об этом идет речь в досье «Миграция румынских ромов в Европу: политика социальной интеграции, стратегии для разграничения и ослабления/укрепления границ идентичности», которое координируют Михаэла Недельчу и Руксандра-Оана Чобану (32/1, 2016). Этот же ракурс используется в досье «Миграционные передвижения вчера и сегодня в Италии», которое координируют Паола Корти и Аделина Миранда (34/1, 2018) и в котором критически рассматривается миграционная история Италии в то время, когда эта страна становится все заметнее на международной арене в результате политики по высылке иностранцев на национальных границах. В случае Италии анализ в русле миграционных исследований позволяет предположить, что невозможно определить сферы миграции, в которых движутся старые и новые протагонисты, посредством простого анализа территориальных траекторий. С одной стороны, опубликованные исследования показывают, что использование дальней перспективы имеет существенное значение для придания относительного характера нынешнему анализу, а с другой стороны, оно показывает эвристическую заинтересованность в варьировании фокуса исторической перспективы на фактические данные о миграции. Аналогичным образом, поскольку уже немислимо использовать категории, которые семантически отражают типологии, применяемые в политическом дискурсе и используемые в его целях, полезно рассмотреть различные пространственно-политические масштабы - местный, региональный, национальный и международный - при присвоении субъективного уровня понимания сложности этого явления. Эта историческая перспектива присутствует также в досье «Подготовка элит: мобильность студентов из стран Африки к северу от Сахары в странах бывшего социалистического блока», которое координируется Мишель Леклерк-Олив и Мари-Антуанет Или (32/2, 2016) и проливает свет на забытые страницы нашей истории, исследует сотрудничество между странами во имя осуществления идеологического проекта и «квалифицированную миграцию», которую порождают между государствами эти программы. Освещение этого опыта приводит к обсуждению дескриптивных категорий этих видов «мобильности» и «элит».

Наконец, последнее досье «Психическое здоровье в контексте международной миграции» (34/2-3, 2018), координируемое Вероник Пети и Сименгом Вангом, является первым досье РЕМИ на тему психического здоровья. Оно публикуется в то время, когда миграционная политика во Франции и в Европе в силу ее пагубных последствий подрывает права, доступ к медицинской помощи и здоровье многих мигрантов. В статьях описаны эмпирические исследования по вопросам оказания мигрантам терапевтической и психиатрической помощи на различных этапах их миграционного маршрута. Рассмотрение с точки зрения психического здоровья вновь заостряет внимание на системе социальных взаимоотношений, в которой

находятся мигранты. Оно также позволяет проанализировать социальные условия возникновения, проявления психологических страданий и управления психологическим состоянием на микро-, мезо- и макросоциальном уровнях. Методы оказания институциональной, социальной, правовой и медицинской помощи мигрантам, у которых поставлен диагноз «наличие психических расстройств, психологических переживаний или состояния душевного страдания», обусловлены последствиями миграционной политики, динамикой приема и попечения мигрантов, организацией системы ухода и субъективным отношением и самовыражением.

Глава 6

Добавление А. Термины и определения, касающиеся социальной интеграции мигрантов и социальной сплоченности

Для обозначения интеграции мигрантов в принимающих обществах и социальной сплоченности используются различные термины. Выбор того или иного термина зависит от собеседника (кто/какая заинтересованная сторона), конкретного периода времени (когда) и исторического, политического, социального, культурного и экономического контекста конкретной принимающей страны или общества (где).

В таблице ниже приведены примеры некоторых часто употребляемых терминов вместе с возможными определениями. Однако эти определения только подразумевают то, как можно толковать эти термины, поскольку не существует каких-либо универсально согласованных определений.

Акультурация	«[А]культурация охватывает явления, происходящие в случаях, когда группы лиц, представляющих различные культуры, вступают в длительный непосредственный контакт, что приводит к последующим изменениям в первоначальных культурных моделях обеих групп или одной из них». <i>Источник: Redfield, Linton и Herskovits, 1936, in Berry, 1997.</i>
Адаптация	«Избирательная и часто сознательная попытка модификации определенных аспектов культурной практики в соответствии с нормами и ценностями принимающего общества». <i>Источник: Castles et al., 2002.</i>
Ассимиляция	«Ориентированный в одном направлении подход в политике в области интеграции, при котором этническая или социальная группа - обычно меньшинство - перенимает культурную практику другой - обычно принадлежащей к большинству этнической или социальной группы. Ассимиляция предполагает поглощение языка, традиций, ценностей, нравов и образа поведения, что, как правило, приводит к меньшей социальной отличимости ассимилируемой стороны от других членов принимающего общества». <i>Источник: MOM, 2019.</i>
Культурное разнообразие	«Разнообразие форм культуры в обществе, состоящем из групп людей с разными культурными корнями». <i>Источник: European Migration Network, 2014, in MOM, 2019.</i>

Отторжение	<p>«Может означать отказ в доступе к определенным правам, ресурсам или льготам, обычно считающимся атрибутами членства в том или ином обществе. Иммигранты часто включаются в некоторые сферы жизни общества (например, рынок труда), но исключаются из других (например, политическое участие)».</p> <p><i>Источник: Castles et al., 2002.</i></p>
Инклюзия	<p>«Процесс, при котором иммигранты или беженцы становятся участниками в конкретных подсекторах общества: в системе образования, на рынке труда, в системе социального обеспечения, политическом представительстве и т.п. Делается акцент на активные и осознанные процессы: а именно политику государственных учреждений или работодателей, а также роль самих вновь прибывших. Рассматривается как противоположность исключению и социальному отторжению».</p> <p><i>Источник: Castles et al., 2002.</i></p>
Инкорпорация	<p>«Некоторые социологи считают, что термин «инкорпорация иммигрантов» является довольно нейтральным и означает общий процесс, посредством которого вновь прибывшие становятся частью общества. Считается, что его употребление позволяет избежать нормативных коннотаций, связанных с такими терминами, как «ассимиляция», «интеграция» и «инсерция»».</p> <p><i>Источник: Castles et al., 2002.</i></p>
Инсерция	<p>«Процесс, посредством которого иммигранты и беженцы включаются в различные социальные подсектора. Этот термин происходит от французской республиканской модели индивидуальной ассимиляции иммигрантов и подразумевает их включение в неизменный социальный институт - иными словами, что иммигранты вынуждены ассимилироваться в существующие структуры».</p> <p><i>Источник: Castles et al., 2002.</i></p>
Интеграция	<p>«Двухсторонний процесс взаимной адаптации, происходящий между мигрантами и обществами, в которых они живут, когда мигранты инкорпорируются в общественную, экономическую, культурную и политическую жизнь принимающей общины. Интеграция предполагает наличие ряда совместных обязанностей мигрантов и общин и включает другие смежные понятия, такие как «социальная инклюзия» и «социальная сплоченность»».</p> <p><i>Источник: MOM, 2019.</i></p>
Межкультурализм	<p>«[М]етодика устранения различий и создания устойчивых связей и социального капитала. А именно: поощрение отношений между людьми с некоторыми общими характеристиками (устойчивых связей), а также отношений между людьми с разными корнями (поощрение взаимодействия между людьми с разными религиями, языками и т.д.), которые предрасположены к уважению различий других [...] В этом случае появляется способ избежать изоляции и сегрегации людей, которые могут обрекать их на бессрочное социальное отторжение».</p> <p><i>Источник: Zapata-Barrero, 2017.</i></p>

Мультикультурализм	<p>«Одна из моделей политики интеграции, в которой приветствуется сохранение, выражение и иногда даже празднование культурного разнообразия. Этот подход поощряет мигрантов к превращению в полноправных членов общества с одновременным сохранением своей культурной идентичности. Он сочетает в себе признание различных культур происхождения, традиций и мировоззрений с определенными универсальными ценностями, такими как верховенство права или гендерное равенство, которые имеют преобладающую силу над культурными различиями и гарантируют одинаковые права для всех. В этом случае формула интеграции лучше всего передается в образе мозаики, позволяющей группам из числа этнических меньшинств жить бок о бок с составляющим общество большинством».</p> <p><i>Источник: MOM, 2019, адаптировано из MOM, 2017b.</i></p>
Социальная сплоченность	<p>«Хотя какое-либо универсальное определение отсутствует, социальная сплоченность, как правило, ассоциируется с такими понятиями, как «солидарность», «единение», «терпимость» и «гармоничное сосуществование, и означает социальный порядок в том или ином обществе или общине, основанный на общем для всех общин видении и ощущении принадлежности; где высоко ценят и положительно оценивают разнообразие людей с различным происхождением и в различных обстоятельствах; люди с другим происхождением имеют такие же возможности в жизни; и между людьми с различным происхождением налаживаются тесные и позитивные отношения на рабочем месте, в школах и в жилых кварталах».</p> <p><i>Источник: MOM, 2019, адаптировано из Demireva (2017), цитируется Cantle, 2005.</i></p>
Социальное отторжение	<p>«Социальное отторжение означает ситуацию, в которой лицо или группа страдают от многих аспектов неблагоприятного положения в различных социальных секторах (например, в сферах образования, занятости, жилья, здравоохранения)».</p> <p><i>Источник: Castles et al., 2002.</i></p>
Социальная инклюзия	<p>«Процесс укрепления способности, возможностей и достоинства людей, находящихся в неблагоприятном положении на основании их идентичности, принимать участие в жизни общества».</p> <p><i>Источник: Всемирным банком, 2013, в MOM, 2019.</i></p>
Транснационализм	<p>«Транснационализм в широком смысле означает многочисленные связи и взаимодействия, объединяющие людей и институты через границы наций-государств».</p> <p><i>Источник: Vertovec, 1999.</i></p>

Добавление В. Нормативно-правовые рамки инклюзии мигрантов

Как показано в главе 6, различные ключевые области политики инклюзии мигрантов соответствуют некоторым конкретным правам, которыми вправе обладать все люди, включая мигрантов, и основываются на них. В диаграмме, содержащейся в настоящем добавлении, представлен обзор некоторых из прав, имеющих существенно важное значение для инклюзии мигрантов.

Все эти права закреплены в конкретных международных договорах, особенно образующих часть международного права прав человека и международного трудового права. Без ущерба для других соответствующих международных и региональных правовых документов, эти договора включают следующее:

Международное право прав человека	Международное трудовое право
<ul style="list-style-type: none"> • Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года • Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года • Конвенция о правах ребенка 1989 года • Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 года 	<ul style="list-style-type: none"> • Конвенция о работниках-мигрантах (пересмотренная), 1949 год (№ 97) • Конвенция о трудящихся-мигрантах (дополнительные положения), 1975 год (№ 143)

Хотя эти договора имеют обязательную юридическую силу только для ратифицировавших их государств, оба Пакта 1966 года уже ратифицированы практически всеми государствами²⁶. Кроме того, некоторые из прав, указанных в диаграмме ниже, как правило, считаются частью обычного международного права. Таким образом, они имеют обязательную юридическую силу для всех государств, независимо от ратификации ими конкретных договоров или конвенций. Эти права по обычному праву в основном и составляют главное правовое обоснование для инклюзии мигрантов, состоящее в принципе недискриминации, который обеспечивает, чтобы права всех лиц, включая мигрантов, не отменялись и не нарушались на основании «расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства», включая миграционный статус²⁷.

26 В отношении положения дел с ратификацией Международного пакта о гражданских и политических правах, ратифицированного 172 государствами, см. https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?chapter=4&clang=_en&mtdsg_no=IV-4&src=IND; в отношении ратификации Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, ратифицированного 169 государствами, см. https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=IV-3&chapter=4&clang=_en.

27 КПЧ ООН, 1989: пункт 7. Однако, как отметил Комитет, «не всякое различие в обращении представляет собой дискриминацию при условии, что критерии такого различия являются разумными и объективными, а задача состоит в том, чтобы достичь цель, которая допускается по [Международному пакту о гражданских и политических правах]» (там же, пункт 13). Об обычном характере принципа недискриминации см. Chetail, 2019.

Добавление С. Основные выводы Обследования граждан из числа иммигрантов

В 2011-2012 годах под руководством Фонда короля Бодуэна и Группы по вопросам политики в области миграции было проведено *Обследование граждан из числа иммигрантов*²⁸ с участием 7473 мигрантов, родившихся за пределами Европейского союза и проживающих в 15 городах семи государств-членов ЕС. Вопросы обследования касались шести аспектов инклюзии, и полученные ответы позволили сформулировать следующие основные выводы:

1. Занятость

- Проблемы на рынке труда часто имеют местный характер и варьируются от небольшого количества легально заключаемых договоров в Южной Европе и до дискриминации и недоверия к зарубежным сертификатам о полученной квалификации в Северной Европе.
- Для иммигрантов важной проблемой является гарантия сохранения рабочего места.
- 25-33% работающих иммигрантов считают, что у них более высокая квалификация, чем требуется для их работы.
- Образованные иммигранты в случае подачи ими заявления о признании их зарубежных дипломов о квалификации часто получают такое признание, но с такими заявлениями обращаются немногие.
- Большинство мигрантов в трудоспособном возрасте хотят получить дополнительную подготовку.
- Для иммигрантов проблемы сочетания профессиональной подготовки, работы и семейной жизни являются более серьезными, чем для большинства населения страны.

2. Языки

- Иммигранты, как правило, знают больше языков, чем средний гражданин в стране их проживания.
- Для иммигрантов, как и для большинства людей, основной проблемой в изучении нового языка является недостаток времени.
- Получение информации о возможностях в плане учебы может быть более трудным для иммигрантов, чем для остального населения.
- Языковые курсы или курсы по интеграции посещают разные категории иммигрантов.
- Участники обследования высоко оценивают курсы по изучению языка и часто связывают их с социально-экономической интеграцией.

3. Политическое и гражданское участие

- Большинство иммигрантов заинтересованы в участии в голосовании (зачастую в такой же степени, как и граждане).
- Большинство иммигрантов желали бы большего разнообразия в политике, и многие готовы голосовать в его поддержку.

- Расширение участия иммигрантов в общественной жизни происходит неодинаково в разных городах и в разных организациях.
- Осведомленность иммигрантов о наличии иммигрантских НПО или участие в их работе в значительной степени зависят от их местного и национального контекста.

4. Объединение семьи

- Лишь ограниченное количество мигрантов в первом поколении когда-либо разлучались с партнерами или детьми.
- Большинство разлученных семей уже объединились в большинстве обследованных стран.
- Большинство разлученных на данный момент иммигрантов не хотят ходатайствовать о воссоединении семьи - в одних случаях по семейным соображениям, а в других случаях из-за препятствий, создаваемых политикой.
- Объединение семьи помогает иммигрантам в улучшении семейной жизни, укреплении чувства принадлежности и иногда в достижении других результатов в процессе интеграции.

5. Долгосрочное проживание

- 80-95% иммигрантов являются долгосрочными резидентами или хотят ими стать.
- Большинство временных мигрантов в новых странах иммиграции также хотят стать долгосрочными резидентами.
- В среднем люди подают ходатайства вскоре после истечения минимального срока проживания.
- Для заявителей в некоторых странах основными проблемами были названы наличие документов и широкие полномочия властей.
- Долгосрочное проживание помогает большинству иммигрантов получить лучшую работу и ощущать себя более укоренившимися.

6. Гражданство

- Примерно 3 из 4 иммигрантов являются гражданами или хотят ими стать.
- Те немногие, кто не заинтересован в гражданстве, часто или не видят разницы со своим нынешним статусом, или сталкиваются с конкретными препятствиями в результате проводимой политики.
- Основными причинами отказа от натурализации во Франции названы сложные процедуры, а в Германии - ограничения на двойное гражданство.
- Натурализация является более обычным явлением в традиционных странах иммиграции и для получающих в этом содействие групп в Венгрии и Испании.
- Иммигранты, имеющие право на натурализацию, часто откладывают на годы подачу заявлений.
- Гражданство помогает иммигрантам чувствовать себя более укоренившимися, получить лучшую работу и даже обеспечить для себя более высокий уровень образования и участия.

Источник: Отрывок из Huddlestone и Dag Tjaden, 2012.

Глава 7

Добавление А. Основные приоритеты и действия для мониторинга здоровья мигрантов и развития систем здравоохранения, учитывающих потребности мигрантов

Мониторинг здоровья мигрантов

Приоритеты	<ul style="list-style-type: none"> • Обеспечение стандартизации и сопоставимости данных о здоровье мигрантов. • Содействие углублению понимания тенденций и результатов посредством надлежащей дезагрегации и анализа информации о здоровье мигрантов с учетом разнообразия групп населения из числа мигрантов. • Улучшение мониторинга здорового образа жизни мигрантов, доступа к медицинским услугам и пользования ими и расширение сбора данных, касающихся состояния и показателей здоровья мигрантов. • Выявление и картирование: а) передовой практики в мониторинге здоровья мигрантов; б) моделей политики, облегчающих справедливый доступ мигрантов к здравоохранению; и с) моделей и практик инклюзии мигрантов в системах здравоохранения. • Подготовка полезных данных, которые могут быть связаны с процессом принятия решений и мониторингом воздействия политики и программ.
Основные действия	<ul style="list-style-type: none"> • Определение ключевых показателей, являющихся приемлемыми и применимыми в разных странах. • Содействие включению переменных миграции в существующие переписи населения, национальную статистику, целевые обследования здоровья и обычные системы медико-санитарной информации, а также в статистику таких секторов, как жилищная сфера, образование, сфера труда и миграция. • Использование инновационных подходов для сбора данных о мигрантах, помимо традиционных инструментов, таких как статистика естественного движения населения и обычные системы медико-санитарной информации. • Четкое разъяснение мигрантам целей сбора связанных со здоровьем данных и их возможностей в получении пользы от этой деятельности, а также внедрение гарантий предупреждения использования данных дискриминационным или вредоносным образом. • Повышение осведомленности о методах сбора данных, способах их применения и обмене данными о здоровье мигрантов между правительствами, гражданским обществом и международными организациями. • Подготовка глобального доклада о состоянии здоровья мигрантов, включая доклады о прогрессе в этой области в каждой из стран.

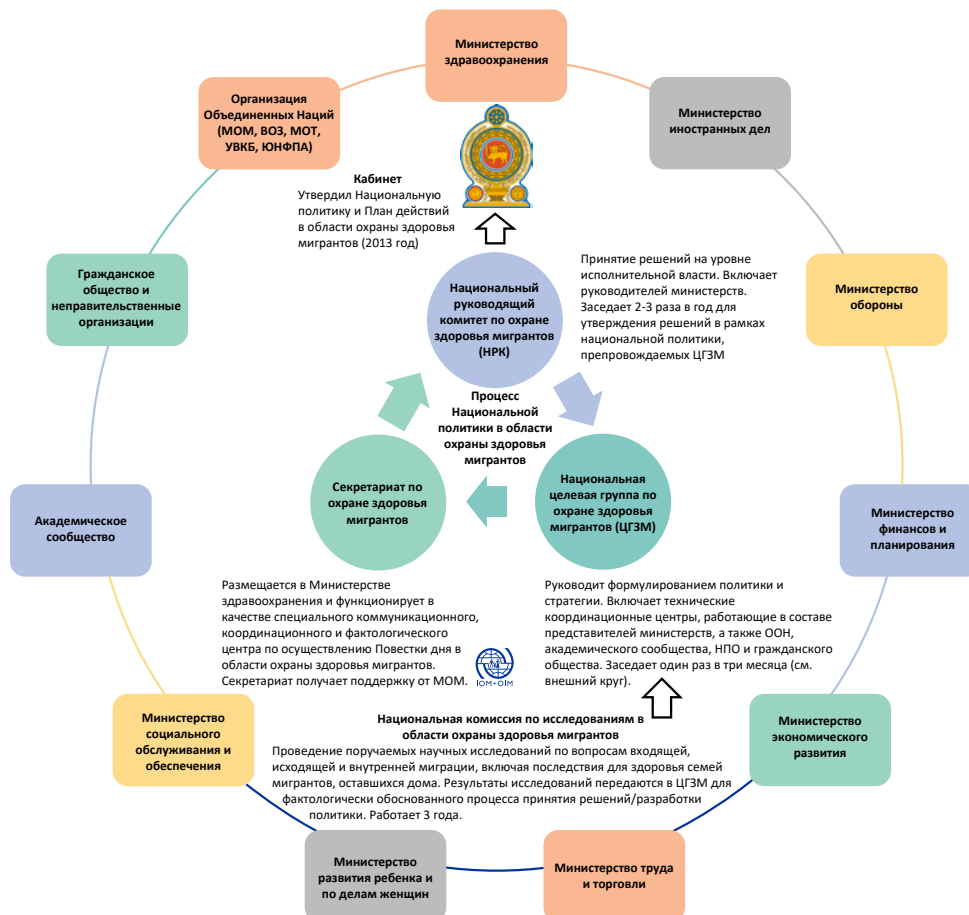
Системы здравоохранения, учитывающие потребности мигрантов

Приоритеты	<ul style="list-style-type: none"> • Обеспечение медицинского обслуживания мигрантов с надлежащим учетом их культурных и языковых особенностей и соблюдение законов и предписаний, запрещающих дискриминацию. • Принятие мер для расширения возможностей систем здравоохранения по инклюзивному обслуживанию мигрантов и осуществлению программ такого обслуживания всеобъемлющим, скоординированным и финансово устойчивым образом. • Обеспечение непрерывности и качества медицинской помощи, получаемой мигрантами во всех обстоятельствах, включая помощь от медицинских служб НПО и альтернативных провайдеров. • Развитие потенциала медицинских и соответствующих немедицинских работников в плане понимания и урегулирования медицинских и социальных проблем, связанных с миграцией.
Основные действия	<ul style="list-style-type: none"> • Создание при правительствах координационных центров по вопросам здоровья мигрантов. • Разработка стандартов предоставления медицинских услуг, организационного управления и регулирования, учитывающих: потребности в кадрах, компетентных в вопросах культур и языков; эпидемиологические факторы; и правовые, административные и финансовые проблемы. • Разработка рамочной основы для внедрения и мониторинга показателей эффективности систем здравоохранения в предоставлении медицинских услуг, учитывающих потребности мигрантов. • Разработка методов анализа затрат, связанных с урегулированием или отсутствием урегулирования проблем здоровья мигрантов. • Привлечение медицинских работников из числа представителей диаспор мигрантов к разработке, внедрению и оценке медицинских услуг и образовательных программ, учитывающих потребности мигрантов. • Включение тематики здоровья мигрантов в программы высших учебных заведений, аспирантур и непрерывного профессионального образования всего медицинского персонала, включая вспомогательный и управленческий персонал.

Добавление В. Уроки продвижения Национальной политики и рамочной программы действий в области охраны здоровья мигрантов в Шри-Ланке

Экономика Шри-Ланки вновь стала одной из процветающих экономик в Южной Азии в результате устойчивого экономического роста и дивидендов мира, полученных после прекращения затяжного гражданского конфликта в 2009 году. Миграция продолжает оставаться катализатором развития Шри-Ланки в Южно-Азиатском регионе. Шри-Ланка является страной как происхождения, так и назначения трудовых мигрантов с учетом более 2 миллионов ее граждан, работающих за рубежом, и растущего количества трудящихся-мигрантов из таких стран, как Индия и Китай, прибывающих для работы в рамках ширококомасштабных инфраструктурных проектов, в частности сооружения новых автомагистралей, морских портов и аэропортов. Согласно прогнозам такое развитие приведет к дальнейшему увеличению мобильности населения, обусловленной прибытиями на остров и передвижениями внутри него. Окончание длительной гражданской войны привело к возвращению многих шри-ланкийских беженцев из Индии и других стран и еще большего количества внутренне перемещенных лиц в родные места. Поэтому становится важным урегулировать проблем охраны здоровья населения, вовлеченного в ряд динамических потоков.

Диаграмма 1. Продвижение процесса Национальной политики в области миграции и охраны здоровья в Шри-Ланке

Признавая межсекторальный характер решения проблем миграции и охраны здоровья, правительство Шри-Ланки применило подход совместного «вовлечения всех органов государственного управления» - с участием гражданского общества, Организации Объединенных Наций, академического сообщества и правозащитников, выступающих за права мигрантов - для продвижения Национальной политики в области охраны здоровья мигрантов и осуществления Плана действий, принятых в 2013 году.

Шесть основных уроков продвижения Национальной политики в области охраны здоровья мигрантов

1. Применение межсекторального и основанного на широком участии подхода

Под руководством Министра здравоохранения был создан межведомственный механизм для активизации повестки дня в области миграции и охраны здоровья. Многосекторальные рамки координации включают три элемента: а) специальный секретариат в Управлении политики и планирования для обеспечения повседневной координации; б) Национальную целевую группу по охране здоровья мигрантов (ЦГЗМ) для обеспечения технического сотрудничества; и с) Национальный руководящий комитет для принятия решений на законодательном и исполнительном уровнях. В работе ЦГЗМ участвуют представители гражданского общества, неправительственного сектора, академических кругов и межправительственных организаций, а также самих мигрантов.

2. Применение инклюзивного подхода

После активных обсуждений ЦГЗМ выделила целевые категории мигрантов во всех трех миграционных потоках: входящем, исходящем и внутреннем. К прибывающим мигрантам относятся иностранные трудящиеся-мигранты и возвращающиеся беженцы; исходящая миграция включает такие категории, как трудовые мигранты, международные студенты и военнослужащие; а в число внутренних мигрантов входят такие категории, как трудящиеся в зоне свободной торговли, сезонные рабочие и внутренне перемещенные лица. Учитывая большие контингенты трудящихся-мигрантов, четвертый целевой сегмент адресатов политики составили оставленные дома дети и семьи международных трудящихся-мигрантов.

3. Применение активного «фактологически обоснованного подхода»

Отличительной чертой разработки политики в Шри-Ланке стал упор на фактологически обоснованный подход к разработке направлений политики и руководства по принятию соответствующих мер. На начальном этапе был разработан профиль миграции в стране, и была создана Национальная комиссия по исследованиям в области охраны здоровья мигрантов, работающая в течение трех лет. Были предприняты усилия для проведения междисциплинарных исследований не только на строго научной основе, но и с использованием высоких этических стандартов. Полученные результаты были представлены на ряде национальных симпозиумов по исследованиям в области охраны здоровья мигрантов, проходивших с участием представителей государственных учреждений, сообщества мигрантов, гражданского общества, партнеров по развитию, учреждений Организации Объединенных Наций, частного сектора и академических кругов.

4. Применение прагматичного и восприимчивого подхода

Важной особенностью процесса разработки политики стало приоритетное обязательство реагировать на любые национально значимые вызовы в области миграции и охраны здоровья, с которыми могла бы столкнуться страна, а не просто сохранение статического процесса только для целей формулирования политики. Была признана полезность межведомственной целевой группы для принятия практических мер. Например, для расширения возможностей в плане совершенствования подготовки, реагирования

и смягчения глобальных рисков для безопасности здравоохранения на пунктах въезда, улучшения эпиднадзора за болезнями и координации на пунктах въезда была разработана Национальная стратегия охраны здоровья на границах.

5. Внедрение рамок подотчетности

Одним из основных аспектов осуществления политики является отслеживание прогресса и представление регулярных отчетов о ходе работы на национальном, субнациональном и глобальном уровнях. Шри-Ланка официально отчиталась о прогрессе, достигнутом в отношении четырех областей вмешательства, подробно описанных в резолюции 61.17 Всемирной ассамблеи здравоохранения «Здоровье мигрантов», в 2010 и 2011 годах. ЦГЗМ также подготовила национальный отчетный лист по миграции и охране здоровья, с полным текстом которого можно ознакомиться по адресу www.migrationhealth.lk. Регулярно возникает проблема поддержания координации как внутри Министерства здравоохранения, так и между министерствами и партнерами.

6. Обеспечение дипломатии и участия в области глобального здравоохранения

В глобализованном мире отдельные государства-члены не могут «сделать это в одиночку» для эффективного продвижения своих национальных повесток дня в области охраны здоровья мигрантов. Необходимо предпринимать многосторонние дипломатические усилия совместно как с направляющими, так и принимающими странами, признавая, что факторы уязвимости здоровья могут действовать на всех этапах миграции и через границы.

Добавление С. Охрана здоровья в процессе осуществления Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции

Цель 1: сбор и использование точных и дезагрегированных данных в качестве основы для выработки эмпирически обоснованной политики

Разработка специфических для страны профилей миграции с использованием дезагрегированных данных в национальном контексте должна включать применение данных о здоровье в ходе формулирования эмпирически обоснованной миграционной политики. Эту работу можно начать с создания практических платформ, объединяющих специалистов-исследователей, ученых и разработчиков политики на мировом уровне для укрепления информационных систем в целях анализа тенденций в области здоровья мигрантов, дезагрегированной медицинской информации и содействия обмену полученными уроками.

Цель 7: изучение и ослабление факторов уязвимости в процессе миграции

Меры по устранению факторов уязвимости в процессе миграции включают предоставление медицинской помощи, а также психологических и других консультационных услуг, в частности женщинам-мигрантам, подросткам и несопровождаемым и разлученным детям на всех этапах миграции. Это также потребует учета опыта мигрантов, в том числе в связи с ксенофобией, ограничениями миграции для мигрантов с медицинскими потребностями, и рассмотрения пробелов и несоответствий в проводимой политике, а также усилий по повышению жизнестойкости мигрантов путем надлежащего информирования, просвещения и расширения возможностей в плане самопомощи.

Цель 10: предупреждение, пресечение и искоренение торговли людьми в контексте международной миграции

Предоставление защиты и помощи жертвам торговли людьми потребует интеграции мер по охране физического и психологического здоровья, включая предоставление услуг и развитие потенциала. Для этого будут необходимы трансграничное сотрудничество и партнерские отношения в целях согласования межсекторальной политики и практики и обеспечения непрерывности ухода и реагирования системы здравоохранения на конкретные медицинские потребности женщин, мужчин, девочек и мальчиков.

Цель 15: охват мигрантов базовыми услугами

В этой цели правительствам предлагается обеспечивать «учет потребностей мигрантов в медицинской помощи в национальных и местных планах и политике в области здравоохранения, [...] в том числе с учетом соответствующих рекомендаций, содержащихся в рамочном документе ВОЗ о приоритетах и руководящих принципах поощрения охраны здоровья беженцев и мигрантов», который был разработан в сотрудничестве с государствами-членами, МОМ и другими партнерами Организации Объединенных Наций. Эти обязательства увязаны с планами правительств в отношении результатов ЦУР, касающихся охраны здоровья (ЦУР 3 и др.), включая укрепление систем здравоохранения, учитывающих интересы мигрантов.

Цель 22: создание механизмов перевода материальных прав в области социального обеспечения и приобретенных льгот

Включение связанных с охраной здоровья действий в осуществление этой цели потребует оценки и укрепления защиты от финансовых рисков в медицинских службах в целях снижения бремени катастрофических медицинских расходов на оказание помощи мигрантам. Социальная защита в сфере здравоохранения должна быть неотъемлемым компонентом взаимных соглашений о социальном обеспечении, касающихся переносимости приобретенных льгот для трудящихся-мигрантов всех уровней квалификации в процессах как долгосрочной, так и временной миграции.

Глава 9

Добавление А. Политические процессы, имеющие важное значение для регулирования экологической миграции

Обсуждение вопросов экологической миграции, помимо процессов РККОООН и Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, продолжается в рамках различных тематических политических процессов. Это включает следующие форумы, но не ограничивается ими: совещания по Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе с опустыниванием (КБООН), Сендайской рамочной программе по снижению риска бедствий, Совет по правам человека (СПЧ) и деятельность под руководством Управления Верховного комиссара по правам человека (УВКПЧ), дискуссии, проводимые трехсторонними участниками Международной организации труда (МОТ), Ассамблея Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕА), Исполнительный комитет Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ), а также механизмы руководящего органа МОМ²⁹. Все эти глобальные политические площадки посвятили специальные сессии вопросам миграции и перемещения в контексте изменения климата, стихийных бедствий и деградации окружающей среды. Другие процессы - такие как «Путь Самоа», посвященные проблемам малых островных развивающихся государств или рассмотрению основных экологических проблем, в частности связанных с океанами, экосистемами или водными ресурсами, - также включают вопросы миграции. На инфографике ниже кратко описаны основные элементы различных политических форумов и механизмов.

Особого упоминания заслуживает Платформа по вопросу о перемещениях в результате бедствий (ППБ), которая была создана по инициативе государств в целях объединения проблематики миграции и изменения окружающей среды для устранения пробела в защите лиц, перемещенных через границы, и в частности для осуществления Нансеновской инициативы Повестки дня в области защиты, принятой 108 странами в 2015 году³⁰. ППБ позволяет сосредоточить внимание главным образом на перемещении и имеет также план работы, направленной на укрепление адаптивного потенциала всех людей, которые могут перемещаться в связи с экологическими стрессами, в частности вызванными стихийными бедствиями и изменением климата. Например, недавно обновленная стратегия ППБ способствует управлению рисками перемещения посредством ухода «с пути вреда достойным образом за счет создания каналов для безопасной, упорядоченной и легальной миграции»³¹. В плане работы ППБ указывается, что миграция может быть одной из мер реагирования на риск стихийного бедствия³².

29 Государства все шире участвуют на межправительственном уровне в межправительственных диалогах МОМ по вопросам политики в области миграции, окружающей среды и изменения климата, включая Международный диалог по миграции (МДМ) и регулярные совещания руководящих органов МОМ (таких как Совет МОМ), а также в региональных обсуждениях вопросов политики, связанных с региональными консультативными процессами по вопросам миграции, функционирующими при поддержке МОМ. См., например, МОМ, 2007.

30 Nansen Initiative, 2015.

31 PDD, 2019.

32 Ibid.

Резюме рассмотрения вопросов миграции и перемещения в рамках глобальных политических процессов

Миграция в адаптации

Программа работы по потерям и ущербу: пункт 14 f) содержит призыв к Сторонам принимать «меры по углублению понимания, совершенствованию координации и активизации сотрудничества в отношении обусловленного изменением климата перемещения людей, их миграции и запланированного переселения, в зависимости от обстоятельств, на национальном, региональном и международном уровнях» в целях укрепления действий по адаптации.

Миграция в передаче знаний
Содействие передаче знаний и обмену оптимальной практикой, связанных с потерями и ущербом

Варшавский международный механизм

по потерям и ущербу, связанным с изменением климата (ВММ), был создан для оказания помощи особенно уязвимым развивающимся странам по трем основным направлениям:

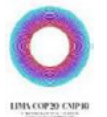
- углубление понимания;
- диалог, координация, согласование и синергия; и
- действие и поддержка

Миграция в потерях и ущербе

КС согласовала их роль в устранении потерь и ущерба. Пункт 7 vi): «углублять понимание и экспертные знания о потерях и ущербе, которые включают... каким образом воздействия изменения климата затрагивают модели миграции, перемещения и мобильности людей».

Внедрение Варшавского международного механизма

КС утвердила двухлетний план работы и структуру Варшавского международного механизма.

Целевая группа по перемещению

Целевая группа по перемещению, учрежденная при ВММ в рамках Парижского соглашения, создала информационно-координационный механизм для сбора и распространения информации, касающейся рисков. Мигранты упоминаются в преамбуле. Пункт 50: «предотвращать, сводить к минимуму и решать проблемы перемещения людей, связанного с негативными последствиями изменения климата»

МОМ организовала техническое совещание для документирования оптимальной практики, проблем и уроков, а также для разработки рекомендаций для Целевой группы по перемещению в связи с тремя основами.

Техническое совещание в Касабланке

КС о решениях

КС рассмотрела работу ВММ и утвердила 5-летний скользящий план работы. Пан Ги Мун и Франсуа Олланд подчеркнули важность миграции людей, и были организованы свыше 20 мероприятий, посвященных рассмотрению вопросов миграции людей.

Создание информационно-координационного механизма для передачи рисков

Целевая группа по перемещению, МОМ и ППБ организовали совещание заинтересованных сторон для подведения итогов прогресса, достигнутого в различных областях плана работы Целевой группы, и информационной поддержки разработки комплексных рекомендаций, которые были представлены на КС 24 в Катовице, Польша.

Совещание заинтересованных сторон ЦГП

Рекомендации Целевой группы по перемещению

«Рекомендации, сформулированные в докладе Исполнительного комитета ВММ... в отношении комплексных подходов к предотвращению, минимизации и устранению проблемы перемещения, связанного с негативными последствиями изменения климата», принятые Сторонами РКИКООН в решении 10/CP.24.

Изменения в национальной политике

В 2018 году в соответствии с планом работы Целевой группы по перемещению было проведено картирование, которое выявило, что в национальной политике в области миграции, с одной стороны, и в области изменения климата - с другой, все чаще учитываются вопросы экологической миграции³³. Из рассмотренных 66 стран и территорий 53% упомянули изменение климата и экологические факторы в своих национальных нормативных основах по миграции и перемещению. Из 37 стран и территорий, представивших национальные директивы, планы или стратегии в области изменения климата, 81% упомянули о мобильности людей.

Различные аспекты мобильности людей (миграция, перемещение и плановое переселение) рассматриваются сквозь разнообразные тематические призмы (в том числе с точки зрения безопасности, урбанизации, труда, адаптации и здоровья). Это демонстрирует более высокий уровень интеграции увязки между окружающей средой и миграцией в национальную политику в соответствии с более полной осведомленностью по этим вопросам, наблюдаемой на глобальном уровне. Однако сохраняются пробелы в плане согласованности национальной политики, хотя и предпринимаются усилия для создания синергического взаимодействия между сообществами по климату/окружающей среде и по мобильности людей.

Полный текст доклада доступен по адресу <https://environmentalmigration.iom.int/iom-pdd-task-force-displacement-stakeholder-meeting>.

Глава 10

Добавление А. Разные кризисные ситуации и разные воздействия на мигрантов

Основные источники

Fort Mac Fire: <https://bit.ly/2A6jnk3>, <https://bit.ly/2ryEruA>.
 Criminal violence in Mexico: París Pombo et al (2016) Migrantes en México, vulnerabilidad y riesgos. IOM. Terrorist attacks in Belgium: <https://bbc.in/2Gfq0pE>, <https://bit.ly/2BdZrLG>.
 West Africa's Ebola epidemics: <https://bit.ly/2Ld9QvD>, <https://bit.ly/2RVVfaA>. Complex emergency in Yemen: <https://cnn.it/2lKvVRK>, <https://bit.ly/2UHvaxK>.
 Xenophobic attacks in South Africa: <https://nyti.ms/2C9D8s5>, IOM (2009). Towards Tolerance, Law, and Dignity: Addressing Violence against Foreign Nationals in South Africa.
 Tohoku triple disaster: Duncan (2013) Immigrant integration as a factor in disaster preparedness: The case of the 2011 Tōhoku earthquake in Japan. Migration Policy Practice, 3(2):9-14.
 Financial crisis in Thailand: Chantavanich, S. et al., 2010 Rapid Assessment on the Impacts of the Economic Downturn on Workers in Thailand. ARCM, Institute of Asian Studies, Chulalongkorn University, Bangkok, Thailand.
 Christchurch earthquakes: Marlowe, J. 2015 Belonging and disaster recovery: Refugee-background communities and the Canterbury earthquakes. British Journal of Social Work, 45(suppl. 1): 188–204.

Глава 11

Добавление А. Хронология основных многосторонних инициатив, процессов, соглашений и деклараций, посвященных миграции или актуальных для нее³⁴

1985	Начало Межправительственных консультаций по вопросам миграции, убежища и беженцев (МПК)
1990	Создание Центральноамериканской комиссии директоров миграционных служб (<i>Comisión Centroamericana de Directores de Migración</i> (ОКАМ))
1993	Начало Будапештского процесса
1994	Каирская международная конференция по народонаселению и развитию Начало переговоров по четвертому способу поставки услуг (перемещение физических лиц) в рамках Генерального соглашения по торговле услугами в ходе Уругвайского раунда
1996	Начало работы Региональной конференции по миграции (РКП, или Пуэблский процесс) Открытие Межправительственных азиатско-тихоокеанских консультаций по проблемам беженцев, перемещенных лиц и мигрантов (АТК) Начало работы Тихоокеанской конференции директоров служб иммиграции (ТКДИ) Включение обязательств по четвертому способу поставки услуг (перемещение физических лиц) в соответствии с Третьим протоколом к Генеральному соглашению о торговле услугами (ГАТС)
1998	Утверждение Программы по вопросам политики в области международной миграции
1999	Назначение Комиссией по правам человека Специального докладчика по вопросу о правах человека мигрантов
2000	Начало Гаагского процесса по вопросам беженцев и миграции Начало Диалога по миграции для южной части Африки (МИДСА) Начало работы Южноамериканской конференции по вопросам миграции (САКМ)/ Лимского процесса Принятие Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций (целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия)

34 Поскольку основное внимание в данной хронологии уделяется миграции в целом, она не охватывает другие более конкретные инициативы и приводится без ущерба для них, включая инициативы, касающиеся беженцев как таковых, такие как инициативы УВКБ ООН или Конференции Содружества Независимых Государств (1996 - 2005 годы).

2001	<p>Внедрение Бернской инициативы</p> <p>Начало Международного диалога по миграции (МДМ) MOM</p> <p>Всемирная конференция по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости (Дурбанская конференция I)</p> <p>Начало Процесса трансграничного сотрудничества (Седеркопингский процесс)</p> <p>Начало процесса Диалога по миграции для Западной Африки (МИДВА)</p>
2002	<p>Начало проведения координационного совещания по вопросам международной миграции, организуемого Отделом народонаселения Организации Объединенных Наций</p> <p>Начало работы Региональной конференции министров по вопросам миграции в Западном Средиземноморье (Диалог 5+5)</p> <p>Начало Балийского процесса по проблеме незаконного провоза людей и торговли ими и связанной с этим транснациональной преступности</p> <p>Представление Генеральному секретарю доклада Рабочей группы по миграции (доклад Дойля)</p>
2003	<p>Учреждение Глобальной комиссии по вопросам международной миграции (ГКММ)</p> <p>Создание Женевской группы по миграции</p> <p>Начало Диалога по средиземноморской транзитной миграции (СТМ)</p> <p>Начало Министерских консультаций по вопросам трудоустройства и работы по контрактам за рубежом для стран происхождения и назначения в Азии (Процесс Коломбо)</p> <p>Начало осуществления Региональной инициативы по вопросам миграции, убежища и беженцев (МАРПИ)</p>
2004	<p>Утверждение рекомендательного Доклада VII МОТ «За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике», Международная конференция труда</p> <p>Принятие не имеющей обязательной силы Международной программы действий по регулированию миграции в рамках Бернской инициативы</p>
2006	<p>Создание Глобальной группы по миграции (ГГМ, прежнее название - Женевская группа по миграции)</p> <p>Первый диалог высокого уровня по вопросам международной миграции и развития (ДВУ-2006)</p> <p>Назначение Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о международной миграции и развитии</p> <p>Начало Евро-африканского диалога по вопросам миграции и развития (Рабатский процесс)</p> <p>Принятие не имеющих обязательной силы Многосторонних основ МОТ по вопросам миграции рабочей силы</p>

2007	Начало работы Глобального форума по миграции и развитию (ГФМР)
2008	Начало Регионального консультативного процесса по вопросам миграции Межправительственного органа по вопросам развития (МОВР-РКП) Начало Министерских консультаций по вопросам трудоустройства и работы по контрактам за рубежом для стран происхождения и назначения в Азии (Абу-Дабийского диалога)
2009	Конференция по обзору Дурбанского процесса
2011	Создание Группы Восточного партнерства (ВП) по миграции и убежищу (включая Седеркопингский процесс) Принятие Стамбульской декларации и Программы действий для наименее развитых стран, четвертая Конференция Организации Объединенных Наций по наименее развитым странам
2012	Конференция Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию («Рио+20») Начало осуществления Нансеновской инициативы в области трансграничного перемещения населения, вызванного стихийными бедствиями Начало Диалога по миграции для центральноафриканских государств (МИДКАС) Принятие не имеющей обязательной силы Концепции функционирования МОМ в условиях миграционного кризиса (КФМК)
2013	Второй диалог высокого уровня по вопросам международной миграции и развития (ДВУ-2013) Начало Алматинского процесса по защите беженцев и международной миграции Начало РКП-МИДКОМ Общего рынка восточной и южной частей Африки (КОМЕСА)
2014	Начало осуществления Инициативы «Мигранты в странах, испытывающих кризис» (МИСИК) Учреждение Форума мэров по вопросам мобильности населения, миграции и развития Утверждение рекомендательного доклада «Справедливая миграция: Формирование программы МОТ», Международная конференция труда Принятие не имеющей обязательной силы Программы действий по ускоренному развитию МОРАГ («Путь Самоа»)

2015	<p>Учреждение Внутрорегионального форума по миграции в Африке (ВРФМА, или Панафриканский форум)</p> <p>Начало Арабского регионального консультативного процесса (АРКП)</p> <p>Принятие Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года</p> <p>Принятие Советом МОМ Рамочной программы по регулированию миграции</p> <p>Принятие Аддис-Абебской программы действий по финансированию развития</p> <p>Принятие Сендайской рамочной программы по снижению риска бедствий, третья Всемирная конференция Организации Объединенных Наций по уменьшению опасности бедствий</p> <p>Принятие Парижского соглашения по изменению климата</p> <p>Принятие не имеющей обязательной силы Повестки дня Нансеновской инициативы о защите лиц, перемещаемых через границы в контексте бедствий и изменения климата</p>
2016	<p>Всемирный саммит по гуманитарным вопросам и достижение «базовой договоренности»</p> <p>Принятие <i>Новой программы развития городов</i>, Конференция Организации Объединенных Наций по жилью и устойчивому городскому развитию (Хабитат III)</p> <p>Принятие не имеющих обязательной силы Руководящих положений по защите мигрантов в странах, переживающих конфликт или стихийное бедствие, в рамках Инициативы МИСИК</p> <p>Принятие на саммите Организации Объединенных Наций для решения проблемы перемещений больших групп беженцев и мигрантов Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах</p>
2017	<p>Неофициальные консультации (апрель-ноябрь) и этап критического анализа (декабрь) процесса Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции</p> <p>Тематические консультации (январь-декабрь), консультации НПО (июнь) и этап критического анализа (декабрь) процесса Глобального договора о беженцах</p>
2018	<p>Создание Сети Организации Объединенных Наций по вопросам миграции (преемницы Глобальной группы по миграции)</p> <p>Межправительственная конференция для принятия глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции</p> <p>Одобрение Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции</p> <p>Одобрение Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций Глобального договора о беженцах</p>

Добавление В. Совпадения и расхождения между Глобальным договором о миграции и предыдущими глобальными инициативами и процессами в области миграции

Глобальный договор о миграции опирается на предыдущие глобальные инициативы и процессы в области миграции, включая тематические области, по которым в этих инициативах уже отмечалось совпадение еще до принятия Договора. Эти области совпадения воспроизводятся в таблице ниже в разбивке по трем основным тематическим блокам: а) сведение к минимуму негативных аспектов миграции путем устранения движущих сил и последствий перемещения и нелегальной миграции; б) признание и укрепление положительных последствий миграции; и с) защита прав мигрантов и обеспечение их благополучия.

В Глобальном договоре о миграции также подтверждаются тематические тенденции, возникшие за годы рассмотрения новых миграционных и политических проблем, таких как экологическая миграция и акцент на устойчивое развитие, как описано в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (см. таблицу ниже).

Резюме ключевых тематических совпадений, тенденций и точек напряжения в избранных глобальных миграционных инициативах до принятия Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции

	Сведение к минимуму неблагоприятных аспектов миграции	<ul style="list-style-type: none"> • Устранение движущих сил вынужденной и нелегальной миграции: нищеты, нарушений прав человека и вооруженных конфликтов • Решение проблемы нелегальной миграции с помощью эффективной политики пограничного контроля • Сотрудничество в предотвращении торговли людьми и незаконного ввоза мигрантов и в борьбе с ними • Ратификация и осуществление протоколов о торговле людьми и незаконном ввозе мигрантов
Области совпадения	Усиление положительных результатов миграции	<p>Для стран происхождения</p> <ul style="list-style-type: none"> • Совершенствование механизмов денежных переводов и снижение платы за них • Обеспечение справедливой практики найма, включая снижение платы агентствам по найму • Содействие добровольному возвращению и реинтеграции мигрантов • Совершенствование передачи знаний и навыков высококвалифицированных и других мигрантов • Поощрение и создание возможностей для участия диаспоры в развитии

Области совпадения	Усиление положительных результатов миграции	Для принимающих стран	<ul style="list-style-type: none"> • Использование (временной) трудовой миграции для удовлетворения потребностей рынка труда • Привлечение квалифицированных трудящихся- мигрантов • Использование навыков и предпринимательства диаспоры • Взаимосвязь между миграцией и торговлей (четвертый способ Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС))
	Усиление положительных результатов миграции	В целом	<ul style="list-style-type: none"> • Включение вопросов миграции в планирование развития • Необходимость проведения дополнительных основанных на фактах исследований взаимосвязи миграции и развития • Улучшение партнерских отношений для управления трудовой миграцией, в том числе с частным сектором
	Защита прав мигрантов и обеспечение их благополучия		<ul style="list-style-type: none"> • Борьба с дискриминацией, расизмом и ксенофобией • Обеспечение прав трудящихся-мигрантов и трудовых стандартов • Защита мигрантов от злоупотреблений, эксплуатации и торговли людьми • Ратификация и осуществление основных международных договоров по правам человека, конвенций МОТ и документов о торговле людьми • Отношение к женщинам и девочкам, детям и жертвам торговли людьми как к мигрантам, находящимся в уязвимом положении и нуждающимся в особой защите • Интеграция (долгосрочных) мигрантов в общество
Тематические тенденции	<ul style="list-style-type: none"> • Экологические факторы миграции (например, стихийные бедствия, антропогенные катастрофы и ухудшение состояния окружающей среды) • От развития к устойчивому развитию и роль миграции • От утечки мозгов к временной и/или циркулярной миграции • Отношение к мигрантам, оказавшимся в затруднительном положении, как к случаям миграции в уязвимом положении 		

Основные
точки
напряжения

- Рекомендации по открытию большего количества легальных каналов для миграции
- Учет миграции низкоквалифицированной рабочей силы вне политики временной миграции
- Ратификация и осуществление Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 года

Источник: Vauloz, 2017. Это резюме было составлено на основе сравнительного тематического картирования следующих девяти миграционных инициатив и процессов: Бернская инициатива; ежегодные совещания в рамках Международного диалога по миграции; доклад Дойля 2002 года; Глобальная комиссия по международной миграции, созданная в 2003 году; Глобальная я группа по миграции; первый и второй Диалоги на высоком уровне по международной миграции и развитию в 2006 и 2013 годах; Глобальный форум по миграции и развитию; и саммит Организации Объединенных Наций по проблемам беженцев и мигрантов 2016 года.

Однако, если Глобальный договор о миграции охватывает вопросы, которые уже занимали важное место в повестке дня глобального регулирования миграции до его принятия, он также выходит за рамки предыдущих усилий в плане:

- уделения большего внимания некоторым конкретным тематическим областям, в том числе:
 - сбору и использованию точных и дезагрегированных данных (цель 1) для «развития научно-исследовательской деятельности, [чтобы они] служили основой для выработки последовательной и эмпирически обоснованной политики и улучшения информационной составляющей общественных обсуждений [...]» и позволяли осуществлять в дальнейшем эффективный контроль и оценку выполнения обязательств по Договору;
 - повышению доступности и гибкости каналов для легальной миграции (цель 5), особенно за счет трудовой миграции и сопоставления навыков на всех уровнях квалификации³⁵, в дополнение к воссоединению семей и мобильности научных кадров³⁶. Легальные возможности также предусматриваются для мигрантов, вынужденных уехать из-за внезапных стихийных бедствий и других сложных ситуаций, в частности посредством предоставления гуманитарных виз, поддержки со стороны частных спонсоров, обеспечения доступа детей к образованию и выдачи временных разрешений на работу³⁷. Также предусмотрены варианты планового переселения и визового обеспечения в особых случаях медленно наступающих стихийных бедствий, неблагоприятных последствий изменения климата и ухудшения состояния окружающей среды³⁸;
 - изучению и ослаблению факторов уязвимости в процессе миграции (цель 7), охватывая широкий иллюстративный список мигрантов, находящихся в уязвимом положении, независимо от их миграционного статуса³⁹;

35 ГА ООН, 2018а. В отношении легальных каналов для низкоквалифицированных мигрантов см. Newland и Riestler, 2018.

36 ГА ООН, 2018а.

37 Ibid.

38 Ibid.

39 Ibid.

- внедрения еще одной тематической области, не охваченной предыдущими глобальными миграционными инициативами:
 - спасение людей и обеспечение координации усилий международного сообщества по решению проблемы пропавших без вести мигрантов (цель 8), тем не менее уже отраженной в Нью-Йоркской декларации 2016 года⁴⁰.

Хотя эти изменения представляют собой шаги вперед в деле глобального регулирования миграции, некоторые цели, обязательства и действия Глобального договора о миграции, как представляется, не столь далеко идущие, как можно было бы ожидать. Если сравнить окончательный текст Глобального договора о миграции с его первым проектом⁴¹, то некоторые вопросы, по-видимому, оказались более деликатными в ходе переговоров государств. Это, например, случай задержания детей-мигрантов. В первом проекте категорически говорится о «прекращении практики задержания детей в контексте международной миграции»⁴², тогда как в окончательном тексте Договора государства обязались только работать над «искоренением практики содержания детей под стражей»⁴³. Аналогичным образом, в окончательный текст Договора не вошли два конкретных вопроса:

отсутствие криминализации нелегальной миграции: вместо этого Глобальный договор о миграции предусматривает возможные санкции для борьбы с нелегальным въездом или пребыванием без прямого запрета уголовных санкций⁴⁴, за исключением незаконно ввезенных мигрантов и мигрантов, ставших жертвами торговли людьми⁴⁵;

легализация мигрантов без документов: легализация только косвенно предусмотрена посредством «расширения возможностей мигрантов с нелегальным статусом в плане прохождения индивидуальной проверки, по итогам которой их статус может быть изменен на легальный, при том понимании, что такая проверка проводится отдельно по каждому случаю и при наличии четких и транспарентных критериев»⁴⁶.

40 ГА ООН, 2016.

41 Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration, 2018a.

42 Ibid., para 27(g).

43 ГА ООН, 2018a, пункт 29 h).

44 ГА ООН, 2018a: цель 11, пункт 27 f). Тем не менее эти санкции должны быть «соразмерными, справедливыми и недискриминационными и полностью соответствовать требованиям о соблюдении законности и другим обязательствам по международному праву».

45 Ibid. Это контрастирует с более прямым обязательством, применимым как к беженцам, так и к мигрантам, которое предусмотрено в Нью-Йоркской декларации (ГА ООН, 2016).

46 ГА ООН, 2018a: цель 7, пункт 23 i), в отличие от прямого упоминания легализации в начальном проекте Глобального договора о миграции (Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration, 2018a: para. 30(g)) о «содействии доступу к вариантам легализации как средству поощрения интеграции мигрантов [...]». См. также ГА ООН, 2016., приложение II, пункт 8 p).

Использованная литература*

Глава 1

AlSayyad, N. и M. Guvenc

2015 Virtual uprisings: On the interaction of new social media, traditional media coverage and urban space during the “Arab Spring”. *Urban Studies*, 52(11).

Burns, A. и S. Mohapatra

2008 *International migration and technological progress*. Migration and Development Brief 4, World Bank, Washington D.C.

Castles, S.

2010 Understanding global migration: A social transformation perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 36(19):1565–1586.

Czaika, M. и H. de Haas

2014 The globalization of migration: Has the world become more migratory? *International Migration Review*, 48(2):283–323.

De Witte, M.

2018 Stanford research explores the complexities of global immigration, from past to present, 18 April 2018, *Stanford News*. Имеется по адресу <https://news.stanford.edu/2018/04/18/examining-complexities-migration/>.

Goldin, I., G. Cameron и M. Balarajan

2011 *Exceptional People: How Migration Shaped Our World and Will Define Our Future*. Princeton University Press, Princeton.

Faist, T. и N. Glick-Schiller (eds.)

2009 Migration, development and transnationalization: A critical stance. Papers in Special Section, *Social Analysis*, 53(3):106–122.

Fotaki, M.

2014 Narcissistic elites are undermining the institutions created to promote public interest. British Politics and Policy blog, London School of Economics, London, 21 February. Имеется по адресу <https://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/narcissism-and-perversion-in-public-policy/>.

Friedman, T.L.

2016 *Thank You for Being Late: An Optimist’s Guide to Thriving in the Age of Accelerations*. Allen Lane, New York.

* Все приведенные гиперссылки действовали на момент публикации.

- Hall, K. и D. Posel
2019 Fragmenting the Family? The complexity of household migration strategies in post-apartheid South Africa. *IZA Journal of Development and Migration*, 10(2). Имеется по адресу <https://doi.org/10.2478/izajodm-2019-0004>.
- Hochschild, J. и J. Mollenkopf
2008 The complexities of immigration: Why Western countries struggle with immigration politics and policies. Migration Policy Institute, Washington D.C.
- Ikenberry, G.K.
2018 The end of liberal international order? *International Affairs*, 94(1):7–23.
- Международная организация труда (МОТ)
2018 *ILO Global Estimates on International Migrant Workers – Results and Methodology*. 2nd edition. ILO, Geneva. Имеется по адресу www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_652001.pdf.
- Международная организация по миграции (МОМ)
2000 *World Migration Report 2000*. IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2000>.
2003 *World Migration Report 2003: Managing Migration Challenges and Responses for People on the Move*. IOM, Geneva. Имеется по адресу <http://publications.iom.int/books/world-migration-report-2003-managing-migration>.
2017 *World Migration Report 2018*, IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2018>.
- Juskalian, R.
2018 Inside the Jordan refugee camp that runs on blockchain. *MIT Technology Review*, 12 April. Имеется по адресу www.technologyreview.com/s/610806/inside-the-jordan-refugee-camp-that-runs-on-blockchain/.
- Kapur, D.
2001 Diasporas and technology transfer. *Journal of Human Development*, 2(2):265–286.
- Khadria, B.
2004 Human resources in science and technology in India and the international mobility of highly skilled Indians. Science, Technology and Industry Working Paper 2004/7, Organisation for Economic Co-operation and Development, Paris. Имеется по адресу [www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DSTI/DOC\(2004\)7&docLanguage=En](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DSTI/DOC(2004)7&docLanguage=En).
- King, R.
2012 Theories and typologies of migration: an overview and a primer. Working Paper. Malmö University, Malmö.
- Koser, K.
2016 *International Migration: A Very Short Introduction*. Oxford University Press, Oxford.

- Latonero, M., K. Hiatt, A. Napolitano, G. Clericetti и M. Penagos
2019 Digital Identity in the Migration & Refugee Context: Italy Case Study. Coalizione Italiana Libertà e Diritti Civili (CILD), Rome. Имеется по адресу https://datasociety.net/wp-content/uploads/2019/04/DataSociety_DigitalIdentity.pdf.
- Mauldin, J.
2018 The age of change is coming, and these tech trends will drive economic growth. *Forbes*, 29 August. Имеется по адресу www.forbes.com/sites/johnmauldin/2018/08/29/the-age-of-change-is-coming-and-these-tech-trends-will-drive-the-next-decades-economic-growth/#6e78467131fd.
- McAuliffe, M.
2016 How transnational connectivity is shaping irregular migration: Insights for migration policy and practice from the 2015 irregular migration flows to Europe. *Migration Policy Practice*, 6(1):4–10.
2018 The link between migration and technology is not what you think. *Agenda*, World Economic Forum, Geneva, 14 December. Имеется по адресу www.weforum.org/agenda/2018/12/social-media-is-casting-a-dark-shadow-over-migration/.
- Mishra, P.
2017 *Age of Anger: A History of the Present*. Farrar, Straus and Giroux, New York.
- Muggah, R. и I. Goldin
2019 How to survive and thrive in our age of uncertainty. *Agenda*, World Economic Forum, Geneva, 7 January. Имеется по адресу www.weforum.org/agenda/2019/01/how-to-survive-our-age-of-uncertainty-muggah-goldin/.
- Parsons, C.R., R. Skeldon, T.L. Walmsley и L.A. Winters
2007 Quantifying international migration, a database of bilateral stocks. In: *International Migration, Economic Development and Policy* (Ç. Özden and M. Schiff, eds.). The World Bank, Washington, D.C., pp. 17–58.
- Rawnsley, A.
2018 Democracy is more fragile than many of us realised, but don't believe that it is doomed. *The Guardian*, 21 January. Имеется по адресу www.theguardian.com/commentisfree/2018/jan/21/democracy-is-more-fragile-than-many-of-us-realised-but-do-not-believe-that-it-is-doomed.
- Ritholtz, B.
2017 The world is about to change even faster: Having trouble keeping up? The pace of innovation and disruption is accelerating. *Bloomberg Opinion*, 6 July. Имеется по адресу www.bloomberg.com/opinion/articles/2017-07-06/the-world-is-about-to-change-even-faster.
- Sanchez, G.
2018 Critical perspectives on clandestine migration facilitation: An overview of migrant smuggling research. *Journal on Migration and Human Security*, 5(1):9–27.

Schwab, K.

- 2016 The Fourth Industrial Revolution: What it means, how to respond. *Agenda*, World Economic Forum, Geneva, 14 January. Имеется по адресу www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond/.

Skeldon, R.

- 2018 *International migration, internal migration, mobility and urbanization: Towards more integrated approaches*. Migration Research Series, Paper No 53, IOM, Geneva.

Stone, T.

- 2016 History tells us what may happen next with Brexit & Trump. *Medium*, 23 July. Имеется по адресу <https://medium.com/@tswriting/history-tells-us-what-will-happen-next-with-brexit-trump-a3febd154714>.

Triandafyllidou, A.

- 2018 Globalisation and migration. In: *Handbook on Migration and Globalisation* (A. Triandafyllidou, ed.). Edward Elgar, Cheltenham.

Департамент Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН)

- 2003 *Long-Range Population Projections: Proceedings of the United Nations Technical Working Group on Long-Range Population Projections*. United Nations Headquarters, New York. Имеется по адресу www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/trends/population-projections.pdf.
- 2015 *Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin*. UN DESA, New York. Имеется по адресу www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates15.asp.
- 2019a *International Migrant Stock 2019*. UN DESA, Population Division, New York. Имеется по адресу www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp (accessed 26 September 2019).
- 2019b *World Population Prospects 2019*. Highlights. ST/ESA/SER.A/423, UN DESA, Population Division, New York. Имеется по адресу https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2019_Highlights.pdf.

Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций (ГА ООН)

- 2016 *Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах*. A/RES/71/1, 3 октября. Имеется по адресу <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/292/00/pdf/N1629200.pdf?OpenElement>.

Всемирный экономический форум (ВЭФ)

- 2019 *Transformation Map on Migration* (curated by Marie McAuliffe, IOM). WEF, Geneva, Switzerland. Имеется по адресу <https://intelligence.weforum.org/topics/a1Gb0000000LGr8EAG?tab=publications>.

Глава 2

Adjami, M.

- 2016 *Statelessness and Nationality in Côte d'Ivoire: A Study for UNHCR*. Имеется по адресу www.refworld.org/docid/58594d114.html.

Blizzard, B. и J. Batalova

- 2019 Refugees and Asylees in the United States. *Spotlight*, Migration Policy Institute, 13 June. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/refugees-and-asylees-united-states.

Brookings Institution и University of Bern

- 2010 *IASC Framework on Durable Solutions for Internally Displaced Persons*. The Brookings Institution, Washington, D.C. Имеется по адресу www.unhcr.org/50f94cd49.pdf.

Center for Strategic and International Studies (CSIS)

- 2019 *Out of the Shadows: Shining a Light on Irregular Migration*. Project Director: D.F. Runde, Authors: E.K. Yayboke and C. Garcia Gallego, CSIS Project on Prosperity and Development, CSIS and Rowman & Littlefield, Washington, D.C., and Lanham. Имеется по адресу https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/190826_RundeYaybokeGallego_IrregularMigrations.pdf.

de Beer, J., J. Raymer, R. van den Erf и L. van Wissen

- 2010 Overcoming the problems of inconsistent international migration data: A new method applied to flows in Europe. *European Journal of Population*, 6(4):459–481.

Fertig, M. и C. Schmidt

- 2001 First- and second-generation migrants in Germany – What do we know and what do people think? *IZA Discussion Papers*, 286:1–48.

Gallagher, A. и M. McAuliffe

- 2016 South-East Asia and Australia. In: *Migrant Smuggling Data and Research: A Global Review of the Emerging Evidence Base* (M. McAuliffe and F. Laczko, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/smuggling_report.pdf.

Gordon, I., K. Scanlon, T. Travers и C. Whitehead

- 2009 Economic Impact on London and the UK of an Earned Regularization of Irregular Migrants in the UK. Greater London Authority, London. Имеется по адресу www.london.gov.uk/sites/default/files/gla_migrate_files_destination/irregular-migrants-report.pdf.

Institute on Statelessness and Inclusion

- 2014 *The World's Stateless*. Wolf Legal Publishers, Oosterwijk. Имеется по адресу www.institutesi.org/worldsstateless.pdf.
- 2018 *Statelessness in Numbers: 2018. An Overview and Analysis of Global Statistics*. Имеется по адресу www.institutesi.org/ISI_statistics_analysis_2018.pdf.

Центром наблюдения за процессами внутреннего перемещения (ЦНВП)

- 2018 Global Report on Internal Displacement 2018. IDMC, Geneva. Имеется по адресу www.internal-displacement.org/global-report/grid2018/.
- 2019 Global Report on Internal Displacement 2019. IDMC, Geneva. Имеется по адресу www.internal-displacement.org/global-report/grid2019/.
- n.d. Global Internal Displacement Database. IDMC, Geneva. Имеется по адресу www.internal-displacement.org/database (дата доступа: 3 сентября 2019 года).

Международной организации труда (МОТ)

- 2018 *ILO Global Estimates on International Migrant Workers – Results and Methodology*. 2nd edition. ILO, Geneva. Имеется по адресу www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/--dcomm/---publ/documents/publication/wcms_652001.pdf.
- n.d. Arab States: Labour Migration. Имеется по адресу www.ilo.org/beirut/areasofwork/labour-migration/lang--en/index.htm.

Международной организацией по миграции (МОМ)

- 2000 *World Migration Report 2000*. IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2000>.
- 2003 *World Migration Report 2003: Managing Migration Challenges and Responses for People on the Move*. IOM, Geneva. Имеется по адресу <http://publications.iom.int/books/world-migration-report-2003-managing-migration>.
- 2019a *2018 Return and Reintegration Key Highlights*. IOM, Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/our_work/DMM/AVRR/2018_return_and_reintegration_key_highlights.pdf.
- 2019b *Glossary on Migration*. International Migration Law No. 34, IOM, Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/glossary-migration-2019.
- n.d. *Latest Global Figures: Missing Migrants Project: Tracking Deaths Along Migratory Routes*. IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://missingmigrants.iom.int/>.

Koser, K.

- 2010 Dimensions and dynamics of irregular migration. *Population, Space and Place*, 16(3):181–193.

Kyaw, N.N.

- 2017 Unpacking the presumed statelessness of Rohingyas. *Journal of Immigrant and Refugee Studies*, 15(3):269–286.

Laczko, F.

- 2017 Improving data on migration: A 10-point plan. *Migration Policy Practice*, 7:1, January–March. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/fr/books/migration-policy-practice-vol-vii-number-1-january-march-2017>.

McAuliffe, M.

- 2018 The nexus between forced and irregular migration: Insights from demography. In: *The Demography of Refugee and Forced Migration* (G. Hugo, J. Abbasi-Shavazi and E.P. Kraly, eds.). Springer, Cham, Switzerland.

Neto, F.

- 1995 Predictors of satisfaction with life among second generation migrants. *Social Indicators Research*, 35(1):93–116.

Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)

- 2018 *International Migration Outlook 2018*. OECD Publishing, Paris. Имеется по адресу www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2018_migr_outlook-2018-en.

n.d.a International Migration Database. OECD Data, Paris. Имеется по адресу <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MIG> (дата доступа: 2 сентября 2019 года).

n.d.b Foreign-Born Employment. OECD Data, Paris. Имеется по адресу <https://data.oecd.org/migration/foreign-born-employment.htm> (дата доступа: 2 сентября 2019 года).

n.d.c Net ODA. OECD Data, Paris. Имеется по адресу <https://data.oecd.org/oda/net-oda.htm> (дата доступа: 3 сентября 2019 года).

Poulain, M. и N. Perrin

- 2001 Is the measurement of international migration flows improving in Europe. Working Paper No. 12. Joint ECE-EUROSTAT Work Session on Migration Statistics organized in cooperation with the UN Statistics Division. UN Statistical Commission and the UN Economic Commission for Europe (Eurostat). Geneva, 21–23 May.

Radford, J. и P. Connor

- 2019 Canada now leads the world in refugee resettlement, surpassing the U.S., Pew Research Center, Factank, News in the Numbers, 19 June. Имеется по адресу www.pewresearch.org/fact-tank/2019/06/19/canada-now-leads-the-world-in-refugee-resettlement-surpassing-the-u-s/.

Skeldon, R.

- 2018 *International Migration, Internal Migration, Mobility and Urbanization: Towards More Integrated Approaches*. Migration Research Series, No. 53. IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/mrs-no-53-international-migration-internal-migration-mobility>.

Организация Объединенных Наций

- 1954 Convention relating to the Status of Stateless Persons. United Nations Treaty Series, 360:117, 28 September. Entry into force, 6 June 1960.

Департамент Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН)

- 1998 *Рекомендации по статистике международной миграции. Первое пересмотренное издание*. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк. Имеется по адресу https://unstats.un.org/unsd/publication/seriesm/seriesm_58rev1r.pdf.

Департаментом Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН)

- 2002 *International Migration 2002*. Population Division, New York.
- 2008 *International Migrant Stock: The 2008 Revision*. United Nations, New York. Имеется по адресу <https://desa.un.org/migration/index.asp?panel=1> (дата доступа: 2 сентября 2019 года).
- 2015 *International Migration Flows to and From Selected Countries: The 2015 Revision*. UN DESA, Population Division. Имеется по адресу www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/empirical2/migrationflows.asp (дата доступа: 2 сентября 2019 года).
- 2017a *International Migration Report 2017*. United Nations, ST/ESA/SER.A/403, December. Имеется по адресу www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017.pdf.
- 2017b *International Migrant Stock: The 2017 Revision*. United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2017. Имеется по адресу www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates17.shtml (дата доступа: 2 сентября 2019 года).
- 2019a *International Migrant Stock 2019*. UN DESA, Population Division, New York. Имеется по адресу www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp (дата доступа: 18 сентября 2019 года).
- 2019b *International Migration Stock 2019*. Documentation. POP/DB/MIG/Stock/Rev.2019, UN DESA, Population Division, New York. Имеется по адресу www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/docs/MigrationStockDocumentation_2019.pdf.
- 2019c *World Population Prospects 2019*. Highlights. ST/ESA/SER.A/423, UN DESA, Population Division, New York. Имеется по адресу https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2019_Highlights.pdf.

Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН)

- 2009 *Human Development Report 2009*. UNDP, New York. Имеется по адресу www.hdr.undp.org/sites/default/files/reports/269/hdr_2009_en_complete.pdf.

Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН)

- 2010 *UNHCR Global Trends 2010*. UNHCR, Geneva. Имеется по адресу www.unhcr.org/statistics/country/4dfa11499/unhcr-global-trends-2010.html.
- 2014a *Handbook on Protection of Stateless Persons under the 1954 Convention Relating to the Status of Stateless Persons*. UNHCR, Geneva. Имеется по адресу www.unhcr.org/dach/wp-content/uploads/sites/27/2017/04/CH-UNHCR_Handbook-on-Protection-of-Stateless-Persons.pdf.
- 2014b *Global Action Plan to End Statelessness*. UNHCR, Geneva. Имеется по адресу www.refworld.org/docid/545b47d64.html.
- 2018 *Global Trends: Forced Displacement in 2017*. UNHCR, Geneva. Имеется по адресу www.unhcr.org/statistics/unhcrstats/5b27be547/unhcr-global-trends-2017.html.

2019 *Global Trends: Forced Displacement in 2018*. UNHCR, Geneva. Имеется по адресу www.unhcr.org/statistics/unhcrstats/5d08d7ee7/unhcr-global-trends-2018.html.

n.d.a Population Statistics. UNHCR, Geneva. Имеется по адресу http://popstats.unhcr.org/en/persons_of_concern (дата доступа: 3 сентября 2019 года).

n.d.b Resettlement. UNHCR, Geneva. Имеется по адресу <http://popstats.unhcr.org/en/resettlement> (дата доступа: 3 сентября 2019 года).

UNHCR Executive Committee (ExCom)

2017 *Update on Statelessness*. United Nations Document EC/68/SC/CRP.13, 7 June. Имеется по адресу www.refworld.org/docid/59a58d724.html.

United States Department of Homeland Security

2018 DHS announces additional, enhanced security procedures for refugees seeking resettlement in the United States. Press Release, 31 January. Имеется по адресу www.dhs.gov/news/2018/01/29/dhs-announces-additional-enhanced-security-procedures-refugees-seeking-resettlement.

Van Waas, L.

2013 Reflections on Thailand (1): A protracted and neglected situation of statelessness. Weblog Statelessness Programme, Tilburg University. Имеется по адресу <http://statelessprog.blogspot.com/2013/02/reflections-on-thailand-1-protracted.html>.

Venkov, J.

2018 *Not just a simple twist of fate: statelessness in Lithuania and Latvia*. European Network on Statelessness. Имеется по адресу www.statelessness.eu/blog/not-just-simple-twist-fate-statelessness-lithuania-and-latvia.

Всемирным банком

2016 *Migration and Remittances Factbook 2016* – Third edition. World Bank, Washington, D.C. Имеется по адресу <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23743/9781464803192.pdf?sequence=3&isAllowed=y>.

2017a Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook. Migration and Development Brief 27. World Bank, Washington, D.C. Имеется по адресу <http://pubdocs.worldbank.org/en/992371492706371662/MigrationandDevelopmentBrief27.pdf>.

2017b Remittances to developing countries decline for second consecutive year. Press release, World Bank, Washington, D.C. Имеется по адресу www.worldbank.org/en/news/press-release/2017/04/21/remittances-to-developing-countries-decline-for-second-consecutive-year.

2018 Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook. Migration and Development Brief 30. World Bank, Washington, D.C. Имеется по адресу www.knomad.org/sites/default/files/2018-12/Migration%20and%20Development%20Brief%2030.pdf.

2019 Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook. Migration and Development Brief 31. World Bank, Washington, D.C. Имеется по адресу www.knomad.org/sites/default/files/2019-04/Migrationanddevelopmentbrief31.pdf.

- n.d.a World Bank Country and Lending Groups. World Bank, Washington, D.C. Имеется по адресу <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519-world-bank-country-and-lending-groups> (дата доступа: 2 сентября 2019 года).
- n.d.b Migration and Remittances Data (updated as of April 2019). World Bank, Washington, D.C. Имеется по адресу www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data (дата доступа: 2 сентября 2019 года).
- n.d.c Migration and Remittances Publications. World Bank, Washington, D.C. Имеется по адресу www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-and-remittances-publications.

Глава 3

ACAPS

- 2018 *Migration in West and North Africa: Scenarios*. Имеется по адресу www.mixedmigration.org/wp-content/uploads/2018/12/20181130_acaps_mmc_scenarios_report_migration_in_west_and_north_africa_update_2.pdf.

Acosta, D.

- 2016 *Free Movement in South America: The Emergence of an Alternative Model?* Migration Policy Institute, 23 August. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/free-movement-south-america-emergence-alternative-model.

Adepoju, A.

- 2016 *Migration Dynamics, Refugees and Internally Displaced Persons in Africa*. United Nations Academic Impact (UNAI), 20 September. Имеется по адресу <https://academicimpact.un.org/content/migration-dynamicsrefugees-and-internally-displaced-persons-africa>.

African Union

- 2019 Refugees, Returnees and Internally Displaced Persons in Africa at center of 32nd AU Summit Opening of the 37th Ordinary Session of the PRC, Addis Ababa. Имеется по адресу <https://au.int/en/pressreleases/20190115/refugees-returnees-and-internally-displaced-persons-africa-center-32nd-au>.

Aimsiranun, U.

- 2018 Regional Approaches to Labour Migration: Mercosur and Asean in Comparative Perspective. Proceedings of New York International Business and Social Science Research Conference, New York. Имеется по адресу www.aabl.com.au/aablConference/public/documents/pdf/2018_11_25_05_17_37_NYBSRC-216_Full_Paper.pdf.

Altai Consulting и Международной организацией по миграции (МОМ)

- 2015 *Irregular Migration Between West Africa, North Africa and the Mediterranean*. Prepared by Altai Consulting for IOM Nigeria. Имеется по адресу <https://fmmwestafrica.org/wp-content/uploads/2017/02/en-altai.pdf>.

Amnesty International

- 2018 South Africa: Ten years after xenophobic killings, refugees and migrants still living in fear. Имеется по адресу www.amnesty.org/en/latest/news/2018/05/south-africa-ten-years-after-xenophobic-killings-refugees-and-migrants-still-living-in-fear/.

Andrew and Renata Kaldor Centre for International Refugee Law

- 2019 Australia–United States Resettlement Arrangement. Имеется по адресу www.kaldorcentre.unsw.edu.au/publication/australia%E2%80%93united-states-resettlement-arrangement.

Atong, K., E. Mayah и K. Odigie

- 2018 *Africa Labour Migration to GCC States: The Case of Ghana, Kenya, Nigeria and Uganda*. African Regional Organisation of the International Trade Union Confederation. Имеется по адресу www.ituc-africa.org/IMG/pdf/ituc-africa_study-africa_labour_migration_to_the_gcc_states.pdf.

Australian Bureau of Statistics

- 2019 *Net Overseas Migration*. Имеется по адресу www.abs.gov.au/ausstats/abs@.nsf/Latestproducts/3412.0Main%20Features42017-18?opendocument&tabname=Summary&prodn=3412.0&issue=2017-18&num=&view=.

Australian Department of Education and Training

- 2018 *International student data: monthly summary*. Имеется по адресу <https://internationaleducation.gov.au/research/International-Student-Data/Documents/MONTHLY%20SUMMARIES/2018/Dec%202018%20MonthlyInfographic.pdf>.

Australian Department of Foreign Affairs and Trade

- 2019 *Pacific Labour Scheme*. Имеется по адресу <https://dfat.gov.au/geo/pacific/engagement/Documents/pacific-labour-scheme.pdf>.

Australian Department of Social Services

- 2019 *Syrian/Iraqi humanitarian crisis*. Имеется по адресу www.dss.gov.au/settlement-services-programs-policy/syrian-iraqi-humanitarian-crisis.

Bauder, H.

- 2016 Sanctuary Cities: Policies and Practices in International Perspective. *International Migration*, 55(2):174–187. Имеется по адресу <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/imig.12308>.

Bialik, K.

- 2019 *Border apprehensions increased in 2018 – especially for migrant families*. Pew Research Centre, 16 January. Имеется по адресу www.pewresearch.org/fact-tank/2019/01/16/border-apprehensions-of-migrant-families-have-risen-substantially-so-far-in-2018/.

British Broadcasting Corporation (BBC)

- 2018 Japan eases immigration rules for workers. *BBC*, 8 December. Имеется по адресу www.bbc.com/news/world-asia-46492216.
- 2019 Migrant caravan: Mexico detains hundreds in raid. *BBC*, 24 April. Имеется по адресу www.bbc.com/news/world-latin-america-48036092.

Buckley M., A. Zendel, J. Biggar, L. Frederiksen и J. Wells

- 2016 Migrant Work and Employment in the Construction Sector. International Labour Organization (ILO), Geneva. Имеется по адресу www.ilo.org/global/topics/labour-migration/publications/WCMS_538487/lang--en/index.htm.

Carling, J.

- 2016 West and Central Africa. In: *Migrant Smuggling Data and Research: A global review of the emerging evidence base* (M. McAuliffe and F. Laczko, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/smuggling_report.pdf.

Chatzky, A.

- 2019 *Mercosur: South America's Fractious Trade Bloc*. Council on Foreign Relations. Имеется по адресу www.cfr.org/backgrounder/mercosur-south-americas-fractious-trade-bloc.

Chishti, M. и J. Bolter

- 2019 *The Travel Ban at Two: Rocky Implementation Settles into Deeper Impacts*. Migration Policy Institute, 31 January. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/travel-ban-two-rocky-implementation-settles-deeper-impacts.

Climate and Development Knowledge Network

- 2014a *The IPCC's Fifth Assessment Report: What's in it for Africa?* CDKN, London. Имеется по адресу https://cdkn.org/wp-content/uploads/2014/04/AR5_IPCC_Whats_in_it_for_Africa.pdf.
- 2014b *The IPCC's Fifth Assessment Report: What's in it for South Asia?* CDKN, London. Available at <https://cdkn.org/wp-content/uploads/2014/04/CDKN-IPCC-Whats-in-it-for-South-Asia-AR5.pdf>.

Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL)

- 2019 *Plan de Desarrollo Integral entre El Salvador, Guatemala, Honduras y México*. Имеется по адресу www.gob.mx/cms/uploads/attachment/data/file/462720/34.Hacia_un_nuevo_estilo_de_desarrollo_Plan_de_Desarrollo_Integral_El.pdf.

Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL), Организация Объединенных Наций и Международной организацией по миграции (МОМ)

- 2017 *Latin American and Caribbean Regional Preparatory Meeting of International Migration Experts on the Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration*. Имеется по адресу www.cepal.org/sites/default/files/events/files/caribe_resumen_ejecutivo_v1_eng_ow.pdf.

Connolly, A.

- 2019 Irregular border crossings into Canada drop by half since same time last year. *Global News*, 24 June. Имеется по адресу <https://globalnews.ca/news/5425884/canada-irregular-bordercrossings-decrease-by-half/>.

Connor, P. и J.M. Krogstad

- 2018 *Many worldwide oppose more migration – both into and out of their countries*. Pew Research Center, 10 December. Имеется по адресу www.pewresearch.org/fact-tank/2018/12/10/many-worldwide-oppose-more-migration-both-into-and-out-of-their-countries/.

Cook, S., J. Lu, H. Tugendhat и D. Alemu

- 2016 Chinese migrants in Africa: Facts and fictions from the agri-food sector in Ethiopia and Ghana. *World Development*, 81:61–70. Имеется по адресу www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0305750X15301571.

Cullell, J.M.

- 2019 México defiende su política migratoria tras detener a casi 400 centroamericanos de camino a EE.UU. *El País*, 24 April. Имеется по адресу https://elpais.com/internacional/2019/04/23/mexico/1556037413_037927.html.

Curtain, R. и M. Dornan

- 2019 *A pressure release valve? Migration and climate change in Kiribati, Nauru and Tuvalu*. Development Policy Center, The Australian National University. Имеется по адресу <https://devpolicy.org/publications/reports/Migration-climate%20change-Kiribati-Nauru-Tuvalu.pdf>.

- Curtain, R., M. Dornan, J. Doyle и S. Howes
2016 *Pacific Possible: Labour mobility: the ten-billion-dollar prize*. The World Bank, July. Имеется по адресу <http://pubdocs.worldbank.org/en/555421468204932199/pdf/labour-mobility-pacific-possible.pdf>.
- Davidson, H.
2019 Last four refugee children leave Nauru for resettlement in US. *The Guardian*, 27 February. Имеется по адресу www.theguardian.com/world/2019/feb/28/last-four-refugee-children-leave-nauru-for-resettlement-in-us.
- Devillard, A., A. Vacchi и M. Noack
2016 *A Survey on Migration Policies in West Africa*. ICMPD, Vienna, and IOM, Dakar. Имеется по адресу www.icmpd.org/fileadmin/ICMPD-Website/ICMPD_General/Publications/2015/A_Survey_on_Migration_Policies_in_West_Africa_EN_SOFT.pdf.
- Diamant, J. и K.J. Starr
2018 *Western Europeans vary in their nationalist, anti-immigrant and anti-religious minority attitudes*. Pew Research Center, 19 July. Имеется по адресу www.pewresearch.org/fact-tank/2018/06/19/western-europeans-vary-in-their-nationalist-anti-immigrant-and-anti-religious-minority-attitudes/.
- Diop, A., T. Johnston и K.T. Le
2018 *Migration Policies across the GCC: Challenges in Reforming the Kafala*. European University Institute and Gulf Research Centre. Имеется по адресу http://gulfmigration.org/media/pubs/book/grm2017book_chapter/Volume%20-%20Migration%20to%20Gulf%20-%20Chapter%203.pdf.
- Doherty, M., B. Leung, K. Lorenze и A. Wilmarth
2014 *Understanding South Asian Labor Migration*. Workshop in International Public Affairs, La Follette School of Public Affairs, University of Wisconsin, Madison. Имеется по адресу www.lafollette.wisc.edu/images/publications/workshops/2014-migration.pdf.
- Dominguez-Villegas, R.
2019 *Protection and Reintegration: Mexico Reforms Migration Agenda in an Increasingly Complex Era*. Migration Policy Institute, 7 March. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/protection-and-reintegration-mexico-reforms-migration-agenda.
- Duncan, H. и I. Popp
2017 Migrants and Cities: Stepping Beyond *World Migration Report 2015*. In: *World Migration Report 2018* (M. McAuliffe and M. Ruhs, eds.), IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2018_en_chapter10.pdf.
- East African Community
n.d. *Common Market*. Имеется по адресу www.eac.int/common-market.
- Ellis, P. и M. Roberts
2016 *Leveraging Urbanization in South Asia: Managing Spatial Transformation for Prosperity and Livability*. World Bank Group, Washington, D.C. Имеется по адресу <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/22549>.

Eurasianet

- 2019 As Russia loses its luster, Tajik laborers head to Turkey. *Eurasianet*, 5 May. Имеется по адресу <https://eurasianet.org/as-russia-loses-its-luster-tajik-laborers-head-to-turkey>.

Евразийский экономический союз

- n.d. Общая информация. Имеется по адресу www.eaeunion.org/?lang=ru#about.

Европейским союзом

- 2018a *Lake Chad Basin Crisis: Food Insecurity Situation*. Имеется по адресу https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/ECDM_20181219_Lake_Chad_Basin_Crisis.pdf.
- 2018b *Integration of immigrants in the European Union*. Special Eurobarometer 469. Имеется по адресу https://ec.europa.eu/home-affairs/news/results-special-eurobarometer-integration-immigrants-european-union_en.
- 2018c *Report from the Commission to the European Parliament and the Council*. Имеется по адресу https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-security/20181204_com-2018-777-report_en.pdf.
- n.d. *Schengen Area*. European Commission Migration and Home Affairs. Имеется по адресу https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/borders-and-visas/schengen_en.

Eurostat

- 2018 *Residence permits for non-EU citizens*. Имеется по адресу <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/9333446/3-25102018-AP-EN.pdf/3fa5fa53-e076-4a5f-8bb5-a8075f639167>.
- 2019 *Migration and migrant population statistics*. Имеется по адресу https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics&oldid=415659.

Farbotko, C.

- 2018 *No Retreat: Climate Change and Voluntary Immobility in the Pacific Islands*. Migration Policy Institute, 13 June. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/no-retreat-climate-change-and-voluntary-immobility-pacific-islands.

Flahaux, M.L. и H. de Haas

- 2016 African migration: Trends, patterns, drivers. *Comparative Migration Studies*, 4(1):1–25.

Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO)

- 2018a *Atlas of Migration: the majority of migrants from Central America come from rural areas*. FAO Regional Office for Latin America and the Caribbean. Имеется по адресу www.fao.org/americas/noticias/ver/en/c/1174658/.
- 2018b *FAO and WFP concerned about the impact of drought on the most vulnerable in Central America*. Имеется по адресу www.fao.org/americas/noticias/ver/en/c/1150344/.

Frontex

- 2019 *Risk Analysis for 2019*. Имеется по адресу https://frontex.europa.eu/assets/Publications/Risk_Analysis/Risk_Analysis/Risk_Analysis_for_2019.pdf.

- Gallagher, A. и М. McAuliffe
2016 South-East Asia and Australia in *Migrant Smuggling Data and Research: A global review of the emerging evidence base*, McAuliffe, M. and F. Laczko (eds.), IOM, Geneva.
- Gao, H., Т.В. Bohn, E. Podest и D.P. Lettenmaier
2011 On the causes of the shrinking of Lake Chad. *IOP Science: Environmental Research Letters*, 6(3):1–7. Имеется по адресу <http://iopscience.iop.org/article/10.1088/1748-9326/6/3/034021/meta>.
- Gaston, S. и J.E. Uscinski
2018 Out of the Shadows: Conspiracy Thinking on Immigration. The Henry Jackson Society. Имеется по адресу <https://henryjacksonsociety.org/wp-content/uploads/2018/12/Out-of-the-Shadows-Conspiracy-thinking-on-immigration.pdf>.
- Georgetown University
n.d. Planned Relocations: Reports and Publications. Georgetown University, Washington, D.C. Имеется по адресу <https://isim.georgetown.edu/Planned-Relocations>.
- Gois, A.
2015 *Labour Migration in the ASEAN Region*. Heinrich Böll Stiftung, Berlin, 23 November. Имеется по адресу www.boell.de/en/2015/11/23/labour-migration-asean-region.
- Harkins, B., D. Lindgren и Т. Suravoranon
2017 *Risks and rewards: Outcomes of labour migration in South-East Asia*. IOM and ILO. Имеется по адресу www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---asia/---ro-bangkok/documents/publication/wcms_613815.pdf.
- Hatsukano, N.
2015 Improving the Regulatory and Support Environment for Migrant Workers for Greater Productivity, Competitiveness, and Social Welfare in ASEAN. ERIA Discussion Paper Series, November 2015. Имеется по адресу www.eria.org/ERIA-DP-2015-76.pdf.
- Hervey, G
2017 The EU exodus: When doctors and nurses follow the money. *Politico*, 30 September. Имеется по адресу www.politico.eu/article/doctors-nurses-migration-health-care-crisis-workers-follow-the-money-european-commission-data/.
- Hickey, C.K.
2019 Immigration's Cash Rewards. *Foreign Policy*, 17 April. Имеется по адресу <https://foreignpolicy.com/2019/04/17/immigrations-cash-rewards-migration-remittances/>.
- Hu, X.
2012 *China's Young Rural-to-Urban Migrants: In Search of Fortune, Happiness, and Independence*. Migration Policy Institute, 4 January. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/chinas-young-rural-urban-migrants-search-fortune-happiness-and-independence.
- Hugo, G.J.
2014 The changing dynamics of ASEAN international migration. *Malaysian Journal of Economic Studies*, 51(1):43–67.

- 2015 Internal and International Migration in East and Southeast Asia: Exploring the Linkages. *Population, Space and Place*, 22(7):651–668. Имеется по адресу <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/psp.1930/full>.

Human Rights Watch

- 2018 *Mozambique: Armed Groups Burn Villages*. Имеется по адресу www.hrw.org/news/2018/06/19/mozambique-armed-groups-burn-villages.
- 2019 *World Report 2019: Events of 2018*. Имеется по адресу www.hrw.org/world-report/2019.

Hummel, D., M. Doevenspeck и C. Samimi

- 2012 Climate Change, Environment and Migration in the Sahel: Selected Issues with a Focus on Senegal and Mali. Migration, Climate and Environmental Changes in the Sahel (MICLE) Research Project, Working Paper No. 1. Имеется по адресу www.micle-project.net/uploads/media/micle-wp1-2012-en.pdf.

Hummel D. и S. Liehr

- 2015 *Migration in the West African Sahel – more than a response to climate change*. ISOE Policy Brief No. 2/2015. Имеется по адресу www.isoe-publikationen.de/fileadmin/redaktion/Downloads/Bevoelkerung/policy-brief-isoe-2015-2.pdf.

Içduygu, A.

- 2018 Middle East. In: *Migrant Smuggling Data and Research: A global review of the emerging evidence base*, Volume 2 (A. Triandafyllidou and M. McAuliffe, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/migrant-smuggling-data-and-research-global-review-emerging-evidence-base-volume-2>.

Immigration, Refugees and Citizenship Canada (IRCC)

- 2018 *Permanent Residents Admitted in 2017, by Top 10 Source Countries*. Имеется по адресу www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/corporate/publications-manuals/annual-report-parliament-immigration-2018/permanent-residents-admitted.html.

Institute of International Education (IIE)

- 2018 *Places of Origin*. Имеется по адресу www.iie.org/Research-and-Insights/Open-Doors/Data/International-Students/Places-of-Origin.

Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК)

- 2018 *Impacts of 1.5°C of Global Warming on Natural and Human Systems*. Имеется по адресу www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/2/2019/02/SR15_Chapter3_Low_Res.pdf.

Центром наблюдения за процессами внутреннего перемещения (ЦНВП)

- 2018a *Global Report on Internal Displacement*. IDMC, Geneva. Имеется по адресу www.internal-displacement.org/global-report/grid2018/downloads/2018-GRID.pdf.
- 2018b *Global Report on Internal Displacement*. IDMC, Geneva. Имеется по адресу www.internal-displacement.org/media-centres/east-africa-worst-hit-by-internal-displacement-in-first-half-of-2018.
- 2019 *Global Report on Internal Displacement*. IDMC, Geneva. Имеется по адресу www.internal-displacement.org/sites/default/files/publications/documents/2019-IDMC-GRID.pdf.

n.d. *Global Internal Displacement Database*. IDMC, Geneva. Имеется по адресу www.internal-displacement.org/database/displacement-data.

International Federation of Red Cross and Red Crescent Societies (IFRC)

2018 *Niger: Complex emergency*. Имеется по адресу <https://media.ifrc.org/ifrc/wp-content/uploads/sites/5/2018/04/IFRC-Niger-complex-emergency-A4-EN-3.pdf>.

International Labour Organization (MOT)

2016 *Labour migration in Latin America and the Caribbean: Diagnosis, strategy, and ILO's work in the region*. ILO Technical Reports, 2016/2. ILO, Lima. Имеется по адресу www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---americas/---ro-lima/documents/publication/wcms_548185.pdf.

2018 *Europe's ageing population comes with a silver lining*. Имеется по адресу www.ilo.org/brussels/information-resources/news/WCMS_645926/lang--en/index.htm.

2019 *Labour Mobility in Pacific Island Countries*. Имеется по адресу www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---asia/---ro-bangkok/---ilo-suva/documents/publication/wcms_712549.pdf.

Международной организацией по миграции (IOM)

2015 *More Europeans Migrate to Latin America, Caribbean Than Other Way Around: IOM Study*. IOM, Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/news/more-europeans-migrate-latin-america-caribbean-other-way-around-iom-study.

2016a *3rd Almaty Process Senior Officials Meeting (SOM)*, 19–20 September 2016, Astana Kazakhstan. IOM, Astana. Имеется по адресу www.iom.kz/en/new/213-alma-proc-meet-eng.

2016b *Migrant Vulnerabilities and Integration Needs in Central Asia: Root Causes, Social and Economic Impact of Return Migration*. IOM, Astana. Имеется по адресу www.iom.kz/images/inform/FinalFullReport18SBNlogocom.pdf.

2017 *Migration Trends in South America*. South American Migration Report No. 1. IOM, South America. Имеется по адресу http://robuenosaires.iom.int/sites/default/files/Documentos%20PDFs/Report_Migration_Trends_South_America_N1_EN.pdf.

2018a *Regional Migrant Response Plan: For the Horn of Africa and Yemen 2018–20*. IOM, Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/country/docs/regional_migrant_response_plan_for_the_h.a_yemen.pdf.

2018b *IOM Libya Voluntary Humanitarian Return*. IOM, Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/vhr_update_16-31_dec-english.pdf.

2018c *IOM Bangladesh: Rohingya Humanitarian Crisis Response: Monthly Situation Report*. IOM, Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/situation_reports/file/bangladesh_sr_201812.pdf.

2018d *Iraq Displacement Figures Drop Below Two Million for First Time Since 2014; Nearly Four Million Have Returned Home*. IOM, Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/news/iraq-displacement-figures-drop-below-two-million-first-time-2014-nearly-four-million-have.

- 2018e *Number of Refugees, Migrants from Venezuela Reaches 3 Million*. IOM, Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/news/number-refugees-migrants-venezuela-reaches-3-million.
- 2018f *Encuesta Monitoreo de Flujos*. IOM, San José, Costa Rica. Имеется по адресу https://rosanjose.iom.int/site/sites/default/files/Reportes/dtm_chiapas_espanol.pdf.
- 2019a *Displacement Tracking Matrix: Programming in the East and Horn of Africa*. IOM, Nairobi. Имеется по адресу <https://displacement.iom.int/reports/east-and-horn-africa-%E2%80%94-2019-info-sheet>.
- 2019b *Mozambique — Tropical Cyclone Idai Situation Report 3 (3 April 2019)*. IOM, Mozambique. Имеется по адресу <https://displacement.iom.int/reports/mozambique-%E2%80%94-tropical-cyclone-idai-situation-report-3-3-april-2019?close=true>.
- 2019c *Mediterranean Migrant Arrivals Reach 12,174 in 2019; Deaths Reach 356*. IOM, Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/news/mediterranean-migrant-arrivals-reach-12174-2019-deaths-reach-356.
- n.d.a *West and Central Africa*. IOM, Dakar. Имеется по адресу www.iom.int/west-and-central-africa.
- n.d.b *Flow Monitoring Europe*. IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://migration.iom.int/europe?type=arrivals>.
- n.d.c *The Counter Trafficking Data Collaborative (CTDC)*. IOM, Geneva. Имеется по адресу www.ctdatacollaborative.org/.
- n.d.d *Missing Migrants*. IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://missingmigrants.iom.int/region/mediterranean>.
- n.d.e *South America*. IOM, Buenos Aires. Имеется по адресу www.iom.int/south-america.

Международной организацией по миграции и Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (МОМ и УВКБ ООН)

- 2018 *Returns to Afghanistan in 2017: Joint IOM-UNHCR Summary Report*. Имеется по адресу <https://data2.unhcr.org/en/documents/download/63077>.

Ionesco, D., D. Mokhnacheva и F. Gemenne

- 2017 *The Atlas of Environmental Migration*. IOM and Routledge. Имеется по адресу <https://environmentalmigration.iom.int/projects/atlas-environmental-migration>.

Jacobsen, J. и M. Valenta

- 2016 *Moving to the Gulf: an empirical analysis of the patterns and drivers of migration to the GCC countries, 1960–2013*. *Labour History*, 57(5):627–648. Имеется по адресу <http://dx.doi.org/10.1080/0023656X.2016.1239885>.

Jayasuriya, D. и R. Sunam

- 2016 *South Asia*. In: *Migrant Smuggling Data and Research: A global review of the emerging evidence base* (M. McAuliffe and F. Laczko, eds.), IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/smuggling_report.pdf.

- Jennings, R.
2018 China Agrees To Accept Filipino Workers, But Will They Go? *Forbes*, 3 May. Имеется по адресу www.forbes.com/sites/ralphjennings/2018/05/03/why-overseas-filipino-workers-will-clamor-for-jobs-in-china/#311ec20c8309.
- Ju-Young, P.
2018 Korea to accept 56,000 foreign workers in 2019. *The Korea Herald*, 19 December. Available at www.koreaherald.com/view.php?ud=20181219000544.
- Kahanec, M. и F. Zimmermann
2009 *Migration in an enlarged EU: A challenging solution?* European Commission. Имеется по адресу https://ec.europa.eu/economy_finance/publications/pages/publication14287_en.pdf.
- Karasz, P. и P. Kingsley
2018 What Is Hungary's 'Slave Law,' and Why Has It Provoked Opposition? *New York Times*, 22 December. Имеется по адресу www.nytimes.com/2018/12/22/world/europe/hungary-slave-law.html.
- Krogstad, J.M., J.S. Passel и D. Cohn
2019 *5 facts about illegal immigration in the U.S.* Pew Research Center, 12 June. Имеется по адресу www.pewresearch.org/fact-tank/2019/06/12/5-facts-about-illegal-immigration-in-the-u-s/.
- Kwon, J.
2019 South Korea's "Yemeni Refugee Problem". Middle East Institute. Имеется по адресу www.mei.edu/publications/south-koreas-yemeni-refugee-problem.
- Landau, L.
2018 Xenophobia in South Africa: why it's time to unsettle narratives about migrants. *The Conversation*. Имеется по адресу <https://theconversation.com/xenophobia-in-south-africa-why-its-time-to-unsettle-narratives-about-migrants-102616>.
- MacGregor, M.
2019 Changing journeys: Migrant routes to Europe. Info Migrants. Имеется по адресу www.infomigrants.net/en/post/15005/changing-journeys-migrant-routes-to-europe.
- Maher, S.
2018 Southern Africa. In: *Migrant Smuggling Data and Research: A global review of the emerging evidence base*, Volume 2 (A. Triandafyllidou and M. McAuliffe, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/migrant-smuggling-data-and-research-global-review-emerging-evidence-base-volume-2>.
- Malik, S.
2015 *Asian Immigrants in the United States Today*. Center for American Progress. Имеется по адресу www.americanprogress.org/issues/immigration/news/2015/05/21/113690/asian-immigrants-in-the-united-states-today/.

Manji, F.

2015 *Asian Immigrants in the United States Today*. Center for American Progress. Имеется по адресу www.americanprogress.org/issues/immigration/news/2015/05/21/113690/asian-immigrants-in-the-united-states-today/.

2017 *No Win-Wins in Kenya's Modern-Day Voyages in Search of Work*. Brookings Institution, 26 May. Имеется по адресу www.brookings.edu/blog/future-development/2017/05/26/no-win-wins-in-kenyas-modern-day-voyages-in-search-of-work/.

Matusevich, Y.

2019 From Samarkand to Seoul: Central Asian migrants in South Korea. *Eurasianet*, 17 May. Имеется по адресу <https://eurasianet.org/from-samarkand-to-seoul-central-asian-migrants-in-south-korea>.

McAuliffe, M.

2016 *Resolving Policy Conundrums: Enhancing Humanitarian Protection in Southeast Asia*. Migration Policy Institute, Washington, D.C. Имеется по адресу http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/TCM_Development-McAuliffe-FINAL.pdf.

2018 *The link between migration and technology is not what you think*. World Economic Forum. Имеется по адресу www.weforum.org/agenda/2018/12/social-media-is-casting-a-dark-shadow-over-migration/.

McAuliffe, M. и D. Jayasuriya

2016 Do asylum seekers and refugees choose destination countries? Evidence from large-scale surveys in Australia, Afghanistan, Bangladesh, Pakistan and Sri Lanka. *International Migration*, 54(4):44–59. Имеется по адресу <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/imig.12240>.

McCurry, J.

2019 Fears of exploitation as Japan prepares to admit foreign workers. *The Guardian*, 2 January. Имеется по адресу www.theguardian.com/world/2019/jan/02/fears-of-exploitation-as-japan-prepares-to-admit-foreign-workers.

Meissner, D.

2018 *Asylum Reform, Not Troops, Is the Solution to Current Border Reality*. Migration Policy Institute, November. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/news/asylum-reform-not-troops-solution-current-border-reality.

Ministry of Education of the People's Republic of China

2019a *More Chinese study abroad in 2018*. Имеется по адресу http://en.moe.gov.cn/news/media_highlights/201904/t20190401_376249.html.

2019b *Statistical report on international students in China for 2018*. Имеется по адресу http://en.moe.gov.cn/news/press_releases/201904/t20190418_378586.html.

Mittelstadt, M.

2018 *Shaping a Narrative of "Crisis" at Border, Trump Administration Takes Muscular Action*. Migration Policy Institute, 19 December. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/top-10-2018-issue-3-border-crisis-narrative-trump-administration-action.

Natter, K.

- 2014 Fifty years of Maghreb emigration: How states shaped Algerian, Moroccan and Tunisian emigration. Working Paper, DEMIG No. 21, International Migration Institute, University of Oxford. Имеется по адресу www.imi.ox.ac.uk/publications/wp-95-14.

New Zealand Immigration

- n.d. *New Zealand Refugee Quota Programme*. Имеется по адресу www.immigration.govt.nz/about-us/what-we-do/our-strategies-and-projects/supporting-refugees-and-asylum-seekers/refugee-and-protection-unit/new-zealand-refugee-quota-programme.

New Zealand Ministry of Business, Innovation and Employment

- 2018 *Migration Trends: 2016/2017*. Имеется по адресу www.mbie.govt.nz/assets/Uploads/c22ab0c547/migration-trends-2016-17.pdf.

Nikiforova, E. и O. Brednikova

- 2018 On labor migration to Russia: Central Asian migrants and migrant families in the matrix of Russia's bordering policies. *Political Geography*, 66:142–150. Имеется по адресу [www.sciencedirect-com.uplib.idm.oclc.org/science/article/pii/S0962629816303225](http://www.sciencedirect.com.uplib.idm.oclc.org/science/article/pii/S0962629816303225).

Ning, L.

- 2018 China expands new visa policy nationwide to lure high-end foreign talents. *People's Daily*, 6 March. Имеется по адресу <http://en.people.cn/n3/2018/0306/c90000-9433613.html>.

Nshimbi, C.C. и L. Fioramonti

- 2013 *A Region Without Borders? Policy Frameworks for Regional Labour Migration Towards South Africa*. MiWORC Report, African Centre for Migration and Society, University of the Witwatersrand. Имеется по адресу www.miworc.org.za/docs/MiWORC-Report-1.pdf.

Nye, C.

- 2019 Japan's desperate need for migrant workers a warning for the UK. *The Conversation*. Имеется по адресу <https://theconversation.com/japans-desperate-need-for-migrant-workers-a-warning-for-the-uk-109529>.

O'Faolain, A.

- 2018 Migrant fishermen claim their workign conditions are akin to 'modern' slavery, *The Irish Times*, 22 November 2018.

Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR)

- 2018a *Venezuela: Human rights experts say health system in crisis*. Имеется по адресу www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=23667&LangID=E.
- 2018b *UN experts to US: "Release migrant children from detention and stop using them to deter irregular migration"*. Имеется по адресу www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=23245&LangID=E.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)

- 2016 Трудовая миграция в Центральной Азии. Сообщество безопасности ОБСЕ, выпуск 1/2016. ОБСЕ. Имеется по адресу www.osce.org/ru/magazine/250406.

- Otker-Robe, I.
2019 *Building a more resilient Caribbean to natural disasters and climate change*. World Bank. Имеется по адресу <https://blogs.worldbank.org/developmenttalk/building-more-resilient-caribbean-natural-disasters-and-climate-change>.
- Palencia, G.
2014 Drought Leaves up to 2.8 Million Hungry in Central America. *Scientific American*, 4 September. Имеется по адресу www.scientificamerican.com/article/drought-leaves-up-to-2-8-million-hungry-in-central-america/.
- Patriquin, M.
2018 Canada registers sixfold increase in US citizens seeking asylum in 2017. *The Guardian*, 14 November. Имеется по адресу www.theguardian.com/world/2018/nov/14/us-citizens-seeking-asylum-canada-increases-immigration-refugees.
- Peto, S.
2019 Thousands rally against Hungary's overtime work law, PM Orban. *Reuters*, 5 January. Имеется по адресу www.reuters.com/article/us-hungary-protest/thousands-rally-against-hungarys-overtime-work-law-pm-orban-idUSKCN1OZOGO.
- Pholphirul, P.
2018 South-south labour migration and sustainable development: Implications for Southeast Asian countries. *Sustainable Development*, 27(1):1-12. Имеется по адресу <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/sd.1876>.
- Qin, M., J.J. Brown, S.S. Padmadas, B. Li, J. Qi и J. Falkingham
2016 Gender inequalities in employment and wage-earning among internal labour migrants in Chinese cities. *Demographic Research*, 34:175-202. Имеется по адресу www-jstor-org.uplib.idm.oclc.org/stable/pdf/26332032.pdf?ab_segments=0%252Fdefault-2%252Fcontrol&refreq_id=excelsior%3A6bdc7e40c410192ddfe82d4852f27c43.
- Radford, J.
2019 *Key findings about U.S. immigrants*. Pew Research Center, 17 June. Имеется по адресу www.pewresearch.org/fact-tank/2019/06/17/key-findings-about-u-s-immigrants/.
- Rahman, Md M.
2013 Migrant Indebtedness: Bangladeshis in the GCC Countries. *International Migration*, 53(6):205-219. Имеется по адресу <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/imig.12084/full>.
- Raphelson, M, J. Hobson и C. Bentley
2018 California Sanctuary Law Divides State In Fierce Immigration Debate. National Public Radio. Имеется по адресу www.npr.org/2018/10/17/657951176/california-sanctuary-law-divides-state-in-fierce-immigration-debate?t=1563450409757.
- Refugee Council of Australia
2017 Recent Changes in Australian Refugee Policy. RCA, June. Имеется по адресу www.refugeecouncil.org.au/publications/recent-changes-australian-refugee-policy/.

- Reifeld, H.
2015 *Emigration, Transit and Host Country: Migration in Morocco*. KAS International Reports, Issue 2–3, Konrad-Adenauer-Stiftung. Имеется по адресу www.kas.de/wf/en/33.40711/.
- Reuters
2018 IMF projects Venezuela inflation will hit 1,000,000 percent in 2018. *Reuters*, 24 July. Имеется по адресу www.reuters.com/article/us-venezuela-economy/imf-projects-venezuela-inflation-will-hit-1000000-percent-in-2018-idUSKBN1KD2L9.
- Rudincova, K.
2017 Desiccation of Lake Chad as a cause of security instability in the Sahel region. *GeoScape*, 11(2):112–120. Имеется по адресу <https://content.sciendo.com/view/journals/geosc/11/2/article-p112.xml>.
- Sanchez, G.
2018 Mexico. In: *Migrant Smuggling Data and Research: A global review of the emerging evidence base*, Volume 2 (A. Triandafyllidou and M. McAuliffe, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/migrant-smuggling-data-and-research-global-review-emerging-evidence-base-volume-2>.
- Schmeidl, S.
2016 Determinants of Displacement from Post-2014 Afghanistan. Paper presented at the Afghan Migration: Aspirations, Movements, Demography, Integration and Return Conference, Australian National University, March 2016. Имеется по адресу <http://demography.anu.edu.au/afghan-migration-conference/participants>.
- Seligman, L.
2018 U.S.-led Coalition Set to Launch Final Fight Against ISIS in Syria. *Foreign Policy*, 1 August. Имеется по адресу <https://foreignpolicy.com/2018/08/01/u-s-led-coalition-set-to-launch-final-fight-against-isis-in-syria/>.
- Sengupta, A.
2018 Southern Africa. In: *Migrant Smuggling Data and Research: A global review of the emerging evidence base*, Volume 2 (A. Triandafyllidou M. McAuliffe, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/migrant-smuggling-data-and-research-global-review-emerging-evidence-base-volume-2>.
- Shapiro, L. и M. Sharma
2018 How many migrant children are still separated from their families? *The Washington Post*, 30 August. Имеется по адресу www.washingtonpost.com/graphics/2018/local/tracking-migrant-family-separation/.
- Shuo, Z.
2019 Chinese students studying abroad up 8.83%. *China Daily*, 28 March. Имеется по адресу www.chinadaily.com.cn/a/201903/28/WS5c9c355da3104842260b30eb.html.
- Sitaropoulos, N.
2000 Modern Greek asylum policy and practice in the context of the relevant European developments. *Journal of Refugee Studies*, 13(1):105–17.

- Solomon, D.B.
2019 U.S. dream pulls African migrants in record numbers across Latin America. *Reuters*, 5 July. Имеется по адресу www.reuters.com/article/us-usa-immigration-africa/u-s-dream-pulls-african-migrants-in-record-numbers-across-latin-america-idUSKCN1U01A4.
- Southwick, K.
2015 Preventing mass atrocities against the stateless Rohingya in Myanmar. *Journal of International Affairs*, 68(2):137–56.
- Srivastava, R. и A. Pandey
2017 *Internal and International Migration in South Asia: Drivers, Interlinkage and Policy Issues*. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, New Delhi. Имеется по адресу <http://unesdoc.unesco.org/images/0024/002494/249459E.pdf>.
- Staedicke, S., J. Batalova и J. Zong
2016 *On the Brink of Demographic Crisis, Governments in East Asia Turn Slowly to Immigration*. Migration Policy Institute, 6 December. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/brink-demographic-crisis-governments-east-asia-turn-slowly-immigration.
- Stats, New Zealand
2019 *Net migration remains high*. Имеется по адресу www.stats.govt.nz/news/net-migration-remains-high.
- Szakacs, G.
2019 Orban offers financial incentives to boost Hungary's birth rate. *Reuters*, 10 February. Имеется по адресу www.reuters.com/article/us-hungary-orban-benefits/orban-offers-financial-incentives-to-boost-hungarys-birth-rate-idUSKCN1PZ010.
- The State Council, the People's Republic of China
2018 *China unveils state immigration administration*. Имеется по адресу http://english.gov.cn/state_council/ministries/2018/04/03/content_281476099942832.htm.
- Tian, Y. и E.A. Chung
2018 Is Japan Becoming a Country of Immigration? Why More Foreign Labor Doesn't Imply Liberalization. *Foreign Affairs*, 3 August. Имеется по адресу www.foreignaffairs.com/articles/japan/2018-08-03/japan-becoming-country-immigration.
- Tierney, J., C. Ummenhofer и P. deMenocal
2015 Past and future rainfall in the Horn of Africa. *Science Advances*, 1(9):1–8. Имеется по адресу <http://advances.sciencemag.org/content/1/9/e1500682>.
- Turaeva, R.
2018 Imagined mosque communities in Russia: Central Asian migrants in Moscow. *Asian Ethnicity*, 20(2):131–147. Имеется по адресу www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14631369.2018.1525529.
- United Nations Children's Fund (UNICEF)
2018 *In Mexico, children traveling with migrant caravan still in need of protection and support – UNICEF*. Имеется по адресу www.unicef.org/press-releases/mexico-children-traveling-migrant-caravan-still-need-protection-and-support-unicef.

- 2019 *Cyclone Idai: More than 1.5 million children urgently need assistance across Mozambique, Malawi and Zimbabwe*. Имеется по адресу www.unicef.org/thailand/press-releases/cyclone-idai-more-15-million-children-urgently-need-assistance-across-mozambique.

United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD)

- 2018 *Economic Development in Africa Report 2018: Migration for Structural Transformation*. United Nations, New York. Имеется по адресу <https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=2118>.

Департаментом Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН)

- 2015 *World Population Prospects: The 2015 Revision*. United Nations, New York. Имеется по адресу https://esa.un.org/unpd/wpp/publications/files/key_findings_wpp_2015.pdf.
- 2017 *Trends in International Migrant Stock: The 2017 Revision*. United Nations database. Имеется по адресу www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates17.shtml.
- 2018 *The speed of urbanization around the world*. Имеется по адресу https://population.un.org/wup/Publications/Files/WUP2018-PopFacts_2018-1.pdf.
- 2019a *International Migrant Stock 2019*. United Nations, New York. Имеется по адресу www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp.
- 2019b *World Population Prospects 2019: Highlights*. United Nations, New York. Имеется по адресу https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2019_Highlights.pdf.
- 2019c *World Population Prospects 2019*. UN DESA, Population Division, New York. Имеется по адресу <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/>.

Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН)

- n.d. О Кыргызской Республике. Имеется по адресу www.kg.undp.org/content/kyrgyzstan/ru/home/about-us.html.

United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (ESCAP)

- 2015 *Climate Change and Migration in the Pacific: Links, attitudes, and future scenarios in Nauru, Tuvalu and Kiribati*. 3 December. Имеется по адресу www.unescap.org/resources/climate-change-and-migration-pacific-links-attitudes-and-future-scenarios-nauru-tuvalu-and.

United Nations Environment (UN Environment)

- 2018a *Mapping the devastation of Somalia's drought*. United Nations. Имеется по адресу www.unenvironment.org/news-and-stories/story/mapping-devastation-somalias-drought.
- 2018b *The tale of a disappearing lake*. Имеется по адресу www.unenvironment.org/news-and-stories/story/tale-disappearing-lake.

Верховным комиссаром Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН)

- 2016 *Global Trends: Forced displacement in 2015*. Geneva, Switzerland. Имеется по адресу www.unhcr.org/statistics/unhcrstats/576408cd7/unhcr-global-trends-2015.html.

- 2018a *Global Trends: Forced Displacement in 2017*. Имеется по адресу www.unhcr.org/5b27be547.pdf.
- 2018b *New Zealand: By the Government of New Zealand*. Имеется по адресу www.unhcr.org/3c5e59d04.pdf.
- 2019a *Global Trends: Forced Displacement in 2018*. Имеется по адресу www.unhcr.org/globaltrends2018/.
- 2019b *Desperate Journeys*. Имеется по адресу https://data2.unhcr.org/en/documents/download/67712#_ga=2.212974932.1597542286.1563629435-978608323.1563629435.
- 2019c *Russian Federation*. Имеется по адресу <http://reporting.unhcr.org/node/2551?y=2019#year>.
- 2019d *Refugees and migrants from Venezuela top 4 million: UNHCR и ИОМ*. Имеется по адресу www.unhcr.org/news/press/2019/6/5cfa2a4a4/refugees-migrants-venezuela-top-4-million-unhcr-iom.html.
- 2019e *The Refugee Brief – 4 February 2019*. Имеется по адресу www.unhcr.org/refugeebrief/the-refugee-brief-4-february-2019/.
- n.d. *Population Statistics*. UNHCR, Geneva. Имеется по адресу http://popstats.unhcr.org/en/persons_of_concern.

United Nations Environment Programme (UNEP)

- 2011 *Livelihood Insecurity: Climate Change, Migration and Conflict in the Sahel*. UNEP, Geneva. Имеется по адресу http://postconflict.unep.ch/publications/UNEP_Sahel_EN.pdf.

United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA)

- n.d. *Current Emergencies*. Имеется по адресу www.unocha.org/where-we-work/current-emergencies.

United Nations Office for West Africa and the Sahel (UNOWAS)

- 2018 *Pastoralism and Security in West Africa and the Sahel*. Имеется по адресу https://unowas.unmissions.org/sites/default/files/rapport_pastoralisme_eng-2.pdf.

United Nations Office of Drugs and Crime (UNODC)

- 2018 *Global Study on Smuggling of Migrants 2018*. United Nations, New York. Имеется по адресу www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/glosom.html.

United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees (UNRWA)

- n.d. *Where We Work*. UNRWA, Gaza City. Имеется по адресу www.unrwa.org/where-we-work.

United Nations Support Mission in Libya (UNSMIL) и Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR)

- 2018 *Desperate and Dangerous: Report on the human rights situation of migrants and refugees in Libya*. Имеется по адресу www.ohchr.org/Documents/Countries/LY/LibyaMigrationReport.pdf.

United States Agency for International Development (USAID)

- n.d. *Agriculture and Food Security: USAID Southern Africa Regional*. USAID. Имеется по адресу www.usaid.gov/southern-africa-regional/agriculture-and-food-security.

United States Department of Homeland Security

- 2018 *Fiscal Year 2018 Entry/Exit Overstay Report*. Имеется по адресу www.dhs.gov/sites/default/files/publications/19_0417_fy18-entry-and-exit-overstay-report.pdf.

United States Department of Justice, Federal Bureau of Investigation (FBI)

- 2018 *2017 Hate Crime Statistics*. Имеется по адресу <https://ucr.fbi.gov/hate-crime/2017/resource-pages/hate-crime-summary>.

United States Department of State

- n.d. *Immigrant and Nonimmigrant Visas Issued at Foreign Service Posts*. Имеется по адресу <https://travel.state.gov/content/dam/visas/Statistics/AnnualReports/FY2018AnnualReport/FY18AnnualReport%20-%20TableI.pdf>.

Vanderwey, H.

- 2019 *Turning youth unemployment into entrepreneurship*. United Nations Development Programme, Pacific Office in Fiji. Имеется по адресу www.pacific.undp.org/content/pacific/en/home/blog/2019/turning-youth-unemployment-into-entrepreneurship.html.

Velasco, S.A.

- 2018 Ecuador. In: *Migrant Smuggling Data and Research: A global review of the emerging evidence base*, Volume 2 (A. Triandafyllidou and M. McAuliffe, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/migrant-smuggling-data-and-research-global-review-emerging-evidence-base-volume-2>.

Walker, S.

- 2019 Viktor Orbán calls for anti-migration politicians to take over EU. *The Guardian*, 10 February. Имеется по адресу www.theguardian.com/world/2019/jan/10/viktor-orban-calls-anti-migration-politics-take-over-eu-matteo-salvini.

Werner, A.

- 2018 *Outlook for the Americas: A Tougher Recovery*. *IMF Blog*, 23 July. Имеется по адресу <https://blogs.imf.org/2018/07/23/outlook-for-the-americas-a-tougher-recovery/>.

Всемирным банком

- 2018a *Record high remittances to low- and middle-income countries in 2017*. Washington, D.C. Имеется по адресу www.worldbank.org/en/news/press-release/2018/04/23/record-high-remittances-to-low-and-middle-income-countries-in-2017.
- 2018b *Russia's Economic Recovery Continues, Modest Growth Ahead*. Имеется по адресу www.worldbank.org/en/news/press-release/2018/05/23/russias-economic-recovery-continues-modest-growth-ahead.
- 2019a *Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook*. Имеется по адресу www.knomad.org/publication/migration-and-development-brief-31.

2019b *The World Bank In Pacific Islands*. Имеется по адресу www.worldbank.org/en/country/pacificislands/overview.

Zong, J. и J. Batalova

2019 *Caribbean Immigrants in the United States*. Migration Policy Institute, 13 February. Available at www.migrationpolicy.org/article/caribbean-immigrants-united-states.

Zong, J., J. Batalova и M. Burrows

2019 *Frequently Requested Statistics on Immigrants and Immigration in the United States*. Migration Policy Institute, 14 March. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/frequently-requested-statistics-immigrants-and-immigration-united-states#Now.

Глава 4

Abascal, M.

- 2017 Tu casa, mi casa: Naturalization and belonging among Latino immigrants. *International Migration Review*, 51(2):291–322.

Acemoglu, D. и J. Robinson

- 2000 Why did the West extend the franchise? Democracy, inequality, and growth in historical perspective. *The Quarterly Journal of Economics*, 115(4):1167–1199.

Agwu, G.A., D.N. Yuni и L. Anochiwa

- 2018 Do remittances improve income inequality? An instrumental variable quantile analysis of the Senegalese case. *International Migration*, 56(1):146–166.

Аксау, S. и A. Karasoy

- 2017 Remittances and calorie consumption nexus in Algeria. *International Migration*, 55(4):103–117.

Akoka, K., O. Clochard и A. Tcholakova

- 2017 Editorial: The condition of refugee: Subjective experiences and collective mobilizations. *Revue Européenne des Migrations Internationales*, 33(4):7–21.

Alden, E.

- 2017 Is border enforcement effective? What we know and what it means. *Journal on Migration and Human Security*, 5(2):481–490.

Aldred, J., A. Astell, R. Behr, L. Cochrane, J. Hind, A. Pickard, L. Potter, A. Wignall и E. Wiseman

- 2008 The world's 50 most powerful blogs. *The Guardian*, 9 March.

Alfaro-Velcamp, T., R.H. McLaughlin, G. Brogneri, M. Skade и M. Shaw

- 2017 'Getting angry with honest people': The illicit market for immigrant 'papers' in Cape Town, South Africa. *Migration Studies*, 5(2):216–236.

Altman, C.E., J. Van Hook и J. Gonzalez

- 2017 Becoming overweight without gaining a pound: Weight evaluations and the social integration of Mexicans in the United States. *International Migration Review*, 51(1):3–36.

Amit, K. и D. Blum

- 2018 Subjective perceptions related to migration. *International Migration*, 56(3):123–126.

Appleby, K.

- 2017 Strengthening the global refugee protection system: Recommendations for the global compact on refugees. *Journal on Migration and Human Security*, 5(4):780–799.

Arouri, M. и C. Nguyen

- 2018 Does international migration affect labor supply, non-farm diversification and welfare of households? Evidence from Egypt. *International Migration*, 56(1):39–62.

- Atkinson, K.E.
2018 Policy and possibilities of humanitarian development: Displaced women and peace-building features of the UNHCR. *Refugee Survey Quarterly*, 37(4):408–439.
- Bakewell, O.
2008 Research beyond the categories: The importance of policy irrelevant research into forced migration. *Journal of Refugee Studies*, 21(4):432–453.
- Basu, S.
2017 Wage assimilation of immigrants: A comparison of ‘new’ and ‘old’ Asian source countries. *Migration Studies*, 5(1):1–28.
- Bauder, H.
2017 Sanctuary cities: Policies and practices in international perspective. *International Migration*, 55(2):174–187.
- Beaman, J.
2016 As French and anyone else: Islam and the North African second generation in France. *International Migration Review*, 50(1):41–69.
- Bello, V. и T. Bloom
2017 Interculturalism in times of crisis. *International Migration*, 55(2):5–9.
- Benson, L.B.
2017 Immigration adjudication: The missing “rule of law”. *Journal on Migration and Human Security*, 5(2):331–355.
- Betts, A., N. Omata и L. Bloom
2017 Thrive or survive? Explaining variation in economic outcomes for refugees. *Journal on Migration and Human Security*, 5(4):716–743.
- Blitz, B.
2017 Another story: What public opinion data tell us about refugee and humanitarian policy. *Journal on Migration and Human Security*, 5(2):379–400.
- Bloemraad, I. и A. Sheares
2017 Understanding membership in a world of global migration: (How) does citizenship matter? *International Migration Review*, 51(4):823–867.
- Boehm, D.A.
2017 Separated families: Barriers to family reunification after deportation. *Journal on Migration and Human Security*, 5(2):401–416.
- Bonjour, S. и S. Chauvin
2018 Social class, migration policy and migrant strategies: An introduction. *International Migration*, 56(4):5–18.
- Bornmann, L.
2014 Do altmetrics point to the broader impact of research? An overview of benefits and disadvantages of altmetrics. *Journal of Informetrics*, 8(4):895–903.

- Boswell, C.
2008 The political functions of expert knowledge: Knowledge and legitimation in European Union immigration policy. *Journal of European Public Policy*, 15(4):471–88.
- Brekke, J., M. Røed и P. Schøne
2017 Reduction or deflection? The effect of asylum policy on interconnected asylum flows. *Migration Studies*, 5(1):1–32.
- Brzozowski, J., M. Cucculelli и A. Surdej
2017 The determinants of transnational entrepreneurship and transnational ties' dynamics among immigrant entrepreneurs in ICT sector in Italy. *International Migration*, 55(3):105–125.
- Burson, B., W. Kälin, J. McAdam и S. Weerasinghe
2018 The duty to move people out of harm's way in the context of climate change and disasters. *Refugee Survey Quarterly*, 37(4):379–407.
- Bylander, M.
2017 Poor and on the move: South–South migration and poverty in Cambodia. *Migration Studies*, 5(2):237–266.
2018 Migration disruption: Crisis and continuity in the Cambodian mass returns. *International Migration Review*, 52(4):1130–1161.
- Cantor, D.J., J. van Wijk, S. Singer и M.P. Bolhuis
2017 The emperor's new clothing: National responses to “undesirable and unreturnable” aliens under asylum and immigration law. *Refugee Survey Quarterly*, 36(1):1–8.
- Canut, C. и A. Pian
2017 Editorial. *Revue Européenne des Migrations Internationales*, 33(2-3):7–19.
- Carling, J.
2015 *Who is who in migration studies: 107 names worth knowing*. Имеется по адресу <https://jorgencarling.org/2015/06/01/who-is-who-in-migration-studies-108-names-worth-knowing/>.
2016 West and Central Africa. In: *Migrant Smuggling Data and Research: A Global Review of the Emerging Evidence Base* (M. McAuliffe and F. Laczko, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/migrant-smuggling-data-and-research-global-review-emerging-evidence-base>.
- Castles, S.
2010 Understanding global migration: A social transformation perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 36(10):1565–1586.
- Cederberg, M.
2017 Social class and international migration: Female migrants' narratives of social mobility and social status. *Migration Studies*, 5(2):149–167.

- Chaudhary, A.R.
2018 Organizing transnationalism and belonging among Pakistani immigrants in London and New York. *Migration Studies*, 6(3):420–447.
- Chavan, M. и L. Taksa
2017 Shifts in intergenerational mobility of Indian immigrant entrepreneurs. *International Migration*, 55(1):99–127.
- Cherney, A., B. Head, P. Boreham, J. Povey и M. Ferguson
2012 Perspectives of academic social scientists on knowledge transfer and research collaborations: A cross-sectional survey of Australian academics. *Evidence and Policy: A Journal of Research, Debate and Practice*, 8(4):433–453.
- Colquhoun, D.
2011 Publish-or-perish: Peer review and the corruption of science. *The Guardian*, 5 September.
- Coon, M.
2017 Local immigration enforcement and arrests of the Hispanic population. *Journal on Migration and Human Security*, 5(3):645–66.
- Corti, P. и A. Miranda
2018 Editorial: Coexistence, interweaving and overlapping of Italian migration flows. *Revue Européenne des Migrations Internationales*, 34(1):21–28.
- Cosemans, S.
2018 The politics of dispersal: Turning Ugandan colonial subjects into postcolonial refugees (1967–76). *Migration Studies*, 6(1):99–119.
- Costas, R., Z. Zahedi и P. Wouters
2015 Do “altmetrics” correlate with citations? Extensive comparison of altmetric indicators with citations from a multidisciplinary perspective. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 66(10):2003–2019.
- Crisp, J. и K. Long
2016 Safe and voluntary refugee repatriation: From principle to practice. *Journal on Migration and Human Security*, 4(3):141–147.
- Crush, J. и M. Caesar
2017 Introduction: Cultivating the Migration-Food Security Nexus. *International Migration*, 55(4):10–17.
- Czaika, M. и H. de Haas
2017 The effect of visas on migration processes. *International Migration Review*, 51(4):893–926.
- Davies, M. и R. Woodward
2014 *International Organizations: A Companion*. Edward Elgar Publishing, United Kingdom.
- Davis, J. и E.A. Jennings
2018 Spatial and temporal dimensions of migration on union dissolution. *International Migration*, 56(6):136–152.

Department for International Development (DFID)

- 2008 DFID Research Strategy 2008–2013. Working Paper Series: Capacity Building. United Kingdom Department for International Development.

Duckett, J. и G. Wang

- 2017 Why do authoritarian regimes provide public goods? Policy communities, external shocks and ideas in China's rural social policy making. *Europe-Asia Studies*, 69(1):92–109.

Думитриу, П.

- 2018 *Повышение эффективности использования результатов исследований по вопросам политики в контексте Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года*. Доклад Объединенной инспекционной группы, документ Организации Объединенных Наций JIU/REP/2018/7. Имеется по адресу <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G19/065/74/pdf/G1906574.pdf?OpenElement>.

Dye, T.

- 1972 *Understanding Public Policy*. Prentice-Hall, Englewood Cliffs.

El Qadim, N.

- 2018 The symbolic meaning of international mobility: EU-Morocco negotiations on visa facilitation. *Migration Studies*, 6(2):279–305.

Ellis, B.D. и H.J. Stam

- 2018 Cycles of deportability: Threats, fears, and the agency of 'irregular' migrants in Canada. *Migration Studies*, 6(3):321–344.

Ellis, E.G.

- 2017 Fake think tanks fuel fake news – And the President's tweets. *Wired Magazine*, 24 January. Имеется по адресу www.wired.com/2017/01/fake-think-tanks-fuel-fake-news-presidents-tweets/.

Ervin, D., E.R. Hamilton и D. Lopez-Carr

- 2017 Blessed be the ties: Health and healthcare for migrants and migrant families in the United States. *International Migration*, 55(5):5–7.

Federation for American Immigration Reform (FAIR)

- 2017 *An Immigration Reform Agenda for the 115th Congress*. Имеется по адресу www.fairus.org/legislation/reports-and-analysis/immigration-reform-agenda-115th-congress.

Felenon, A.

- 2017 Rethinking the Hispanic paradox: The mortality experience of Mexican immigrants in traditional gateways and new destinations. *International Migration Review*, 51(3):567–599.

Fellini, I.

- 2018 Immigrants' labour market outcomes in Italy and Spain: Has the southern European model disrupted during the crisis? *Migration Studies*, 6(1):53–78.

Fine, J. и G. Lyon

- 2017 Segmentation and the role of labor standards enforcement in immigration reform. *Journal on Migration and Human Security*, 5(2):431–451.

- Flahaux, M.L.
2017 The role of migration policy changes in Europe for return migration to Senegal. *International Migration Review*, 51(4):868–892.
- Flahaux, M.L. и S. Vezzoli
2018 Examining the role of border closure and post-colonial ties in Caribbean migration. *Migration Studies*, 6(2):165–186.
- Flynn, M.
2017 Kidnapped, trafficked, detained? The implications of non-state actor involvement in immigration detention. *Journal on Migration and Human Security*, 5(3):593–613.
- Foster, J.G., A. Rzhetsky и J.A. Evans
2015 Tradition and innovation in scientists' research strategies. *American Sociological Review*, 80(5):875–908.
- Frelick, B., I. Kysel и J. Podkul
2016 The impact of externalization of migration controls on the rights of asylum seekers and other migrants. *Journal of Migration and Human Security*, 4(4):190–220.
- Fuller, H.R.
2017 The emotional toll of out-migration on mothers and fathers left behind in Mexico. *International Migration*, 55(3):156–172.
- Gammeltoft-Hansen, T. и N.F. Tan
2017 The end of the deterrence paradigm? Future directions for global refugee policy. *Journal on Migration and Human Security*, 5(1): 28–56.
- Geeraert, J.
2018 Healthcare reforms and the creation of ex-/included categories of patients – “Irregular Migrants” and the “Undesirable” in the French healthcare system. *International Migration*, 56(2):68–81.
- Germano, R.
2018 Using video to promote empathy, reduce xenophobia, and illustrate concepts in the study of international migration. *Migration Studies*, 6(1):140–152.
- Gibson, J. и D. McKenzie
2017 How reliable are survey estimates of remittances? Evidence from a cross-reporting survey exercise. *Migration Studies*, 5(1):97–115.
- Gilman, D. и L.A. Romero
2018 Immigration detention, Inc. *Journal on Migration and Human Security*, 6(2):145–160.
- Global Migration Group (GMG)
2017a *Handbook for Improving the Production and Use of Migration Data for Development*. Global Knowledge Partnership for Migration and Development (KNOMAD), Washington, D.C. Имеется по адресу www.knomad.org/sites/default/files/2017-11/Handbook%20for%20Improving%20the%20Production%20and%20Use%20of%20Migration%20Data%20for%20Development.pdf.

- 2017b *Migration, Remittances and Financial Inclusion: Challenges and Opportunities for Women's Economic Empowerment*. UN-Women, New York. Имеется по адресу https://globalmigrationgroup.org/system/files/GMG_Report_Remittances_and_Financial_Inclusion_updated_27_July.pdf.
- Gong, S.
2018 Are the consequences of experiencing discrimination the same for immigrants of differing socio-economic status in Japan? *International Migration*, 56(2):37–55.
- Gravelle, T.B.
2018 Partisanship, local context, group threat, and Canadian attitudes towards immigration and refugee policy. *Migration Studies*, 6(3):448–467.
- GreyNet International
2014 Pisa Declaration on Policy Development for Grey Literature Resources. *The Grey Journal*, 10(2):64.
- Gubernskaya, Z. и J. Dreby
2017 US immigration policy and the case for family unity. *Journal on Migration and Human Security*, 5(2):417–430.
- Harbeson, J.W.
2016 Mainstreaming involuntary migration in development policies. CMS Essays. Имеется по адресу <http://cmsny.org/wp-content/uploads/2018/06/JMHSspecialcoll-Immigration-System.pdf>.
- Hari, A. и J.C.Y. Liew
2018 Precarity, illegality and temporariness: Implications and consequences of Canadian migration management. *International Migration*, 56(6):169–175.
- Hayes, M. и R. Pérez-Gañán
2017 North–South migrations and the asymmetric expulsions of late capitalism: Global inequality, arbitrage, and new dynamics of North–South transnationalism. *Migration Studies*, 5(1):116–135.
- Hewlett Foundation
2018 Evidence-Informed Policymaking Strategy. Global Development and Population Program, 1–18.
- Hollenbach, D.
2016 Borders and duties to the displaced: Ethical perspectives on the refugee protection system. *Journal on Migration and Human Security*, 4(3):148–165.
- Horvath, K., A. Amelina и K. Peters
2017 Re-thinking the politics of migration. On the uses and challenges of regime perspectives for migration research. *Migration Studies*, 5(3):301–314.
- Huot, S.
2017 'Doing' capital: Examining the relationship between immigrants' occupational engagement and symbolic capital. *Migration Studies*, 5(1):29–48.

Международная организация труда (МОТ)

- 2017 *Рассмотрение проблем организации управления в контексте изменяющегося характера трудовой миграции*. МОТ, Женева. Имеется по адресу www.ilo.org/ilc/ILCSessions/previous-sessions/106/reports/reports-to-the-conference/WCMS_550536/lang-en/index.htm.
- 2018 *ILO Global Estimates on International Migrant Workers – Results and Methodology*. Second edition, ILO, Geneva. Имеется по адресу www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/--dcomm/---publ/documents/publication/wcms_652001.pdf.

Международной организацией по миграции (МОМ)

- 2017a *Fatal Journeys, Volume 3 Part 1: Improving Data on Missing Migrants*. IOM GMDAC, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/fatal_journeys_volume_3_part_1.pdf.
- 2017b *Fatal Journeys, Volume 3 Part 2: Improving Data on Missing Migrants*. IOM GMDAC, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/fatal_journeys_3_part2.pdf.
- 2017c *Making Mobility Work for Adaptation to Environmental Changes: Results from the MECLEP Global Research*. IOM GMDAC, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/meclep_comparative_report.pdf.
- 2017d *Migration Research Leaders' Syndicate: Ideas to Inform International Cooperation on Safe, Orderly and Regular Migration*. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/migration_research_leaders_syndicate.pdf.
- 2017e *World Migration Report 2018* (M. McAuliffe and M. Ruhs, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/wmr/world-migration-report-2018.
- 2018 *Migration and the 2030 Agenda: A Guide for Practitioners*. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/sdg_en.pdf.

Ionesco, D., D. Mokhnacheva и F. Gemenne

- 2017 *The Atlas of Environmental Migration*. IOM and Routledge. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/about-iom/gender/Atlas-of-Environmental-Migration.pdf.

Iredale, R., T. Turpin, C. Hawksley, S. Go, S. Kanchai и Y. May Kaung

- 2001 *Migration Research and Policy Landscape. Case Studies of Australia, the Philippines and Thailand*. Asia Pacific Migration Research Network (APMRN) Working Paper No. 9. APMRN Secretariat Centre for Asia Pacific Social Transformation Studies, University of Wollongong.

Jiménez, T.R., J. Park и J. Pedroza

- 2018 *The new third generation: Post-1965 immigration and the next chapter in the long story of assimilation*. *International Migration Review*, 52(4):1040–1079.

Jones, W. и A. Teytelboym

- 2017 *Matching systems for refugees*. *Journal on Migration and Human Security*, 5(3):667–681.

- Kanstroom, D.
2017 The “right to remain here” as an evolving component of global refugee protection: Current initiatives and critical questions. *Journal on Migration and Human Security*, 5(3):614–644.
- Karimi, A. и S.M. Bucerius
2018 Colonized subjects and their emigration experiences. The case of Iranian students and their integration strategies in Western Europe. *Migration Studies*, 6(1):1–19.
- Kelley, N.
2017 Responding to a refugee influx: Lessons from Lebanon. *Journal on Migration and Human Security*, 5(1):82–104.
- Kelly, E.
2019 Search is on for new steward to deliver Plan S open access, as Smits bows out. *Science Business*, 4 March. Имеется по адресу <https://sciencebusiness.net/news/search-new-steward-deliver-plan-s-open-access-smits-bows-out>.
- Kerwin, D.
2016 How robust refugee protection policies can strengthen human and national security. *Journal on Migration and Human Security*, 4(3):83–140.
2017 Moving beyond comprehensive immigration reform and Trump: Principles, interests, and policies to guide long-term reform of the US immigration system. *Journal on Migration and Human Security*, 5(3):541–576.
- Kerwin, D. и R. Warren
2017 National interests and common ground in the US immigration debate: How to legalize the US immigration system and permanently reduce its undocumented population. *Journal on Migration and Human Security*, 5(2):297–330.
- Kesler, C. и M. Safi
2018 Immigrants in the labour markets of France and the United Kingdom: Integration models, institutional variations, and ethnic inequalities. *Migration Studies*, 6(2):225–250.
- Kim, G. и M. Kilkey
2018 Marriage migration policy in South Korea: Social investment beyond the nation state. *International Migration*, 56(1): 23–38.
- Koff, H.
2016 Diaspora philanthropy in the context of policy coherence for development: Implications for the post-2015 Sustainable Development Agenda. *International Migration*, 55(1):5–19.
- Koops, J., B. Martinovic и J. Weesie
2017 Are inter-minority contacts guided by the same mechanisms as minority–majority contacts? A comparative study of two types of inter-ethnic ties in the Netherlands. *International Migration Review*, 51(3):701–726.
- Krzyzanowski, M., A. Triandafyllidou и R. Wodak
2017 The mediatization and the politicization of the “refugee crisis” in Europe. *Journal of Immigrant and Refugee Studies*, 16(1-2):1–14.

- Kuépié, M.
2018 Is international migration always good for left behind households members? Evidence from children education in Cameroon. *International Migration*, 56(6):120–135.
- Kumar, R.R., P.J. Stauvermann, A. Patel и S. Prasad
2018 The effect of remittances on economic growth in Kyrgyzstan and Macedonia: Accounting for financial development. *International Migration*, 56(1):95–126.
- Langerak, E.J.
2010 Conservative think tanks and discourse on immigration in the U.S. College of Liberal Arts and Social Sciences Theses and Dissertations. Имеется по адресу <https://via.library.depaul.edu/etd/36/>.
- Laubenthal, B.
2017 Introduction: Labour migration in Europe: Changing policies – changing organizations – changing people. *International Migration*, 55(S1):3–10.
- Leclerc-Olive, M. и M.-A. Hily
2016 Editorial. *Revue Européenne des Migrations Internationales*, 32(2):7–12.
- Lopez, L.
2016 Two hawkish anti-immigration groups say consulted by Trump. *Reuters*, 7 October. Имеется по адресу www.reuters.com/article/us-usa-election-trump-immigration-idUSKCN1270Z3.
- López García, A.I.
2018 Economic remittances, temporary migration and voter turnout in Mexico. *Migration Studies*, 6(1):20–52.
- Magner, T.
2016 Refugee, asylum, and related legislation in the US Congress: 2013-2016. *Journal on Migration and Human Security*, 4(4):166–189.
- Maliepaard, M. и R. Alba
2018 Cultural integration in the Muslim second generation in the Netherlands: The case of gender ideology. *International Migration Review*, 50(1):70–94.
- Martin, P.
2017 Immigration policy and agriculture: Possible directions for the future. *Journal on Migration and Human Security*, 5(2):252–262.
- Martin, S.
2016 New models of international agreement for refugee protection. *Journal on Migration and Human Security*, 4(3):60–75.
- Mason, E.
1999 Researching refugee and forced migration studies. *Behavioral and Social Sciences Librarian*, 18(1):1–20.

- McAuliffe, M.
2016 Migration moderate, 'Master Weaver' and inspirational team leader: Reflecting on the lasting legacy of Graeme Hugo in three spheres of migration policy. *Australian Geographer*, 47 (4):383–389.
- 2017 Protection elsewhere, resilience here: Introduction to the special issue on statelessness, irregularity and protection in southeast Asia. *Journal of Immigrant and Refugee Studies*, 15(3):221–231.
- McAuliffe, M. и F. Laczko
2016 Report overview. In: *Migrant Smuggling Data and Research: A Global Review of the Emerging Evidence Base* (M. McAuliffe and F. Laczko, eds.). IOM, Geneva, pp. 1–24.
- Melzer, S.M. и R.J. Muffels
2017 Migrants' pursuit of happiness: An analysis of the effects of adaptation, social comparison and economic integration on subjective well-being on the basis of German panel data for 1990–2014. *Migration Studies*, 5(2):190–215.
- Menjívar, C., J.E. Morris и N.P. Rodríguez
2018 The ripple effects of deportations in Honduras. *Migration Studies*, 6(1):120–139.
- Micinski, N.R.
2018 Refugee policy as foreign policy: Iraqi and Afghan refugee resettlements to the United States. *Refugee Survey Quarterly*, 37(3):253–278.
- Mora, G.C., J. Fernández и M. Torre
2018 Different contexts and trends: Latina immigrant fertility in the US and Spain. *International Migration*, 56(5):56–73.
- Mulligan, A., L. Hall и E. Raphael
2013 Peer review in a changing world: An international study measuring the attitudes of researchers. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 64(1):132–161.
- Musalo, K. и E. Lee
2017 Seeking a rational approach to a regional refugee crisis: Lessons from the summer 2014 "Surge" of Central America women and children at the US–Mexico border. *Journal on Migration and Human Security*, 5(1):137–179.
- Nedelcu, M. и R. Ciobanu
2016 The migrations of Romanian Roma in Europe: Politics of inclusion, strategies of distinction and (de)construction of identity boundaries. *Revue Européenne des Migrations Internationales*, 32(1):7–17.
- Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR)
2018 *Principles and Guidelines, Supported by Practical Guidance, on the Human Rights Protection of Migrants in Vulnerable Situations*. OHCHR, Geneva. Имеется по адресу www.ohchr.org/Documents/Issues/Migration/PrinciplesAndGuidelines.pdf.

Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Международной организации труда (МОТ), Международной организацией по миграции (МОМ) и Департаментом Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН)

2018 *G20 International Migration and Displacement Trends Report 2018*. OECD, ILO, IOM and UNHCR. Имеется по адресу www.oecd.org/els/mig/G20-international-migration-and-displacement-trends-report-2018.pdf.

Orrenius, P.M. и M. Zavodny

2017 Creating cohesive, coherent immigration policy. *Journal on Migration and Human Security*, 5(1):180–193.

Ozimek, A.

2012 Bloggers and economists are failing on immigration. *Forbes*, 7 October. Имеется по адресу www.forbes.com/sites/modeledbehavior/2012/10/07/bloggers-and-economists-are-failing-on-immigration.

Paerregaard, K.

2018 Capitalizing on migration: The role of strong and weak ties among Peruvian entrepreneurs in the United States, Spain and Chile. *Migration Studies*, 6(1):79–98.

Pailey, R.N.

2018 Between rootedness and rootlessness: How sedentarist and nomadic metaphysics simultaneously challenge and reinforce (dual) citizenship claims for Liberia. *Migration Studies*, 6(3):400–419.

Palmer, W.

2018 Back pay for trafficked migrant workers: An Indonesian case study. *International Migration*, 56(2):56–67.

Pande, A.

2018 Intimate counter-spaces of migrant domestic workers in Lebanon. *International Migration Review*, 52(3):780–808.

Pavez-Soto, I. и C. Chan

2018 The second generation in Chile: Negotiating identities, rights, and public policy. *International Migration*, 56(2):82–96.

Pécoud, A.

2015 *Depoliticising Migration: Global Governance and International Migration Narratives*. Palgrave MacMillan, United Kingdom.

Petit, V. и S. Wang

2018 Editorial: La santé mentale en migrations internationales. *Revue Européenne des Migrations Internationales*, 34(2–3):7–20.

Petreski, M., B. Petreski и D. Tumanoska

2017 Remittances as a shield to vulnerable households in Macedonia: The case when the instrument is not strictly exogenous. *International Migration*, 55(1):20–36.

- Pineteh, E.A.
2018 Spatial contestation, victimisation and resistance during xenophobic violence: The experiences of Somali migrants in post-Apartheid South Africa. *International Migration*, 56(2):133–145.
- Poulain, M., N. Perrin и A. Singleton (eds.)
2006 *THESIM: Towards Harmonised European Statistics on International Migration*. Presses universitaires de Louvain, Louvain.
- Priem, J., H.A. Piwowar и В.М. Hemminger
2012 Altmetrics in the wild: Using social media to explore scholarly impact. arXiv preprint arXiv:1203.4745.
- Prosser Scully, R.
2015 How the pressure of publish or perish affects us all. *The Medical Republic*. Имеется по адресу <http://medicalrepublic.com.au/how-the-pressure-of-publish-or-perish-affects-us-all/1134>.
- Rabesandratana, T.
2019 Will the world embrace Plan S, the radical proposal to mandate open access to science papers? *Science*, 3 January. Имеется по адресу www.sciencemag.org/news/2019/01/will-world-embrace-plan-s-radical-proposal-mandate-open-access-science-papers.
- Rahaman, M.A., M.M. Rahman, K.Md. Bahauddin, S. Khan и S. Hassan
2018 Health disorder of climate migrants in Khulna city: An urban slum perspective. *International Migration*, 56(5):42–55.
- Ravenstein, E.G.
1885 The laws of migration. *Journal of the Statistical Society of London*, 48(2):167–235.
- Ricard-Guay, A. и T. Maroukis
2017 Human trafficking in domestic work in the EU: A special case or a learning ground for the anti-trafficking field? *Journal of Immigrant and Refugee Studies*, 15(2):109–121.
- Rich, A.
2004 The political demography of think tanks. In: *Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise* (A. Rich, eds.). Cambridge University Press, Cambridge, pp. 1–28.
- Rocha-Jimenez, T., K.C. Brouwer, M. Salazar, S.C. Boyce, A.E. Servin, S.M. Goldenberg, H. Staines-Orozco, R.B. Vera-Monroy и J. G. Silverman
2018 “He invited me and didn’t ask anything in return”. Migration and mobility as vulnerabilities for sexual exploitation among female adolescents in Mexico. *International Migration*, 56(2):5–17.
- Rodriguez, C.
2017 Enforcement, integration, and the future of immigration federalism. *Journal on Migration and Human Security*, 5(2):509–540.
- Rojc, P.
2017 Who supports trump’s favourite immigration think tank? *Inside Philanthropy*, 21 April. Имеется по адресу www.insidephilanthropy.com/home/2017/4/21/center-for-immigration-studies-funders.

- Rupp, G.
2016 Rethinking the assumptions of refugee policy: Beyond individualism to the challenge of inclusive communities. *Journal on Migration and Human Security*, 4(3):76–82.
- Ryo, E.
2017 The promise of a subject-centered approach to understanding immigration noncompliance. *Journal on Migration and Human Security*, 5(2):285–296.
- Sanchez, G.
2017 Critical perspectives on clandestine migration facilitation: An overview of migrant smuggling research. *Journal on Migration and Human Security*, 5(1):9–27.
- Sánchez-Domínguez, M. и S. Fahlén
2018 Changing sector? Social mobility among female migrants in care and cleaning sector in Spain and Sweden. *Migration Studies*, 6(3):367–399.
- Schmidt, S.
2017 “They need to give us a voice”: Lessons from listening to unaccompanied Central American and Mexican children on helping children like themselves. *Journal on Migration and Human Security*, 5(1):57–81.
- Schor, R.
2017 Editorial. *Revue Européenne des Migrations Internationales*, 33(1):7–9.
- Schulz, B. и L. Leszczensky
2016 Native friends and host country identification among adolescent immigrants in Germany: The role of ethnic boundaries. *International Migration Review*, 50(1):163–196.
- Sense About Science
2005 I don’t know what to believe. Making sense of science stories. Имеется по адресу <https://senseaboutscience.org/activities/i-dont-know-what-to-believe/>.
- Silver, A., H. Edelblute, T. Mouw и S. Chávez
2018 Fractured families, connected community: Emotional engagement in a transnational social network. *International Migration*, 56(6):153–168.
- Smith, R.
2006 Peer review: A flawed process at the heart of science and journals. *Journal of the Royal Society of Medicine*, 99(4):178–182.
- Song, L.
2018 China and the international refugee protection regime: Past, present, and potentials. *Refugee Survey Quarterly*, 37(2):139–161.
- Spiro, P.
2017 Citizenship after Trump. CMS Essays. Имеется по адресу <https://cmsny.org/publications/spiro-citizenship-after-trump/>.
- Stark, O. и D.E. Bloom
1985 The new economics of labor migration. *The American Economic Review*, 75(2):173–178.

Stefanovic, D. и N. Loizides

- 2017 Peaceful returns: Reversing ethnic cleansing after the Bosnian war. *International Migration*, 55(5):217–234.

Takenaka, A., M. Nakamuro и K. Ishida

- 2016 Negative assimilation: How immigrants experience economic mobility in Japan. *International Migration Review*, 50(2):506–533.

Takle, M.

- 2017 Migration and asylum statistics as a basis for European border control. *Migration Studies*, 5(2):267–285.

The LSE GV314 Group

- 2014 Evaluation under contract: Government pressure and the production of policy research. *Public Administration*, 92(1):224–239.

The PLoS Medicine Editors

- 2006 The Impact Factor Game. *PLoS Med*, 3(6):e29. Имеется по адресу <https://journals.plos.org/plosmedicine/article?id=10.1371/journal.pmed.0030291>.

Thelwall, M., S. Haustein, V. Larivière и C.R. Sugimoto

- 2013 Do altmetrics work? Twitter and Ten Other Social Web Services. *PLoS one*, 8(5):e64841.

Triandafyllidou, A. и M. McAuliffe (eds)

- 2018 *Migrant Smuggling Data and Research: A Global Review of the Emerging Evidence Base (volume 2)*. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/migrant_smuggling_data_vol2_0.pdf.

Troy, T.

- 2012 Devaluing the think tank. *National Affairs*, Winter. Имеется по адресу www.nationalaffairs.com/publications/detail/devaluing-the-think-tank.

Türk, V.

- 2016 Prospects for responsibility sharing in the refugee context. *Journal on Migration and Human Security*, 4(3):45–59.

United Nations Children's Fund (UNICEF)

- 2017a *The State of the World's Children 2017: Children in a Digital World*. UNICEF, New York. Имеется по адресу www.unicef.org/publications/files/SOWC_2017_ENG_WEB.pdf.

- 2017b *A Child Is a Child: Protecting Children on the Move from Violence, Abuse and Exploitation*. UNICEF, New York. Имеется по адресу www.unicef.org/publications/files/UNICEF_A_child_is_a_child_May_2017_EN.pdf.

Департаментом Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН)

- 2017 *International Migration Report 2017*. UN DESA, New York. Имеется по адресу www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017.pdf.

- Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) и Overseas Development Institute (ODI)
2017 *Climate Change, Migration and Displacement: The Need for a Risk-Informed and Coherent Approach*. UNDP, Geneva, and ODI, London. Имеется по адресу www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/resource-documents/11874.pdf.
- United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO)
2018 *Global Education Monitoring Report Summary 2019: Migration, Displacement and Education – Building Bridges, not Walls*. UNESCO, Paris. Имеется по адресу <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265996>.
- Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций (ГА ООН)
2018 *Draft Outcome Document of the Conference, Intergovernmental Conference to Adopt the Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration*. A/CONF.231/3, 30 July.
- Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН)
2019 *Global Trends: Forced Displacement in 2018*. UNHCR, Geneva. Имеется по адресу www.unhcr.org/globaltrends2018/.
- United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC)
2000 *United Nations Protocol Against the Smuggling of Migrants by Land, Sea and Air, Supplementing the United Nations Convention Against Transnational Organized Crime*. United Nations, Geneva. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/middleeastandnorthafrica/smuggling-migrants/SoM_Protocol_English.pdf.
- 2018a *Global Report on Trafficking in Persons*. UNODC, Vienna. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glotip/2018/GLOTIP_2018_BOOK_web_small.pdf.
- 2018b *Global Study on Smuggling of Migrants 2018*. UNODC, Vienna. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glosom/GLOSOM_2018_web_small.pdf.
- Urama, N.E., E.O. Nwosu, D.N. Yuni и S.E. Aguegboh
2017 International migrant remittances and labour supply in Nigeria. *International Migration*, 55(1):37–50.
- Valatheeswaran, С. и М. Imran Khan
2018 International remittances and private schooling: Evidence from Kerala, India. *International Migration*, 56(1):127–145.
- Van Noorden, R.
2014 Global scientific output doubles every nine years. Nature news blog. Имеется по адресу <http://blogs.nature.com/news/2014/05/global-scientific-output-doubles-every-nine-years.html>.
- Ware, М. и М. Mabe
2015 *The STM Report: An Overview of Scientific and Scholarly Journal Publishing*. International Association of Scientific, Technical and Medical Publishers (STM). Имеется по адресу www.stm-assoc.org/2015_02_20_STM_Report_2015.pdf.

- Warren, R. и D. Kerwin
2017 The 2,000 mile wall in search of a purpose: Since 2007 visa overstays have outnumbered undocumented border crossers by a half million. *Journal on Migration and Human Security*, 5(1):124–136.
- Warren, H.R., N. Raison и P. Dasgupta
2017 The rise of altmetrics. *Journal of the American Medical Association*, 317(2):131–132.
- Wasem, R.E.
2018 Immigration governance for the twenty-first century. *Journal on Migration and Human Security*, 6(1):97–120.
- Williams, C. и D. Padula
2015 The evolution of Impact Factors: From bibliometrics to altmetrics. *Altmetric and Scholastica*.
- Woods, J. и J. Manning
2015 The impression management tactics of an immigration think tank. *Sociological Focus*, 48:354–372.
- Всемирным банком
2018 *Moving for Prosperity: Global Migration and Labor Markets*. Policy Research Report. World Bank, Washington, D.C. Имеется по адресу www.worldbank.org/en/research/publication/moving-for-prosperity.
- Wu, Z., S.M. Lee, F. Hou, B. Edmonston и A. Carmichael
2018 Earning gaps for Chinese immigrants in Canada and the United States. *International Migration*, 56(2):18–36.
- Yabiku, S.T. и V. Agadjanian
2017 Father's labour migration and children's school discontinuation in rural Mozambique. *International Migration*, 55(4):188–202.
- Yamamoto, L. и M. Esteban
2017 Migration as an adaptation strategy for Atoll Island States. *International Migration*, 55(2):144–158.
- Young, J.G.
2017 Making America 1920 again? Nativism and US immigration, past and present. *Journal on Migration and Human Security*, 5(1):217–235.
- Zamore, L.
2018 Refugees, development, debt, austerity: A selected history. *Journal on Migration and Human Security*, 6(1):26–60.

Глава 5

Abou-Chadi, T.

- 2018 *Populismus und die Transformation des Parteienwettbewerbs*, University of Zurich, 2 November 2018. Имеется по адресу <https://tube.switch.ch/cast/videos/cfa1d7df-61b7-4fbb-abda-0c56e7385f91>.

Abou-Chadi, T. и W. Krause

- 2018 The Causal Effect of Radical Right Success on Mainstream Parties' Policy Positions: A Regression Discontinuity Approach. *British Journal of Political Science*, 1–19, doi:10.1017/S0007123418000029.

Adamson, F.B.

- 2018 Sending States and the Making of Intra-Diasporic Politics: Turkey and Its Diaspora(s). *International Migration Review*, 53(1):210–236. Имеется по адресу <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0197918318767665>.

Alfred, C.

- 2017 Why We Need to Talk About Migration and Human Security. *Refugees Deeply*. Имеется по адресу www.newsdeeply.com/refugees/community/2017/11/15/why-we-need-to-talk-about-migration-and-human-security.

Almond, G. и S. Verba

- 1963 *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton University Press, Princeton.

Atkinson, I.

- 2015 Integrating migrants through sport. European Commission Electronic Platform for Adult Learning in Europe. Имеется по адресу <https://ec.europa.eu/epale/en/blog/integrating-migrants-through-sport>.

Baldwin-Edwards, M.

- 2008 Towards a theory of illegal migration: Historical and structural components. *Third World Quarterly*, 29(7):1449–1459.

Barone, G. и S. Mocetti

- 2010 With a little help from abroad: The effect of low-skilled immigration on the female labour supply. *Labour Economics*, 18(5):664–675. Имеется по адресу www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0927537111000273.

Beaton, K., L. Catão и Z. Koczan

- 2018 Money Sent Home by Migrants Buffers Income Shocks. *IMF Blog*, 28 February. Имеется по адресу <https://blogs.imf.org/2018/02/28/money-sent-home-by-migrants-buffers-income-shocks/>.

Beine, M., F. Docquier и M. Schiff

- 2013 International migration, transfer of norms and home country fertility. *Canadian Journal of Economics*, 46(4):1406–1430. Имеется по адресу <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/caje.12062>.

- Bernstein, S., R. Diamond, T. McQuade и В. Pousada
2018 The Contribution of High-Skilled Immigrants to Innovation in the United States. Stanford Business, Working Paper No. 3748. Имеется по адресу www.gsb.stanford.edu/faculty-research/working-papers/contribution-high-skilled-immigrants-innovation-united-states.
- Betts, A., L. Bloom, J. Kaplan и N. Omata
2014 *Refugee Economies: Rethinking Popular Assumptions*. University of Oxford. Имеется по адресу www.rsc.ox.ac.uk/files/files-1/refugee-economies-2014.pdf.
- Bialik, K.
2019 *For the fifth time in a row, the new Congress is the most racially and ethnically diverse ever*. Pew Research Center, 8 February. Имеется по адресу www.pewresearch.org/fact-tank/2019/02/08/for-the-fifth-time-in-a-row-the-new-congress-is-the-most-racially-and-ethnically-diverse-ever/.
- Boyd, M.
1989 Family and Personal Networks in International Migration: Recent Developments and New Agendas. *International Migration Review*, 23(3): 638–670.
- Bradley, M., J. Milner и В. Peruniak
2019 *Refugees' Roles in Resolving Displacement and Building Peace: Beyond Beneficiaries*. Georgetown University Press, Washington, D.C.
- British Broadcasting Corporation (BBC)
2019 Social media: How can governments regulate it? 8 April. Имеется по адресу www.bbc.com/news/technology-47135058.
- Brookings Institution
2018 *Foresight Africa: Top priorities for the continent in 2018*. 11 January. Имеется по адресу www.brookings.edu/multi-chapter-report/foresight-africa-top-priorities-for-the-continent-in-2018/.
- Cambridge Dictionary
2019 Contribute. Имеется по адресу <https://dictionary.cambridge.org>.
- Carling, J.
2015 *Who is who in migration studies: 107 names worth knowing*. Имеется по адресу <https://jorgencarling.org/2015/06/01/who-is-who-in-migration-studies-108-names-worth-knowing/>.
- Castles, S.
2010 Understanding global migration: A social transformation perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 36(19):1565–1586.
- Centre for Multicultural Youth (CMY)
n.d. Sport. Имеется по адресу www.cmy.net.au/sport.
- Clarke, C.P.
2017 The Terrorist Diaspora: After the Fall of the Caliphate. Rand Corporation. Имеется по адресу <https://docs.house.gov/meetings/HM/HM00/20170713/106224/HHRG-115-HM00-Wstate-ClarkeC-20170713.pdf>.

Clemens, M., C. Huang и J. Graham

- 2018 *The economic and fiscal effects of granting refugees formal labor market access*. Center for Global Development. Имеется по адресу www.cgdev.org/sites/default/files/economic-and-fiscal-effects-granting-refugees-formal-labor-market-access-brief.pdf.

Constant, A.F.

- 2014 *Do migrants take the jobs of native workers?* IZA World of Labour. Имеется по адресу <https://wol.iza.org/uploads/articles/10/pdfs/do-migrants-take-the-jobs-of-native-workers.pdf>.

Cooper, B., A. Esser и R.T. Peter

- 2018 *Market barriers to remittances in sub-Saharan Africa (SSA)*. Cenfri. Имеется по адресу https://cenfri.org/wp-content/uploads/2018/06/2018.08.03_Volume-2_Market-barriers-to-remittances-in-sub-Saharan-Africa-scoping-study_Cenfri-FSDA.pdf.

Cortés, P. и J. Tessada

- 2011 Low-Skilled Immigration and the Labor Supply of Highly Skilled Women. *American Economic Journal: Applied Economics*, 3(3):88–123. Имеется по адресу www.jstor.org/stable/41288640?seq=1#page_scan_tab_contents.

Crawley, H. и S. McMahon

- 2016 *Beyond fear and hate: Mobilising people power to create a new narrative on migration and diversity*. Ben and Jerry's. Имеется по адресу www.benjerry.co.uk/files/live/sites/uk/files/our-values/Beyond-Fear-and-Hate-v1.5-FINAL.pdf.

Crush, J., G. Tawodzera, C. McCordic и S. Ramachandran

- 2017 *Refugee Entrepreneurial Economies in Urban South Africa*. Southern African Migration Programme (SAMP). Имеется по адресу www.jstor.org/stable/j.ctvh8r07x.

Czaika, M. и H. de Haas

- 2014 The Globalization of Migration: Has the World Become More Migratory? *International Migration Review*, 48(2):283–323. Имеется по адресу <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/imre.12095>.

de Haas, H.

- 2005 International migration, remittances and development: myths and facts. *Third World Quarterly*, 26(8):1269–1284.

Demurger, S. и H. Xu

- 2011 Return Migrants: The Rise of New Entrepreneurs in Rural China. Elsevier, 39(10):1847–1861.

Dennison, J. и L. Drazanova

- 2018 *Public attitudes on migration: rethinking how people perceive migration: an analysis of existing opinion polls in the Euro-Mediterranean region*. European University Institute (EUI). Имеется по адресу <https://cadmus.eui.eu/handle/1814/62348>.

Desiderio, M.V.

- 2014 *Policies to Support Immigrant Entrepreneurship*. Migration Policy Institute. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/research/policies-support-immigrant-entrepreneurship.

Deutschmann, E. и E. Recchi

- 2019 *Global Human Mobility Rapidly Increasing, New Open-Access Dataset Shows*. Migration Policy Centre, European University Institute. Имеется по адресу <https://blogs.eui.eu/migrationpolicycentre/global-human-mobility-rapidly-increasing-new-open-access-dataset-shows/>.

Docquier, F. и H. Rapoport

- 2011 *Globalization, Brain Drain and Development*. The Institute for the Study of Labor (IZA). Имеется по адресу <http://ftp.iza.org/dp5590.pdf>.

Eurostat

- 2019 People in the EU - statistics on demographic changes. Имеется по адресу https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=People_in_the_EU_-_statistics_on_demographic_changes.

Ewing Marion Kauffman Foundation

- 2014 The economic case for welcoming immigrant entrepreneurs. Entrepreneurship Policy Digest. Имеется по адресу www.kauffman.org/-/media/kauffman_org/resources/2015/entrepreneurship-policy-digest/september-2015/the_economic_case_for_welcoming_immigrant_entrepreneurs_updated_september_2015.pdf.
- 2017 The Kauffman Index: Startup activity-national trends. Имеется по адресу www.kauffman.org/kauffman-index/reporting/startup-activity/~/_media/c9831094536646528ab012dcbd1f83be.ashx.

Fensore, I.

- 2016 *The Impact of Migration on Foreign Direct Investments*. University of St. Gallen. Имеется по адресу www.econ.uzh.ch/dam/jcr:f6f050e4-b99a-425e-b75c-ddfddcd01060/Fensore.pdf.

Ferrant, G. и M. Tuccio

- 2015 South–South Migration and Discrimination Against Women in Social Institutions: A Two-way Relationship. *World Development*, 72(C):240–254. Имеется по адресу <https://ideas.repec.org/a/eee/wdevel/v72y2015icp240-254.html>.

Fisher, M.

- 2017 Fearism: A critical analysis of uses and discourses in global migration studies. Technical paper No. 64, In Search of Fearlessness Research Institute.

FitzGerald, D.S.

- 2014 *The sociology of international migration*. In: *Migration Theory: Talking across disciplines* (C. Brettell and J. Hollifield, eds.). Routledge, New York.

Geiger, A.W., K. Bialik и J. Gramlich

- 2019 *The changing face of Congress in 6 charts*. Pew Research Center, 15 February. Имеется по адресу www.pewresearch.org/fact-tank/2019/02/15/the-changing-face-of-congress/.

Global Commission on International Migration (GCIM)

- 2005 *Migration in an interconnected world: New directions for action*. Имеется по адресу www.iom.int/jahia/webdav/site/myjahiasite/shared/shared/mainsite/policy_and_research/gcim/GCIM_Report_Complete.pdf.

Global Entrepreneurship Monitor

- 2013 *Global Entrepreneurship Monitor 2012 Global Report*. Имеется по адресу <https://gemconsortium.org/report/gem-2012-global-report>.

Goldin, I.

- 2018 Immigration is vital to boost economic growth. *Financial Times*, 9 September 2018. Available at www.ft.com/content/f1ca7b14-b1d6-11e8-87e0-d84e0d934341.

Goldin, I., G. Cameron и M. Balarajan

- 2011 *Exceptional People: How Migration Shaped Our World and Will Define Our Future*. Princeton University Press, Princeton.

Goldin, I., A. Pitt, B. Nabarro и K. Boyle

- 2018 *Migration and the Economy: Economic Realities, Social Impacts and Political Choices*. Citi GPS. Имеется по адресу www.citivelocity.com/citigps/migration-and-the-economy/.

Grabowska, I. и D. Engbersen

- 2016 Social Remittances and the Impact of Temporary Migration on an EU Sending Country: The Case of Poland. *Central and Eastern European Migration Review*, 5(2):99–117. Имеется по адресу www.ceemr.uw.edu.pl/sites/default/files/Grabowska_Engbersen_Social_Remittances_and_the_Impact_of_Temporary_Migration_on_an_EU_Sending_Country_0.pdf.

Grande, E., T. Schwarzbözl и M. Fatke

- 2018 Politicizing immigration in Western Europe. *Journal of European Public Policy*, 26(10):1444–1463. DOI: 10.1080/13501763.2018.1531909.

Hinds, R.

- 2018 Sport bringing Australian and African communities together in challenging times. *ABC News*, 4 January. Имеется по адресу www.abc.net.au/news/2018-01-05/australian-african-hoop-dreams-show-sports-power/9304450.

Hunt, J.

- 2010 *Open for Business: Migrant Entrepreneurship in OECD Countries*. OECD Publishing, Paris. Имеется по адресу <http://dx.doi.org/10.1787/9789264095830-en>.

Hunt, J. и M. Gauthier-Loiselle

- 2010 How Much Does Immigration Boost Innovation? *American Economic Journal: Macroeconomics*, 2(2):31–56. Имеется по адресу www.jstor.org/stable/25760296?seq=1#page_scan_tab_contents.

International Fund for Agricultural Development (IFAD) и the World Bank Group

- 2015 *The use of remittances and financial inclusion*. Имеется по адресу www.ifad.org/documents/38714170/40187309/gpfi.pdf/58ce7a06-7ec0-42e8-82dc-c069227edb79.

Международной организации труда (МОТ)

- 2019 *Labour Migration in the Arab States*. ILO, Beirut. Имеется по адресу www.ilo.org/beirut/areasofwork/labour-migration/WCMS_514910/lang--en/index.htm.

International Monetary Fund (IMF)

- 2015 *International Migration: Recent Trends, Economic Impacts, and Policy Implications*. Имеется по адресу www.imf.org/external/np/g20/pdf/2015/111515background.pdf.

Международной организацией по миграции (МОМ)

- 2005 *World Migration Report 2005: Costs and benefits of international migration* (I. Omelaniuk, ed.). IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2005_3.pdf.
- 2016 *Migrant vulnerabilities and integration needs in Central Asia: Assessing migrants' and community needs and managing risks*. IOM, Almaty.

Jacobsen, K., H. Young и A. Osman

- 2008 *Refugees and IDPs in Peacemaking Processes*. In: *Contemporary Peacemaking* (J. Darby, R.M. Ginty, eds.). Palgrave Macmillan, London.

Kanko, T. и T. Teller

- 2014 Irregular Migration in Sub-Saharan Africa: Causes and Consequences of Young Adult Migration from Southern Ethiopia to South Africa. Princeton conference paper. Имеется по адресу <http://paa2014.princeton.edu/papers/140147>.

Kasinitz, P. и M. Martiniello

- 2019 Music, migration and the city. *Ethnic and Racial Studies*, 42(6):857–864. Имеется по адресу www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01419870.2019.1567930.

Kaufmann, E.

- 2017 Why Values, not Economics, Hold the Key to the Populist Right – and to Crafting New Migration Narratives. In McAuliffe, M. and Klein Solomon, M. (Eds) *Migration Research Leaders' Syndicate: Ideas to Inform International Cooperation on Safe, Orderly and Regular Migration*. IOM, Geneva.

Kelly, N.

- 2018 Research Shows Immigrants Help Businesses Grow. Here's Why. *Harvard Business Review*, 26 October. Имеется по адресу <https://hbr.org/2018/10/research-shows-immigrants-help-businesses-grow-heres-why>.

Kenny, C. и M. O'Donnell

- 2016 *Why increasing female migration from gender-unequal countries is a win for everyone*. Center for Global Development. Имеется по адресу www.cgdev.org/publication/why-increasing-female-immigration-flows-gender-unequal-countries-could-have-significant.

Kerr, S.P. и W.R. Kerr

- 2016 *Immigrant Entrepreneurship*. Harvard Business School. Имеется по адресу www.hbs.edu/faculty/Publication%20Files/17-011_da2c1cf4-a999-4159-ab95-457c783e3fff.pdf.

Kerr, W.R. и W.F. Lincoln

- 2010 The Supply Side of Innovation: H-1B Visa Reforms and U.S. Ethnic Invention. *Journal of Labor Economics*, 28(3). Имеется по адресу www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/651934.

- Kershen, A.J. (ed.)
2002 *Food in the Migrant Experience*. Routledge, London.
- Khadria, B.
2009 *The Future of International Migration to OECD Countries*. Regional Note South Asia. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). Имеется по адресу www.oecd.org/futures/43484309.pdf.
2012 “Migration of Health Workers and Health of International Migrants: Framework for Bridging Some Knowledge Disjoints between Brain Drain and Brawn Drain”, *International Journal of Public Policy*, Vol. 8, Nos. 4/5/6, 2012, pp. 266–280.
2016 Middle East Migration Country Policies. In: Adjusting to a World in Motion: Trends in Global Migration and Migration Policy (J.B. Douglas and M.H. Lopez, eds.). *International Policy Exchange Series*, Oxford University Press.
- Khanna, G. и M. Lee
2018 Hiring highly educated immigrants leads to more innovation and better products. *The Conversation*, 28 September. Имеется по адресу <https://theconversation.com/hiring-highly-educated-immigrants-leads-to-more-innovation-and-better-products-100087>.
- Khoury, C.K., H.A. Achicanoy, A. Harold, A.D. Bjorkman, C. Navarro-Racines, L. Guarino, X. Flores-Palacios, J.M.M. Engels, J.H. Wiersema, H. Dempewolf, S. Sotelo, J. Ramírez-Villegas, N.P. Castañeda-Álvarez, C. Fowler, A. Jarvis, L.H. Rieseberg и P.C. Struik
2016 Origins of food crops connect countries worldwide. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, 283(1832). Имеется по адресу <http://dx.doi.org/10.1098/rspb.2016.0792>.
- Kirkpatrick, I., S. Ackroyd и R. Walker
2005 *The New Managerialism and Public Service Professions: Change in Health, Social Services and Housing*. Palgrave Macmillan: New York.
- Lafleur, J.M и J. Duchesne
2017 Return migration, gender and social remittances: The return of female Bolivian migrants from Spain in times of economic crisis. *Revue Européenne des Migrations Internationales*, 33:360. Имеется по адресу www.cairn-int.info/abstract-E_REMI_332_0183--return-migration-gender-and-social.htm.
- Lal, B.V., P. Reeves и J. Rai
2006 *The Encyclopedia of the Indian Diaspora*. General Editor, B. Lal. Editions, Didier Millet, Singapore.
- Lamba-Nieves, D. и P. Levitt
2011 Social Remittances Revisited. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 37(1):1–22. Имеется по адресу www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1369183X.2011.521361.
- Levitt, P.
1998 Social Remittances: Migration Driven Local-Level Forms of Cultural Diffusion. *International Migration Review*, 32(4):926–948. Имеется по адресу www.jstor.org/stable/2547666?seq=1#page_scan_tab_contents.

Levitt, P. и D. Lamba-Nieves

- 2010 *"It's Not Just About the Economy, Stupid"* – Social Remittances Revisited. Migration Policy Institute. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/its-not-just-about-economy-stupid-social-remittances-revisited.

Lieberman, A.

- 2018 Q&A: Why Armenia is rolling out diaspora bonds for development. Devex, 15 August. Имеется по адресу www.devex.com/news/q-a-why-armenia-is-rolling-out-diaspora-bonds-for-development-93275.

Martin, S., M.A. Larkin и M.N. Nathanson (eds.)

- 2000 *World Migration Report 2000*. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2000_edited_0.pdf.

Massey, D.S.

- 1990 Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration. *Population Index*, 56(1):3–26. Имеется по адресу www.jstor.org/stable/3644186?seq=1#page_scan_tab_contents.

Mathers, C., G. Stevens, D. Hogan, W.R. Mahanani и J. Ho

- 2018 *Global and Regional Causes of Death: Patterns and Trends, 2000–15*. In: *Disease Control Priorities: Improving Health and Reducing Poverty* (D.T. Jamison, H. Gelband and S. Horton S, eds.). The International Bank for Reconstruction and Development/The World Bank. Washington, D.C.

McAuliffe, M.

- 2018 The link between migration and technology is not what you think. Agenda, 14 December. World Economic Forum, Geneva. Имеется по адресу www.weforum.org/agenda/2018/12/social-media-is-casting-a-dark-shadow-over-migration/.

McAuliffe, M. и F. Laczko (eds.)

- 2016 *Migrant Smuggling Data and Research: A global review of the emerging evidence base*. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/smuggling_report.pdf.

McAuliffe, M. и M. Ruhs

- 2017 Report overview: making sense of migration in an increasingly interconnected world. In: *World Migration Report 2018* (M. McAuliffe and M. Ruhs, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2018_en_chapter10.pdf.

McAuliffe, M. и W. Weeks

- 2015 *Media and migration: Comparative analysis of print and online media reporting on migrants and migration in selected origin and destination countries*. Irregular Migration Research Program Occasional Paper Series. Australian Department of Immigration and Border Protection: Canberra.

McKinsey Global Institute

- 2016 *People on the Move: Global Migration's Impact and Opportunity*. Имеется по адресу www.mckinsey.com/featured-insights/employment-and-growth/global-migrations-impact-and-opportunity.

- McPartland, B.
2018 'Africa won the World Cup?': French players (and Obama) have final word. *The Local*, 18 July 2018. Имеется по адресу www.thelocal.fr/20180718/africa-won-the-world-cup-french-players.
- Meyer, D. и A. Shera
2017 The impact of remittances on economic growth: An econometric model. *Economia*, 18(2):147–155. Имеется по адресу www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1517758016300753.
- Milner, J.
2011 *Refugees and the peacebuilding process*. New Issues in Refugee Research, Research Paper No. 224. Имеется по адресу <https://carleton.ca/polisci/wp-content/uploads/Milner-Refugees-and-the-peacemaking-process-2011.pdf>.
- Mohieldin, M. и D. Ratha
2019 *Migration Myths vs Economic Facts*. Project Syndicate, February 2019. Имеется по адресу www.project-syndicate.org/commentary/global-compact-opposition-migration-development-by-mahmoud-mohieldin-and-dilip-ratha-2019-02?barrier=accesspaylog.
- Morawska, E.
2008 Research on immigration/ethnicity in Europe and the United States: A comparison. *The Sociological Quarterly*, 49(3):465–482.
2013 Structuring Immigrants Civic-political Incorporation into the Host Society. In: *Outsiders No More? Models of Immigrant Political Incorporation* (J. Hochschild, J. Chattopadhyay, C. Gay and M. Jones-Correa, eds.). Oxford University Press, Oxford.
- Morgan, S.
2018 Fake news, disinformation, manipulation and online tactics to undermine democracy. *Journal of Cyber Policy*, 3(1):39–43.
- Moser, P., A. Voena и F. Waldinger
2014 German Jewish Émigrés and US Invention. *American Economic Association*. Имеется по адресу www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/aer.104.10.3222.
- Mounk, Y. и S. Foa
2018 *The End of the Democratic Century: Autocracy's Global Ascendance*. *Foreign Affairs*, May/June. Имеется по адресу www.foreignaffairs.com/articles/2018-04-16/end-democratic-century.
- Mudde, C.
2019 Why copying the populist right isn't going to save the left. *The Guardian*, 14 May 2019.
- Murendo, C., M. Wollni, A. De Brauw и N. Mugabi
2018 Social Network Effects on Mobile Money Adoption in Uganda. *The Journal of Development Studies*, 54(2):327–342.
- Naudé, W., M. Siegel и K. Marchand
2015 Migration, entrepreneurship and development: a critical review. UNU-MERIT Working Papers, No. 033. Имеется по адресу [https://cris.maastrichtuniversity.nl/portal/en/publications/migration-entrepreneurship-and-development--a-critical-review\(4e61f30c-62d4-4d4f-84cb-6c4e8c295dad\).html](https://cris.maastrichtuniversity.nl/portal/en/publications/migration-entrepreneurship-and-development--a-critical-review(4e61f30c-62d4-4d4f-84cb-6c4e8c295dad).html).

- 2017 Migration, entrepreneurship and development: critical questions. *IZA Journal of Migration*, 6:5.
- Nicholls, W. и J. Uitermark
2016 Migrant cities: place, power, and voice in the era of super diversity. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 42(6):877–892.
- Nordien, J.
2017 *Diaspora Building Peace*. African Diaspora Policy Centre. Имеется по адресу www.diaspora-centre.org/wp-content/uploads/2017/04/Diaspora-Building-Peace.pdf.
- Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)
2016 *Perspectives on Global Development 2017: International Migration in a Shifting World*. Имеется по адресу www.oecd-ilibrary.org/development/perspectives-on-global-development-2017/the-development-impact-of-migration-in-origin-countries_persp_glob_dev-2017-11-en.
- Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)/Международной организации труда (МОТ)
2018 How Immigrants Contribute to Developing Countries' Economies. OECD Publishing, Paris. <http://dx.doi.org/10.1787/9789264288737-en>.
- Osabuohien, E.S. и A.A. Karakara
2018 ICT usage, mobile money and financial access of women in Ghana. *AfricaGrowth Agenda*, 15(1):14–18.
- Oussedik, S.
2012 *Food and Cuisine: Part of the Migration Process*. Institut Europeu de la Mediterrània. Имеется по адресу www.iemed.org.
- Pan, L., (ed.)
1999 *The Encyclopedia of the Chinese Overseas*. Harvard University Press.
- Papademetriou, D.G.
2014 *Curbing the Influence of "Bad Actors" in International Migration* (Transatlantic Council Statement). Migration Policy Institute. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/research/curbing-influence-bad-actors-international-migration.
- Pilcher, J.
2017 *Food in world history*. Routledge, New York.
- Pires, A.J.G.
2015 Brain drain and brain waste. *Journal of Economic Development*, 40 (1). Имеется по адресу www.jed.or.kr/full-text/40-1/1.pdf.
- Portes, A. и J. Walton
1981 *Labor, Class, and the International System*. New York, Academic Press.

Rassenfossea, G. и G. Pellegrino

- 2019 *International Mobility of Inventors and Innovation: Empirical Evidence from the Collapse of the Soviet Union*. Ecole polytechnique fédérale de Lausanne. Имеется по адресу https://snis.ch/wp-content/uploads/2019/05/Working-paper-International_Mobility_1.pdf.

Ratha, D. и S. Ketkar

- 2011 *Diaspora Bonds: Tapping the Diaspora During Difficult Times*. *Journal of International Commerce, Economics and Policy*, 22 August. Имеется по адресу https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1913988.

Rother, S.

- 2009 *Changed in Migration? Philippine Return Migrants and (un) Democratic Remittances*. *European Journal of East Asian Studies*, 8(2).

Ruhs, M.

- 2013 *The Price of Rights: Regulating International Labor Migration*. Princeton, Princeton University Press.

Sajadmanesh, S., S.A. Ossia, H. Haddadi, M. Musolesi, G. Stringhini, S. Jafarzadeh, H.R. Rabiee, Y. Mejova и E. De Cristofaro

- 2017 *Kissing Cuisines: Exploring Worldwide Culinary Habits on the Web*. Proceedings of the 26th International Conference on World Wide Web Companion. Имеется по адресу www.researchgate.net/publication/309460798_Kissing_Cuisines_Exploring_Worldwide_Culinary_Habits_on_the_Web.

Schluter, C. и J. Wahba

- 2009 *Illegal Migration, Wages, and Remittances: Semi-Parametric Estimation of Illegality Effects*. The Institute for the Study of Labor (IZA). Имеется по адресу <http://ftp.iza.org/dp4527.pdf>.

Shah, N.

- 2009 *The management of irregular migration and its consequence for development: Gulf Cooperation Council*. Working Paper No. 19, Asian Regional Programme on Governance of Labour Migration, ILO Regional Office for Asia and the Pacific. ILO, Bangkok.

Shrier, D., G. Canale и A. Pentland

- 2016 *Mobile Money and Payments: Technology Trends*. Massachusetts Institute of Technology (MIT). Имеется по адресу www.getsmarter.com/blog/wp-content/uploads/2017/07/mit-mobile_and_money_payments_report.pdf.

Siapera, E., M. Boudourides, S. Lenis и J. Suiter

- 2018 *Refugees and Network Publics on Twitter: Networked Framing, Affect, and Capture*. *Social Media + Society*, 4(1).

Simiyu Njororai, W.

- 2010 *Global inequality and athlete labour migration from Kenya*. *Leisure/Loisir*, 34(4):443–461.

Skeldon, R.

- 2018 *International migration, internal migration, mobility and urbanization: Towards more integrated approaches*. Migration Research Series, Paper No 53. IOM, Geneva.

- Skerry, P.
2002 *Beyond Sushiology: Does Diversity Work?* The Brookings Institution, 1 December. Имеется по адресу www.brookings.edu/articles/beyond-sushiology-does-diversity-work/.
- Smith, H. и P. Stares (eds.)
2007 *Diasporas in Conflict: Peace-Makers or Peace-Wreckers?* UNU Press, Tokyo.
- Smith, R., R. Spaaij и В. McDonald
2018 Migrant Integration and Cultural Capital in the Context of Sport and Physical Activity: a Systematic Review. *Journal of International Migration and Integration*, 20(3):851–868. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1007/s12134-018-0634-5>.
- Sport Inclusion Network (SPIN)
n.d. Имеется по адресу <https://sportinclusion.net/>.
- Stark, O. и D.E. Bloom
1985 The New Economics of Labor Migration. *The American Economic Review*, 75(2):173–178. Имеется по адресу www.jstor.org/stable/1805591?seq=1#page_scan_tab_contents.
- Strohecker, K.
2016 Countries look to draw expatriate cash with “diaspora bonds”. *Reuters*, 17 April. Имеется по адресу www.reuters.com/article/us-emerging-bonds-diaspora/countries-look-to-draw-expatriate-cash-with-diaspora-bonds-idUSKCN0XE0ID.
- Suiter, J. и E. Culloty
2019 The impact of anti-immigration far-right activism on social media platforms. Presentation at IOM side event, 6 May 2019, United Nations Headquarters, New York. Имеется по адресу <http://webtv.un.org/meetings-events/watch/the-connections-between-migration-and-technology/6033486907001/?term=>.
- Suri, T. и W. Jack
2016 The long-run poverty and gender impacts of mobile money. *Science Magazine*, 354(6317):1288–1292. Имеется по адресу <https://science.sciencemag.org/content/354/6317/1288/tab-pdf>.
- Todaro, M.
1989 *Economic Development in the Third World*. Longman, New York.
- Triandafyllidou, A., L. Bartolini и С. Guidi
2019 *Exploring the links between enhancing regular pathways and discouraging irregular migration*. IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/exploring-links-between-enhancing-regular-pathways-and-discouraging-irregular-migration-0>.
- Tusikov, N. и В. Haggart
2019 It’s time for a new way to regulate social media platforms. *The Conversation*, 17 January 2019. Имеется по адресу <https://theconversation.com/its-time-for-a-new-way-to-regulate-social-media-platforms-109413>.

United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD), Международной организацией по миграции (МОМ) и Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН)

2018 *Policy Guide on Entrepreneurship for Migrants and Refugees*. Имеется по адресу https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/diae2018d2_en.pdf.

Департаментом Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН)

2019 *International Migrant Stock: The 2019 Revision*. United Nations, New York. Имеется по адресу www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp (accessed 18 September 2019).

Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН)

2011 *Towards Human Resilience: Sustaining MDG Progress in an Age of Economic Uncertainty*. UNDP, New York. Имеется по адресу www.undp.org/content/undp/en/home/librarypage/poverty-reduction/inclusive_development/towards_human_resiliencesustainingmdgprogressinanaageofeconomicun.html.

Van der Meer, T. и J. Tolsma

2014 Ethnic Diversity and Its Effects on Social Cohesion. *Annual Review of Sociology*, 40:459–478. Имеется по адресу www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev-soc-071913-043309.

Venturini, A., F. Montobbio и C. Fassio

2012 *Are migrants spurring innovation?* Migration Policy Centre. Имеется по адресу www.migrationpolicycentre.eu/docs/MPC%202012%20EN%2011.pdf.

Vertovec, S.

2007 Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies*, 30(6):1024–1054. Имеется по адресу www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01419870701599465.

Wallerstein, I.

1974 *The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. New York, Academic Press.

Weinberger, D.

2011 *Too Big to Know: Rethinking Knowledge Now That the Facts Aren't the Facts, Experts Are Everywhere, and the Smartest Person in the Room Is the Room*. Basic Books, New York.

Weiner, M.

1978 *Sons of the Soil: Migration and Ethnic Conflicts in India*. Princeton University Press.

Whiting, K.

2019 How Mo Salah may have reduced Islamophobia in Liverpool. World Economic Forum, June 2019. Имеется по адресу www.weforum.org/agenda/2019/06/how-mo-salah-might-have-reduced-islamophobia-in-liverpool/.

Wilk, R.

1999 Real Belizean Food: Building Local Identity in the Transnational Caribbean. *American Anthropologist*, 101(2):244–255.

World Bank Group

- 2019 *Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook*. Имеется по адресу www.knomad.org/publication/migration-and-development-brief-31.

Zappettini, F. и M. Krzyzanowski

- 2019 The critical juncture of Brexit in media and political discourses: from national-populist imaginary to cross-national social and political crisis. *Critical Discourse Studies*, 16(4):381–388. Имеется по адресу www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17405904.2019.1592767?needAccess=true.

Zemandl, E.

- 2018 Orbán's Hungary, transnational tribalism, and the emergence of a new European order. *Hungarian Spectrum*, 14 May 2018. Имеется по адресу <http://hungarianspectrum.org/2018/05/14/eva-j-zemandl-orbans-hungary-transnational-tribalism-and-the-emergence-of-a-new-european-order/>.

Глава 6

Acosta, D.

2018 *The National versus the Foreigner in South America. 200 Years of Migration and Citizenship Law*. Cambridge University Press, Cambridge.

Allen, W., S. Blinder и R. McNeil

2017 Media reporting of migrants and migration. In: *World Migration Report 2018* (M. McAuliffe and M. Ruhs, eds.). IOM, Geneva, pp. 191–207. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2018>.

Aoki, Y. и L. Santiago

2018 Speak better, do better? Education and health of migrants in the UK. *Labour Economics*, 52:1–17.

Appave, G. и I. David

2017 Integration that values diversity – exploring a model for current migration dynamics. In: *Migration Research Leaders' Syndicate: Ideas to Inform International Cooperation on Safe, Orderly and Regular Migration* (M. McAuliffe and M. Klein Solomon, eds.). IOM, Geneva, pp. 159–167.

Arrighi, J.-Т. и R. Bauböck

2016 A multilevel puzzle: Migrants' voting rights in national and local elections. *European Journal of Political Research*, 56(3):619–639.

Bailey, J.P.

1979 Inmigración y relaciones étnicas: Los Ingleses en la Argentina. *Desarrollo Económico*, 18(72):539–558.

Bakewell, O. и A. Bonfiglio

2013 *Moving Beyond Conflict: Re-Framing Mobility in the African Great Lakes Region*. University of Oxford, International Migration Institute, Working Paper for the African Great Lakes Mobility Project.

Bakkaer Simonsen, K.

2017 Does citizenship always further immigrants' feeling of belonging to the host nation? A study of policies and public attitudes in 14 Western democracies. *Comparative Migration Studies*, 5(3).

Banulescu-Bogdan, N.

2012 *Shaping Citizenship Policies to Strengthen Immigrant Integration*. Migration Policy Institute, 2 August. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/shaping-citizenship-policies-strengthen-immigrant-integration.

Barslund, M. и N. Laurentsyeva

2018 On International Women's Day: More Focus Needed on Integrating Migrant Women. Centre for European Policy Studies. Имеется по адресу www.ceps.eu/ceps-publications/international-womens-day-more-focus-needed-integrating-migrant-women/.

- Bauböck, R., I. Honohan, T. Huddleston, D. Hutcheson, J. Shaw и М.Р. Vink
 2013 *Access to Citizenship and its Impact on Immigrant Integration. European Summary and Standards*. European University Institute, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, Florence.
- Bauböck, R. и М. Tripkovic (eds.)
 2017 *The Integration of Migrants and Refugees, An EUI Forum on Migration, Citizenship and Demography*. European University Institute, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, Florence.
- Bauder, H. (ed.)
 2019 *Putting Family First: Migration and Integration in Canada*. UBC Press, Vancouver.
- Bauder, H. и D.A. Gonzalez
 2018 Municipal responses to “illegality”: Urban sanctuary across national contexts. *Social Inclusion*, 6(1):124–134.
- Beauchemin, С. и Р. Bocquier
 2003 *Migration and Urbanization in Francophone West Africa: A Review of the Recent Empirical Evidence*. Document de travail DIAL/Unité de Recherche CIPRÉ. Имеется по адресу www.researchgate.net/profile/Cris_Beauchemin/publication/4793663_Migration_and_urbanization_in_francoophone_west_Africa_a_review_of_the_recent_empirical_evidence/links/00b495359529f8673c000000.pdf.
- Berndt, R.M.
 1961 Problems of assimilation in Australia. *Sociologus*, 11(1):34–51.
- Berry, J.
 1997 Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology: An International Review/Psychologie appliquée: Revue internationale*, 46(1):5–34.
 2006 Contexts of acculturation. In: *The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology* (D.L. Sam and J.W. Berry, eds.). Cambridge University Press, Cambridge, pp. 27–42.
- Bilgili, Ö., T. Huddleston и А.-L. Joki
 2015 *The Dynamics between Integration Policies and Outcomes: A Synthesis of the Literature*. Barcelona Centre for International Affairs and Migration Policy Group. Имеется по адресу <https://fr.scribd.com/document/271339269/MIPEX-Literature-Review-the-Dynamics-Between-Integration-Policies-and-Outcomes-1>.
- Bivand Erdal, М. и С. Оепен
 2013 Migrant balancing acts: Understanding the interactions between integration and transnationalism. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 39(6):867–884.
- Bjerg, М.М.
 1988 Inmigración y asimilación en la Argentina. Un enfoque historiográfico. *Anuario IEHS*, 3. Имеется по адресу <http://anuarioiehs.unicen.edu.ar/Files/1988/011%20-%20inmigracion%20y%20asimilacion%20en%20la%20argentina.%20un%20enfoco%20historiografico.pdf>.

- Block, L.
2015 Regulating membership: Explaining restriction and stratification of family migration in Europe. *Journal of Family Issues*, 36(11):1433–1452.
- Butschek, S. и T. Walter
2014 What active labour market programmes work for immigrants in Europe? A meta-analysis of the evaluation literature. *IZA Journal of Migration*, 3.
- Canganio, A.
2014 Migration policies and migrant employment outcomes: Conceptual analysis and comparative evidence for Europe. *Comparative Migration Studies*, 2(4):417–443.
- Cantle, T.
2005 *Community Cohesion: A New Framework for Race and Diversity*. Palgrave Macmillan, Basingstoke. Имеется по адресу www.migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/immigration-diversity-and-social-cohesion/.
- Caponio, T. и D. Donatiello
2017 Intercultural policy in times of crisis: Theory and practice in the case of Turin, Italy. *Comparative Migration Studies*, 5(1):13.
- Card, D., J. Kluve и A. Weber
2010 Active labor market policy evaluations: A meta-analysis. *The Economic Journal*, 120(548):452–477.
- Castles, S.
2003 Transnational communities: A new form of social relations under conditions of globalization? In: *Host Societies and the Reception of Immigrants* (J.G. Reitz, ed.). University of California, Center for Comparative Immigration Studies, San Diego, pp. 429–445.
2004 The myth of controllability of difference: Labour migration, transnational communities and State strategies in the Asia–Pacific region. In: *State/Nation/Transnation: Perspectives on Transnationalism in the Asia–Pacific* (B.S.A. Yeoh and K. Willis, eds.). Routledge, London and New York, pp. 16–36.
- Castles, S. и A. Davidson
2000 *Citizenship and Migration: Globalization and the Politics of Belonging*. Palgrave, Basingstoke.
- Castles, S., H. de Haas и M.J. Miller
2014 *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. Fifth edition, Palgrave Macmillan, London.
- Castles, S., M. Korac, E. Vasta и S. Vertovec
2002 *Integration: Mapping the Field*. Report of a Project carried out by the University of Oxford Centre for Migration and Policy Research and Refugee Studies Centre, contracted by the Home Office Immigration Research and Statistics Service, Home Office Online Report 28/03.
- Charsley, K. и S. Spencer
2019 Understanding Integration Processes: Informing Policy and Practice. Policy Bristol, Policy Report 44, January.

- Chetail, V.
2019 *International Migration Law*. Oxford University Press, Oxford.
- Chiswick, B.R.
2016 *“Tongue Tide”: The Economics of Language Offers – Important Lessons for How Europe Can Best Integrate Migrants*. Institute for the Study of Labour (IZA), IZA Policy Paper No. 113, July.
- Corak, M.
2011 *Age at Immigration and the Education Outcomes of Children*. Statistics Canada, Analytical Studies Branch Research Paper Series.
- Crawford, V.
2016 10 Ways countries can help refugees integrate. World Economic Forum, 27 May. Имеется по адресу www.weforum.org/agenda/2016/05/10-ways-countries-can-help-refugees-integrate/.
- Crawley, H., S. McMahon и K. Jones
2016 Migrants Voices in the British Media. Centre for Trust, Peace and Social Relations, Coventry University. Имеется по адресу www.coventry.ac.uk/research/research-directories/research-news/2016/victims-and-villains.
- Darden, J.T.
2015 Homeownership among immigrants in Canada and the United States: Similarities and differences. In: *The Housing and Economic Experiences of Immigrants in U.S. and Canadian Cities* (C. Teixeira and W. Li, eds.). University of Toronto Press, Toronto, pp. 43–68.
- De Paola, M. и G. Brunello
2016 Education as a Tool for the Economic Integration of Migrants. European Expert Network on Economics of Education, Analytical Report No. 27, February.
- Demireva, N.
2017 Immigration, Diversity and Social Cohesion. Briefing, The Migration Observatory, University of Oxford, Oxford.
- Dronkers, J. и M.R. Vink
2012 Explaining access to citizenship in Europe: How citizenship policies affect naturalization rates. *European Union Politics*, 13(3).
- Duncan, H. и I. Popp
2017 Migrants and cities: Stepping beyond World Migration Report 2015. In: *The World Migration Report 2018* (M. McAuliffe and M. Ruhs, eds.). IOM, Geneva, pp. 225–241.
- Entzinger, H. и R. Biezeveld
2003 *Benchmarking Immigrant Integration*. Erasmus University Rotterdam, European Research Centre on Migration and Ethnic Relations, Rotterdam.
- Espinoza-Castro, B., L.E. Vásquez Rueda, R.V. Mendoza Lopez и K. Radon
2018 Working below skill level as risk factor for distress among Latin American migrants living in Germany: A Cross-sectional study. *Journal of Immigrant and Minority Health*:1–7.

Европейским союзом

- 2016 Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, Action Plan on the Integration of Third Country Nationals. COM(2016) 377 final, 7 June.
- 2018 *Special Eurobarometer 469. Integration of Immigrants in the European Union*. Report, European Union.

European Economic and Social Committee (EESC)

- 2017 *How Civil Society Organizations Assist Refugees and Migrants in the EU: Successful Experiences and Promising Practices from the 2016 EESC Civil Society Prize*. EESC, Brussels.

European Migration Network

- 2014 *Asylum and Migration Glossary 3.0*. Second edition, European Union, Brussels.

Eurostat (European Union)

- 2018 *Migrant Integration Statistics—Labour Market Indicators*. Имеется по адресу https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migrant_integration_statistics_%E2%80%93_labour_market_indicators#Unemployment.

Faist, T.

- 2018 A Primer on Social Integration: Participation and Social Cohesion in the Global Compacts. Universität Bielefeld, Fakultät für Soziologie, Centre on Migration, Citizenship and Development (COMCAD), COMCAD Working Paper 161. Имеется по адресу <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-58138-7>.

Favell, A.

- 2005 Integration nations: The Nation–State and research on immigrants in Western Europe. In: *International Migration Research: Constructions, Omissions and the Promises of Interdisciplinarity* (M. Bommers and E. Morawska, eds.). Ashgate, Aldershot, pp. 41–67.

Filsj, S., E.C. Meroni и E. Vera-Toscano

- 2016 *Educational Outcomes and Immigrant Background*. European Commission, Joint Research Centre (JRC), JRC Technical Reports.

Fokkema, T. и H. de Haas

- 2011 Pre- and post-migration determinants of socio-cultural integration of African immigrants in Italy and Spain. *International Migration*, 53(6):3–26.

Fonseca, X., S. Lukosch и F. Brazier

- 2018 Social cohesion revisited: A new definition and how to characterize it. Innovation: *The European Journal of Social Science Research*, 32(2):231–253. Имеется по адресу www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13511610.2018.1497480.

Forrest, R. и A. Kearns

- 2001 Social cohesion, social capital and the neighbourhood. *Urban Studies*, 38(12):2125–2143.

Fundamental Rights Agency (FRA) (European Union)

- 2011 *Fundamental Rights of Migrants in an Irregular Situation in the European Union*. European Union, Luxembourg.

- Gagnon, J. и D. Khoudour-Castéras
2012 South–South Migration in West Africa: Addressing the Challenges of Immigrant Integration. OECD Development Centre, Working Paper No. 312. Имеется по адресу www.oecd-ilibrary.org/docserver/5k98p4wcgjmx-en.pdf?expires=1548083798&id=id&accname=guest&checksum=2BCA85C065F416B8023FAC43FD0C29F9.
- Gathmann, С. и N. Keller
2016 Access to Citizenship and the Social Integration of Immigrants. Draft Working Paper. Имеется по адресу <https://sole-jole.org/16286.pdf>.
- Government of Canada
1985 Canadian Multiculturalism Act. RSC, с. 24 (4th Supp.).
2018 *Annual Report on the Operation of the Canadian Multiculturalism Act 2016–2017, Multiculturalism from Now and Into the Future*. Her Majesty the Queen in Right of Canada.
- Hagelskamp, С., С. Suárez-Orozco и D. Hughes
2010 Migrating to opportunities: How family migration motivations shape academic trajectories among newcomer immigrant youth. *Applied Psychology*, 66(4):717–739.
- Hainmueller, J., D. Hangartner и G. Pietrantuono
2015 Naturalization fosters the long-term political integration of immigrants. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 112(41):12651–12656.
- Hennebry, J.
2017 For their own good? Addressing exploitation of women migrant workers. In: Ideas to Inform International Cooperation on Safe, Orderly and Regular Migration (M. McAuliffe and M. Klein Solomon, eds.). IOM, Geneva.
- Hooper, К. и В. Salant
2018 It’s Relative: A Crosscountry Comparison of Family-Migration Policies and Flows. Migration Policy Institute, Issue Brief, April.
- Huddleston, Т.
2015 Migrant Political Participation: A Review of Policies and Integration Results in the OSCE Region. Research Paper, Organization for Security and Co-operation in Europe, Office for Democratic Institutions and Human Rights, Warsaw.
2017 Migrant Political Participation: A Review of Policies and Integration Results in the OSCE Region. Research Paper, OSCE and Office for Democratic Institutions and Human Rights. Имеется по адресу www.osce.org/odihr/367936?download=true.
- Huddleston, Т., Ö. Bilgili, A.L. Joki и Z. Vankova
2015 *Migrant Integration Policy Index 2015*. Barcelona Centre for International Affairs and Migration Policy Group, Barcelona and Brussels.
- Huddleston, Т. и J. Dag Tjaden
2012 *Immigrant Citizens Survey: How Immigrants Experience Integration in 15 European Cities*. King Baudouin Foundation and Migration Policy Group, Brussels.

Huddleston, T. и A. Pedersen

- 2011 Impact of New Family Reunion Tests and Requirements on the Integration Process. Migration Policy Group (MPG), MPG Briefings for Green Paper on Family Reunion No. 3.

Международной организации труда (МОТ)

- 2015 *ILO Global Estimates on Migrant Workers: Results and Methodology*. ILO Labour Migration Branch and ILO Department of Statistics, Geneva. Имеется по адресу www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/publication/wcms_436343.pdf (accessed 11 June 2019).
- 2018 *ILO Global Estimates on International Migrant Workers: Results and Methodology*. ILO Labour Migration Branch and ILO Department of Statistics, Geneva. Second edition (reference year 2017).

Международной организацией по миграции (МОМ)

- 2011 *Thailand Migration Report 2011: Migration for Development in Thailand – Overview and Tools for Policymakers*. IOM, Bangkok.
- 2013 *Recognition of Qualifications and Competences of Migrants* (A. Schuster, M.V. Desiderio and G. Urso, eds.). IOM, Geneva.
- 2015 Migration Governance Framework. IOM Council, 106th Session, C/106/RES/1310, 4 December.
- 2017a *World Migration Report 2018* (M. McAuliffe and M. Ruhs, eds.). IOM, Geneva.
- 2017b *Migration Research Leaders' Syndicate: Ideas to Inform International Cooperation on Safe, Orderly and Regular Migration*. IOM, Geneva.
- 2018 How Migrant YouTubers Are Combatting Xenophobia and Discrimination. IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://medium.com/@UNmigration/how-migrant-youtubers-are-combatting-xenophobia-and-discrimination-5751e1b757b5>.
- 2019 International Migration Law, N° 34. *Glossary on Migration*. IOM, Geneva. Имеется по адресу http://publications.iom.int/system/files/pdf/iml_34_glossary.pdf.

Isphording, I.E.

- 2015 What Drives the Language Proficiency of Immigrants? Immigrants Differ in their Language Proficiency along a Range of Characteristics. *IZA World of Labour*, p. 177.

Jasinskaja-Lahti, I., K. Liedkind и R. Perhoniemi

- 2007 Perceived ethnic discrimination at work and well-being of immigrants in Finland: The moderating role of employment status and work-specific group-level control beliefs. *International Journal of Intercultural Relations*, 31(2):223–242.

Jenson, J.

- 1998 *Mapping Social Cohesion: The State of Canadian Research*. Canadian Policy Research Networks, Ottawa.

- Joki, A.-L. и A. Wolffhardt
n.d. How the Intercultural Integration Approach Leads to a Better Quality of Life in Diverse Cities. Migration Policy Group, with the support of T. Huddleston. Имеется по адресу <http://rm.coe.int/intercultural-to-the-core-how-the-intercultural-cities-index-can-be-be/168076631b>.
- Joppke, C.
2010 *Citizenship and Immigration*. Polity Press, London.
2014 European immigrant integration after multiculturalism. In: *Global and Asian Perspectives on International Migration* (G. Battistella, ed.). IOM and Springer, London, pp. 77–99.
- Klaufus, C., P. van Lindert, F. van Noorloos и G. Steel
2017 All-inclusiveness versus exclusion: Urban project development in Latin America and Africa. *Sustainability*, 9(11):2038–1053.
- Kluve, J.
2010 The effectiveness of European active labor market programs. *Labour Economics*, 17(6):904–918.
- Kontos, M.
2011 Between Integration and Exclusion: Migrant Women in European Labor Markets. Migration Policy Institute, 23 March. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/between-integration-and-exclusion-migrant-women-european-labor-markets.
- Koser, K. и A. Cunningham
2017 Migration, violent extremism and social exclusion. In: *The World Migration Report 2018* (M. McAuliffe and M. Ruhs, eds.). IOM, Geneva, pp. 209–223.
- Krüger Diaz, A.L. и J. Plaza Pinto
2017 *Is There Language Policy for Migrants in Brazil? Linguistic Ideologies and Three Language Tests*. Tilburg University, Tilburg Papers in Culture Studies, No. 192.
- Kuch, A.
2018 Lessons from Tanzania’s historic bid to turn refugees to citizens. *News Deeply, Refugees Deeply*, 22 February. Имеется по адресу www.newsdeeply.com/refugees/community/2018/02/22/lessons-from-tanzanias-historic-bid-to-turn-refugees-to-citizens.
- Kymlicka, W.
2012 *Multiculturalism: Success, Failure, and the Future*. Migration Policy Institute, Washington, D.C.
- Landau, L.B. и O. Bakewell
2018 Introduction: Forging a study of mobility, integration and belonging in Africa. In: *Forging African Communities: Mobility, Integration and Belonging* (O. Bakewell and L.B. Landau, eds.). Palgrave Macmillan, London, pp. 1–24.
- Lens, D., I. Marx и S. Vuji
2018 Does Migration Motive Matter for Migrants’ Employment Outcomes? The Case of Belgium. Institute of Labour Economics, Discussion Paper Series, IZA DP No. 11906.

- Levitt, P.
2004 Transnational Migrants: When “Home” Means More than One Country. Migration Policy Institute, Migration Information Source, 1 October.
- Lewis, E.G.
2013 Immigrant native substitutability: The role of language. In: *Immigration, Poverty and Socioeconomic Inequality* (D. Card and S. Raphael, eds.). Russell Sage Foundation, New York, pp. 60–97.
- Li, X.
2007 *Portrait of an Integration Process. Difficulties Encountered and Resources Relied on for Newcomers in their First 4 Years in Canada. Evidence from three Waves of the Longitudinal Survey of Immigrants to Canada (LSIC)*. Citizenship and Immigration Canada, Research and Evaluation, June. Имеется по адресу www.canada.ca/content/dam/ircc/migration/ircc/english/pdf/research-stats/portrait-integr-process-e.pdf.
- Liebig, T. и K. Rose Tronstad
2018 Triple Disadvantage? A First Overview of the Integration of Refugee Women. OECD Social, Employment and Migration Working Paper No. 216.
- Lippert, R.K. и S. Rehaag (eds.)
2013 *Sanctuary Practices in International Perspectives: Migration, Citizenship and Social Movements*. Routledge, New York.
- Logan, J.R., S. Oh и J. Darrah
2012 The political and community context of immigrant naturalization. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 38(4):535–554.
- Long, K., E. Mosler Vidal, A. Kuch и J. Hagen-Zanker
2017 Citizenship, Migration and the 2030 Agenda for Sustainable Development. ODI Briefing, September. Имеется по адресу www.odi.org/publications/10911-citizenship-migration-and-2030-agenda-sustainable-development.
- Manby, B.
2016 *Citizenship Law in Africa: A Comparative Study*. Open Society Foundations, New York.
- Martiniello, M.
2006 Political Participation, mobilisation and representation of immigrants and their offspring in Europe. In: *Migration and Citizenship: Legal Status, Rights and Political Participation* (R. Bauböck, ed.). IMISCOE Reports, Amsterdam University Press, Amsterdam, pp. 83–105.
- Mazzucato, V. и D. Schans
2011 Transnational families and the well-being of children: Conceptual and methodological challenges. *Journal of Marriage and Family*, 73(4):704–712.
- McKinsey Global Institute
2016 *People on the Move: Global Migration’s Impact and Opportunity*. McKinsey Global Institute, New York.

- Medina, D.A.
2015 Undocumented immigrants in New York get ID cards to open bank accounts. *The Guardian*, 12 January. Имеется по адресу www.theguardian.com/money/us-money-blog/2015/jan/12/undocumented-immigrants-id-cards-new-york.
- Mercator Dialogue on Asylum and Migration (MEDAM)
2018 *Flexible Solidarity: A Comprehensive Strategy for Asylum and Immigration in the EU*. 2018 MEDAM Assessment Report on Asylum and Migration Policies in Europe. MEDAM, Kiel.
- Modood, T.
2013 *Multiculturalism*. Second edition, Polity Press, Cambridge, Oxford, Boston, New York.
- Morrice, L., L.K. Tip, M. Collyer и R. Brown
2019 “You can’t have a good integration when you don’t have a good communication”: English-language learning among resettled refugees in England. *Journal of Refugee Studies* (advance access).
- Mustafa, S.
2018 Nothing about us without us: Why refugee inclusion is long overdue. *News Deeply, Refugees Deeply*, 20 June. Имеется по адресу www.newsdeeply.com/refugees/community/2018/06/20/nothing-about-us-without-us-why-refugee-inclusion-is-long-overdue.
- Mustasaari, S.
2015 The “nuclear family paradigm” as a marker of rights and belonging in transnational families. *Social Identities: Journal for the Study of Race, Nation and Culture*, 21(4):359–372.
- National Museum Australia
n.d. Defining Moments: White Australia Policy. Webpage. Имеется по адресу www.nma.gov.au/defining-moments/resources/white-australia-policy.
- Newland, K.
2017 Migrant return and reintegration policy: A key component of migration governance. In: *Migration Research Leaders’ Syndicate: Ideas to Inform International Cooperation on Safe, Orderly and Regular Migration* (M. McAuliffe and M. Klein Solomon, eds.). IOM, Geneva, pp. 169–173.
- Nicholson, F.
2018 The “Essential Right” to Family Unity of Refugees and Others in Need of International Protection in the Context of Family Reunification. PPLA/2018/02, United Nations High Commissioner for Refugees, Legal and Protection Policy Research Series, Geneva.
- Okyere, S.A.
2016 Africa’s ‘new town’ urban solutions. U3 – *UrbanisticaTre*. Имеется по адресу www.urbanisticatre.uniroma3.it/dipsu/?portfolio=africas-new-town-urban-solutions.
- Oliver, C.
2013 *The Impact of Restrictions and Entitlements on the Integration of Family Migrants: A Comparative Report*. University of Oxford, Centre on Migration, Policy and Society.

Onyulo, T.

- 2018 School started by refugees becomes one of Uganda's best. *News Deeply, Refugees Deeply*, 16 August. Имеется по адресу www.newsdeeply.com/refugees/articles/2018/08/16/school-started-by-refugees-becomes-one-of-ugandas-best.

Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)

- 2011 *Naturalisation: A Passport for the Better Integration of Immigrants?* OECD, Paris. Имеется по адресу https://read.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/naturalisation-a-passport-for-the-better-integration-of-immigrants_9789264099104-en#page1.
- 2012 *Settling In: OECD Indicators of Immigrant Integration 2012*. OECD Publishing, Paris. Имеется по адресу www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/settling-in-oecd-indicators-of-immigrant-integration-2012_9789264171534-en.
- 2014 *International Migration Outlook 2014. Special Focus: Mobilising Migrants' Skills for Economic Success*. OECD Publishing, Paris.
- 2018a *International Migration Outlook 2018*. Forty-second edition. OECD Publishing, Paris. Имеется по адресу www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook_1999124x.
- 2018b *Working Together for Local Integration of Migrants and Refugees*. OECD, Paris.

ОЭСР и European Union (EU)

- 2015 *Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling In*. OECD Publishing, Paris. Имеется по адресу www.oecd.org/migration/indicators-of-immigrant-integration-2015-settling-in-9789264234024-en.htm.
- 2018 *Settling In 2018: Indicators of Immigrant Integration*. OECD Publishing/EU, Paris/Brussels. Имеется по адресу www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/indicators-of-immigrant-integration-2018_9789264307216-en.

Oyefara, J.L.

- 2018 Migration and urbanization in Africa. In: *The Palgrave Handbook of African Politics, Governance and Development* (S. Oloruntoba and T. Falola, eds.). Palgrave Macmillan, New York, pp. 451–467.

Panagiotopoulou, J.A. и L. Rosen

- 2018 Denied inclusion of migration-related multilingualism: An ethnographic approach to a preparatory class for newly arrived children in Germany. *Language and Education*, 23(5):394–409.

Papademetriou, D.G.

- 2012 Rethinking National Identity in the Age of Migration. Council Statement, Transatlantic Council on Migration, Migration Policy Institute, Washington, D.C.

Pearson, M.

- 2015 What's a 'sanctuary city' and why should you care? *CNN*, 2 July. Имеется по адресу <https://edition.cnn.com/2015/07/06/us/san-francisco-killing-sanctuary-cities/index.html>.

- Penny, E.
2016 "We Don't Have a Refugee Crisis. We Have a Housing Crisis." *Open Democracy*, 5 November. Имеется по адресу www.opendemocracy.net/en/can-europe-make-it/we-don-t-have-refugee-crisis-we-have-housing-crisis/.
- Phillips, D.
2006 Moving towards integration: The housing of asylum seekers and refugees in Britain. *Housing Studies*, 21(4):539–553.
- Public Policy and Management Institute (PPMI)
2017 *Preparing Teachers for Diversity: The Role of Initial Teacher Education, Final Report*. European Commission, Directorate-General for Education, Youth, Sport and Culture.
- Redfield, R., R. Linton и M. Herskovitz
1936 Memorandum on the Study of Acculturation. *American Anthropologists*, 38:149–152.
- Reichel, D.
2011 Do Legal Regulations Hinder Naturalisation? Citizenship Policies and Naturalisation Rates in Europe. European University Institute (EUI), Robert Schuman Centre for Advanced Studies, EUI Working Papers RSCAS 2011/51.
- Robinson, K.
2014 Voices from the front line: Social work with refugees and asylum seekers in Australia and the UK. *British Journal of Social Work*, 44(6):1602–1620.
- Rodrigues, M.
2018 *Can Digital Technologies Help Reduce the Immigrant–Native Educational Achievement Gap?* European Commission, Joint Research Centre (JRC), JRC Science for Policy Report.
- Ros i Sole, C.
2014 The paradoxes of language learning and integration in the European context. In: *Language Issues in Migration and Integration: Perspectives from Teachers and Learners* (D. Mallows, ed.). British Council, London, pp. 57–77.
- Sánchez Alonso, B.
2002 La época de las grandes migraciones desde del siglo XIX a 1930. *Mediterráneo económico*, 1:19–32.
- Schmidtke, O.
2018 The civil society dynamic of inclusion and empowering refugees in Canada's urban centres. *Social Inclusion*, 6(1):147–156.
- Scholten, P., F. Baggerman, L. Dellouche, V. Kampen, J. Wolf и R. Ypma
2017 *Policy Innovation for Refugee Integration? A Comparative Analysis of Innovative Policy Strategies Toward Refugee Integration Across Europe*. Erasmus University, Rotterdam.
- Silver, H.
2015 *The Contexts of Social Inclusion*. United Nations Department of Economic and Social Affairs (UN DESA), Working Paper No. 144, ST/ESA/2015/EWP/144.

- Somers, T.
2018 Multilingualism for Europeans, monolingualism for immigrants? Towards policy-based inclusion of immigrant minority language students in content and language integrated learning (CLIL). *European Journal of Language Policy*, 10(2):203–228.
- Spitzer, D.L.
2018 *Family Migration Policies and Social Integration*. United Nations Expert Group, Family Policies for Inclusive Societies.
- Stanford University
2018 Switzerland launches program to test AI for refugee integration. 30 May. Имеется по адресу <https://phys.org/news/2018-05-switzerland-ai-refugee.html>.
- Thorkelson, S.
2015 Occupy Europe? Political Participation and the Immigrant Second Generation. Working Paper.
- ООН-Хабитат
2016a *Новая программа развития городов*. Конференция Организации Объединенных Наций по жилью и устойчивому городскому развитию (Хабитат III), Кито, 17–20 октября, пункты 14 и 99. Имеется по адресу <http://habitat3.org/wp-content/uploads/NUA-Russian.pdf>.
- UN-Habitat
2016b *From Habitat II to Habitat III: Twenty Years of Urban Development*. Имеется по адресу <http://wcr.unhabitat.org/wp-content/uploads/2017/03/Chapter1-WCR-2016.pdf>.
- Комитет Организации Объединенных Наций по экономическим, социальным и культурным правам (КЭСКО ООН)
1999 Осуществление Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Замечание общего порядка 13 (Двадцать первая сессия, 1999 год): Право на образование (статья 13 Пакта). 8 декабря. E/C.12/1999/10.
- United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD), МОМ и УВКБ ООН
2018 *Policy Guide on Entrepreneurship for Migrants and Refugees*. UNCTAD, IOM and UNHCR. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/policy-guide-entrepreneurship-migrants-and-refugees>.
- Департамент Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН)
1998 *Рекомендации по статистике международной миграции*. Первое пересмотренное издание. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк.
- United Nations Education, Scientific and Cultural Organization (UNESCO)
2018 *Global Education Monitoring Report, Migration, Displacement and Education: Building Bridges, Not Walls*. UNESCO Publishing.
- Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций (ГА ООН)
2015 Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. 21 октября. [A/RES/70/1](#).

- 2018a Проект итогового документа Конференции, Межправительственная конференция для принятия глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Записка Председателя Генеральной Ассамблеи. 30 июля. [A/CONF.231/3](#).
- 2018b Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. Часть II: Глобальный договор о беженцах. [A/73/12 \(Part II\)](#).
- Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН)
- 2018 *Turn the Tide: Refugee Education in Crisis*. UNHCR, Geneva. Имеется по адресу www.unhcr.org/turnthetide/.
- Комитет по правам человека Организации Объединенных Наций (КПЧ ООН)
- 1989 Замечание общего порядка № 18 - Недискриминация. 10 ноября. Имеется по адресу [https://undocs.org/ru/HRI/GEN/1/Rev.9\(Vol.I\)](https://undocs.org/ru/HRI/GEN/1/Rev.9(Vol.I)).
- United Nations Human Rights Council (UN HRC)
- 2018 Principles and Practical Guidance on the Protection of the Human Rights of Migrants in Vulnerable Situations. Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights. 7 February. [A/HRC/37/34/Add.1](#).
- United States Department of Labor
- 2018 Foreign-Born Workers: Labor Force Characteristics – 2017. Bureau of Labor Statistics, Economic News Release. Имеется по адресу www.bls.gov/news.release/forbrn.nr0.htm/Labor-Force-Characteristics-of-Foreign-Born-Workers-Summary.
- Vathi, Z.
- 2015 *Migrating and Settling in a Mobile World: Albanian Migrants and their Children in Europe*. IMISCOE Research, Springer, Dordrecht.
- Vertovec, S.
- 1999 Conceiving and researching transnationalism. *Ethnic and Racial Studies* 22(2):445–462.
- Wadhwa, V., A. Saxenlan, B. Rissing и G. Gereffi
- 2007 *America's New Immigrant Entrepreneurs*. Master of Engineering Management Program, Duke University and School of Information, University of California at Berkeley.
- Wiesbrock, A.
- 2011 The integration of immigrants in Sweden: A model for the European Union? *International Migration*, 40(4):52.
- Всемирным банком
- 2013 *Inclusion Matters: The Foundation for Shared Prosperity* (Advance Edition). World Bank, Washington, D.C. License: Creative Commons Attribution CC BY 3.0.
- Zapata-Barrero, R.
- 2017 Interculturalism in the post-multicultural debate: A defence. *Comparative Migration Studies*, 5(1):14.
- Zetter, R., D. Griffiths, N. Sigona, D. Flynn, T. Pasha и R. Beynon
- 2006 *Immigration, Social Cohesion and Social Capital: What Are the Links?* Oxford Brookes University, Joseph Rowntree Foundation, York.

Глава 7

Abbas, M., T. Aloudat, J. Bartolomei, M. Carballo, S. Durieux-Paillard, L. Gabus, A. Jablonka, Y. Jackson, K. Kaojaroen, D. Koch, E. Martinez, M. Mendelson, R. Petrova-Benedict, S. Tsiodras, D. Christie, M. Saam, S. Hargreaves и D. Pittet

2018 Migrant and refugee populations: A public health and policy perspective on a continuing global crisis. *Antimicrobial Resistance and Infection Control*, 7:113. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1186/s13756-018-0403-4>.

Aboii, S.

2016 Undocumented immigrants and the inclusive health policies of sanctuary cities. *Harvard Public Health Review*, 9. Имеется по адресу <http://harvardpublichealthreview.org/undocumented-immigrants-and-the-inclusive-health-policies-of-sanctuary-cities/>.

Abubakar, I., R.W. Aldridge, D. Devakumar, M. Orcutt, R. Burns, M.L. Barreto, P. Dhavan, F.M. Fouad, N. Groce, Y. Guo, S. Hargreaves, M. Knipper, J.J. Miranda, N. Madise, B. Kumar, D. Mosca, T. McGovern, L. Rubenstein, P. Sammonds, S.M. Sawyer, K. Sheikh, S. Tollman, P. Spiegel и C. Zimmerman

2018 The UCL–*Lancet* Commission on Migration and Health: The health of a world on the move. *The Lancet*, 392(10164):2606–2654. Имеется по адресу [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(18\)32114-7](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(18)32114-7).

Aldridge, R.W., L.B. Nellums, S. Bartlett, A.L. Barr, P. Patel, R. Burns, S. Hargreaves, J.J. Miranda, S. Tollman, J.S. Friedland и I. Abubakar

2018 Global patterns of mortality in international migrants: A systematic review and meta-analysis. *The Lancet*, 392(10164):2553–2566. Имеется по адресу [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(18\)32781-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(18)32781-8).

Benach, J., C. Muntaner, C. Delclos, M. Menéndez и C. Ronquillo

2011 Migration and “low-skilled” workers in destination countries. *PLoS Medicine*, 8(6):e1001043. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1001043>.

Bhopal, R.

1997 Is research into ethnicity and health racist, unsound, or important science? *British Medical Journal*, 314(7096):1751–1756.

Bozorgmehr, K. и L. Biddle

2018 New UN Compact for Migration falls short on health. *British Medical Journal*, 363:k5327. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1136/bmj.k5327>.

Brandenberger, J., T. Tylleskär, K. Sontag, B. Peterhans и N. Ritz

2019 A systematic literature review of reported challenges in health care delivery to migrants and refugees in high-income countries – the 3C model. *BMC Public Health*, 19(1):755.

Chung, R.Y. и S.M. Griffiths

2018 Migration and health in the world: A global public health perspective. *Public Health*, 158:64–65. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2018.04.005>.

- Cotter, C., H.J.W. Sturrock, M.S. Hsiang, J. Liu, A.A. Phillips, J. Hwang, C.S. Gueye, N. Fullman, R.D. Gosling и R.G.A. Feachem
2013 The changing epidemiology of malaria elimination: New strategies for new challenges. *The Lancet*, 382(9895):858.
- Crisp, N. и L. Chen
2014 Global supply of health professionals. *New England Journal of Medicine*, 370(10):950–957.
- Devakumar, D., N. Russell, L. Murphy, K. Wickramage, S.M. Sawyer и I. Abubakar
2018 Children and adolescents on the move: What does the Global Compact for Migration mean for their health? *The Lancet Child and Adolescent Health*, 3(2):64–66. Имеется по адресу [https://doi.org/10.1016/S2352-4642\(18\)30376-6](https://doi.org/10.1016/S2352-4642(18)30376-6).
- European Centre for Disease Prevention и Control
2018 Public health guidance on screening and vaccination for infectious diseases in newly arrived migrants within the EU/EEA. European Centre for Disease Prevention and Control, Stockholm.
- Fellmeth, G., K. Rose-Clarke, C. Zhao, L.K. Busert, Y. Zheng, A. Massazza, H. Sonmez, B. Eder, A. Blewitt, W. Lertgrai, M. Orcutt, K. Ricci, O. Mohamed-Ahmed, R. Burns, D. Knipe, S. Hargreaves, T. Hesketh, C. Opondo и D. Devakumar
2018 Health impacts of parental migration on left-behind children and adolescents: A systematic review and meta-analysis. *The Lancet*, 392(10164):2567–2582. Имеется по адресу [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(18\)32558-3](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(18)32558-3).
- Filges, T., E. Montgomery, M. Kastrup и A.-M.K. Jørgensen
2015 The impact of detention on the health of asylum seekers: A systematic review. *Campbell Systematic Reviews*, 11(1). Имеется по адресу <https://doi.org/10.4073/csr.2015.13>.
- Fortier, J.P.
2010 Migrant-sensitive health systems. In: Health of Migrants – *The Way Forward: Report of a Global Consultation*. WHO, Geneva, p. 61.
- Giorgi Rossi, P., F. Riccardo, A. Pezzarossi, P. Ballotari, M.G. Dente, C. Napoli, A. Chiarenza, C. Velasco Munoz, T. Noori и S. Declich
2017 Factors influencing the accuracy of infectious disease reporting in migrants: A scoping review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 14(7):720. Имеется по адресу <https://doi.org/10.3390/ijerph14070720>.
- Grabovschi, C., C. Loignon и M. Fortin
2013 Mapping the concept of vulnerability related to health care disparities: A scoping review. *BMC Health Services Research*, 13:94. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1186/1472-6963-13-94>.
- Graham, E., L. Jordan и B. Yeoh
2015 Parental migration and the mental health of those who stay behind to care for children in South-East Asia. *Social Science and Medicine*, 132:225–235.
- Griswold, K.S., K. Pottie, I. Kim, W. Kim и L. Lin
2018 Strengthening effective preventive services for refugee populations: Toward communities of solution. *Public Health Reviews*, 39:3. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1186/s40985-018-0082-y>.

- Guinto, R.L.L.R., U.Z. Curran, R. Suphanchaimat и N.S. Pocock
2015 Universal health coverage in 'One ASEAN': Are migrants included? *Global Health Action*, 8(1):25749. Имеется по адресу <https://doi.org/10.3402/gha.v8.25749>.
- Gushulak, B., J. Weekers и D.W. MacPherson
2009 Migrants in a globalized world – health threats, risks, and challenges: An evidence-based framework. *Emerging Health Threats Journal*, 2:e10. Published online 31 March 2010.
- Hacker, K., M. Anies, B.L. Folb и L. Zallman
2015 Barriers to health care for undocumented immigrants: A literature review. *Risk Management and Healthcare Policy*, 8:175–183. Имеется по адресу <https://doi.org/10.2147/RMHP.S70173>.
- Heslehurst, N., H. Brown, A. Pemu, H. Coleman и I. Rankin
2018 Perinatal health outcomes and care among asylum seekers and refugees: A systematic review of systematic reviews. *BMC Medicine*, 16:89. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1186/s12916-018-1064-0>.
- Hiam, L., S. Steele и M. McKee
2018 Creating a 'hostile environment for migrants': The British government's use of health service data to restrict immigration is a very bad idea. *Health Economics, Policy and Law*, 13(2):107–117.
- Ho, S., D. Javadi, S. Causevic, E.V. Langlois, P. Friberg и G. Tomson
2019 Intersectoral and integrated approaches in achieving the right to health for refugees on resettlement: A scoping review. *BMJ Open*, 9(7):e029407. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2019-029407>.
- Hui, C., J. Dunn, R. Morton, L.P. Staub, A. Tran, S. Hargreaves, C. Greenaway, B.A. Biggs, R. Christensen и K. Pottie
2018 Interventions to improve vaccination uptake and cost effectiveness of vaccination strategies in newly arrived migrants in the EU/EEA: A systematic review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 15(10):2065. Имеется по адресу <https://doi.org/10.3390/ijerph15102065>.
- Ingleby, D., R. Petrova-Benedict, T. Huddleston и E. Sanchez
2018 The MIPEX Health strand: A longitudinal, mixed-methods survey of policies on migrant health in 38 countries. *European Journal of Public Health*, 29(3):458–462. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1093/eurpub/cky233>.
- Международной организации труда (МОТ)
2015 *ILO Global Estimates on International Migrant Workers: Results and Methodology. Special Focus on Migrant Domestic Workers*. ILO, Labour Branch and Department of Statistics, Geneva. Имеется по адресу www.ilo.ch/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/publication/wcms_436343.pdf.
- 2018 *ILO Global Estimates on International Migrant Workers: Results and Methodology*. ILO, Labour Branch and Department of Statistics, Geneva. Имеется по адресу www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_652001.pdf.

Международной организацией по миграции (МОМ)

- 2004 *Migrant Health for the Benefit of All*. No. MC/INF/275. IOM, Geneva.
- 2008 *IOM, Migration and Health: IOM's Programmes and Perspectives: Towards a Multisectoral Approach*. Standing Committee on Programme and Finance, 2nd Session, SCPF/12. IOM, Geneva.
- 2013 *International Migration, Health and Human Rights*. IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/international-migration-health-and-human-rights>.
- 2016 *Recovering from the Ebola Crisis: IOM's Strategic Framework for Action 2015–2017*. Migration Health Research Portal. IOM, Geneva.
- 2017a *Summary Report on the MIPEX Health Strand and Country Reports*. IOM Migration Research Series, No. 52, Geneva. Имеется по адресу <https://doi.org/10.18356/c58c11aa-en>.
- 2017b *Migration Health Research to Advance Evidence Based Policy and Practice in Sri Lanka*. IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/migration-health-research-advance-evidence-based-policy-and-practice-sri-lanka>.
- 2017c *Health of Migrants: Resetting the Agenda*. Report of the 2nd Global Consultation. Colombo, Sri Lanka, 21–23 February 2017. IOM, Geneva.
- 2018 Migration of health workers. IOM factsheet. IOM, Geneva.

International Society for Social Pediatrics and Child Health (ISSOP), Migration Working Group

- 2018 ISSOP position statement on migrant child health. *Child: Care, Health and Development*, 44(1):161–170.

Iten, A.E., E.A. Jacobs, M. Lahiff и A. Fernández

- 2014 Undocumented immigration status and diabetes care among Mexican immigrants in two immigration “sanctuary” areas. *Journal of Immigrant and Minority Health*, 16(2):229–238.

Jensen, T.K., E.M. Skårdalsmo и K.W. Fjermestad

- 2014 Development of mental health problems – A follow-up study of unaccompanied refugee minors. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*, 8:29. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1186/1753-2000-8-29>.

Jitthai, N.

- 2013 Migration and malaria. *The Southeast Asian Journal of Tropical Medicine and Public Health*, 44(Suppl 1):166–200; discussion:306–307.

Juárez, S.P., H. Honkaniemi, A.C. Dunlavy, R.W. Aldridge, M.L. Barreto, S.V. Katikireddi и M. Rostila

- 2019 Effects of non-health-targeted policies on migrant health: A systematic review and meta-analysis. *The Lancet Global Health*, 7(4):420–435. Имеется по адресу [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(18\)30560-6](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(18)30560-6).

- Khan, M.S., A. Osei-Kofi, A. Omar, H. Kirkbride, A. Kessel, A. Abbara, D. Heymann, A. Zumla и О. Dar
2016 Pathogens, prejudice, and politics: The role of the global health community in the European refugee crisis. *The Lancet Infectious Diseases*, 16:e173–e177. Имеется по адресу [https://doi.org/10.1016/S1473-3099\(16\)30134-7](https://doi.org/10.1016/S1473-3099(16)30134-7).
- Kiss, L., N.S. Pocock, V. Naisanguansri, S. Suos, B. Dickson, D. Thuy, J. Koehler, K. Sirisup, N. Pongrungsee, V.A. Nguyen, R. Borland, P. Dhavan и С. Zimmerman
2015 Health of men, women, and children in post-trafficking services in Cambodia, Thailand, and Vietnam: An observational cross-sectional study. *The Lancet Global Health*, 3(3):e154–e161. Имеется по адресу [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(15\)70016-1](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(15)70016-1).
- Lee, A., F. Sim и P. Mackie
2018 Migration and health – Seeing past the hype, hysteria and labels. *Public Health*, 158:A1–A2. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2018.04.004>.
- Lönnroth, K., G.B. Migliori, I. Abubakar, L. D’Ambrosio, G. de Vries, R. Diel, P. Douglas, D. Falzon, M.-A. Gaudreau, D. Goletti, E.R. González Ochoa, P. LoBue, A. Matteelli, H. Njoo, I. Solovic, A. Story, T. Tayeb, M.J. van der Werf, D. Weil, J.-P. Zellweger, M. Abdel Aziz, M.R.M. Al Lawati, S. Aliberti, W. Arrazola de Oñate, D. Barreira, V. Bhatia, F. Blasi, A. Bloom, J. Bruchfeld, F. Castelli, R. Centis, D. Chemtob, D.M. Cirillo, A. Colorado, A. Dadu, U.R. Dahle, L. De Paoli, H.M. Dias, R. Duarte, L. Fattorini, M. Gaga, H. Getahun, P. Glaziou, L. Gogvadze, M. del Granado, W. Haas, A. Järvinen, G.-Y. Kwon, D. Mosca, P. Nahid, N. Nishikiori, I. Nogue, J. O’Donnell, A. Pace-Asciak, M.G. Pompa, G.G. Popescu, C. Robalo Cordeiro, K. Rønning, M. Ruhwald, J.-P. Sculier, A. Simunovic’, A. Smith-Palmer, G. Sotgiu, G. Sulis, C.A. Torres-Duque, K. Umeki, M. Uplekar, C. van Weezenbeek, T. Vasankari, R.J. Vitillo, C. Voniatis, M. Wanlin и M.C. Raviglione
2015 Towards tuberculosis elimination: An action framework for low-incidence countries. *European Respiratory Journal*, 45:928–952. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1183/09031936.00214014>.
- Lougarre, C.
2016 Using the right to health to promote universal health coverage. *Health and Human Rights Journal*, 18(2):35–48.
- Lu, Y. и A. Zhang
2016 The link between migration and health. In: *Handbook of Migration and Health* (F. Thomas, ed.). Edward Elgar Publishing, Cheltenham, pp. 19–43.
- Lynch, C. и C. Roper
2011 The transit phase of migration: Circulation of malaria and its multidrug-resistant forms in Africa. *PLoS Medicine*, 8:e1001040.
- Malhotra, R., C. Arambepola, S. Tarun, V. de Silva, J. Kishore и Т. Østbye
2013 Health issues of female foreign domestic workers: A systematic review of the scientific and gray literature. *International Journal of Occupational and Environmental Health*, 19(4):261–277. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1179/2049396713Y.0000000041>.
- Martinez, O., E. Wu, T. Sandfort, B. Dodge, A. Carballo-Dieiguez, R. Pinto, S.D. Rhodes, E. Мoya и S. Chavez-Baray
2015 Evaluating the impact of immigration policies on health status among undocumented immigrants: A systematic review. *Journal of Immigrant and Minority Health*, 17(3):947–970. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1007/s10903-013-9968-4>.

Migrating out of Poverty

2017 Thinking twice: Myths about migration.

Migration Policy Institute

2015 Promoting the Well-Being of Left-Behind Children of Asian Labor Migrants: Evidence for Policy and Action. Policy Briefs. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/research/promoting-health-left-behind-children-asian-labour-migrants-evidence-policy-and-action.

Mladovsky, P.

2013 Migrant health in the EU. In: *Disaggregated Data and Human Rights: Law, Policy and Practice*. The University of Essex Human Rights Centre Clinic, pp. 31–32.

Murty, O.P.

2009 Maid abuse. *Journal of Forensic and Legal Medicine*, 16:290–296. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1016/j.jflm.2008.12.020>.

Onarheim, K.H., A. Melberg, B.M. Meier и I. Miljeteig

2018 Towards universal health coverage: Including undocumented migrants. *BMJ Global Health*, 3(5):e001031. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2018-001031>.

Pindolia, D.K., A.J. Garcia, A. Wesolowski, D.L. Smith, C.O. Buckee, A.M. Noor, R.W. Snow и A.J. Tatem

2012 Human movement data for malaria control and elimination strategic planning. *Malaria Journal*, 11:205. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1186/1475-2875-11-205>.

Pottie, K., C. Hui, P. Rahman, D. Ingleby, E.A. Akl, G. Russell, L. Ling, K. Wickramage, D. Mosca и C.D. Brindis

2017 Building responsive health systems to help communities affected by migration: An international Delphi consensus. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 14(2):144. Имеется по адресу <https://doi.org/10.3390/ijerph14020144>.

Rechel, B., P. Mladovsky и W. Devillé

2012 Monitoring migrant health in Europe: A narrative review of data collection practices. *Health Policy*, 105(1):10–16.

Riccardo, F., M.G. Dente, T. Kärki, M. Fabiani, C. Napoli, A. Chiarenza, P. Giorgi Rossi, C.V. Munoz, T. Noori и S. Declich

2015 Towards a European framework to monitor infectious diseases among migrant populations: Design and applicability. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 12(9):11640–11661. Имеется по адресу <https://doi.org/10.3390/ijerph120911640>.

Robjant, K., R. Hassan и C. Katona

2009 Mental health implications of detaining asylum seekers: Systematic review. *The British Journal of Psychiatry*, 194(4):306–312. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1192/bjp.bp.108.053223>.

Sampson, R., V. Chew, G. Mitchell и L. Bowring

2015 *There Are Alternatives: A Handbook for Preventing Unnecessary Immigration Detention (Revised)*. International Detention Coalition, Melbourne.

- Senarath, U., K. Wickramage и S.L. Peiris
2014 Prevalence of depression and its associated factors among patients attending primary care settings in the post-conflict Northern Province in Sri Lanka: A cross-sectional study. *BMC Psychiatry*, 14:85. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1186/1471-244X-14-85>.
- Siriwardhana, C., B. Roberts и M. McKee
2017 Vulnerability and resilience. Thematic Discussion Paper. 2nd Global Consultation on Migration and Health. IOM, Geneva.
- Siriwardhana, C., K. Wickramage, S. Siribaddana, P. Vidanapathirana, B. Jayasekara, S. Weerawarna, G. Pannala, A. Adikari, K. Jayaweera, S. Pieris и A. Sumathipala
2015 Common mental disorders among adult members of 'left-behind' international migrant worker families in Sri Lanka. *BMC Public Health*, 15:299.
- Spallek, J., A. Reeske, H. Zeeb и O. Razum
2016 Models of migration and health. In: *Handbook of Migration and Health* (F. Thomas, ed.). Edward Elgar Publishing, Cheltenham, pp. 44–58.
- Suphanchaimat, R., K. Kantamaturapoj, W. Putthasri и P. Prakongsai
2015 Challenges in the provision of healthcare services for migrants: A systematic review through providers' lens. *BMC Health Services Research*, 15:390. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1186/s12913-015-1065-z>.
- Sweileh, W.M.
2018 Global research output in the health of international Arab migrants (1988–2017). *BMC Public Health*, 18:755. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1186/s12889-018-5690-4>.
- Sweileh, W.M., K. Wickramage, K. Pottie, C. Hui, B. Roberts, A.F. Sawalha и S.H. Zyoud
2018 Bibliometric analysis of global migration health research in peer-reviewed literature (2000–2016). *BMC Public Health*, 18:777. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1186/s12889-018-5689-x>.
- Thapa, D.K., D. Visentin, R. Kornhaber и M. Cleary
2018 Migration of adult children and mental health of older parents 'left behind': An integrative review. *PLoS One*, 13(10):e0205665.
- Thomas, F. (Ed.)
2016 *Handbook of Migration and Health*. Edward Elgar Publishing, Cheltenham.
- Trummer, U., S. Novak-Zezula, A. Renner и I. Wilczewska
2016 Cost analysis of health care provision for irregular migrants and EU citizens without insurance. Thematic study developed and implemented by Centre for Health and Migration, Vienna, under the overall guidance of IOM Migration Health Division at the Regional Office Brussels within the framework of the IOM/EC EQUI-HEALTH project "Fostering health provision for migrants, the Roma, and other vulnerable groups".
- Tulloch, O., F. Machingura и C. Melamed
2016 *Health, migration and the 2030 Agenda for Sustainable Development*. Overseas Development Institute, London.

UHC2030

- 2017 *Global Compact for progress towards universal health coverage*. UHC2030. Имеется по адресу www.uhc2030.org/our-mission/global-compact/.

Организация Объединенных Наций

- 2015 *Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года*. A/RES/70/1.

Vearey, J., M. Orcutt, L.O. Gostin, C. Adeola Braham и P. Duigan

- 2019 Building alliances for the global governance of migration and health. *British Medical Journal*, 366:l4143. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1136/bmj.l4143>.

White, L.C., M. Cooper и D. Lawrence

- 2019 Mental illness and resilience among sexual and gender minority refugees and asylum seekers. *British Journal of General Practice*, 69(678):10–11. Имеется по адресу <https://doi.org/10.3399/bjgp19X700349>.

Wickramage, K., R.G. Premaratne, S.L. Peiris и D. Mosca

- 2013 High attack rate for malaria through irregular migration routes to a country on verge of elimination. *Malaria Journal*, 12:276. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1186/1475-2875-12-276>.

Wickramage, K., M. De Silva и S. Peiris

- 2017 Patterns of abuse amongst Sri Lankan women returning home after working as domestic maids in the Middle East: An exploratory study of medico-legal referrals. *Journal of Forensic and Legal Medicine*, 45:1–6. <https://doi.org/10.1016/j.jflm.2016.11.001>.

Wickramage, K. и G. Annunziata

- 2018 Advancing health in migration governance, and migration in health governance. *The Lancet*, 392, 2528–2530. Имеется по адресу [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(18\)32855-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(18)32855-1).

Wickramage, K., L.O. Gostin, E. Friedman, P. Prakongsai, R. Suphanchaimat, C. Hui, P. Duigan, E. Barragan и D.R. Harper

- 2018a Missing: Where are the migrants in pandemic influenza preparedness plans? *Health and Human Rights Journal*, 20(1):251–258.

Wickramage, K., J. Vearey, A.B. Zwi, C. Robinson и M. Knipper

- 2018b Migration and health: A global public health research priority. *BMC Public Health*, 18:987.

Wild, V. и A. Dawson

- 2018 Migration: A core public health ethics issue. *Public Health*, Special issue on Migration: A global public health issue, 158:66–70. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2018.02.023>.

Winters, M., B. Rechel, L. de Jong и M. Pavlova

- 2018 A systematic review on the use of healthcare services by undocumented migrants in Europe. *BMC Health Services Research*, 18:30. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1186/s12913-018-2838-y>.

Wolffers, I., S. Verghis и M. Marin

2003 Migration, human rights, and health. *The Lancet*, 362(9400):2019–2020.

World Bank Group

2015 The Economic Impact of Ebola on Sub-Saharan Africa: Updated Estimates for 2015. World Bank, New York.

World Health Assembly

2008 World Health Assembly resolution 61.17: Health of migrants.

2017 World Health Assembly resolution 70.15: Promoting the health of refugees and migrants.

World Health Organization (WHO)

1946 Preamble to the Constitution of the World Health Organization as adopted by the International Health Conference, New York, 19–22 June, 1946; signed on 22 July 1946 by the representatives of 61 States (Official Records of the World Health Organization, No. 2:100) and entered into force on 7 April 1948.

2007 *The World Health Report 2007 – A Safer Future: Global Public Health Security in the 21st Century*. World Health Organization, Geneva.

2010a *The WHO Global Code of Practice on the International Recruitment of Health Personnel*. WHO, Geneva. Имеется по адресу www.who.int/hrh/migration/code/code_en.pdf?ua=1.

2010b *Health of Migrants – The Way Forward: Report of a Global Consultation*. Madrid, 3–5 March. WHO, Geneva.

2014 *Health in All Policies (HiAP) Framework for Country Action*. WHO, Geneva.

2015 *Global Technical Strategy for Malaria, 2016–2030*. WHO Global Malaria Programme, Geneva.

2017 *Promoting the Health of Refugees and Migrants*. Draft framework of priorities and guiding principles to promote the health of refugees and migrants. Report by the Secretariat. Seventieth World Health Assembly. Provisional agenda item 13.7. (No. A70/24). WHO, Geneva.

2019 *Promoting the Health of Refugees and Migrants*. Draft global action plan, 2019–2023. WHO, Geneva.

Глава 8

Aras, В. и S. Yasun

- 2016 The Educational Opportunities and Challenges of Syrian Refugee Students in Turkey: Temporary Education Centers and Beyond. IPC-Mercator Policy Brief, July.

Asylum Information Database (Aida)

- 2018 Country Report: Turkey. European Council on Refugees and Exiles, n.p.

Autorità garante per l'infanzia e l'adolescenza (AGIA)

- 2017 Minori stranieri non accompagnati: bando per diventare tutore volontario. AGIA, n.p. Имеется по адресу www.garanteinfanzia.org/news/minori-stranieri-non-accompagnati-bando-diventare-tutore-volontario.

Bernard van Leer Foundation

- 2013 Children of seasonal migrant workers. *Early Childhood Matters*, November. Имеется по адресу <https://bernardvanleer.org/publications-reports/children-of-seasonal-migrant-workers/>.

Bhabha, J.

- 2011 From citizen to migrant: The scope of child statelessness in the twenty-first century. In: *Children without a State: A Global Human Rights Challenge* (J. Bhabha, ed.). MIT Press, Cambridge, pp. 1–39.
- 2014 Targeting the right issue: Trafficked children and the human rights imperative. In: *Child Migration and Human Rights in a Global Age*, Princeton University Press, Princeton, pp. 137–174.

Bhabha, J. и M. Dottridge

- 2017 *Child Rights in the Global Compacts: Recommendations for protecting, promoting and implementing the human rights of children on the move in the proposed Global Compacts*. Имеется по адресу https://refugeesmigrants.un.org/sites/default/files/stocktaking_initiative_on_child_rights_in_the_global_compacts.pdf.

Bhabha, J., J. Kanics и D.H. Senovilla (eds.)

- 2018 *Research Handbook on Child Migration*. Edward Elgar, Cheltenham.

Bicocchi, L.

- 2011 Undocumented children in Europe: Ignored victims of immigration restrictions: A European overview of Belgium, France, Hungary, Italy, Malta, the Netherlands, Poland, Spain and the UK. In: *Children Without a State: A Global Human Rights Challenge* (J. Bhabha, ed.). MIT Press, Cambridge, MA, pp. 109–130.

Blitz, В.К.

- 2011 Neither seen nor heard: Compound deprivation among stateless children. In: *Children Without a State: A Global Human Rights Challenge* (Bhabha, J., ed.). MIT Press, Cambridge, pp. 43–66.

Bomquist, R. и R. Cincotta

- 2016 Myanmar's democratic deficit: Demography and the Rohingya dilemma. Stimson Spotlight, Washington, D.C.

- Campoy, A.
2016 Mexico has its own version of Donald Trump's border wall and it's just as controversial. *Quartz*, 13 September. Имеется по адресу <https://qz.com/778314/mexico-wants-to-stop-central-american-immigrants-from-boarding-la-bestia-train/>.
- Çelik, С. и А. İçduygu
2018 Schools and refugee children: The case of Syrians in Turkey. *International Migration*, 57(2):253–267.
- Chase, E.
2017 Health and wellbeing. Becoming Adult Research Brief No. 5, London. Имеется по адресу <https://becomingadultproject.files.wordpress.com/2017/12/ba-brief-5-low-res.pdf>.
- Chase, E. и N. Sigona
2017 Forced returns and protracted displacement. Becoming Adult Research Brief No. 7, London. Имеется по адресу <https://becomingadultproject.files.wordpress.com/2017/12/ba-brief-7-low-res.pdf>.
- Crea, T.M.
2018 Unaccompanied immigrant children are highly vulnerable. *Public Health Post*, n.p.
- Digidiki, V. и J. Bhabha
2017 *Emergency within an Emergency: The Growing Epidemic of Sexual Exploitation and Abuse of Migrant Children in Greece*. Harvard FXB Center for Health and Human Rights. Имеется по адресу <https://fxb.harvard.edu/2017/04/17/new-report-emergency-within-an-emergency-exploitation-of-migrant-children-in-greece/>.
- Dononi, A., A. Monsutti и G. Scalettaris
2016 *Afghans on the Move: Seeking Protection and Refuge in Europe*. The Graduate Institute Geneva, Global Migration Centre, Geneva.
- Dottridge, M. и O. Feneyrol
2007 Action to strengthen indigenous child protection mechanisms in West Africa to prevent migrant children from being subjected to abuse. Имеется по адресу http://lastradainternational.org/Isidocs/443%20dottridge_oct07.pdf.
- Dryden–Peterson, S., N. Dayya и E. Adelman
2017 Pathways to educational success among refugees: connecting locally and globally situated resources. *American Educational Research Journal*, 54(6):1011–1047.
- Ensor, M.O. и E.M. Goz'dziak (eds.)
2016 *Children and Forced Migration: Durable Solutions during Transient Years*. Palgrave Macmillan, n.p.
- Европейским союзом
2017а *EMN Ad-Hoc Query on Forced Returns to Afghanistan*. European Migration Network, n.p. Имеется по адресу https://emnbelgium.be/sites/default/files/publications/EMN-AHQ_2017.1230_-_Forced_returns_to_Afghanistan_COMPILATION_2017-11-08.pdf.

- 2017b Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. COM(2017) 211 final, European Commission, Brussels.
- 2018 *Compilation of Data, Situation, and Media Reports on Children in Migration*. European Commission, n.p. Имеется по адресу www.ec.europa.eu/newsroom/document.cfm?doc_id=40299.
- European Court of Human Rights
- n.d. Судебные решения, упомянутые в этой главе, можно найти в онлайн-овом репозитории документов Суда по адресу www.echr.coe.int/.
- Europol
- 2018 *Criminal Networks Involved in the Trafficking and Exploitation of Underage Victims in the European Union*. Doc Ref. No. 1001370, Europol, The Hague.
- Geissler O. и A. Laganju
- 2018 The challenge of strengthening the regional child protection system for children on the move in West Africa. In: *Research Handbook on Child Migration* (J. Bhabha, J. Kanics and D.H. Senovilla, eds.). Edward Elgar, Cheltenham, pp. 319–333.
- Government of Colombia
- 2018 *Informe final: Registro administrativo de migrantes venezolanos en Colombia*. Government of Colombia, Bogotá. Имеется по адресу www.refworld.org/es/pdfid/5b2957524.pdf.
- Harvard FXB Center for Health and Human Rights и Международной организацией по миграции (МОМ)
- 2019 *Returning Home: The Reintegration Challenges Facing Child and Youth Returnees from Libya to Nigeria*.
- Harvard FXB Center for Health and Human Rights и Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН)
- 2017 *Protecting Youth in Ecuador: An Assessment of Health and Wellbeing*. Harvard FXB Center for Health and Human Rights, Boston, MA.
- Human Rights Watch
- 2018a *Syria: Armed Group Recruiting Children in Camps*. Human Rights Watch, n.p. Имеется по адресу www.hrw.org/news/2018/08/03/syria-armed-group-recruiting-children-camps.
- 2018b “Like a Lottery”: Arbitrary Treatment of Unaccompanied Migrant Children in Paris. Human Rights Watch, n.p.
- Humphreys, M.
- 1994 *Empty Cradles*. Transworld Publishers, n.p.
- Inter-Agency Network of Education in Emergencies (INEE)
- 2018 *Abstract Summary: A Framework for Collaboration between Child Protection and Education in Humanitarian Contexts*. INEE, Nairobi.
- Inter-Agency Working Group to End Child Immigrant Detention
- n.d. *Ending Child Immigration Detention*. Имеется по адресу https://endchilddetention.org/wp-content/uploads/2016/09/IAWG_Advocacy-Brochure_Aug-2016_FINAL-web.pdf.

Inter-American Court of Human Rights

- 2014 *Advisory Opinion OC-21/14, Rights and Guarantees of Children in the Context of Migrant and/or in Need of International Protection*. OC-21/14, Inter-American Court of Human Rights, 19 August. Имеется по адресу www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_21_eng.pdf.

International Detention Coalition

- 2018 *Keeping Children Safe*. October, No. 3, International Detention Coalition, n.p. Имеется по адресу <https://idcoalition.org/wp-content/uploads/2018/10/Keeping-Children-Safe-IDC-Briefing-Paper-Oct-2018.pdf>.

Международной организацией по миграции (МОМ)

- 2016 *Global Migration Data Analysis Centre: Data Briefing Series*. Issue No. 5, September. IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/global-migration-data-analysis-centre-data-briefing-series-issue-no-5-september-2016>.
- 2017a *World Migration Report 2018* (M. McAuliffe and M. Ruhs, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/wmr/world-migration-report-2018.
- 2017b *Special Measures for the Evacuation of Migrant Children: A Reference Checklist*. IOM, Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/Children_Checklist_170412_FINAL.pdf.
- 2019 *Fatal Journeys, Volume 4*. IOM, Global migration Data Analysis Centre, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/fatal_journeys_4.pdf.

Kanics, J.

- 2018 *Realizing the rights of undocumented children in Europe, specifically Ireland*. In: *Children Without a State: A Global Human Rights Challenge* (J. Bhabha, ed.). MIT Press, Cambridge, MA, pp. 131–150.

Kara, S.

- 2009 *Sex Trafficking: Inside the Business of Modern Slavery*. Columbia University Press, New York.

Khadria, B.

- 1995 *Economic Strategies for Banishing Child Labour – Compulsory Primary Education, Specific vs. General Egalitarianism, and Innovation in Financial Instrument for Mobilization of Participation*. IED Discussion Paper Series, No. 68, Institute for Economic Development, Boston University, Boston.
- 1996 *Child-labour: Reform through a fiscal instrument*. *Economic and Political Weekly*, 31(30), 27 July.

Kohli, R.K.S.

- 2018 *Protection: Migrant children in institutional protection*. In: *Research Handbook on Child Migration* (J. Bhabha, J. Kanics and D.H. Senovilla, eds.). Edward Elgar, Cheltenham, pp. 381–396.

Копан, Т.

- 2018 *More than 14,000 immigrant children are in U.S. custody, an all-time high*. *San Francisco Chronicle*, 16 November. Имеется по адресу www.sfchronicle.com/nation/article/More-than-14-000-immigrant-children-are-in-U-S-13399510.php.

- Ní Raghallaigh, M.
 2018 The integration of asylum seeking and refugee children: Resilience in the face of adversity. In: *Research Handbook on Child Migration* (J. Bhabha, J. Kanics and D.H. Senovilla, eds.). Edward Elgar, Cheltenham, pp. 351–368.
- O'Donnell, R.
 2018 The role of the European Union in the protection of migrant children. In: *Research Handbook on Child Migration* (J. Bhabha, J. Kanics and D.H. Senovilla, eds.). Edward Elgar, Cheltenham, p. 132.
- Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR)
 2016 *Recommended Principles to Guide Actions concerning Children on the Move and Other Children Affected by Migration*. OHCHR, n.p.
- Peyroux, O.
 2018 Migrant children (including Roma children) from the Balkans and East Europe. In: *Research Handbook on Child Migration* (J. Bhabha, J. Kanics and D.H. Senovilla, eds.). Edward Elgar, Cheltenham, pp. 98–112.
- Ressler, E., N. Boothby и D. Steinbock
 1998 *Unaccompanied Children: Care and Protection in Wars, Natural Disasters and Refugee Movements*. Oxford University Press, Oxford.
- Rozzi, E.
 2018 Unaccompanied minors in Italy: Children or aliens? In: *Research Handbook on Child Migration* (J. Bhabha, J. Kanics and D.H. Senovilla, eds.). Edward Elgar, Cheltenham, pp. 241–259.
- Ruhani, R.A.
 2017 100,000 children of school-going age in the Rohingya camps. *Dhaka Tribune*, Dhaka.
- Save the Children
 2017 *Invisible Wounds: The Impact of Six years of War on the Mental Health of Syria's Children*. Save the Children, n.p.
- Save the Children, Plan International и World Vision International
 2018 *Childhood Interrupted: Children's Voices from the Rohingya Refugee Crisis*. Save the Children, n.p.
- Sigona, N., E. Chase и R. Humphris
 2017a Protecting the “best interests” of the child in transition to adulthood. *Becoming Adult Research Brief No. 3*, London. Имеется по адресу <https://becomingadultproject.files.wordpress.com/2017/12/ba-brief-3-low-res.pdf>.
- 2017b Understanding causes and consequences of going “missing”. *Becoming Adult Research Brief No. 6*, London. Имеется по адресу <https://becomingadultproject.files.wordpress.com/2017/12/ba-brief-6-low-res.pdf>.

Singleton, A.

- 2018 Data: Creating the empirical base for development of child migration policy and protection. In: *Research Handbook on Child Migration* (J. Bhabha, J. Kanics and D.H. Senovilla, eds.). Edward Elgar, Cheltenham, pp. 334–350.

Sirin, S.R. и L. Rogers-Sirin

- 2015 *The Educational and Mental Health Needs of Syrian Refugee Children*. Migration Policy Institute, n.p.

Smyth, C.

- 2018 The jurisprudence of the European Court of Human Rights relevant to child migrants. In: *Research Handbook on Child Migration* (J. Bhabha, J. Kanics and D.H. Senovilla, eds.). Edward Elgar, Cheltenham, pp. 140–156.

Strategic Executive Group

- 2018 *Joint Response Plan for Rohingya Humanitarian Crisis: Mid-Term Review*. Strategic Executive Group, n.p.

Suárez-Orozco C. и M. Suárez-Orozco

- 2018 Education: The experience of Latino immigrant adolescents in the United States. In: *Research Handbook on Child Migration* (J. Bhabha, J. Kanics and D.H. Senovilla, eds.). Edward Elgar, Cheltenham, pp. 397–415.

Sustainable Development Solutions Network (SDSN)

- 2019 Indicators and a Monitoring Framework. SDSN, n.p. Имеется по адресу <http://indicators.report/targets/10-7/>.

Swedish Migration Agency

- 2017 Asylum regulations. Имеется по адресу www.migrationsverket.se/English/Private-individuals/Protection-and-asylum-in-Sweden/Applying-for-asylum/Asylum-regulations.html.
- 2019 Tillfälliga lagen förlängs efter beslut i riksdagen. Имеется по адресу www.migrationsverket.se/Om-Migrationsverket/Pressrum/Nyhetsarkiv/Nyhetsarkiv-2019/2019-06-18-Tillfalliga-lagen-forlangs-efter-beslut-i-riksdagen.html.

Terrio, S.J.

- 2018 Undocumented Central American children in the United States. In: *Research Handbook on Child Migration* (J. Bhabha, J. Kanics and D.H. Senovilla, eds.). Edward Elgar, Cheltenham, pp. 427–446.

The Local

- 2017 Massive show of support for refugee youths protesting Sweden's Afghanistan deportations. *The Local*, Stockholm.

Theirworld

- 2017 700,000 Jordanian and Syrian refugee children to benefit from education funding boost. Theirworld. Имеется по адресу <https://theirworld.org/news/jordan-syrian-refugee-children-early-education-funding-boost-world-bank>.

- 2019 EU gives 100m euros to educate Syrian refugee children in Lebanon. 3 July. Имеется по адресу <https://theirworld.org/news/eu-gives-100m-euros-to-educate-syrian-refugee-children-in-lebanon>.
- Thronson, V.T.
2018 The impact of Special Immigrant Juvenile Status on access to protection of unaccompanied child migrants in the United States. In: *Research Handbook on Child Migration* (J. Bhabha, J. Kanics and D.H. Senovilla, eds.). Edward Elgar, Cheltenham, pp. 229–240.
- Timera, M.
2018 Child mobility from and within West African countries. In: *Research Handbook on Child Migration* (J. Bhabha, J. Kanics and D.H. Senovilla, eds.). Edward Elgar, Cheltenham, pp. 66–81.
- Организация Объединенных Наций
1989 Convention on the Rights of the Child. UNTS 1577 3, 20 November (entry into force: 2 September 1990).
- United Nations Children’s Fund (UNICEF)
2011 *Quelle protection pour les enfants concernés par la mobilité en Afrique de l’Ouest ? Nos positions et recommandations*. UNICEF. Имеется по адресу www.unicef.org/wcaro/french/Rapport_FR-web.pdf.
- 2013 *Children and Migration: Rights, Advocacy and Resilience*. Имеется по адресу www.unicef-irc.org/research/children-and-migration-rights-and-resilience/.
- 2016a *Broken Dreams. Central American Children’s Dangerous Journey to the United States*. UNICEF – Child Alert. Имеется по адресу [www.unicef.org/infobycountry/files/UNICEF_Child_Alert_Central_America_2016_report_final\(1\).pdf](http://www.unicef.org/infobycountry/files/UNICEF_Child_Alert_Central_America_2016_report_final(1).pdf).
- 2016b *Uprooted: The Growing Crisis for Refugee and Migrant Children*. UNICEF, New York. Имеется по адресу www.unicef.org/publications/files/Uprooted_growing_crisis_for_refugee_and_migrant_children.pdf.
- 2017a *A Child is a Child: Protecting Children on the Move from Violence, Abuse and Exploitation*. UNICEF, New York. Имеется по адресу www.unicef.org/publications/files/UNICEF_A_child_is_a_child_May_2017_EN.pdf.
- 2017b UNICEF Annual Report Libya. UNICEF: New York. Имеется по адресу www.unicef.org/about/annualreport/files/Libya_2017_COAR.pdf.
- 2018a *2018 EO: Evaluation of UNICEF’s Response to the Rohingya Refugee Crisis in Bangladesh*. Evaluation Report. UNICEF, Evaluation Office, New York. Имеется по адресу www.unicef.org/evaldatabase/index_103442.html.
- 2018b *Child Displacement*. Имеется по адресу <https://data.unicef.org/topic/child-migration-and-displacement/displacement/> (accessed 18 July 2019).
- UNICEF, МОМ, Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН), Eurostat и the Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)
2018 “A Call to Action: Protecting Children on the Move Starts with Better Data” (UN: New York).

Комитет по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей Организации Объединенных Наций
 2017 *Совместное замечание общего порядка № 3 (2017) Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 22 (2017) Комитета по правам ребенка об общих принципах, касающихся прав человека детей в контексте международной миграции.* [CMW/C/GC/3-CRC/C/GC/22](#), Организация Объединенных Наций, без издателя.

Комитет по правам ребенка Организации Объединенных Наций

2005 *Замечание общего порядка № 6 (2005): Обращение с несопровождаемыми и разлученными детьми за пределами страны их происхождения.* [CRC/GC/2005/6](#), Организация Объединенных Наций, без издателя.

2012 *Report of the 2012 Day of General Discussion: The Rights of All Children in the Context of International Migration.* United Nations.

Департаментом Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН)

2019a *International Migrant Stock 2019.* UN DESA, Population Division, New York. Имеется по адресу www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp (accessed 18 September 2019).

2019b *International Migration Stock 2019. Documentation.* POP/DB/MIG/Stoc/Rev.2019, UN DESA, Population Division, New York. Имеется по адресу www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/docs/MigrationStockDocumentation_2019.pdf.

Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций (ГА ООН)

2016 Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 19 сентября 2016 года. A/RES/71/1.

Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН)

1997 *Guidelines on Policies and Procedures in Dealing with Unaccompanied Children Seeking Asylum.* UNHCR, n.p.

2015 *Profiling Study of Unaccompanied or Separated Afghan Children Arriving in Sweden in 2015.* UNHCR, n.p.

2018 *Children on the Run: Unaccompanied Children Leaving Central America and Mexico and the Need for International Protection.* UNHCR, Washington, D.C.

2019a *Refugee Response in Bangladesh.* UNHCR, n.p.

2019b *Population Factsheet, UNHCR, Bangladesh, Cox's Bazar – as of 28 February 2019.* UNCHR, n.p. Имеется по адресу <https://data2.unhcr.org/en/documents/details/68229>.

United Nations Population Fund (UNFPA)

2018 *In Turkey, refugee child marriages drive adolescent pregnancies underground.* UNFPA, News, 26 July. Имеется по адресу www.unfpa.org/news/turkey-refugee-child-marriages-drive-adolescent-pregnancies-underground.

United States Appeals Court

1985 *Polovchak v. Meese*, 774 F.2d 731 (Seventh Circuit).

2000 *Gonzalez Ex Rel. Gonzalez v. Reno*, 86 F. Supp. 2d 1167.

Uyan-Semerci, P. и E. Erdoğan

2018 Who cannot access education? Difficulties of being a student for children from Syria in Turkey. *Vulnerable Children and Youth Studies*, 13(1):30–45.

Vacchiano, F.

2018 Desiring mobility: Child migration, parental distress and constraints on the future in North Africa. In: *Research Handbook on Child Migration* (J. Bhabha, J. Kanics and D.H. Senovilla, eds.). Edward Elgar, Cheltenham, pp. 82–97.

Watters, C. и I. Delyn

2018 Wellbeing: Refugee children's psychosocial wellbeing and mental health. In: *Research Handbook on Child Migration* (J. Bhabha, J., Kanics and D.H. Senovilla, eds.). Edward Elgar, Cheltenham, pp.369–380.

Глава 9

- Achandi E.L., G. Mujawamariya, A.R. Agboh-Noameshie, S. Gebremariam, N. Rahalivavololona и J. Rodenburg
2018 Women's access to agricultural technologies in rice production and processing hubs: A comparative analysis of Ethiopia, Madagascar and Tanzania. *Journal of Rural Studies*, 60:188–198.
- Adamo, S.B.
2008 Addressing environmentally induced population displacements: A delicate task. Background Paper for the Population-Environment Research Network Cyberseminar on “Environmentally Induced Population Displacements”. Имеется по адресу www.populationenvironmentresearch.org/pern_files/papers/sadamo_pern2008.pdf.
- Adams, H.
2016 Why populations persist: mobility, place attachment and climate change. *Population and Environment*, 37(4):429–448.
- Adger, W.N., N.W. Arnell, R. Black, S. Dercon, A. Geddes и D.S. Thomas
2015 Focus on environmental risks and migration: Causes and consequences. *Environmental Research Letters*, 10(6). Имеется по адресу <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1748-9326/10/6/060201/pdf>.
- Adger, W.N., J. Barnett, K. Brown, N. Marshall и K. O'Brien
2013 Cultural dimensions of climate change impacts and adaptation. *Nature Climate Change*, 3(2):112–117.
- Adger, W.N., R.S. de Campos и C. Mortreux
2018 Mobility, displacement and migration, and their interactions with vulnerability and adaptation to environmental risks. In: *Routledge Handbook of Environmental Displacement and Migration*. (R. McLeman and F. Gemenne, eds.). Routledge, London, pp. 29–41.
- Arnall, A.
2019 Resettlement as climate change adaptation: What can be learned from state-led relocation in rural Africa and Asia? *Climate and Development*, 11(3):253–263.
- Aryal, S., T.N. Maraseni и G. Cockfield
2014 Sustainability of transhumance grazing systems under socio-economic threats in Langtang, Nepal. *Journal of Mountain Science*, 11(4):1023–1034.
- Ash, J. и J. Campbell
2016 Climate change and migration: The case of the Pacific Islands and Australia. *Journal of Pacific Studies*, 36(1):53–72.
- Asian Development Bank (ADB)
2012 *Addressing Climate Change and Migration in Asia and the Pacific*. Final Report, ADB, Manila.
- Ayeb-Karlsson, S., C.D. Smith и D. Kniveton
2018 A discursive review of the textual use of “trapped” in environmental migration studies: The conceptual birth and troubled teenage years of trapped populations. *Ambio*, 47(5):557–573.

- Ayeb-Karlsson, S., K. van der Geest, I. Ahmed, S. Huq и K. Warner
 2016 A people-centred perspective on climate change, environmental stress, and livelihood resilience in Bangladesh. *Sustainability Science*, 11(4):679–694.
- Babagaliyeva, Z., A. Kayumov, N. Mahmadullozoda и N. Mustaeva
 2017 Migration, remittances and climate resilience in Tajikistan. Working Paper Part I. PRISE. Kazakhstan: The Regional Environmental Centre for Central Asia.
- Baldwin, A.
 2013 Racialisation and the figure of the climate change migrant. *Environment and Planning A: International Journal of Urban and Regional Research*, 45(6):1474–1490.
 2017 Resilience and race, or climate change and the uninsurable migrant: Towards an anthroporacial reading of “race”. *Resilience*, 5(2):129–143.
- Banerjee, S.
 2017 Understanding the effects of labour migration on vulnerability to extreme events in Hindu Kush Himalayas: Case studies from Upper Assam and Baoshan County. Unpublished doctoral thesis, University of Sussex, United Kingdom.
- Banerjee, S., R. Black, A. Mishra и D. Kniveton
 2018 Assessing vulnerability of remittance-recipient and non-recipient households in rural communities affected by extreme weather events: Case studies from south-west China and north-east India. *Population, Space and Place*, 25(2).
- Banerjee, S., S. Hussain, S. Tuladhar и A. Mishra
 2019 Building capacities of women for climate change adaptation: Insights from migrant-sending households in Nepal. *Climatic Change* 157:587–609.
- Banjade, M. R. и N.S. Paudel
 2008 Mobile pastoralism in crisis: Challenges, conflicts and status of pasture tenure in Nepal mountains. *Journal of Forest and Livelihood*, 7(1):49–57.
- Barnett, J. и C. McMichael
 2018 The effects of climate change on the geography and timing of human mobility. *Population and Environment*, 39(4):339–356.
- Barnett, J. R. и M. Webber
 2009 Accommodating migration to promote adaptation to climate change. The Commission on Climate Change and Development. Policy Research Working Paper 5270. The World Bank, Washington D.C.
- Baro, M. и T.F. Deubel
 2006 Persistent hunger: Perspectives on vulnerability, famine, and food security in sub-Saharan Africa. *Annual Review of Anthropology*, 35:521–538.
- Bettini, G.
 2013 Climate barbarians at the gate? A critique of apocalyptic narratives on “climate refugees”. *Geoforum*, 45: 63-72.

- 2014 Climate migration as an adaption strategy: Desecuritizing climate-induced migration or making the unruly governable? *Critical Studies on Security*, 2:180–195.
- Black, R. и M. Collyer
2014 Populations “trapped” at times of crisis. *Forced Migration Review*.
- Black, R., N. Adger, N. Arnell, S. Dercon, A. Geddes и D. Thomas
2011 Migration and global environmental change: Future challenges and opportunities. Final project report, The Government Office for Science, London. Имеется по адресу https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/287717/11-1116-migration-and-global-environmental-change.pdf.
- Brandt, R., R. Kaenzig и S. Lachmuth
2016 Migration as a risk management strategy in the context of climate change: Evidence from the Bolivian Andes. In: *Migration, Risk Management and Climate Change: Evidence and Policy Responses* (A. Milan, B. Schraven, K. Warner and N. Cascone, eds.). Springer, London, pp. 213–229.
- Brookings Institution и Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН)
2015 *Guidance on Protecting People from Disasters and Environmental Change through Planned Relocation*. Georgetown University, Brookings Institution, and UNHCR. Имеется по адресу www.unhcr.org/uk/protection/environment/562f798d9/planned-relocation-guidance-october-2015.html.
- Carson D., D. Bird, L. Bell и P. Yuhun
2014 Migration as adaptation to climate change for remote indigenous communities: What might we expect? The Northern Institute, Charles Darwin University, Isse No. 201406. Имеется по адресу www.cdu.edu.au/sites/default/files/research-brief-2014-6.pdf.
- Castles, S.
2010 Understanding global migration: A social transformation perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 36(10):1565–1586.
- Conferencia Suramericana sobre Migraciones (CSM), Международной организацией по миграции (МОМ) и Platform on Disaster Displacement (PDD)
2018 Lineamientos regionales en materia de protección y asistencia a personas desplazadas a través de fronteras y migrantes en países afectados por desastres de origen natural. CSM, IOM and PDD. Имеется по адресу <https://reliefweb.int/report/world/lineamientos-regionales-en-materia-de-proteccion-y-asistencia-personas-desplazadas-trav>.
- de Haas, H.
2012 The migration and development pendulum: A critical view on research and policy. *International Migration*, 50(3):8–25.
- Diagne, K.
2007 Governance and natural disasters: Addressing flooding in Saint Louis, Senegal. *Environment and Urbanization*, 19:552–562.

- Donato, K.M. и D.S. Massey
2016 Twenty-first-century globalization and illegal migration. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 666(1):7–26.
- El-Hinnawi, E.
1985 Environmental refugees. United Nations Environment Programme, Nairobi.
- Evertsen, K. и K. Van der Geest
2019 Gender, environment and migration in Bangladesh. *Climate and Development*. Имеется по адресу http://collections.unu.edu/eserv/UNU:7337/Gender_environment_and_migration_in_Bangladesh_META.pdf.
- Felli, R. и N. Castree
2012 Neoliberalising adaptation to environmental change: Foresight or foreclosure? *Environment and Planning A: International Journal of Urban and Regional Research*, 44(1):1–4.
- Garschagen, M. и S. Sandholz
2018 The role of minimum supply and social vulnerability assessment for governing critical infrastructure failure: Current gaps and future agenda. *Natural Hazards and Earth System Sciences*, 18(4):1233–1246.
- Gemenne, F.
2011 Why the numbers don't add up: A review of estimates and predictions of people displaced by environmental changes. *Global Environmental Change*, 21:S41–S49.
- General Economic Division (GED)
2015 *7th Five Year Plan FY 2016-FY 2020: Accelerating Growth, Empowering Citizens*. Planning Commission, Government of Bangladesh, Dhaka.
- Gentle, P. и R. Thwaites
2016 Transhumant pastoralism in the context of socioeconomic and climate change in the mountains of Nepal. *Mountain Research and Development*, 36(2):173–182.
- Goldsmith, M.
2015 The big smallness of Tuvalu. *Global Environment*, 8(1):134–151.
- Government of Fiji
2018 *Republic of Fiji's Planned Relocation Guidelines: A Framework to Undertake Climate Change Related Relocation*. Republic of Fiji, Ministry of Economy.
- Government of Kenya
2016 *Kenya National Adaptation Plan 2015–2030. Enhanced Climate Resilience Towards the Attainment of Vision 2030 and Beyond*. Government of Kenya.
- Grothmann, T. и A. Patt
2005 Adaptive capacity and human cognition: the process of individual adaptation to climate change. *Global Environmental Change*, 15(3):199–213.
- Hall, S.M.
2015 Migrant urbanisms: Ordinary cities and everyday resistance. *Sociology*, 49(5):853–869.

Hill, A., C. Minbaeva, A. Wilson и R. Satylkanov

- 2017 Hydrologic controls and water vulnerabilities in the Naryn River Basin, Kyrgyzstan: A socio-hydro case study of water stressors in Central Asia. *Water*, 9(5):325.

Hugo, G.

- 1996 Environmental Concerns and International Migration. *International Migration Review*, 30(1):105–131.
- 2011 Future demographic change and its interactions with migration and climate change. *Global Environmental Change*, 21:S21–S33.

Inter-American Development Bank (IADB), International Fund for Agricultural Development (IFAD), World Food Programme (WFP), Международной организацией по миграции (МОМ) и Organization of American States (OAS)

- 2017 *Food Security and Emigration: Why People Flee and the Impact on Family Members Left Behind in El Salvador, Guatemala and Honduras*. IADB, IFAD, WFP, IOM and OAS. Имеется по адресу https://docs.wfp.org/api/documents/WFP-0000022124/download/?_ga=2.95495900.118707534.1565861292-1209066283.1565861292.

Центром наблюдения за процессами внутреннего перемещения (ЦНВП)

- 2016 *Global Report on Internal Displacement 2016*. IDMC, Geneva.
- 2019 *Global Report on Internal Displacement 2019*. IDMC, Geneva.

Ingti, T. и K.S. Bawa

- 2012 Climate change and indigenous peoples. In: *Climate Change in Sikkim Patterns – Impacts and Initiatives* (M.L. Arrawatia and S. Tambe, eds.). Information and Public Relations Department, Government of Sikkim, Gangtok.

Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК)

- 2014 *Climate Change 2014: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Part A: Global and Sectoral Aspects. Contribution of Working Group II to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Cambridge University Press, Cambridge and New York.

International Centre for Climate Change and Development (ICCCAD)

- 2018 Building climate-resilient, migrant-friendly cities and towns. ICCCAD Policy Brief. Имеется по адресу www.icccad.net/wp-content/uploads/2018/10/Policy-Brief-on-Climate-Migration-and-Cities.pdf.

Международной организацией по миграции (МОМ)

- 2007 *Migration and the Environment*. Discussion Note: MC/INF/288, prepared for the Ninety- fourth Session of the IOM Council, Geneva, 27–30 November.
- 2014 West Africa: Promoting sustainable land management in migration prone areas through innovative financing mechanisms. Project Brochure. Имеется по адресу https://italy.iom.int/sites/default/files/news-documents/Brochure_%20English.pdf.

- 2016 *The Climate Change-Human Trafficking Nexus*. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/mecc_infosheet_climate_change_nexus.pdf.
- 2017 *Making Mobility Work for Adaptation to Environmental Changes: Results from the MECLEP Global Research*. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/meclep_comparative_report.pdf.
- 2018 *Mapping Human Mobility and Climate Change in Relevant National Policies and Institutional Frameworks*. The Warsaw International Mechanism for Loss and Damage Associated with Climate Change Impacts. Task Force on Displacement, Activity I.1. Имеется по адресу <https://unfccc.int/sites/default/files/resource/20180917%20WIM%20TFD%20I.1%20Output%20final.pdf>.
- MOM и United Nations Convention to Combat Desertification (UNCCD)
- 2019 *Addressing the Land Degradation–Migration Nexus: The Role of the United Nations to Combat Desertification*. IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://environmentalmigration.iom.int/sites/default/files/IOM%20UNCCD%20Desertification%202019%20FINAL.pdf>.
- MOM и World Food Programme (WFP)
- 2016 *Hunger without Borders: The Hidden Links between Food Insecurity, Violence and Migration in the Northern Triangle of Central America*. IOM, WFP, London School of Economics and Political Science and Organization of American States. Имеется по адресу <https://environmentalmigration.iom.int/hunger-without-borders-hidden-links-between-food-insecurity-violence-and-migration-northern-triangle>.
- Ionesco, D., D. Mokhnacheva и F. Gemenne
- 2017 *The Atlas of Environmental Migration*. Routledge, Abingdon.
- Ionesco, D. и M. Traore Chazalnoel
- 2018 *10 Key Takeaways from the GCM on Environmental Migration*. Environmental Migration Portal, IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://environmentalmigration.iom.int/10-key-takeaways-gcm-environmental-migration>.
- Jones L. и E. Boyd
- 2011 Exploring social barriers to adaptation: Insights from Western Nepal. *Global Environmental Change*, 21:1262–1274.
- Joshi, S., W.A. Jasta, M. Ismail, R.M. Shrestha, S.L. Yi и N. Wu
- 2013 Herders' perceptions of and responses to climate change in Northern Pakistan. *Environmental Management*, 52(3):639–648.
- Kelman, I., R. Stojanov, S. Khan, O.A. Gila, B. Duz и D. Vikhrov
- 2015 Viewpoint paper. Islander mobilities: Any change from climate change? *International Journal of Global Warming*, 8:584–602.
- King, M.
- 2017 A tribe faces rising tides: The resettlement of Isle de Jean Charles. *LSU Journal of Energy Law & Resources*, 6:295.

- Kirch, P.V.
2017 *On the Road of the Winds: An Archaeological History of the Pacific Islands before European Contact*. University of California Press, Berkeley.
- Le De, L., J.C. Gaillard и W. Friesen
2013 Remittances and disaster: A review. *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 4:34–43.
- Liu, W., C. Yang, Y. Liu, C. Wei и X. Yang
2018 Impacts of concentrated rural resettlement policy on rural restructuring in upland areas: A case study of Qiantang Town in Chongqing, China. *Land Use Policy*, 77:732–744.
- Madgwick, F.J., R. Oakes, F. Pearce и R.E. Tharme
2017 Water shocks: Wetlands and human migration in the Sahel. Wetlands International. Имеется по адресу www.wetlands.org/publications/water-shocks-wetlands-human-migration-sahel/.
- Maldonado, J.K., C. Shearer, R. Bronen, K. Peterson и H. Lazrus
2013 The impact of climate change on tribal communities in the US: Displacement, relocation, and human rights. In: *Climate Change and Indigenous Peoples in the United States* (J.K. Maldonado, B. Colombi and R. Pandya, eds.). Springer, Cham, pp. 93–106.
- McLeman, R.
2016 Migration as adaptation: Conceptual origins, recent developments, and future directions. In: *Migration, Risk Management and Climate Change: Evidence and Policy Responses* (A. Milan, B. Schraven, K. Warner and N. Cascone, eds.). Springer, London, pp. 213–229.
2018 Thresholds in climate migration. *Population and Environment*, 39(4):319–338.
- McLeman, R. и B. Smit
2003 Climate change, migration and security. Canadian Security Intelligence Service, Research, Analysis and Production Branch Commentary No. 86.
- Moktan, M. R., L. Norbu, H. Nirola, K. Dukpa, T.B. Rai и R. Dorji
2008 Ecological and social aspects of transhumant herding in Bhutan. *Mountain Research and Development*, 28(1):41–48.
- Myers, N.
1993 Environmental refugees in a globally warmed world. *BioScience*, 43(11):752161.
- Namgay, K., J.E. Millar, R.S. Black и T. Samdup
2014 Changes in transhumant agro-pastoralism in Bhutan: A disappearing livelihood? *Human Ecology*, 42(5):779–792.
- Nansen Initiative
2015 *Agenda for the Protection of Cross-Border Displaced Persons in the Context of Disasters and Climate Change Protection*. Volume 2, Nansen Initiative.
- National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine (NASEM)
2016 *Attribution of Extreme Weather Events in the Context of Climate Change*. National Academies Press.

- Nawrotzki, R.J., J. DeWaard, M. Bakhtsiyarava и J.T. Ha
 2017 Climate shocks and rural-urban migration in Mexico: Exploring nonlinearities and thresholds. *Climatic Change*, 140(2):243–258.
- Nawrotzki, R.J., F. Riosmena и L.M. Hunter
 2013 Do rainfall deficits predict U.S.-bound migration from rural Mexico? Evidence from the Mexican census. *Population Research and Policy Review*, 32(1):129–158.
- Oakes, R.
 2019 Culture, climate change and mobility decisions in Pacific Small Island Developing States. *Population and Environment*. 40(4):480–503.
- Oakes, R., A. Milan и J. Campbell
 2016 Kiribati: Climate change and migration - Relationships between household vulnerability, human mobility and climate change. Report No.20, United Nations University Institute for Environment and Human Security (UNU-EHS), Bonn.
- Ouedraogo, I., N.S. Diouf, M. Ouédraogo, O. Ndiaye и R.B. Zougmore
 2018 Closing the gap between climate information producers and users: Assessment of needs and uptake in Senegal. *Climate*, 6:13.
- Platform on Disaster Displacement (PDD)
 2016 *Strategic Framework 2016–2019*. PDD. Имеется по адресу <https://environmentalmigration.iom.int/sites/default/files/policy/PDD/PDD%20-%20Strategic%20Framework%202016-2019%20%28FINAL%29.pdf>.
- 2019 *Platform on Disaster Displacement (PDD) Strategy 2019-2022*. PDD. Имеется по адресу https://disasterdisplacement.org/wp-content/uploads/2019/06/26062019-PDD-Strategy-2019-2022-FINAL_to_post_on_website.pdf.
- Penning-Rowsell, E.C., P. Sultana и P.M. Thompson
 2013 The “last resort”? Population movement in response to climate-related hazards in Bangladesh. *Environmental Science and Policy*, 27:S44–S59.
- Piguet, E., R. Kaenzig и J. Guélat
 2018 The uneven geography of research on “environmental migration”. *Population and Environment*, 39(4):357–383.
- Ransan-Cooper, H., C. Farbotko, K.E. McNamara, F. Thornton и E. Chevalier
 2015 Being(s) framed: The means and ends of framing environmental migrants. *Global Environmental Change*, 35:106–115.
- Resurrección B.P., C.G. Goodrich, Y. Song, A. Bastola, A. Prakash, D. Joshi, J. Liebrand и S.A. Shah
 2019 In the shadows of the Himalayan mountains: Persistent gender and social exclusion development. In: *The Hindu Kush Himalaya Assessment* (P. Wester, A. Mishra, A. Mukherji and A. Bhakta Shrestha, eds.). Springer, London.

- Ribot, J.C.
2011 Vulnerability before adaptation: Toward transformative climate action. *Global Environmental Change*, 21:1160–1162.
- Rigaud, K.K., A. de Sherbinin, B. Jones, J. Bergmann, V. Clement, K. Ober, J. Schewe, S. Adamo, B. McCusker, S. Heuser и A. Midgley
2018 *Groundswell: Preparing for Internal Climate Migration*. World Bank Group, Washington, D.C.
- Shaoliang, Y., M. Ismail и Y. Zhaoli
2012 *Pastoral Communities' Perspectives on Climate Change and Their Adaptation Strategies in the Hindukush-Karakoram-Himalaya*. Springer, Dordrecht.
- Shen, S. и F. Gemenne
2011 Contrasted views on environmental change and migration: The case of Tuvaluan migration to New Zealand. *International Migration*, 49:e224–e242.
- Sherwood, A., M. Bradley, L. Rossi, R. Guiam и B. Mellicker
2015 *Resolving post-disaster displacement: Insights from the Philippines after Typhoon Haiyan (Yolanda)*. Brookings Institution.
- Shivakoti, R.
2019 When disaster hits home: Diaspora engagement after disasters. *Migration and Development*, 8(3):338–354.
- Siddiqui, T., R.B. Bhagat, S. Banerjee, C. Liu, B. Sijapati, R. Memon, P. Thinley, M. Ito, O. Nemat и G.M. Arif
2019 Migration in the HKH region: Governance, drivers, and consequences In: *The Hindu Kush Himalaya Assessment* (P. Wester, A. Mishra, A. Mukherji and A. Bhakta Shrestha, eds.). Springer, London.
- Sierra Club
2018 Women on the move in a changing climate: A discussion paper on gender, climate & mobility. Sierra Club & UN Women. Имеется по адресу www.sierraclub.org/sites/www.sierraclub.org/files/uploads-wysiwig/Women%20On%20The%20Move%20In%20A%20Changing%20Climate%20report.pdf.
- Singh C., H. Osbahr и P. Dorward
2018 The implications of rural perceptions of water scarcity on differential adaptation behaviour in Rajasthan. India. *Regional Environmental Change*, 18:2417–2432.
- Stern, N., S. Peters, V. Bakhshi, A. Bowen, C. Cameron, S. Catovsky, D. Crane, S. Cruickshank, S. Dietz и N. Edmonson
2006 *Stern Review: The Economics of Climate Change*. Vol. 30, HM treasury, London.
- Uekusa, S. и S. Matthewman
2017 Vulnerable and resilient? Immigrants and refugees in the 2010–2011 Canterbury and Tohoku disasters. *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 22:355–361.
- Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКИКООН)
2010 *Cancun Climate Change Conference*. UNFCCC. Имеется по адресу http://unfccc.int/meetings/cop_16/items/5571.php.

- 2013 *Доклад Конференции Сторон о работе ее девятнадцатой сессии*, состоявшейся в Варшаве с 11 по 23 ноября 2013 года. Имеется по адресу <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G14/601/54/pdf/G1460154.pdf?OpenElement>.
- 2015 *Принятие Парижского соглашения*. Двадцать первая сессия Конференции Сторон РКИКООН (КС 21), FCCC/CP/2015/L.9, 13 декабря. Имеется по адресу <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G15/283/09/pdf/G1528309.pdf?OpenElement>.
- 2017 *Workplan of the Task Force on Displacement*. Executive Committee of the Warsaw International Mechanism, May. Имеется по адресу http://unfccc.int/sites/default/files/tfd_workplan.pdf.
- 2018 *Проект решения -/CP.24. Доклад Исполнительного комитета Варшавского международного механизма по потерям и ущербу в результате воздействий изменения климата*. Проект выводов. Имеется по адресу <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G18/357/31/pdf/G1835731.pdf?OpenElement>.
- Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций (ГА ООН)
- 2018 *Проект итогового документа Конференции*. Межправительственная конференция для принятия глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. 30 июля. A/CONF.231/3.
- Van der Geest, K.
- 2011 *The Dagara farmer at home and away: Migration, environment and development in Ghana*. African Studies Centre, Leiden.
- Van der Geest, K., M. Burkett, J. Fitzpatrick, M. Stege и B. Wheeler
- 2019 *Marshallese perspectives on migration in the context of climate change*. IOM Policy Brief. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/policy_brief_series_vol5_issue1.pdf.
- Voigt-Graf, C. и S. Kagan
- 2017 *Migration and labour mobility from Kiribati*. Development Policy Centre Discussion Paper, No. 56.
- Warner, K.
- 2018 *Coordinated approaches to large-scale movements of people: contributions of the Paris Agreement and the Global Compacts for migration and on refugees*. *Population and Environment*, 39(4):384–401.
- Warner, K. и T. Afifi
- 2014 *Where the rain falls: Evidence from 8 countries on how vulnerable households use migration to manage the risk of rainfall variability and food insecurity*. *Climate and Development*, 6(1):1–17.
- Zickgraf, C.
- 2018 *“The fish migrate and so must we”: The relationship between international and internal environmental mobility in a Senegalese fishing community*. *Medzinarodne vzťahy (Journal of International Relations)*, 16(1):5–21.

Глава 10

Aghazarm, C., P. Quesada и S. Tishler

2012 *Migrants Caught in Crisis: The IOM Experience in Libya*. IOM, Geneva.

Alfred, C.

2016 South African website to crowdsource reports of xenophobic violence. *News Deeply, Refugees Deeply*, 29 August.

Armed Conflict Location and Event Data Project (ACLED)

2019 Data Export Tool. Имеется по адресу www.acleddata.com/data/ (accessed 19 July 2019).

Battistella, G.

2012 Multi-level policy approach in the governance of labor migration: Considerations from the Philippine experience. *Asian Journal of Social Science*, 40(4):419–446.

Bravi, A., A. Trupp, K. Schaur, T. Sakulsri, R. Tadee, K. Apipornchaisakul и S. Punpuing

2017 *Thailand Case Study: Migration and Natural Disasters – The Impact on Migrants of the 2011 Floods in Thailand*. International Centre for Migration Policy Development (ICMPD), Vienna.

Global Migration Group

2017 *Handbook for Improving the Production and Use of Migration Data for Development*. Global Knowledge Partnership for Migration and Development (KNOMAD), World Bank, Washington, D.C. Имеется по адресу <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Handbook%20for%20Improving%20the%20Production%20and%20Use%20of%20Migration%20Data%20for%20Development.pdf>.

Government of India

2012 Revised Indian Community Welfare Fund (ICWF) Scheme in Indian Missions Abroad. Decree no. F.No.OI-1101211412012-EP-1. Ministry of Overseas Indian Affairs. Имеется по адресу www.mea.gov.in/images/pdf/revised-icwf.pdf.

Government of the Philippines

2011 Creating the Overseas Preparedness and Response Team and Replacing the Presidential Middle East Preparedness Committee. Executive Order No. 34. Имеется по адресу www.lawphil.net/executive/execord/eo2011/eo_34_2011.html.

Guadagno, L.

2015 Reducing migrants' vulnerabilities to natural disasters through disaster risk reduction measures. Issue Brief 1: Migrants in Countries in Crisis (MICIC) Initiative.

Hendow, M., A. Bravi, A. Kraler, R.N. Pailey, B. Perchinig, K. Schaur, O. Bakewell, J. Peebles и L. Rasche

2018 *Resilience in the Face of Adversity: A Comparative Study of Migrants in Crisis Situations*. International Centre for Migration Policy Development (ICMPD), Vienna. Имеется по адресу www.researchgate.net/publication/324971049_Resilience_in_the_Face_of_Adversity_A_Comparative_Study_of_Migrants_in_Crisis_Situations.

Hui, C.

2019 Key informant interview conducted on 29 January 2019.

Inter-Agency Standing Committee (IASC)

- 2018 *Inform Global Risk Index: Results 2018*. Имеется по адресу www.inform-index.org/Portals/0/InfoRM/2018/INFORM%20Annual%20Report%202018%20Web%20Spreads%20v2.pdf?ver=2017-12-20-141446-540).

International Centre for Migration Policy Development (ICMPD)

- 2017 *Policy Recommendations: One Year of Implementation of the Migrants in Countries in Crisis Initiative: How Can Lessons Learnt Inform the Global Compacts?* ICMPD, Vienna. Имеется по адресу www.icmpd.org/fileadmin/user_upload/MICIC_Policy_Recommendations_for_the_GCM_-_Dec_2017.pdf.

Международной организацией по миграции (МОМ)

- 2016 *Forging Partnerships for the Future: IOM and the Private Sector*. IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/forging-partnership-future-iom-and-private-sector>.
- 2018 *Mixed Migration Routes: Central America incl. Mexico*. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://missingmigrants.iom.int/sites/default/files/Mixed_migration_routes_Central_America_incl_Mexico_1.pdf.
- 2019 *Libya's Migrant Report: Round 23, November–December 2018*. IOM, Displacement Tracing Matrix. Имеется по адресу <https://migration.iom.int/reports/libya-%E2%80%94migrant-report-23-nov-dec-2018>.
- n.d. MigApp. IOM, Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/migapp.

Khadria, B.

- 2009 The future of South Asian migration: A look at India, Pakistan and Bangladesh. *OECD Journal: General Papers*, 2009(4):26–49.

Kleist, N.

- 2017 Disrupted migration projects: The moral economy of involuntary return to Ghana from Libya. *Africa*, 87(2):322–42.

Mainwaring, C.

- 2012 In the face of revolution: The Libyan civil war and migration politics in Southern Europe. In: *Change and Opportunities in the Emerging Mediterranean* (S. Calleya and M. Wohlfeld, eds.). Malta University Press, Malta, pp. 431–451.

Make the Road New York

- 2012 *Unmet Needs: Superstorm Sandy and Immigrant Communities in the Metro New York Area*. Make the Road New York. Имеется по адресу <https://maketheroadny.org/unmet-needs-superstorm-sandy-and-immigrant-communities-in-the-metro-new-york-area/>.

Mansour-Ille, D. и M. Hendor

- 2017 *Lebanon Case Study: Migrant Domestic Workers and the 2006 Crisis*. International Centre for Migration Policy Development (ICMPD), Vienna.

- 2018 From exclusion to resistance: Migrant domestic workers and the evolution of agency in Lebanon. *Journal of Immigrant and Refugee Studies*, 16(4):449–469.
- Martin, S.
- 2016 New models of international agreement for refugee protection. *Journal on Migration and Human Security*, 4(3):60–75.
- Martin, S., S. Weerasinghe и A. Taylor
- 2014 *Humanitarian Crises and Migration: Causes, Consequences and Responses*. First edition, Abingdon, Oxon; Routledge, New York.
- Martinez, K.M.
- 2017 Hidden in the ashes: Migrant farmworkers are invisible during California fires. Blog post published by MICIC, 29 December. Имеется по адресу <https://micicinitiative.iom.int/blog/hidden-ashes-migrant-farmworkers-are-invisible-during-california-wildfires>.
- Martinez, K.M., A. Hoff и A. Núñez-Alvarez
- 2009 *Coming Out of the Dark: Emergency Preparedness Plan for Farmworker Communities in San Diego County*. Vista Community Clinic. Имеется по адресу www.cidrap.umn.edu/sites/default/files/public/php/27048/Coming%20Out%20of%20the%20Dark_0.pdf.
- Инициатива «Мигранты в странах, испытывающих кризис» (МИСИК)
- 2015 Background Paper: Migrants in Countries in Crisis Initiative. IGC Plus Consultation. Имеется по адресу https://micicinitiative.iom.int/sites/default/files/publications/cover/background-paper_igc-plus-consultation.pdf.
- 2016 *Руководящие положения по защите мигрантов в странах, переживающих конфликт или стихийное бедствие*. Секретариат МИСИК, МОМ, Женева. Имеется по адресу https://micicinitiative.iom.int/sites/default/files/document/micic_guidelines_russian_web_17_10_2016.pdf.
- 2017 *Migrants in Disaster Risk Reduction: Practices for Inclusion*. IOM and the Council of Europe. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/migrants-disaster-risk-reduction-practices-inclusion>.
- Multicultural Development Association of Queensland
- 2011 *Queensland Floods Commission Inquiry of 2011*. Multicultural Development Association of Queensland.
- Munier, A.
- 2017 Supporting Bangladeshi migrants returning from Libya. MICIC. Имеется по адресу <https://micicinitiative.iom.int/blog/supporting-bangladeshi-migrants-returning-libya>.
- New York Women's Foundation
- 2015 *Mapping Pathways to Recovery in the Shadow of Hurricane Sandy*. New York Women's Foundation.

- Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR)
 2018 *Principles and Guidelines, Supported by Practical Guidance, on the Human Rights Protection of Migrants in Vulnerable Situations*. Имеется по адресу www.ohchr.org/Documents/Issues/Migration/PrinciplesAndGuidelines.pdf.
- Ogie, R., J. Castilla Rho, R.J. Clarke и A. Moore
 2018 Disaster risk communication in culturally and linguistically diverse communities: The role of technology. *Proceedings*, 2:1256.
- Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Eurostat
 2018 *Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation, 4th Edition: The Measurement of Scientific, Technological and Innovation Activities*. OECD Publishing, Paris/Eurostat, Luxembourg. Имеется по адресу <https://doi.org/10.1787/9789264304604-en>.
- Pailey, R.N., L. Kandilige, J. Suah Shilue и M. Zongo
 2016 *Côte d'Ivoire Case Study: Côte d'Ivoire at a Crossroads – Socio-economic Development Implications of Crisis-induced Returns to Burkina Faso, Ghana and Liberia*. International Centre for Migration Policy Development (ICMPD), Vienna.
- Perchinig, B., L. Rasche и K. Schaur
 2017 *Humanitarian Aid and Civil Protection Policies in the European Union and the MICIC Agenda*. International Centre for Migration Policy Development (ICMPD), Vienna.
- Samuel Hall
 2018 *DEMAC – Creating Opportunities to Work with Diasporas in Humanitarian Settings*.
- Shaw, L.
 2018 Intensifying focus on migrant returns takes a more global stage. Migration Policy Institute, 14 December. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/top-10-2018-issue-6-focus-on-migrant-returns.
- Shepherd, J. и K. Van Vuuren
 2014 The Brisbane flood: Culturally and linguistically diverse (CALD) gatekeepers' risk communication role. *Disaster Prevention and Management*, 23(4).
- Teves, O.
 2012 Filipinos flee war in Syria with tales of horror. *The Times of Israel*, 12 September.
- Translators Without Borders
 2017a *Putting Language on the Map in the European Refugee Response*.
 2017b TWB's response in Nigeria. Имеется по адресу <https://translatorswithoutborders.org/twb-response-nigeria/>.
- Департаментом Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН)
 2019 *International Migrant Stock 2019*. UN DESA Population Division, New York. Имеется по адресу www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp.

Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН)

- 2018 *Индексы и индикаторы человеческого развития: обновленные статистические данные 2018*. ПРООН, Нью-Йорк. Имеется по адресу http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf.

Управление Организации Объединенных Наций по снижению риска бедствий (УСРБ ООН)

- 2015 *Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015–2030 гг.* Имеется по адресу www.preventionweb.net/files/43291_russiansendaiframeworkfordisasterri.pdf.
- 2019 Global Risk Data Platform. Имеется по адресу <https://preview.grid.unep.ch/>.

United States Geological Survey (USGS)

- 2019 ANSS Comprehensive Earthquake Catalogue (ComCat) Documentation. Имеется по адресу <https://earthquake.usgs.gov/data/comcat/index.php#6>.

Veerassamy, L.

- 2017 IOM Djibouti – Assisting migrants evacuated from the Yemen crisis. Migrants in Countries in Crisis (MICIC) Initiative. Blog post published by MICIC. Имеется по адресу <https://micicinitiative.iom.int/blog/iom-djibouti-assisting-migrants-evacuated-yemen-crisis>.

Warren, M.

- 2018 Consular rights of foreign nationals: International norms. Имеется по адресу <http://users.xplornet.com/~mwarren/norms.htm>.

Wickramage, K.P.

- 2019 Key informant interview conducted on 1 January 2019.

Zampagni, F., H. Boubakri, R. Hoinathy, L. Kandilige, H. Manou Nabara, S. Sadek, M. El Sayeh, M. Zongo и M. Hindow

- 2017 *Libya Case Study: An Unending Crisis – Responses of Migrants, States and Organisations to the 2011 Libya Crisis*. International Centre for Migration Policy Development (ICMPD), Vienna.

Глава 11

Akesson, В. и К. Coupland

- 2018 Without choice? Understanding war-affected Syrian families' decisions to leave home. Migration Research Series No. 54, IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/mrs-no-54-without-choice-understanding-war-affected-syrian-families-decisions-leave-home>.

Aleinikoff, А. и S. Martin

- 2018 Making the Global Compacts Work: What future for refugees and migrants? Policy brief 6. Andrew and Renata Kaldor Centre for International Refugee Law and The Zolberg Institute on Migration and Mobility, Sydney.

Allinson, К., Р. Erdunast, Е. Guild и Т. Basaran

- 2019 GCM Commentary: The Legal Status of the UN's Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration in International and UK Law. University of London, School of Advanced Study, Refugee Law Initiative, RLI Blog on Refugee Law and Forced Migration, 31 January. Имеется по адресу <https://rli.blogs.sas.ac.uk/2019/01/31/gcm-commentary-the-legal-status/>.

Angenendt, S. и N. Biehler

- 2018 *On the way to a Global Compact on Refugees: the "zero draft" – a positive, but not yet sufficient step* (SWP Comments, 18/2018). Stiftung Wissenschaft und Politik -SWP- Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit, Berlin. Имеется по адресу <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-57406-2>.

Bauloz, С.

- 2017 *A Comparative Thematic Mapping of Global Migration Initiatives: Lessons Learned Towards a Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration*. IOM, Migration Research Leaders Syndicate in Support of the Global Compact on Migration, Geneva.

Betts, А.

- 2006 Comprehensive plans of action: Insights from CIREFCA and the Indochinese CPA. UNHCR, New Issues in Refugee Research, Working Paper No. 120.

Betts, А. и L. Kainz

- 2017 The History of Global Migration Governance. University of Oxford, Refugee Studies Centre, Working Paper Series No. 122, Oxford.

Carling, J.

- 2017 The Meaning of Migrants: What Is the Issue and Why Does it Matter? Имеется по адресу <https://meaningofmigrants.org/>.
- 2018 Three reasons for rejecting a "Global Compact for Most Migration". Имеется по адресу <https://jorgencarling.org/2018/03/11/three-reasons-for-rejecting-a-global-compact-for-most-migration/>.

Chetail, V.

- 2019 *International Migration Law*. Oxford University Press, Oxford.

- Chimni, B.S.
2018 Global Compact on Refugees: One step forward, two steps back. *International Journal of Refugee Law*, 30(4):630–634.
- Crisp, J.
2018 Mobilizing Political Will for Refugee Protection and Solutions: A Framework for Analysis and Action. World Refugee Council Research Paper No. 1, June, World Refugee Council and Centre for International Governance Innovation, Waterloo.
- de Haas, H.
2011 The Determinants of International Migration. Conceptualising Policy, Origin and Destination Effects. Working Paper No. 32, Oxford International Migration Institute.
- Dowd, R. и J. McAdam
2017 International cooperation and responsibility-sharing to protect refugees: What, why and how? *International and Comparative Law Quarterly*, 66(4):863–892.
- Duncan, H. и I. Popp
2017 Migrants and cities: Stepping beyond the *World Migration Report 2015*. In: *World Migration Report 2018* (M. McAuliffe and M. Ruhs, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2018-chapter-10-migrants-and-cities-stepping-beyond-world-migration>.
- Европейским союзом
2015 *Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: A European Agenda on Migration*. COM(2015) 240 final, 13 May.
- Faist, T.
2000 *The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces*. Oxford University Press, Oxford.
- Ferris, E.
2016 *In Search of Commitments: The 2016 Refugee Summits*. Andrew and Renata Kaldor Centre for International Refugee Law, University of New South Wales Sydney.
- Gallagher, A.T.
2018 *The Global Compact for Migration: What Happened? And What's Next?* Thomson Reuters Foundation News, 11 December. Имеется по адресу <http://news.trust.org/item/20181211095245-sgodq/>.
- Gammeltoft-Hansen, T.
2018 The normative impact of the Global Compact on Refugees. *International Journal of Refugee Law*, 30(4):605–610.
- Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration
2018a Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration. Zero draft, 5 February.
2018b Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration. Draft Rev. 2, 28 May.

Global Migration Group (GMG)

n.d. Terms of Reference. Имеется по адресу https://globalmigrationgroup.org/system/files/uploads/documents/Final_GMG_Terms_of_Reference_prioritized.pdf.

Hansen, R.

2018 The Comprehensive Refugee Response Framework: A Commentary. *Journal of Refugee Studies*, 31(2):131–151.

Hathaway, J.C.

2018 The Global Cop-Out on Refugees. *International Journal of Refugee Law*, 30(4):591–604.

Huxley, J.

2007 When a boat came in. The First Wave: Beyond a White Australia. Имеется по адресу www.smh.com.au/multimedia/misr/story.html.

Международной организацией по миграции (МОМ)

2015 *World Migration Report 2015*. IOM, Geneva. Имеется по адресу http://publications.iom.int/system/files/wmr2015_en.pdf.

Kaufmann, E.

2017 Why Values, not Economics, Hold the Key to the Populist Right – and to Crafting New Migration Narratives. In: *Migration Research Leaders' Syndicate: Ideas to Inform International Cooperation on Safe, Orderly and Regular Migration* (M. McAuliffe and M. Klein Solomon, eds.). IOM, Geneva, p. 183.

Khadria, B.

2017 Statement by Professor Binod Khadria, Thematic Expert of the Second Informal Thematic Session Global Compact for Migration (GCM) for Safe, Orderly and Regular Migration. United Nations, New York, 22–23 May. Имеется по адресу https://refugeesmigrants.un.org/sites/default/files/t2_p3_binodkhadria.pdf.

Klein Solomon, M. и S. Sheldon

2018 The Global Compact for Migration: From the Sustainable Development Goals to a Comprehensive Agreement on Safe, Orderly and Regular Migration. *International Journal of Refugee Law*, 30(4):584–590.

Legomsky, S.H.

2003 Secondary refugee movements and the return of asylum seekers to third countries: The meaning of effective protection. UNHCR, Legal and Protection Policy Research Series, PPLA/2003/01, February.

Leone, F.

2018 “Sea Change” Refugee Compact Discussed in New York. IISD, SDG Knowledge Hub, 28 June. Имеется по адресу <https://sdg.iisd.org/news/sea-change-refugee-compact-discussed-in-new-york>.

Макоои, В.

2018 Why is the Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration being challenged in Europe? *Info Migrants*, 3 December. Имеется по адресу www.infomigrants.net/en/post/13634/why-is-the-global-compact-for-safe-orderly-and-regular-migration-being-challenged-in-europe.

Martin, S.

- 2014 International Migration, Evolving Trends from early Twentieth Century to Present. Cambridge University Press, Cambridge. Имеется по адресу www.cambridge.org/core/books/international-migration/60893845597CB52B99F9C3ECC72199ED.

Martin, S. и S. Weerasinghe

- 2017 Global Migration Governance: Existing Architecture and Recent Developments. In: *World Migration Report 2018* (IOM). Geneva, chapter 5. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2018-chapter-5-global-migration-governance-existing-architecture-and>.

Massey, D.S., J. Arango, G. Hugo, A. Kouaouci и A. Pellegrino

- 1998 *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*. Oxford University Press, Oxford.

McAuliffe, M.

- 2016 The application of migration. A million migrants? There are apps for that. Asia and the Pacific Policy Society, Apps Policy Forum, 20 January. Имеется по адресу www.policyforum.net/the-appification-of-migration.

McAuliffe, M. и A.M. Goossens

- 2018 Regulating international migration in an era of increasing interconnectedness. In: *Handbook of Migration and Globalisation* (A. Triandafyllidou, ed.). Edward Elgar Publishing, Cheltenham/Northampton, pp. 86–104.

McAuliffe, M., A.M. Goossens и A. Sengupta

- 2017 Mobility, migration and transnational connectivity. In: *World Migration Report 2018* (M. McAuliffe and M. Ruhs, eds.). IOM, Geneva, pp. 149–169. Имеется по адресу <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2018-chapter-6-mobility-migration-and-transnational-connectivity>.

McAuliffe, M. и D. Jayasuriya

- 2016 Do asylum seekers and refugees choose destination countries? Evidence from large-scale surveys in Australia, Afghanistan, Bangladesh, Pakistan and Sri Lanka. *International Migration*, 56(4):44–59. Имеется по адресу <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/imig.12240>.

McAuliffe, M., A. Kitimbo, A.M. Goossens и A. Ahsan Ullah

- 2017 Understanding migration journeys from migrants' perspectives. In: *World Migration Report 2018* (M. McAuliffe and M. Ruhs, eds.). IOM, Geneva Имеется по адресу http://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2018_en_chapter7.pdf.

Mudde, C.

- 2019 Why copying the populist right isn't going to save the left. *The Guardian*, 14 May.

Ndonga Githinji, E. и T. Wood

- 2018 Prospects for the Global Compacts in Africa: Combining International Solidarity with Home-grown Solutions. *International Journal of Refugee Law*, 30(4):699–703.

- Nebehay, S.
2015 U.N. expects Europe's refugee flow to top 1 million in 2015. Reuters, 5 November. Имеется по адресу www.reuters.com/article/us-europe-migrants-un-idUSKCN0SU1F320151105.
- Newland, K.
2010 The Governance of International Migration: Mechanisms, Processes, and Institutions. *Global Governance*, 16(3):331–343.
2011 Cooperative arrangements to share burdens and responsibilities in refugee situations short of mass influx. Discussion paper prepared for a UNHCR Expert Meeting on International Cooperation to Share Burdens and Responsibilities, 27–28 June.
2018 The Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration: An Unlikely Achievement. *International Journal of Refugee Law*, 30(4):657–660.
- Newland, K. и A. Riester
2018 *Welcome to Work? Legal Migration Pathways for Low-Skilled Workers*. Migration Policy Institute, Washington D.C.
- Siegfried, M.
2017 New refugee framework “dead in the water” without more international support. *The New Humanitarian* (formerly IRIN News), 10 July. Имеется по адресу www.irinnews.org/analysis/2017/07/10/new-refugee-framework-dead-water-without-more-international-support.
- Triandafyllidou, A.
2017 Beyond Irregular Migration Governance: Zooming in on Migrants' Agency. *European Journal of Migration and Law*, 19(1).
- Türk, V.
2018 The promise and potential of the Global Compact on Refugees. *International Journal of Refugee Law*, 30(4):575–583.
- Организация Объединенных Наций
2018 Implementation Will Be Ultimate Proof of Success, Deputy Secretary-General Tells Delegates in Talks on Global Compact for Migration. Press Release. 7 June. Ref DSG/SM/1183-DEV/3338.
- Департамент Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН)
1998 *Рекомендации по статистике международной миграции. Первое пересмотренное издание*. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк. Имеется по адресу https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/SeriesM_58rev1R.pdf.
- Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), Multi-Partner Trust Fund Office
2019 Start-Up Fund for Safe, Orderly and Regular Migration. Migration Multi-Partner Trust Fund, Terms of Reference. May 2019. Имеется по адресу <http://mptf.undp.org/factsheet/fund/MIG00>.
- Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций (ГА ООН)
2016 Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 19 сентября 2016 года. A/RES/71/1.

- 2017a Доклад Специального представителя Генерального секретаря по вопросам миграции. Записка Генерального секретаря. 3 февраля. [A/71/728](#).
- 2017b Реализация целей миграции на благо всех. Доклад Генерального секретаря. 12 декабря. [A/72/643](#).
- 2018a Проект итогового документа Конференции, Межправительственная конференция для принятия глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Записка Председателя Генеральной Ассамблеи. 30 июля. [A/CONF.231/3](#).
- 2018b Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. Часть II: Глобальный договор о беженцах. [A/73/12 \(Part II\)](#).
- 2019 *Формат и организационные аспекты работы форумов по рассмотрению проблем международной миграции*. [A/73/L.99](#), 15 июля.

United Nations Network on Migration

- 2018 Terms of Reference. Имеется по адресу www.migrationnetwork.un.org/sites/default/files/docs/UN_Network_on_Migration_TOR.PDF.

Zalan, E.

- 2018 EU in sudden turmoil over UN Migration Pact. *EU Observer*, 4 December. Имеется по адресу <https://euobserver.com/migration/143597>.

Zimonjic, P.

- 2018 Ex-Harper minister calls out Scheer over 'factually incorrect' statement on UN migration pact. CBC News, 5 December. Имеется по адресу www.cbc.ca/news/politics/alexander-scheer-trudeau-un-compact-1.4932698.

Международная организация по миграции
17 route des Morillons, P.O. Box 17 1211 Geneva 19 Switzerland
Тел.: +41 22 717 9111 • Факс: +41 22 798 6150
Электронная почта: hq@iom.int • Веб-сайт: www.iom.int

